

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

श्री महाभारतं

भीष्मपर्व

МАХАБХАРАТА

КНИГА ШЕСТАЯ

БХИШМАПАРВА, ИЛИ КНИГА О БХИШМЕ

Издание подготовил
В.Г. ЭРМАН

Научно-издательский центр
«Ладомир»
«Наука»
Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*В.Е. Багно, В.И. Васильев, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Н.Я. Дьяконова, Б.Ф. Егоров (заместитель председателя), Н.Н. Казанский,
Н.В. Корниенко (заместитель председателя), Г.К. Косиков, А.Б. Куделин,
А.В. Лавров, И.В. Лукьянец, А.Д. Михайлов (председатель), Ю.С. Осипов,
М.А. Островский, И.Г. Птушкина, Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь), А.К. Шапошников,
С.О. Шмидт*

Ответственный редактор
С.А. Невелева

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 07-04-16213д*

© В.Г. Эрман. Перевод, предисловие, статья, комментарии, 2009.

© С.Д. Серебряный. Статья, 2009.

© Научно-издательский центр «Ладомир», 2009.

ISBN 978-5-86218-402-0

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Более полвека назад было положено начало публикации первого полного русского перевода «Махабхараты», осуществляемого по новому критическому изданию, предпринятому в Пуне коллективом индийских ученых. Первые две книги были изданы в 1950 и 1962 гг. В.И. Кальяновым, продолжившим затем эту работу. К 1993 г. им были опубликованы переводы четвертой, пятой, седьмой и девятой книг. В 1987 г. вышел комментированный перевод третьей книги («Араньякапарвы»), осуществленный Я.В. Васильковым и С.Л. Невелевой. Затем, в 1990 и 1998, 2003 и 2005 гг., последовали издания принадлежащих тем же авторам переводов восьмой, десятой и одиннадцатой книг, а также с четырнадцатой по последнюю, восемнадцатую. Таким образом, к настоящему времени полностью закончен перевод первой из трех основных частей эпоса (книги 1—5). С выходом шестой книги завершается издание русского перевода и второй — центральной — его части (книги 6—11). После опубликования Я.В. Васильковым и С.Л. Невелевой перевода еще пяти книг «Махабхараты» — с четырнадцатой и по завершающую, восемнадцатую, остаются непереверденными две крупные книги — двенадцатая и тринадцатая, которые содержат поучение Бхишмы, лежащего на смертном одре.

При работе над переводом шестой книги «Махабхараты» и комментариями к ней мы ориентировались на современные достижения в интерпретации текста этого древнего памятника и старались придерживаться переводческих принципов, выработанных Я.В. Васильковым и С.Л. Невелевой¹. В настоящем издании, которое мы рассматриваем как продолжение общей работы, допущены лишь незначительные, чисто формальные отклонения от этих принципов.

Особые трудности возникают при переводе «Бхагавадгиты», знаменитой религиозно-философской поэмы, входящей в «Бхишмапарву». Терминология излагаемой в «Бхагавадгите» системы философских взглядов (которую принято называть «эпической санхьей» или «санхья-йогой») отражает стадию становления данной системы. Заметим, что из предшествующих переводов «Бхагавадгиты» можно выделить как представляющие диаметрально противоположный подход к обозначенной проблеме английский перевод Ф. Эджертона 1944 года² (остающийся одним из лучших, на наш взгляд) и русский — В.С. Семенцова³ (во многих отношениях образец творческого подхода к переводу). Если Эджертон последовательно переводит все термины без исключения (более того, сохраняя избранный эквивалент санскритского термина во всех контекстах), то Семенцов очень многие оставляет без перевода — в русской транслитерации. Перевод Семенцова преследует художественные цели и местами передает значение текста оригинала относительно вольно; избранный стиль перевода, как и сохранение без перевода санскритских терминов, здесь оправдывается

¹ Об общих для всех изданий этих авторов принципах прозаического перевода стихотворного эпического текста см. предисловие к переводу кн. 3 «Махабхараты»: Араньякапарва 1987: 9—10.

² См.: Bhagavad Gītā 1944.

³ Библиографию переводов других книг «Махабхараты» см. в наст. изд. на с. 423—425.

тем, что он опубликован как приложение к подробному исследованию, где читатель найдет необходимые разъяснения, и должен рассматриваться в единстве с ним, подразумеваемая предварительное ознакомление с этим своего рода расширенным «введением» к переводу.

Публикуемый в настоящем издании перевод «Бхагавадгиты» как части эпического свода следует в целом принципам, принятым для перевода всей «Махабхараты». Переводчик стремился к максимальной точности в передаче содержания подлинника. В этом отношении предлагаемый перевод существенно отличается от перевода Семенцова. Другое отличие состоит в том, что мы избираем принцип передачи большинства санскритских терминов терминами на языке перевода, более или менее близкими по смыслу к оригиналу, оставляя без перевода лишь некоторые слова, достаточно употребительные в отечественной индологической литературе. Таким образом, мы идем по стопам наиболее авторитетных переводчиков этого памятника на английский язык начиная с упомянутого уже Ф. Эджертон, а также Р. Зенера, который переводит все термины, иногда даже приводя несколько вариантов⁴, и Й.-А.-Б. ван Бейтенена⁵. Заметим, что среди переводов на другие языки этому же принципу следует эстонский перевод «Бхагавадгиты» Л. Мяля 1980 года. Разумеется, при чтении такого перевода следует всегда помнить об условности его в отношении любого термина; в наших комментариях содержание термина и толкования его у других переводчиков и исследователей всякий раз поясняются.

Читатель, знакомый с уже изданными переводами предшествующих книг «Махабхараты», заметит некоторые отклонения в написании родовых (по имени мифического родоначальника) имен и этнонимов; все такие имена мы сочли более последовательным писать с заглавной буквы: Кауравы как «потомки Куру», Пандавы, то есть «сыновья Панду», в отличие от «кауравы», «пандавы» в предшествующих изданиях; но там, где «кауравы» или «пандавы» обозначают не родовые имена, а сторонников одного из враждующих станов, мы также пишем их как нарицательные (см., напр., примеч. 8 к разделу «Песнь Господа»). Кроме того, названия некоторых мифологических персонажей, оставляемые обычно без перевода, мы переводим во избежание изобилия индийских названий (напр.: «совершенные» вместо принятого «садхьи», «странники небес» вместо «чараны»). Мы увеличили по сравнению с нашими предшественниками число переведенных эпитетов мифологических персонажей и эпических героев (напр., эпитет Бхимасены «Волчебрюхий» вместо принятого раньше «Врикодара»), но если эпитет у наших предшественников дается в переводе, мы, как правило, его у них заимствуем, чтобы избежать слишком большого разнобоя с ними. В остальном в нашем переводе читатель не найдет существенных расхождений с правилами написания имен и терминов, принятыми в русских переводах других книг «Махабхараты».

Переводчик выражает благодарность всем своим коллегам, принимавшим участие в обсуждениях перевода на кафедре индийской филологии СПбГУ: Е.К. Бросалиной, Н.В. Гурову, Вл.П. Иванову и др. Их ценные замечания и предложения способствовали успешному завершению работы. Переводчик особенно признателен А.В. Парибку, частично редактировавшему перевод «Бхагавадгиты», Я.В. Василькову и С.Л. Невелевой, которые участвовали в упомянутых обсуждениях и своими комментированными переводами эпоса дали важные ориентиры; также особую благодарность автор предлагаемого перевода хотел бы выразить московскому индологу С.Д. Серебряному, оказавшему неоценимую помощь в работе над «Бхагавадгитой».

⁴ См.: Bhagavad Gītā 1969.

⁵ См.: Buitenen 1981.

МАХАБХАРАТА

КНИГА О БХИШМЕ (БХИШМАПАРВА)

ТЕКСТ

МАХАБХАРАТА

КНИГА О БХИШМЕ (БХИШМАПАРВА)

ТЕКСТ

ПРОТЯЖЕНИЕ МАТЕРИКА ДЖАМБУ

Глава 1

Джанамеджая сказал:

Как сражались герои — куру, Пандавы, Сомаки и [другие] цари, мужи 1
великих судеб, сошедшиеся из разных стран?

Вайшампаяна сказал:

Как сражались герои — куру, Пандавы и Сомаки — на Поле Куру, на 2
Поле Подвижничества¹, внемли, о владыка земли.

На Курукшетру явившись, Пандавы вместе с Сомаками двинулись на Ка- 3—6
уравов, жаждущие победы, великомощные; все [они], искушенные в чтении
Вед², приветствовали [грядущую] битву, надеясь на победу в [той] битве, либо
готовые пасть в сражении. И, угрожая трудноодолимому войску сынов Дхри-
тараштры, они расположились со [своими] воинами в западной части [поля],
обратившись лицом на восток. Окрест Самантапанчаки тысячи шатров по-
ставил по правилам сын Кунти Юдхиштхира.

И словно опустела вся земля, отданная во владение старым и малым, не 7—8
осталось на ней ни мужей, ни коней, покинули ее слоны и колесницы. Ибо
как солнце опалает круг Джамбудвипы³, так собрано было войско [со всей
страны], о лучший из царей.

На пространстве во много йоджан⁴ вокруг, по странам, по рекам, горам и лесам, 9—11
собрались отовсюду [люди] всех сословий; для них с их ездовыми животными
царь Юдхиштхира, о муж-бык⁵, назначил пропитание и корм самые лучшие. И
различные условные знаки определил для них всех Юдхиштхира, чтобы по та-
ким-то словам можно было узнать в противостоящем сторонника Пандавов.

И глава Кауравов оделил всех [своих воинов] опознавательными знаками, 12
пропусками и украшениями перед началом битвы.

Завидев верхушки знамен сыновей Притхи, духом надменный сын Дхрита- 13—19
раштры вместе со всеми [союзными] царями направил строй своих войск против
сынов Панду. Узрев среди тысячи слонов окруженного братьями Дурьодхану с

желтым зонгом⁶ над головой, возрадовались все воины Пандавов и тысячами все затрубили в большие раковины⁷ и забили в барабаны. Тогда, видя своего войска ликование, Пандавы тоже возрадовались сердцем, и [с ними] мужественный Васудева. Тогда Васудева и Завоеватель богатств, мужи-тигры, на колеснице стоя, затрубили оба, радуя [своих] воинов, в чудесные раковины; заслышав рев обеих раковин — Панчаджаньи и Девадатты, — воины с ездовыми животными стали испражняться и мочиться [непроизвольно]. И как содрогаются, заслышав ревушего льва, прочие звери, так же [содрогнулась] тогда и рать сынов Дхритараштры.

20—25 Взметнулась пыль с земли, [так что] ничего не стало видно, и солнце затмилось, окутанное пылью, [поднятой] войсками. И туча из мяса и крови обрушила ливни на все те войска, и как чудо то было. Задул тут над землю ветер, несущий щебень и сеющий пыль, и поразил войска. Оба войска тогда, о царь, как два бурных океана, стояли на Курукшетре, рвущиеся в битву, и чудна была встреча тех войск, словно [слияние] двух океанов при наступлении конца света⁸. Вся земля опустела, остались только старые и малые, других забрали в несметные рати потомки Куру.

26—34 Тогда куру, Пандавы и Сомаки согласились между собою и установили правила для сражающихся, о бык среди бхаратов. Чтобы по завершении боя относиться с приятнью друг к другу, как это было принято издавна и как подобает, и чтобы не было больше [никакого] коварства. На словесные выпады отвечать только словом и никоим образом не убивать того, кто вышел из гущи боя. Колесничному воину сражаться с колесничным, правящему слону — со слонем, коннику — с конником, а пехотинцу — с пехотинцем, о Бхарата; чтобы сражаться соответственно обстоятельствам, согласно мощи, согласно отваге, согласно возрасту, бросив [предварительно] вызов, [но] не наносить удара доверившемуся или отчаявшемуся, никоим образом не разить схватившегося с другим, зазевавшегося, повернувшегося спиной, обезоруженного, не одетого в доспехи; не разить никоим образом ни колесничих, ни лошадей, ни оруженосцев, ни трубачей с барабанищиками. И, заключив такое соглашение, куру, Пандавы и Сомаки исполнились великого восторга, смотря друг на друга. Расположившись [друг против друга], возликовали те великие мужи-быки, радостные душою, вместе со [своими] воинами.

Глава 2

Вайшампаяна сказал:

1—3 Тогда, видя, как сменяются утренние сумерки вечерними, благословенный провидец, из всех знатоков Вед наилучший, Вьяса, сын Сатьявати, дед бхаратов, очевидец, вьявь прозревающий грядущую ужасную битву, владыка, ведающий прошлое, настоящее и будущее, так молвил наедине царю, потомук Вичитра-

вири, печалаящемуся, страждущему, размышляющему о злой участи [своих] сыновей.

Вьяса сказал:

О царь, пришел срок [твоим] сыновьям и другим властителям земли; сойдясь в сражении, они истребят друг друга. И, зная, что срок исполнился для них, Времени подвластных и обреченных гибели, о Бхарата, да не предашься ты печали. Если ты хочешь видеть это сражение, о владыка народов, что ж, я дарую тебе зрение, следи за битвой сей. 4—6

Дхритараштра сказал:

Не по душе мне видеть убиение родичей, о лучший из мудрецов-брахманов, но властью твоею да услышу я все в подробностях об этой битве. 7

Вайшампаяна сказал:

И раз не хотел он видеть битву, но хотел слышать о ней, милостивый владыка даров милость даровал Санджае. 8

Вьяса сказал:

Вот Санджая и расскажет тебе об этой битве, о царь. Ничто в сражении этом не останется от него сокрытым. Наделенный чудесным зрением, Санджая поведаст тебе о битве, о царь, сам он будет все о [ней] знать. Явное ли, тайное ли, произошедшее ночью или днем, или помысленное в уме — все будет ведать Санджая. Не поразит его оружие, не изнурит его усилие; живым выйдет из этой битвы сын Гавальганы. И я распространю славу тех куру и пандавов всех, о бык среди бхаратов, не печалься. Издревле предопределено это, потому не предавайся печали. И предотвратить это невозможно; на чьей стороне правда⁹, на той и будет победа. 9—14

Вайшампаяна сказал:

Молвив так, благословенный дед царевичей рода Куру вот что еще сказал могучерукому Дхритараштре: «Великое побоище будет в этом сражении, о великий царь! Ибо вижу я грозные знамения. Коршуны, стервятники, вороны и цапли собираются стаями, слетаются и сбиваются вместе на лесных опушках; и предвкушают престокою битву обрадованные птицы. Плотоядные твари будут пожирать мясо слонов и коней. Журавли, предчувствующие грядущий ужас, испускают жуткие хриплые крики и слетаются отовсюду, вместе направляясь к югу¹⁰. И на рассвете, и в сумерках, и на восходе, и на закате вижу я теперь постоянно, о Бхарата, как мрачные тучи прикрывают солнце. На заре заволакивают светило трехцветные облака, белые и красные по краям, черные посередине, мечущие молнии. И вижу я, как сливаются в сутках день и ночь 15—33

неразлично, когда пылают и солнце, и луна, и звезды, — гибель это предвещает. Лишившаяся блеска, неразличима стала луна, цвета огня, на небосклоне того же цвета — даже в ночь полнолуния месяца карттика¹¹. Уснул, усеяв [телами своими] поле, сраженные мужи, властители земли, цари и царевичи, герои, чьи руки крепки, как крепостные засовы. Ночью в поднебесье вижу я всякий раз вепря и крысу, с ужасными воплями сражающихся друг с другом. Статуи богов содрогаются и смеются, на них выступает пот, кровь извергается изо рта, и они рушатся наземь. Барабаны бьют сами собой, о владыка народов, и большие колесницы кшатриев¹² движутся, незапряженные. Кукушки, дятлы, сойки, стервятники и попугаи, журавли и павлины издают страшные крики. На заре являются сотнями, подобно рою саранчи, всадники на конях, одетые в доспехи, с оружием и снаряжением в руках. На рассвете и на закате полыхают страны света, падает кровавый дождь и дождь [человеческих] костей, о Бхарата! И даже Арундхати¹³, о царь, та, что прославлена в трех мирах и чтится благочестивыми, покидает своего Васиштху. Планета Шанайшчара¹⁴, о царь, остановилась в созвездии Рохини, подавляя его; пятно на луне¹⁵ скрылось. Великий страх грядет. С безоблачного неба слышится непрерывно гром, великий ужас наводящий, ездовые животные плачут, проливая слезы».

Глава 3

Вьяса сказал:

1—9 У коров рождаются ослы, сыновья совокупаются с матерями, деревья в лесу приносят плоды и цветут не по времени года. Забеременевшие женщины, дочери царей, рожают чудовищных хищных птиц, шакалов и других зверей. Трехногие, четырехглазые, пятиногие, с двумя детородными членами, с двумя головами, с двумя хвостами, клыкастые, рождаются зловредные твари с разверстыми пастьями, испускающие зловещие крики, также трехногие павлины, рогатые орлы с четырьмя клыками. И такие являются в городе твоём жены знатоков святого Слова, что рожают солнечных птиц и павлинов¹⁶. Кобыла рождает теленка, собака — шакала, о владыка земли, а майны — куропадок и попугаев, молвящих недоброе. Некоторые женщины рожают четырех-пять девочек разом, и те, едва родившись, пляшут, поют и хохочут; у простого народа озорные грудные младенцы танцуют и распевают в воровских притонах, предвещая великую угрозу. Некоторые же дети рисуют вооруженных людей и, побуждаемые Смертью¹⁷, нападают, воюя, друг на друга с палками в руках, строят крепости и осаждают их.

10—17 На деревьях вырастают белые и голубые лотосы и лилии, дуют свирепые ветры со всех сторон, и не улегается пыль. Постоянно содрогается земля, и

Раху поглощает солнце. Белая планета¹⁸ стоит в небе, миновав созвездие Читра. Она-то в особенности предвещает гибель куру. Необычайно грозная комета, вторгшись в созвездие Пушья, появляется на небе. Великая планета¹⁹ принесет ужасное несчастье обеим ратям. Ангарака²⁰ отклоняется к звездам Магха, и к Шраване — Брихаспати. Сын Солнца²¹ угнетает созвездие Бхагья, напад на него. Поднявшись к переднему созвездию Подножья Скамьи²², о владыка народов, Шукра обходит заднее и, сблизившись с ним, на него взирает. Темная планета²³, пылая, в дыму и в огне, останавливается, миновав блистающее созвездие Индры — Джьештху²⁴. Дхрува, грозно пылая, обращается справа налево. Жестокая планета²⁵ восходит между Читрой и Свати; двигаясь вспять, Краснотелый, огнем сверкающий, огибает Брахмараши и утверждается в созвездии Шравана.

Всякого рода злаками покрывается плодородная земля. Вырастают пятиглавый ячмень и стоглавый рис²⁶. Лучшие из всех существ, на коих держится этот мир, — коровы²⁷, когда их сосут телята, доятся кровью! Из-под плащей то и дело вырываются, сверкая, мечи, — видно, чует оружие грядущую битву! Блещут огнем оружие и вода, доспехи и знамена — будет великая гибель! С пылающим зевом кричат со всех сторон звери и птицы, о великой опасности оповещают. Птица с одним крылом, одним глазом и одной ногой парит в небе по ночам, страшно кричит во гневе, ежечасно призывая к кровопролитию.

Две планеты, излучающие багряное и розовое сияние, взошли, словно пылая огнем, но затмился свет великих Семерых мудрецов; на год утверждают обе — Брихаспати и Шани, — остановившись близ обоих созвездий Вишакха²⁸. Гневная планета, пылая, является, подобно комете, между Криттиками и первой накшатрой, затмевая блеском [небесные] тела; три первые накшатры все разом охватывает Будха, порождая великий страх²⁹. На четырнадцатую, на пятнадцатую ночь бывало раньше, на шестнадцатую, но я не помню, чтобы новолуние приходилось на тринадцатую ночь!³⁰ Солнце и луна оба поглощаются на тринадцатую ночь в один и тот же месяц, и в неурочное время³¹ будут удручать создания обе эти планеты.

Все страны света окутаны пылью, и песчаные дожди низвергаются всюду; ночью страшные зловещие тучи проливают потоки крови. И опять на четырнадцатую ночь темной половины месяца ужасным дождем падают [на землю] трупы, и в полночь им насыщаются жуткие ракшасы. Реки и ручьи текут вспять, наполненные кровью вместо воды, пенящиеся потоки ревут как быки, падают метеоры, сопровождаемые смерчами, при вспышках беззвучных молний. Сегодня по миновании ночи, на заре, солнце померкло в свете четырех пылающих метеоров, упавших с разных сторон. К солнцу обращаясь, вещают великие мудрецы³², что напьется земля крови тысяч властителей земли. Ты-

сячекратно раздаётся гром великий от Кайласы с Мандарой, также от горы Химавана, и рушатся их вершины. При землетрясении великие стихии³³ затопляют берега каждого из четырех океанов, снова и снова их волнует. Дуют свирепые ветры, несущие щебень, выкорчевывая деревья; рушатся священные деревья в селах и городах. Огонь, в который брахманы совершают жертвенные возлияния, становится желтым, красным, синим, пламя отклоняется влево, оно издает трупный запах, густо дымится, и треск его подобен крику осла³⁴. Чувства осязания, обоняния и вкуса извращаются, о владыка земли!

39—42

Знамена царей дымятся, колеблются снова и снова, из литавр и барабанов сыплется дождем раскаленные угли. Злые стервятники реют над кровлями дворцов и городскими воротами, описывая круги справа налево. «Кар-кар!» — громко кричат вороны и садятся на верхушки знамен, предвещая гибель царям. Тысячами кони и слоны, понурые, чующие недоброе, машут, дрожа, хвостами и рыдают.

43

Теперь, когда ты знаешь [все] это, решай, господин, в должное время, что делать, чтобы этот мир не пришел к истреблению, о Бхарата!

Вайшампаяна сказал:

44—46

Выслушав эту речь отца, Дхритараштра молвил так: «Что предопределено изначально, то свершится, я думаю, несомненно. И если воины, следуя воинскому долгу, падут в сражении, они обретут [небесное] царство героев и достигнут тогда чистого блаженства. Славу здесь и великое счастье в мире том на долгое время обретут мужи-тигры, когда отдадут жизни свои в великой битве».

Глава 4

Вайшампаяна сказал:

1—9

Когда сказал ему так сын его Дхритараштра, поистине в глубокое размышление погрузился мудрец, глава провидцев, о лучший из царей! И опять молвил слово великий подвижник, учение о Времени вещающий: «Время разрушает вселенную, нет сомнения, о владыка властителей земли, но оно же вновь создает миры, нет здесь ничего вечного. Поэтому укажи праведный путь родичам своим и куру, близким и друзьям, ведь ты можешь их удержать. Подлым считается убийство родичей. Не делай неприятного мне. Это, воистину, Время само воплотилось в образе сына твоего, о владыка народов! Убийство не восхваляется в Веде, оно никогда не было благом. Кто наносит удар закону рода, тот наносит удар собственному телу. Рок³⁵ толкает тебя на неверный путь, меж тем как ты способен следовать правильным путем. Да избежешь ты этой беды, по-

стигшей тебя во образе царства, той, что приведет к гибели [твоего] рода и царей. Враг лишил тебя разума. Наставь сыновей [своих] в законе! Зачем тебе, о неприступный, царствование, приносящее страдания, вводящее тебя во грех? Охранив честь, закон и славу, ты достигнешь неба — пусть же получают царство Пандавы, пусть умиротворятся Кауравы!»

Когда первый из жрецов промолвил это, Дхритараштра, сын Амбики, от- 10
вергая речь [его], вновь на стезю речи вступил, красноречивый.

Дхритараштра сказал:

Что ведаешь ты, то и мне ведомо, ведаю я истину жизни и смерти. Но ведь, 11—13
когда речь идет о своей выгоде, помрачаются разумом миряне, я же, знай это, отче, — мирского духа человек. Я обращаюсь с мольбою к тебе, наделенному неизмеримой мощью! Ты, мудрый, — прибежище наше, наш наставник. Не подчиняются они мне, о великий провидец! Да не предашь ты меня за это позору. Ты ведь — Закон и Очиститель, Честь, Слава, Стойкость, Память, и ты — досточтимый дед Куру и Пандавов.

Вьяса сказал:

О царь, о сын Вичитравирьи, скажи мне открыто, что у тебя на душе, и я 14
развею твои сомнения.

Дхритараштра сказал:

О приметах, предвещающих победу в битве, обо всех, какие есть, я хочу по- 15
истине, о благословенный, услышать от тебя.

Вьяса сказал:

Блистающий ясно священный огонь, отбрасывающий свет кверху, бездым- 16—19
ный, с языками пламени, отклоняющийся вправо, когда веют чистые благоухания от возлияний, — это называют знаменем грядущей победы. Когда боевые трубы³⁶ и цимбалы издают глубокий гул и громкое звучанье, а солнце и месяц посылают ясные лучи — это называют знаменем грядущей победы. Благоприятны крики ворон, летящих из-за спины или собирающихся взлететь; если они — сзади, о царь, они ободряют в походе, те же, что [летят] навстречу, ему препятствуют. И когда ястребы, царские гуси, попугаи, каравайки и дятлы направляются над битвою вправо, издавая благозвучные крики, — жрецы говорят о верной победе.

Те, чьи войска блистают украшениями, латами, знаменами, а мужи их ясно- 20—30
лики, золотоцветны, так что трудно взирать на них, — побеждают врагов. Когда речи воителей радостны, о Бхарата, и сами они исполнены решимости, когда не вянут их венки — они одолевают в битве врагов. Попутный ветер — для

наступающего воинства, южное направление [ветра] — для готовящегося к нападению способствуют успеху [того, кто действует] на западе, но неблагоприятны [для того, кто] на востоке. Когда благими явлены звуки, образы, предметы вкуса, осязания и обоняния, когда постоянно веселы войны, победа им обеспечена. [Если] дуют благоприятные ветры, тучи и птицы летят в нужном направлении и туманы и радуга [появляются] там же — это признаки хорошие для побеждающих, о владыка людей, но они же имеют противоположное значение для обреченных смерти, о повелитель племен. И в малочисленном, и в великом войске бодрость воинов полагается верным знаменем победы. Один павший духом приводит в смятение даже очень большое войско, вслед за ним, павшим духом, теряют мужество и нахрабрейшие воины. Даже большую рать, когда она разбита, трудно удержать от бегства, как водную стремнину, как оленье стадо. И даже великое войско, о полководец, невозможно построить после того, как оно разбито; даже самые отважные воины приходят тогда в смятение. При виде тех, кто устранился и поражение потерпел, смятение возрастает все больше. И даже доблестные герои не могут остановить великое войско, о царь, когда оно разбито врагами наголову и бежит врассыпную.

31—32 Собрав великое войско четырех родов оружия³⁷ и на цели своей сосредоточившись, пусть изобретательно прилагает усилия мудрый властитель. Лучше всего достичь победы мирными средствами, на следующем месте — сеяние раздора [в стане врага], но худший вид победы — та, что достигнута в битве, о владыка народов. Великим грехом она почитается, крушением, пятном.

33—35 И всего пятьдесят отважных героев, если они сплочены, воодушевлены, самоотверженны и исполнены решимости, могут разгромить большое войско, и даже всего пятеро, шестеро или семеро неколебимых в бою мужей одерживают победу. Гаруда, сын Винаты, когда видел большое скопление супарн, не одобрял такой многочисленной свиты, о Бхарата. Не громадою войска одерживается победа, о Бхарата. Победа ведь неверна, и конечный исход зависит от судьбы. И даже победившие в битве несут потери.

Глава 5

Вайшампаяна сказал:

1—8 Молвив так мудрому Дхритараштре, Вьяса удалился. Дхритараштра же, выслушав это, предался размышлению. Всякий раз, о том помывшись, он вздыхать принимался снова и снова. К Санджае, твердому духом, обратился он, о бык среди бхаратов: «О Санджая, эти властители земли, герои, радующиеся битве, что ради обладания землею наносят друг другу удары оружием всякого рода, цари, не ведающие покоя, сражаются, не щадя своей жизни, и умножают насе-

ление обиталища Ямы. Желаящие обрести земное господство, они ненавидят друг друга. Я думаю, многими свойствами наделена земля; Расскажи мне об этом, о Санджая. Многие тысячи, и миллионы, и мириады, и тьмы³⁸ героев мира собрались на Поле Куру. И я хочу слышать поистине, о Санджая, как-о протяжение тех стран и городов, откуда они сошлись. Милостью Вясы, жреца-провидца, безмерного духом, ты наделен оком знания, просветленным божественной мудростью».

Санджая сказал:

Согласно знанию моему, о великомудрый, я расскажу тебе о свойствах земли, узри их, о бык среди бхаратов, ты, чье око — знание, слава тебе! 9

Двух родов существа в этом мире — подвижные и неподвижные. По происхождению подвижные бывают трех родов: рожденные из яйца, из влаги и живородящие. И лучшие из всех подвижных, о царь, — живородящие, а из живородящих главные — люди и животные³⁹, которые, будучи различны обликом, разделяются на четырнадцать видов, а именно: семь видов диких и семь видов домашних. Львы, тигры и вепри, буйволы, также слоны и медведи, и обезьяны — считаются семью видами диких, о царь, коровы, козы, люди, овцы, лошади, мулы и ослы — это семь видов домашних животных, как их обозначают добродетельные. Таковы четырнадцать видов диких и домашних животных, о царь, на которых основываются жертвоприношения по предписанию Вед, о властитель земли. Среди домашних лучший — человек, из лесных — лев. Все существа живут за счет друг друга. Неподвижными считаются растения — их пять родов: деревья, кустарники, лианы, ползучие растения и виды трав, держащиеся кожурою⁴⁰. [Итого] их двадцать без одного, [и еще воплощенные] в пяти стихиях, всего — двадцать четыре, в мире почитаемые под общим названием Гаятри⁴¹. И кто ведает эту священную Гаятри, наделенную всеми качествами, тот, о лучший из бхаратов, поистине не исчезает из мира. Ведь все рождается на земле, все исчезает в земле, земля — опора для существ, земля — конечный исход. Кому принадлежит земля, тому принадлежит мир — неподвижный и движущийся, — потому-то истребляют друг друга алчущие ее цари. *

Глава 6

Дхритараштра сказал:

Названия рек и гор, а также стран и иного, что находится на земле, и все о размерах земли, о ведающий размеры, и о лесах поведай мне полностью, о Санджая. 1—2

Санджая сказал:

3—11

Все вещи, имеющиеся в мире, о великий царь, мудрые определяют как слагающиеся в целом из пяти стихий⁴² — это земля, также вода, еще воздух, огонь и пространство; у каждой качеств на одно больше [или меньше, чем у другой], и главная из них — земля. Звук, осязаемость и образ, вкус и пятое — запах — такие качества земли называют провидцы, ведающие истину. Четыре качества у воды — у нее нет запаха, о царь. У огня — три качества: звук, осязаемость и образ; звук и осязаемость — у воздуха; у пространства — только звук. Эти пять качеств, о царь, существуют во всех мирах у пяти великих стихий, в коих — основа населенных миров. Они не взаимодействуют, когда существует равновесие, когда же входят взаимно в состояние неуравновешенности, то получают воплощение в телах, только так. Они разрушаются один за другим, они возникают в должной последовательности⁴³. Все они неизмеримы и тем воплощают в себе божество. А предметы, заключающие в себе пять стихий, наблюдаются там и здесь; люди рассуждением определяют их размеры. Но в действительности сущности эти непостижимы, и рассуждением их невозможно объяснить, [ибо] то, что за пределами природы, принадлежит непостижимому⁴⁴.

12—16

Я опишу тебе остров Сударшану⁴⁵, о ты, радость куру. Остров этот, о великий царь, — круглый, колесообразный. Он покрыт реками, и ручьями, и горами, подобными тучам, и разнообразными городами, а также прелестными селениями, цветущими и плодоносными деревьями; изобилующий сокровищами и злаками, он со [всех] сторон окружен соленым океаном. И как человек может зреть лик свой в зеркале, так остров Сударшана отражается в лунном диске. Две части там занимает Смоковница и две части — Великий Заяц. [Остров] тот богат повсюду разнообразием всяких растений, а остальное, да будет ведомо, — вода. Таково краткое описание.

Глава 7

Дхритараштра сказал:

1

Ты описал остров кратко, Расскажи [теперь] пространно, Санджая, о том земном пространстве, что отражается в луне, образом зайца отмеченной, Расскажи о его протяжении, а потом Расскажешь о Смоковнице.

Вайшампаяна сказал:

2—3

Когда царь сказал ему так, Санджая слово молвил: «Там простерлись [с запада] на восток, о великий царь, шесть драгоценных горных хребтов, с обеих сторон спускающиеся к восточному и к западному океанам: Химаван

и Хемакута, и Нишадха, лучшая из гор, и Нила из камней вайдурья⁴⁶, и Швета, сверкающая серебром, и гора под названием Шрингаван, исторгающая [из недр] все металлы.

И эти горы, о царь, посещаются совершенными существами и странниками небес⁴⁷. Расстояние же между ними — в тысячу йоджан. Там [расположены], о Бхарата, благие страны — варши, и живут в них повсюду существа различного рода. Это варша Бхараты, следующая за ней называется Хаймавата, а за Хемакутой — Хариварша. К югу от Нилы и к северу от Нишадхи простирается [с запада] на восток, о великий царь, гора, называемая Мальяван, за Мальяваном же — гора Гандхамадана, а между ними [высятся] круглая золотая гора Меру, блистающая, как утреннее солнце, подобная пламени без дыма.

Считается, что в глубину она уходит на шестнадцать тысяч йоджан, а в высоту поднимается на восемьдесят четыре [тысячи] йоджан, о владыка земли. Она стоит, осеняя миры, [простертая] ввысь, вовнутрь [земли] и в стороны. А подле нее расположены такие четыре острова⁴⁸, о владыка: Бхадрашва, Кетумала, Джамбудвипа, о Бхарата, и Северные Куру, обитель блаженных праведников. Там некогда орел Сумукха, сын Супарны, узрев золотых птиц, так помыслил: “Эта гора Меру не делает различия между высшими и средними и низшими пернатыми, и потому я ее покину!”⁴⁹ Солнце, повелитель светил, и Месяц с созвездиями, и Ветер все время обходят ее слева направо⁵⁰. Та гора, о великий царь, одаренная небесными цветами и плодами, покрыта блистающими дворцами из чистого золота, а там, на вершине, предаются постоянно развлечениям сонмы богов, о царь, гандхарвы, асуры и ракшасы с сонмами апсар. Там Брахма, и Рудра, и также Шакра, владыка богов, сходятся и совершают различные жертвоприношения со многими вознаграждениями⁵¹. И Тумбуру, Нарада, Вишвавасу, Хаха и Хуху, лучшие из бессмертных, следуя за ними, о властелин, поют [им] славу. “Да восславлю!” — [так восклицая], семеро мудрецов, великие духом, и Кашьяпа, Владыка созданий, приходят туда постоянно, благо тебе, в каждый день перемены луны. И на вершине той горы [пребывает] Ушанас Кавья с дайтьями, о владыка земли. На ней — эти драгоценности, на ней — эти драгоценные горные хребты. Властитель Кубера владеет четвертой долей от того богатства, и [лишь] ничтожную часть его он дарует людям.

На северной стороне ее на многих холмах высятся благой лес карникар⁵², где цветут цветы всех времен года, чудесный и прекрасный. Там въяве пребывает достославный Владыка тварей вместе с Умой, окруженный небесными духами⁵³, творец блага [живых] существ; на нем — гирлянда цветов карникара, ниспадающая до пят, и три ока его блистают, словно три солнца на восходе. Его зрят совершенные, предающиеся суровому подвижничеству, соблю-

4—9

9—21

22—25

дающие строго обеты, правдивые, но люди дурного поведения Великого Владыку видеть не могут.

- 26—28 С вершины той горы, о владыка людей, млечная река, ласкаемая руками Тридцати [богов], священная Ганга, что почитается святейшими, прекрасная дочь Бхагиратхи, неукротимым потоком с грозным ревом бури ниспадает в прекрасное Лунное озеро;⁵⁴ то священное озеро она же и образует, подобное океану. Искони ту [реку], которую даже горам нелегко выдержать, уже сто тысяч лет держит на голове Великий Владыка.
- 29—31 На запад же от Меру, о владыка земли, [расположена] Кетумала, и там же великий лес Джамбу, подобный [саду] Нандана. Там, о Бхарата, продолжительность жизни — десять тысяч лет, там — золотоцветные мужи и жены, подобные апсарам; не ведающие недугов и горя, постоянно радостные душою, рождаются там люди, [чьи тела] блещут, как расплавленное золото.
- 32—34 На вершинах Гандхамаданы Кубера, повелитель гухьяков, блаженствует вместе с ракшасами, окруженный сонмами апсар⁵⁵. От подножья Гандхамаданы по сторонам [в отдалении] — другие вершины. Продолжительность жизни там — одиннадцать тысяч лет, люди — темнокожие, о царь, наделенные отвагой, могучие, а жены все — необычайно красивы, [с телами] цвета лепестков лотоса.
- 35—38 За Нилой [расположена] Швета, за Шветой — Хайраньяка, за Шрингаваном — страна, называемая Айравата. Форму лука имеют две страны, о великий царь, [расположенные] на [крайнем] севере и на [крайнем] юге, а [между ними] — еще пять стран, [из которых] средняя — Илаврита⁵⁶. Из них каждая страна, [расположенная] севернее, превосходит [соседнюю] достоинствами — продолжительностью жизни и здоровьем обитателей, которые в тех странах тем одарены благодаря [соблюдению требований] долга, желанья и пользы⁵⁷, о Бхарата.
- 38—47 Так эта земля, о великий царь, разделена горами. Великая же гора Хемакута, где царь Вайшравана блаженствует с гухьяками, [носит также] имя Кайласа. К северу от Кайласы, близ горы Майнака [расположена] великая божественная гора Манимая с золотыми вершинами. Близ нее — великое озеро, называемое Биндусарас⁵⁸, дивное, прекрасное, восхитительное, с золотыми песками. Там царь Бхагиратха провел [некогда] многие годы, взирая на Гангу, [названную потом по имени его] — Бхагиратхи. Там — драгоценные жертвенные столбы и золотые основания для погребальных костров, там, совершая жертвоприношения, достиг своей цели Тысячеокий многославный, где, сотворив все миры, предвечный Владыка духов, сошедшимися духами окруженный, приемлет, грозный, их поклонение; там — Нара с Нараяной, Брахма, Ману и пятым [с ними] — Стхану, там же изначально пребывает богиня, минующая три мира на своем пути⁵⁹. Покидая мир Брахмы, она разделяется на семь [по-

токов]: Васвокасара, Налини, очистительная Сарасвати, Джамбунади, Сита, Ганга и седьмой — Инд⁶⁰. Непостижимая, [созданная] по предначертанию Владетелина божественною волей, Сарасвати, на которой великие жертвоприношения совершаются по истечении тысячи юг, бывает то зрима, то незрима, [появляясь] здесь и там⁶¹. Таковы эти семь божественных Ганг, прославленные в трех мирах.

А на Химаване [обитают] ракшасы, на Хемакуте же — гухьяки, на Нишадхе — змии и наги, а на Гокарне — подвижники. Гора Швета считается обителью богов и асуров, гандхарвы [живут] на вершине Нишадхи, брахманы-мудрецы на Ниле, о государь, Шрингаван же, о великий царь, — убежище предков⁶². 48—49

Таковы, о великий царь, эти семь стран [каждая] по отдельности, и населяют их существа движущиеся и недвижимые⁶³. Разнообразным представляется их богатство, созданное судьбою и людьми, которое исчислить невозможно, но в которое верить должен каждый, желающий [себе] блага. 50—51

Что же касается той чудесной [страны], имеющей очертания зайца, о которой ты спрашивал меня, о царь, по обе стороны от [этого] Зайца к северу и к югу [расположены] две варши; уши же его [образуют] Нагадвипа и Кашьяпадвипа, а голову, о царь, — величаявая медно-красная гора Малайя. Так выглядит вторая часть материка, имеющая форму зайца». 52—53

Глава 8

Дхритараштра сказал:

Расскажи мне все, о Санджая, о [странах] к северу и к востоку от Меру и 1
о горе Мальяван, о великомудрый.

Санджая сказал:

К югу от Нилы и примыкая с севера к Меру [расположена страна] Се- 2—11
верных Куру, о царь, населенная [людьми] совершенными. Там деревья дают сладкие плоды, и цветы и плоды растут на них постоянно; цветы [их] благоуханны и плоды сочны. Некоторые деревья там, о владыка людей, дают плоды, [исполняющие] все желания, и другие там есть деревья, о владыка мужей, называемые млечными, которые постоянно источают млечный сок [всех] шести вкусов⁶⁴, подобный амрите⁶⁵, а как плоды они рожают одеяния и драгоценности. Земля там, о владыка людей, вся выложена драгоценными камнями и покрыта тончайшим золотым песком, повсюду она приятна для прикосновения и нигде не загрязнена, о владыка людей. Все люди рождаются там, изшедшие из мира богов⁶⁶, наделенные в равной мере красотой и [другими]

достоинствами в благие и неблагие времена⁶⁷. Они рождаются четами, женщины их подобны апсарам, и они пьют молоко тех млечных деревьев, подобное амрите. [Каждая] чета, родившись, возрастает одинаково, наделенная равными красотой и достоинствами и одинаковой одеждою; [оба супруга] преданы друг другу, как птицы чакраваки⁶⁸, о повелитель. Не ведая недугов, не зная печали, всегда радостные душою, десять тысяч и десять сотен лет живут они там, о великий царь, [никогда] не покидая друг друга. Там птицы, называемые бхарунда, остроклювые, могучие, уносят всех умерших и сбрасывают их в горные ущелья.

12—17 О Северных Куру я рассказал тебе вкратце, о царь, теперь расскажу все как есть о [странах] к востоку от Меру. Первою освящена была Бхадрашва, о владыка народов, где есть лес Бхадрасала и великое дерево — Черное Манго. А на прекрасном Черном Манго, о великий царь, — всегда цветы и плоды. Материк же [тот] — высотой в йоджану, там обитают совершенные существа и странники небес, мужчины там светлы [лицом], отважны и могучи, женщины — цвета лотоса, красивы, прелестны, блистают, как свет луны, и лица их — как полная луна, тела прохладны, как лунные лучи, и они искусны в танце и пении. Продолжительность жизни там — десять тысяч лет, о бык среди бхаратов. Постоянно пьющие сок плодов Черного Манго, они сохраняют молодость.

18—25 К югу же от Нилы, к северу от Нишадхи стоит великое дерево Джамбу⁶⁹, вечное, называемое Сударшана, священное, плоды которого исполняют все желания, и его посещают совершенные и странники небес. По нему и получил имя вечный материк Джамбудвипа. На тысячу и сто йоджан, о бык среди бхаратов, висится тот царь деревьев, касающийся небес, о владыка людей. В обхвате это дерево — сто тысяч, десять и пять локтей, плоды на нем — различного вкуса и запаха. Падая на землю, они производят громкий звук и источают, о царь, серебристый сок. Сок плодов той яблони, о владыка людей, образует реку, которая, огибая Меру слева направо, течет в сторону Северных Куру. Люди пьют тот сок, о владыка людей, и пребывают в радости, и тех, кто пьет сок этих плодов, не удручает старость. Там находится золото, называемое джамбунада⁷⁰, украшения из которого [носят] боги. Люди там рождаются цвета утреннего солнца.

26—31 А на вершине Мальявана — там блистает священный огонь, называемый Свертывающий⁷¹, имя ему — Огонь Времени, о бык среди бхаратов. Там, на вершине Мальяван, тянется с востока цепь холмов. Мальяван же висится на пятьдесят тысяч йоджан. Люди там рождаются, словно серебряные, все — изошедшие из мира Брахмы и все — искушенные в Брахмане⁷². Хранящие целомудрие, становятся они, свершая подвиги, подвижниками и ради оберегания живых существ входят в Создателя дня⁷³. [Числом] шестьдесят тысяч

и шестьдесят сотен, они идут перед зарею к Создателю дня, его окружая. Шесть тысяч и шесть сотен лет палимые жаром солнца, они входят [затем] в диск луны.

Глава 9

Дхритараштра сказал:

Назови мне как есть названия тех стран и гор, о Санджая, и кто живет в 1
тех горах.

Санджая сказал:

К югу от Шветы и к северу от Нилы [расположена] страна, называемая 2—7
Раманака. Там рождаются люди благого рода, все очень красивые на вид, то есть люди рождаются там, преданные радости любви. Они живут, о великий царь, десять тысяч и еще десять и пять сотен лет, постоянно веселящиеся душой. На юг же от Шрингина и к северу от Шветы [лежит] страна под названием Хайранвата, где [протекает] река Хайранвати. Там живут почитатели якшей, о великий царь, богатые, могучие, красивые, о царь, всегда радостные душою; одиннадцать тысяч, о повелитель народов, и еще десять и пять сотен лет — длительность их жизни.

А у Шрингавана — три вершины, о повелитель людей, одна — из драгоценных камней, другая — золотая, дивная, и еще одна — из всяческих драгоценностей, блистающая чертогами [на ней]. И там постоянно обитает своим светом сияющая богиня Шандили. К северу же от Шринги до пределов океана, о повелитель племен, расположена страна, называемая Айравата, [сразу] за Шрингаваном. Там солнце не палит и люди не стареют, луна со звездами, ставшая там [главным] светилом, словно обволакивает ее [своим светом]. Светлые, как лотос, цвета лотоса, с глазами, подобными лепесткам лотоса, и благоухающие, как лепестки лотоса, рождаются там люди. Все они проворны, благоуханны, преданы посту, обузданы в чувствах и бесстрастны, изошедшие из мира богов, о царь. И живут те люди, о повелитель племен, в продолжение тридцати тысяч лет, о лучший из бхаратов. 8—14

И прямо к северу от Молочного океана пребывает властитель Хари Вайкунтха на золотой колеснице. Колесница же та — восьмиколесная⁷⁴, запряженная духами, скорая, как мысль, огнецветная, быстролетная, украшенная золотом джамбунада. Тот владыка, властитель всех существ, о бык среди бхаратов, суть Сжатие и Развитие [вселенной]⁷⁵, Деятель и Тот, кто побуждает к действию. Он — земля, воды, также эфир, воздух и пламя, о властитель земли, он — жертвоприношение для всех существ. Пожиратель жертвы⁷⁶ — его уста. 15—18

Вайшампаяна сказал:

9—21

Когда молвил ему так Санджая, Дхритараштра, высокий помыслив царь, впал в раздумье о сыновьях своих, о повелитель народов. Поразмыслив, он вновь, о великий царь, слово сказал: «Несомненно, о сын сугы⁷⁷, Время сокрушает вселенную и создает все снова. Нет здесь ничего вечного. [То он] — Нара и Нараяна, всеведущий, хранящий все существа. Вайкунтха и Веды, [также] Вишну — так именуют [нашего] Господа боги».

Глава 10

Дхритараштра сказал:

1—2

Об этой стране Бхараты, где та сила сосредоточилась, о ней, коей [владеть] жаждет безмерно сын мой Дурьодхана, коей домогаются сыны Панду и к коей устремляется моя мысль, расскажи мне все как есть, о Санджая, ты ведь сведущ [в этом].

Санджая сказал:

3—9

Не домогаются ее Пандавы, о царь, выслушай слово мое, домогаются ее Дурьодхана и Шакуни, сын Субалы, а также другие кшатрии, правители различных стран, которые жаждут овладеть варшей Бхараты и ненавидят друг друга. Я расскажу тебе о стране Бхараты, о потомок Бхараты, любимой стране Индры, и Ману, сына Вивасвана, и Притху, о царь, сына Вены, и также Икшваку, великого духом, Яяти, Амбариши, Мандхатара и Нахуши, также Мучунды, Шиби, сына Ушинары, также Ришабхи, сына Илы, и царя Нриги; и другим могучим кшатриям, о великий царь, мила страна Бхараты, о властелин царей, потомок Бхараты! Я расскажу тебе, о каратель врагов, об этой стране то, что слышал о ней, слушай, я поведаю тебе, о царь, то, о чем ты меня спрашивал.

10—35

Махендра, Малайя, Сахья, Шуктиман, Рикшаван, Виндхья и Париятра — это семь главных горных хребтов. А окрест — тысячами горы известные, драгоценные, огромные, с красивыми вершинами; и кроме них — другие, безвестные, малые, малонаселенные. Арии и млеччи⁷⁸, о Кауравья, и люди смешанного происхождения, владыка, пьют [там воду] из рек — широкой Ганги, Инда, Сарасвати, Годавари и Нармады, и великой реки Бахуды, Шатадру и Чандрабхаги, и великой реки Ямуны, Дришадвати и Випаши, Випагы, Стхулавалуки, также реки Ветравати и низвергающейся Кришнавены, Иравати, Витасты, Пайюшни и Девики тоже, Ведасмрити, Ветасини, Тридивы, Икшумалини, Каришини, Читравахи и Читрасены низвергающейся, Гомати, Дхугапапы и великой реки Ванданы, Каушки, Реки третьего неба⁷⁹, Критьи, Вичитры, Лохатарини, Ратхастхи, Шатакумбхи и Сараю, о владыка людей, Чарманвати, Вет-

равати, Хастисомы, а также Дилл, Шатавари и Пайюшни, и также далекой Бхаймаратхи, Кавери и Чулуки, Вапи, еще Шатабалы, Ничиры, Махиты, а также Супрайюги, о повелитель людей, Павитры, Кундалы, Синдху, Ваджини, Пурамалини, Восточной Абхирамы и Виры, Бхимы, также Огхавати, Палашини, Папахары, Махендры, Пиппалавати, Паришены и Асикни, Саралы, Бхарамардини, Пурухи, Правары, Мены, Могхи, также Гхритавати, чернейшей Дхуматьи и Сучи, и Чхави, о потомок Куру, Саданиры и Адхриши, великой реки Кушадхары, Шашиканты и Шивы, а также еще Виравати, Васту, Сувасту и Гаури, Кампалы с Хиранвати, Хиранвати, Читравати и низвергающейся Читрасены, Ратхачитры, Джьютиратхи, Вишвамитры, Капинджали, Упендры, и еще Бахулы, Кучары, Амбувахини, Вайнанди, Пинджалы, Венны, великой реки Тунгавены, Видиши, Черной Венны, и Тамры, и Капилы тоже, Шалу, Сувамы, Вешавы, Харисравы, большого потока, и Шигхры, и еще Пиччхалы, и низвергающейся Бхарадваджи, низвергающейся Каушики, Шоны да Бахуды, Чанданы, Дурги, и еще Антахшилы, Брахмамедхьи, Брихадвати, Чаракши, а также Махирахы, еще Джамбунади, Сунасы, Тамасы, Даси, Трасы и другой — Варанаси, и еще Лолодхритакары, и великой реки Пурнаши, Манапи, а также Вришабхи, великих рек, о повелитель племен, Саданирамайи, Вритьи, Мандаги, Мандавахини и Брахмани, Махагаури, и еще Дурги, о Бхарата, Читропалы, Читрабархи, прекрасной Макаравахини, Мандакини, Вайтарани, а также Коки, великой реки, Шуктимати и Араньи, Пушпавени-Утпалавати, Лохитьи и Каратои, а также Вришабхангини, Кумари, и Ришикульи, и Брахмакульи, о Бхарата, Сарасвати и всесвятой Ганги, о достойный, матерей всего и всех и все великие силы [в себе заключающих], а также из сотен и тысяч малоизвестных рек.

Таковы эти реки, о царь, которые я перечислил по памяти. Сверх этого узнай о странах, которые я назову⁸⁰. Там это — Куру-Панчалы, Шальвы, Мадреи и Джангалы, Шурасены и Калинги, Бодхи, а также Мауки, Матсьи, Сукутьи, Саубалы, Кунталы, Каши-Кошалы, Чеди-Ватсы и Каруши, Бходжи, Синдху-Пулиндаки, Уттамауджи и Дашарны, и Мекалы с Уткалами, Панчалы, а еще Каушиджди, Экаприштхи, Югандхары, Саудхи, Мадры и Бхуджинги, Каши и Дальние Каши⁸¹, Джатхары и также Куккуши и Судашарны, о Бхарата, Кунти, а также еще Аванти и Дальние Кунти, Говинды, Мантаки, Шанды, Видарбхи Прибрежные⁸², Ашмаки, Пансураштры, Гопараштры, Панитаки, Адираштры, Суккутты, и особо Балираштры, Ванарасьи⁸³ и Правахи, Вакры, Вакрабхаи, Шаки, Видехаки, и Магадхи, и Сухьи, также Виджайи, Анги, Ванги и Калинги, а также Якрилломаны, Маллы, Судешны, также Прахуты, Махишкаршики, Вахики и Ватадханы, Абхиры, Калатояки, и Апарандхры, и Шудры, Пахлавы, Чармакхандики, еще Лесные Шабары, и Марубхаумы⁸⁴, о почтенный, Рубленые и Нерубленые Сураштры⁸⁵, также Кекаи, Куттапаранты, Двайдхеи⁸⁶, Какши, Самудранишкуты и Андхры многонаселенные, о царь, также

Антаргирьи и Бахиргирьи, Анги да Малады, Магадхи, Манаварджаки, Махиутгары, Правришеи и Бхаргавы, о повелитель племен, Пундры, Бхарги и Кираты, Судошны и Прамуды, Шаки, Нишады, также Нишадхи, Анарта-Найрриты, Дулулы и Пратиматсьи, Кушалы, также Кунаты, Тираграхи, Таратон, Раджики, Расьякаганы, Тилаки, Парасики, Мадхуманы⁸⁷, Пракутсаки, Кашмиры, Синдху-Саувиры, Гандхары, также Даршаки, Абхисары и Кулуты, Шайвалы, также Бахлики, Дарвики, с Качами Дарвы, Ватаджама-Ратхораги и Бахувадьи, о Кауравья, Судаманы, Сумаллики, Вадхры и также Каришаки⁸⁸, также Кулинды Предгорья, Ваная, Дашапаршвы, Романы, Кушабинду, Болота и Пастушьи Болота⁸⁹, Лангалы, Дальние Валлаки, Кираты, Барбары, Сиддхи, Видехи, Тамралингаки, Оштры, Пундры, с Сайрандхрами Парватии, о почтенный, а также и другие южные страны, о бык среди бхаратов: Дравиды, Кералы, Восточные Бхушики, Ванавасины, Уннатьяки, Махишаки, Викальпы, а также Мушаки⁹⁰, Карники и Кунтики, Саудбхиды, Налакалаки, Каукуттаки, Чолы, Конканы, Малаванаки, Саманги и еще Копаны⁹¹, Кукурунгада-Мариши, Дхванджини-утсава-санкеты, Тригарты, Сарвасени, Трианги, Кекараки⁹², Проштхи, Парасанчараки, также Виндхья-пулаки, Пулинды с Калкалами, Малаки и еще Маллаки, также Апаравартаки, Кулинды, а также Кулаки, Карантхи, также Кураки, Мушаки и Станабалы, Сатия, Паттипанджаки, Адидай, Сиралы, Стубаки, также Станапы⁹³, Хриши-Видарбхи⁹⁴, Кантики, Танганы, Дальние Танганы, и еще северные варварские племена⁹⁵, о лучший из бхаратов: яваны с камбоджами, свирепые роды варваров, сакшаддрухи и кунталы, гунны вместе с паратаками, также марадхи, также чины, дашамалики и [среди них] обитающие кшатрии и роды вайшьев и шудр. Также шудры-абхиры, дарады, кашмиры со стадами, и кхашики, и тохары, паллавы, гиригахвары⁹⁶, Атреи с Бхарадваджами, также станайошки, аупаки и калинги, и племена киратов, тамары и хансамарги⁹⁷, а также карабханджаки.

68—74

Я поведал тебе только о названиях стран, о властелин. Земля же, если ею хорошо управляют, дает великие дары трех ценностей⁹⁸ согласно достоинствам [принимающего их], как доится волшебная корова⁹⁹. Алчут ее цари-герои, знатоки добродетели и пользы, они, подвижники, не щадят жизни в битве, жаждущие [обладания] землею. Земля, поистине, — последнее убежище для тел [равно] богов и людей¹⁰⁰, и рвут ее друг у друга [цари], как собаки кусок мяса. Цари, о лучший из бхаратов, желают владеть хранилищем сокровищ, и в том ни для кого нет утоления желаний. Потому-то спорят за землю куру и Пандавы посредством договора, дарения, раздора и кары¹⁰¹, о царь. Отцом, матерью и сыном, воздушным пространством и небом, о муж-бык, станет для существ земля, о коей должная и неукоснительная забота [будет] проявлена¹⁰².

Глава 11

Дхритараштра сказал:

Расскажи мне подробно, о колесничий, о продолжительности жизни в стране 1—2
Бхараты и в Хаймавате, а также в Хариварше, и о воздаянии за добрые и
недобрые [дела], о Санджая, и о будущем, минувшем и настоящем.

Санджая сказал:

Четыре юги в стране Бхараты, о бык рода Бхараты, — Крита, Трета, и 3—7
Двапара, и Пушья¹⁰³, о благодетель рода Куру. Первой наступает называемая
Крита-югой, затем — Трета-юга, о владыка, по истечении же Двапары на-
ступает Пушья. Четыре тысячи лет, о лучший из куру, — такова продолжи-
тельность жизни в Крита-юге, о лучший из царей. Три тысячи — таково это
число в Трете, две тысячи — в Двапаре, ныне на ста [до истечения] остано-
вившейся. Нет определенного срока жизни в Пушье, о бык рода Бхараты.
Тогда умирают и во чреве пребывающие, умирают и родившиеся.

Могучие, великие в сути своей, наделенные достоинством продолжения рода, 8—13
рождаются в Крите, о царь, мудрецы, великие подвижники, великой отваги [ис-
полненные], великие духом, благочестивые, рекущие правду; богатые, красивые
рождаются в Крита-юге, о царь. Жизнестойкие великие герои, искусные во
владении луком в битве, рождаются кшатрии в Трете, воители, не ведающие
преград. Всех варн рождаются [люди] в Двапаре, о великий царь, великой
отваги, великого мужества, обуреваемые желанием убивать друг друга. Сла-
бые духом, гневливые, о царь, алчные и лживые, рождаются люди в Пушье, о
Бхарата. Зависть и высокомерие, гнев, обман и злоба владеют смертными в
Пушье, недуг и жадность, о Бхарата.

Истекает, о царь, эта Двапара, о владыка мужей!

Выше достоинства в Хаймавате, Хариварша же — еще лучше.

ЗЕМЛЯ

Глава 12

Дхритараштра сказал:

1—3 О Джамбудвипе должным образом ты рассказал, о Санджая. Поведай же поистине о ее площади и протяженности и о протяженности [охватывающего ее] океана¹, о ты, излагающий все неукоснительно. И о Шакадвипе расскажи мне, и о Кушадвипе, о Санджая, и о Шалмале истинно, и о Краунчадвипе также, и расскажи мне все, о сын Гавальганы, о луне и солнце.

Санджая сказал:

4 Существует много островов², о царь, из коих слагается мир; я расскажу тебе о семи, а также о луне и солнце и о планетах.

5—7 Полных восемнадцать тысяч и шестьсот йоджан составляет, о владыка народов, протяженность материка Джамбу. Считается, что вдвое больше протяженность Соленого океана³. Многими странами окруженный, изобилующий драгоценными камнями и кораллами, украшенный утесами из многих разнообразных минералов, совершенными и странниками небес заполоненный, [этот] океан протягивается кругом.

8—11 А теперь Шакадвипу я опишу тебе должным образом, о царь, выслушай меня, праведную речь ведущего, о ты, радость рода Куру. Она дважды превосходит размерами Джамбудвипу, о владыка мужей. И океан, о великий царь, которым она окружена, Молочное море⁴, соответственно вдвое протяженностью, о лучший из бхаратов. Там [расположены] священные страны, и народ там не умирает. Откуда там взяться голоду? Терпением и пылом наделены [там люди]. О Шакадвипе я рассказал тебе вкратце должным образом, о бык среди бхаратов, о чем еще, о великий царь, хочешь ты услышать?

Дхритараштра сказал:

12 О Шакадвипе рассказал ты вкратце должным образом, о Санджая, [теперь] все как есть поведай пространно о ней, о великий судьбою.

Санджая сказал:

Также там [есть] семь гор, о царь, драгоценными камнями красующихся, и реки, изобилующие сокровищами; услышь от меня их названия. Там все преисполнено достоинства и свято, о повелитель людей. Высочайшая гора там, на коей обитают боги, провидцы и гандхарвы, называется Меру. На восток протянулся горный хребет, называемый Малайя, [где] рождаются облака и откуда они растекаются повсюду. Следующая за ним, о Кауравья, великая гора Джаладхара, где постоянно черпает Предводитель Васу чудную воду; оттуда берется дождь в пору дождей, о владыка людей. [Далее] — высокая гора Райватака стоит, где постоянно [над нею] в небе [светит] созвездие Ревати;⁵ [так] установлено Прародителем. К северу же, о властитель царей, [высится] великая гора, называемая Шьяма, и, поскольку [она темна], жители [там] имеют темный цвет кожи, о владыка страны.

13—17

Дхритараштра сказал:

Большое недоумение возникает ныне у меня относительно того, что молвил ты, о Санджая. Как это [могло быть], о сын возницы, что жители там обрели темный цвет кожи?²

18

Санджая сказал:

На всех-то материках, великомудрый, два цвета [у жителей] — белый и черный, о радость рода Куру, по ним различаются варны⁶. А от чего происходит [название] Шьяма, я расскажу тебе, о Бхарата: здесь пребывает господь Кришна, и это от его красы потемнела [гора]⁷.

19—20

За нею, о властитель Кауравов, — великая вершина Дургашайла, [затем] — Кесари, с которой веет ветер, напоенный [благоуханием] бакулы⁸. У каждой [горы] протяженность в йоджанах — вдвое больше, [чем у предшествующей].

21—22

Мудрые называют страны⁹, [расположенные] у тех [гор], о Кауравья: Махакаша у великой Меру, Кумудотгара у Дающей воду¹⁰, за Джаладхарой, о царь, как известно, — Сукумара, при Райвате же — Каумара, при Шьяме же — Маничака, при Кесаре — Модаки, у следующей — Махапуман.

22—24

Охватывая в длину и в ширину [столько же, как] известное на Джамбудвипе, о Кауравья, осеняет тот материк [стоящее] посредине великое дерево, о великий царь, называемое шака¹¹. Там люди праведны, там почитается Шанкара¹², те места посещают совершенные, странники небес и божества деревьев. И добродетельные жители, о царь, [все] четыре сословия, необычайно преданы там, о Бхарата, [каждый] своему долгу, и там не встретишь вора; долговечны там жители, избавленные от старости и смерти, и множатся, как стремящиеся к морю реки в пору дождей. Реки там — святой воды, и Ганга

25—32

[разделяется] на много потоков, а также протекают там Сукумари и Кумари, Сита, а также Каверака и Маханади, о Кауравья, также река Маниджала, а также Икшувардханика, лучший из бхаратов, — реки со святой водою, о продолжатель рода Куру. Сотни тысяч их там, прекраснейших рек с благой водою, откуда [ее] черпают для дождей Предводитель Васу, и невозможно перечислить все их по именам.

33—36 Там [расположены] четыре священные страны, почитаемые в мире: Маги и Машаки, а также Манасы и Мандаги¹³. Маги, о правитель, — это большей частью брахманы, преданные своему призванию; в Машаках [пребывают] праведные кшатрии, исполняющие все [их] желания; в Манасах, о великий царь, — вайшьи, живущие своим трудом, отважные и, [поскольку] удовлетворяются все их желания, приверженные закону и пользе;¹⁴ а в Мандаге — шудры, всегда придерживающиеся праведного поведения. Нет там царя, о владыка царей, ни кары, ни караемых. Закон они охраняют взаимно, поскольку свой долг исполняет [каждый].

37 Вот и все, что можно сказать о том материке, и все, что можно услышать о Шакадвипе, великой мощью наделенной.

Глава 13

Санджая сказал:

1 А что рассказывают об остальных материках, о Кауравья, выслушай меня, я поведаю тебе, как я это слышал.

2—15 Здесь [следует далее] океан, чьи воды — топленое масло¹⁵, далее — [океан] с водой из сывотки, за ним океан вина¹⁶ и другой океан — из горячего молока. И каждый материк — вдвое больше предыдущего, о правитель людей, и со всех сторон, о великий царь, они обрамлены горами. На срединном острове¹⁷ — великая гора Гаура из реальгара, западная же гора — Кришна, образом своим близкая Нараяне¹⁸, о царь; сам Кешава охраняет ее бесценные сокровища, пребывающий там, вблизи Владыки Созданий, он ниспосылает созданиям счастье¹⁹. На Кушадвипе почитается [жителями] заросль травы куша²⁰, [находящаяся] в середине страны, на материке Шалмали же — [дерево] шалмали²¹, о царь. На Краунчадвипе, о великий царь, гора Махакраунча, изобилующая залежами сокровищ, постоянно почитается, о великий царь, [всеми] четырьмя сословиями. [Там же] — великая гора Гоманда, о царь, заключающая в себе все минералы, где постоянно пребывает благой лотосокий властитель Нараяна, [он же] Хари, постоянно восхваляемый чающими избавления. На Кушадвипе же, о властитель царей, — гора, выложенная кораллами, под названием Судхама, другая — неприступная зо-

лотая гора, называемая Дьютиман, о Кауравья, третья гора — Кумуда, четвертая — та, что зовется Пушпаван, пятая же — Кушешая, шестая — называемая Харагири. Это шесть главных гор²². Расстояние между ними [после каждой следующей] возрастает вдвое. Первая страна зовется Аудбхида, вторая — Венуманда, третья — Ратхакара, четвертая — Палана, пятая страна — Дхритимат, шестая страна — Прабхакара, седьмая страна — Капила. Это — целых семь стран. В них проводят время и блаженствуют боги и гандхарвы и рожденные там обитатели их, о владыка земли, и люди там не умирают. Нет там нечестивцев, ни варварских племен, о повелитель, люди там, о царь, все — очень светлого и изящного облика.

Об остальных странах я расскажу, о владыка людей, что известно о них, то выслушай, о великий царь, невозмутимый душою. На Краунчадвипе, великий царь, [расположена] великая гора, называемая Краунча, за Краунчей следующая — Вamanaка, за Vamanaкой — Андхакарака, за Андхакаракой следующая, о царь, — Майнака, лучшая из гор, за Майнакой далее, о царь, — лучшая гора Говинда, за Говиндой же следующая, о царь, — гора, называемая Нибида; а расстояние между ними [после каждой увеличивается] вдвое, о благодетель рода. Теперь я расскажу о [расположенных] там странах, выслушай, что я молваю. Близ Краунчи — страна Кушала, у Vamаны — Манонуга, следующая за Манонугой страна — Ушна, о потомок рода Куру. Следующая за Ушной — Праварака, за Праваракой — Андхакарака, следующей же за страной Андхакаракой считается Мунидеша. Следующей за Мунидешей называют Дундубхисвану, заполненную совершенными и странниками небес, [жители там] в большинстве светлокожие²³, о повелитель людей. [Таковы] эти страны, о великий царь, посещаемые богами и гандхарвами.

На Пушкаре²⁴ — гора, называемая Пушкара, из драгоценных камней и кристаллов, сам бог, Владыка созданий²⁵, всегда пребывает там. Ему поклоняются постоянно все боги с великими провидцами, воздавая почести ему речами, любезными сердцу, о повелитель людей. И [там] находятся различные сокровища с Джамбудвипы.

На всех тех материках, о радость рода Куру, жители [каждого] целомудрием жрецов, праведностью, самообузданием, здоровьем и продолжительностью жизни вдвое [превосходят жителей предшествующего]. И на каждом из тех материков расположена только одна страна, и говорят, о царь, что в каждой из тех стран явлена только одна вера²⁶, о Бхарата.

Сам господь, Владыка созданий, охраняющий те материка, о великий царь, подъяв жезл, постоянно там пребывает. Он — Царь, он — Благой, о царь, он — Родитель, он — Прародитель²⁷, охраняет, о лучший из людей, существа, и неразумные, и одаренные разумом. А пища, о Кауравья, сама собой туда доставляется, и жители постоянно могут питаться ею, готовой.

32—37 А за тем пределом, о великий царь, находится край света, называемый Сама²⁸, о четырех углах и занимающий тридцать три округа. Там пребывают, о Кауравья, четыре мировых слона²⁹, почитаемые в мире, о лучший из бхаратов: Вamana, Айравата и другие, а также Супратика, о царь, с разверстыми висками и ртом³⁰. Размеры же такого [мирового слона] я высчитать не возьмусь, никогда не исчислить их, ни в высоту, ни вниз, ни поперек. А ветры там веют со всех сторон, и ловят их постоянно те слоны, для коих нет пределов, лотосоподобными кончиками [своих] могучих блистательных хоботов и сразу опять выпускают те ветры поочередно. И воздушные потоки, выдыхаемые мировыми слонами, приходят сюда, о великий царь, чтобы пребывали [живыми] существа.

Дхритараштра сказал:

38 Очень обстоятельно поведал ты, о Санджая, о других [землях]. Местоположение материков ты указал, теперь расскажи об остальном, о Санджая.

Санджая сказал:

39—45 О материках я рассказал, о великий царь, теперь послушай все, как оно есть, о планетах. Вот что можно [рассказать] о Сварбхану, о лучший из Кауравов: известно, о великий царь, что планета Сварбхану — круглая, диаметр ее — двенадцать тысяч йоджан. Округлость же ее, о безупречный, в тридцать шесть тысяч [и] шестьдесят сотен величиною обозначают древние мудрецы. А Луна, как считается, — диаметром в одиннадцать тысяч, о лучший из куру, округлость же великого светила холодных лучей — протяженностью в тридцать шесть [тысяч] и пятьдесят девять [сотен йоджан]. Солнце же, о радость куру, — в восемь тысяч и еще две [тысячи] диаметром, о царь, округлость равна тридцати [тысячам] и пятидесяти восьми [сотням йоджан] величиною, о безупречный, — [это] известно о высочайшей благородной [небесной] птице светозарной. Так указаны здесь размеры Солнца, о Бхарата. Раху [своей] громадою затмевает Луну и Солнце в должное время. [Так] кратко я рассказал тебе об этом, о великий царь.

46—49 Оком знания я [рассмотрел и] поведал тебе обо всем, о чем ты спрашивал меня, о великий царь, как оно есть, потому обрети [ныне] мир. Я рассказал тебе о мире и об исходе его³¹, что ведомо об этом, потому успокой, о Кауравья, сына [своего] Дурьодхану! Выслушав этот раздел о Земле, убаглотворяющий душу, о лучший из бхаратов, воин становится счастлив, достигает успеха, почитаемый благочестивыми, жизнестойкость его, мужество и отвага возрастают. Кто, верный обетам, слушает [ее] в день перемены луны³², о хранитель земли, убаглотворяет тем своих предков и праотцев. Итак, о тех достоинствах, которыми отмечена страна Бхараты, где мы пребываем, ты все услышал.

ПЕСНЬ ГОСПОДА

Глава 14

Вайшампаяна сказал:

И вот Санджая, мудрый сын Гавальганы, очевидец всему [произошедшему], ведающий прошлое, настоящее и будущее, вернувшись с битвы, опечаленный, приблизился поспешно к погруженному в раздумье Дхритараштре и поведал ему, что убит Бхишма, не знавший равных среди бхаратов: «Я — Санджая¹, о великий царь. Слава тебе, о бык среди бхаратов! Убит Бхишма, сын Шантану, дед бхаратов. Возвеличившийся над всеми воителями, слава всех стрелков из лука, ныне возлежит он, дед куру, на ложе из стрел. Тот, на чье мужество полагаясь, решился на игру твой сын², лежит Бхишма, о царь, повергнутый в бою Шикхандином! Тот, кто на одной [единственной] колеснице победил всех сошедшихся в великом сражении у города Каши царей, великий воитель, кто противостоял в бою [самому] Раме, сыну Джамадагни³, он, отпрыск Васу⁴, сыном Джамадагни не сраженный, сражен ныне Шикхандином! Доблестью равный великому Индре, стойкостью подобный Химавану, глубиной — Океану, неколебимостью — Земле, он, чьи зубы — стрелы, чьи уста — лук, чей язык — меч, неприступный муж-лев, отец твой повергнут ныне царевичем панчалов! Тот, кого завидев восстающим для боя, трепетало великое войско Пандавов, объятые страхом, словно стадо коров при виде льва, кто десять дней охранял твоё воинство, истребитель [вражеских] ратей, закатился, как солнце, свершив подвиг невероятный. Кто, словно Шакра, ливнем сыпал тысячи стрел, невозмутимый, и тьму воинов сразил в битве за [эти] десять дней, стеная, лежит он [теперь], как сломанное ветром дерево, — чего, о царь, не заслужил он, твоими дурными советами [погубленный], о Бхарата!»

Глава 15

Дхритараштра сказал:

1—4 Как Шикхандином убит был Бхишма, бык среди куру? Как пал с колесницы отец мой, равный Предводителю [богов] Васу? Каково было сынам моим, о Санджая, остаться без Бхишмы, могучего, богоподобного, соблюдавшего обет целомудрия ради отца? Когда убит был великий человек, великий стрелок из лука, великомощный великий воитель, муж-тигр, как стало у них на душе? Превеликая скорбь одолела меня, когда поведал ты мне, что убит бык [рода] Куру, бестрепетный герой, муж-бык.

5—10 Кто следовал за ним, кто шел впереди, кто стоял, кто отступал [вместе с ним], кто наступал, о Санджая? Кто те герои, что шли следом, [охраняя] с тыла непобедимого кшатрия-быка, тигра на колеснице, когда стремительно врывался он в строй [вражеских] колесниц? Тот истребитель недругов, что рассеивал вражеское войско, как солнце [рассеивает] тьму, что повергал в трепет врагов, подобный светилу тысячи лучей⁵, и тяжкий подвиг в битве свершил по велению Кауравы⁶, — как противостояли в сражении ему, сыну Шантану, пожиравшему войска, несокрушимо победителю, успешно наступавшему, окружившие его Пандавы? Сокрушающего рати, стремительного, далеко превзошедшего в доблести других мужей-тигров, поражения не знавшего, того, чьи зубы — стрелы, чьи уста разверстые — лук, чей язык — грозный меч, неприступного, как поверг его, непобедимого, сын Кунти в бою?

11—15 Грозный лучник среди грозных, что, на лучшей из колесниц стоя, острыми стрелами косил головы врагов, кого, несокрушимо, готовым к бою заведя, жалось в муках всякий раз великое войско Пандавов, словно пред огнем кончины мира⁷, кто десять дней предводительствовал моим воинством, истребитель [вражеских] ратей, закатился, как солнце, свершив подвиг неимоверный. Кто, словно Шакра, извергая неиссякающий дождь из стрел, сразил в бою тьму воинов за [эти] десять дней, стеная, лежит [теперь], как сломанное ветром дерево, — того не заслужил он, потомок Бхараты, [погубленный] моими дурными советами!

16—21 Как могла рать Пандавов, узрев сына Шантану, сразить там Бхишму, наделенного грозной мощью? Как вели с Бхишмой бой сыновья Панду? Как [случилось, что] не одержал победы Бхишма, меж тем как жив был Дрона, о Санджая? Когда Крипа, а также сын Бхарадваджи были там рядом, как мог встретить смерть Бхишма, лучший из ратоборцев? И как Бхишма, великий воин, коему в битве противостоять даже богам было бы трудно, [мог быть] сражен тем Шикхандином, царевичем панчалов? Кто всегда мог соперничать в битве с могучим сыном Джамадагни, кого сын Джамадагни не победил, о нем, равном мощью Шакре, о Бхишме, по мощи его признанном великим

колесничным бойцом, расскажи мне, о Санджая, о том убитом в сражении герое, от коего мы [уже] не чаем утешения.

Кто были те великие лучники моего войска, что не покинули неколебимого, о Санджая? Кто те герои, что сплотились вокруг него по указу Дурьодханы? И когда все пандавы⁸ во главе с Шикхандином напали на Бхишму, ведь куру, о Санджая, не бросили же, устранившись, его, неколебимого? Словно поднявшаяся [на небе] великая туча — звон тетивы был ее громом, стрелы — ее ливнями, громкий треск лука [слышался] великим шумом, — осыпал он дождем сынов Кунти вместе с панчалами, вместе со сринджаями, герой, разящий вражеских воителей на колесницах, словно Носитель ваджры⁹ — демонов. Кто были те герои, что окружали его, как окружают берега обитель макара?¹⁰ Из оружия всяческого было то грозное море, трудноодолимое, с акулами-стрелами и волнами-луками, неисчерпаемое, без островов, без кораблей [для переправы] в бурю, с макарами-палицами и водоворотами-мечами, рыбинами-копьями, кишашщее слонами! [Кто сопровождал его], стремительно славшего в битву коней, слонов и пехотинцев, а также колесницы во множестве, его, сокрушающего чужих героев, сожигаемого гневом, отвагой испепеляющего врагов? И кто был тогда, о Санджая, впереди Бхишмы, губителя врагов, вершившего в битве подвиг ради блага Дурьодханы? Кто защищал правое колесо Бхишмы, отвага коего непомерна, и кто были те герои, вершители обетов, что отражали врагов с тыла? Кто находился близ Бхишмы, защищая его спереди, кто те герои, что защищали левое колесо сражающегося героя? Кто те, что, держась у левого колеса, разили сринджаев, о Санджая, кто те, что обороняли его, неприступного, сойдясь [с врагами] впереди ратей? Кто пробивался тяжким путем с ним рядом, кто не уступал в сражении вражеским героям, о Санджая?

Как случилось, что, меж тем как сами те герои его охраняли, под его защитой не победили они сразу в битве рати [воинов] трудноодолимых? Как, о Санджая, могли Пандавы нанести удар ему — все равно что властителю вселенной, высочайшему Владыке созданий? Ты объявляешь мне, о Санджая, что погрузился в пучину тот остров, который был опорой для куру, меж тем как они бились с врагами, — муж-тигр Бхишма! Тот, на чье мужество уповавшая, презрел могущественный сын мой [силу] Пандавов, — как мог он быть убит врагами? Тот, чьей помощи некогда [сами] боги с Индрой искали, когда разили демонов, неистовый в битве отец мой, исполняющий великие обеты, тот, при рождении коего, счастливыми приметами отмеченного сына, великим мужеством наделенного благодетеля народа, [отец его] Шантану забыл о печали, страдании, унынии, — о нем, достигшем предела мудрости, знающем, преданном святому долгу, чистом, постигшем суть Вед и веданг¹¹, как можешь ты говорить мне, что он убит?

22—33

34—40

41—47 После того как я услышал, что погиб сын Шантану, овладевший наукой всех родов оружия, владеющий собой, невозмутимый, рассудительный, мысля и остальное войско погибшим! Беззаконие одержало верх над законом — таково мое мнение, если убиением старого учителя хотят обрести царство Пандавы! Некогда сам Рама, сын Джамадагни, непревзойденный знаток оружия, вознамерившийся сразиться с ним ради Амбы¹², побежден был в бою Бхишмой. А ты говоришь мне, что убит Бхишма, равный подвигами Индре, высочайший из лучников, — может ли быть для меня горе больше этого? Сражающийся вражеских героев, он [одоле]л и Раму, сына Джамадагни, победившего в бою неоднократно полчища кшатриев, — значит, того потомка Бхригу, великого мужеством, неистового в сражении, превзошел отвагой, мужеством и силой Шикхандин, сын Друпеды, если сразил в битве победоносного героя, сведущего во всех науках, воителя, высшее знание оружия обретшего, быка среди бхаратов!

48—53 Какие герои следовали в окружении врагов за ним, сокрушителем недругов? Расскажи мне о том, как происходила битва Бхишмы с пандавами. [Теперь] войско моего сына — словно женщина, у которой убит муж, о Санджая, словно разбредшееся стадо коров без пастуха! Когда пал в великом сражении, проигранном [после этого], тот, чье мужество было высочайшим во всей вселенной, каково стало на душе у вас тогда? И достойны ли мы сами жить теперь, о Санджая, если допустили, что убит был великий мужеством отец [наш], верный мирскому закону? Думаю, словно путники, к дальнему берегу плывущие, когда они видят корабль свой тонущим в бездонной пучине, в отчаянии скорбят безмерно сынки мои [сейчас], когда убит Бхишма. Видно, из камня претвердое сердце мое, если не разорвалось оно при вести о гибели Бхишмы, мужа-тигра!

54—62 У него, быка среди бхаратов, несокрушимого, неизмеримо [превосходны] были и владение оружием, и ум, и искусство правления, — как мог он быть сраженным в битве? Но ни оружие, ни храбрость, ни подвижничество, ни ум, ни стойкость и даже никакое самоотвержение никого от смерти, [если суждена она,] не избавят. Поистине, велика мощь Времени и неодолимо оно для всех людей, если ты уведомляешь меня, о Санджая, что убит Бхишма, сын Шантану. Раньше, измученный тоской по сыновьям, не мысля о великой беде, уповал я на защиту, которую даст мне Бхишма, любимый сын Шантану. Когда Дурьодхана увидел его, сына Шантану, павшим на землю, словно [закатившееся] солнце, что он предпринял, о Санджая? Как ни раскидываю я умом, о Санджая, я не вижу, что еще [произойдет] с противостоящими воинствами царей — как моих, так и вражеских. О, жесток долг кшатрия, как установлен он провидцами, если ценою гибели сына Шантану желают обрести царство Пандавы, а мы [сами], желая царства, обрекаем на гибель прароди-

теля. Кшатрийского долга держатся сыновья Притхи, не нарушают его [и мои] сынки. Так и должен поступать благородный в годину тяжких бедствий, о Санджая, всего превыше — натиск, сколько хватит силы; так уж ему определено.

Истребляющего рати, сдержанного, непобедимого, как повергли, родной мой, сына Шантану сыновья Панду? Как построены были войска, как сражались великие духом и как же был убит врагами, о Санджая, отец мой Бхишма? А Дурьодхана, и Карна, и сам Шакуни, сын Субалы, и Духшасана, игрок¹³, — что молвили, когда убит был Бхишма? Кто были те несчастные игроки, мужибыки, что вошли в опасное и устрашающее собрание, устланное телами людей, слонов и коней, где кости игральные — стрелы, дротики, палицы, мечи и копья, кто те, что метали их в той страшной игре, где ставкою — жизнь, в битве? Кто побеждал, кто терпел поражение там и пал, проигравший? Расскажи мне, о Санджая, и о других, помимо Бхишмы, сына Шантану. Ведь нет мне здесь покоя, с тех пор как я услышал, что убит в бою Деваврата, отец [мой], совершивший грозные деяния, и горе овладело мною. Эту боль в сердце, причиненную мне сыновьями, великую, возрастающую, ты словно разжигаешь, масло в огонь проливая, о Санджая! Горюют, мыслю я, мои сынки, узрев сраженным прославленного во всем мире Бхишму, что великое бремя принял на себя. Я же буду слушать о тех бедах, которые сотворил Дурьодхана. Поэтому обо всем, что происходило там, расскажи мне, о Санджая! В той битве властителей земли, что дурно было сделано или правильно, обо [всем этом], безумием глупца порожденном, расскажи мне, о Санджая! Что совершил в той битве Бхишма, жаждущий победы, отвагой наделенный, искусный во владении оружием, о том поведай мне, ничего не пропуская, — как происходило то сражение между войсками куру и пандавов, в какой последовательности, что и как, в какое время.

63—75

Глава 16

Санджая сказал:

То, что ты расспрашиваешь меня о происшедшем, как тебе и подобает, — достойно тебя, о великий царь! Но не подобает тебе возлагать за то вину на Дурьодхану. Не подобает человеку, которого постигла беда из-за собственных поступков, тем грехом порочить другого. О великий царь, если кто-нибудь из людей способен совершить любой достойный порицания поступок, он от любого же примет смерть, когда порицаемое совершит. Долго и терпеливо сносили из уважения к тебе последствия [нанесенного им] оскорбления не ведающие коварства Пандавы, [пребывая] в лесу с приближенными¹⁴.

1—4

5—10 О конях и слонах и о воителях безмерной мощи — то, что я видел воочию, — а видел я силою йоги¹⁵ — услышь, о хранитель земли, и пусть твоя душа не тоскует; что я видел, предопределено было уже давно, о повелитель людей. Мудрому сыну Парашары я поклонился, отцу твоему, от коего и обрел высочайшее дивное знание и зрение, превосходящее то, что [обычно] доступно чувствам, о царь, а также способность слышать издали, ведать чужие мысли и минувшее, и еще не наступившее, познание происхождения раздоров, всегда [свободное] паренье в поднебесье, неуязвимость от оружия в битвах — желанные дары от великого духом. Так услышь от меня [все] обстоятельно об этой великой битве потомков Бхараты, удивительной, исполненной беспримерных чудес, какою она была, вздымающая волосы дыбом.

11—20 Когда те рати построились в боевой порядок согласно правилам, Дурьодхана, о великий царь, так сказал Духшасане: «Пусть займут места немедленно бойцы на колесницах для охраны Бхишмы, о Духшасана, и поторопи все полки. Наконец дождался я того, о чем помышлял на протяжении стольких лет, — встречи воинств куру и пандавов. Я полагаю: нет [для нас] в этой битве более важной заботы, чем охрана Бхишмы. Защищенный, он ведь [наверняка] уничтожит сыновей Притхи и Сомаков со сринджаями. Он, чистый душою, сказал, что не станет убивать Шикхандина, о котором известно, что прежде он был женщиной¹⁶, — потому он будет избегать его. Я думаю, что [именно] поэтому нужно особенно оберегать Бхишму; пусть все мои воины приложат старание, чтобы убить Шикхандина. Пусть воины с востока, с запада, с южной и с северной стороны, искусные во владении всяческим оружием, защищают деда. Могучего льва, если он не защищен, может ведь и волк убить. Не допустим же, чтобы, как льва шакал, убил его Шикхандин. Юдхаманью будет защищать левое колесо Пхальгуны, Уттамауджас — правое, а сам Пхальгуна — Шикхандина. Сделай же так, Духшасана, чтобы [тот], меж тем как сын Притхи будет защищать его, а Бхишма — щадить, не убил сына Ганги».

21—46 Когда же ночь сменилась рассветом, поднялся великий шум от возгласов властителей земли: «Стройтесь, стройтесь!» Пение раковин и грохот барабанов, львиному [подобный] рык, ржание коней и скрип ободьев колесниц, вопли громадных слонов и воинов, и гул, и треск, и гомон — шум, о Бхарата, поднялся оттого со всех сторон. И на восходе солнца, о великий царь, построилось все без исключения великое воинство, обе рати — куру и пандавов, о царей властитель, [то есть] твоих сыновей и Пандавов тоже. Слоны и колесницы, украшенные золотом, сверкали, словно тучи молниями, ряды колесниц, [выстроенные] многообразно, городами представлялись. И отец твой ярко сиял там, как полная луна. И воины с луками, пиками, мечами, палицами, копьями и дротиками и [другим] блистающим оружием построились по своим ратям, и слоны, колесницы, пехотинцы и конники, о повелитель народов, рассу-

пались сотнями и тысячами, образуя подобие сети. И тысячами предстали [там] воздетые знамена разнообразные — свои и чужие, — излучающие блеск. Золотые, пестреющие драгоценными камнями, горящие, как очистительные огни, тысячами явились взорам пламенеющие знамена царей, словно светлые стяги великого Индры в чертогах великого Индры, и взирали на них те герои в доспехах, жаждущие битвы. И властители людей, прекрасные, волоокие, с обвязанными ладонями¹⁷, с колчанами, сверкали воздетым оружием во главе своих полков. Шакуни, сын Субалы, Шалья, также Джаядратха Синдхийский, Винда и Анувинда Авантийские, и Камбоджийский Судақшина, и Шрутаюс Калингский, и царь Джаятсена, Брихадбала Кошалский и Критаварман Сатвата — эти десятеро полководцев, мужи-тигры, воители, с руками, дубинам подобными, жертвователи, богато одаряющие жрецов, — эти и многие другие цари и царевичи, следующие велениям Дурьодханы, искушенные в политике, могучие, явились вдруг в боевых доспехах, каждый при своей рати. Все знаменосцы, облаченные в шкуры черной антилопы и увенчанные мунджей¹⁸, исполненные решимости поддержать Дурьодхану, миру Брахмы¹⁹ посвященные, расположились там, полностью снаряженные, возглавившие десять полков²⁰. Одиннадцатый большой отряд кауравов, [принадлежащий] сынам Дхритараштры, [стал] впереди всех ратей с сыном Шантану во главе. И мы узрели там Бхишму, о великий царь, в белом тюрбане, с белыми конями и в белых доспехах, непоколебимого, подобного взошедшему [на небо] Месяцу. И куру, и пандавы узрели Бхишму, стоящего на серебряной колеснице с золотой пальмой на знамени, подобного палящему солнцу над белым облаком. Завидев Бхишму во главе ратей, затрепетали пандавы и сринджаи, великие лучники, предводительствуемые Дхриштадьумной. Как мелкие звери, когда завидят они оскалившегося могучего льва, — все они с Дхриштадьумной во главе подались вдруг назад. Это одиннадцать твоих полков, о Бхарата, любезных богине удачи²¹, у Пандавов же их семь, [все] великими мужами предводительствуемые; и двумя океанами казались они, что хлынули [на землю] в конце юга²², свирепыми макарами взволнованные и кишащие огромными чудищами. Никогда еще не видели мы прежде подобного стечения собравшихся ратей и о таком не слыхали.

Глава 17

Санджая сказал:

Как [о том] рассказывал благословенный Кришна Двайпаяна Вьяса, так именно и сошлись вместе все властители земли. Луна в тот день вошла в сферу созвездия Магха²³, и семь великих планет²⁴, пылая, сошлись на небе.

Солнце на восходе выглядело словно раздвоенным; блистающее, оно взшло на небо, извергая еще и языки пламени. В горящей дали слышны стали вой шакалов и карканье ворон, алчущих насытиться мясом и кровью павших.

5—7

Каждый день, восстав поутру, возглашали престарелый дед куру и сын Бхарадваджи: «Да будет победа Партхам, сынам Панду!» — сами же обукротителя врагов, принуждая себя, сражались на твоей стороне в согласии с заключенным о том договором. Сведущий досконально во всех законах отец твой Деваврата, собрав властителей земли, такое им слово молвил:

8—11

«Вот пред вами, о кшатрии, открыты великие врата на небеса! Ступайте же тем [путем] соединиться в одной обители с Шакрой и Брахмой²⁵. То вечный ваш путь, проложенный предками в древние и древнейшие времена. Поддержите же честь свою, невозмутимые духом в бою! Ведь [еще] Набхага и Яяти, Мандхатар, Нахуша, Нрига обрели успех такими деяниями и высшую обитель, куда ушли [после смерти]. Грех для кшатрия — умереть от болезни дома; принять смерть в бою — непреложный долг его!»

12—16

Когда молвил им так Бхишма, властители земли отправились к своим ратям, о бык среди бхаратов, блистая, на превосходных колесницах. Только Карна, сын Грозного Солнца²⁶, вместе со своими советниками и родичами вынужден был из-за Бхишмы опустить оружие перед битвой²⁷, о бык среди бхаратов. А сыновья твои и цари, оставив Карну, ушли [на битву], оглашая львиным рыком всю окрестность вокруг. И блистали те рати белыми царскими зонтами, знаменами и стягами на слонах и конях, и еще колесницами и пешими воинами. Земля же исполнилась смятения, оглашаемая звоном литавр и цимбал, и боем тамбуринов, и шумом катящихся колесниц.

17—39

Сверкая золотыми браслетами и наплечниками и луками, показались [там] великие воители, словно движущиеся горы. Под высоким стягом с [изображением] пальмы и пятью звездами предстал Бхишма, подобный яркому солнцу, вождь воинства куру. Принявшие твою сторону цари, о бык среди бхаратов, великие лучники, выступили, о царь, как приказал им сын Шантану. И Говасана Шибийский, сопровождаемый всеми [подчиненными] царями, двинулся на царственном слоне, царя достойном, украшенном стягом, лотосцветный, впереди всех ратей став. Выступил Ашваттхаман, изготовившийся [к бою], со львиным хвостом на знамени; Шрутаюс и Читрасена, Пурумитра, Вивиншати, Шалья, и еще Бхуришравас, и Викарна, великий воитель, — эти семеро великих лучников, предводительствуемые сыном Дроны, ехали впереди Бхишмы на колесницах, блистающих золотом, и взорам явились их золотые знамена, озарявшие, сияя, превосходные их колесницы. Золотой алтарь с красивым кувшином был образом на знамени Дроны и еще — лук. Высокий же стяг Дурьодханы, за коим следовали сотни и тысячи полков, [являл] образ слона из драгоценных камней. Перед ним стали на колесницах

Паурава и Калинга²⁸, Судакшина Камбоджийский, Кшемадханван и Сумитра. И выступил впереди [своего] войска ведущий его царь Магадхи на колеснице под бесценным стягом с образом быка. Явилась там и великая сила жителей Востока, подчиненная владыке ангов²⁹ и Крипе, великому духом, подобная громаде осенних туч. Во главе [своей] рати под серебряным стягом с изображением вепря блистал многославный Джаядратха; сто тысяч колесниц было под его началом, восемь тысяч слонов, всадников — шестьдесят тысяч. И блистала во главе знаменосных ратей, о царь, эта великая сила бесчисленных колесниц, слонов и коней под водительством повелителя Синдху. Повелитель же всех калингов выступил вместе с Кетуманом во главе шестидесяти тысяч колесниц и десяти тысяч слонов. Огромные слоны его представлялись взору горами, блистающие стягами, с орудиями³⁰, метательными копьями и колчанами. И блистал царь калингов лучшим из стягов с образом дерева, белым зонтом, золотым панцирем и опахалом из хвоста яка. Кетуман же, о царь, двинулся в сражение на слоне, словно солнце среди туч, с превосходнейшим красивым стрекалом [в руках]. И на прекрасном слоне ехал царь Бхагадатта, пылая отвагой, Держателю ваджры подобный. Равные Бхагадатте, восседали на слоновьих спинах Винда и Анувинда Авантийские, Кетуману преданные. И стремился грозно вперед тот строй колесничных ратей со слонами, самой мощной частью, в голове и с конницей на крыльях, обращенный [оружием] во все стороны, направляемый Дроной, о царь, и царственным сыном Шантану, а также сыном наставника³¹, Бахликой и Крипой.

Глава 18

Санджая сказал:

Тотчас вслед за тем, о великий царь, страшный шум, вселяющий трепет в сердца, раздался; его же воины подняли, жаждущие битвы. От звуков боевых раковин, грохота барабанов, трубящих слонов, грохочущих колесниц — словно раскалывалась земля. И шум от ржания коней и громовых возгласов воинов во мгновение ока запленил пространство тогда, все стороны света. И трепет объял войска сыновей твоих и Пандавов, о неодолимый, когда сошлись они вместе. Там слоны и колесницы, украшенные золотом, блистали, словно тучи, озаренные молнией. Стяги твоих сторонников, о повелитель мужей, разнообразные видом, украшенные золотыми кольцами, горели, пламеняя, как священные огни. Яркие, и у твоих, и у врагов, о Бхарата, выглядели они, как знамена великого Индры в великого Индры чертогах. И герои, одетые в золотые латы, блеск которых был равен огню и солнцу, подобны были пламенеющим [в небе] планетам. Великие лучники, волоокие, с обвязанными

ладонями, красовались, воздевая блистающее оружие, под своими стягами во главе ратей. А твои сыновья, о повелитель мужей, прикрывавшие Бхишму с тыла, — Духшасана, Дурвишаха, Дурмукуха и Духсаха, Вивиншати, Читрасена и Викарна, великий воитель, Сатьяврата, Пурумитра, Джая, Бхуришравас, Шала и следовавшие за ними двадцать тысяч колесниц, абхишахи, шурасены, шиби, васати, шальвы, матсьи, также амбаштхи, тригарты и кекаи, саувиры, китавы, восточные и западные и северные малавы — двенадцать этих племен, все — исполненные самоотверженности герои, — со множеством великим колесниц защищали твоего прародителя. И с войском в десять тысяч ярких слонов следовал за той ратью колесниц магадхский царь. А тех, кто охранял колеса колесниц и кто охранял ноги слонов, было в войске шестьдесят тысяч сотен. Впереди шли пехотинцы, вооруженные луками, щитами и мечами, многие сотни тысяч воинов с тесаками и зазубренными дротиками. И десять и одна акшаухини твоего сына, о Бхарата, явились взорам, о великий царь, словно Ганга у слияния с Ямуной³².

Глава 19

Дхритараштра сказал:

- 1—2 Увидев одиннадцать акшаухини в строю, как же [решился] двинуть на них меньшее войско сын Панду Юдхиштхира? Против Бхишмы, знатока боевого строя, [какой он бывает] у людей, и у богов, и у гандхарвов с асурами, как выступил сын Панду, сын Кунти?

Санджая сказал:

- 3—15 Рати сынов Дхритараштры построенными узрев, молвил сын Панду, праведный Царь справедливости, Завоевателю богатств: «Учат, о брат мой, следуя заветам великого провидца Брихаспати, что малые числом должны сражаться сплоченно, многочисленные яже могут рассредоточиться по желанию. И против многих должны построить рать Острием иглы³³ малочисленные. Наше же войско значительно меньше вражеского. Построй воинов, о сын Панду, помня об этом предписании великого провидца!» Выслушав Царя справедливости, отвечал ему Пхальгуна: «Неколебимый строй, именуемый Оружием грома³⁴, что установил Громовержец, я построю тебе, о царь, его одолеть всего труднее. Словно бурный ветер, в битве для врагов невыносимый, пусть впереди сражается у нас Бхима, лучший из разящих. Сокрушающий отвагу вражеских ратей, он выступит как предводитель впереди нас, лучший из воителей, сведущий в приемах боя. Его завидев, обратятся в бегство в смятении все цари, военачальники Дурьодханы, как малые звери от льва, мы же все при-

бегнем к нему, как к надежному крепостному валу, к Бхиме, лучшему из разящих, как бессмертные к Держателю ваджры. Ибо нет в мире мужа, который мог бы устоять при виде Волшебрюхого, яростного мужа-быка, что вершит ужасные деяния. [Ведь] Бхимасена, палицею вооруженный, равной твердостью ваджре, стремящийся вперед со скоростью великой, даже океан осушить способен! А Кекаи, Дхриштакету и храбрый Чекитана вместе с соратниками расположились [следом], на тебя взирающие, о владыка мужей. [Мы же] — Дхритараштры наследники», — так сказал Бибхатсу. И сказавшему это Партхе все войска тогда в бою воздали почести, о досточтимый, благими речами.

Молвив это, могучерукий Завоеватель богатств так и сделал. Построив те силы к бою, тотчас выступил тогда Пхальгуна. И когда показались разворачивающиеся [к бою] куру, великая рать Пандавов выглядела подобно полноводной Ганге, спокойно струящейся. Бхимасена предводительствовал ими, и еще Дхриштадьюмна, внук Пришаты, Накула и Сахадева, и храбрый Дхриштакету, воодушевляющие [своих воинов], следом же в окружении войск [шел] царь вместе с братьями и сыновьями³⁵, — он охранял их с тыла. Оба же сына Мадри, величественные, охраняли [по бокам] колеса Бхимы, а сыновья Драупади вместе с сыном Субхадры, пылкие, были хранителями [его] тыла. Их же прикрывал Дхриштадьюмна Панчалийский, великий колесничный воин, вместе с [другими] героями битвы, прекрасными обликом, возглавлявшими колесницы. Позади же еще выступал под прикрытием Арджуны Шикхандин, сосредоточенный в своем стремлении погубить Бхишму, о бык среди бхаратов. А стражем тыла Арджуны был великий воитель Ююдхана, колеса же [по бокам] охраняли Юдхаманью и Уттамауджас Панчалийские. В срединной рати [занял место] царь Юдхиштхира, сын Кунти, со [своими] огромными яростными слонами, подобными движущимся горам. А за Виратою следовал с одним акшаухини великий помыслами Яджнясена Панчалийский, ревностно делу Пандавов преданный.

На их колесницах, о царь, виселись большие знамена с различными знаками, блистающие как солнце и луна, с великолепными украшениями из золота. А еще сзади воздвигся Дхриштадьюмна, великий воитель; с братьями и сыновьями он охранял Юдхиштхиру. И, вознесшись над [всеми] многообразными знаменами на колесницах твоих и вражеских, виселось одиноко знамя Арджуны с [изображением] великой обезьяны.

Пешие воины шли впереди, вооруженные мечами, дротиками и копьями, сотни и тысячи, прикрывающие Бхимасену; десятки тысяч слонов с разверстыми висками и пастями³⁶, рьяные, блистающие золотой сбруей, подобные утесам, источая, словно тучи, мускусную влагу, благоухающую лотосом, следовали за царем, как движущиеся горы. Поводя грозной палицей [своей], подобной засову крепостных врат, вел великое войско Бхимасена³⁷, неодолимый, величавый. И,

16—25

26—28

29—35

как на нестерпимо яркое солнце, палящее, лучезарное, не могли взирать на него ратники вблизи ни с какой стороны. И этот грозный боевой строй, называемый Оружием грома, во все стороны оцетинившийся, несокрушимый, луками-молниями блистающий, охраняемый Владетелем лука Гандива, [строй], что выставили против твоей рати Пандавы, непобедимым был в мире людей, Пандавами хранимый.

36—44

На рассвете, когда войска стали в ожидании восхода солнца, поднялась [вдруг] буря с дождем и громом при безоблачном небе. Со всех сторон задули низко над землею свирепые тлетворные ветры, несущие щебень, и поднятая [ими] пыль окутала мир тьмою. Великая комета упала в восточном направлении, о бык среди бхаратов, поразив восходящее солнце, и разлетелась на части со страшным грохотом. И на виду у повергнутых в смятение войск, о бык среди бхаратов, солнце поднялось, словно потускневшее, стеная, а земля тогда содрогнулась с громом, покрывшись трещинами, о лучший из бхаратов. Многие смерчи, о царь, поднялись со всех сторон, и густая пыль застлала взор, так что ничего нельзя было различить. А развеваемые бурным ветром высокие стяги, златоверхие, оплетенные сетями с колокольчиками, бречащие, блеском равные солнцу, наполняли со знаменами пространство звенящим шелестом, как бывает под сенью пальмовых роцц. Так расположились те воинственные мужи-тигры пандавы, выдвинув боевой строй против ратей твоего сына. И словно надломился хребет у [твоих] воинов, о бык среди бхаратов, при виде Бхимасены, ставшего впереди с палицей в руках.

Глава 20

Дхритараштра сказал:

1—2

На восходе солнца, о Санджая, кто первым возликовал тогда, стремясь на битву, мои ли, ведомые в бой Бхишмой, или пандавы, Бхимой ведомые? Для кого неблагоприятны были солнце и луна вместе с ветром, на чье войско выли хищники, а чьих юношей ясны и благостны были лики? Все это поведай мне, как оно было.

Санджая сказал:

3—6

Оба войска равно выступали, оба строя ликования были исполнены, о властитель мужей, оба красовались, подобные цветущим лесам вдоль дороги, в обоих множество было слонов, колесниц и коней. Оба войска великих грозный вид являли, оба неодолимыми казались, о Бхарата. Оба [словно] созданы были, чтобы и самое небо покорить, и добрые мужи начальствовали в обоих. Лицом к западу стояли куру, сыны Дхритараштры, лицом к востоку — сыны

Притхи, готовые к битве; словно войско вождя демонов — у Кауравов, словно войско вождя богов — у Пандавов. Чистый ветер задул в спину Пандавам, на сыновей Дхритараштры завывали хищники, и слоны твоего сына не могли [тогда] терпкого запаха выносить, [вевявшего] от ярых царственных слонов [противника].

Дурьодхана на слоне могучей породы, лотосоцветном, с разверстыми висками, золотую сбруей покрытом, пребывал в середине [строя] куру, прославляемый певцами и сказителями³⁸. Золотой венец на его голове сиял под белым царским зонтом, блеском луне подобным. Его прикрывал Шакуни, царь Гандхары, со [своими] горцами-гандхарами, [окружавшими их] со всех сторон. А впереди всего войска — старый Бхишма под белым зонтом, с белым луком и раковиной, в белом тюрбане и с бледно-желтым знаменем, с белыми конями, белоснежной вершине подобный. В войске его были все сыновья Дхритараштры³⁹, и с частью [сил] бахликов Шала, и те кшатрии, что [зовутся] амбаштхами, и те, что [живут] в Синдху, а также саувиры и герои Пятиречья. На золотой колеснице⁴⁰, запряженной гнедыми конями, великий духом Дрона, преславный наставник всех царей, могучерукий, не ведающий уныния, словно [сам] Индра, охранял рати с тыла. В середине всего войска шли на битву Вардхакшатри, Бхуришравас, Пурумित्रа и Джая, шальвы, матсьи и все братья Кекаи⁴¹, воинственные, с отрядами слонов. Сын же Шарадвана на высокой колеснице⁴², великий духом великий лучник Гаутама, владеющий различными приемами боя, вместе с шаками, киратами, яванами и пахлавами прикрывал рати с севера. Могучая рать великих воителей — андхаков, вришни и бходжей, — [и еще] жителей Сураштры и не пользующихся мечами найрритов⁴³, ведомая Критаварманом, прикрывала твое воинство с юга. И с десятью тысячами колесниц выступили тогда Связанные клятвою⁴⁴, что сотворены были для погибели или же победы Арджуны, — куда Арджуна, туда и они, о царь, — во владении оружием достигли совершенства те герои-тригарты.

Всего же у тебя, о Бхарата, [в твоём войске] было сто тысяч слонов, при каждом слоне — сто колесниц, при каждой колеснице — сто конников, при каждом коннике — десять лучников, при каждом лучнике — десять щитоносцев. Так построил твои рати Бхишма, о Бхарата. При наступлении каждого дня предводительствующий войсками Бхишма, сын Шантану, выстраивал их то людским строем, то божественным, то гандхарвским, то асурским. И строй сынов Дхритараштры, в котором великих героев было что вод в океане в час перемены луны, Бхишма обратил на запад в бою. Бесчисленны были разнообразные знамена твоего грозного войска, о властитель мужей, но хотя не таким было [войско] Пандавов, его, вожди коего — Кешава и Арджуна, я почитаю [подлинно] великим и непобедимым!

7—15

16—20

Глава 21

Санджая сказал:

1—17 Видя огромное войско сынов Дхритараштры готовым к бою, пришел в уныние сын Кунти царь Юдхиштхира. Озирая несокрушимый строй, установленный Бхишмою, несокрушимым его, очевидно, почитая, молвил Арджуна уныло сын Панду: «О Завоеватель богатств, как можем мы сражаться в [этой] битве с сынами Дхритараштры, когда дед будет сражаться за них, о мощнорукий? Неколебим и несокрушим этот [строй], который блистательный Бхишма, губитель недругов, установил согласно правилам, предписанным шастрами⁴⁵. Сомнение нас вместе с войском [нашим] берет, о губитель врагов, — как справиться нам с этим мощным строем?» Арджуна, истребитель недругов, отвечал сыну Притхи Юдхиштхире, впавшему в уныние при виде твоей рати, о царь: «Узнай, о владыка народов, как в меньшинстве будучи, побеждают умом даже многих героев, числом превосходящих и достоинствами наделенных. Тебе, дабы ты не роптал, я расскажу о средстве [того достигнуть], о царь; знают о нем провидец Нарада и Бхишма с Дроною, о сын Панду. Об этом разумении сказал некогда Пра-родитель во время битвы богов и асуров великому Индре и другим небожителям: “Не столько силою и храбростью побеждают стремящиеся к победе, как правдою и милосердием, исполнением долга прежде всего и усердием. Отрешившись от несправедности, от алчности и от заблуждения, неутомимые в усилиях, сражайтесь, чуждые себялюбия. Где праведность, там победа!” Так знай же, о царь: нашу непременно [будет] победа в битве. Как сказал мне Нарада: “Где Кришна, там победа!”⁴⁶ Победа зависит от Кришны, она следует за Мадхавой. Ему [надлежит] победить; другое же его достоинство, помимо того, — смирение⁴⁷. Беспредельна мощь Говинды, среди сонмов врагов неуязвим он, предвечный Муж⁴⁸. Где Кришна, там победа! Ведь молвил некогда во образе Хари громовым голосом Владыка Нетленного неба⁴⁹, чье нетленно оружие, богам и асурам: “Кто из вас должен победить?” И победили там те, что сказали: “За Кришной следуя, мы победим!” Только его милостью обрели три мира боги во главе с Шакрой. Потому не вижу я, из-за чего тебе тревожиться, о Бхарата, когда судил тебе победу всемогущий Владыка Тридцати».

Глава 22

Санджая сказал:

1—13 Тогда, о бык среди бхаратов, царь Юдхиштхира стал воодушевлять свое войско, выстроив его против ратей Бхишмы. Согласно предписаниям построили рати к бою Пандавы, в честном сражении взыскующие высшего неба

потомки Куру! В середине — рать Шикхандина, которую прикрывал Савьясачин, и [войско] Дхриштадьюмны, охраняемое Бхишмой. С юга, о царь, войско прикрывал славный Ююджана, лучший из сатватов, вооруженный луком, Шакре подобный. А на колеснице с золотыми сбруями [на конях] и построжками, с небесной колесницею великого Индры схожей, снабженной нужными приспособлениями, отделанной хатским золотом⁵⁰ и драгоценными камнями, ехал Юдхиштхира в середине слоновьего отряда, и ярко блистал над ним белейший царский зонт на шесте из слоновой кости. Великие провидцы обход владыки мужей слева направо⁵¹ свершали, гимнами его [славя]. Гибель врагу предрекая, царские жрецы, старейшие из великих провидцев, искушенные в священном откровении⁵², окружив, тихими молитвами и мантрами⁵³ и заговоренными травами благословляли [его] на успешное свершение. И он, лучший из куру, оделяя брахманов одеждами, а также коровами, плодами, цветами и еще монетами, великий духом, выступал тогда, словно Шакра в окружении бессмертных. Колесница Арджуны, отделанная чистейшим золотом с реки Джамбу⁵⁴, с сотней колокольчиков, с красивыми колесами, как огонь, лучезарная, сверкала, словно тысяча солнц, белыми конями запряженная. С обезьяной на знамени на [колеснице], которою Кешава правил, стоял с луком Гандива и стрелами в руках лучший из лучников, равного которому на земле нет и никогда не будет. Необычайно свирепый вид принял Бхимасена, кому войско сынов твоих разгромить предстояло, тот, кто в бою, безоружный, мужей, коней, слонов [голыми] руками в прах обращать способен. Вместе с близнецами Волчебрюхий охранял колесницу героя. И когда твои воины узрели его, столь неистового, как бык разъяренный либо лев, подобного великому Индре, в мире [явившемуся], когда узнали идущего во главе войска Волчебрюхого, неприступного, надменного, как царственный слон, они задрожали, словно попавшие в трясину верблюды, и от ужаса поколебалось их мужество.

Меж тем Джанардана молвил, обращаясь к пребывающему в середине ратей Гудакеше, царскому сыну, лучшему из бхаратов. 14

Васудева сказал:

Вот хранитель тот могучий, блистающий, что, словно лев, на наше войско взирает, Бхишма, светоч рода Куру, кем тридцать жертвоприношений коня⁵⁵ свершены. Те рати скрывают высокочтимого, словно тучи — палящее солнце. Их истребив, о храбрейший из мужей, ты должен искать боя с быком рода бхаратов. 15—16

Дхритараштра сказал:

Чьи воины сражались с воодушевлением с [самого] начала, о Санджая? Кто воспрял там, кто в унынии пал духом? Кто первым нанес удар в той бит- 17—19

ве, приводящей в трепет сердца, мои или те, что за Пандавов? Поведай мне, о Санджая. В чьих войсках, когда собрались они, было благоухание венков и гремели речи воинов благие?

Санджая сказал:

20—22 В обоих войсках ликовали там ратники радостно, в обоих было благоухание венков, воскурений и возлияний. И с превеликим пылом, о бык среди бхаратов, сошлись рати, что двигались сплоченно боевым строем, воспрявшие духом, и в поднявшемся шуме смешались звуки музыки с гуденьем раковин и боем литавр и криками слонов и ликующих воинов.

Глава 23⁵⁶

Дхритараштра сказал:

1 На поле дхармы⁵⁷, на поле Куру сошедшись, жаждущие биться, мои и пандавы, что же делали они, о Санджая?

Санджая сказал:

2 Узрев боевой строй рати Пандавов, царь Дурьодхана приблизился тогда к наставнику⁵⁸ и [такое] слово молвил:

3 «Взгляни, о учитель, на это великое войско сыновей Панду, построенное сыном Друпеды, разумным учеником твоим.

4 Здесь герои, великие лучники, Бхиме и Арджуне равные в бою: Ююдхана и Вирата и Друпеды, великий воитель,

5 Дхриштaketу, Чекитана и мужественный царь Каши, Пуруджит и Кунтибходжа и Шайбья, мощный бык среди мужей,

6 И Юдхаманью смелый, и Утгамауджас отважный, сын Субхадры и сыновья Драупады, все — великие воители.

7 Услышь, о лучший из дваждырожденных, и о наших лучших [бойцах], вождах моего воинства, для твоего сведения я назову их тебе:

8 Ты сам и Бхишма, и Карна, и Крипа победоносный, Ашваттхаман и Викарна, а также сын Сомадатты

9 И многие другие герои, жертвующие жизнью ради меня, снаряженные всякого рода оружием, искушенные в бранном деле.

10 Ненадежна та наша сила, ограждаемая Бхишмой⁵⁹, но надежна эта их сила, ограждаемая Бхимой.

11 Так ограждайте же Бхишму со всех сторон все вы, каждый на определенном ему месте!»

12 Ему на радость дед, старейший из рода Куру⁶⁰, громкий клич, рыку льва подобный, издал и в боевую раковину затрубил, величия исполненный.

Тогда зазвучали сразу боевые раковины и литавры, барабаны, кимвалы и 13
рога, и оглушителен был поднявшийся грохот.

Тогда, стоя на великой колеснице, запряженной белыми конями, затрубили 14
в божественные раковины Мадхава и сын Панду,

В Панчаджанью — Хришикеша, в Девадатту — Завоеватель богатств, в 15
великую боевую раковину Паундра затрубил Волчебрюхий, вершитель гроз-
ных деяний,

В Анантавиджаю — царь Юдхиштхира, сын Кунти, Накула и Сахаде- 16
ва — в Сугхошу и Манипушпаку⁶¹.

Царь кашийский, превосходнейший лучник, и Шикхандин, великий воитель, 17
Дхриштгадьюмна, и Вирата, и непобедимый Сатьяки,

Друпада и сыновья Драупади, о владыка земли, и мощнорукий сын Суб- 18
хадры — каждый в свою боевую раковину затрубили со всех сторон.

Тот [трубный] зов пронзил сердца сынов Дхритараштры и огласил, гре- 19
мящий, небо и землю.

И вот, видя выстроившихся сынов Дхритараштры, меж тем как уже по- 20
шло было оружие в ход, сын Панду, несущий образ обезьяны на знамени,
подъяв свой лук,

Такое слово молвил тогда Хришикеше, о влaститель земли: «Установи мою 21
колесницу между обоими войсками, о Неколебимый,

Пока обозревать я буду тех, что собрались, исполненные жажды боя. С кем 22
предстоит мне сразиться в этой вздымающейся битве?

Я вижу, готовые к бою, сошлись они здесь, желая послужить в сражении 23
злонамеренному сыну Дхритараштры».

Когда молвил так ему Гудакеша, Хришикеша, о Бхарата, остановив меж 24
обоих войск лучшую из колесниц

Перед Бхишмой, Дроной и всеми властителями земли, сказал: «О Партха, 25
узри этих куру, собравшихся [здесь]».

И узрел Партха стоящих там отцов и дедов, наставников, дядей, братьев, 26
сыновей, внуков, друзей,

Тестей и товарищей в обоих воинствах. Всех тех родичей увидев, что 27
расположились [там], сын Кунти,

Великой жалостью охваченный, так молвил, горестный. 28

Арджуна сказал:

Когда я вижу этих родных мне людей, о Кришна, сошедшихся здесь и 29
готовых сражаться,

Опускаются руки мои и пересыхают уста, трепет охватывает меня и воло-
сы вздымаются на теле,

30 [Лук] Гандива из руки выпадает, жар палит кожу, и я не могу стоять твердо, и мысль моя словно блуждает.

31 Неблагоприятные знамения вижу я, о Кешава, и не предвижу блага от убийства близких своих в бою.

32 Не хочу я победы, о Кришна, ни царства, ни радостей. Что нам в царстве, о Говинда, что в наслаждениях и в [самой] жизни?

33 Те, ради кого желаем мы царства, наслаждений и радостей, стоят на поле брани, готовые отдать жизнь и богатства, —

34 Наставники, отцы, сыновья, также деды, дядья, тесты, внуки, шурины, также и [прочие] родственники.

35 Не хочу я их убивать, пусть даже сам буду убит, о Губитель Мадху, даже ради власти над Тремя Мирами⁶², не говоря уже о земле.

36 Какая радость будет нам, о Джанардана, от убийства сынов Дхритараштры? Только грех падет на нас, если убьем этих разбойников⁶³.

37 Потому не должно убивать нам сынов Дхритараштры и [других] родичей. Как мы сможем быть счастливы, после того как убьем близких своих, о Мадхава?

38 Даже если они, чей дух совращен алчностью, не видят зла в истреблении рода и греха в предательстве друзей,

39 Как нам, в истреблении рода зло провидящим, не понять, что от преступления такого отворотиться должно, о Джанардана?

40 По истреблении рода гибнут древние законы рода, с гибелью закона всем родом беззаконие овладевает.

41 При власти же беззакония, о Кришна, разворачиваются женщины рода, а когда испорчены женщины, о потомок Вришни, происходит смешение сословий⁶⁴.

42 [Это] смешение ведет в ад губителей рода и [сам] род. Гибнут души их предков, лишённые приношений⁶⁵ и возлияний.

43 Из-за грехов этих губителей рода, к смешению сословий приводящих, рушатся законы касты⁶⁶ и непреходящие законы рода.

44 А нам поведано⁶⁷, о Джанардана, что людям, отринувшим законы рода, суждено пребывать в аду непременно.

45 Увы, то великий грех собрались мы совершить, из жадности радостей царствования убить готовые ближних своих!

46 Если меня, сопротивления не оказывающего и безоружного, вооруженные сыны Дхритараштры убьют в сражении, мне утешнее это будет.

Санджая сказал:

47 Молвив так, поник среди битвы⁶⁸ Арджуна, склонившись ко днищу своей колесницы, лук со стрелами бросивший, с душою, горестью омраченной.

Глава 24⁶⁹

Санджая сказал:

Ему, чей взор застилали слезы, жалостью столь одолаваемому, павшему духом, 1
такое слово молвил Губитель Мадху.

Преславный Господь сказал:

Откуда нашло на тебя в затруднении это уныние, неподобающее благо- 2
родным, отрешающее от неба, ведущее к бесславию, о Арджуна?

Не поддавайся слабости, о Партха, она тебя недостойна. Отринь жалкое 3
малодушие и воспрянь, о каратель врагов!

Арджуна сказал:

Как буду я в битве слать стрелы в Бхишму и Дрону, о Губитель Мадху, в 4
обоих, поклонения достойных, о истребитель врагов?

Уж лучше жить милостынею в этом мире, только не убивать старших, 5
благородством великих. Убив же старших, пусть и корыстолюбивых, сам-то
я кровью запятнанные буду вкушать здесь блага.

И мы не знаем, что лучше для нас, — победить или чтобы нас победи- 6
ли. Те, кого убив, мы уже сами жить не захотим, стоят они пред нами, сыны
Дхритараштры.

Жалости грех сокрушает мой дух⁷⁰. Тебя вопрошаю — в замешательстве 7
рассудок мой относительно долга!⁷¹ Что будет благом? Скажи мне решитель-
но. Я — ученик твой, научи меня⁷², к тебе прибегаю!

Ибо я не вижу, что может прогнать мое горе, от которого цепенеют мои чув- 8
ства, — даже если обрету на земле процветающее царство безраздельно или
же власть над самими богами.

Санджая сказал:

Так сказав Хришикеше, о каратель врагов, — «Я не буду сражаться!» — 9
сказал Гудакеша Говинде и умолк.

Ему, о Бхарата, меж двух воинств в отчаянье впавшему, Хришикеша, как 10
бы улыбаясь, молвил такое слово.

Преславный Господь сказал:

Ты горюешь о тех, о ком горевать не нужно, и [притом] ведешь мудрые речи⁷³, 11
а меж тем ни об умерших, ни об оставшихся в живых мудрецы не горюют.

Не было никогда так, чтобы я не существовал, как и ты, и эти владыки 12
народов, и после этого мы все существовать не перестанем.

Как в этом теле воплощенного⁷⁴ [минуя] детство, юность, старость, так 13
же [происходит] и обретение другого тела, — разумного это не смущает.

- 14 Соприкосновения с предметами⁷⁵, о сын Кунти, дают [ощущения] холода и жара, приятного и неприятного. Они приходят и уходят, непостоянные, переносят их⁷⁶, о Бхарата!
- 15 Муж, коего они, о муж-бык, не совращают, одинаковый в страдании и удовольствии, разумный⁷⁷, достоин бессмертия.
- 16 От Не-Сущего не возникает бытие, не возникает небытие от Сущего⁷⁸. Предел обоих⁷⁹ зрим для провидящих истину.
- 17 Знай, что неуничтожимо То, чем все это проникнуто⁸⁰. Никто не способен уничтожить это нетленное.
- 18 Сказано, что конечны [только] эти тела вечного воплощенного, неуничтожимо и неизмеримо;⁸¹ потому — сражайся, о Бхарата!
- 19 Кто думает о нем, что он убивает, и кто мыслит его убитым — оба те не ведают [истины]; он не убивает, и его не убивают⁸².
- 20 Не рождается он никогда и не умирает; не становясь, он и не становится впредь; нерожденный, постоянный, вечный, древний, не умерщвляется он, когда умерщвляется тело⁸³.
- 21 Кто знает его как неуничтожимо, постоянного, нерожденного и нетленного, как и кого такой человек может, о Партва, обречь смерти и кого может убить?⁸⁴
- 22 Как, ветхие одежды сбросив, новые, лучшие человек надевает, так, покинув ветхие тела, другие, новые, обретает воплощенный.
- 23 Не сечет его оружие, не палит его пламя, и воды не вымачивают его, не иссушает ветер.
- 24 Неуязвим он, неопалим он, неувлажняем и неиссушаем. Постоянный, всепроникающий, стойкий, неколебимый, он — вечен.
- 25 Непроявленным⁸⁵, немислимым, неизменяемым его называют. Поэтому, зная его таким, ты не должен печалиться.
- 26 И даже если ты думаешь, что он постоянно рождается или постоянно умирает, даже тогда, о мощнорукий, так о нем не должен ты печалиться.
- 27 Ведь рожденному смерть определена, умершему определено рождение, поэтому о том, чего не избежать, не должен ты печалиться.
- 28 Не проявлены существа в начале, проявлены в середине, о Бхарата, и опять не проявлены по кончине своей⁸⁶, о чем же тут сетовать?
- 29 Чудом узрит его кто-то, чудом же молвит о нем другой, и чудом иной его услышит, но и услышав, никто не знает его.
- 30 Воплощенный неистребим будет всегда в теле каждого, о Бхарата, потому ни о каком существе не стоит тебе печалиться.
- 31 И уже ради соблюдения долга не должен ты колебаться. Нет для кшатрия высшего блага, чем праведная битва⁸⁷.
- 32 И счастливы те кшатрии, о Партва, коим выпадает на долю подобная битва, что отверзает для них врата небес.

А если ты от этой праведной войны уклонишься, то, от своего долга и от славы отрекшись, грех навлечешь на себя. 33

И накличет на тебя людская молва бесславие навсегда, а для уважаемого человека бесславие — хуже смерти. 34

Великие воители подумают, что от боя ты уклонился из боязни; и ты падешь в глазах тех, кто высоко чтит тебя. 35

Много непотребных речей произнесут твои недоброжелатели, способности твои порицая, — что может быть огорчительней этого? 36

Либо, убитый, ты обретишь небо, либо, победив, будешь властвовать над землею; поэтому, на битву решившись, воспрянь, о сын Кунти! 37

Равно приемля радость и страдание, обретение и нужду, победу и поражение, снарядись тогда на битву и так не навлечешь на себя греха. 38

Эта мудрость поведена тебе в согласии с рассуждением, внемли же ей [теперь] в согласии с сопряжением. Мудрости этой причастный, о Партха, ты отринешь узы деяния⁸⁸. 39

Не станет в том усилии тщетным, не обратится то вспять. Даже самая малая доля той праведности ограждает от великой опасности⁸⁹. 40

Разум решимостью одушевлен и в том един, о радость куру. Разветвляется многообразно и завершенности не знает разум нерешительных⁹⁰. 41

И цветистое поучение то, которое проповедуют немудрые, упоенные словом Веды, о Партха, и утверждающие, что не дано иного, 42

Поглощенные желанием, взыскующие неба, — к [новому] рождению ведет [оно] как к плоду деяний, [предписывающее] обрядности многообразие ради достижения наслаждений и владычества. 43

Для тех, чья мысль увлечена им, приверженных наслаждениям и владычеству, недостижима проникнутая решимостью мудрость в сосредоточении⁹¹. 44

Кругу трех нитей-качеств⁹² принадлежат Веды, отрешись от [тех] трех нитей в совокупности их, о Арджуна, и от двойственности⁹³, пребывай утвержденным в истовости⁹⁴, чуждый скопидомства, владеющий собою. 45

Сколько [нужды] в колодце посреди половодья, столько же смысла во всех Ведах для брахмана, знания взыскующего. 46

Только на деяние имеешь ты право, [но] никогда — на его плоды. Не ставь себе целью обретение плодов деяний, и да не будет у тебя склонности к бездействию. 47

Утвердившийся в сопряженности, твори деяния, отбросив привязанность, о Завоеватель богатств, равнодушный при успехе и неуспехе, — уравновешенностью зовется [это] сопряжение⁹⁵. 48

Ведь намного ниже деяние, чем сопряжение мудрости⁹⁶, о Завоеватель богатств. Ищи убежища в мудрости. Жалки стремящиеся к плодам деяний. 49

50 Сопряженный с мудростью отрешается здесь и от добрых, и от дурных деяний. Поэтому сопрягайся с сопряженностью, сопряжение — умение в деяниях⁹⁷.

51 Ибо сопряженные с мудростью, отказавшись от плода, рожденного деянием, разумные, от уз рождений освободившиеся, идут в беспечальную обитель.

52 Когда разум твой одолеет его, тот мрак заблуждения, тогда придешь ты к отрешению от того, что предстоит услышать и что услышано⁹⁸.

53 Откровением смятенный⁹⁹, [лишь] когда утвердится разум твой стойко, в сосредоточении неколебимый, тогда ты сопряженности достигнешь.

Арджуна сказал:

54 Как описать твердого в понимании¹⁰⁰, утвердившегося в сосредоточении, о Кешава? Как ведет речь твердый умом, как покоится, как движется?

Преславный Господь сказал:

55 Когда [человек] отрешается, о Партха, от всех желаний, таящихся в душе, собою внутри себя удовлетворенный¹⁰¹, он зовется твердым в понимании.

56 Чья душа невозмутима в невзгодах и не ведает вожелдений в радостях, кого оставили страсти, страх и гнев, того почитают мудрым, умом утвердившимся.

57 Кто лишен пристрастия к чему-либо, равно приемлющий и доброе, и недоброе, кто не испытывает ни радости, ни отвращения, понимание того утверждено.

58 И когда он отвлекает совсем чувства свои от предметов чувствований, как [втягивает] свои члены черепаха, то понимание его утверждено.

59 Предметы отвращаются от невкушающего воплощенного, только вкус [их] остается, но и вкус уходит от того, кто узрел Высшее¹⁰².

60 Даже у прилагающего усилия, о сын Кунти, у разумного человека чувства, совратители, увлекают насильно мысль.

61 Все их укротив, да пребудет сопряженным, на мне сосредоточенный¹⁰³. В чьей власти чувства, у того понимание утверждено.

62 У человека, чьи думы направлены на предметы, рождается привязанность к ним. От привязанности возникает желание, от желания порождается гнев,

63 От гнева происходит заблуждение, от заблуждения — нетвердость памяти, от потери памяти — гибель разума¹⁰⁴, от гибели разума он погибает [сам].

64 Обращающийся же к предметам с чувствами, отрешенными от страсти и ненависти, Себе подчиненными¹⁰⁵, владеющий собою, достигает душевной ясности.

65 При душевной ясности оставляют его все страдания, с ясным же сознанием разум его утверждается¹⁰⁶ вскоре.

Для несопряженного¹⁰⁷ нет разума, нет осознания¹⁰⁸ для несопряженного, для не осознающего нет мира; а для неумиротворенного может ли быть счастье?

И мысль, подчиняющаяся блуждающим чувствам, уносит его понимание, как ветер — корабль на водах.

Потому-то, о мощнорукий, [лишь] у того понимание утверждено, у кого чувства отвлечены от предметов чувствований совершенно.

В той ночи, которая мрак есть для всех живых существ, бодрствует укротивший страсти; [время], когда бодрствуют существа, — ночь для прозревающего [истину] мудреца.

В ком все желания поглощаются, как изливаются воды в океан, невозмутимый, меж тем как они его наполняют, тот обретает мир [в душе], но не тот, кто желания свои лелеет.

Кто, отринув все желания, шествует [своим путем], неалчный, бескорыстный, несезбялюбивый, тот муж восходит к миру.

Таково брахмическое состояние¹⁰⁹, о Партха. Не заблуждается тот, кто его достигнет. Даже если в миг кончины в нем пребудет, он придет к угасанию в Брахмане¹¹⁰.

Глава 25¹¹¹

Арджуна сказал:

Если мудрость ты считаешь превосходящей деяние, о Джанардана, зачем на ужасное деяние меня подвигаешь, о Кешава?

Речью такую противоречивой ты словно бы смущаешь мой разум. Твердо скажи мне одно — то, чем достигну я блага.

Преславный Господь сказал:

В этом мире двоякого рода направленность объявлена мною, о безупречный, — сопряжение [путем] знания для рассчитывающих, сопряжение [путем] деяния для сопряженных¹¹².

Не воздержанием от деяний освобождается человек от [власти] деяния¹¹³, и не приходит он одним лишь отречением¹¹⁴ к совершенству.

Ибо никто ведь ни на мгновение не пребывает в [полном] бездействии; ведь каждого понуждают невольно к действию качества, врожденные природе.

Кто, [лишь] органы чувств обуздав, хранит в уме воспоминанья о предметах чувствований, тот, себя заморочивший, лицемером зовется.

Но кто, мыслью чувства обуздав, предпринимает, о Арджуна, органы чувств [настроив], деяния сопряженье, тот, будучи непривязанным¹¹⁵, возвышается.

- 8 Так свершай назначенное тебе дело, ибо деяние лучше бездействия, и даже телесное существование твое без действия невозможно будет.
- 9 Всякое дело, кроме свершаемого ради жертвоприношения, связывает в этом мире; потому, о сын Кунти, [лишь] привязанности лишненное твори деяние.
- 10 Некогда сказал Владыка созданий, сотворив создания с жертвою вместе: «Ею размножайтесь, да будет она вам волшебной коровой желаний.
- 11 Ею поддерживайте богов, и боги да поддерживают вас; поддерживая друг друга, вы обретете высшее благо.
- 12 Ибо дадут вам желанные радости жертвоприношениями поддерживаемые боги. Кто пользуется их дарами, [сам] их за то не одаривая, тот — вор поистине».
- 13 Добрые, питающиеся тем, что остается от жертвоприношений, освобождаются от всех грехов; [только] виной насыщаются нечестивцы, которые варят для себя¹¹⁶.
- 14 Пищею существуют существа, пища происходит от дождя, дождь происходит от жертвы, жертва осуществляется деянием¹¹⁷.
- 15 Знай, деяние происходит от Брахмана, [а] Брахман является из Непреходящего, потому всепроникающий Брахман постоянно в жертве утверждён¹¹⁸.
- 16 Кто за вращением этого колеса здесь не следует¹¹⁹, о Партха, тот, злонамеренный, чувственным наслаждениям преданный, живет напрасно.
- 17 Но тот человек, кто лишь в Себе ищет радость, кто Собою удовлетворен, Собою насыщенный, для того забот не существует¹²⁰.
- 18 Нет у него корысти никакой ни в действии, ни в бездействии, и ни к кому из живущих ему прибегать ради целей своих не нужно.
- 19 Потому дело, которое исполнить надлежит, без привязанности исполняй всегда, ибо человек, творящий дело без привязанности, достигает Высшего.
- 20 Ибо именно деянием достигли совершенства Джанака и другие, [подобные ему]. И ты дело верши, в мыслях имея единение мира¹²¹.
- 21 Что ни творит лучший, то же повторяют за ним другие люди, какой пример он дает, тому и следует мир¹²².
- 22 Нет для меня, о Партха, в трех мирах чего-либо, что надлежало бы свершить, нет ничего, что не достигнуто или чего достигнуть бы надлежало; и все же в деянии я пребываю.
- 23 Ведь если не пребуду я всегда неустанно в деянии, о Партха, моим путем последуют люди во всем.
- 24 Рушились бы эти миры, если бы не свершал я деяния, и был бы я свершителем смещения [сословий] и погубил бы этих тварей.
- 25 Как невежественные, будучи к деянию привязаны, действуют, так ведающий [истину], о Бхарата, без привязанности должен действовать, единению мира споспешествовать стремясь.

Да не породит он раздвоения в разуме невежественных, привязанных к деянию; ведающий, сопряженный, действуя, все деяния он да усладит¹²³. 26

О деяниях, что свойствами природы всегда творятся, тот, кто себя заморочил самостью, мыслит, будто он их творец¹²⁴. 27

Ведающий же суть, о мощнорукий, в различении тех свойств и их деяний, мыслит: «То нити-свойства в нитях вращаются» — и не привязывается¹²⁵. 28

Замороженные свойствами природы привязываются к деяниям тех свойств. Но тех скудоумных, чье знание несовершенно, обладающий совершенным знанием да не сбивает с толку. 29

Все деяния мне посвятив, с мыслью, в высшего Себя¹²⁶ [углубленной], свободный от упований и от самолюбования, сражайся, не ведая терзаний. 30

Те люди, что следуют этому воззрению моему постоянно, исполненные веры и незлобивые, избавляются от уз деяния. 31

Те же, злобствующие на мое воззрение, что не следуют ему, знай, слепы они для любого знания, погибли они, неразумные. 32

Даже обладающий знанием ведет себя согласно собственной природе. Природе следуют [все] существа. Что толку в подавлении? 33

Для каждого чувства определены влечение и отвращение к его предмету. Не должно подпадать под власть их, ибо то — преграды на пути. 34

Лучше свой долг, бесталанно исполненный, чем чужой, соблюденный превосходно; лучше смерть при исполнении своего долга, чужой долг опасностью чреват. 35

Арджуна сказал:

Но что побуждает человека грех совершать, даже того не желая, о потоков Вришни, словно он силою к тому принуждается? 36

Преславный Господь сказал:

Это желание, это гнев, из свойства страстности возникающий, [он], всепожирающий и многогрешный, знай, — это враг твой здесь. 37

Как огонь заволакивается дымом, как зеркало — пылью, как пленкою покрыт зародыш, так им этот [мир]¹²⁷ объят. 38

Знание им объято, вечным врагом знающего, образ желания принявшим, о сын Кунти, пламенем ненасытным. 39

Чувства, сознание и разум¹²⁸ называются вместилищем его; затмевая знание, ими вводит он в заблуждение воплощенного. 40

И поэтому ты, с самого начала чувства свои обуздав, о бык среди бхаратов, убей этого греховного разрушителя знания и познания!¹²⁹ 41

Чувства называют высшими, выше чувств — сознание, но выше сознания — разум, а что выше разума — то Он¹³⁰. 42

- 43 Так, разумея его, что выше разума, собою в себе утвердившись, срази врага, о мощнорукий, принявшего образ желаня, трудноодолимого.

Глава 26¹³¹

Преславный Господь сказал:

- 1 Это непреходящее учение я провозгласил Вивасвану, Вивасван поведал его Ману, Ману его изложил Икшваку¹³².
 2 Передавая так от одного к другому, ведали его царственные мудрецы, но за долгое время то учение было утрачено здесь, о каратель врагов.
 3 Вот это древнее учение и поведал я тебе сегодня, ибо преданный почитатель¹³³ ты мой и друг, оно же — великая тайна!

Арджуна сказал:

- 4 Позже было твое рождение, раньше было рождение Вивасвана. Как же мне понять это: что изначально провозгласил его ты?

Преславный Господь сказал:

- 5 Много минуло рождений моих и твоих тоже, о Арджуна. Все их я знаю, ты же не знаешь, о каратель врагов.
 6 Хотя не рожден я, и дух мой бессмертен, и владыка я существ, — над своей природою властвую, моею собственной майей я себя являю¹³⁴.
 7 Когда ни случается так, что приходит в упадок праведность, о Бхарата, и неправедность возвышается, тогда я создаю себя сам¹³⁵.
 8 Ради защиты благочестивых, ради истребления злодеев, ради утверждения праведности являюсь я из века в век.
 9 Божественно рождение мое и деяние, кто истинно ведает это, тот, покинув тело, не идет к новому рождению, но идет ко мне, о Арджуна.
 10 Отрешившиеся от страсти, страха и гнева, проникшие мною, прибегшие ко мне, многие, подвигом [того] знания очистившись, в мое бытие вошли¹³⁶.
 11 Как кто прибегает ко мне, так я их и приемлю; моим путем, о Партха, последуют люди во всем¹³⁷.
 12 Желаящие успеха своим деяниям приносят здесь жертвы божествам; ибо скоро приходит в мире людей успех, деяниями рожденный¹³⁸.
 13 Мною сотворено деление на четыре сословия в согласии с распределением свойств и деяний;¹³⁹ но знай, что, будучи создателем его, — отрешен я от деяния, нетленный.
 14 Деяния не пятнают меня — нет во мне стремления к плодам деяний; кто знает меня таким, тот не связывается деяниями.

Ведаю это, так же творили деяния древние, взыскующие избавления. По- 15
этому и ты деяние твори, как творилось оно древними в древнейшие времена.

Что есть деяние, что — недеяние? Даже мудрые блуждают в поисках 16
ответа. Я поведаю тебе о том, что есть деяние, и, узнав это, ты избавишься
от недоброго.

Следует ведь понимать, что есть деяние, и, что есть деяние недолжное, сле- 17
дует понимать, и следует понимать, что есть недеяние, — труднодостижим
деяния путь.

Тот, кто видит недеяние в деянии, кто в недеянии видит деяние¹⁴⁰, тот — 18
умудренный среди людей, тот — сопряженный, до конца деяния свершивший.

Того, чьи все начинания отрешены от желаний и замыслов, в огне знания 19
деяния испепелившего, пандитом называют мудрые.

Отринув привязанность к плодам деяний, всегда удовлетворенный, ни от 20
чего не зависящий, поистине, даже и занятый деянием, он ничего не деет.

Отрешившийся от всяких упований, мысль и себя обуздавший¹⁴¹, все оставив- 21
ший имуществу, лишь для тела нужные деяния творящий, он не впадает во грех.

Довольный тем, что достанется на его долю, превзошедший [всякую] 22
двойственность и лишенный зависти, к успеху и неудаче безразличный, он, и
действуя, уз не обретает.

У отрешившегося от привязанности, освободившегося, чья мысль утверждена 23
в знании, свершающего деяние как жертву¹⁴², оно растворяется полностью.

Приношение есть Брахман, возлияние есть Брахман, на огонь Брахмана 24
пожертвованное Брахманом, и Брахмана он должен достигнуть, сосредоточен-
ный на деянии ради Брахмана¹⁴³.

Некоторые сопряженные приносят жертву только богам, другие в огонь 25
Брахмана жертвою же совершают жертвенное возлияние¹⁴⁴.

Иные приносят жертву слухом и прочими чувствами на огонь самообу- 26
здания, и еще другие приносят жертву звуком и иными предметами чувств на
огни чувств¹⁴⁵.

Некоторые же приносят в жертву все деяния своих чувств и все деяния 27
жизненных сил¹⁴⁶ через самообуздание в огонь сопряжения, зажженный зна-
нием.

Жертвы вещественные, жертвы подвижничеством, жертвы сопряжением¹⁴⁷ 28
приносят некоторые; жертвы чтением и познанием¹⁴⁸ приносят отшельники,
соблюдающие суровые обеты.

Другие же приносят жертву вдыханием выдыханию и выдыханием вды- 29
ханию, закрывая пути вдоха и выдоха, сдерживанию дыхания¹⁴⁹ преданные.

Некоторые, ограничивая себя в пище, дыханием дыханиям приносят жерт- 30
ву¹⁵⁰. Все они — знатоки жертвоприношений, жертвоприношением грехи
уничтожающие.

- 31 Те, что вкушают амриту остатков жертвоприношений, идут к вечному Брахману. А кто жертву не приносит, не для того и этот мир, о лучший из куру, где же ему иного [достигнуть]?
- 32 Так многообразные жертвы приносятся в уста Брахмана¹⁵¹. Знай, что все они порождены деянием; ведая это, ты обретишь избавление.
- 33 Лучше вещественного жертвоприношения жертвоприношение знания, о каратель врагов. Всякое деяние без исключения, о Партха, достигает совершенства в знании¹⁵².
- 34 Познавай то преклонением, вопрошанием, служением. Знающие, провидящие истину, наставят тебя в знании,
- 35 Познав его, уже не впадешь ты в заблуждение, о сын Панду. Через то узришь ты все существа без изъятия в себе, а тогда и во мне¹⁵³.
- 36 Будь ты наигрешнейший из всех грешников, на корабле знания ты через всякий порок переправишься.
- 37 Как зажженный огонь обращает топливо в пепел, о Арджуна, так всякое деяние в пепел огонь знания обращает.
- 38 Ибо нет здесь очистительной силы, равной знанию. С течением времени сам обретает его в себе преуспевший в сопряжении¹⁵⁴.
- 39 Верующий обретает знание, ему целиком отдавшийся, обуздавший чувства; он, знание обрета, в недолгом времени достигает высшего покоя.
- 40 Невежественный же и неверующий, чей дух исполнен сомнения, гибнет. Нет ни этого, ни иного мира, ни счастья для того, кто сомнения исполнен.
- 41 Удалившего деяние сопряжением¹⁵⁵, знанием отринувшего сомнения, владеющего собою — деяния не связывают, о Завоеватель богатств.
- 42 Потому от незнания происходящее, в сердце пребывающее это сомнение свое знания мечом отсеки — и к сопряжению прибегни, воспрянь, о Бхарата!

Глава 27¹⁵⁶

Арджуна сказал:

- 1 Ты восхваляешь отрешение от деяний, о Кришна, а в то же время и сопряжение; что лучше из этих двух, скажи мне определенно.

Преславный Господь сказал:

- 2 Отрешение и сопряжение деяния оба ведут ко благу, ни с чем не сравнимому; но из них сопряжение деяния лучше отрешения от деяний.
- 3 Тот, кто не отвращается и не жаждет, должен почитаться утвердившимся в отрешении¹⁵⁷. Ибо свободный от двойственности, о мощнорукий, он легко избавляется от уз.

Что рассуждение и сопряжение¹⁵⁸ различны — не умудренные люди то 4
говорят, а глупцы. Должным образом прибегнувший хотя бы к одному, об-
ретаает плод и того, и другого.

То положение, которого достигают рассуждающие, доступно и сопряжен- 5
ным. Тот, кто рассуждение и сопряжение как одно видит, — видит поистине.

Но отрешения, о мощнорукий, трудно достигнуть вне сопряжения. С со- 6
пряжением сопряженный мудрец в недолгом времени приходит к Брахману.

С сопряжением сопряженный, очистивший душу, себя победивший, подчинивший 7
чувства, со всеми существами Душою единый¹⁵⁹, даже творя деяния, он не пятнается.

«Я не делаю ничего», — так мыслить должен сопряженный, знающий суть 8
вещей; видя, слыша, осязая, обоняя, вкушая, ступая, во сне пребывая, дыша,

Говоря, выделяя, схватывая, открывая и закрывая глаза при мигании, он 9
понимает: то лишь чувства обращаются на предметы чувств.

Кто действует, отдав свои деяния Брахману¹⁶⁰, отрешившись от привязан- 10
ности, тот не пятнается грехом, как лист лотоса не пятнается водою.

Телом, мыслью, разумом, одними чувствами только — творят деяния со- 11
пряжению преданные, оставив привязанности, ради очищения себя.

Сопряженный, отрехшись от плода деяний, обретаает конечный покой; не- 12
сопряженный, воздействием страсти к плоду привязанный, ввергается в узы.

Отрешившись мыслью от всех деяний, владеющий собою воплощенный 13
счастливо пребывает в девятивратном граде¹⁶¹, никак не действуя и не побуждая к действию.

Ни деятельности, ни деяний не творит для мира Властелин, ни соедине- 14
ния деяния с плодом; лишь движется самосуцая природа¹⁶².

Ни греха ничьего, ни благого деяния не приемлет Всепроникающий¹⁶³. 15
Знание облечено незнанием; оттого заблуждаются рожденные.

Но для тех, у кого то незнание Себя уничтожено знанием, знание, подобно 16
солнцу, озаряет то Высшее¹⁶⁴.

Тому посвятившие разум, Себя тому посвятившие, тем поддерживаемые, тому 17
приверженные, приходят к невозвращению смывшие знанием свои грехи.

На ученого и смиренного брахмана, на корову, на слона, даже на пса и 18
псоядца равно взирают мудрые¹⁶⁵.

Уже здесь побеждено творение¹⁶⁶ теми, чье сознание утверждено в [том] 19
равенстве. Ибо непорочен и равен [для всех] Брахман; потому они утверждены в Брахмане.

Не станет радоваться, обретая приятное, не придет в смятение, обретая 20
неприятное, тот, чей разум неколебим; не заблуждающийся, ведающий Брахмана, он утвержден в Брахмане.

- 21 Тот, чья душа не связана с внешними касаниями, находит счастье в собственной душе; непреходящее счастье вкушает тот, чья Душа сопряжена в постижении [истины] с Брахманом¹⁶⁷.
- 22 Те же наслаждения, что рождены касаниями, чреватые страданием поистине, имеют начало и конец, о сын Кунти; мудрый не радуется им.
- 23 Тот же, кто способен здесь еще до избавления от тела противостоять напору желания и гнева, тот человек сопряжен, тот — счастлив.
- 24 Кто обретает счастье внутри, радость внутри [себя], в ком внутренний свет, тот сопряженный, с Брахманом слиянный, достигает угасания в Брахмане¹⁶⁸.
- 25 Обретают угасание в Брахмане мудрецы, истребившие грехи, рассекшие двойственность, Себя подчинившие, в благе всех существ находящие радость.
- 26 Для подвижников, подчинивших помышления, отринувших желание и гнев, Себя познавших, — близко угасание в Брахмане.
- 27 Внешние касания вовне изгнав, взор утвердив посреди бровей, через нос проходящие вдох и выдох выровняв¹⁶⁹,
- 28 Мудрец, обуздавший чувства, мысль, разум, сосредоточившийся на избавлении, лишенный желания, страха и гнева, поистине — он навсегда избавлен.
- 29 Познав меня как того, кто приемлет жертвоприношения и подвижничество, великого владыку вселенной, друга всех живых существ, он достигает покоя.

Глава 28¹⁷⁰

Преславный Господь сказал:

- 1 Кто должное деяние творит, на плод деяния не полагаясь, тот и есть отрешенный, тот и есть сопряженный, а не тот, кто не возжигает огня и не совершает обрядов¹⁷¹.
- 2 То, что называют отрешением, знай, и есть сопряжение, о сын Панду, ибо никто не становится сопряженным, не отрешившись от умысла¹⁷².
- 3 Для мудреца, старающегося возвыситься до сопряженности, средством почитается деяние. Для него же, до сопряженности [уже] возвысившегося, средством почитается покой.
- 4 И если он ни к предметам чувств, ни к деяниям не привязан, отрешившийся от всякого умысла, возвысившимся до сопряжения почитают его.
- 5 Да возвысит он себя собою, да не унизит себя; ибо он сам есть друг самому себе, сам — самому себе враг.
- 6 Сам себе друг — кто победил себя собою; с не овладевшим же собой, самая Душа его¹⁷³ во вражде пребывает, врагу подобно.

Кто победил себя, в том, умиротворенном, Превышний Дух сосредоточен¹⁷⁴ — 7
и в зной, и в холод, в счастье и в несчастье, также в чести и в бесчестии.

Сопряженный, чей дух удовлетворен знанием и познанием, вознесшийся, 8
победивший страсти, зовется к сопряжению обращенным¹⁷⁵, для него одинаковы глина, и камень, и золото.

Отмечен тот, кто друзей, приятелей, врагов, безразличных, посторонних, нена- 9
вистных и родных, благочестивых и грешных — мыслит как равных.

Да сопрягает сопряженный постоянно Себя, пребывая скрытно, в уединении, 10
обуздавший мысль свою и Себя, лишенный упований, неимущий.

В чистом месте воздвигнув твердую опору для себя, не слишком возвы- 11
шенную и не слишком низкую, покрытую тканью, оленьей шкурой и травой
куша, одна над другой,

Сосредоточив сознание на одном, подавивший деятельность мысли и чувств, 12
воссев на той опоре, да прибегнет он к йоге ради самоочищения¹⁷⁶.

Тело, голову и шею ровно держа и неподвижно, стойкий, взор направив 13
на кончик носа и не оглядываясь по сторонам,

Умиротворенный Душою и лишенный страха, твердый в исполнении обета 14
целомудрия, сознание подавив, мыслью ко мне обратившись, сопряженный, да
восседает, поглощенный только мною.

Всегда так сопрягающий Себя, с подчиненной душою, достигает сопряжен- 15
ный мира, в упокоении завершающегося, что во мне пребывает¹⁷⁷.

Не для того йога, кто переедает, и не для того, кто совсем не ест, не для 16
того, кто привык много спать, но и не для [постоянно] бдящего, о Арджуна.

Для того, кто умерен в снедании и отдохновении, кто умерен в движениях 17
во время деяний, кто умерен во сне и в бодрствовании, существует йога, ис-
требляющая страдания.

Когда же подчиненная мысль в Себе лишь самом¹⁷⁸ утвердится, тогда, не- 18
чувствительный ко всем желаниям, зовется он обращенным к сопряжению.

Как не мигает светильник в безветренном месте — это сравнение отно- 19
сят к сопряженному, обуздавшему мысль, сопрягающему Себя в йоге¹⁷⁹.

Где мысль замирает, сдержанная соблюдением йоги, и где зрящий Себя 20
Собою в Себе довольство обретает¹⁸⁰.

То, что как высочайшее счастье, доступное разуму и выходящее за пре- 21
делы чувств, он воспринимает, в чем утвердившись, он уже не отпадает от
истины,

Что обрета, он уже другого обретения не мыслит, это превосходящего, в 22
чем утвердившись, он уже даже тяжким горем не бывает потрясен,

То следует знать как называемое йогою, приверженностью, отверженное 23
от подверженности страданию¹⁸¹. Та йога должна свершаться с решимостью,
с беспечальным сердцем¹⁸².

- 24 Отринув все без остатка желания, в умисле коренящиеся, мыслью подавив сонм чувств, [откуда бы ни нахлынули они],
- 25 Пусть успокаивает себя мало-помалу разумением, твердостью обузданным, и, мысль внутри Себя укрепив¹⁸³, да не помышляет ни о чем больше.
- 26 Чем бы ни влеклась колеблющаяся и нестойкая мысль¹⁸⁴, от того отвратив ее, Себе единому в подчинение ее да приведет.
- 27 Ибо высшее счастье к тому сопряженному приходит, чья мысль умиротворена, чья усмирена страсть, кто, безгрешный, становится един с Брахманом.
- 28 Так всегда сопрягая Себя¹⁸⁵, от грехов избавленный, беспредельное счастье соприкосновения с Брахманом вкушает сопряженный.
- 29 Себя, пребывающего во всех существах, и все существа в себе видит сопряженный с сопряжением, на все равно взирающий¹⁸⁶.
- 30 Кто всюду видит меня и все во мне видит, для того я не пропадаю и тот не пропадает для меня.
- 31 Меня, во всех существах пребывающего, кто почитает, в единстве утвержденный, где бы ни существовал он, тот сопряженный существует во мне.
- 32 Кто, прибегнув к уподоблению себе, равным все видит, о Арджуна, будь то в радости или в горе¹⁸⁷, тот почитается высочайшим из сопряженных.

Арджуна сказал:

- 33 Для этой сопряженности, которую ты объявил уравниваемостью¹⁸⁸, о Губитель Мадху, твердой основы не вижу я вследствие [нашей] изменчивости.
- 34 Ведь изменчива [у человека] мысль¹⁸⁹, о Кришна, беспокойна, упряма, упорна, я думаю, подчинить ее, как ветер, необычайно трудно.

Преславный Господь сказал:

- 35 Несомненно, о мощнорукий, трудно подчинить мятущуюся мысль, но ею овладевают, о сын Кунти, через усердие и бесстрашие¹⁹⁰.
- 36 Труднодостижимо сопряжение, я полагаю, для того, кто не обуздал себя, но для владеющего собою, для усердного, возможно достичь его [должными] средствами.

Арджуна сказал:

- 37 Исполненный веры, но не отрешившийся, тот, чья мысль удаляется от йоги, не достигнув совершенства в сопряженности, каким путем идет он, о Кришна?
- 38 И в том, и в другом сорвавшись¹⁹¹, словно развеянное облако, не гибнет ли он, о мощнорукий, лишенный опоры, заблудившийся на пути к Брахману?
- 39 Это мое сомнение, о Кришна, благоволи до конца разрешить, ибо ведь нет никого, кроме тебя, кто бы сомнение это разрешить был способен!

Преславный Господь сказал:

О Партха, ни здесь, ни в ином мире нет гибели для него. Ибо никто, благое 40
творящий, не вступает, сын мой, на пагубный путь.

Достигнув миров праведников и проведя там несчетные годы, в доме 41
честных и почтенных [людей] вновь рождается отпавший от йоги.

Или же он появляется в роду сопряженных, наделенных мудростью, а 42
рождение, подобное этому, очень нелегко обрести в мире.

Тогда приемлет он просветленность свою из прежнего воплощения¹⁹² и 43
опять затем стремится к совершенству, о радость куру.

Ибо тем прежним усердием влечется он [все далее] даже помимо воли, 44
а тот, кто познания йоги жаждет, выходит за пределы Брахмана-Слова¹⁹³.

Со рвением же прилагающий силы сопряженный, очистившийся от грехов, 45
совершенствующийся на протяжении многих рождений, достигает затем высшего убежища.

Сопряженный превосходит подвижников, считается он даже знающих 46
превосходящим, и творящих обряды сопряженный превосходит. Поэтому будь сопряженным, о Арджуна!

Из всех же сопряженных тот, кто внутренним существом своим ушедший 47
в меня почитает меня, исполненный веры, полагается сопряженным со мною.

Глава 29¹⁹⁴

Преславный Господь сказал:

Выслушай же, о Партха, как, прилепляющийся ко мне мыслью, [путем] 1
сопряжения сопрягаясь, ты, нашедший во мне опору, непременно всецело меня познаешь.

То знание вместе с познанием я поведаю тебе до конца, коим овладев- 2
шему уже не остается в сем мире ничего, что бы еще познать было должно.

Из тысяч людей едва один старается достичь совершенства, а из стараю- 3
щихся и достигших едва один кто-либо истинно знает меня.

Земля, вода, огонь, ветер, пространство, сознание, разум, а также самость — 4
такова моя восьмичастно разделенная природа¹⁹⁵.

То — низшая; узнай же о другой, высшей моей природе, о мощнорукий, 5
которая есть духовное существо¹⁹⁶, ею же поддерживается этот мир.

Помни, что живые существа — все из этого лона. Я же — всего мира 6
происхождение и растворение¹⁹⁷.

Нет ничего высшего, нежели я, о Завоеватель богатств, вся эта вселенная 7
нанизана на мне, как жемчуга на нити.

- 8 Я есмь вкус в воде, о сын Кунти, я — свет в луне и солнце, священный
 слог во всех Ведах, звук в пространстве, сила в мужах,
- 9 Чистый запах в земле, я есмь и яркость в пламени, я — жизнь во всех
 существах и подвижничество в подвижниках¹⁹⁸.
- 10 Знай, о Партха, что я — вечное семя всех существ, я есмь мудрость мудрых,
 отвага отважных я.
- 11 Я же — мощь мощных, свободная от желания и страсти¹⁹⁹, в существах
 я — желание, не противное добродетели, о бык среди бхаратов.
- 12 И какие ни бывают состояния — истовости, страстности либо косности²⁰⁰, —
 знай, все они от меня, я же не в них, как они — не во мне.
- 13 Этими тремя качественными состояниями ослепленный, не узнает весь этот
 мир меня, их превосходящего, нетленного.
- 14 Ибо трудноодолима эта моя божественная, из нитей-качеств слагаемая
 майя²⁰¹, но те, кто прибегнут ко мне, эту майю преодолеют.
- 15 Не прибегают ко мне злодеи, заблудшие, низкие среди людей, чье знание
 похищено майей, кто склоняется к демонскому²⁰² бытию.
- 16 Четырех родов добродетельные люди почитают меня, о Арджуна: страж-
 дущий, взыскующий знания, пользы домогающийся и знающий²⁰³, о бык среди
 бхаратов.
- 17 От них отличен знающий, постоянно сопряженный, исполненный преданно-
 сти единому²⁰⁴, ибо превыше [всего] дорог я знающему и он мне дорог.
- 18 Благородны все они, но знающий почитается мною, словно то — я сам,
 ибо он утверждается во мне, духом сопряженный, как в убежище, выше ко-
 торого нет.
- 19 По прошествии многих рождений обладающий знанием приходит ко мне,
 [ведая]: «Васудева есть все», но найти такого, духом великого, нелегко!
- 20 Те же, чье знание похищено всяческими желаниями, прибегают к иным бо-
 жествам, утверждаясь во всяческих запретах, замкнутые собственной природой.
- 21 Кто бы из поклоняющихся какой бы образ ни хотел почитать верою, его ту
 веру в него я утверждаю неколебимо²⁰⁵.
- 22 Наделенный тою верой, он его благоволения ищет и оттого получает ис-
 полнение желаний, — но мною же предопределенное.
- 23 Недолговечен, однако, плод, обретаемый теми малоумными. Жертвующие
 богам идут к богам, преданные же мне идут ко мне.
- 24 Непроявленного, подверженным проявлению мнят меня неразумные, не
 ведающие высшей моей природы, нетленной, непревосходимой.
- 25 Не для каждого явен я, окутанный волшебю сопряжения,²⁰⁶ этот заблуд-
 ший мир не знает меня, нерожденного, нетленного.
- 26 Я ведаю минувшие существа, и настоящие, о Арджуна, и будущие; меня
 же не ведают никто.

Все существа в сотворенном мире, о Бхарата, из-за ослепления двойственностью, происходящего от влечения и отвращения, впадают в заблуждение, о каратель врагов. 27

Но те люди, творящие добрые дела, чей грех пришел к концу, избавившись от ослепления двойственностью, почитают меня, твердые в исполнении обетов. 28

Те, кто, ко мне прибегнув, стремятся избавиться от старости и смерти, те Брахмана ведают всецело, и о том, что [у них] превыше Себя²⁰⁷, и о деянии досконально. 29

Те, что знают меня как то, что превыше существ и превыше божеств, и как то, что превыше жертв²⁰⁸, те, сопряженные сердцем, знают меня и в час кончины. 30

Глава 30²⁰⁹

Арджуна сказал:

Что есть Брахман, что — то, что превыше Себя, и что — деяние, Все- 1
вышний Муж, и что называют тем, что превыше существ, о чем говорят как о том, что превыше божеств?²

Что и как пребывает здесь, в этом теле, тем, что над жертвами, о Губитель 2
Мадху, и как познают тебя в час кончины подчинившие дух свой?²

Преславный Господь сказал:

Непреходящее, высшее — именуется Брахманом, своя природа — тем, что 3
превыше Себя, творение, вводящее существа в бытие, обозначается как деяние.

Преходящее бытие — то, что превыше существ, что превыше божеств — 4
то Муж, дух, а что над жертвами здесь, в этом теле, — то я сам²¹⁰, о лучший из воплощенных.

Кто в час кончины обо мне одном помня, оставив тело, уходит, тот идет в 5
мое бытие, в том нет сомнения. ✧

О каком бытии помышляя, покидает он тело в конце, о сын Кунти, в то и 6
входит он, всегда проникнутый тем бытием²¹¹.

Потому во все времена вспоминай обо мне и сражайся; сознание и ра- 7
зумение мне посвятивший, ко мне же и придешь, без сомнения.

Мыслью, упражнением сопряженной с сопряжением, не отвлекающейся ни 8
на что другое, следующий превышнему божественному Мужу к нему и идет, о Партха.

Кто о древнем Мудреце вспоминает, о наставнике, что наименьшего меньше, 9

вседержителе, чей непостижим образ, солнечноцветном, по ту сторону тьмы пребывающем,

10 В час ухода, мыслью неколебимый, исполненный преданности и силы сопряжения, правильно сосредоточив жизненную силу свою между бровей, тот идет к превышнему божественному Мужу²¹².

11 Что Непреходящим называют Вед знатоки, куда подвижники уходят, отрешившиеся от страстей, к чему стремясь, блюдут обет целомудрия, то — обитель, которую я опишу тебе вкратце²¹³.

12 Тела врата все затворив, удерживая сознание в сердце, направив жизненную силу свою к макушке²¹⁴, утвердившийся в удержании сопряжения,

13 Кто, слог Ом единый, что есть Брахман²¹⁵, произнося и меня вспоминая, уходит, покидая тело, тот идет высшим путем.

14 Кто всегда и постоянно помнит обо мне, ни на что другое мысль не обращая, для того сопряженного, постоянно сопряжению приверженного, я легко достигим, о Партха.

15 Ко мне придя, нового рождения, недолговечного логова страдания, уже не обретают великие духом, высшего совершенства достигшие.

16 Все миры, от обители Брахмы²¹⁶ начиная, обречены на возврат к жизни, о Арджуна; меня же достигнув, о сын Кунти, нового рождения не обретают.

17 Кто знает о протяженности дня Брахмы в тысячу юг и о протяженности ночи его в тысячу юг²¹⁷, те люди — истинные знатоки Дня и Ночи.

18 С приходом Дня возникают из Непроявленного все проявления, с приходом Ночи в том же они растворяются, называемом Непроявленным.

19 И этот сонм существ, рождаясь снова и снова, растворяется неизбежно с приходом Ночи, о Партха, и появляется с приходом Дня.

20 Но выше этого Непроявленного есть другое, вечное непроявленное бытие²¹⁸, которое не гибнет и тогда, когда все существа погибают.

21 Непреходящим зовется это непроявленное, о нем говорят как о высшей цели, коей достигнув, уже не возвращаются. То моя высшая обитель²¹⁹.

22 То высший Дух, о Партха, достижимый только через безраздельную преданность, в ком пребывают все существа, кем все это проникнуто.

23 В какое время сопряженные уходят, чтобы уже не вернуться, и в какое время уйдя, возвращаются, я расскажу тебе, о бык среди бхаратов.

24 Огонь, свет, день, светлая половина месяца, шесть месяцев северного пути солнца — люди, что ушли той стезей, идут к Брахману, ведающие Брахмана.

25 Дым, ночь, также темная половина месяца, шесть месяцев южного пути солнца — сопряженный, той стезей [ушедший], обретя свет луны, возвращается²²⁰.

Ибо эти светлый и темный пути почитаются вечными в мире. Одним уходят 26
безвозвратно, другим уйдя, возвращаются снова.

Знающий эти стези сопряженный никогда не впадет в заблуждение, о 27
Партха. Поэтому во все времена, о Арджуна, да пребудешь ты сопряжен с
сопряжением.

Тот добродетели плод, что указан для Вед, для жертвоприношений, для 28
подвигов умерщвления плоти и еще для даров, — его превосходит сопряженный,
ведающий все это²²¹, и в изначальную и высшую идет он обитель.

Глава 31²²²

Преславный Господь сказал:

Это тайное из тайных поведаю тебе, незлобивому, знание в сочетании с 1
познанием²²³, которое узнав, ты избавишься от недоброго.

Царственное знание, царственная тайна, высшее очищение — въяве пости- 2
жимо оно²²⁴, с законом согласно, легко осуществить его. Оно — нетленно.

Люди, что не веруют в этот закон, о каратель врагов, не достигнув меня, 3
возвращаются на путь смертного круговорота.

Мною в непроявленном образе проникнут весь этот мир; во мне все су- 4
щества имеют пребывание, но я не пребываю в них.

Но и не пребывают во мне существа; узри мою владычную йогу. Дух 5
[сокровенный] мой, который есть начало существ, поддерживает существа, но
не пребывает в существах²²⁵.

Как пребывает постоянно в пространстве великий всепроникающий воз- 6
дух, так, пойми, и все существа пребывают во мне.

Все существа, о сын Кунти, идут в мою природу по окончании эры²²⁶, и в 7
начале эры я снова их из себя исторгаю.

Опираясь на свою природу, снова и снова я исторгаю весь этот сонм су- 8
ществ, перед властью природы безвольных²²⁷.

И меня те деяния не связывают, о Завоеватель богатств, в бесстрастии 9
пребывающего, к тем деяниям не пристающего.

Под моим надзором природа рождает движущееся и недвижимое; по этой 10
причине, о сын Кунти, и вращается мир.

Принявшего человеческий образ презируют меня заблуждающиеся, не ве- 11
дая моего высшего бытия великого владыки существ.

Тщетны надежды, тщетны деяния, тщетны знания их, неумных, бесовской 12
и демонской обманной природе²²⁸ предавшихся.

Великие же духом, о Партха, божественной природе преданные, чтут меня 13
безраздельно всею душою, зная меня как нетленное начало существ.

- 14 Вечно славящие меня и стремящиеся [ко мне], твердые в обетах и преклоняющиеся с преданностью, постоянно сопряженные почитают меня.
- 15 И другие, мне жертву зная приносящие, почитают меня как единого [либо] раздельно, как во все стороны обращенного многообразно²²⁹.
- 16 Я — обряд, я — жертва, я — возлияние предкам²³⁰, я — священная трава²³¹, я — святое слово²³², я — жертвенное масло, я — огонь, я — в него приношение.
- 17 Я — отец этого мира, и мать, и устроитель, и прародитель, я — познаваемое, очищающее, слог Ом, гимн, песнопение и жертвенное речение²³³.
- 18 Я — убежище, кормилец, властелин, свидетель, обитель, защита, друг, происхождение, растворение, местопребывание, сокровище, нетленное семя.
- 19 Я опалю зноем, я удерживаю и изливаю дождь. Я — бессмертие, я же — и смерть, Сущее и Не-Сущее²³⁴, о Арджуна.
- 20 Ведающие тройственное знание²³⁵, пьющие сому²³⁶, очистившиеся от грехов, принося мне жертвы, молят о пути на небо. Святого мира Индры бессмертных²³⁷ достигнув, вкушают они на небесах небесные радости богов.
- 21 Обширным неба миром насладившись, они возвращаются в мир смертных, когда истощаются их заслуги. Так, следующие трех Вед закону, лишь уход и приход²³⁸, соблазненные желанием, они обретают.
- 22 Но кто, безраздельно обо мне помышляя, меня почитает, тем, постоянно сопряженным, я приношу сохранность приобретенного.
- 23 И даже те, кто, будучи другим божествам преданы, жертву приносят, исполненные веры, даже они жертвуют мне, о сын Кунти, хотя и не тому предписанью следуя.
- 24 Ибо я есмь вкуситель и владыка всех жертвоприношений, но они не знают меня истинно и потому отпадают.
- 25 Почитатели богов идут к богам, к предкам идут почитатели предков, к духам идут приносящие жертвы духам, жертвующие же мне идут ко мне.
- 26 Лист, цветок, плод, воду кто с преданностью мне приносит, от того истого почитателя преданности приношение²³⁹ я приемлю.
- 27 Что бы ты ни делал, что бы ни вкушал, что бы ни приносил возлиянием в жертву, что бы ни подавал, какое бы ни свершал подвижничество, о сын Кунти, делай это как приношение мне.
- 28 Так ты освободишься от уз деяния²⁴⁰, заключающихся в добрых и недобрых плодах его, и, с отрешением и сопряжением душою сопряженный²⁴¹, свободный, ты придешь ко мне.
- 29 Одинаков я ко всем существам, нет для меня ни ненавистного, ни любимого. Но кто почитает меня с преданностью, те — во мне, а я — в них.
- 30 Даже человека очень дурного поведения, если он меня, безраздельно преданный, почитает, следует полагать благочестивым, ибо верной решимости он исполнен²⁴².

Скоро становится он праведен душою и обретает вечное умиротворение. 31
Знай твердо, о сын Кунти, — не гибнет преданный мне.

Ибо прибегнувшие ко мне, о Партха, будь они грешного рождения даже, 32
[будь то] женщины, вайшьи, да и шудры, — и они идут высшим путем.

Что же говорить тогда о брахманах святых и о благоговеющих царствен- 33
ных мудрецах! В этот непостоянный и несчастливый мир придя, будь предан
мне благоговеюно!

Ко мне будь мыслью обращен, передо мной благоговей, мне жертвуя, мне 34
поклоняйся. Так, духом став сопряжен, придешь ко мне, меня высшей целью
почитай.

Глава 32²⁴³

Преславный Господь сказал:

И еще, о мощнорукий, внемли моему высокому слову, [тому], что я тебе, любви 1
исполненному²⁴⁴, молвить буду, блага тебе желая.

Не ведают происхождения моего ни сонмы бессмертных, ни великие про- 2
видцы, ибо всяко я — и богов, и великих провидцев начало.

А кто меня, нерожденного, безначального ведает, великого миров вла- 3
дыку, тот, незаблуждающийся среди смертных, освобождается от всех гре-
хов.

Мудрость, знание, незаблуждение, терпение, истина, воздержание, покой, ра- 4
дость, страдание, существование и его прекращение и страх, и бесстрашие,

Невреждение, беспристрастие, удовлетворенность, подвижничество, даяние, 5
слава, бесславие — суть различные состояния существ, происходящие от меня
только²⁴⁵.

Семеро великих провидцев изначальных и еще четверо Ману²⁴⁶ — моей 6
природы, моей мыслью они рождены, от них же происходят эти твари во все-
ленной.

Это всепроникающее проявление мое и йогу мою²⁴⁷ кто поистине ведает, тот 7
со мною сопряженностью неко~~т~~бимой сопряжен, в этом нет сомнения.

Я — происхождение всего, все развивается из меня, — признавая это, 8
почитают меня мудрые, проникнутые чувством²⁴⁸.

Ко мне мыслью устремленные, жизнь доверившие мне, вразумляющие 9
взаимно друг друга, постоянно беседующие обо мне, они мною удовлетворя-
ются и радуются мне.

Тем навечно сопряженным, с любовью меня почитающим, я дарую сопря- 10
жение мудрости, коим они достигают меня.

Ради них же я из сострадания, в [их] собственной природе пребывая²⁴⁹, 11
незнанием порожденную тьму²⁵⁰ рассеиваю сияющим светочем знания.

Арджуна сказал:

- 12 Ты — высочайший Брахман, высочайшая обитель, очищение высочайшее,
 Мужем вечным, небесным, первым из богов, нерожденным, вездесущим²⁵¹
- 13 Называют тебя все провидцы, божественный мудрец Нарада также, Асита,
 Девала, Вьяса, да и сам ты мне то же речешь.
- 14 Все это я считаю верным, что сказал ты мне, о Кешава; ведь явления твоего,
 о Господи, не ведают ни боги, ни демоны.
- 15 Себя собою только сам ты ведаешь²⁵², о Всевышний Муж²⁵³, Осуществле-
 ние существ, Владыка существ, Бог богов, Властелин мира!
- 16 Соизволь же все без исключения рассказать мне, ибо дивны проявления
 Духа твоего, коими силами²⁵⁴ эти миры проникая, ты [в них] пребываешь.
- 17 Всегда о тебе размышляя, как мне познать тебя, о Владующий йогой? В
 каких состояниях доступен ты, о Господи, мысли моей?
- 18 Пространно, о йоге своей и о своем всепроникающем проявлении, о Джа-
 нардана, расскажи [мне] еще, ибо не утолил я жажду внимать амрите [речи твоей]!

Преславный Господь сказал:

- 19 Хорошо, я расскажу тебе, ибо дивны проявления Духа моего, [но только]
 главное, о лучший из куру; пространному же изложению их нет конца.
- 20 Я — [сокровенный] Дух²⁵⁵, о Гудакеша, пребывающий в сердцах всех
 существ, я — и начало, и середина существ, и конец их тоже.
- 21 Из Адитьев я — Вишну, из светил — лучезарное солнце, из Марутов я —
 Маричи, меж звезд я — месяц,
- 22 Из Вед я — Веда Песнопений, из богов я — Предводитель Васу, меж
 чувств я — сознание, у существ я — восприятие²⁵⁶,
- 23 Из Рудр я — Шанкара, меж якшей и ракшасов — Владыка богатств, из
 Васу я — Павака, среди гор я — Меру,
- 24 Из верховных жрецов меня как главного знай, о Партха, — как Брихас-
 пати, из полководцев я — Сканда, из водоемов — Океан,
- 25 Из великих провидцев я — Бхригу, из возгласений я — непреходящий
 слог²⁵⁷, из жертвоприношений я — жертва тихой молитвой²⁵⁸, из твердынь я —
 Хималая,
- 26 Из всех деревьев я — священная смоковница²⁵⁹, из божественных мудрецов я —
 Нарада, из гандхарвов — Читрататха, из совершенных²⁶⁰ — Капила-мудрец,
- 27 Меж коней знай меня как Уччайхшраваса, возникшего из амриты, как
 Айравату меж владычных слонов, а меж людей — как царя,
- 28 Из оружий я — ваджра, из коров — исполняющая желания²⁶¹, я — и по-
 рождающий Кандарпа, я — Васуки среди змиев,
- 29 Среди нагов я — Бесконечный, меж морских исполинов я — Варуна, среди
 предков я — Арьяман, а среди обуздывающих я есмь Яма²⁶²,

Из дайтев я — Прахлада, из исчисляющих — Время²⁶³, из зверей я — царь 30
зверей²⁶⁴, а из пернатых — сын Винааты,

Из очищающих я — воздух²⁶⁵, из носящих оружие — Рама я, из рыбин я — 31
макара²⁶⁶, среди потоков — дочь Джакхну,

Творений — начало и конец, и середина я же, о Арджуна, из наук я — 32
наука о Высшем Духе²⁶⁷, я — суждение обсуждающих²⁶⁸,

Из букв я — буква А²⁶⁹, а в сложении слов — двандва²⁷⁰, я также — 33
непреходящее время, я — Создатель, повсюду лицом обращенный²⁷¹,

Я — и всеуносящая смерть, и будущих существ происхождение, из жен- 34
ских ипостасей я — Слава, Удача, Речь, Память, Мудрость, Стойкость и
Терпеливость.

Из песнопений я — Большое песнопение²⁷², из стихотворных размеров — 35
гятри, из месяцев я — маргаширша²⁷³, из времен года — весенний расцвет,

Из плывущих я — игра в кости, из блистательных я — блистание, я есмь 36
победа, есмь решимость, я — истовость истовых,

Из Вришни я — Васудева, из Пандавов — Завоеватель богатств, из муд- 37
рецов я — Вьяса, из озаренных²⁷⁴ я — Озаренный Ушанас,

Я — жезл²⁷⁵ обуздывающих, я — хитроумие²⁷⁶ у завоевателей, я же — 38
молчание меж тайнств, я — знание знающих.

И какое ни есть у всех существ семя, то — я, о Арджуна, нет ничего дви- 39
жущегося или недвижимого, что могло бы существовать помимо меня.

Нет конца моим дивным всепроникающим проявлениям, о каратель вра- 40
гов; лишь примерами пояснил я необъятность проявления моего.

И какое ни есть существо, даром проявления отмеченное, прекрасное или 41
могучее, знай, что произошло оно от доли моего блистания.

Однако же к чему тебе это многое знание, о Арджуна? Поддерживая 42
цельный этот мир, лишь единой долею моей я в нем пребываю.

Глава 33²⁷⁷

Арджуна сказал:

Та речь о величайшей тайне, Высший Дух означающей, что из милости ко 1
мне ты поведал, рассеяла заблуждение мое.

О возникновении и уходе существ пространное слово от тебя я услышал, 2
о лотосоокий, а также о непреходящем величии твоего духа.

Как ты объявил о себе, о Превышний владыка, так оно и есть; но твой 3
владычный образ хочу я узреть, о Всевышний Муж!

Если ты считаешь возможным для меня, о властелин, увидеть это, тогда, о 4
Владыка йоги²⁷⁸, мне яви себя непреходящего!

Преславный Господь сказал:

5 Узри же, о Партха, образы мои стократно и тысячекратно [явленные], различные, дивные, разных цветов и видов.

6 Узри Адитьев, Васу, Рудр, Ашвинов и Марутов, многие невиданные чудеса узри, о Бхарата.

7 Здесь узри ныне весь единый мир, движущееся и недвижимое, в теле моем, о Гудакеша, и все другое, что ты видеть хочешь.

8 Но не можешь ты меня узреть оком этим своим. Божественное зрение дарую я тебе, узри мою владычную йогу!

Санджая сказал:

9 Молвив это, о царь, Партхе явил тогда Хари, великий владыка йоги, свой высочайший владычный образ,

10 Многоустый и многоокий, многие являющий чудеса, многими блистающий дивными украшениями, многие дивные оружия воздымающий,

11 В дивные облаченный одежды с гирляндами, дивными умащенный мазями и благовониями, вещающий все чудеса, божественный, беспредельный, во все стороны обращенный.

12 Если бы заблестал на небе свет тысячи солнц одновременно²⁷⁹, он был бы подобен сиянию его, духом великого.

13 Тогда весь единый мир, многожды разделенный, узрел сын Панду там, в теле Бога богов.

14 Повергнутый в изумление, объятый трепетом, молвил тогда Завоеватель богатств, перед Богом голову склонив и руки сложив в ладони.

Арджуна сказал:

15 Вижу, о боже, в теле твоём всех богов и сонмы различных существ, Владыку Брахму, восседающего на троне-лотосе, и всех провидцев, и божественных змиев.

16 Во образе вижу тебя, во все стороны бесконечном, со множеством рук, животов, ликом и очей, но не вижу ни конца твоего, ни середины, ни начала тоже, о владыка вселенной, образ вселенский!

17 Увенчанного диадемой вижу тебя, носителя палицы и диска, блистания громаду, во все стороны светящего, ослепительного, откуда ни глянь, огня и солнца неизмеримым сиянием сверкающего.

18 Ты — непреходящее, высшее познаваемое²⁸⁰, ты — высшее убежище²⁸¹ для вселенной, ты — нетленный хранитель вечного Закона, как предвечного Мужа мыслю я тебя.

19 Как не имеющего ни начала, ни середины, ни конца и бесконечной мощью обладающего вижу тебя, чьи руки бесконечны, чьи очи — луна и солнце, чьи уста²⁸² — сверкающий огонь, вселенную эту блистанием своим опаляющего.

Ведь это пространство между небом и землею тобою одним объято — 20
как и все страны света; при виде этого чудного и грозного образа твоего
содрогаются три мира, о великий духом!

И вступают в тебя²⁸³ эти сонмы небожителей, и некоторые, уstraшенные, 21
сложив ладони, хвалу тебе возносят; сонмы великих провидцев и совершен-
ных, благословляя, славословиями звучными славят тебя.

Рудры и Адитьи, Васу и те Садхьи, Вишведевы, Ашвины, Маруты и Пью- 22
щие пар²⁸⁴, и сонмы гандхарвов, якшей, демонов и совершенных — все, удив-
ления преисполненные, на тебя взирают.

При виде великого твоего образа, многоликого и многоокого, о мощно- 23
дланый, со многими руками, бедрами и ногами, многими животами, ужасаю-
щего многими клыками, содрогаются миры и я тоже!

Ибо, когда я вижу тебя, неба касающегося [головой], сверкающего, много- 24
цветного, с разверстым зевом, с огромными сверкающими глазами, содрогает-
ся все существо мое до глубины души и не нахожу я ни твердости, ни по-
коя, о Вишну!

И когда я вижу лики твои, ужасающие клыками, Огню Времени подоб- 25
ные²⁸⁵, не различаю я стран света и не чаю защиты. Смилуйся, о владыка
богов, миров обитель!

И к тебе все эти сыны Дхритараштры вместе с сонмами земных царей, 26
Бхишма, Дрона и сын возницы, также с нашими военачальниками вместе

В страшные пасти твои, ужасающие клыками, несутся, и видно, что у неко- 27
торых, между зубами застрявших, раздроблены головы.

Как многие потоки речные в сторону океана стремятся, так эти мужи мира 28
людского в пылающие пасти твои входят.

Как в светильника пламень влетают стремительно мошки, чтобы там по- 29
гибнуть, так стремительно входят в пасти твои эти люди на свою погибель.

Своими пылающими устами слизывает ты отовсюду эти миры целиком, 30
пожирая; блеском своим целиком заполняя вселенную, блистание твое грозное
опалает ее, о Вишну!

Скажи мне, кто ты, грозный обликом! Слава тебе, смилуйся, о лучший из 31
богов! Я хочу тебя узнать, первоизданного, ибо не ведаю я твоего устремле-
ния.

Преславный Господь сказал:

Я есмь Время²⁸⁶, разрушение мира творящее, назревшее, к уничтожению 32
здесь людей тяготеющее. И помимо тебя существовать перестанут все эти
воины, противостоящие во враждебных ратях друг другу.

Потому воспрянь и славу обрети. Врагов победив, владей процветающим 33
царством! Мною они уже прежде убиты, ты лишь орудием будь, о Савья-
сачин!

34 И Дрону, и Бхишму, и Джаядратху, также Карну и других воителей-героев, уже обреченных мною, рази, не колеблись, сражайся! В бою ты победишь соперников своих.

Санджая сказал:

35 Эти слова Кешавы услышав, сложил ладони, трепеща, Увенчанный и, вновь почести Кришне воздав, молвил голосом дрожащим, в великом страхе преклонившись перед ним.

Арджуна сказал:

36 Как и должно, о Хришикеша, радуется и ликует мир, тебя прославляя. Устрашенные бесы разлетаются прочь, сонмы же совершенных все поклоняются тебе.

37 И как, о великий духом, не поклониться им тебе, Брахму самого превосходящему величием, изначальному творцу?²⁸⁷ О владыка богов, беспредельный, убежище мира, ты — непреходящее, ты — и бытие, и небытие, и то, что за пределами этого.

38 Ты — изначальный Бог, Муж древний, ты — высшее убежище для этого всего, ты — знающий и познанию подлежащее, и высшая обитель, тобою проникнуто все, о ты, чьи образы бесконечны!

39 Ты — Ваю, Яма, Агни, Варуна, Шашанка, Владыка созданий ты и Прародителя предков, слава, слава тебе тысячекратно, и снова, и еще — слава, слава тебе!

40 Славлю тебя пред тобою и позади тоже, отовсюду слава тебе, о всеобъемлющий! Беспредельна мощь твоя, и неизмерима доблесть, ты достигаешь всего, и потому ты — все!

41 Что ни говорил я тебе необдуманно, всего лишь за друга тебя почитаю, величия твоего не ведающий: «Эй, Кришна, эй, Ядава, эй, дружище», — из легкомыслия, либо даже по любви,

42 Какое непочтение оказал тебе шутки ради — во время развлечения, трапезы, на ложе или на сиденье, наедине или в чьем-либо присутствии, о Неколебимый, в том прошу я прощения у тебя, неизмеримого.

43 Ты — отец мира движущегося и недвижимого, тот, кого чтить ему надлежит, и величайший учитель его, нет равного тебе, откуда же во [всех] трех мирах возьмется превосходящий тебя, о ты, чье могущество подобия не имеет!

44 Потому, склонившись и простершись ниц перед тобою, я молю тебя о милости, достославного владыку, да изволишь ты так снисходителен быть ко мне, о Боже, как отец к сыну, как ко другу друг, как к любимому любящий!

45 Возрадовался я, узрев не виданное прежде, но и преисполнилась душа моя страхом. Так яви же мне, о Боже, [свой прежний] образ, смилуйся, о владыка богов, миров обитель!

Увенчанного, с палицей, с диском в руке, хочу я опять увидеть тебя. При- 46
ми тот четырехдланный облик²⁸⁸ свой, о тысячерукий, вселенский образ [явив-
ший]!

Преславный Господь сказал:

Из милости явил я тебе, о Арджуна, йогою духа моего свой высший об- 47
раз — пламенный, вселенский, беспредельный, изначальный, — которого ник-
то, кроме тебя, не видел прежде.

Ни изучением Вед и жертвоприношений²⁸⁹, ни дарами, ни обрядами, ни 48
жестокими самоистязаниями не добиться в мире людей никому, кроме тебя,
того, чтобы узреть меня в образе таком, о герой рода Куру.

Не трепещи и не смущайся духом при виде этого столь грозного образа моего. 49
Страх отринув, с радостной душою все тот же [прежний] узри мой образ опять.

Санджая сказал:

Так Арджуне молвив, явил ему свой образ Васудева снова. Его, уstraшен- 50
ного, он успокоил, великий духом, приняв опять свой благостный облик.

Арджуна сказал:

Увидев этот твой человеческий благостный образ, о Джанардана, я теперь, 51
сбравшись с духом, пришел в себя.

Преславный Господь сказал:

Труднодоступен весьма для взора этот мой образ, что ты увидел. Сами 52
боги образ этот узреть постоянно тщатся.

Ни через Веды, ни через подвижничество, ни через даяние, ни через жерт- 53
воприношение невозможно увидеть меня в образе подобном, в каком ты меня
узрел.

Только через безраздельную преданность, о Арджуна, можно познать меня 54
таким, узреть поистине и войти в меня, о врагов каратель.

Кто деяние творит ради меня, кто мнит меня высшим, преданный мне, от- 55
ринувший привязанности, не питающий вражды ни к кому из существ, тот идет
ко мне, о сын Панду!

Глава 34²⁹⁰

Арджуна сказал:

Те, что сопряжены так непреложно, преданные, поклоняющиеся тебе, и те, 1
что Непреходящее непроявленное почитают, — кто из них лучше ведает йогу?²⁹¹

Преславный Господь сказал:

2 Те, кто, мысль свою на мне сосредоточив, чтут меня, постоянно сопряженные, наделенные высшею верой, — их я лучшими из сопряженных считаю.

3 Те же, которые чтут Непреходящее, неопределимое, непроявленное, вездесущее и непостижимое, вознесенное²⁹², незыблемое, стойкое,

4 Чувств гурьбу обуздав, равно обо всем разумеющие, — они тоже достигают меня, радующиеся благу всех существ.

5 Больше тягота тех, чье сердце приникает к непроявленному, ибо трудно достигнуть телесным существам непроявленной цели.

6 Но тех, кто, посвятив мне все деяния, меня постигая, мною совершенно поглощенные, чтут меня с безраздельным сопряжением,

7 Таких, незамедлительно из пучины смертного круговорота я извлекаю, о Партха, мыслью на мне сосредоточенных.

8 На мне утверди свое сознание, во мне помести разумение свое, и с этой поры, нет сомнения, во мне одном обретешь пребывание²⁹³.

9 Но если мысль на мне сосредоточить твердо не можешь, тогда неустанным сопряжением²⁹⁴ пытайся достичь меня, о Завоеватель богатств.

10 Если же и к неустанному упражнению [души] ты не способен, пусть высшим для тебя станет деяние во имя мое²⁹⁵; уже [только] ради меня творя деяния, ты достигнешь совершенства.

11 А если и это делать ты не способен, тогда, йогой моей вдохновенный²⁹⁶, смиривший дух свой, откажись от плода всякого деяния.

12 Ибо знание лучше упражнения, предпочтительнее знания — созерцание, созерцания лучше — отвержение плода деяния, выше отвержения сразу — покой²⁹⁷.

13 Ко всем существам не питающий злобы, дружелюбный и сострадательный, бескорыстный, несебялюбивый, равный и в горе, и в счастье, терпеливый,

14 Всегда удовлетворенный йогин, смиривший дух, твердый в решениях, посвятивший мне сознание свое и разумение, — тот, преданный мне²⁹⁸, мне дорог.

15 Кого не страшится мир и кто не страшится мира, избавившийся от радости и негодования, страха, тревоги, — и тот дорог мне.

16 Не питающий надежд, чистый, искусный, бесстрастный, избавленный от волнений, отказавшийся от всех предприятий — тот, кто предан мне, мне дорог.

17 Кто не радуется, не злобствует, не печалится, не жаждет, отрешившийся от доброго и недоброго, кто исполнен преданности — тот дорог мне.

18 Равно относящийся к врагу и к другу и так же к уважению и презрению, равный в холоде и в жаре, в счастье и несчастье, избавившийся от привязанностей,

Приемлющий равно порицание и хвалу, молчальник, всем, что ни есть, до- 19
вольный, бесприютный, твердый в мнениях, исполненный преданности — до-
рог мне [такой] человек.

Но те, что святую амриту эту²⁹⁹, как оно изречено было, чтут во всей пол- 20
ноте, верующие, почитающие меня превыше всего, преданные, — те особенно
дороги мне.

Глава 35³⁰⁰

Преславный Господь сказал:

Это тело, о сын Кунти, зовется полем, того, кто ведает его, познавшим поле³⁰¹ 1
называют ведающие это.

Знай же меня как познавшего поле во всех полях³⁰², о Бхарата! Знание 2
поля и познавшего поле — вот что полагаю я знанием.

Что есть поле, каково оно, каковы его изменения, откуда оно и кто он³⁰³, 3
какова его власть — в сжатом изложении от меня это выслушай.

Провидцами воспето это многообразно в различных гимнах [в каждом] по 4
отдельности, а также обосновано и определено в стихах «Поучений о Брахмане»³⁰⁴.

Великие стихии, самосознание, разумение, а также Непроявленное, десять 5
чувств и еще одно и пять сфер чувств,

Желание, ненависть, наслаждение, страдание, организм, осмысление, постоян- 6
ство — вот в сжатом определении поле с производными от него³⁰⁵.

Отсутствие гордыни, бесхитростность, невреждение, терпеливость, прямо- 7
та, служение наставнику, чистота, неколебимость, самообладание,

Отвращение от предметов чувств, а также несебялюбие, помышление о 8
страдании и пороках, заключенных в рождении, смерти, старости и болезни,

Непривязанность, отрешение от пристрастия к сыну, жене, дому и проче- 9
му, постоянное равнодушие к желанным и нежеланным событиям,

Непреходящая преданность мне с безраздельным сопряжением³⁰⁶, пребы- 10
вание в уединенных местах, нелюбовь к скоплению людей,

Постоянство в познании высшего Себя³⁰⁷, прозрение смысла познания ис- 11
тины — это именуется знанием, что отлично от этого, есть неведение.

О том, что надлежит познать, я поведаю тебе, о том, что познав, достигают 12
бессмертия. То — безначальный высший Брахман³⁰⁸, его же не называют ни
сущим, ни не-сущим.

С руками и ногами, простертыми во все стороны, с глазами, головами и 13
лицами³⁰⁹, во все стороны обращенными, с ушами во все стороны пребывает
он в мире, все объемля.

- 14 В нем — подобие свойств всех чувств, и он от всех чувств отрешен³¹⁰, не-
привязанный и все поддерживающий, лишенный свойств и наслаждающийся
свойствами,
- 15 Пребывающий вне и внутри всех существ, недвижимый и движущийся, не-
познаваемый вследствие утонченности своей, вдали и вблизи находящийся;
- 16 Неделимый, но между существами словно бы пребывающий разделен-
ным, — знать его надлежит как поддерживающего существа, поглотителя и
воссоздателя³¹¹.
- 17 О нем говорят и как о светиле светил, тьму превзошедшем³¹². Знание, по-
знаваемое и цель знания, он пребывает в сердце каждого.
- 18 Так описано вкратце поле, также знание и то, что надлежит знать. Познав
это, преданный мне приобщается к бытию моему.
- 19 Знай, что и природа, и дух безначальны оба, и знай, что изменения и каче-
ства происходят из природы.
- 20 Природу называют причиной в совокупности того, что делается, чем дела-
ется и кто делает³¹³, дух же называют причиной в переживании наслаждений
и страданий.
- 21 Ибо дух, пребывающий в природе, приемлет качества, рожденные природой;
привязанность к нитям-качествам есть причина рождений его в благом или
неблагом лоне.
- 22 А Муж высший, [что пребывает] в этом теле, он же Превышний Дух³¹⁴
зовется, — Свидетельствующий, Дозволяющий, Питающий и Вкушающий,
Великий Владыка.
- 23 Кто ведает так о Духе и Природе с [ее] свойствами, как бы ни вел себя
[в этом мире], уже не родится снова.
- 24 Некоторые посредством самоуглубления зрят [высшего] Себя в себе
Собою³¹⁵, другие — через йогу рассуждения, иные же — через йогу дея-
ния.
- 25 А еще иные, что не знают этого, почитают [это], другим внимая; такие тоже
превозмогают смерть, устремленные на то, чему внимали³¹⁶.
- 26 Какое существо ни рождается, движущееся или неподвижное, знай, что
произошло оно от союза поля и познающего поле, о бык среди бхаратов.
- 27 Кто видит Превышнего Владыку, пребывающего равно во всех существах,
не гибнущим, когда они гибнут, тот воистину видит.
- 28 Ибо, видя Владыку равно утвержденным во всем, он не повреждает Себя
собою³¹⁷ и идет поэтому высшим путем.
- 29 Кто видит, что деяния творятся повсюду природою только, себя же — не
действующим, тот воистину видит.
- 30 Когда он видит, что раздельное бытие существ заключено в едином и что
оттуда именно идет распространение, тогда он достигает Брахмана.

Будучи безначальным и лишенным качеств, этот Превышний Дух нетленный, 31
хотя и пребывает в теле, о сын Кунти, не действует и не пятнается³¹⁸.

Как всепроникающий эфир запятнаться не может по тонкости своей, так и 32
Душа, всюду в теле пребывающая, не запятнается.

Как солнце одно озаряет весь этот мир, так владетель поля озаряет все поле, 33
о Бхарата.

Те идут к Высшему, кто оком знания различие между полем и поле по- 34
знавшим, а также освобождение существ от [их] природы так прозреваем.

Глава 36³¹⁹

Преславный Господь сказал:

Еще я поведаю тебе высшее знание, лучшее из всех знаний, которое узнав, 1
мудрецы все вознеслись отселе к высшему совершенству.

Прибегшие к этому знанию, достигшие общей со мной природы, они уже 2
не рождаются при творении и не страждут при растворении мира.

Великий Брахман — мое лоно;³²⁰ в него я влагаю зародыш, становление 3
всех существ из него и происходит, о Бхарата.

Какие бы во всех лонах, о сын Кунти, ни являлись воплощения, их лоно — 4
великий Брахман, я же — отец, влагающий семя.

Истовость, страстность, косность — свойства, происходящие из природы, — 5
приковывают, о мощнодланый, нетленного воплощенного к телу.

Из них истовость, чистотою своей природы [все] озаряющая, чуждая 6
недуга, сковывает влечением к радости и влечением к знанию, о безупреч-
ный.

Природа же страстности, знай, есть вожделение, происходящее из жаж- 7
ды и влечения, она сковывает воплощенного, о сын Кунти, влечением к дея-
нию.

Косность же, знай, происходит из неведения, вводящая в заблуждение всех 8
воплощенных, она нерадивостью, ленью и дремой сковывает, о Бхарата.

Истовость привлекает к радости, страстность — к деянию, о Бхарата, кос- 9
ность же, затмевая знание, привлекает к нерадению.

Превозмогая страстность и косность, утверждается истовость, о Бхарата, 10
страстность — истовость и косность [превозмогая], косность же — истовость
и страстность.

Когда во всех вратах этого тела озарение является, знание, тогда следует 11
считать, что возросла истовость.

Жадность, суетливость, дел предпринятие, беспокойство, алчность, о бык среди 12
бхаратов, — они рождаются при возрастании страстности.

- 13 Помрачение, бездеятельность, небрежение и заблуждение также, о радость куру, — они рождаются при возрастании косности.
- 14 Когда при возросшей истовости к растворению приходит воплотившийся, тогда он достигает чистых миров обладателей высшего знания.
- 15 К растворению при страстности пришедший рождается среди преданных деянию, растворившийся же при косности рождается в ложах глупцов.
- 16 Доброго деяния чистый плод называют истовым, плод же страстности — страдание, неведение — косности плод.
- 17 Из истовости рождается знание, а из страстности — жадность; из косности небрежение и заблуждение происходят, а также неведение.
- 18 Ввысь идут пребывающие во истовости, посредине пребывают страстные, вниз идут косные, под влиянием худшего из свойств пребывающие.
- 19 Когда зрящий не видит, кроме этих свойств, иного деятеля и ведает то, что превыше нитей-свойств, он входит в мое бытие.
- 20 Преодолев три эти качества, от коих тело происходит³²¹, воплощенный, от рождения, смерти, старости и страдания избавившийся, вкушает бессмертие.

Арджуна сказал:

- 21 Какими признаками отмечен преодолевший эти три качества, о владитель, каков его образ жизни и как он эти три качества превозмогает?

Преславный Господь сказал:

- 22 Кто ни от озарения, ни от деятельности, ни от заблуждения не отвращается, о сын Панду, когда они происходят, и не жаждет их, когда они прекращаются,
- 23 Кто, оставаясь безучастным, не смущается свойствами, кто, зная: то лишь нити-свойства вращаются, — отстраняется и не колеблется,
- 24 Равнодушный к страданию и радости, невозмутимый, кому безразлично, что ком земли, что золото, равно приемлющий приятное и неприятное, мудрый³²², равно относящийся к порицанию и хвале,
- 25 Равно — к чести и бесчестию, равно — к сторонам дружественной и враждебной, отказавшийся от всех начинаний — тот считается качества преодолевшим.
- 26 Кто меня с непреходящим сопряжением преданности³²³ почитает, тот, во-сторжествовав над этими качествами, становится к слиянию с Брахманом способен.
- 27 Ибо я есмь основание Брахмана, бессмертного и нетленного, и вечного Закона, и совершенного счастья.

Глава 37³²⁴

Преславный Господь сказал:

С корнями вверх, с ветвями вниз смоковницу, чьи листья — стихи, назы- 1
вают нетленной³²⁵. Кто ведает это, [тот воистину] — Веду ведающий.

Вниз и вверх простерты ветви ее с побегами-предметами, от нитей-качеств 2
растущие³²⁶, и вниз протягиваются корни, деянием связывающие³²⁷ в мире
людей.

Не постигнуть здесь образ ее — ни конца, ни начала, ни постоянства³²⁸. 3
Срубив смоковницу эту, глубоко укоренившуюся, непривязанности мечом
крепким,

Страну затем ту следует искать, куда уйдя, не возвращаются боле, — и по- 4
истине к тому первоначальному Мужу я прибегаю, от коего извечный этот ход
вещей проистекает³²⁹.

От гордыни и заблуждения избавленные, одолевшие порок привязаннос- 5
ти, всегда углубленные в Себя³³⁰, отрешившиеся от желаний, от двойственно-
стей, что зовутся наслаждением и страданием, освободившиеся, идут, незаблуж-
дающиеся, в тот нетленный мир.

Не освещают ее ни солнце, ни луна, ни огонь, ту высшую мою обитель, куда 6
уйдя, не возвращаются.

То частица меня в мире живых, ставшая живой душою вечною, притягивает 7
к себе коренящиеся в природе чувства, шестым из коих является сознание³³¹.

Какое бы ни принял тело и какое бы ни покинул владыка³³², те самые, 8
захватив, переносит он с собою, как запахи ветер.

Слухом, зрением и осязанием, вкусом, а также обонянием овладев, и еще 9
сознанием, он воспримлет предметы чувств.

Его, покидающего или остающегося — или же вкушающего, — наделенного 10
свойствами, не усматривают заблудшие, но видят обладающие оком знания.

И в своей душе утвержденным видят его ревностно сопряженные, но не- 11
разумные, несовершенные душою, даже если и ревностны, — не видят его.

Тот свет, что, исходя от солнца, озаряет мир целый, тот, что в луне, и тот, что 12
в огне, знай: это мой свет. *

И, в землю входя, я поддерживаю существа своею силой; я питаю все 13
растения, став сомой, соков началом.

Став огнем всеобщим³³³, пребывающим в теле живых, в союзе с дыха- 14
нием и выдыханием³³⁴, я перевариваю пищу четырех видов³³⁵.

В сердце каждого я обитаю, от меня — память, знание и толкование³³⁶. 15
Я — то, что познаваемо через все Веды, и Завершения Веды³³⁷ создатель, и
ведающий Веду — тоже я.

- 16 Два есть духа в мире — преходящий и непреходящий; преходящим — все эти существа, непреходящим — Вознесшегося называют.
- 17 Но отличен от них высочайший Муж, Превышшим Духом он зовется, тот, что, входя в три мира, поддерживает их, нетленный Владыка³³⁸.
- 18 Поскольку же я превосхожу преходящий и даже непреходящего я выше, в мире и в Веде прославлен я как Всевышний Муж.
- 19 Кто, незаблуждающийся, меня как Всевышнего Мужа знает, тот, всеведущий, всем существом своим чтит меня, о Бхарата.
- 20 Это учение, что я поведал, — величайшая из тайн, о безупречный! Постигший его станет просветленным и долг свой до конца исполнит, о Бхарата.

Глава 38³³⁹

Преславный Господь сказал:

- 1 Бесстрашие, чистота истовости, равновесие знания и сопряжения³⁴⁰, щедрость, смирение и жертва, благочестивое чтение³⁴¹, подвижничество, прямота,
- 2 Невреждение, правдивость, незлобивость, самоотверженность, умиротворенность, неосуждение, милосердие к живым существам, отсутствие жадности, мягкость, скромность, невозмутимость,
- 3 Отвага, терпеливость, стойкость, чистота, отсутствие коварства и чрезмерной гордыни — для божественного достояния рожденному принадлежат, о Бхарата.
- 4 Коварство, надменность, чрезмерная гордыня, злоба, а также грубость и невежество — принадлежат, о Партха, рожденному для демонского достояния.
- 5 Считается, что божественное достояние ведет к освобождению, демонское — к узам. Не печалься, для божественного достояния ты рожден, о сын Панду.
- 6 Существ творения два рода в этом мире — божественное и демонское. О божественном рассказано пространно, выслушай от меня, о Партха, о демонском.
- 7 Ни о действии [должном], ни о бездействии³⁴² не ведают люди демонской природы. Нет у них ни чистоты, также ни благонравия, ни правдивости.
- 8 Как о неистинном, не имеющем основы и безвладычном, говорят они о мире, как о возникшем беспричинно, ни от чего больше, как от вожделения³⁴³.
- 9 Утвердившиеся в этом воззрении, погибшие души, малоумные, злые дела творящие, чтобы мир погубить, явились они на свет, неблагогие.
- 10 Предавшись ненасытному вожделению, исполненные коварства, гордыни и

сумасбродства, в ослеплении своем недобрых прихотей набравшись, они в делах своих следуют нечистым обетам.

Непомерно одолеваемые заботами, что кончатся только со светопреставлением, удовлетворение желаний ставя превыше всего, мнят они, что нет ничего сверх этого.

Сотнями уз чайный опутанные, преданные вожделению и гневу, ищут они богатств накопить неправедными путями ради удовлетворения своих желаний.

«Ныне мне это досталось, это желание я удовлетворю, это у меня есть, а это имущество будет еще моим.

Этот враг мною убит, и других тоже убью, я — владыка, я вкушаю, благополучен я, силен и счастлив,

Я богат и родовит. Кто со мной сравнится? Я принесу жертвы, одарю, возрадуюсь», — так рассуждают заблудшие в неведении своем,

Смуцаемые многими заботами, запутавшиеся в сетях заблуждения, поглощенные удовлетворением своих желаний, — и низвергаются в нечистый ад.

Самодовольные, упрямые, безумно гордые своим богатством³⁴⁴, они приносят так называемые жертвы из лицемерия, не предписаниям следуя.

Приверженные себялюбию, насилию, гордыне, вожделению и гневу, злобствующие, они ненавидят меня и в себе, и в чужих телах.

Тех ненавистников жестоких, в мирской юдоли низших из людей, я ввергаю неукоснительно, недобрых, в демонские только лона.

В демонское лоно впавшие, те заблудшие, из рождения в рождение меня не достигая, далее, о сын Кунти, идут все к низшей доле.

Тройные эти ада врата, душу губящие: вожделение, гнев и алчность; по этому следует сей троицы избегать.

От этих трех врат тьмы освободившийся человек творит благое для души своей, о сын Кунти, и оттого идет к высшему уделу.

Но кто, отвергнув предписания учений³⁴⁵, живет, следуя собственным желаниям, тот не достигает ни совершенства, ни счастья, ни высшего удела.

Поэтому да будет учение мерой тебе в установлении того, что надо и чего не надо делать; зная [это], свои деяния здесь творить изволь, сообразуясь с тем, что указано учением.

Глава 39³⁴⁶

Арджуна сказал:

Те, что приносят жертву, предписания учений отвергнув, [но] исполненные веры, на чем они стоят, о Кришна, истовость то, страстность или косность?

Преславный Господь сказал:

- 2 Трех видов бывает вера у воплощенных, как ее порождает их природа, — истовой, страстной и косной. Слушай же о ней.
- 3 У каждого, о Бхарата, вера бывает соответствующей сущности его³⁴⁷. Человек состоит из веры; какова его вера, таков он сам.
- 4 Истовые приносят жертвы богам, страстные — якшам и ракшасам, другие же, косные люди, призракам жертвуют и сонмам духов.
- 5 Те люди, что предаются страшному истязанию плоти, учением не назначенному, исполненные лицемерия и себялюбия, желанием, страстям и насилию приверженные,
- 6 В теле их заключенный строй частей и меня, проникающего тело³⁴⁸, изнуряющие, неразумные, знай: устремлены они к демонским целям.
- 7 И пища, приятная каждому, тоже бывает трех видов, и жертва, подвижничество также и даяние. Послушай об их различении.
- 8 Яства, которые увеличивают продолжительность жизни, истовость, силу, здоровье, радость, удовольствие, вкусные, сочные, питательные, приятные, — нравятся истовому.
- 9 Горькие, кислые, соленые, перегретые, острые, грубые, жгучие яства желанны страстному, страдания, горести и недуги причиняющие.
- 10 Испортившаяся, безвкусная, вонючая, выдохшаяся — даже отбросы и нечистоты — такая пища нравится косному.
- 11 Жертва, которую с соблюдением правил приносят не жаждущие плода ее — с мыслью, сосредоточенной на том, что должно принести ее, — она истовая.
- 12 Но о жертве, которую приносят, ее плод предвкушая, а также из лицемерия, знай, о лучшей из бхаратов: она — страстная.
- 13 Жертву, принесенную не по правилам, без раздачи пищи, без священных речений, без платы жрецу, лишнюю веры, называют косной.
- 14 Почитание богов, дваждырожденных, учителей и мудрецов, чистоту, прямоту, целомудрие и невреждение называют телесным подвижничеством³⁴⁹.
- 15 Глагол, не вызывающий тревоги, правдивый, приятный и благой, и постоянное упражнение в благочестивом чтении называют подвижничеством речи.
- 16 Ясность мысли, приветливость, молчаливость, самообладание, душевную чистоту — это называют подвижничеством мысли.
- 17 Это тройственное подвижничество, свершаемое людьми с высочайшей верой, не жаждущими плода и сопряженными, называют истовым.
- 18 Подвижничество же, совершаемое лицемерно, ради завоевания уважения, почета и поклонения, называют здесь страстным, изменчиво оно и непостоянно.

В помрачении ума совершаемое подвижничество — с самоистязанием либо ради погубления другого человека — такое косным зовется. 19

Даяние, которое из чувства долга дается тому, от кого не ждут возмещения, и в должном месте, когда и кому должно, почитают истовым. 20

Но если оно дается ради ответной услуги или с видами на некое приобретение, с угрызением, — такое даяние почитают страстным. 21

А даяние, что не в том месте и не вовремя дается и не тому, кому должно, оскорбительно и с пренебрежением, — такое называют косным. 22

Ом, То, Сущее — почитается тройным обозначением Брахмана. Им издревле заведены были брахманы, Веды и жертвоприношения³⁵⁰. 23

Потому с произнесения «Ом» начинают всегда обряды жертвоприношения, даяния и подвижничества, предписанные для тех, кто Брахмана толкует. 24

С речением «То», о плоде не помышляя, обряды жертвоприношений и подвижничества и даяний обряды различные свершают взыскующие избавления. 25

В значении сущего и в значении доброго³⁵¹ употребляется речение «Сущее», и к достославному деянию, о Партха, слово «сущее» применимо. 26

Постоянство в принесении жертв, подвижничестве и даянии тоже именуется «сущим», и деятельность, этому посвященная, именно так и обозначается — «сущее». 27

А без веры, что бы ни было принесено в жертву или даровано, какое бы подвижничество ни свершено, как и любое деяние, зовется то — «не-сущее», о Партха, нет его ни по ту сторону, ни здесь. 28

Глава 40³⁵²

Арджуна сказал:

Отрешения сущность хочу я, о мощнорукий, постигнуть, и особенно, о Хришикеша, — отвержения³⁵³, о Сокрушитель Кешина. 1

Преславный Господь сказал:

Мудрые понимают отрешение как отказ от деяний, побуждаемых желанием, 2
отвержение плода любого деяния³⁵⁴ отвержением называют прозорливые.

Деяние должно быть отвергнуто из-за порочности своей — так одни из мыслителей говорят; не должно отвергать деяния жертвоприношений, даяний и подвижничества — так [говорят] другие. 3

Выслушай же мое решение в том, что касается отвержения, о лучший из бхаратов. Известно ведь, о муж-тигр, что трех видов бывает отвержение³⁵⁵. 4

- 5 Деяния жертвоприношений, даяний и подвижничества не должны отвергаться, но именно должны свершаться. Жертвоприношение, даяние и подвижничество суть средства очищения для мудрых.
- 6 Однако и эти деяния должны свершаться с отвержением привязанности и плодов — таково, о Партха, мое решительное последнее суждение.
- 7 А от предписанного деяния отрешаться не подобает, и отказ от него, вызванный заблуждением, объявляется косным.
- 8 Тот, кто отказывается от деяния как от тяготы, из страха перед телесным мучением, — страстное совершает отвержение и даже плода отвержения не обретает.
- 9 Но когда деяние творится предписанное, поскольку совершить его должно, о Арджуна, и с отвержением привязанности, и самого плода — такое отвержение считается истовым.
- 10 Не отвращается от неблагоприятного деяния и не домогается благоприятного отвержению преданный, истовости исполненный умудренный, тот, чьи развеяны сомнения.
- 11 Ведь невозможно для воплотившегося отказаться совершенно от деяния. Но кто отвергает плод деяния, тот поистине зовется отвергшим.
- 12 Нежеланным, желанным и смешанным — трех видов бывает плод деяния после смерти для неотвергших; но никогда никаким — для отрешенных.
- 13 О пяти действующих причинах таких узнай от меня, о мощнорукий, необходимых для завершения любого деяния, тех, что определены были в заключении в учении Рассуждения³⁵⁶.
- 14 То — основа, также деятель, и орудие различных видов, и различные отдельные движения, а пятая — судьба³⁵⁷.
- 15 И какое бы ни предпринял деяние человек — телом, речью, мыслью, правильное или наоборот, эти пять суть причины его.
- 16 При всем этом, кто, разумом несовершенный, в себе видит единственного деятеля³⁵⁸, тот недоумок ничего не видит поистине.
- 17 А чья природа лишена себялюбия и чей разум не замутнен, тот, и убивая этих людей, не убивает и себя не связывает.
- 18 Знание, познаваемое и познающий — трех видов бывает побуждение к действию; орудие, деяние и деятель — трех видов состав действия.
- 19 Знание, деяние и деятель — тройственно это, согласно различению качеств, как излагается в рассуждении о качествах³⁵⁹, — выслушай же, каковы они.
- 20 То знание, благодаря которому во всех существах прозревается одна нетленная сущность, неделимая в делимых, — ведай о нем как об истовом.
- 21 Но знание, которое ведает во всех существах обособленно различные сущности, каждую особого рода, то знание ведай как страстное.
- 22 А такое знание, что привязывается к одному какому-нибудь делу как к

целому, не выявляющее причины его, без истинного осмысления и скудное, именуется косным.

Предписанное и чуждое привязанности деяние, плода его не жаждущим совершаемое без вожделения и без отвращения, называется истовым.

А такое деяние, что со многой натугой совершается ради удовлетворения желания или же из своекорыстия, называется страстным.

Деяние, которое предпринимают из заблуждения, не думая о последствиях, гибели, ущербе, не рассчитав сил, называют косным.

Отказавшийся от привязанности, лишенный самомнения, исполненный решимости и целеустремленности, не меняющийся от успеха и неуспеха деятель называется истовым.

Обуреваемый вожделением, жаждущий плода деяния, алчный, злонамеренный, нечистый, то веселью, то горести предающийся деятель объявляется страстным.

Несопряженный, невежественный, упрямый, вероломный, вороватый, ленивый, угрюмый и мешкающий деятель называется косным.

Выслушай же, о Завоеватель богатств, о тройном — соответственно качествам — разделении разума и стойкости³⁶⁰ толкование исчерпывающее и различительное.

Если разумение постигает, [что есть] продвижение и прекращение, что должно и что не должно делать, опасное и безопасное, плен и избавление, оно, о Партха, — истовое.

Но если не так, как надо, познают праведное и неправедное, должное и недолжное, то такое разумение, о Партха, — страстное.

Когда оно, мраком застланное, неправедное за праведное принимает и все значения вещей извращает, такое разумение, о Партха, — косное.

Стойкость неколебимая, которая через сопряжение позволяет управлять деятельностью мысли, жизненных сил и чувств³⁶¹, такая стойкость, о Партха, — истовая.

А стойкость, с которою, о Арджуна, ревностно долг, желание и пользу³⁶² соблюдает жаждущий плода, такая стойкость, о Партха, — страстная.

С которою же от сонливости, страха, горести, уныния и буйства отказаться дурень не может, такая стойкость, о Партха, — косная.

Но теперь о радости трех видов услышь от меня, о бык среди бхаратов. Когда в усердном упражнении усладу находят и достигают конца бедствий³⁶³,

Такая радость, что вначале — как яд, а по созревании амрите подобна, истовой зовется, Души в себе ясным разумением рожденная³⁶⁴.

Та, что происходит от соприкосновения чувств с предметами, вначале амрите подобная, по созревании же — как яд, такая радость почитается страстной.

- 39 Радость, которая и вначале, и впоследствии вводит душу в заблуждение, происходящая от сонливости, лени и нерадения, — такую объявляют косною.
- 40 Нет существования на земле, ни даже среди богов на небесах, которое свободно было бы от трех этих природой порожденных нитей-качеств.
- 41 Деяния брахманов, кшатриев, вайшьев, а также шудр, о каратель врагов, различаются по этим качествам, от собственного тех [сословий] естества³⁶⁵ происходящим.
- 42 Спокойствие, смирение, подвижничество, чистота, терпеливость и прямота, знание, познание³⁶⁶, исповедание веры — такое деяние [предназначено] брахману, происходящее от его естества.
- 43 Храбрость, отвага, стойкость, умелость, а также неустрашимость в бою, щедрость и природная властность — такое деяние [предназначено] кшатрийству, происходящее от его естества.
- 44 Пахота, скотоводство, торговля — такое деяние [предназначено] вайшье, происходящее от его естества, а для шудры — в служении суцность деяния, происходящего от его естества.
- 45 Преданный каждый своему деянию, обретает человек совершенство³⁶⁷. Как верный своему деянию совершенства достигает, услышь о том.
- 46 Тому, от кого существ движенье³⁶⁸, кем вселенная эта проникнута, воздавая почитание исполнением своего деяния, стяжает совершенство смертный.
- 47 Лучше неуклюжее исполнение собственного долга, чем чужого долга хорошее³⁶⁹. Своей природой обусловленное деяние исполняющий не впадает во грех.
- 48 От рождением предопределенного деяния не следует отказываться, о сын Кунти, даже от порочного. Ибо все начинания порочностью повиты, как огонь дымом.
- 49 Тот, чей разум ни к чему не привязан, победивший себя, избавленный от желаний, отрешеньем достигает высшего совершенства, деянию чуждого.
- 50 Узнай от меня, о сын Кунти, вкратце, как обретший совершенство достигает Брахмана, который и есть высший предел знания³⁷⁰.
- 51 Чистым разумом одаренный, стойкостью себя обуздав, отрешившись от звука и прочих предметов восприятия, отринув вожделение и отвращение,
- 52 Живущий уединенно, вкушающий умеренно, укротивший речь, тело и мысль, постоянно преданный созерцанию и сопряжению³⁷¹, утвердившийся в бесстрастии,
- 53 От себялюбия, насилия, гордыни, желания, гнева, стяжания отрекшись, самоотверженный, умиротворенный — достоин стать Брахманом.
- 54 Ставший Брахманом, ясный духом, он не печалится и не жаждет. Одинаковый ко всем существам, высшую преданность мне он обретает.
- 55 Через преданность он познает меня, кто я и насколько [велик] поистине; а познав меня поистине, он прямо затем входит в меня.

Кто совершает все деяния всегда не иначе, как прибегнув ко мне, милостью моей достигает вечной обители нетленной. 56

Мысленно все деяния мне посвятив, мною поглощенный, к сопряжению мудрости прибегнув, с думой обо мне пребывай постоянно. 57

С думой обо мне все препоны милостью моею ты одолеешь, но если из самомнения не внемлешь мне, ты погибнешь. 58

Если, самости поддавшись, мыслишь ты: «Не буду сражаться!» — тщетно это твое решение, природа принудит тебя. 59

Связанный своим деянием, собственным естеством порожденным, то, что в ослеплении своем ты делать не хочешь, о сын Кунти, сделаешь и помимо воли. 60

В сердцах всех существ пребывает Владыка, о Арджуна, майей все существа заставляя вращаться, на механизм ³⁷² помещенные. 61

К его покровительству прибегни всем существом своим, о Бхарата; милостью его ты достигнешь высочайшего покоя и обители вечной. 62

Таково знание, сокровеннейшее из сокровенных, что я тебе поведал. Обдумав его во всей полноте, как хочешь, так и поступай. 63

И еще внемли моему высочайшему слову, самому тайному из всех. Крепко ты мне дорог, поэтому поведаю благое тебе. 64

Ко мне обрати свою мысль, мне предан будь, мне жертвуй, мне поклоняйся; так придешь ко мне, истинно обещаю, дорог ты мне. 65

Все законы отринув, ко мне одному ради защиты прибегни, я тебя от всех грехов избавлю, не печалься ³⁷³. 66

Не должно тебе никогда рассказывать это ни тому, кто не блюдет воздержания, ни тому, кто не ведает преданности мне, ни непокорному, ни злобствующему против меня. 67

А кто эту высочайшую тайну будет сообщать преданным мне, являя мне высшую преданность, тот ко мне и придет, нет сомнения. 68

И нет среди людей никого, кто бы творил более приятное для меня, нежели он, и не будет никого на земле для меня дороже. 69

А тот, кто будет изучать эту священную беседу нашу, — жертвою знания будет он почитать меня, так я мыслю. 70

Человек же, который будет внимать этому, наделенный верой и незлобивый, тоже, избавление обретя, сияющих миров праведников достигнет. 71

Выслушал ли ты это, о Партха, со вниманием неотрывным? Заблуждение твое, неведением порожденное, рассеяно ли, о Завоеватель богатств? 72

Арджуна сказал:

Сгинуло заблуждение, и обрел я поучение по милости твоей, о Неколебимый! Тверд я, ушли сомненья, буду действовать по слову твоему! 73

С анджая сказал:

- 74 Такую беседу Васудевы с Партхою, что духом велик, я услышал, чудесную, в трепет приводящую.
- 75 Милостью Вьясы внял я этой высокой тайне, [этой] йоге, самим Кришной, Владыкой йоги, напрямую поведанной.
- 76 О царь, вспоминая снова и снова чудесную эту Кешавы и Арджуны беседу святую, опять и опять преисполняюсь я восхищения.
- 77 И, вспоминая снова и снова тот наичудеснейший образ Хари, в великом изумлении я пребываю, о царь, и преисполняюсь восхищения вновь и вновь.
- 78 Там, где Кришна, Владыка йоги, где Партха, лука держатель, там — счастье, победа, процветание, непреложная справедливость³⁷⁴ — таково суждение мое.

УБИЕНИЕ БХИШМЫ

Глава 41

Санджая сказал:

Тогда, узрев Завоевателя богатств, лук Гандиву и стрелы подъявшего, вновь 1—5
громогласный рев испустили великие воители. Пандавы и Сомаки и другие
герои, те, что следовали за ними, в океаном рожденные раковины, ликуя, за-
трубили. Тогда литавры, бубны, кракачи¹, рога загремели разом и великий шум
поднялся. Тут боги с гандхарвами, и питары, о владыка племен, и сонмы со-
вершенных и странников небес сошлись, жаждущие зрелища, и великие судь-
бою провидцы, возглавляемые Совершителем ста жертвоприношений², сошлись
там все вместе, чтобы зреть то великое побоище.

Тогда Юдхиштхира, узрев оба войска, о царь, в неуклонном продвижении 6—10
рвущиеся в битву, двум океанам подобные, снял доспехи и положил свое от-
борное оружие. Поспешно сошел герой с колесницы, и, перед собою ладони
сложив³, взор устремивший на деда⁴, пеший направился Юдхиштхира, Царь
справедливости, умеренный в речах, на восток обратившись, к вражеской рати.
Увидев, что идет он [туда], Завоеватель богатств, сын Кунти, с колесницы
поспешно сойдя, последовал за ним вместе с братьями, а позади них шел
достопауный Васудева, за ним же следом по старшинству цари, беспокойства
исполненные.

Арджуна сказал:

Что замыслил ты, о царь, почему оставляешь нас и направляешься пеший, 11
на восток обратившись, к вражеской рати?

Бхимасена сказал:

Куда идешь, о Индра царей, перед вооруженными войсками врагов сложив 12
доспехи и оружие, кинув братьев, о властитель земли?

Накула сказал:

13 Когда так ты уходишь, старший брат мой, тревога сердце терзает, о Бхарата! Молви же, господин, — куда ты идешь?

Сахадева сказал:

14 Когда, воистину, столь грозное на бой собралось воинство, готовое сражаться, куда идешь ты, к врагам направляясь, о царь?

Санджая сказал:

15—19 Но на все эти вопросы братьев, о радость куру, ничего не ответил Юдхиштхира, умеренный в речах, и продолжал идти. Тогда, словно бы усмехаясь, сказал им многомудрый Васудева, великий помыслами: «Я знаю его намерение. Только воздав почести Бхишме, также Дроне, Гаутаме³, Шалье, всем старшим, будет сражаться владыка земли с врагами. Ибо явствует из древних преданий: кто сражается, не почтив старших, падает, что очевидно, во мнении тех, кто выше его. Но кто, почести согласно учению воздав, сражаться будет с теми, кто выше его, тот непременно одержит победу в битве — таково суждение мое».

20—31 А меж тем как Кришна говорил это, среди войска сынов Дхритараштры громкие возгласы раздались: «Ах, ах!» — другие же безмолвствовали. Завидев издали Юдхиштхиру, воины сына Дхритараштры толковали между собою: «Не владыка — позор он рода своего. Ясно видно, что царь этот подступает к Бхишме уstraшенный. К его покровительству как проситель прибегает Юдхиштхира с кровными своими. Но как это — притом что защищает его Завоеватель богатств, когда при нем и Волчебрюхий, сын Панду, и Накула, и Сахадева, — он, сын Панду, приходит сюда уstraшенный? Нет, [видно], не в кшатрийском роду, прославленном повсюду на земле, появился он на свет, малодушный, чье сердце трепещет в бою!» И все те кшатрии славили тогда Кауравов. Возрадовавшись, веселящиеся, разведали они каждый свои одеяния⁶. Все воины там, о владыка народов, поносили тогда Юдхиштхиру с братьями вместе и с Кешавой. А затем, позором заклеив Юдхиштхиру, вскоре замолкло опять воинство куру, о владыка народов. Что скажет этот царь? Что ответит ему Бхишма? Что [скажет] Бхима, кичащийся силой в бою, а что — Кришна с Арджуной? Что же ему-то сказать захотелось? Великое сомнение возникло тогда касательно Юдхиштхиры, о царь, в обоих войсках. Пройдя в глубь ратей врага, многими стрелами и дротиками оцетинившихся, он скоро приблизился к самому Бхишме, братьями окруженный. Бхишме, сыну Шантану, к бою готовому, сказал тогда царь, сын Панду, обхватив руками его ноги.

Юдхистхира сказал:

Я приветствую тебя, о неодолимый! С тобою, отец, буду я сражаться. Прости 32
меня, отец, и даруй свое благословение!

Бхишма сказал:

Если бы в битве ты не пришел ко мне так, о властитель земли, я проклял 33—37
бы тебя, о великий царь, на погибель твою, о Бхарата! Я доволен, сын мой, сражайся, обрети победу, о сын Панду, и что еще другое желаешь, то обрети в бою! И выбери дар, о сын Притхи, что хотел бы ты получить от нас. Раз уж так случилось, о великий царь, не потерпишь ты поражения. Человек — раб расчета⁷, расчет же — ничей не раб, такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Потому речи, достойные евнуха, веду с тобою, о радость куру. Полонен я расчетом, о Кауравья! Если битвы не касаться, чего ты желаешь?

Юдхистхира сказал:

Дари меня советом постоянно, о великомудрый, о благе моем радеющий, и 38
сражайся за Каураву — таков мой выбор окончательно!

Бхишма сказал:

О царь, какую помощь я могу оказать тебе здесь, о радость куру, притом 39
что сражаться я буду за другого? Молви, что ты высказать хочешь.

Юдхистхира сказал:

Как мне в сражении победить тебя, непобедимого владыку? Посоветуй во 40
благо мне, если доброе в том предвидишь.

Бхишма сказал:

Не вижу я, о сын Кунти, мужа такого, что мог бы выйти против меня в 41
бою и победить, будь то сам Совершитель ста жертвоприношений.

Юдхистхира сказал:

Ах, потому я и вопрошаю тебя, о дед, да пребудешь ты в почете! Укажи 42
способ, каким могут победить тебя противники в сражении.

Бхишма сказал:

Не вижу я, сын мой, врага такого, что мог бы победить меня в сражении, и 43
не пришел еще мой смертный час. В другой раз приди ко мне.

Санджая сказал:

44—47 Тогда Юдхиштхира, о радость куру, внял речи Бхишмы, голову преклонив⁸, и еще раз приветствовал его. А затем к колеснице наставника направился с братьями мощнорукий посреди [вражеских] воинов, которые все взирали на него. Он же приветствовал Дрону, а также обошел его слева направо, после чего он молвил неприступному, той речью наилучшего для себя взыскуя: «Взываю к тебе, о владыка, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я победу над всеми врагами с соизволения твоего, о дваждырожденный⁹!»

Дрона сказал:

48—52 Если бы не пришел ты ко мне, когда решился на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою совсем. Теперь же, почтенный тобою, о Юдхиштхира, я доволен, о безупречный; соизволяю: сражайся и обрети победу! Я же притом помогу тебе. Скажи, к чему ты стремишься. Раз уж так случилось, о великий царь, — если не касаться битвы, чего ты желаешь? Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб, — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Потому беседую с тобой [так], егнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь? Я буду сражаться за Кауравов, уповать же — на твою победу.

Юдхиштхира сказал:

53 Желай мне победы, о брахман, и советуй, что во благо мне, а сражайся за Каураву — вот дар, который я выбираю!

Дрона сказал:

54—55 Конечно, твоей будет победа, о царь, у кого советником — Хари. Где праведность, там Кришна, где Кришна, там победа! Ступай, сражайся, о сын Кунти. Спрашивай: что мне сказать тебе?

Юдхиштхира сказал:

56 Вопрошаю тебя, о лучший из дваждырожденных, внемли, что хочу я сказать тебе: как победить мне в сражении тебя, непобедимого владыку?

Дрона сказал:

57 Не будет тебе победы, пока сражаюсь я на поле битвы. Ратуй с братьями вместе, о царь, за скорую гибель мою.

Юдхиштхира сказал:

58 Увы! Потому ты и открой способ, как убить тебя, о могучерукий. Об этом, в ноги падая, вопрошаю тебя, о наставник, да пребудешь ты в почете!

Дрона сказал:

Не вижу я, сын мой, врага такого, что мог бы убить меня, когда, в бой вступивший, потоки стрел я буду извергать, сражаясь, в ярости великой. Лишь когда, на смерть обреченный, оружие опущу, сразят меня, о царь, забывшегося на поле боя среди воинов, — истинно говорю тебе. А оружие в битве я оставлю, когда для себя нерадостную очень весть из уст человека, достойного доверия, услышу, — истинно говорю тебе. 59—61

Санджая сказал:

Выслушав это от мудрого сына Бхарадваджи, о великий царь, он простился с наставником и направился к сыну Шарадвана. Царь приветствовал Крипу, а также обошел его слева направо и такую речь, в речах искушенный, молвил неприступнейшему: «Прошу разрешения твоего, о почтенный, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я победу над всеми врагами с соизволения твоего, о безупречный!» 62—64

Крипа сказал:

Если бы не пришел ты ко мне, когда решил на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою совсем. Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. За них, о великий царь, должен я сражаться — так я полагаю. Потому беседую с тобою [так], евнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь? 65—67

Юдхиштхира сказал:

Увы! Потому и вопрошаю тебя, о наставник, внемли моему слову. 68

Санджая сказал:

Молвив так, [ничего больше] не сказал в смятении царь, в бесчувствие впавший. Гаутама, догадавшись, что он хочет сказать, отвечал ему: «Убить меня нельзя, о хранитель земли; сражайся и обрети победу. Я же, довольный тем, что ты пришел, о властитель людей, всякий раз, [ото сна] восстав, буду желать тебе победу». 69—70

Выслушав эту речь Гаутамы, о великий царь, простился тогда царь с Крипой и направился к повелителю мадров. И он приветствовал Шалью и совершил обход слева направо; и молвил царь неодолимому, взыскую для себя наилучшего тою речью: «Прошу разрешения твоего, о почтенный, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я с соизволения твоего, о великий царь, победу над врагами!» 71—73

Шалья сказал:

74—78

Если бы не пришел ты ко мне, когда решился на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою в бою. Я доволен, меня ты почтил, да сбудется по желанию твоему. Соизволю: сражайся и обрети победу! И молви, о герой, к чему устремлены помыслы твои, что мне даровать тебе? Раз уж так случилось, о великий царь, — если не касаться битвы, чего ты желаешь? Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Но ведь притом, о сын сестры, конечно, я сделаю так, как тебе желанно. Потому беседую с тобой [так], евнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь?

Юдхистхира сказал:

79

Дари меня советом постоянно, о великий царь, ради высшего блага моего, притом что сражаться будешь за другого, — эту милость я выбираю.

Шалья сказал:

80

Скажи, какую помощь я могу оказать тебе здесь, о лучший из царей, притом что сражаться буду за другого; расчетом забрали меня Кауравы.

Юдхистхира сказал:

81

Выбираю я милость такую, что в усердии ты мне даруешь правды ради, — да сломишь ты отвагу сына возницы в битве!

Шалья сказал:

82

Исполнится это желание твое, о сын Кунти, как угодно будет тебе. Ступай, сражайся, твердо победу тебе обещаю.

Санджая сказал:

83—86

И вот, простившись с дядей, владыкой мадров, сын Кунти в окружении братьев прочь ушел из великого войска. А Васудева подошел на поле боя к сыну Радхи. И ему сказал тогда старший брат Гады, о Пандавах радея: «Слышал я, о Карна, что из ненависти к Бхишме ты не будешь сражаться. Переходи к нам, о сын Радхи, пока не будет убит Бхишма. А когда убьют Бхишму, о сын Радхи, ты опять, коль равно смотришь на это, придешь на помощь сыну Дхритараштры».

Карна сказал:

87

Ничего неугодного сыну Дхритараштры я не сделаю, о Кешава! Знай, что я, о благе Дурьодханы радеющий, жизнь отдам за него.

Санджая сказал:

Выслушав эту речь, Кришна возвратился, о Бхарата, и сошелся с Пандавами, что шествовали во главе с Юдхиштхирой. И провозгласил тогда посреди войска старший из сыновей Панду: «Кто нас выбирает, того забираю я в союзники!» Тогда, окинув их взглядом, так молвил Юютсу с радостной душою царю справедливости Юдхиштхире, сыну Кунти: «Я буду сражаться на вашей стороне, в открытую схватившись с сынками Дхритараштры, о великий царь, если возьмешь меня, о безупречный!» 88—91

Юдхиштхира сказал:

Приди, приди, будем все сражаться с неразумными братьями твоими, — и Васудева, и мы, о Юютсу, всегда тебе скажем, что принимаем тебя, о мощнорукый, сражайся за дело мое! Тебе, видно, и поминки по Дхритараштре справлять, и продолжать род его. Почти нас, о царский сын, как мы тебя почитаем, о блистательный! Не жить безумному сыну Дхритараштры, во гневе неистовому! 92—94

Санджая сказал:

Тогда Юютсу Кауравья, покинув твоих сыновей, перешел в войско сынов Панду под бой барабана. И царь Юдхиштхира, обрадованный, вместе с младшими братьями опять надел яркие, золотом блистающие доспехи. Все те мужи-быки вернулись к своим колесницам, и тогда они опять построились, как прежде, боевым строем; и забили в сотни барабанов и литавр, и различные кличи, как львиный рык, испустили мужи-быки. Узрев Пандавов, мужей-тигров, взошедших на колесницы, опять возликовали радостно все властители, Дхриштадьюмна и другие. Видя величие сынов Панду, воздающих почести почестей достойным, тотчас преклонились там перед ними правители земли. Цари толковали о добродушии, также о милосердии великих духом, в должное время [проявленном], о глубоком их сочувствии родичам. «Хорошо! Хорошо!» — раздавалось повсюду вместе со славословиями и благочестивыми речами, радующими души и сердца прославленных. И млеччи, и арии там, которые видели и слышали тогда, что произошло с сынами Панду, плакали, потрясенные. Потом забили в сотни больших литавр и бубнов и в раковины, белые как коровье молоко, затрубили [воины], ликующие и воодушевленные. 95—104

Глава 42

Дхритараштра сказал:

Когда построились так полки, мои и чужие, кто первыми там нанесли удар, куру или же пандавы? 1

Санджая сказал:

- 2—7 Вместе с братьями сын твой Дурьодхана, о царь, двинулся с войском, Бхишму во главе поставив. Также и все Пандавы, предводимые Бхимасеной, желая битвы с Бхишмой, выступили с радостной душою. Боевые кличи и возгласы ликования раздались, кракачи, рожки, литавры, мриданги¹⁰, тамбурины зазвучали в обоих войсках, о царь, и ржание коней и рев слонов, и тогда они ринулись на нас и мы, вскричав в ответ, — [на них], и великое поднялось смятение. И в том потрясающем столкновении Пандавов и сынов Дхритараштры под гром боевых труб-раковин и мридангов пришли в содрогание великие полки, колеблемые, как леса бурей. И оглушительный шум возник, когда сошлись в недобрый час несметные рати царей со слонами, конями, колесницами, словно бушующие в бурю океаны.
- 8—13 Когда поднялся этот шум смятения, вздымающий волосы дыбом, мощноруким Бхимасена взревел, как бык, и тот рев Бхимасены покрыл звучанье труб и барабанов, и вопли слонов, и львиный рык воинов; ржание тысяч коней в полках и все звуки заглушил голос Бхимасены. Слыша тот глас его, подобный раскатам грома, Шакрой низвергаемого из тучи, содрогнулись твои воины, и все ездовые животные стали испражняться и мочиться [непроизвольно] от рева того героя, как от рычания льва другие звери. Являя грозный облик свой, оглушая громами, словно туч громада, он устрасил твоих сыновей и напал на твое войско.
- 14—20 Того великого лучника, меж тем как он приближался, окружили братья, тьмою стрел его застиялая, словно облака — солнце, — сын твой Дурьодхана, Дурмукха, Духсаха, Шала и Духшасана, превосходный воитель, также Дурмаршана, о царь, Вивиншати, Читрасена и Викарна, великий колесничный воин, Пурумитра, Джая, Бходжа и мужественный сын Сомадатты; они потрясали великими луками, словно тучи молниями, извлекая [из колчанов] железные стрелы, подобные сбросившим кожу ядовитым змеям. А сыновья Драупади, и сын Субхадры, великий воитель, Накула и Сахадева, и Дхришгадьюмна, внук Пришаты, напали на сынов Дхритараштры, острые стрелы, быстрые, обрушив на них, словно ваджры удары¹¹ на вершины гор. И в той первой схватке, оглашаемой грозным звоном натянутых тетив, ни один воин, ни из твоих, ни из вражеских, не обратился вспять.
- 21—25 О бык среди бхаратов, я зрел умелость учеников Дроны, пускающих стрелы одну за другой, о царь, поражающие цель. И не прекращался гул от напрягаемых луков, и блещущие стрелы низвергались, как падающие звезды с небосклона. А все другие властители земли, о Бхарата, глядели, как зрители, на ту чарующую взоры и ужасную стычку родичей. Тогда великие воители, пришедшие в неистовство от полученных ударов, напрягали силы в бою, о царь, стремясь превзойти один другого. И оба войска — куру и пандавов, —

полчища слонов, коней и колесниц, блистали чудно в сражении, словно изобретенные в красках на картине.

Тогда все те властители земли по велению сына твоего, луки схватив, ринулись сразу же вперед вместе со своими войсками. И другие властители по приказу Юдхиштхиры тысячами ринулись, взревев, на рать твоего сына. И жестокой была стычка воинов обоих воинств, — солнце затмилось, окутанное поднятой воинством пылью. И не было там разницы между своими и врагами, наступали ли они или терпели поражение. Но среди смятения той ужаснейшей битвы, превосходством своим затмевая все рати, блистал отец твой¹². 26—30

Глава 43

Санджая сказал:

Так поутру того страшного дня, о владыка народов, ужаснейшая сеча началась, царей резня. В той битве куру и пандавов, [равно] жаждущих победы, рокот поднялся, словно львов рычанье, мешающий с громом литавр и труб и оглашающий небо и землю. И раздались львиные кличи героев, громогласно бросающих вызов врагу, и звуки, издаваемые тетивами, бьющимися о кожаные нарукавники, о бык среди бхаратов, и поступь пехотинцев, и громкое ржание коней, и удары слоновьих стрекал и анков, и бряцание оружия, и звон бубенцов на слонах, несущихся навстречу друг другу, и в том поднявшемся оглушительном шуме, вздымающем волосы дыбом, различался грохот колесниц, Парджаньи громыханию подобный. 1—6

Они, сердце ожесточив, в совершенном самозабвении не щадящие жизни, подъяв знамена, все обрушились на Пандавов. Сам сын Шантану, о царь, схватив свой грозный лук, ринулся на Завоевателя богатств, Жезлу Смерти¹³ подобный на поле боя. И Арджуна, взяв прославленный в мире лук Гандиву, ринулся, отважный, в гущу боя на сына Ганги. Оба они, тигры среди куру, стремились убить друг друга; но, в бою поразив Партху, не заставил его дрогнуть могучий сын Ганги, и так же сын Панду, о царь, не заставил дрогнуть Бхишму в битве. 7—10

Сатьяки же, великий лучник, напал на Критавармана. И завязался между ними бой, громозвучный, вздымающий волосы дыбом. Сатьяки набросился на Критавармана, а Критаварман — на Сатьяки, оба секущие друг друга ужасными стрелами, и, великомошные, стрелами с головы до ног пораженные, они красовались оба, словно два цветущих дерева киншука¹⁴, алыми цветами покрытые весной. 11—13

Абхиманью, великий лучник, сражался с Брихадбалой. Тогда косальский царь сломил в бою, о владыка народов, знамя сына Субхадры и поверг его 14—16

колесничего. Сын же Субхадры, разгневанный, когда пал его соратник на колеснице, пронзил Брихадбалу, о великий царь, девятью стрелами, а затем двумя другими — желтыми стрелами бхалла: одною сломил знамя каратель врагов, другою — переднюю ось колесницы [противника] и колесничего [тоже сразил]; и оба, гневные, о царь, острыми стрелами секли друг друга.

17—19 С гордым, неистовым в бою великим воителем, сыном твоим Дурьодханой, зачинщиком вражды, сражался Бхимасена. Оба они, мужи-тигры, первые среди куру, великомощные, осыпали друг друга ливнями стрел на поле битвы. И при виде тех великих духом, искушенных в различных видах боя, в изумление пришли все существа, о Бхарата!

20—22 Духшасана же встретился в бою с Накулой, великим воителем, и пронзил его многими отточенными стрелами, уязвимые места поражающими. Сын Мадри, словно усмехаясь, о Бхарата, отточенными стрелами рассек его стяг и лук со стрелами и еще изранил его двадцатью пятью малыми. Но неодолимый сын твой в той великой битве рассек стрелами дышло на колеснице Накулы и свалил его знамя.

23—25 Дурмукуха же встретился в бою с великомощным Сахадевой и в великой битве пронзил его, бившегося упорно, тучею стрел. Сахадева тогда, герой, в великой битве острейшею стрелою поверг колесничего Дурмукухи. Оба, сойдясь в противоборстве, одурманенные битвой, устрашали друг друга ужасными стрелами, рьяно удары нанося и отражая.

26—28 Сам царь Юдхиштхира напал на царя мадров. Лук его повелитель мадров переломил надвое, о достойный. Отбросив тот сломанный лук, Юдхиштхира, сын Кунти, другое взял оружие, более мощное и быстрее мечущее стрелы. И тогда царь [из нового лука] осыпал владыку мадров крепко слаженными стрелами и молвил ему, гневный: «Стой, стой!»

29—31 Дхриштгадьюмна тогда налетел на Дрону, о Бхарата. Дрона, разъяренный, рассек в бою на три части убийственный и прочный лук упорно бившегося и еще послал ужаснейшую стрелу, как новый Жезл Смерти, [коей] проник в бою в его тело. На это сын Друпеды, взяв четырнадцать стрел, пронзил в ответ в той схватке Дрону. И оба, разъяренные, вели друг с другом преже-стокое сражение.

32—34 Сына Сомадатты в сражении встретил Шанкха — яростный яростного в бою, о великий царь. «Стой! стой!» — молвил он ему. В сражении герой поразил его в правую руку, а сын Сомадатты нанес Шанкхе удар выше груди. И битва, что произошла между ними, неистовыми в бою, вскоре страшное зрелище являла, о владыка народов, словно [битва] между Вритрой и Предводителем Васу.

35—38 А на Бахлику, в битве гневного, гневный обликом, о владыка народов, ринулся неизмеримый духом Дхриштaketу, великий воитель. Бахлика же тогда,

о царь, многими стрелами Дхриштaketу нетерпимого поразил и львиный рык издал. А царь чедийцев, разгневанный, тотчас пронзил Бахлику в бою девятью стрелами, как [поражает] ярого ярый слон¹⁵. Оба они, гневные, снова и снова издавали клич в бою, в великой ярости сошедшиеся там, словно Ангарака с Будхой¹⁶.

На ракшаса Аламбусу, жестокого в деяниях, восстал жестокий в деяниях Гхатоткача, как Индра на Балу в битве. И разгневанный Гхатоткача пустил девяносто острых стрел, изранивших того великогомощного ракшаса, о Бхарата. Аламбуса же в бою великогомощного сына Бхимасены многократно осыпал крепко слаженными стрелами. И оба, стрелами тяжело уязвленные, блистали в сражении, как в битве богов и демонов Бала и Шакра, великогомощные. 39—42

Шикхандин могучий набросился в бою на сына Дроны, о царь; гневный Ашваттхаман тогда, пронзив представшего Шикхандина тотчас железною преострою стрелою¹⁷, заставил его содрогнуться; но и Шикхандин тогда, о царь, нанес сыну Дроны удар остро отточенной, хорошо закаленной стрелою. И оба в схватке поразили друг друга многими различного вида стрелами. 43—45

Героя Бхагадатту встретил в сражении стремительный Вирата-полководец, и началась битва [между ними], о царь. Вирата, которого Бхагадатта поразил ливнем стрел, осыпал его, разъяренный, [стрелами], словно туча гору дождем. И Бхагадатта тотчас тогда властителя земли Вирату [стрелами] затмил в бою, как туча застилает солнце на восходе. 46—48

На Брихаткшатру же, царевича кекаев, двинулся Крипа, сын Шарадвана. Крипа осыпал его дождем стрел, о Бхарата, Кекая, гневный, ливень стрел излил на Гаутаму. Друг у друга убив коней и сломав луки, лишившиеся колесниц своих, оба сошлись в бою на мечах, непримиримые, и страшным и ужасающим было зрелище их поединка. 49—51

А царь Друпата тогда обрушился на Джаядратху Синдхийского, исполненный ликования на ликующего, о каратель врагов. Тогда царь синдхийский тремя тупыми стрелами¹⁸ нанес Друпате удары, и тот поразил его в ответ в бою. И страшным и ужасающим было зрелище их поединка для тех, кто видел его, чарующее, словно [встреча] Шукры с Ангаракой. 52—54

Викарна же, сын твой, на быстрых конях налетел на великогомощного Сутасому, и началась тогда битва. И Викарна Сутасому, стрелами пронзив, дрогнуть не заставил, как и Сутасома — Викарну, и как чудо то было. 55—56

На Сушармана, мужа-тигра, Чекитана, великий воитель, ринулся, разъяренный, рвущийся в бой за дело Пандавов. Сушарман же в бою, о великий царь, покрыл Чекитану, великого воителя, густым ливнем стрел. И Чекитана тоже, неистовый, в той великой битве окутал стрелами Сушармана, как большая туча гору. 57—59

- 60—62 Шакуни же на Пративиндхью ринулся, на удалого удалец, словно ярый слон на ярого, о вождь царей. А сын Юдхиштхиры, разгневанный, отточенными стрелами изранил в бою сына Субалы, словно Магхаван демона; Шакуни же Пративиндхью, противоборствующего в схватке, изранил, великомудрый, крепко слаженными стрелами.
- 63—65 На Судакшину же, о вождь царей, великого воителя камбоджей удалого, ринулся в бою Шрутакарман. Судакшина же в сражении, великого воителя, сына Сахадевы, поразив, дрогнуть не заставил, словно гора Майнака то была. Шрутакарман тогда, гневный, великого воителя камбоджей многими стрелами пронзил, всячески его изранив.
- 66—68 Ираван тут, разгневанный, на Шрутаюса неистового обрушился в битве, напрягающий силы на еще более напрягшегося тогда по виду. Сын Арджуны, великий воитель, в бою сразив его коней, громовым голосом прогремел клыч, по всему войску разнесшийся. А Шрутаюс, разгневанный, концом булавы поверг в бою коней сына Пхальгуны, и битва тогда продолжалась.
- 69—72 Винда и Анувинда Авантийские напали вместе в бою на героя Кунтибходжу, великого воителя, с войском его и сыном. И чудесную там зрели мы доблесть авантийцев [тех], что стойко сражались с великим войском. Анувинда нанес палицей удар Кунтибходже, а Кунтибходжа тотчас тогда тьмою стрел [врага] осыпал. И сын Кунтибходжи пронзил стрелами Винду, а тот в ответ его пронзил, и как чудо то было.
- 73—77 Пятеро братьев Кекаев со своими войсками, о достойный, сражались в той битве с пятерыми Гандхарами¹⁹ и их войсками. Сын твой Вирабаху сражался с сыном Вираты Уттарой, лучшим из колесничных воинов, и пронзил его отточенными стрелами, Уттара же тоже пронзил храбреца отточенными стрелами. Повелитель чедийцев, о царь, обрушился в бою на Улуку, Улука же на него тоже — оперенными стрелами²⁰, и ужасное зрелище являла битва между ними, о властитель народов, — оба непобежденные, они нанесли тяжкие раны друг другу. И так тысячи поединков между воинами на колесницах, слонах и конях и пеших, твоими и теми, в битве [родили] смятение.
- 78—83 Как будто всего мгновение являла прекрасное зрелище эта битва. Затем, о царь, нераспознаваемым стало все, как в каком-то безумии. Слон сталкивался в бою со слоном, колесничный воин шел на колесничного, конь на коня и пехотинец на пехотинца. Битва стала тогда исполнена великой ярости и смятения, меж тем как герои там в бою бросались друг на друга. И божественные провидцы там, и совершенные, и странники небес, сошедшись, взирали на ту ужасную битву, подобную битве богов и асуров. Тогда тысячи слонов, о достойный, и колесниц тоже, и полчища конные, и полчища мужей, перемешавшись, поменяли [виды боя]²¹. И видно было, как там и здесь колесницы, слоны, пехотинцы, а также всадники, о муж-тигр, вступали в бой опять и опять.

Глава 44

Санджая сказал:

О царь, о сотнях и тысячах боев, что здесь и там шли без конца в разное время повсюду, я расскажу тебе, о Бхарата. Сын не узнавал там отца, отец — родного сына, брат — брата, и племянника — дядя, и дядю — племянник, так же и друг — друга, и, как одержимые, сражались пандавы с куру. Когда врывались в ряды колесниц те мужи-тигры на колесницах, ломалось ярмо о ярмо, о бык среди бхаратов, и дышла колесниц о дышла, оглобли об оглобли. А иные сомкнутым строем на сомкнутый строй наступали, обуреваемые жаждой убийства. И случалось, колесницы не могли сдвинуться с места, столкнувшись с колесницами, а ярые огромные слоны — столкнувшись со слонами. Разъяренные, всячески пронзали друг друга бивнями слоны с шатрами и стягами на спинах, — вражеских слонов разя, с разбегу сшибались великие слоны, о великий царь, и, бивнями пораженные, вопили они, от тяжелых ран страдая. Обученные, искусно направляемые стрелами и анками, в яри великой с другими ярыми слонами сходились они один навстречу другому. И некоторые большие слоны там, с ярыми столкнувшись, испускали крики, крикам каравайки подобные²², и метались во все стороны. И отлично выученные слоны, лучшие из противостоящих, источающие мускус из висков и рта, пронзенные копьями, дротиками и стрелами в уязвимые места на теле, испускали вопли и падали бездыханные, а некоторые с ужасными криками в разные стороны разбегались. Пешие охранники слонов также зрелись там, широкоплечие, воинственные, вооруженные копьями, и луками, и сверкающими топорами, еще палицами и булавами, пращами с дротиками, и еще железными ломами и сверкающими острыми мечами; разъяренные, они бросались туда и сюда, о великий царь, убить друг друга стремящиеся. И видно было, как блистали мечи героев, нападающих друг на друга, людскою кровью обогранные. И громкие слышались удары бьющих в уязвимые места клинков, в руках воителей разящих с размаха. И вопли множества мужей, взывающих друг к другу, сокрушаемых палицами и булавами, поражаемых превосходными клинками, пронзаемых бивнями слонов и слонами растаптываемых, раздавались, ужасные, повсюду, возгласам отверженных душ²³ подобные, о Бхарата. Также конники на конях, увенчанных султанами и лентами, стремительных, как гуси [в полете], наскакивали друг на друга. Большие дротики, украшенные золотом, которые они метали, быстро летящие, сверкающие, острые, неслись к цели, подобные змеям. Некоторые храбрые всадники на самых быстрых конях, налетая на великие колесницы, отсекали головы колесничных воинов. И многих всадников сражал колесничный воин стрелами бхалла, крепко сложенными, когда приближались они на полет стрелы. И взбешенные слоны, по-

добные горам или тучам, золотом украшенные, опрокидывали коней и растаптывали их ногами. А некоторые великаны, пораженные дротиками в лоб и в бока, израненные, испускали вопли в тяжких муках. Некоторые же лучшие из слонов, сбивая коней вместе со всадниками, неистово их там крушили в том ужасном смятении боя. И метались хоботастые, поддевая бивнями коней вместе со всадниками и растаптывая во множестве колесницы со знаменами. Здесь же некоторые большие слоны в неистовстве течки и хоботами, и ногами убивали коней со всадниками. Некоторые хоботные, опрокидывая хоботами колесницы с конями, круша во все стороны тоже, сталкивались, всякие крики испуская. Стрелы, блистающие, острые, налетали, змеям подобные, тела людей и коней и медные латы²⁴ пронзая. Падали здесь и там, о владыка народов, блистающие дротики, пущенные руками героев, ужасные, пылающим метеорам подобные. Из ножен, леопардовой шкурой покрытых или из тигровой шкуры сработанных, сверкающие мечи извлекая, разили они ими врагов и, [сами] получив удары, разгневанные, являя разверстые раны в боку, бросались в бой с мечами, щитами и секирами.

34—44   Здесь и там, о царь, мужи, пронзенные дротиками, некоторые — порубленные секирами, некоторые — смятые слонами, и другие, потоптанные конями, порезанные ободьями колесниц и отточенными стрелами порезанные, зывали к близким, одни — к сыновьям, другие — к родителям, и к братьям с прочими родичами, и к дядьям, и к племянникам, и даже к чужим на поле битвы. Там являлись взору, о Бхарата, выронившие оружие и со сломанными бедрами, с запястьями и прекрасными руками отрубленными, с ранами в боках, и они вопили, изнывая, жаждущие жизни. Некоторые слабые, страдая от жажды, о владыка народов, в бою падали на землю и молили только о воде. Плавая в потоках крови, отчаявшиеся, немало бранили одни себя и сынов твоих, сошедшихся [здесь], о Бхарата, а другие кшатрии, герои, друг с другом сразившиеся, ни оружия из рук не выпускали, ни стенаниями не предавались, о достойный, но, воодушевленные, там и здесь обращали друг к другу угрозы и, в гнев губы прикусывая зубами, с лицами, хмуреньем бровей искаженными, друг на друга взирали. А некоторые, удрученные, страдающие от ран, пораженные стрелами, хранили молчание, сильные духом, великодушные. А еще другие герои, лишившиеся в бою колесниц, просились на колесницу к другому, упавших сминали могучие слоны, [а раненые] красовались, о великий царь, словно киншуки в цвету. И многие жуткие крики раздавались среди ратей во время того вселяющего ужас истребления избранных героев.

45—46   И сражал в бою отец сына, а сын — отца, племянник же — дядю, дядя же — племянника, а друга — друг, о царь, также родич — родного, и так бились там куру с пандавами.

И, в то время как длилась та великая битва, страшная и несправедная, дрогнула рать сынов Притхи, что стала было наступать на Бхишму. Под сенью вознесенного на великой колеснице серебряного стяга, отмеченного знаком пальмы и пяти звезд, о бык среди бхаратов, блистал тогда могучерукий Бхишма, о царь, как месяц под сенью Меру.

47—48

Глава 45

Санджая сказал:

Когда [уже] миновала большая часть первого дня, меж тем как длилось в тот страшный день то свирепое самое истребление великих избранных героев, Дурмука и Критаварман, Крипа, Шалья и Вивиншати по призыву сына твоего приблизились к Бхишме, чтобы его защищать. Под защитою этих пятерых превосходных воителей, о бык среди бхаратов, вторгся в ряды войска Пандавов великий воитель. Над чедийцами, кашийцами, карушами и над панчалами, о Бхарата, являлся взорам все время движущийся стяг Бхишмы, отмеченный знаком пальмы. И быстролетающими стрелами бхалла, крепко сложенными, отсекал тогда Бхишма головы и руки вместе с оружием, и плясали они там, где проходила колесница Бхишмы, о бык среди бхаратов. И некоторые слоны испускали крики боли, в уязвимые места получив удары.

1—6

Абхиманью, разъяренный, стоя на колеснице, запряженной превосходными рыжими конями, к колеснице Бхишмы устремился под стягом, переливающимся золотом, отмеченным знаком карникары. Он осыпал [стрелами] Бхишму, а также тех превосходнейших воителей. Поразив острой стрелою стяг носящего знак пальмы, тот герой вступил в бой с Бхишмой и его свитою. В Критавармана вонзив одну стрелу, в Шалью — пять железных, девятью отточенными он настиг прадеда. И одной пущенной стрелою, что была искусно наложена на до отказа натянутую [тетиву], он пронзил украшенное золотом знамя. А стрелою бхалла, крепко сложенной, все доспехи пробивающей, он снес колесничему Дурмуки голову с плеч. И отточенной стрелою бхалла он переломил лук Крипы, отделанный золотом. И острыми стрелами поразил их великий воитель, словно приплясывая в ярости чрезвычайной, даже божества были довольны, видя проворство его. А меткость сына Кришны²⁵ такова была, что все воители, возглавляемые Бхишмой, словно самого доблестного Завоевателя богатств узрели в нем. И лук его быстро и в нужном направлении враждался, словно огненным кругом сверкая, и звенел, подобный Гандиве.

7—16

На него устремившись, Бхишма, губитель вражеских героев, тотчас пронзил в бою сына Арджуны девятью быстролетающими стрелами, и тремя стрелами бхалла он срезал стяг его, наделенного высшей мощью, и тремя стре-

17—28

лами он, целеустремленный, сразил его колесничего. Также и Критаварман, Крипа и Шалья, о достойный, поразили сына Кришны, но дрогнуть не заставили, словно то была гора Майнака. Окруженный теми великими колесничными воинами стана Дхритараштры, сын Кришны, герой, ливни стрел пролил на пятерых воителей. Тогда, мощные удары их оружия ливнями стрел отразив, клич издал могучий сын Кришны, посылая стрелы в Бхишму. И явил он, о царь, великую силу рук, рьяно в бою нанося удары Бхишме стрелами. И в него, доблестного, Бхишма тоже посылал стрелы, он же в бою рассекал стрелы, слетавшие с лука Бхишмы. Тогда девятью бьющими без промаха стрелами срезал герой в бою знамя Бхишмы; и вскричали тогда люди. И тот великий столп серебряный со знаком пальмы, золотом украшенным, срезанный стрелами сына Субхадры, упал наземь, о Бхарата! Увидев поваленное стрелами сына Субхадры знамя, о бык среди бхаратов, Бхима испустил радостный крик, сына Субхадры ободряя. Но вот Бхишма явил великие [виды] оружия многие, чудесные, в тот миг великой ярости исполненный, великомощный. Затем сотнею тысяч стрел, крепко слаженных, прадед, духом неизмеримый, осыпал сына Субхадры.

29—34 Тогда десять великих лучников, великих воителей [стана] Пандавов, помчались на колесницах, спеша на помощь сыну Субхадры: Вирата с сыном, Дхриштадьюмна из рода Пришаты и Бхима, а также Кекаи и Сатьяки, о владыка народов. И меж тем как они стремительно налетели на него, Бхишма, сын Шантану, поразил в битве Панчалийского²⁶ тремя отточенными стрелами и Сатьяки [также] и одной стрелою с отточенным лезвием, пущенной с натянутой до отказа [тетивы], срезал знамя Бхимасены; и, сбитый Бхишмой, упал с колесницы золотой стяг Бхимасены, отмеченный знаком льва, о лучший из людей! А Бхимасена, поразив Бхишму, сына Шантану, в битве тремя [стрелами], Крипу поразил одною, Критавармана — восемью.

35—42 Тоже и Уттара, сын Вираты, сдерживавший до поры своего слона, устремился на нем на царя, повелителя мадров. Того помчавшегося стремглав царя слонов бесподобному бегу воспрепятствовал Шалья на колеснице в бою. Владычный слон тот, разъяренный, поправ ногою ее упряжь, убил четырех его рослых отменно выученных коней. На колеснице, чьи кони были убиты, стоя, метнул повелитель мадров железный дротик, несущий Утtare смерть, змее подобный. Он пробил его латы, и, в глубокий мрак погрузившись, пал тот со спины слона, выронив стрекало и копье. Шалья же, обнажив меч и прыгнув с превосходной своей колесницы, подбежал и отсек тогда огромный хобот вожака слонов. Тучею стрел пораженный в уязвимые места, с отсеченным хоботом, тот слон, издав, страдая, ужасный вопль, упал и испустил дух. Совершив таковое, царь мадров, великий воитель, взошел немедля на блистающую колесницу Критавармана.

Видя прекрасного Уттару, брата своего, сраженным и видя, что соединились вместе Шалья с Критаварманом, воспылал гневом сын Вираты Шанкха, словно жертвенный огонь от жертвенного масла. Натянув великий лук, золотом отделанный, он устремился, могучий, на Шалью, повелителя мадров, поистине смерти его жаждущий. Прикрываемый со всех сторон великим множеством колесниц, он приблизился к колеснице Шальи, дождем из стрел ее поливая. Видя, как наступает он со рвением ярого слона, семь воителей твоих окружили со всех сторон царя мадров, чтобы охранить его, смерти в пасть пришедшего. Затем Бхишма могучерукий, издав громopodobный клич и лук длиною в талу²⁷ взяв, устремился в битве на Шанкху. И, узрев, что наступает [на них] тот великий лучник великомощный, затрепетало пандавское войско, как корабль под порывами бурного ветра. Там Арджуна поспешно встал впереди Шанкхи: «Нужно защитить его от Бхишмы!» — и битва затем продолжалась. Великий шум стоял от криков бойцов, бьющихся в бою. Со рвением рвение мешалось, всех приводя в изумление. Шалья меж тем, сойдя с палицей в руке с великой колесницы, сразил четырех коней Шанкхи, о бык среди бхаратов! С колесницы, без коней оставшейся, тот соскочил с мечом поспешно и, добежав до боевой повозки Бибхатсу, [там] спокойствие обрел наконец.

43—52

Тогда с колесницы Бхишмы стремительно полетели стрелы, заполонившие воздух и землю повсюду. На панчалов тогда, и на матсьев, и на Кекаев прекрасных обрушил оружие Бхишма, лучший из наносящих удары. Оставив сына Панду Савьясачина, он устремился тотчас на Друпадку Панчалийского, окруженного войском, многими стрелами дорогого свойственника²⁸ осыпая, и словно огнем опаленные леса на исходе зимы²⁹ выглядели войска Друпадку, стрелами палимые, и как очистительный огонь — без дыма только — предстал в бою Бхишма. Как на опаляющее зноем солнце в полдень, не могли поднять на Бхишму взора воины сына Панду. И озирались вокруг Пандавы, терзаемые страхом, но не видели, кто бы мог спасти их, подобные коровам, оцепеневшим от холода. Меж тем как, истребляемое, бежало врассыпную павшее духом, разгромленное воинство, великий крик отчаяния поднялся среди ратей панду, о Бхарата. Тогда Бхишма, сын Шантану, с лука, согнутого дугою, непрестанно пускал стрелы со сверкающими остриями, ядовитым змеям подобные. И, стрелами во все стороны нанизав воедино пространство, он, целеустремленный, поражал воителей стана Пандавов, вновь и вновь направляя [на них удары], о Бхарата!

53—61

Затем, когда зашло солнце, уже ничего нельзя было различить среди разбитых повсюду и смятенных войск. И, видя, как продвигается Бхишма в сражении великом, сыны Притхи призвали войска к перемирию, о бык среди бхаратов.

62—63

Глава 46

Санджая сказал:

1—24

Когда установлено было первое перемирие в войсках, о бык среди бхаратов, меж тем как в неистовство такое впал Бхишма и возрадовался Дурьодхана, Царь справедливости³⁰ с братьями со всеми и со всеми царями вместе подступил затем поспешно к Джанардане. Высшей чистотою наделенный, о поражении размышляя при виде доблести Бхишмы, о царь, он молвил потомку Вришни: «О Кришна, взгляни на великого лучника Бхишму, грозного и доблестного, что стрелами войско мое испепеляет, как огонь летом — сухостой! Можем ли мы взор поднять на него, великого духом, что продолжает палить мое войско, как огонь, жертвенным маслом питаемый? Ведь при виде этого мужа-тигра, луком вооруженного, великомощного, бежит врассыпную мое войско, стрелами поражаемое. Скорее победить можно в битве Яму гневного и Держателя ваджры, самого Варуну с его петлею либо Куберу, булавы носителя, но Бхишму, великого пыла исполненного, победить невозможно, великомощного. Так вышло, что в бездонной пучине Бхишмы тону я, судна лишенный! По скудоумию собственному выступил я против Бхишмы, о Кешава. Удаюсь [теперь] в лес, о Говинда, лучше там мне жить, но не предавать сих властителей земли смерти [в образе] Бхишмы. Истребит войско мое, о Кришна, Бхишма, великий знаток оружия! Как мошки летят в пылающий огонь, так точно к истреблению идет мой люд военный. Ради царства вышедший на бой, к гибели влекусь я [ныне], о потомок Вришни! И братья мои, герои, измучились, терзаемые стрелами, ради меня, из-за любви братней отторгнутые от царства и от счастья тоже! Премного ценю я жизнь, ибо нелегко сохранить ее нынче. И на оставшуюся мне жизнь суровому подвижничеству я предамся, но не допущу убийства в битве друзей моих, о Кешава! Тысячи многие умерщвляет, отдыха не зная, воителей моих, лучших из бойцов, небесным оружием своим³¹ Бхишма. Что же еще остается мне делать, скажи немедля, о Мадхав! Я вижу, что Савьясачин в битве словно бы и не участвует. Один только Бхима бьется изо всех сил, долгорукий, мощь длани своей напрягая, о долге кшатрия помнящий. Палицей, сражающей героев, творит он, высокий помыслами, нелегкий труд свой, сколько рвения хватает, среди слонов, коней, колесниц и пехотинцев. Но в честном бою, о достойный, не уничтожить ему вражеское войско, о герой, и за столетия. Друг твой — [вот кто] единственно искушен [достаточно] во владении оружием, но равнодушно он взирает на то, как истребляют нас Бхишма и великий духом Дрона. Небесное оружие Бхишмы и Дроны, великого духом, применяемое снова и снова, испепелит всех кшатриев! О Кришна, страшно разъяренный Бхишма со всеми царями [своими] в союзе истребит нас наверняка, такова доблесть его. О ты, владыка йоги,

узри того великого лучника, великого воителя, который сможет усмирить Бхишму в бою, как туча — пожар лесной! И милостью твоею, о Говинда, Пандавы, когда погибнут их враги, возрадуются с родичами вместе, царство свое возвратив!»

Так молвив, погрузился в раздумье сын Притхи, высокий помыслими, и долго затем пребывал в скорби глубокой с сердцем, горестью сокрушенным. Видя, как с сердцем, горем убитым, томится в печали сын Панду, проговорил тогда Говинда, всех Пандавов ободряя: «Не печалься, о лучший из бхаратов, не должно печалиться тебе, чьи братья — герои вселенной, лучники! И я — [твой] соратник, и Сатьяки, великий воитель, и умудренные возрастом Друпادا с Виратой, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, а также все цари с войсками, о лучший из царей, уповают на милость твою и преданны тебе, о владыка народов! Вот внук Пришаты, всегда стремящийся к благу твоему, Дхриштадьюмна великомощный, что рад угодить тебе, водительство обретший над полками, вот могучерукий Шикхандин — то Бхишмы гибель поистине!» 25—30

Выслушав это, царь молвил затем среди собравшихся Дхриштадьюмне, великому воителю, и внимал ему Васудева: «О Дхриштадьюмна, преклони слух к тому, что я скажу тебе, о достойный. Да не останется без внимания речь, произнесенная мною. С одобрения Васудевы стал ты моим полководцем; как некогда для богов им утвердился Картикея, так же и ты, о муж-бык, — предводитель полков панду. Так рази же Кауравов, явив отвагу, о муж-тигр, а я последую за тобой, как и Бхима, и Кришна, о достойный, и оба сына Мадри вместе, и сыны Драупади в боевом снаряжении, и другие, главные из царей, о муж-бык!» Тогда, всем поднимая дух, отвечал Дхриштадьюмна: «Издавна определил Шамбху быть мне, о сын Притхи, губителем Дроны. Так я и буду противостоять нынче в битве Бхишме и Дроне, Крипе, Шалье, Джаядратхе, всем в битве кичливым, о властитель земли!» И вскричали великие лучники Пандавы, боем опьяненные, когда воспрянул [пред ними] предводитель царей, внук Пришаты, истребитель врагов. Сын Притхи молвил затем внуку Пришаты, в сражении предводительствующему: «Боевой строй, Заревой каравайкой³² именуемый, всех врагов сокрушающий, — некогда, во время войны богов и демонов, Индре рассказал о нем Брихаспати, — построь его как должно, гибельный для вражеских ратей, чтобы, невиданный прежде, узрели его цари и [все] куру вместе с ними!» 31—40

Когда сказал ему так божественный муж, как [богу] Вишну [прежде] Носитель ваджры³³, на рассвете он поставил впереди всех войск Завоевателя богатств. Движущийся путем Солнца, чудно прекрасен был его стяг, что сработан был Вишвакарманом по велению Многочтимого³⁴. Украшенный лентами цветов оружия Индры³⁵, словно по воздуху плывущий, 41—50

подобный граду гандхарвов³⁶ в воздухе, он, казалось, приплясывал, следуя ходом колесницы, о достойный. И Партха тем драгоценным [стягом], и тот Владетелем лука Гандивы [взаимно] возвышены были, как Самосущий — Солнцем. Главою [строя] стал царь Друпادا, большим войском окруженный, а Кунтибходжа и Чедиец³⁷ глазами были, о владыка народов. Дашарны и праяги с отрядами дашераков, жители побережий и кираты [стали] где шея, о бык среди бхаратов, а спиною был вместе с патаччарами и хундами, о царь, также пауравами и нишадами — Юдхиштира. Крылья же — Бхимасена и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, сыны Драупади, и Абхиманью, и Сатьяки, великий воитель. Пишачи и дарады, пундры с кундивишами, мадаки и ладаки, также танганы и дальние танганы, бахлики и также титтиры, чолы и пандьи, о Бхарата, — эти народы, о царь, к правому крылу примыкали. Огневики, джагаттунды и пуродаши, о Бхарата, шабары и тыквопийцы, ватсы вместе с накулами, Накула и Сахадева — к левому краю примыкали³⁸. Десять тысяч колесниц было на крыльях, а в голове — миллион, десять миллионов и двадцать тысяч — спина, в шее — миллион и еще семьдесят тысяч³⁹. По краям, на протяжении и на самых кончиках крыльев шли слоны, о царь, словно движущиеся покрытые горы. Тыл защищали Вирата с Кекаями, и царь Каши⁴⁰, и Шибиец⁴¹ с тридцатью тысячами колесниц. Так построив этот великий строй, о Бхарата, стояли Пандавы, снаряженные для битвы, дожидаясь восхода солнца, и чистые, яркие, как солнце, блистали их огромные белые зонты на слонах и колесницах.

Глава 47

Санджая сказал:

1—9 Тогда, увидев построенным — по велению сына Притхи, пылом безмерного, — тот великий строй Каравайки, несокрушимый, ужасающий, твой сын, приблизившись к наставнику⁴², Крипе и Шалье, о достойный, и к сыну Сомадатты, Викарне и Ашваттхаману, к Духшасане, и всем другим братьям, о Бхарата, и к другим прекрасноруким героям, сошедшимся для битвы, такое слово вовремя ободряющее молвил сын твой: «Разными [видами] оружия сражающиеся, все вы сведущи во владении и ударным, и метательным оружием, все — великие воители, и каждый в одиночку сразить способен в битве сынов Панду с их войсками, а уж сплоченные вместе — подавно! Ненадежна та наша сила, ограждаемая Бхишмой⁴³, но надежна эта их сила, о лучшие из властителей земли! Пусть же санстханы и шурасены, веники, также кукуры, жители приревских земель⁴⁴ и тригарты, мадры, а

также яваны, с Шатрунджаей вместе, а также с Духшасаной, с героем Викарной, также с Нандой, Упанандой и прочими⁴⁵, вместе с Читрасеной и с Панибхадраками⁴⁶ вместе, впереди войск заняв место, да защищают все Бхишму!»

Тогда Дрона, и Бхишма, и сын твой, о достойный, великий строй построили для отражения Бледных⁴⁷. Бхишма, со всех сторон великим войском окруженный, большую рать повел за собою, словно [сам] властелин богов⁴⁸. За ним последовал великий лучник — блистательный сын Бхарадваджи — с кунталами и дашарнами, и магадхами, о владыка народов, а также с видарбхами, мелаками и еще с ушастиками⁴⁹. Вместе со всем войском [шли] за Бхишмой, блистающим в сражениях, гандхары, синдху-саувиры, шиби, также васати. А Шакуни со своим войском ограждал сына Бхарадваджи. В свою очередь царь Дурьодхана вместе со всеми своими братьями, а также с ашватаками и викарнами, шармилами с косалами, также с дарадами и чучупами и кшудраками с малавами — прикрывал, воодушевленный, рать сына Субалы. Бхуришравас, Шала, Шалья и Бхагадатта, о достойный, и Винда с Анувиндой Авантийские левый край ограждали. [Другой] сын Сомадатты⁵⁰, Сушарман, Судакшина Камбоджийский и Шатаюс и Шрутаюс заняли место с правого края. Ашваттахман, а также Крипа и Критаварман Сатватский с большим войском вместе расположились в тылу войск. А еще с тыла прикрывали его властители разных стран, Кетуман, Васудана и Абхибху, сын Кашийца⁵¹.

Затем твои все, ликующие перед боем, о Бхарата, затрубили, радости исполненные, в раковины и львиные кличи издали. Заслышав их, ликующих, и старый праотец рода Куру, львиный клич издав, громко в раковину затрубил, блистательный. Тогда зазвучали другие раковины и литавры, и тамбурины различные следом, и забили в большие барабаны — шум был громозвучный. Затем, стоя на великой колеснице, запряженной белыми конями, затрубили в превосходные раковины, отделанные золотом и драгоценностями: Хришикеша — в Панчаджанью, Завоеватель богатств — в Девадатту, и в великую раковину Паундра затрубил грозный деяниями Волчебрюхий, сын Кунти царь Юдхистхира — в Анантавиджаю, Накула же и Сахадева — в Сугхошу и Манипушпаку. И царь Каши, и Шибиец, и Шикхандин, великий воитель, Дхриштадьюмна и Вирата и Сатьяки достославный, и пятеро великих лучников, сыновья Драупади Панчалийской, — все затрубили в великие раковины и великие кличи издали. И превеликий был шум, поднятый теми героями, и зазвучали небо и земля, эхом тот гром отражая. Так, о великий царь, снова сошлись в бою воспрявшие духом куру и пандавы, испепеля друг друга.

10—20

21—30

Глава 48

Дхритараштра сказал:

1 Когда так построились рати, мои и иные, как вступили в бой лучшие из бойцов?

Санджая сказал:

2—6 Когда равно построились [все] рати, поднялись блистающие знамена, и, озирая ту силу, подобную безбрежному океану, ставший посреди них царь Дурьодхана, сын твой, молвил всем твоим: «Сражайтесь, вооруженные!» Те, ожесточившись душою, не щадящие жизни, знамена подъяв, ринулись прямо на пандавов. Тогда закипела, гремя, битва твоих и чужих, вздымающая волосы дыбом, в коей смешались колесницы и слоны. И пущенные воинами с колесниц стрелы с золотым оперением, остро отточенные, сыпались, незатупленные, на слонов и коней.

7—11 И когда так завязался бой, мощнорукий Бхишма, одетый в доспехи, лук воздев, обрушился, исполненный грозной отваги, на сына Субхадры и Бхимасену, и внука Шини⁵², великого воителя, и на Кекаю, и Вирату, и Дхриштадьюмну, и сына Пришаты;⁵³ на этих мужей-героев и на чедийцев с матсьями пролил старый праотец куру дожди стрел. Дрогнул великий строй под тем натиском героя, великое смятение охватило всех воинов. Поникли знамена и слоны, пали лучшие кони, рассеялись колесничные рати — так стало у Пандавов.

12—17 Арджуна, муж-тигр, великого воителя Бхишму завидев, молвил, гневный, потомку Вришни: «Туда, к деду веди! Ясно же, что Бхишма сей, разгневанный сильно, уничтожит, о потомок Вришни, рать мою, о благе Дурьодханы радующий. Сей Дрона, Крипа, Шалья и Викарна, о Джанардана, вместе с сынами Дхритараштры, предводимыми Дурьодханой, разгромят панчалов, несокрушимым лучником хранимые! Но ради [спасения] войска пойду на Бхишму я, о Джанардана». Васудева молвил ему: «Будь наготове, о Завоеватель богатств! Сейчас я приведу тебя, о герой, к колеснице деда». Сказав так, внук Шуры привел затем ту колесницу, прославленную в мире, к Бхишме, пред его колесницу, о владыка людей.

18—33 Со многими кольшуущимися знаменами, на белых, как журавли, конях, стяг с ревущей чрезвычайно грозно обезьяной подъяв, на гремищей, как туча, колеснице, сиянье солнца излучающей, круша Кауравов рать и шурасенов, скоро явился туда сын Панду, стрелы извергая, борясь с угнетенностью друзей. Когда стремительно напал он, подобный слону в пору течки, выступил тотчас против Арджуны, приводящего в трепет героев в битве и стрелами их сражающего, Бхишма, сын Шантану, ограждаемый воинами Востока, саувирами и кекаями

во главе с властителем Синдху. Ибо какой же еще воитель мог противостоять Владетелю лука Гандивы, кроме праотца куру или же Дроны вкупе с сыном Грозного Солнца?⁵⁴ Тогда Бхишма, дед Кауравов, о великий царь, осыпал Арджуну семьюдесятью семью крепкими древками⁵⁵, а Дрона двадцатью пятью, Крипа пятьюдесятью стрелами, Дурьодхана шестьюдесятью четырьмя и Шалья девятью стрелами, и властитель Синдху еще девятью, и Шакуни еще пятью, а Викарна десятью стрелами бхалла поразил сына Панду, о царь. Пораженный отовсюду теми острыми стрелами, великий лучник не дрогнул, однако, мощнорукий, как если бы поражали гору. Он, Увенчанный⁵⁶, неизмеримый духом, Бхишму двадцатью пятью и Крипу девятью стрелами, Дрону, муж-тигр, шестьюдесятью, а Викарну тремя стрелами, Артаяни тремя остриями, царя же⁵⁷ пятью поразил в ответ, о бык среди бхаратов. И окружили Завоевателя богатств Сатьяки и Вирата, Дхриштадьумна, внук Пришаты, и Абхиманью с сынами Драупади. Затем великого лучника Дрону, радеющего о благе сына Ганги, окропил дождем [стрел] царевич Панчалы в союзе с Сомаками. Бхишма же, лучший из колесничных бойцов, немедля поразил сына Панду восемьюдесятью острыми стрелами, и отозвались твои на то [победным] криком. Но, внемля торжествующему воплю их, восторжествовав, блистательный лев среди колесничных воинов вторгся тогда в их ряды, прорвавшись же среди тех воинов-львов, Завоеватель богатств, луком играючи, о царь, бил без промаха в великих воителей.

Тогда царь Дурьодхана, владыка людей, молвил Бхишме, видя, как терзает 34—40
в бою войско его Партха: «Этот сын Панду, отец мой, с Кришною вместе подрежет, могучий, нас под корень, сколько бы ни тщились все наши рати, [и это] в то время, как здравствуете и ты, сын Ганги, и Дрона, лучший из колесничных бойцов! Ведь это из-за тебя только великий воитель Карна, всегда желавший мне блага, положил оружие и не сражается в битве с Партхой. Сделай же так, о сын Ганги, чтобы убит был Пхальгуна!» Тогда в ответ на такие речи, о царь, сказал отец твой Деваврата: «Позор обычаю кшатры!»⁵⁸ — и направился к колеснице Партхи. Обоих белоконных сошедшимися видя, о царь, львиный рык испустили громко властители земли и затрубили в раковины, о Бхарата! Сын Дроны и Дурьодхана также, и сын твой Викарна, в бою окружив Бхишму, восстали на битву, о достойный. И так же все Пандавы, окружив Завоевателя богатств, восстали на великую битву. Затем битва началась.

И сын Ганги в сражении нанес удары Партхе девятью стрелами. Арджуна в ответ поразил его десятью, вонзившимися в уязвимые места. Затем тысячью метких стрел Арджуна, сын Панду, окутал Бхишму со всех сторон, прославленный в боях. Но ту сеть из стрел Партхи, о потомок Куру, [своей] сетью из стрел покрыл-таки Бхишма, сын Шантану. Оба, исполненные 41—61

ликования, оба, обретающие в битве радость, бились, друг другу не уступая, жаждущие преломить деянием деяние другого. Видно было, как тучами часто летящие с лука Бхишмы стрелы крошились, разламываемые, о стрелы Арджуны, и так же Арджуной пущенные одна за другою тучи стрел, стрелами сына Ганги отраженные, падали на землю. Арджуна двадцатью пятью острыми стрелами поразил Бхишму, и Бхишма в схватке тридцатью стрелами пронзил Партху. Поразив коней, и оба знамени друг у друга, и дышла, и колеса колесничные, разыгрались оба укротителя врагов, великомошные. Затем гневный Бхишма, лучший из бойцов, о великий царь, тремя стрелами нанес удары в грудь Васудеве. Стрелами, пущенными с лука Бхишмы, пронзенный Губитель Мадху красовался в битве, о царь, как цветущая киншука. Тогда, видя Мадхаву пронзенным, Арджуна, весьма разгневанный, ранил в бою колесничного сына Ганги тремя стрелами. Но как ни старались те двое героев убить один другого, они не могли тогда один другого одолеть в бою. И разнообразие круги они описывали оба многократно, отдаляясь и вновь возвращаясь, являя тем равенство в искусстве своих колесничных, и, мысля, как нанести удар, оба великих воителя, о царь, снова и снова иные пути избирали. Оба дули в раковины, мешая трубный звук со львиным рыком, и так же звенели луки у обоих великих воителей. И от рева раковин обоих, и от грохота их колесниц вдруг треснула земля, и содрогнулась, и гулом отозвалась. Никто просвета не видел у обоих могучих героев, о бык среди бхаратов, в битве друг другу равных. И только по образу на стяге могли различить там Бхишму Кауравы, и так же Партху сыны Панду только по этому знаку различали. И, видя такую доблесть обоих тех превосходных мужей, все существа в той битве преисполнились изумления, о Бхарата. И никакого изъяна не усмотрел никто ни у одного из них в сражении, как не узрит ведь никто нигде порока у соблюдающего Закон³⁹. Оба же между тем стали невидимы под сетью из стрел, но скоро опять явились оба взору в сражении.

62—67 Там боги с гандхарвами и странники небес с провидцами говорили друг другу, их доблесть видя: «Коль разъярятся в битве эти оба великих воителя, не смогут победить их никогда ни асуры с гандхарвами, ни люди — даже с богами вместе. В мирах дивиться будут битве этой как великому чуду, и никогда уже подобных битв не будет. Не может победить мудрый Партха в сражении Бхишму, с луком стоящего на колеснице, сеющего стрелы в сражении; так точно сына Панду, в битве даже для богов неприступного, не в силах победить в сражении Бхишма, луком вооруженного». Со всех сторон слышались в бою эти речи, произносимые во славу сына Ганги и Арджуны, о владыка народов!

68—70 А меж тем как бились они там оба, о Бхарата, твои воины и пандавские разили друг друга в сражении. Потоками острых стрел, мечами свер-

кающими, и секирами, и многим другим оружием всякого рода рубили один другого в битве герои обеих войск. И в то время как длилась та ужасная и престокая битва, о царь, произошел бой великий Дроны и Панчалийского.

Глава 49

Дхритараштра сказал:

Как сошлись в бою Дрона, великий лучник, и Панчалийский, внук Пришаты, оба напрягшие силы, о том расскажи мне, о Санджая. Поистине судьба превыше мужества, мыслю я, о Санджая, если Бхишма, сын Шантану, не одолел в бою сына Панду. Ведь Бхишма, гневный, в сражении мог истребить миры, подвижные и недвижимые. Как же, о Санджая, не одолел он в битве сына Панду мощью своей? 1—3

Санджая сказал:

Духом укрепись, о царь, и слушай об этой престокой битве. Сами боги с Предводителем Васу вместе не могли бы победить сына Панду. Дрона же острыми стрелами своими вызвал на бой Дхриштадьюмну и стрелою бхалла сбросил его возницу с подножья колесницы. И четырьмя превосходными стрелами, разъяренный, он уязвил четверых коней Дхриштадьюмны, о достойный. Дхриштадьюмна тогда пронзил Дрону девятью десятками отточенных стрел, и... «Стой, стой!» — молвил герой, усмехаясь. Тогда неизмеримый духом сын Бхарадваджи, блистательный, опять окутал стрелами негодующего Дхриштадьюмну. И он взял ужасную стрелу, предназначенную для убиения внука Пришаты, быющую, как оружие грома Шакры⁶⁰, словно Смерти жезл другой. И громкими возгласами, потрясенное, разразилось все войско при виде той стрелы, когда наложил ее в бою [на лук] сын Бхарадваджи, о Бхарата! Там узрели мы необыкновенное мужество Дхриштадьюмны, когда стоял герой одиноко в битве, недвижимый, как гора. И он рассек ту ужасную, пылающую стрелу, настигающую его, словно собственная его смерть, и ливень стрел выпустил в сына Бхарадваджи. Тогда вскричали все панчалы с Пандавами вместе, видя тот подвиг нелегкий, сотворенный Дхриштадьюмной. Затем, жажда гибели Дроны, метнул он, смелый, дротик быстролетный, отделанный золотом и бериллом. Тот стремительно налетающий дротик, золотом украшенный, на три части рассек в бою сын Бхарадваджи, как будто усмехаясь. Видя дротик свой сбитым, Дхриштадьюмна блистательный ливни стрел пролил на Дрону, о владыка людей. Но, отразив тот ливень стрел, Дрона многославный переломил посередине лук сына Дroupады. 4—34

Тот многославный, чей был сломан лук, бросил в Дрону в бою, могучий, тяжелую палицу, крепостью скалы обладающую; стремительно полетела та палица, пущенная ради убиения Дроны. Там узрели мы необыкновенную отвагу сына Бхарадваджи. Благодаря проворству своему увернулся он от палицы, златом украшенной, а увернувшись от той палицы, послал во внука Пришаты преострые стрелы бхалла, закаленные⁶¹, с золотым опереньем, отточенные на камне, и, пробив его латы, они испили его крови в бою. Однако, взяв другой лук, Дхриштадьюмна, высокий помыслами, в битве, наступая, пронзил Дрону пятью стрелами. И тогда оба они, быки среди мужей, красовались, умащенные кровью, о царь, словно два цветущих дерева киншука в весеннее время. Затем, о царь, раздосадованный Дрона, наступая во главе ратей, снова переломил лук сына Друпადы, а затем его, чей лук был сломан, осыпал, духом неизмеримый, крепко слаженными стрелами, как туча гору дождем, и стрелою бхалла сбросил его колесничего с подножья колесницы, а также четырьмя отточенными стрелами свалил четверых его коней и львиный рык издал. Потом другую стрелою бхалла он вырвал лук из его руки. Тот со сломанным луком, лишившийся колесницы, чей колесничий был убит и чьи убиты были кони, сошел наземь с палицей в руке, великое мужество являя. Но еще не успел он с колесницы сойти, стрелами выбил тотчас ее у него [противник], о Бхарата, — словно чудо то было. Тогда, схватив большой блистающий щит, украшенный сотнею лун, и большой чудесный меч, он, прекраснорукий, могучий, устремился проворно, желая убиения Дроны, как лев кровожадный в лесу на ярого слона. Там узрели мы необыкновенное мужество сына Бхарадваджи и проворство его, и владение оружием, и мощь его рук, о Бхарата, когда ливнем стрел остановил он внука Пришаты, и как ни могуч тот был, не мог тогда продвинуться в бою. И зрели мы там стоящим великого воителя Дхриштадьюмну, что отражал щитом дождь стрел, являя ловкость рук своих.

35—40 Тогда Бхима мощнорукий примчался стремительно, мощный, оказать помощь в бою великому духом внуку Пришаты. Он поразил Дрону семью острыми стрелами, о царь, и немедля возвел тогда внука Пришаты на другую колесницу. Тогда царь Дурьодхана направил Калингу в сопровождении большого войска на защиту сына Бхарадваджи. Затем немедля то великое войско калингов, о владыка людей, обрушилось на Бхиму по велению твоего сына. Дрона же, избранный среди колесничных воинов, оставив Панчалийского, вступил в бой с объединившимися старыми Виратой и Друпадой. Дхриштадьюмна же в бою присоединился к Царю справедливости. Тогда закипела битва, гремя, вздымающая волосы дыбом, между сошедшимися калингами и Бхимой, великим духом, гибельная для вселенной, ужас воплощающая, страшная.

Глава 50

Дхритараштра сказал:

Так как же Калинга, полководец, тому велению следующий, с великомошным Бхимасеной, небывалых деяний вершителем, героем, что шествовал с палицей, словно Антака с жезлом во длани, [как] в бой [с ним] вступил на поле брани Калинга с войском вместе? 1—2

Санджая сказал:

По слову сына твоего, о властелин царей, тот великомошный, оберегаемый великим войском, двинулся на колесницу Бхимы. Той наступающей стремительно великой рати калингов со множеством колесниц, слонов и коней, мощным оружием вооруженной, полчищу калингов навстречу выступил, о Бхарата, Бхимасена с чедийцами вместе и приближающемуся Кетуману, властителю нишадхов, [навстречу]. Тогда Шрутаюс яростный с царем Кетуманом вместе напал в сражении на Бхиму среди выстроивших полки чедийцев. Со многими тысячами колесниц повелитель калингов, с десятью тысячами слонов и со [своими] нишадами Кетуман, о царь, окружили в сражении Бхимасену со всех сторон. Чедийцы, матсьи и каруши, предводимые Бхимасеной, с царями вместе напали мгновенно на нишадов. Тогда произошла битва, ужас воплощающая, страшная и не различающая воинов своих [и чужих], взаимно охваченных жаждой убийства⁶². 3—9

Ужасной была тогда битва, [завязавшаяся] вдруг между Бхимой и врагами, как между Индрой, о великий царь, и великим войском дайтев. И оглушительный шум поднялся от того сражающегося войска на поле брани, о Бхарата, реву океана подобный. Воины тогда, рубя друг друга, о владыка народов, всю землю превратили в подобие погребального пепелища, трупами и кровью покрытого. И воинов своих от чужих уже не различали, охваченные жаждой убийства, и даже своих [за врагов] принимали свои же герои, трудноодолимые в сражении. И превеликая была бойня, в которой малочисленные бились со многими, чедийцы с калингами и нишадами, о владыка народов. 10—14

Но, явив мужество сколько было силы, отступили, покинув Бхимасену, великомошные чедийцы. Когда отступили чеди под натиском всех калингов, сын Панду тем не уступил, на силу рук своих полагаясь. Не двинулся с колесницы своей великомошный Бхимасена, осыпая острыми стрелами рать калингов. А Калинга, великий лучник, и сын его, великий воитель, известный под именем Шакрадева, поразили стрелами сына Панду. Тогда мощнорукий Бхима, потрясая своим прекрасным луком, вступил в бой с калингами, на силу рук своих уповая. 15—19

20—22 Шакрадева же, выпуская в бою множество стрел, сразил в бою стрелами коней Бхимасены и ливни стрел пролил, словно туча на исходе жаркой поры. Но Бхимасена великомошный, когда пали кони, метнул изо всей силы, стоя на колеснице, железную палицу в Шакрадеву. Ею сраженный, о царь, сын Калинга со знаменем и с возницей пал с колесницы на землю.

23—29 Видя сына своего сраженным, повелитель калингов многими тысячами колесниц окружил Бхиму отовсюду. Тогда, о царь, Бхима великомошный, оставив огромную тяжелую палицу, жестокое деяние свершить намереваясь, меч подъял и щит бесподобный, из бычьей кожи сработанный, с золотыми звездами и полумесяцами, о бык среди мужей. А Калинга тогда, разгневанный, натягая тетиву лука, взял одну стрелу ужасную, змеиному яду равную, и послал ее, владыка людей, в Бхимасену, убийства его жаждущий. Ту пущенную острую стрелу, быстро налетающую, рассек надвое Бхимасена, о царь, огромным мечом и вскричал, ликуя, трепет вселяя в войско. Калинга же тогда, гневный, тотчас послал в бою в Бхимасену четырнадцать дровиков, на камне отточенных. Их, когда еще не достигли они его, летящие в воздухе, рассек, не смутившись, проворно мечом превосходным, о царь, мощнорукий сын Панду.

30—38 Разбив же в бою все четырнадцать дровиков, Бхима, муж-бык, ринулся на Бханумана, его завидев. А Бхануман тогда покрыл Бхиму дождем из стрел и громогласный клич издал, небосвод огласивший. Не стерпел Бхима тот львиный клич в великой битве и зычным голосом испустил тогда оглушительный рев. Тем ревом потрясенное, не могло уже войско калингов в сражении [том] почитать Бхиму за человеческое существо, о бык среди бхаратов! Тогда Бхима, о великий царь, громовый клич издав, с мечом в руке прыгнул и по бивням лучшего из слонов быстро взобрался затем на спину царственного слона, о достойный. И вот широким клинком разрубил он там Бханумана. Убив царевича-воина, тот укротитель врагов меч следом вонзил в шею слона, тяжкую ношу держащую. Взревев, упал с разрубленной шеей тот вожак слоньего стада, как высокая гора, подточенная потоком. А потомок Бхараты, о Бхарата, соскочив затем с того слона, стал на земле, неомраченный духом, с мечом в руке и в доспехи одетый.

39—59 Во многие стороны прокладывая он путь себе, неустрашимый, повергая слонов, и всюду видели его, пущенному огненному диску подобного. Среди конных отрядов, слонов, колесничных ратей и среди полков пехотинцев, властвующий, разящий, кровью покрытый, парил орлом в сражении Бхима, для вражеской силы неодолимый. Мечом с острым лезвием рассекая в бою с великим проворством тела и головы бойцов на слонах, он, пеший, в одиночку, ужас вселяя во врагов, разъяренный, и в беспамятство ввергал, подобный Времени всеокрушающему в образе Ямы. Обезумевшие, они с воплями бросались в схватке на него, когда он с мечом в руке так стремительно пробивался вперед

в великом сражении. Рубя в бою дышла и упряжи у колесниц, он сражал и самих колесничных бойцов, могучий врагов истребитель. Видели, как в самые разные стороны пробивался Бхимасена, кругом себя обращался и вверх, отражал и прыгал, наступал и отступал, являя выпады и оборону сын Панду. И некоторые, пораженные мечом сына Панду, великого духом, вскрикивали, в уязвимые места приняв удары, и падали бездыханные. А иные слоны с разрубленными бивнями и хоботами, с разбитыми лбами, лишившиеся седоков, топтали собственные рати, о Бхарата, и, громкие вопли испуская, падали на землю. И сломанные копья и луки, и головы погонщиков, и пестрые попоны, и подпруги, сверкающие золотом, также нашейные цепи, дротики, знамена и еще топорики, также колчаны, орудия всякие⁶³, и луки, и жаровни с раскаленными углями, стрелака с анками, различные бубенчики, о царь, мечи в позолоченных ножнах, падающие и упавшие со всадниками вместе, видели мы; и земля там телами сраженных слонов, словно рухнувшими утесами, была покрыта, спереди и сзади и по хоботам порубленных. Сокрушив так огромных слонов, стал крушить коней бык среди мужей, и лучших конников он тоже поверг, о Бхарата, и ужасной была битва его с ними, о Бхарата. Уздечки, также поводья и хлысты, сверкающие золотом, и попоны, и дротики, и драгоценные тесаки, также латы, щиты и украшенные покрывала, сброшенные здесь и там, можно было видеть в той великой битве. Конской упряжью пестрой и блистающим оружием покрыл он землю, словно яркими цветами. Набрасываясь на колесничных воинов, сокрушал их и мечом повергал могучий сын Панду и со знаменами их. На него, прославленного, дивились в битве люди, когда внезапно совершал он прыжки, бросался в стороны, пробивался в различных направлениях. Одних сокрушал он ударом ноги, других, повалив, умерщвлял, иных разрубал мечом, иных же устрасал криком, также толчком бедра на бегу повергал он иных на землю, а некоторые [уже] при виде его от страха дух испускали.

Так огромное то войско храбрых калингов, ограждавшее в сражении Бхишму, устремилось на Бхимасену. Тогда, Шрутаюса во главе калингских воинов увидев, о бык среди бхаратов, направился к нему Бхимасена. Его приближение увидев, Калинга, неизмеримый духом, в середину груди поразил Бхимасену девятью стрелами. Стрелами Калинги уязвленный, словно слон, понуждаемый стрелалом, воспытал гневом Бхимасена, как от лучин огонь. Тут Ашока, колесничий, колесницу, золотом украшенную, забрав, привел колесницу Бхиме. Тотчас на ту колесницу взойдя, сын Кунти, врагов сокрушитель, помчался на Калингу, восклицая: «Стой, стой!» Тогда могучий Шрутаюс, разъяренный, послал в Бхиму отточенные стрелы, умелость рук своих являя. С превосходного лука Калинги пущенными девятью отточенными стрелами сильно пораженный, сильно разгневался, о царь, великую славу стяжавший

Бхима, словно змей, пораженный палкою. И Бхима, сын Притхи, гневный, с силой напрягая лук, семью железными остриями, избранный из сильных, сразил Калингу. И двумя секущими стрелами обоих великомошных стражей колесницы Калинги, Сатью и Сатьядеву, он послал в обитель Ямы. И еще затем Кетумана неизмеримый духом Бхима в бою тремя острыми железными стрелами послал в обитель Ямы.

71—80 Тогда разъяренные калингские кшатрии с многотысячными ратями окружили гневного Бхиму. Затем с дротиками, палицами, мечами, копьями, пиками, секирами обрушились тогда, о царь, калинги на Бхимасену. Хлынувший ужасный ливень стрел отразив, рванулся с палицею вперед великомошный Бхима и семьсот героев отправил в обитель Ямы. И еще две тысячи калингов послал в царство Смерти врагов истребитель, и чуду это было подобно. Так снова и снова сокрушал в битве те рати калингов герой, на Бхишму великообетного обращая взоры. А слоны, чьих седоков великий духом сын Панду убил, металась среди ратей, как облака, рассеянные ветром, с ревом, страдающие от стрел, топча собственные рати. Тогда Бхима могучерукий затрубил в раковину, мощный, заставив трепетать сердца всех калингских воинов, и даже разума помрачение овладело калингами, о врагов сокрушитель, и воины, и ездовые животные содрогнулись повсюду. И Бхима, везде пробивающий себе в битве пути во многих направлениях, о царь, подобно слоновьему жожаку, туда бросающийся и сюда и внезапно прыжки совершающий, в беспамятство [их] вверг. И затрепетало войско, потрясенное страхом перед Бхимасеной, как неоглядное большое озеро, водяным чудовищем взволнованное.

81—86 И когда герои, потрясенные необыкновенными подвигами Бхимы, опять обратились вспять и бежали толпами все калингские воины, молвил своим ратям предводитель знаменосного воинства панду, внук Пришаты: «Сражайтесь!» Вняв речи полководца, войска во главе с Шикхандином направились к Бхиме с отрядами стремящихся в бой колесниц. И Царь справедливости, сын Панду, к ним ко всем присоединился позади с огромной слоновьей ратью, как туча, темной. Так, призывая к бою все свои полки, внук Пришаты занял место рядом с Бхимасеной, добродетельному мужу подобающее. Ибо не было в мире у царя панчалов никого настолько жизни дороже, как Бхима с Сатьяки.

87—96 Он увидел того истребителя врагов Бхимасену мощнорукого, движущегося среди калингов, тот внук Пришаты, вражеских героев сокрушитель. Возликовав, взревел он многократно, врагов каратель, и в раковину затрубил в бою, и львиный рык издал. И Бхимасена ободрился, завидев знамя со знаком ковидары на украшенной золотом колеснице Голубиноконного⁶⁴. Дхриштадьюмна же, неизмеримый духом, видя, как нападают на Бхимасену калинги, пришел в бою на его защиту. Издали завидев обоих героев, Дхриштадьюмну и

Волчебрюхого, мудрых, сражающихся с калингами в схватке, Сатьяки, внук Шини, лучший из побеждающих, туда поспешив, занял место, муж-бык, рядом с сыном Притхи и внуком Пришаты. Там он побоище учинил и, себя разъяривший, лук ухватив, сокрушал неприятелей в бою. А Бхима реку с тиною из плоти и крови рожденных в Калинге пустил струиться красным потоком; ее, между калингами и пандавами текущую, труднодоступную для переправы, преодолел Бхимасена великомощный. И когда узрели твои такую [мощь] в Бхимасене, возопили они, о повелитель: «То Смерть сама во образе Бхимы сражается с калингами!»

Тогда Бхишма, сын Шантану, услышав тот крик в бою, направился поспешно в сторону Бхимы, предводитель ратей. К той колеснице Бхишмы, золотом украшенной, устремились Сатьяки, Бхимасена и Дхриштадьюмна, внук Пришаты. Все они, мигом окружив сына Ганги в битве, тут же поразили Бхишму каждый тремя ужасными стрелами. В ответ их всех, великих лучников, напругающих силы, пронзил отец твой Деваврата, тремя змееподобными каждого. Затем, тысячью стрел отразив натиск великих воителей, он стрелами уложил коней Бхимы, в золотую сбрую одетых. Стоя на колеснице, где убиты были кони, Бхимасена блистательный метнул все же с силою дротик в колесницу сына Ганги. Прежде чем он достиг его, отец твой Деваврата рассек тот дротик в бою на три части и он разлетелся по земле. Тогда тяжелую мощную палицу из вороненой стали⁶⁵ схватив, прыгнул Бхимасена стремглав с колесницы, о бык среди мужей. Сын же Сатьяки⁶⁶ тогда, помочь желая Бхиме, тотчас стрелами поверг колесничего старейшины куру. И когда сражен был его колесничий, Бхишму, лучшего из колесничных воинов, кони его, мчащиеся с быстротою ветра, увлекли с поля битвы.

Когда же увлекли они [Бхишму], великий обет вершащего, воспылал тогда Бхимасена, о царь, как разгоревшийся огонь, сожигающий древесину. Всех калингов истребив, он стал посреди ратей, и никто из твоих не смел подступиться к нему, о бык среди бхаратов. Дхриштадьюмна, лучший из колесничных воинов, возвел его, прославленного, на свою колесницу и увез на глазах у всех воинов. Вожди панчалов и матсьи почести ему воздавали, он же, обняв Дхриштадьюмну, к Сатьяки потом приблизился. И пред взирающим [на них] Дхриштадьюмной молвил Сатьяки, истинно доблестный, Бхимасене, тигр [из рода] Яду, радуя его: «Благодарение судьбе, что и царь калингов, и царевич Кетуман, и Шакрадева Калингский, и калинги убиты в сече. Только мужеством твоим и мощью рук твоих сокрушен великий боевой строй калингов со тьмою слонов, конников и колесниц!» Так сказав, внук Шини, мощнорукий врагов укротитель, с колесницы на колесницу перепрыгнув, обнял сына Панду. Потом, на свою колесницу опять взойдя, стал великий воитель, гневный, крушить твоих, силу Бхимы подкрепляя.

97—106

107—115

Глава 51

Санджая сказал:

1—17

Когда миновала большая часть послеполуденного времени в тот день великого побоища колесниц, слонов, коней и пехотинцев и всадников, с сыном Дроны, Шальей и Крипой, великим духом, троими великими воителями, в бой вступил Панчалийский. Десятью острыми стрелами сразил мощнорукий сын царя панчалов коней сына Дроны, в мире славящихся. Тогда, коней лишившись, встал немедля сын Дроны на колесницу Шальи и сына царя панчалов стрелами окропил. Видя же, как схватился Дхриштадьумна с сыном Дроны, о Бхарата, стремительно примчался сын Субхадры, отточенные стрелы сея. Он пронзил Шалью двадцатью пятью и Крипу девятью стрелами, Ашваттамана — восемью, о бык среди мужей. А сын Дроны тотчас пронзил тогда сына Арджуны стрелюю оперенной, Шалья же — двенадцатью и Крипа — тремя острыми. Лакшмана же, внук твой, на твоего другого внука⁶⁷ напал, ликующий, и начался бой между ними. И сын Дурьодханы, разъяренный, девятью стрелами пронзил в сражении сына Субхадры, о царь, и чуду это было подобно. Абхиманью же, разгневанный, пятьюдесятью стрелами, о бык среди бхаратов, пронзил, проворный, брата, о царь. Но Лакшмана тогда оперенной стрелюю сломал его лук в месте держания, о великий царь, и криками тогда разразились люди. Тот сломанный лук оставив, сын Субхадры, сокрушитель вражеских героев, другой лук взял, красивый и более скородействующий. Оба там в бою, ликующие, жаждущие наносить и отражать удары, разили друг друга, быки среди мужей, острейшими стрелами. Тогда царь Дурьодхана, видя, что уязвляет внук твой его сына, великого воителя, направился туда, людей владыка. И когда повернул туда сын твой, все властители окружили со всех сторон сына Арджуны полчищем колесниц. Теми трудноодолимыми героями окруженный в битве, о царь, не дрогнул герой, Кришне равный доблестью. Видя, что ввязался там в бой сын Субхадры, поспешил к нему Завоеватель богатств, разгневанный, сыну своему помощь оказать желая.

18—35

Тогда объединившиеся цари во главе с Бхишмой и Дроной в сопровождении колесниц, слонов и конников обратились против Савьясачина. Густая пыль, поднятая с земли слонами, колесницами и всадниками, явилась сразу взорам, солнца путь застилая. Те тысячи слонов и сотни властителей земли, на пути его стрел оказавшись, не могли нигде продвинуться дальше. Возопили все существа, омрачились страны света, знак тяжкой и ужасной невзгоды для куру явился. Ни воздушного пространства, ни стран света, ни земли, ни солнца не различить стало за роями стрел Увенчанного. Но видно было, как поваились знамена на слонах, и пали кони колесниц во множестве, и бежа-

ли с колесниц иные предводители колесничных ратей, и еще можно было видеть других колесничных воинов с браслетами на руках, колесниц лишившихся и мечущихся с оружием. И конники, покинув коней, а бойцы на слонах — слонов, в страхе перед Арджуной, о царь, разбежались в разные стороны. Виднелись властители упавшие и падавшие с колесниц, со слонов и с коней, Арджуной избиваемые; и подъятые руки мужей с палицами, с мечами, о владыка народов, с дротиками, с колчанами, со стрелами, с луками, со стрекалами, со стягами здесь и там отсекал жестокими стрелами Арджуна, ужасающий образ принявший тогда. И груды тяжелых палиц и молотов, о достойный, дротигов, метательных клинков, мечей, в сражении [брошенных], секир и острых копий, о Бхарата, и доспехов на земле, и лат пробитых, знамен, щитов и опahal еще повсюду, зонтов, золотых жезлов и султанов, о Бхарата, хлыстов, стрекал и еще поводьев, о достойный, виднелись там, разбросанные на поле битвы. Не было там ни единого человека из твоего войска, о Бхарата, кто к Арджуне мог бы, к герою, хоть как-то приблизиться в схватке, ибо кто бы в схватке ни близился к Партхе, о владыка народов, того острые стрелы в иной мир отправляли. И меж тем как разбежались твои воины повсюду, в свои пресвосходные раковины затрубили Арджуна и Васудева.

Видя то разбитое войско, отец твой Деваврата, как бы усмехаясь, молвил на поле брани герою, сыну Бхарадваджи: «Этот могучий сын Панду, храбрец, с Кришной вместе такое творит с войсками, что только Завоевателю богатств и по силам. Его, нынче в бою ведь никак победить невозможно, коль скоро являет он образ, Времени-Губителю⁶⁸ подобный. И уже не повернуть обратно эту великую рать; смотри, друг на друга глядя, бегут эти воины скопом. К лучшей из гор, Горе Заката⁶⁹, клонится солнце, всего мира образы словно забирая отовсюду. Потому, я полагаю, время умиротвориться, о бык среди мужей, устали и уstraшены наши воины, они уже никак не могут сражаться». Так сказав Дроне, лучшему из наставников, Бхишма объявил твоим тогда об отступлении, великий воитель. И вот отступили тогда твои войска и их тоже, меж тем как закатилось солнце и наступили сумерки.

36—43

Глава 52

Санджая сказал:

А когда ночь сменилась рассветом, Бхишма, сын Шантану, повелел тогда войскам выступать, о Бхарата. И теперь великим строем Гаруды⁷⁰ расположил их сын Шантану, победы желающий для твоих сыновей, — Бхишма, дед куру. На клюве Гаруды — сам отец твой Деваврата, оба глаза — Бхарадваджа⁷¹ и Критаварман из рода Сатваты, Ашваттхаман же и Крипа за-

1—9

няли чело, прославленные, подкрепленные тригартами, матсьями с кекаями и еще ватадханами, Бхуришравас, Шала, Шалья и Бхагадатта, о достойный, мадры, также синдху-саувиры и жители Пятиречья с Джаядратхой вместе расположились на шее; в тылу — царь Дурьодхана с родичами и подчиненными; Винда с Анувиңдою Авангийские и Камбоджийский⁷² с шаками составили хвост, о великий царь, и шурасены дополнительно; магадхи же и калинги с полками дашераков на правом крыле строя стали, снаряженные; лесные [жители], викунджи, а также свободные пундравиши с огромным воинством на левое крыло пришли.

10—18 В боевом же строю то войско видя, Савьясачин, врагов каратель, с Дхриштадьюмною вместе строй полумесяцем, наиустрашающий, на поле боя против него построил. На правом роге его став, блистал Бхимасена, царями из разных стран окруженный, разными [видами] оружия во множестве вооруженными, за ним следом — Вирата и Друпата, великий воитель, за ними сразу шел Нила с нилаюдхами⁷³, за Нилой же сразу — Дхриштакету, великий воитель, сопровождаемый чедийцами, кашийцами и карушами, также пауравами. Дхриштадьюмна и Шикхандин и панчалы, прабхадраки в середине великого строя стояли, к битве [готовые], о Бхарата, а также Царь справедливости, слоновым войском сопровождаемый, а затем Сатьяки, о царь, и пятеро сыновей Драупади, затем вскоре Абхиманью, а затем следом Ираван, затем сын Бхимасены⁷⁴, о царь, и Кекаи, великие воители, затем шел лучший из двуногих, левый край занявший, всего мира хранитель, чей хранитель — Джанардана⁷⁵. Так великий тот строй построили напротив Пандавы и те, кто принял их сторону, ради убиения твоих сыновей.

19—22 Затем началась битва твоих и недругов, разящих друг друга, в которой смешались колесницы и слоны. Там и здесь можно было видеть, о владыка народов, как полчища конников и полчища колесниц сшибались и сокрушали друг друга. И грохот многих мчащихся рядами и сталкивающихся по отдельности колесниц мешался с барабанным боем, и в смятении стычки до небес достигал крик храбрых мужей, твоих и тех, друг друга разящих, о Бхарата.

Глава 53

Санджая сказал:

1—6 После того как построились рати, твои и чужие, о Бхарата, Завоеватель богатств стал твою колесничную рать истреблять, повергая в битве стрелами предводителей колесничных отрядов. Сокрушаемые Партхой, словно Временем са-

мим на исходе юги, бились изо всех сил сыны Дхритараштры в сражении с Пандавами, взыскуя блистательной славы, предпочитая смерть отступлению. Предавшись единой цели, они прорвали во многих местах ряды войска Пандавов, но и сами опрокинуты были [во многих местах] на поле сражения. Меж бегущих, и сокрушенных, и мечущихся пандавов и куру уже ничего различить там было невозможно. Пыль поднялась с земли, затмевая дневное светило, и еле различимы были для них страны света и направления, где что. И бой тогда шел здесь и там по догадке, по всяким знакам, по [возглашаемым] именам и родам, о владыка народов!

Но несколько не сломлен был тот боевой строй кауравов, хранимый верным и мудрым сыном Бхарадваджи. И точно так же великий строй сторонников Пандавов, Савьясачином хранимый, не дрогнул, Бхимою превосходно охраняемый. Из первых рядов в бой бросались вперед мужи обоих воинств, о царь, на колесницах и слонах, там вместе смешавшихся. Всадники всадников на поле брани повергали в той великой битве копьями и дротиками с блистающими остриями; колесничный воин, напав на колесничного, стрелами, золотом украшенными, повергал его в боине той премного ужасающей; воины на слонах воинов на слонах стрелами тяжелыми и легкими и дротиками, сталкиваясь, повергали отрядами, твои и чужие; отряды пехоты пеших пращами и бердыщами поражали, друг другу урон нанося в боевом задоре, и в схватке пехотинец разил колесничного воина, а колесничный воин пехотинца острыми стрелами — с обеих [враждующих] сторон; всадники на слонах всадников на конях тогда повергали, а конники — воинов на слонах, и словно чудо то было. Здесь и там видеть можно было пехотинцев, повергаемых отборными, на слонах [сражающимися] вонтелями, и так же теми [повергаемых] слоновьих бойцов; было видно, как пехотные отряды всадниками, а конные отряды пехотинцами сотнями и тысячами во прах повергались. И там брошенными стягами, луками, копьями также и дротиками и булавами, тяжелыми палицами, кампанами, метательными снарядами, яркими латами, канапами⁷⁶, также стрекалами, блестящими мечами и еще стрелами с золоченым опереньем, конскими и слоновьими попонами, богатыми покрывалами блистала земля, о лучший из бхаратов, словно лентами венков украшенная. И от тел павших в великом сражении людей, и коней, и слонов непроходимой грязью из мяса и крови покрылось поле. Улегалась пыль на земле, орошенная кровью, и прояснились все страны света, о владыка людей. Неисчислимые безглавые трупы⁷⁷ поднялись отовсюду как знаменья гибели мира, о Бхарата! И меж тем как продолжалась та необычайно свирепая и ужаснейшая битва, было видно, как бежали в разные стороны колесничные воины.

Тогда Дрона, Бхишма, Джаядратха Синдхийский, Пурумитра, Викарна и Шакуни, сын Субалы, трудноодолимые в бою, львам равные отвагой, снова и

7—24

25—30

снова громили рати Пандавов. И точно так же Бхимасена, ракшас Гхатоткача, Сатъяки, Чекигана и сыны Драупади, о Бхарата, в бою обращали в бегство твоих сторонников и сыновей твоих со всеми царями вместе, как Тридцать⁷⁸ [обращают в бегство] данавов. И те быки среди кшатриев, наносящие удары друг другу в битве, покрытые кровью, ужасные обликом, демонам были подобны. Герои обоих воинств, врагов одолев, выглядели в то же время, величественные, как светила на небе.

31—34 Тогда сын твой Дурьодхана с тысячько колесниц ринулся в битве на Пандавов и ракшаса Гхатоткачу. И так же все Пандавы с великим войском вышли в сражении навстречу Дроне и Бхишме, героям, врагов укротителям. Увенчанный же выступил, гневный, против лучших из могучих властителей земли, а сын Арджуны и Сатъяки вышли против войска сына Субалы. И вновь продолжилось тогда сражение, вздымающее волосы дыбом, между твоими и чужими, [равно] жаждущими в бою победы.

Глава 54

Санджая сказал:

1—5 Тогда те властители земли, гневные, узрев Пхальгуну в бою, не одною тысячько колесниц его со всех сторон окружили. Так полчищем колесниц, как стеною, в кольцо его заключив, они великим множеством стрел со всех сторон ему путь преградили. И копия блестящие, тяжелые булавы с палицами, дротики, также секиры, молоты и еще дубины метали они, гневные, в колесницу Пхальгуны. Но ливень тот оружия, налету саранчи подобный, со всех сторон отразил Партха стрелами, золотом украшенными. И видя то сверхъестественное проворство Бибхатсу, боги, данавы, гандхарвы и пишачи, змии и ракшасы, о властитель царей, возгласили Пхальгуне хвалу: «Хорошо, хорошо!»

6—9 С войском великим гандхары-герои вместе с ратниками сына Субалы осадили в сражении Сатъяки и Абхиманью. Там воины сына Субалы, разъяренные, в бою оружием всякого рода в куски разнесли в ярости превосходную колесницу вришнейца. Сатъяки же, меж тем как длилась та ужасная схватка, покинув колесницу, быстро на колесницу Абхиманью взошел, врагов каратель. Те двое, на одной колеснице объединившись, тотчас острыми стрелами, крепко слаженными, рать сына Субалы разгромили.

10—12 Дрона и Бхишма, в битве ретивые, рать Царя справедливости острейшими стрелами, перьями цапли оперенными, истребляли. Тогда царственный сын Дхармы и оба отпрыска Панду, сыны Мадри, на войско Дроны на глазах у всех полков обрушились. Великая битва там произошла, гремящая, волосы вздымающая дыбом, как некогда ужаснейшая битва между богами и демонами.

А вершащих великий подвиг Бхимасену и Гхатоткачу, напав на обоих, потеснил тогда Дурьодхана. Там узрели мы необычайную отвагу сына Хидимбы, коею в бою он превзошел отца, сражаясь, о Бхарата! Бхимасена же, сын Панду, разъяренный, пронзил неистового Дурьодхану в грудь пестрою стрелою-ланью⁷⁹, как бы усмехаясь. Тогда царь Дурьодхана, тяжелым ударом потрясенный, опустился на пол колесницы и впал в беспамятство. Увидев, что он лишился сознания, его колесничий торопливо увез его с поля битвы, о царь, и тогда дрогнуло его войско. Бегущее в беспорядке воинство Кауравов преследовал тогда Бхима по пятам, жестокими стрелами его поражая. И внук Пришаты, лучший из воителей, и сын Дхармы, отпрыск Панду, на глазах у Дроны и на глазах у сына Ганги поражали войско отточенными, жестокими, чужие рати громящими [стрелами]. И то бегущее с поля боя войско твоего сына не могли остановить Бхишма с Дроною, великие воители. Как ни пытались остановить его Бхишма и Дрона, о владыка народов, продолжало разбегаться то войско у Бхишмы и Дроны на глазах. И меж тем как тысячи колесниц мчались прочь отовсюду, сын Субхадры и мощный бык рода Шини, стоя оба на одной колеснице, довершали на поле боя разгром войска сына Субалы. И блистали тогда оба — внук Шини и мощный бык рода Куру, — как вступившие в ночь новолуния Сомы и Сурья⁸⁰ на небосводе. Арджуна же тогда, гневный, окропил твое войско, о владыка народов, тьмою стрел, словно ливнями туча. И бежало то войско Кауравов, истребляемое в битве стрелами Партхи, обуянное отчаянием и страхом.

13—25

Видя их бегущими, Бхишма с Дроной, великие воители, остановить их пытались, яростные, о благе Дурьодханы радея. Тогда и царь Дурьодхана, придя в себя, о владыка народов, стал останавливать то войско, разбегающееся в разные стороны. И где бы кто-нибудь из кшатриев ни увидел сына твоего, о Бхарата, там сразу останавливались они, великие воители. Тогда, видя, что остановились они, и другие мужи тоже, иные — друг перед другом рвение являя, еще другие — устыдившись, твердо, о царь, на месте стали.

26—29

И воодушевление их, воспрямивших вновь, о владыка народов, подобно было вздыманию моря при восходе луны. Тогда, видя, что они возвращаются, слово молвил царь Суйодхана, подойдя поспешно к Бхишме, сыну Шантану: «О дед, внемли тому, что скажу я, о Бхарата! Невероятным мнится мне, чтобы в то время, как жив и ты, потомок Куру, и Дрона, лучший из знатоков оружия, вместе с сыном своим и с друзьями, и Крипа, великий лучник, тоже, — бежало это воинство! Никак не равны тебе Пандавы силою, о царь, ни Дроне в бою также, ни сыну Дроны и ни Крипе. Поистине милость являешь ты сынам Панду, о дед, если терпишь, о герой, истребление этой рати. Следовало тебе сказать мне еще прежде сражения, о царь, что не будешь ты биться ни с Пандавами в бою, ни с внуком Пришаты и с Сатьяки тоже. Если бы та-

30—44

кую речь я от тебя услышал и от наставника и от Крипы, тогда, конечно, поразмыслил бы я [еще] вместе с Карной, что нам делать. А коль не собираетесь вы оба⁸¹ покинуть меня здесь, на поле боя, да сразитесь вы, о мужики-быки, с подобающей вам мощью!» Выслушав эту речь, Бхишма, снова и снова раздражаясь смехом, молвил твоему сыну, в гнев сверкая очами: «Ведь много раз говорил я, о царь, истинно и во благо [тебе]: непобедимы Пандавы в бою даже и для богов с Предводителем Васу вместе! А что могу я, старый, совершить сегодня, о лучший из царей, то совершу по мере сил. Зри ныне с родичами своими! Сегодня всем сынам Панду вопреки я отражу их вместе с войсками их и союзниками на глазах у всего мира». И когда сказал так Бхишма, сыны твои, о владыка людей, затрубили в раковины, ликуя, и подчиненные громко забили в барабаны. И Пандавы тоже тогда, о царь, тот громовый грохот слыша, затрубили в раковины, и загремели их барабаны и литавры.

Глава 55

Дхритараштра сказал:

1—2 А когда в той ужаснейшей битве обещал это Бхишма, злополучным сыном моим разгневанный необычайно, что сотворил там Бхишма со сторонниками Пандавов, о Санджая, или что панчалы — с дедом, о том Расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:

3—18 Когда к полудню приблизилось время в тот день, о Бхарата, и торжествовали уже победу великие духом Пандавы, отец твой Деваврата, закона во всех подробностях его знаток, ринулся на быстрых конях на рать Пандавов, великим войском и сынами твоими со всех сторон прикрытый. И началась тогда битва, гремящая, вздымающая волосы дыбом, наших с Пандавами — по твоей вине, о Бхарата! От гудения луков, от ударов по тетиве, там великий шум поднялся, словно раскалывались горы. «Стой! — Стою! — Вот он! — Отступай! — Не уступай! — Стою! — Рази!» — слышались крики отовсюду. И грохот от падения золотых панцирей, шлемов и стягов стоял, словно от [ударов] камней о скалы. Во множестве катились по земле увенчанные головы, сотнями и тысячами падавшие. А некоторые лучшие из мужей, обезглавленные, еще стояли, воздев луки, с оружием в руках. Струилась стремительно река из крови меж тел слонов, как меж утесов, страшная, окровавленными трупами запруженная; из тел отборных коней, людей и слонов истекая, она направлялась тогда к океану иного мира, радующая стервятников и шакалов. Не видано было и не слышано о подобной битве, о повелитель,

как та, что [происходила] между сынами твоими и Пандавами, о Бхарата! Не было пути для колесниц из-за тел павших в битве бойцов, и павшими словами покрыто было [поле], словно темными горными утесами. И, усеянное разноцветными доспехами, стягами и зонтами, о достойный, блистало то поле брани, как осенний небосвод. Некоторые [воины], пораженные стрелами, смертную муку терпя, бесстрашно с оружием бросались в схватку на врагов. Другие, восклицая: «Отец! — Брат! — Друзе! — Родич! — Товарищ! — Дядя мой! — Не покидай меня!» — падали на поле битвы. «Поспеш! — Подойди! — Не беги! — Чего ты боишься? — Куда ты сбежишь? — Выстою в бою! — Не бойся!» — восклицали еще другие.

Там Бхишма, сын Шантану, лук непрестанно вращая, стрелы посылал со сверкающими остриями, ядовитым змеям подобные. Стрелами все направления сливая воедино, твердый в обетах, сражал он воителей Пандавов, в кого бы ни целился, о Бхарата. Приплясывая на дне колесницы, являл он проворство рук своих. Здесь и там, о царь, огненным колесом предстал он взорам, и из-за проворства этого казался Пандавам и сринджаям в бою один [этот] герой за не одну сотню или тысячу. Мнилось, что словно волшебством воссоздает там себя Бхишма, — [едва] его на востоке узрев, уже на западе зрели его люди, завидев на севере, [тут же] опять на юге, о владыка, — так в битве являлся взорам герой, сын Ганги. И никто из людей Пандавов не мог взглянуть на него, зрели они только многие стрелы, слетавшие с лука Бхишмы. К нему, вершащему подвиг в сражении и сокрушающему рати, к отцу твоему, шествующему в нечеловеческом облике, [обратившись], возопили там, на поле боя, герои многократно и многообразно. Словно мотыльки, падали цари, влекомые судьбою, тысячами на погибель в огонь гневного Бхишмы. И ни единая стрела Бхишмы в бою не пропадала даром, каждая из множества вонзалась без промаха в тела людей, слонов и коней. Одной стрелою оперенной, искусно пущенной, он пробивал доспехи, одетые на слона, словно оружием грома великую гору, и крепкой и очень острой стрелою сражал отец твой сразу двоих или троих воинов на слонах, хотя и искусных, и в латы одетых. И кто бы ни приблизился в битве к Бхишме, мужу-тигру, — через мгновение я уже видел того повергнутым на землю. *

Так великая та рать Царя справедливости разгромлена была несравненной мощью Бхишмы и бежала тысячько путей. Окропляемое ливнем стрел, рассеялось великое войско на глазах у Васудевы и у великого духом Партхи. И как ни старались те герои, они не могли остановить бегущих великих воителей, стрелами Бхишмы уязвляемые. Истребляемая тем, что равен был могуществом великому Индре, рассыпалась рать, о великий царь, и не было и двоих, что бежали бы вместе. С израненными людьми, слонами и конями, со сломанными стягами и дышлами колесниц, обеспамятевшее, разразилось

воплями отчаяния воинство сынов Панду. Разил там отец сына, а сын отца, друг бросал вызов милому другу, силою судьбы побуждаем. Иных воинов сына Панду можно было видеть бегущими, бросив доспехи, с развевающимися волосами, о Бхарата. И словно разбежавшееся коровье стадо выглядело то войско сына Панду, чьи разбежались тогда с жалобными криками предводители колесничных отрядов.

40—48

Видя, что терпит поражение то войско, любимец Деваки сказал сыну Притхи Бибхатсу, остановив лучшую из колесниц: «Настал тот час, о Партха, которого ты ждал. Порази его, о муж-тигр, если не лишит тебя рассудка безумие! Вот что было изречено тобою, о герой, некогда в собрании царей: “Сынов Дхритараштры, воинов, предводимых Бхишмою и Дроной, с союзниками их вместе всех я убью, кто будет сражаться со мною в этой битве!” Сделай же так, о сын Кунти, чтобы правдивы были эти слова твои, о укротитель врагов! Смотри, о Бибхатсу, войско твое со всех сторон крушится, и бегут все владетели земли, что из воинства Юдхиштхиры! Только завидев на поле боя Бхишму, Смерти с разверстою пастью подобного, страхом терзаемые, пропадают они, как малые звери при виде льва». На эти слова отвечал Васудеве Завоеватель богатств: «Туда, где Бхишма, гони коней через это море полков!» Тогда светлых, как серебро, коней погнал Мадхава туда, где колесница Бхишмы, о царь, ослепляла взоры, словно лучезарное солнце. Тогда опять повернуло великое войско Юдхиштхиры, видя, что восстал на Бхишму мощнорукий Партха в великой битве.

49—62

Тогда Бхишма, лучший из куру, львиный рык многожды издавая, осыпал немедля колесницу Завоевателя богатств. Во мгновение ока та колесница его с конями и возницей за густым ливнем стрел сокрылась от взоров. Но не смутился Васудева отважный и, сохраняя самообладание, повел коней, стрелами Бхишмы поражаемых. Партха, схватив свой божественный лук, гром туч издающий, выбил из рук у Бхишмы лук, тремя стрелами его сломав. Бросив сломанный лук, боец тот стана Кауравов, отец твой, другой великий лук в единый миг опять изготовил к бою. Затем он натянул обеими руками тот лук, гром туч издающий, но и тот лук сломал разгневанный Арджуна. И восхвалил искусство его сын Шантану: «Хорошо, о Партха мощнорукий, хорошо, о ты, радость Панду! Достоин тебя поистине этот великий подвиг, о Завоеватель богатств! Весьма доволен я тобою, сыне, сразись со мною!» Так, хвалу сыну Притхи воздав, герой взял другой великий лук и стал в бою пускать стрелы в колесницу Партхи. Высшее могущество явил в управлении конями Васудева, искусно описывал он круги, стрел его избегая. Но прежде жестоко поразил тогда Бхишма Васудеву и с ним Завоевателя богатств острыми стрелами во все части тела, о достойный. И красовались оба мужа-тигра те, израненные стрелами Бхишмы, словно два мощных быка, ревущие, следами ро-

гов отмеченные. И вновь Бхишма в великом гневе со всех сторон в бою покрыл крепко слаженными стрелами того и другого Кришну⁸², разъяренный. И острыми стрелами, негодующий, он привел в смятение Вришнийца, все усмехаясь и разражаясь громким смехом.

А Кришна тогда, мощнорукий, видя натиск Бхишмы в бою и замечая нерешительность Партхи в битве и как непрестанно извергает в битве Бхишма ливни стрел, пылающий, как солнце, меж двух воинств явившись, как истребляет Бхишма снова и снова лучших воинов сына Панду, словно светопреставление творя среди рати Юдхиштхиры, тогда, негодуя, помыслил господь Кешава, истребитель превосходнейших витязей, духом непомерный: «Нет уже войска Юдхиштхиры. Ведь в битве Бхишма и богов, и демонов за один день истребить может, что ж говорить о сынах Панду вместе и с войском их, и с подвластными им в сражении! И бежит великое войско сына Панду, великого духом, а эти Кауравы тотчас, видя, что сломлены Сомаки, ринулись в бой, ликующие, радуя деда. Так я убью сегодня, в доспехи одетый, Бхишму — дела Пандавов ради. От этого бремени я избавлю Пандавов, великих духом. Арджуна же, хотя и разит в битве острыми стрелами, не знает, что делать ему в бою, из-за почтения к Бхишме».

Меж тем как он так размышлял, снова дед стал посылать, разъяренный, стрелы в колесницу Партхи. И в таком множестве летели те стрелы, что затмились все страны света, не стало видно ни неба, ни окрестностей, ни земли, ни лучезарного солнца. Задули буйные ветры, исполненные дыма, заколыхались все страны света. И Дрона, Викарна и Джаядратха, Бхуришравас, Кри-таварман и Крипа, и царь Шрутаюс, повелитель Амбаштхи, Винда с Анувиндою и Судакшина, жители Запада и все отряды саувиоров, васатийцы и кшудраки с малавами стремительно напали на Увенчанного, повинувшись велению царя, сына Шантану.

Внук Шини узрел Увенчанного охваченным сетью стремящихся многими сотнями тысяч конников, пехотинцев и колесниц и предводителями слоновых полков. Видя же, что со всех сторон на Арджуну и Васудеву, избраннейших из носящих оружие, напали пехотинцы, слоны, конники и колесницы, поспешил тогда к ним немедля герой рода Шини. Налетев на те полки, герой рода Шини, великий стрелок из лука, пришел на помощь Арджуне, как Вишну — Губителю Вритры⁸³. Видя, что бежит рать Юдхиштхиры и рассеялись ее многочисленные слоны, конники, колесницы и знамена, а все воины трепещут перед Бхишмой, обратился к ней герой рода Шини: «Куда бежите вы, кшатрии? Не в этом долг праведных, заповеданный древними! Не забывайте обета своего, о мужи, исполните свой воинский долг!»

Предводителя Васу младший брат⁸⁴, узрев, что бегут повсюду главные из вождей, и замечая, как сдерживает себя Партха в бою и как неистовствует в сраже-

63—70

71—74

75—79

80—95

нии Бхишма, сказал тогда прославленному внуку Шини, повелитель всех потомков Дашархи, хвалу воздавая, видя, что наступают отовсюду куру: «Пусть отступают те, кто отступает, о герой рода Шини, и те, кто держится, о Сатвата, пусть уходят тоже! Смотри — повергну я сегодня Бхишму с колесницы и Дрону в бою вместе с соратниками его. Ни один воитель из Кауравов, о Сатвата, не избежит [моего] гнева сегодня в битве! Потому я возьму свой грозный диск и лишу жизни великого духом. Сразив в бою Бхишму с его соратниками, о внук Шини, и Дрону, героя среди колесничных бойцов, я совершу угодное Завоевателю богатств и царю Бхиме, а также обоим Ашвинам⁸⁵. Всех сынов Дхритараштры сразив и тех верховных властителей, что на их стороне, с радостью доверю я сегодня царство царю Аджаташатру!» Затем, в руке подъяв свой диск, подобный сияньем солнцу, ваджре мощью равный, с прочными ступицами и секущими краями, сын Васудевы, [поводья] коней бросив, соскочил с колесницы и, поступью своей сотрясая землю, великий духом, стремительно ринулся Кришна на Бхишму, как лев, задетый в гордости своей, на течкой ослепленного слоновьего жожака, сокрушить его жаждущий в единоборстве. Гневный, налетел неистово на Бхишму посреди полков младший брат великого Индры, с развешенными краями желтого своего одеяния подобный чреватой молнией туче, явившейся в небе. И блистал Сударшана, диск-лотос со стеблем мощным — рукою внука Шуры, как блещет в сиянье утреннего солнца Первозданный Лотос, из пупа Нараяны вырастающий⁸⁶. Гнев Кришны был восходящим солнцем, тот лотос раскрывшим, тело — озером широким, в коем рос он, острые, как лезвия ножей, края — прекрасными его лепестками, и, как на стебле, у Нараяны в руке сиял он. Младшего брата великого Индры узрев, диском вооруженного, гневного, громогласно восклицающего, возопили громко все существа, гибель куру предвидя. И Васудева, диском вооруженный, словно [весь] мир живых истребить готовый, пылал, нападая, людей учитель, как Огонь Времени, испепелить существа предназначенный. Видя, как, диском вооруженный, наступает он, божественный, из двуногих избраннейший, Бхишма, стоящий неколебимо на колеснице с луком и стрелами в руках, ему сказал: «Приди, приди, о владыка богов, чья обитель — вселенная! Слава тебе, о ты, несущий лук Шарнга⁸⁷ и диск в руках! Одолев, повергни меня в бою, о владыка миров, с лучшей из колесниц, о покровитель существ! И здесь, и в ином мире благо будет мне, убитому сегодня здесь тобою, о Кришна. Удостоен я почета, о вождь андхаков и вришнейцев, в трех мирах, о герой, нападением твоим!»

Тогда, соскочив с колесницы, сам Партха проворный устремился вслед за первым из героев рода Яду и обеими руками, протяженными и мощными, обхватил мощнейших и долгих рук обладателя — Хари. Но, хотя и йогин, гневен был весьма бог изначальный. Схваченный, продолжал стремиться Вишну, увлекая Джишну, словно бурный ветер, одинокое дерево уносящий. Парт-

ха, однако, упираясь с силой ногами, его, быстро к Бхишме бегущего, остановил все же силою, венценосный, еле-еле, о царь, на десятом шаге. Когда же Кришна остановился, увенчанный блистающей золотой гирляндой Арджуна, возрадовавшись, склонился перед ним и сказал: «Сдержи свой гнев! Ты, о Кешава, — надежда Пандавов! Не оставляю я дела, что обещал исполнить. Сыновьями клянусь, о Кешава, и братьями единоутробными: с тобою в союзе я покончу с куру, о младший брат Индры!»

Тогда, услышав обещание его и обязательство, душой удовлетворенный Джанардана, к лучшему из Кауравов приязнь сохраняя⁸⁸, с диском своим вновь на колесницу взошел. Вновь подобрав поводья, он раковину взял, ненавистников истребитель, и ревом Панчаджаньи огласил затем страны света внук Шуры. Увидев его, с качающимися [при движении] ожерельем, браслетами и серьгами, с запорошенными пылью, прищуренными глазами, белозубого, с раковиной в руке, вопль издали главные герои куру. И тогда звуки литавр, цимбал и тамбуринов, стук колесничных осей и грохот барабанов со львиным рыком [воинов] слились ужасающе во всех полках куру. Громоподобный звон Гандивы, [лука] Партхи, разнесся по сторонам и по поднебесью, и понеслись во все стороны ярко сверкающие стрелы, пущенные с лука сына Панду.

На него устремился, стрелу в руке подъяв, повелитель Кауравов с войском и с Бхишмою и Бхуришравасом вместе, подобно истребляющему сухой пожар. Вот в Арджуну послал Бхуришравас семь стрел бхалла с позлащенным опереньем, Дурьодхана — со страшной быстротой летящее копье, Шалья — палицу, а сын Шантану — дротик. Семь пущенных Бхуришравасом превосходных стрел семью же отразив, острым лезвием тот рассек копье, рукою Дурьодханы брошенное; затем падающий на него, молнией сверкая, великолепный дротик, что метнул в него сын Шантану, и палицу, брошенную рукою повелителя мадров, двумя стрелами переломил герой. Потом, обеими руками с силою натянув прекрасный лук Гандиву, что неизмерим, чудесное явил он в поднебесье. предписаньям следуя⁸⁹, преужасное оружие, [дарованное] великим Индрой. Тем высочайшим оружием, густыми роями стрел, огнем сверкающих ярко, он, великий духом, всем ратям, увенчанный гирляндой великий лучник, преградил тогда путь. И змееподобные стрелы, пущенные с лука Партхи, многие поломали колесницы, верхушки стягов и луки, и они вонзались в тела вражеских царей, царственных слонов и коней. Тогда, во всех направлениях пространство заполнив своими меткими и острыми стрелами, Партха, гирляндой увенчанный, в трепет ввергал сердца их. И в том происходящем наиужаснейшем [сражении] гром Гандивы перекрывал звуки раковин, бой барабанов и грозные боевые клики. И, заслышав тот звон Гандивы, мужи во главе с царем Виратой и мужественный царь панчалов Друпата пришли в тот край, неунывающие духом.

116—126

А все твои войска, где бы ни раздавался гром Гандивы, там и смирялись, и никто не восстал против него. В той ужаснейшей сече царей гибли вожди-воители с колесницами и возничими, и слоны, ударами больших стрел израненные, с высокими стягами и блестящей золотой сбруей, валились сразу в разбитых Увенчанным латах на теле, жизни лишаясь, тяжко пораженные стрелами бхалла, отточенными, с острыми наконечниками, пущенными Партохою со страшной быстротою. Падали на землю высокие знамена во главе полков — с рассеченными ремнями и разбитыми подпорами⁹⁰, — и отряды пехотинцев, и колесничные бойцы, и кони, и слоны, с оцепеневшими членами, с жизнью расставаясь, пораженные на месте в бою стрелами Завоевателя богатств, и латы на их телах разбиты были в той великой битве, о царь, превосходным оружием от Индры. Тогда тучами острых стрел своих там, на поле сражения, пустил Увенчанный течь из ран на телах мужей реку ужасную крови. Стремительно струилась она, необычайно широкая, страшная и зловеющая видом, с берегами из тел мертвых слонов и коней, с илом из чело-вечьего мяса, внутренностями и мозгом насыщенным, привлекающая во множестве духов и сонмы ракшасов, устланная черепами с травой из волос, тысячами груды трупов несущая, волны разбитых доспехов различных вздымающая, с галькой из раздробленных костей людей, лошадей и слонов, гибель и ад воплощающая, навевающая ужас. И зрели ее, по берегам усеянную повсюду вереницами цапель, стервятниками и журавлями, стаями плотоядных тварей и гиенами, жуткую, видом великой Вайтарани подобную. Порожденная тучами стрел Арджуны, текла она мозгом и слизью, прегрозная; и чедийцы, панчалы, каруши и матсьи и сыновья Притхи все вместе клич издали. И, в трепет приводя войско полководцев, как лев — стада и стаи животных, клич испустили, великой радости исполненные, носитель лука Гандива и Джанардана.

127—129

Тогда, видя, что убирает солнце сеть своих лучей, и то оружие Индры, в выси распростертое, прозревая, ужаснейшее, неодолимое, как будто светопре-ставлением грозящее, куру с Бхишмою, Дроной, Дурьодханой и Бахликой, тяжко пораженные оружием [врага], отступили, когда явились им [на небе] возвещающие о приближении ночи алые просветы зари. Завоеватель богатств же, врагов победив и славу и почет обретя в мире, тоже, дело завершив, с царями и братьями к ночи в свой стан вернулся.

129—132

Тогда, с наступлением ночи, громкий и ужасающий шум возник среди куру. В битве десять тысяч колесничных воинов были сражены и семь сотен слонов убито было Арджуной; пали все воины Запада и полчища саувиров и кшудраки с малавами. Великий подвиг совершил Завоеватель богатств, какой никому другому совершить было бы не под силу. Царь Шрутаюс, повелитель Амбаштхи, также и Дурмаршана с Читрасеной, Дрона, Крипа и царь

Синдху с Бахликой, Бхуришравас и Шалья с Шалой побеждены вместе с Бхишмой собственной мощью рук Увенчанного, величайшего воителя в мире, о царь! О том толкуя, разошлись по станам своим все сонмы сторонников твоих, о Бхарата. Увенчанным уstraшенные, расположились на отдых при свете тысяч факелов и ярких светильников воины знаменосной рати куру.

Глава 56

Санджая сказал:

По миновании ночи во главе ратей потомков Бхараты выступил против 1—5
соперников гневом возгоревшийся, о Бхарата, великий духом Бхишма, всею тою силой окруженный. Дрона, Дурьодхана, Бахлика, также Дурмаршана с Читрасеной, могущественный Джаядратха и другие цари с многочисленными отрядами со всех сторон следовали за ним. Теми великими окруженный и [другими] великими колесничными воинами, отважными и мужественными, о царь, царил он, лучший из царей, среди главенствующих царей, словно среди богов Держатель ваджры. Там, во главе полков, на спинах великих слонов воздвигнутые, блистали, колыхаясь, высокие знамена разноцветные — красные, коричневые, черные, желтые. И выглядело то войско с царем, сыном Шантану, [во главе], с великими колесницами, слонами и конями словно покрывшееся тучами с приближением дождей, молниями и громами чреватое небо.

Тогда устремилось в направлении к полю брани, на Арджуну, словно 6—11
яростный речной поток, великогрозное воинство куру, сыном Шантану оберегаемое. Тот строй с полчищами слонов, конников, пехотинцев и колесниц на краях, в сердцевине таящий всякого рода опасности⁹¹, великой туче подобный, издавела завидел великий духом, царственную обезьяну на знамени носящий. И выехал он во главе рати на колеснице со знаменем, белыми конями [запряженной], защищенной, герой, муж-бык, великий духом, к избению врагов готовый. При виде ее, хорошо снаряженной, с превосходным дышлом, с обезьяной на знамени, быком рода Яду ведомой в битве, пали духом вместе с сыновьями твоими сторонники рода Куру. И узрели твои воины тот царственный строй, по тысяче ярких слонов с четырех сторон, оберегаемый Увенчанным, подъявшим оружие, [лук] напрягающим, величайшим в мире колесничным бойцом. Как в том строю, что днем раньше установил Царь справедливости, радость потомков Куру, так и здесь, указаниям следуя, расположились вожди чедийцев вместе с вождями панчалов.

Тогда неистово забили тысячи барабанов на поле битвы, затрубили ра- 12—14
ковины и литавры зазвучали во всех полках под львиные кличи. Затем за-

звенели громко луки, кои натягивали со стрелами герои, и тотчас мощный рев труб покрыл звуки литавр и бубнов. И когда в поднебесье, трубным звуком оглашенном, с земли взметнувшаяся, разлетевшаяся и на огромном пространстве нависшая туча пыли взорам героев явилась, они ринулись в бой.

15—19 Колесничный боец под ударами колесничного рушился с возницею и с конями, с колесницей, со стягом, слон рушился под ударами слона, и пехотинец — под ударами пехотинца. Отборные конные отряды, стремящиеся [в бой], стрелами поражаемые, являли чудное зрелище под ударами устремляющихся на них отборных конных отрядов, дротиков их и мечей. И россыпями золотых звезд украшенные щиты, для отражения стрел героями подставляемые, летели наземь под ударами топоров и дротиков и мечей. И под ударами слоновых бивней, мощными хоботами поверженные, падали некоторые из колесничных воинов с возницами вместе, и слоны, быкам подобные, стрелами колесничного-быка сраженные, валились на землю. И, слыша вопли конных и пеших молодцов, напором полчищ слонов опрокинутых и смятенных, бивнями и всею тушею сокрушенных, падали наземь люди.

20—28 И среди того великого смятения всадников и пеших молодцов, метаниями слонов, коней и колесниц порожденного, узрел Бхишма того, на чьем стяге обезьяна, в окружении великих воителей. На пальмовом знамени пять пальм носящий, сын Шантану, чья доблесть в наступлении быстротою добрых коней подкреплялась, обрушился на Увенчанного, стрелами-молниями с мощного лука путь свой освещавшего. И на сына Индры⁹², что с Шакрою самим способен был сравниться, устремились с Дроною во главе, о царь, и Крипа, и Шалья, и Вивиншати, Дурьодхана и сын Сомадатты⁹³. Тогда, вырвавшись из первых рядов колесниц, стремглав помчался там на них на всех герой, во всяком оружии искушенный, сын Арджуны Абхиманью. Тяжкие удары великих тех воителей отразив, сиял сын Кришны, в деяниях неодолимый, словно сам властелин Агни на жертвоприношении, увенчанный огнями от возлияний, великими мантрами [освященных]. Меж тем Бхишма, тотчас в бойне реку, пенящуюся кровью врагов, течь пустил и, сына Субхадры минуя, на великого воителя Партху двинулся, духом не слабея. Тогда, рассмеявшись, великую тучу оружия тучею стрел [своих], что со звоном и громом великим с Гандивы [летели], чудное зрелище явив, рассеял Увенчанный. И Бхишму, лучшего из носителей лука, он, в деяниях неодолимый, у кого на знамени — царственная обезьяна, осыпал многими роями блистающих стрел бхалла. И люди, куру и сринджаи, взирали на то удивительное, грозным громом луков оглашаемое единоборство на колесницах, что вели с ликованием те лучшие из добрых мужей, Бхишма и Завоеватель богатств.

Глава 57

Санджая сказал:

Сын Дроны, Бхуришравас, Шалья и Читрасена, о достойный, а также сын Самьямани⁹⁴ сражались с сыном Субхадры. И люди видели, как противостоял он один пятерым отважнейшим мужам-тиграм, словно львенок слонам. И ни один из них не был равен сыну Кришны ни в меткости ударов, ни в храбрости, ни в дерзновении, ни также в проворстве в обращении с оружием. Видя, что идет в наступление на поле боя сын его, врагов укротитель, львиный рык испустил готовый к битве Партха. И, видя, как внук твой⁹⁵ то войско подавляет, о владыка народов, со всех сторон окружили его, о повелитель царей, твои [воины].

На рать сынов Дхритараштры он, печалающий врагов, напал беспечно, сын Субхадры, на удаль и силу [свою полагаясь]. И являлся взорам на поле брани лук великий его, бьющегося с врагами, блеском солнцу подобный, и проворно он управлял им. Он пронзил сына Дроны одной стрелой, а Шалью — пятью и восьмью срубил знамя Самьямани, и острой стрелой он рассек великое копьё с золотым древком, змееподобное, пущенное в него сыном Сомадатты. Отразив посылаемые сотнями ужасные стрелы Шальи, сын Арджуны сразил в бою его коней. И Бхуришравас, и Шалья, сын Дроны, Самьямани Шала в смятении [уже] не наступали на сына Кришны, испытывавшие мощь его рук.

Тогда, о повелитель царей, тригарты и мадры с кекаями — числом тридцать пять тысяч — по велению твоего сына, в науке стрельбы из лука искусшенные отборные воины, неодолимые в бою для врагов, окружили обуреваемого жаждой убийства Увенчанного с сыном. И царевич панчалов, полководец, победитель недругов, увидел там, о царь, что осадили обоих воителей-быков, отца и сына. Сопровождаемый многотысячными полчищами слонов и колесниц и сотнями тысяч конников и пехотинцев сопровождаемый, разгневанный, лук напрягая и рать [свою] воодушевляя, двинулся врагов истребитель на войско мадров и на кекаев. И та рать, ведомая славным и уверенным стрелком из лука, с ее колесницами, слонами и конями блистала, готовая к бою. Царевич панчалов, о радость куру, наступающего на Арджуну сына Шарадвана тремя стрелами поразил в грудь у ключицы. Потом десятью и еще десятью стрелами сразил он мадров и, ликующий, стрелой бхалла убил одного коня⁹⁶ у Критавармана, а стрелой с широким лезвием на конце убил истребитель врагов Даману, наследника Пауравы, великого духом. Тогда внук Самьяманы пронзил свирепого в бою царевича панчалов тридцатью стрелами и десятью — его колесничего. А тот великий лучник, [столь] сильно уязвленный, облизывая уголки губ, необычайно острою стрелой бхалла рассек лук его, и тут же поразил его двадцатью пятью, о царь, и убил его коней и обоих боковых колесничих. И на колеснице, коней лишенной, стоя, взирал, о бык среди

бхаратов, внук Самьяманы на сына великого духом царя панчалов. Схватив [затем] железный меч, превосходный, великий страх наводящий, поспешил он, пеший, к стоящему на колеснице сыну Друплады. Его, словно низвергающийся поток, словно змия, налетающего с поднебесья, словно Смерть, подступившую в срок, с мечом, вырванным из ножен, блеском оружия словно пламенеющего, нападающего, как ярый слон, узрели там Пандавы и Дхриштадьюмна, внук Пришаты. И ему, стремящемуся навстречу с острым мечом в руке и щитом прикрывающемуся, когда, миновав расстояние полета стрелы, приблизился он к колеснице, палицею разбил немедля голову полководец, сын царя панчалов, гневный. И, блистающий меч и щит от стрел выронив из рук, пал он стремглав, убитый, на землю. И, ударом палицы его убив, обрел высокую славу сын царя панчалов, великий духом, грозный мощью своей. Когда же пал великий лучник, царевич, великий колесничный боец, громкие возгласы горести раздались среди войска твоего, о достойный. Тогда сын Самьяманы, видя, что сын его убит, стремительно бросился на царевича панчалов, в битве свирепого. И все цари, куру и пандавы, зрели, как сошлись в бою те оба героя, избранные из колесничных воинов. Тогда гневный сын Самьяманы, сокрушитель вражеских героев, поразил внука Пришаты тремя стрелами, словно стрекалами великого слона. И Шалья, блистающий в сражении, поразил, гневный, храброго внука Пришаты в грудь. И завязался бой.

Глава 58

Дхритараштра сказал:

1—6 Я думаю, сильнее мужества судьба, о Санджая, раз войско сына моего войском панду истребляется. Ведь все время, сын мой, ты рассказываешь о моих, что убивают их, о Пандавах же рассказываешь все время, что невредимы они и ликуют. О лишившихся мужества нынче рассказываешь ты о моих, о Санджая, сраженных и сражаемых, а также убитых. Меж тем как, стремящиеся к победе, бьются они, сколько сил хватает, побеждают Пандавы, мои же терпят поражение. Постоянно слышу я [от тебя], сын мой, о многих тяжких и невыносимых бедствиях, Дурьодханою навлеченных. И не вижу я средства, коим побеждены могут быть Пандавы или коим одержать победу могли бы в битве мои, о Санджая!

Санджая сказал:

7—12 О сокрушении тел человеческих, о сокрушении слонов, коней и колесниц слушай, о царь, и стоек будь — твоя в том великая вина! Дхриштадьюмна же, девятью стрелами Шалью уязвленный, повелителя мадров, разгневанный,

[сам] уязвил железными. И необычайную мощь внука Пришаты узрели мы там, когда отразил он без промедления Шалью, в сражении блистающего. И никто не видел ни на мгновение разницы меж ними, яростными, в битве; равным был тот бой между ними. Шалья тогда, о великий царь, рассек лук Дхриштадьюмны в той схватке стрелю бхалла, острою и закаленной. И он обрушил на него ливень стрел, о Бхарата, как с приходом дождей изливают их чреватая водою туча на гору.

И меж тем как был так уязвлен Дхриштадьюмна, Абхиманью, разъяренный, устремился быстро к колеснице царя мадров. Тогда, колесницы повелителя мадров достигнув, сын Кришны, разгневанный чрезвычайно, пронзил Артаяни тремя стрелами, духом неизмеримый. Но тогда твои, о царь, жаждущие добраться до сына Арджуны в бою, поспешили расположиться вокруг царя мадров колесницы. Дурьодхана и Викарна, Духшасана с Вивиншати, Дурмаршана, Духсаха и Читрасена, Дурмука и Сатьяврата, благо тебе, и Пурумитра, о Бхарата, стали на поле брани, защищая колесницу повелителя мадров. Бхимасена, разъяренный, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, сыновья Драупади, Абхиманью и оба сына Мадри, Пандавы, пуская в ход оружие всякого рода, ринулись на них, о владыка народов, ликующие, и, жаждою взаимного истребления обуянные, встретились они в той битве, о царь, к которой привела неразумность твоя. И колесничные бойцы с твоей и с другой стороны стали свидетелями того завязавшегося боя десятерых воителей [против десятерых], ужас наводящего. Многообразные [виды] оружия в ход пуская, бились друг с другом великие воители, рык издавая один другому навстречу. Напрягая силы, яростью восплававшие, все — жаждущие убийства друг друга, великими оружиями нанося удары, сражались они, непримиримые.

13—22

Дурьодхана, разгневанный, с поспешностью необычайной пронзил в той великой битве Дхриштадьюмну четырьмя острыми стрелами, Дурмаршана же двадцатью, а Читрасена пятью, Дурмука девятью стрелами, Духсаха же семью, Вивиншати пятью и еще тремя Духшасана. Внук Пришаты, врагов каратель, в ответ пронзил каждого из них, о владыка царей, двадцатью пятью, проворство рук являя. А Сатьяврату и Пурумитру, о Бхарата, пронзил Абхиманью обоим, десятью стрелами каждого в бою. Оба же сына Мадри дядю по матери, матери своей любимцы, тучами стрел в бою окутали, и чудно то было. Тогда Шалья, о великий царь, сыновей сестры, избранных из колесничных бойцов, на деяние деянием ответить стремящихся, многими стрелами поразил, но, окутанные [ими], не дрогнули тогда оба сына Мадри.

23—28

Меж тем, завидев Дурьодхану, рвущегося в бой, великомощный Бхимасена, сын Панду, желая дело завершить, схватил свою палицу. И мощнорукого Бхимасену с поднятой палицей узрев, вознесшей [свою] вершину Кайласе подобного, бежали в страхе твои сыновья. Дурьодхана, однако, разгневанный, при-

29—41

звал магадхийское войско в десять тысяч быстроходных слонов и, послав впереди себя Магадхийца, двинулся на Бхимасену. Видя то наступающее войско слонов, Волчебрюхий, взревев, как лев, сошел с колесницы с палицей в руке. Схватив ту великую палицу, тяжелую, скальной твердости, он бросился на слоновье войско, словно разверзшая пасть свою Смерть. И, палицей слонов круша, двигался по полю брани Бхимасена сильный, мощнорукий, словно с ваджрою Предводитель Васу. А слоны, сойдясь [с ним], метались [уже] при звуке могучего рыка Бхимы, приводящего в содрогание души и сердца. Затем и сыновья Драупади, и сын Субхадры, великий воитель, Накула и Сахадева и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, охраняющие Бхиму с тыла, обрушились на слонов, как на горы гроззовые тучи. Закаленными стрелами кшура, кшурапра, бхалла и анджалика⁹⁷ сносили Пандавы головы воинам, сражающимся на слонах. И, словно дождь из камней, падали во множестве слетающие головы с украшениями и руки со стрекалами; обезглавленные же воины на спинах слонов выглядели, как деревья со срезанными верхушками на вершинах гор. И Дхриштадьюмной убитых огромных слонов зрели мы, поверженных и повергаемых великим духом внуком Пришаты.

42—61 Тут повелитель Магадхи слона своего, Айраване подобного, к колеснице сына Субхадры направил в битве. Того превосходного слона Магадхийца узрев, нападающего, единой стрелой сразил его герой, сын Субхадры, вражеских героев истребитель. И царю, слона лишившемуся, стрелой бхалла с серебряным оперением снес голову сын Кришны, сокрушитель вражеских крепостей. И Бхимасена, сын Панду, ворвавшись в то слоновье войско, ходил по полю брани, сокрушая слонов, как Индра — горы. И зрели мы там, на поле боя, великанов, из коих каждого сразил Бхимасена одним ударом, подобных горам, сокрушенным громом. Поверженных исполинов с отбитыми бивнями, пробитыми висками, перебитыми ногами, перебитыми хребтами, разбитыми лбами, холмам подобных, и других слонов на поле битвы, ревуших, сокрушенных, с проломленными головами, также иных, пришибленных и уstraшенных, испускающих мочу и испражняющихся, и еще бездыханных, холмам подобных, зрели мы на путях Бхимасены убитых слонов. Иные же стенающие огромные слоны, изрыгающие кровь, с разбитыми головами, содрогаясь, опускались на землю, утесам на равнине подобные. И весь измазанный слизью и кровью, с гроздьями мозгов, прилипшими к телу, ходил по полю брани Бхима, как Смерть с Жезлом в руке⁹⁸. И несущий ту палицу, кровью слонов окропленную, Волчебрюхий, грозный, ужас внушающий, подобен был Пинакину, лук Пинака держащему. А оставшиеся [в живых] слоны из тех, что гневный Бхимасена сокрушил, бежали стремглав, рать твою топчя. Героя же того, меж тем как он сражался, прикрывали великие лучники на колесницах с сыном Субхадры во главе,

как Вооруженного ваджрой бессмертные. С окровавленной палицей, [сам] кровью слонов окропленный, являлся взорам Бхимасена, как Судеб вершитель⁹⁹, духом свирепый. Палицею разящего во все стороны, о Бхарата, приплясывающего, зрели мы его, словно пляшущего Шанкару¹⁰⁰, и зрели тяжёлую палицу, о великий царь, жезлу Ямы подобную, как гром Индры, гремящую, ужасную, бьющую наповал, с налишшими волосами и мозгом, вымазанную кровью, подобную луку гневного Рудры, истребляющего живые существа. Как гонит пастух бичом стадо животных, так палицею погонял Бхимасена слоновье войско. И бежали твои слоны, палицей и отовсюду [летящими] стрелами казнимые, топча свои же рати. И, рассеяв исполинов, как сильный ветер тучи, стоял среди того смятения Бхима, как на пепелище Носитель трезубца¹⁰¹.

Глава 59

Санджая сказал:

Когда уничтожено было слоновье войско, сын твой Дурьодхана ко всем войскам воззвал, чтобы убили Бхимасену. И все рати по велению твоего сына устремились тогда на Бхимасену, издающего ужасающие крики. Но тот войск поток беспредельный, даже для богов невыносимый, надвигающийся, трудноодолимый, как море в час прилива, со множеством колесниц, слонов, коней, оглашаемый трубами и барабанами, и бесконечный, непроходимый, цепенящий царей сердца, словно второй великий океан, то море полков непоколебимое остановил на поле битвы Бхимасена, как брег морской. Тогда зрели мы как истинное чудо и диво то сверхчеловеческое деяние Бхимасены на поле битвы, о царь.

Всю восставшую [на него] землю с конями, с колесницами и слонами, не дрогнув, прибил своею палицею Бхимасена. Палицей те войск потоки остановив, из колесничных бойцов несравненный, стоял среди того смятения Бхима, словно неколебимая гора Меру. И в том смятении ужаснейшем, в тот час великой угрозы и брата, и сыновья, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, сыны Драупади и Абхиманью и Шикхандин, великий воитель, не покинули могучего Бхимасену, когда возникла опасность.

Тогда, схватив огромную тяжёлую палицу булатную¹⁰², подобный Антаке с жезлом в руке, разил твоих воинов неодолимый, грома отряды колесниц и конные отряды. И ходил по полю брани Бхима, как Павака на исходе юги, всех в битве сражая, как на исходе юги Времени властелин¹⁰³, сын Панду, толчком бедра опрокидывая ряды колесниц, всех слонов сокрушая, как слон — заросли тростника, валя воителей с колесниц, сражающихся на слонах со слонов, всадников с коней и пеших воинов на земле, и поле боя, [усеян-

ное] там и здесь убитыми людьми, слонами и конями, подобно стало бойне, [владению] смерти. С луком гневного Рудры, живые существа истребляющего, схожая, жезлу Ямы подобная, грозная, как гром Индры гремящая, являлась [там] взорам палица Бхимасены, свирепая, убийственная. И необычайно ужасен был образ великого духом сына Кунти, палицей разящего, как [образ] Времени при крушении юги. Видя, как снова и снова обращает он так в бегство великое войско, словно [сама] то Смерть наступает, все пали духом. И куда бы ни обращал взор сын Панду, палицу подъявля, там [сами] рассеивались все войска, о Бхарата.

20—23 Рати громающего, даже для полководца полков непобедимого, поглощающего рати, как Бог смерти с разверстою пастью, страшные деяния творящего, великой палицей вооруженного Волчебрюхого завидев, сразу устремился к нему Бхишма на великой колеснице, гремящей, как туча, сияющей, как солнце, ливнем стрел его покрывая, как Парджанья, дождем ведающий. Увидев его, приближающегося, словно Бог смерти с разинутой пастью, ринулся неистово на Бхишму Бхима мощнорукий.

24—29 В тот же миг Сатъяки, верный слову герой рода Шини, напал на деда, из верного лука своего сражая недругов и приводя в трепет войско твоего сына. Его, несомого конями цвета серебра, с твердого лука веющего стрелами, не могли остановить в ту пору все полчища, о Бхарата, что были на твоей стороне. Острыми на концах стрелами поразил его Аламбуса, о лучший из царей, сын Ришьяшринги¹⁰⁴, но, пронзив его в ответ четырьмя, герой, внук Шини, устремился на него на колеснице. И в то время как показался он [там], лучший из Вришни, преследующий [бегущих], среди врагов продвигающийся и поражающий куру-быков, снова и снова клич издающий в битве, не могли остановить его, солнцу в полдень палящему подобного; там никто, о царь, не остался не павшим духом, кроме сына Сомадатты. Бхуришравас, Сомадатты сын, о Бхарата, взял свой лук грозно скорый¹⁰⁵ и, видя, как уводят прочь его колесницы, выступил против Сатъяки, жаждущий боя.

Глава 60

Санджая сказал:

1—4 Тогда Бхуришравас, о царь, поразил Сатъяки девятью стрелами, чрезвычайно разгневанный, как стрелами великого слона. Сатъяки же, духом неизмеримый, крепко слаженными стрелами осыпал на глазах у всех потомка Куру. Тогда царь Дурьодхана, родными братьями обороняемый, со всех сторон, в битве усердный, оборонил сына Сомадатты. Так же и Пандавы все, великомощные, в битве обороняя, расположились вокруг яростного в бою Сатъяки.

Бхимасена же, разгневанный, палицу подъявля, о Бхарата, противостал всем сынам твоим во главе с Дурьодханой. Сын же твой Нандака могучего Бхимасену пронзил девятью острыми стрелами, на камне отточенными, перьями дапли оперенными. А Дурьодхана гневный поразил в бою могучего Бхимасену в грудь тремя отточенными стрелами. Тогда Бхима мощнорукий взошел, великомощный, на свою колесницу, лучшую из колесниц, и так Вишоке молвил: «Великие воители эти, герои, могучие сыны Дхритараштры, весьма разгневанные, в бой ринулись, чтобы убить меня. Сегодня я убью их у тебя на глазах, в том нет сомнения. Потому веди в сражение, упорный, моих коней, о колесничий!» Сказав так, сын Притхи пронзил тогда сына твоего Дурьодхану десятью острыми стрелами, золотом украшенными, и Нандаку тремя стрелами поразил меж сосков. Дурьодхана же шестьдесятю поразил могучего Бхиму и еще в ответ тремя, хорошо отточенными, пронзил Вишоку. И, как бы усмехаясь, тремя острыми стрелами царь разломил в бою блистающий лук Бхимы, о царь, в месте захвата. Бхима же тогда, видя [своего] возникшего Вишоку уязвленным в битве острыми стрелами сына твоего, лучника, и не снеся того, схватил в ярости [другой], чудесный лук, о великий царь, ради убиения твоего сына, о бык среди бхаратов. И он взял, разъяренный, стрелу кшурапра, волос рассекающую, и ею Бхима переломил превосходный лук властелина. В гневе отбросив сломанный лук, поспешно взял тот, словно пламенея, другой, быстрее действующий лук. И, наложив на него стрелу, ужасную, сияньем равную Времени-Смерти, он поразил ею, разъяренный, Бхимасену между сосков. Пронзенный глубоко, тот опустил, раненный, на дно колесницы и, поникнув на колесничном полу, впал в беспамятство.

Видя, что ранен Бхима, не снесли того великие лучники, воители великие [стана] Пандавов, возглавляемые Абхиманью. Тогда же гремящий ливень оружия неистового они обрушили, не растерявшись, на голову твоего сына. Потом Бхимасена, придя в себя, тремя [стрелами] его пронзив, еще пронзил пятью. И Шалью пронзил сын Панду, великий лучник, двадцатью пятью стрелами, и тот, пронзенный, отступил с поля битвы. Тогда четырнадцать твоих сыновей выступили против Бхимы: Сенапати и Сушена, Джаласандха, Сулочана, Угра, Бхимаратха, Бхима, Бхимабаху, Алолупа, Дурмукха и Душпрадхарша, Вивитсу, Виката, Сама. С глазами, покрасневшими от гнева, пуская многие стрелы, ринулись они разом на Бхимасену, тяжело его поражая. А Бхимасена великомощный, завидев твоих сыновей, облизывая уголки рта, словно волк среди стада, стрелою кшурапра отсек сын Панду голову Сенапати. Джаласандху, пронзив, он отправил в обитель Ямы, и Сушену тогда, сразив, Смерти предал, голову Угры вместе со шлемом, луноликую, серьгами украшенную, на землю сбросил стрелою бхалла, и Бхимабаху в битве семьдесятю Бхима в иной мир послал, о достойный, с конями, знаменем и колесничим вместе.

Бхиму и Бхимаратху, пылких братьев, обоих отправил Бхимасена, о царь, усмехаясь как бы, в обитель Ямы. Затем Сулочану в великом сражении стрелю кшупрапра на глазах у всех воинов отправил Бхима в обитель Ямы. Другие же сыновья твои, те, что остались [в живых], видя ту мощь Бхимасены, страхом перед Бхимой сокрушенные, бежали врассыпную, о царь, им, что духом велик, сражаемые.

34—47

Тогда молвил сын Шантану всем колесничным бойцам [своим]: «Этот Бхима, гневный, всех сынов Дхритараштры, великих воителей, и первенствующих из них, и превосходных, и доблестных, повергает в битве, грозным луком владеющий, сокрушите его, о цари!» Когда он сказал так, все воины сына Дхритараштры устремились, яростные, на могучего Бхимасену. Бхагадатта на яром слоне, о властитель народов, помчался стремительно туда, где находился Бхима. И в бою, нападая, отточенными на камне [стрелами], как туча [застилает] солнце, так он невидимым сделал Бхимасену на поле битвы. Не снесли того застиланья Бхимы в сражении великие воители во главе с Абхиманью там, на силу своих рук полагающиеся. Отовсюду они обрушили на него ливень стрел, и слона [его] отовсюду они тучею стрел пронзили. Тот слон [правителя] Прагджьотиши, ливнем оружия пораженный, разнообразного, хорошо заостренного, побежал с удвоенной быстротой, и от хлынувших потоков крови прекрасен был он на поле битвы, как великая туча, лучами солнца пронизанная. Погоняемый Бхагадаттой, ток мускуса испускающий, обрушился на них на всех тот слон, подобный Богу смерти, Временем посланному, мчась вдвое быстрее, землю поступью своей сотрясая. И все великие воители не очень рады были зреть огромную ту глыбу, которая казалась им неодолимой. Повелитель же тогда, гневный, поразил, о муж-тигр, Бхимасену меж сосков ровно слаженной стрелюю. Тяжко тем царем уязвленный, в беспамятстве оцепенев, великий лучник и великий колесничный боец прислонился к древку [своего] стяга. Бхагадатта же, увидев, что уstraшены они, а Бхимасена впал в беспамятство, могучий рык издал, блистательный.

48—55

Тогда страшный ракшас Гхатоткача, о царь, видя, что случилось с Бхимой, разъяренный, там исчез и, жуткий морок сотворив, ужас робких умножающий, меньше чем через миг [опять] явился взорам, страшный образ приняв, сам верхом на Айравате, созданном колдовством, за коим следуя и другие мировые слоны явились — Анджана, Вamana и Махападма великолепный. Эти три великих слона с огромными телами, коими правили ракшасы, [шли], о царь, тремя путями, мускус обильно проливая, исполненные пыла, мужества и силы, великомощные и воинственные. Гхатоткача же тогда погнался своего слона, врагов истребитель, Бхагадатту со слоном убить стремящийся. И другие слоны, могучими ракшасами погоняемые, с четырьмя клыками [каждый], с четырех сторон напали, разъяренные, на слона Бхагадатты и бивнями нанесли

ему удары. Теми слонами пораженный, мучимый болью, стрелами уязвленный, издал он прегромкий рев, грому Индры подобный.

И, слыша тот ужасающий рев его, грозно звучащий, молвил Бхишма Дроне и царю Суйодхане: «Это сражается на поле боя со злодушным сыном Хидимбы великий лучник Бхагадатта, и он попал в беду! Ракшас, великий колдун, и царь, разгневанный необычайно, они сошлись, великой отваги полные, оба Времени и Смерти равные. И слышны громкие возгласы ликующих пандавов и голос прегромкий ревушего в страхе слона. Поспешим туда, благо вам, царю на помощь, если не защитит его в битве, он скоро лишится жизни. Торопитесь, мужи великой доблести, что медлить, двинемся, ибо великий и яростный бой начинается, вздымающий волосы дыбом! И преданный, и высокородный, и доблестный то военачальник, нам защитит его подобает, о неколебимые!»

Вняв этой речи Бхишмы, цари все вместе во главе с сыном Бхарадваджи с быстротой наивозможнейшей устремились спасения Бхагадаты ради туда, где он был. Видя их передвижение, панчалы с Пандавами вкупе, возглавляемые Юдхиштхирой, последовали за врагами с тыла. А блистательный вождь ракшасов, завидев те рати, зычный рев издал, удару небесного грома подобный.

Тот рев услышав и видя сражающихся слонов, Бхишма, сын Шантану, вновь обратился к сыну Бхарадваджи: «Не прельщает меня схватка со злодушным сыном Хидимбы. Ныне, когда он с соратниками и мощи и мужества исполнен, победить его невозможно и самому Носителю ваджры. Он бьет без промаха, а наши кони и слоны устали, и панчалы и Пандавы много потрепали нас сегодня. Потому не прельщает меня битва с торжествующими победу Пандавами. Пусть возгласят перемирие сегодня, завтра мы сразимся с врагами». Вняв речи деда, Кауравы тем воспользовались для отступления, страхом перед Гхатоткачей охваченные. Когда же отошли Кауравы, Пандавы, победу торжествуя, львиный рык издали, под звуки раковин и бамбуковых труб.

Такой была сегодня, о бык среди бхаратов, битва между куру и пандавами во главе с Гхатоткачей. Кауравы же затем, о царь, возвратились в свой стан с наступлением ночи, пристыженные, понесшие поражение от пандавских. И сыны Панду, великие воители, чьи тела изранены были стрелами, в битве духом воспрявшие, тоже в [свой] стан ушли, возглавляемые, о великий царь, Бхимасеной и Гхатоткачей. И, великой радости исполненные, они воздали тогда почести друг другу, разнообразные кличи возглашая под звуки музыки и львиный рык издавая под пение труб. Великие духом, они с наступлением ночи прошли к [своему] стану, губители врагов, с криками, сотрясая землю, душу твоему сыну надрывая, о достойный. А царь Дурьодхана, удрученный гибелью братьев, на время погрузился в раздумье, в слезах и горем

потрясенный. Затем, отдав все полагающиеся распоряжения о ночлеге, он размышлял, терзаемый горем, бедою, постигшей братьев, тяжело подавленный.

Глава 61

Дхритараштра сказал:

1—13

Великий страх порождают у меня и удивление, о Санджая, вести о тех подвигах юных сынов Панду, что и для самих богов трудноосуществимы. И когда я слышу о поражении совершенном [моих] сыновей, о Санджая, великая тревога [возникает] у меня, о возникчий: как же [далее] будет? Поистине испепелят мое сердце Видурой изреченные слова! Кажется, что силою судьбы все [свершилось], о Санджая, если лучших из воителей с Бхишмою во главе, героев, в оружии искушенных, бойцов, превзошли в битве рати Пандавов. Отчего неуязвимы могучие сыновья Панду, великие духом, кем даровано им было, сын мой, или же какое [необыкновенное] знание обрели они, что не гибнут, словно созвездия на небе? Невыносимо для меня, что снова и снова громят [мое] войско Пандавы! Это судьбою определена мне столь страшная кара! Как смерть щадила сыновей Панду, как не щадила она моих сыновей, расскажи мне все, как оно было, о Санджая. Не вижу я нигде [спасения] от этого несчастья, как берега [не видит] человек, вплавь пустившийся через великий океан. Я думаю, сыновей моих конечно же презлая беда постигла, нет сомнения в том, что убьет всех моих сыновей Бхима. Ибо не вижу я мужа, который защитил бы моих сыновей. Неизбежна гибель сынов моих на поле боя, о Санджая. Поэтому о причине [случившегося], о возникчий, и особенно о следствии мне, вопрошающему, да изволишь ты все, как есть, поведать. Что же сделал Дурьодхана, видя, что свои отступают на поле боя? А Бхишма с Дроной, Крипа, сын Субальи, Джаядратха, или же сын Дроны, великий лучник, или могучий Викарна — каким же было их решение, великих духом, о многомудрый, когда повернули вспять мои сыновья, о Санджая?

Санджая сказал:

14—22

Слушай, о царь, внимательно, а выслушав, поразмысли [о том]. Не к заклинаниям каким-то, не к колдовству какого-либо рода и не к устраниению какому-то прибегают Пандавы. Мощью наделенные, они сражаются согласно правилам на поле брани, и к тому, чтобы праведными все их деяния почитались, всегда стремятся сыны Притхи, славы великой домогающиеся, о Бхарата. Не отвращаются они от битвы, могучие, преданные правде, к высшей доле причастные, а где правда — там победа! Потому неуязвимы в битве сыны Притхи и победоносны, о царь. Твои же сыновья злы душою, всегда привержены грехам, же-

стоки, они презрели обряды, потому и терпят они урон в бою. Преступные дела творя, премного оскорблений сынам Панду нанесли твои сыновья, о властитель, как низкие люди. Все эти прегрешения твоих сыновей прощая, всегда старались не замечать их Пандавы, о старший брат Панду! Но не очень чтили их [за это] сыновья твои, о владыка народов. Тех греховных деяний, постоянно творимых, тягчайший страшный плод [теперь] созрел, ядовитой тыкве¹⁰⁶ подобный, так вкушай его, о великий царь, с сыновьями и друзьями! Не образумился ты, о царь, когда предостерегали тебя друзья, когда и Видура, и Бхишма, и Дрона, великий духом, и я тебя предостерегали не однажды, не внял ты благой и полезной речи, словно больной, полезное лекарство отвергающий. [Только] мнение сыновей приемля, Пандавов мнишь ты [уже] побежденными.

Выслушай же и еще правду о том, о чем спрашиваешь ты меня. О причине, по которой победа за Пандавами [будет], я расскажу тебе, как слышал о том, о врагов укротитель. Дурьодхана спросил об этом деда. Видя всех братьев, величайших воителей, побежденными в битве, когда наступила ночь, смиренно приблизился потомок Куру с сердцем, горем смятенным, к многомудрому деду; что молвил сын твой, услышь от меня, о владыка людей. 23—25

Дурьодхана сказал:

И ты, и Дрона, и Шалья, также Крипа и сын Дроны, и Критаварман, сын Хридики, и царь Камбоджи Судакшина, Бхуришравас и Викарна, и мужественный Бхагадатта — великие воители, прославленные, высокородные, бесстрашные, трем мирам равны они [силою], так я думаю, — и вместе [все] не выдерживают в бою против Пандавов! Поэтому сомнение возникает у меня, ответь на мой вопрос. На кого опираются они, когда на каждом шагу нас побеждают? 26—29

Бхишма сказал:

Выслушай, о царь, мою речь, которую скажу тебе, о потомок Куру. Много раз говорил я тебе о том, но так ты того и не сделал. Надобно мир заключить с Пандавами, о лучший из бхаратов, благом я это считаю и для страны, и для тебя, о владыка. Счастливо правь этой землею, о царь, вместе с братьями, всех недругов карая, родных же радуя. Сколько ни взывал я раньше, ты, сын мой, не внимал мне, вот и пришла [расплата] за то, что унижаешь ты [сыновей] Панду. А в чем причина неуязвимости их, тех, что неутомимы в деяниях [своих]¹⁰⁷, послушай, о великий царь, о том я поведаю тебе, о властелин. Нет в мирах, и не было, и не будет никогда того, кто мог бы победить в бою Пандавов, Носителем лука Шарнга охраняемых. Послушай поистине, сын мой, ту древнюю песнь, что рассказали мне, о ведающий закон, к духу мыслью устремленные мудрецы. 30—36

37—41

Некогда все боги и провидцы вместе к Прародителю на гору Гандхама-дана явились. Среди них восседая, узрел Владыка созданий в небесах парящую прекрасную воздушную колесницу, сияние излучающую. Размышлением то постигнув, сложив почтительно ладони, преклонился Брахма, возрадовавшийся душою, перед высочайшим Превышним владыкой. Провидцы же и боги, видя, что встал Брахма, стояли все, сложив ладони, на великое чудо взирая. Должным образом его почтив, Брахма, меж ведающих Брахмана избранный, рек затем, творец мира, высшего Закона знаток:

42—70

«Ты — всеблагод, вселенский образ, вселенной владыка, всюду силою [своей] достигающий, всесоздатель и властелин, всем владеющий Васудева, потому к тебе, йоги средоточию, к [высшему] божеству, прибегаю. Победа [тебе], о вездесущий, великий бог; победа, о радеющий о благе мира; победа, о владыка сопряженных, всемогущий; победа, о предшествующий йоге и следующий за нею, из чрева Лотос [растящий], большеокий; победа, о владыка владыки мира¹⁰⁸, властвующий над прошлым, будущим и настоящим; победа, о благой сына сын¹⁰⁹, бесчисленными достоинствами обладающий, непобедимый; победа, о всеми взыскуемый, о Нараяна, весьма трудноодолимый; победа, о Носитель лука Шарнга, всеми скрытыми достоинствами наделенный, образ вселенной, чуждый недугам, всевластный, мощнорукий; победа, о ты, на благополучии мира сосредоточенный, великий змей, изначальный Вепрь¹¹⁰, златокудлый, всемогущий; победа, о ты, в желтое одетый, владыка народов, вместилище всего, неизмеримый, нетленный, проявленный и непроявленный, чья неизмерима обитель, обуздавший чувствования, чувствами наделенный, неисчислимый, [один] ведающий свою природу; победа, тот, чьи глубоки помыслы, исполняющий желания, бесконечный, признанный мудрец, постоянно являющий [миру] существа¹¹¹, достигший цели, совершенный мудростью, торжество победы, непобедимый, тайный дух, душа всех существ, явленное происхождение произошедших, сущность действительного, властелин мира; победа, о являющий существа, саморожденный, долею [своей] великий, сосредоточенный на миновании эры¹¹², вознесение, мысль вдохновляющий; победа, о дорогой брахманам, разрушение и творение блюдуший, владыка желания, Превышний владыка, творец бессмертия¹¹³, истинное существование, Огонь светопреставления, даритель победы, владыка Владык созданий, бог, Лотос из пупа [взрастивший], великомощный, самосущий, великих стихий [совокупность], душа деяния, победа, о даятель деяния,¹¹⁴ стопы твои — богиня Земля, страны света — руки, небо — голова, я — образ твой, боги — тело, луна и солнце — очи, сила [твоя] — подвижничество и истина, праведность — желания дитя¹¹⁵, о властелин, пыл [твой] — огонь, ветер — [твое] дыхание, воды — пота твоего порождение, Ашвины — уши, богиня Сарасвати — язык [твой] всегда, Веды — совершенства [твоего] утверждение, ведь на тебе вселенная основыв-

вається. Ни исчисления твоего, ни протяжения, ни пыла, ни устремления, ни силы, о владыка сопряженности и сопряженных, мы не знаем, ни происхождения. Преданность тебе исповедующие, о бог, обеты тебе посвятившие, всегда почитаем мы, о Вишну, Вышнего властелина, Великого владыку. Провидцы, боги и гандхарвы, якши, ракшасы и змии, пишачи, а также люди, еще звери, птицы и пресмыкающиеся и тому подобное сотворены мною на земле милостью твоею, о ты, Лотос из пупа породивший, о большеокий, о Кришна, от дурных снов избавляющий. Ты — убежище для всех существ, ты — властитель, ты — лик мира; по твоей милости, о владыка богов, всегда счастливы мудрые, земля избавлена от страха всегда по милости твоей была. Поэтому да пребудешь ты, о большеокий, благодетелем рода Яду. Ради утверждения справедливости, ради истребления сынов Дити и ради поддержания вселенной просвети меня, о владыка. Эту высшую тайну, заключающую в себе милость твою, воспел я, как должно, о Васудева. Сам создав себя собою как божественного Санкаршану, о Кришна, ты сотворил из себя также Прадьюмну, тобой порожденного, из Прадьюмны — Анируддху, коего знают как непреходящего Вишну, Анируддха, поистине, создал меня, Брахму, мира вседержителя. Так, из Васудевы созданный, тобою я сотворен. Разделив себя на доли, в человеческое естество да вступишь сам, о властелин! Тогда, свершив истребление асуров ради блага всех миров, утвердив справедливость, обретя славу, йогу обретешь воистину! Тебя ведь, высочайшего, брахманы-провидцы и боги, о ты, чья мощь неизмерима, под теми различными именами в мире воспевают, преданные. И все сонмы существ, в тебе пребывающие, к тебе, даятелю даров, прибегают, о прекраснорукий, и мостом мира, не имеющим начала, середины и конца, беспредельной йогой обладающим именуют тебя жрецы».

Глава 62

Бхишма сказал:

Тогда Господь бог, Превышший миров владыка, так молвил Брахме голо- 1—2
сом благозвучным и глубоким: «Ведомо, сын мой, мне силою йоги все то, чего ты желаешь; так оно и свершится». И, сказав это, он там исчез.

Тогда боги, провидцы и гандхарвы с удивлением чрезвычайным, одолева- 3—23
емые любопытством, все обратились к Прародителю: «Кто он, тот, пред кем преклонился Господь со смирением и восхвалил кого изысканнейшими речами, о всемогущий, мы хотим слышать». На те слова Прародитель Господь отвечал всем богам, брахманам-провидцам и гандхарвам голосом сладкозвучным: «То будущее взыскуемое, то наивысшее грядущее, то существ душа, владыка

тот, Брахман, и то высшее убежище, — вот с кем вел я беседу по милости его, о быки средь богов. Ради блага мира молил я владыку мира, чтобы в мир людей он явился [людям] ведомый как Васудева, чтобы воплотился на земле ради истребления асуров. Те дайтьи, данавы и ракшасы, что убиты были в сражении, они среди людей воплотились, грозные обликом, великомощные. Ради их убийства Господь всемогущий с Нарою вместе, в лоно человеческое войдя, будет на земле подвизаться. Те двое лучших из древних мудрецов Нара и Нараяна, что воплотились вместе в мире людей, неизмеримые сиянием, в битве вдвоем непобедимые даже для бессмертных, — только глупцы не ведают их как Нару и Нараяну, провидцев. Я — его порождение, Брахма, всего мира властитель. Ему, Васудеве, вселенной великому владыке, да воздадите вы почести. Никогда, о лучшие из богов, не презрите как человека его, великомощного, раковины, диска и палицы носителя. Это — наивысшая тайна, это — наивысшая обитель, это — наивысший Брахман, это — наивысшая слава, это — непреходящее, непроявленное, это — извечное великое¹¹⁶, это — воспеваемое под именем Мужа¹¹⁷, но непознанное, это — наивысший пыл, это — наивысшее счастье, это — наивысшая истина, провозглашенная Всесоздателем. Потому все боги с Индрою вместе, все люди да не презрят его за то, что он — человек, Васудеву, чья мощь неизмерима, властителя. А кто скажет, что, мол, это всего лишь человек, того, умом убогого, за презрение к Хришикеше назовут низшим из людей. Того, кто великого духом йогина Васудеву презрит за то, что вселился он в человеческое тело, назовут тьме преданным¹¹⁸ люди. Того, кто бога, движущегося и недвижимого душу, счастливым завитком¹¹⁹ отмеченного, жизненной силы исполненного, Лотос из пупа [взрастившего], не ведаёт, назовут тьме преданным люди. Увенчанного и камня Каустубха¹²⁰ носителя, избавляющего друзей от опасности, великого духом презирающий в страшную тьму себя ввергает. Зная это поистине, пред владыкой владык миров Васудевой должны все миры преклониться, о высшие боги».

24—40

Так сказав, Господь, душа вселенной, отпустил все сонмы богов когда-то и ушел в свой чертог. Тогда боги с гандхарвами, мудрецы и апсары также, вняв той повести, что поведал Брахма, убогатворенные, отправились на небеса. Я ее услышал, сын мой, в собрании мудрецов, очистивших душу, когда они рассказывали древнюю быль о Васудеве¹²¹. Рама, сын Джамадагни, мудрый Маркандея и Вьяса с Нарадой поведали [ее], о знаток преданий. Зная, о чем она, услышав о великом духом Васудеве как о властелине, непреходящем, владыке владык миров, чье порождение — Брахма, отец вселенной, как могут люди не поклоняться и не приносить жертвы Васудеве? Некогда, сын мой, уже предостерегали тебя мудрецы, в совершенстве постигшие Веду: не вступай в бой с вещим сыном Васудевы, ни же с Пандавами, — но в ослеплении своем ты

не внял тому. Жестокий ракшасом ты мнишься мне, тьмою ты помрачен, отчего и ненавидишь Говинду и Завоевателя богатств, сына Панду, ведь никто другой из людей не возненавидит божественных Нару и Нараяну. Поэтому говорю тебе, о царь: то вечный, воистину, непреходящий, все миры воплощающий, постоянный, Правитель, Творец, опора незыблемая, тот, кто поддерживает три мира, управляющий движущимся и недвижимым, неодолимый, Воин, Победа и Победитель, Всего источник, Владыка. О царь, истовость в природе его, отрешенного от косности и страсти, где Кришна — там праведность, где праведность — там победа, йогой его величия и духа его йогой укреплены сыны Панду, о царь, и за ними будет победа. Тот, кто мудрость, ко благу направленную, Пандавам сообщает и силу в бою и от опасностей их хранит, — это бог предвечный, все тайны в себе заключивший, милостивый, известный как Васудева — о чем ты и спрашиваешь меня, о Бхарата. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, достоинствами отмеченные, поклоняются ему и чтут его, свои обязанности неукоснительно исполняющие. В конце юги Двапары и в начале Кали-юги, сатватский закон принявший¹²², был он воспет с Санкаршаной. Весь мир асуров и смертных, и города, опоясанные морем, и также людей обитель из юги в югу, вновь и вновь творит Васудева.

Глава 63

Дурьодхана сказал:

Как о великом существе рассказывают во всех мирах о Васудеве. О его явлении [в мир] и посвящении хочу я знать, о дед. 1

Бхишма сказал:

Васудева — великое существо, вместе с божествами возникшее. Не явлено [никого] выше Лотосоокого, о бык среди бхаратов. Маркандея рассказывает о Говинде как о великом чуде. Все существа, душа существ, великий духом Всевышний муж, — воды, ветер и пыл — это три его создания. На водах ложе устроил великий духом Всевышний муж, всякую воду воплотивший в себе, спит бог там силою йогой¹²³. Из уст он сотворил огонь, из дыхания же — ветер, а Сарасвати и Веды из мысли [своей] сотворил Неколебимый. Он сотворил вначале богов с сонмами провидцев, а также упокоение и смерть созданий, непреходящий воссоздатель. Он — Закон и знаток Закона, даятель даров, исполняющий все желания, он и творец, и творимое, изначальный бог, самопроизшедший. Он, Джанардана, установил прежде прошлое, настоящее и будущее, сумерки, те и те¹²⁴, страны света и Определение¹²⁵. Ведь после и провидцев, и подвижничество создал Говинда, и творца мира 2—21

тоже, великий духом, владычнѣй, непреходящій. Из всех существ перворожденным создал он Санкаршану, создал Шешу, коего знают как божественного Бесконечного¹²⁶. Его, что поддерживает существа и эту землю с ее горами, жрецы, йогоу размышления [его познавшие], называют великой мощи обладателем. И от истечения из уха происшедшего асуру великого по имени Мадху, злого злодея, злой умысел питавшего, Брахме отмстить сбиравшегося, убил Всевышнїй муж. За его убиение, сын мой, боги, демоны и люди, также и провидцы Губителем Мадху наименовали Джанардану. Он же — Вепрь, Лев, Три шага прошедшїй¹²⁷, владычнѣй, он, Хари, — мать и отец всех живущих, не будет [никогда] существа превыше Лотосоокого. Из [своих] уст он сотворил брахманов, из рук — кшатриев, из бедер — вайшьев, о царь, из стоп же — шудр, и, подвижничеством укрепившись, [создал] бог местопребывание для всех воплощенных. Вхождения в Брахмана, вхождения в йогу, Кешавы, великого начала достигнет приносящїй жертвы в дни новолуния и полнолуния¹²⁸. Кешава, высшїй пыл, всего мира прародитель — так называют, воистину, Хришикешу мудрецы, о повелитель мужей. Так и знай о нем, наставнике, отце, учителе; к кому милостив Кришна, тот обретет нетленные миры. И кто в опасности прибегает к защите Кешавы, кто всегда произносит это, тот благополучен и счастлив будет. Люди, кои обращаются к Кришне, не впадают в заблуждение, кто в великой опасности пропадает, того защищаает Джанардана. Зная это поистине, о Бхарата, Юдхистхира со всей душою к защите прибегает великого духом Кешавы, о царь, мира владыки, волхованїй владыки¹²⁹.

Глава 64

Бхишма сказал:

1—9 Слушай, о великий царь, этот гимн Вошедшему в Брахмана, что некогда рекли на земле брахманы-провидцы и боги. «Как о владыке бога богов и богов и блаженных¹³⁰, ведающем природу создателя миров, говорит о тебе Нарада, как Прошлое, Настоящее и Будущее описывает Маркандея, как о жертве жертвоприношенїй, подвижничестве подвижничеств и боге богов молвит о тебе благословеннїй Бхригу. В древнем предании ты — устрашающїй образ, о Вишну, о Повелитель духов. Васудева, Шакру [во главе] Васу поставившїй, бог богов среди богов ты есть — так молвит Двайпаяна. Во времена первотворения существ звали [тебя] Дакшей, Владыкой созданий, как о творце всех существ сказал о тебе потом Ангирас. Непроявленное из тела твоего происходит, проявленное в мысли твоей пребывает, боги же из Слова [твоего] возникли — так молвит о тебе Девала¹³¹. Главой ты пронизываешь небо, руками поддерживаешь землю, чрево твое — три мира, ты —

предвечный Муж — таким ведают тебя подвижничеством возвысившиеся мужи, также наилучшие из провидцев, видением [сокровенного] Духа удовлетворенных. Для царственных мудрецов благородных, в битвах не обращающихся вспять, праведность превыше всего почитающих, ты — убежище, о Губитель Мадху!»

Вот так подробно, сын мой, и вкратце поведал я тебе поистине о Кешаве; 10
будь к Кешаве благорасположен!

Санджая сказал:

Услышав это священное сказание, о великий царь, сын твой с уважением 11—16
немалым помыслил о Кешаве и о Пандавах, великих воителях. И снова молвил ему, о великий царь, Бхишма, сын Шантану: «Ты услышал воистину, о царь, о величии Кешавы, великого духом, и Нары, как ты меня о том спрашивал, и о том, ради чего оба, Нара и Нараяна, среди людей воплотились, и почему неуязвимы в сражениях оба героя, непобедимые, и почему, о царь, неприступны в бою для любого Пандавы. Ведь незыблемо расположен к славным Пандавам Кришна. Потому говорю тебе, о властитель царей: да будет мир с Пандавами. Владей землею вместе с могучими братьями, повелитель; презрев же божественных Нару с Нараяной, погибнешь».

Так сказав, отец твой умолк, о владыка народов. И он отпустил царя и 17—18
взошел на ложе. Царь же, поклонившись великому духом, отправился в стан и на ночь возлег на [свое] сверкающее ложе, о бык среди бхаратов.

Глава 65

Санджая сказал:

Когда ночь сменилась рассветом и взошло солнце, оба войска, о великий 1—4
царь, сошлись для битвы. Все устремились скопом в бой, гневные, победы жаждущие друг над другом, друг друга озирая. Пандавы и сыны Дхритараштры, о царь, дурных твоих советов по вине, два строя боевых построив, в бой пошли, разъяренные бойцы. Бхишма строй макары оградил по сторонам, и Пандавы так же, о царь, свой строй оградил.

Отец твой Деваврата выступил против колесничной рати, великим мно- 5—12
жеством колесниц окруженный, из колесничных воинов наилучший. И следом двинулись друг за другом в установленном порядке воины на колесницах, пехотинцы, слоны и всадники. Видя, что готовы они к бою, царственный строй Орла, непобедимый, [выставили] славные Пандавы на битву. Во главе его блистал могучий Бхимасена, очами [стали] Шикхандин неодолимый и Дхриштadyюмна, внук Пришаты, челом стал герой Сатьяки, истинно доблестный, на шее

встал тогда потрясающий Гандивой Партха. С акшаухини¹³², полностью собранной, занял в битве тогда левое крыло блистательный Друпادا, великий духом, вместе с сыном, правое крыло занял [царевич] Кекайский во главе акшаухини, с тыла — сыновья Драупади и мужественный сын Субхадры, а сзади стал сам блистательный царь Юдхистхира вместе с обоими братьями-близнецами, мудрый, дивно доблестный.

13—16 Бхима же тогда в бою, вторгшись в Макару с головы, к Бхишме на поле брани подступив, стрелами [его] обволоч. А Бхишма затем в великой битве тяжкие удары оружия обрушил, о Бхарата, на войско сыновей Панду, идущее строем, приводя его в смятение. Тогда, когда смешалось войско, Завоеватель богатств поспешил поразить Бхишму в гуще боя тысячью стрел. И, отразив удары оружия, пущенного Бхишмой в битве, с ликующей ратью своей стойко противостал он для боя.

17—21 Тогда царь Дурьодхана, меж могучих избранный, видевший уже страшное истребление [своего] войска и помня избиение братьев в сражении, молвил сыну Бхарадваджи, великий воитель: «О наставник, ты ведь всегда желал мне блага, о безупречный. Мы же, на тебя полагаясь и также на Бхишму, на деда, самих богов победить в битве чаем — нет сомненья, что говорить о Пандавах в бою, мужества и отваги лишенных». Когда сказал так Дроне сын твой, о достойный, ворвался тот в ряды пандавской рати на глазах у Сатьяки. Но Сатьяки тогда преградил дорогу Дроне, о Бхарата. И завязалась затем битва, гремя, вздымающая волосы дыбом.

22—33 В сражении же гневный Дрона, как бы усмехаясь, пронзил внука Шини близ плеча острыми стрелами, величавый. Тогда Бхимасена, гневный, пронзил сына Бхарадваджи, защищая Сатьяки, о царь, от Дроны, из вооруженных избранного. Вслед за тем и Дрона, и Бхишма, и Шалья, о достойный, Бхимасену окутали, гневные, стрелами в битве. Тут Абхиманью, разгневанный, и сыновья Драупади, о достойный, пронзили острыми стрелами всех тех оружие подъявших. А Бхишме и Дроне могучим, яростно наступающим, противостал в великой битве Шикхандин, великий лучник. Мощный лук схватив, как туча гремящий, ливень стрел немедля герой изверг, затмевая солнце. Но, к Шикхандину приблизившись, бхаратов прародитель уклонился от боя, помня о женской его природе¹³³. Тогда Дрона, о великий царь, сыном твоим побуждаемый, устремился в бой, Бхишму тогда защищая. Шикхандин же, приблизившись к Дроне, избранному из вооруженных, уклонился от боя с ним, огню, в конце юги разбушевавшемуся¹³⁴, подобным. Затем с великой ратью сын твой, о владыка народов, пришел на помощь Бхишме, великой славы домогающийся. И Пандавы, о царь, с Завоевателем богатств во главе двинулись на Бхишму, твердо на победу уповая. И страшной была та битва, словно между богами и демонами, между жаждущими всечасно высочайшей чудесной славы.

Глава 66

Санджая сказал:

Неистово сражался тогда Бхишма, сын Шантану, стремясь избавить сыновей твоих от страха перед Бхимасеной. Поутру свирепая длилась битва царей, куру и пандавов, истребительная для главных воителей. И в том ужасающем смятении продолжающегося сражения великий шум громовый до самых небес возносился. Поднялся шум смятенный от воплей огромных слонов, ржания коней, грохота барабанов и пения труб. Могучие воители, рвущиеся в бой ради победы, ревели громогласно друг на друга, словно мощные быки в загоне. И, словно дождем камней с неба, падали на поле боя головы, отсекаемые острыми стрелами, о бык среди бхаратов. С серьгами и в тюрбанах, золотом сверкающие, виднелись [всюду] упавшие головы, о бык среди бхаратов, и стрелами рассеченными телами и [отсеченными] руками с луками и другими, с драгоценными браслетами, покрыта была земля. Телами, одетыми в доспехи, и руками в украшениях, и [головами] с луноподобными прекрасными ликами — с покрасневшими уголками глаз, — и всякими частями тел слонов, коней и людей, о владыка земли, усеяно было мгновенно все поле. В мятущихся тучах пыли мечи сверкали как молнии, и подобно раскатам грома раздавались оружием удары, и неистовый жестокий бой шел между куру и пандавами, в нем же кровь лилась как вода, о Бхарата. В том ужасающем, жутком смятении, вздымающем волосы дыбом, ливни стрел проливали кшатрии, опьяненные битвой. Там, уязвляемые в сражении ливнями стрел, ревели слоны твоих и врагов, о превосходнейший из бхаратов, и кони, сраженных седоков потерявшие, метались во всех направлениях, а другие, твоих и вражеских воинов, о бык среди бхаратов, вставали на дыбы и рушились в муках от стрел, их поразивших. И взору являлись здесь и там проносящиеся отряды конников, слонов и колесниц, о владыка народов. Палицами, мечами, дротиками, стрелами, крепко слаженными, разили там друг друга кшатрии, Смертью побуждаемые. Иные герои, в рукопашном бою искушенные, разнообразными ударами в схватке наносили руками, железным ломом подобными; кулаками, коленями, ладонями и пятками, о владыка народов, разили друг друга герои, твои с пандавами. И лишившиеся колесниц колесничные воины, вооруженные превосходными мечами, набрасывались друг на друга, убить один другого жаждущие.

1—20

Тогда царь Дурьодхана в сопровождении многочисленных калингов, выдвинув в битве Бхишму вперед, стал наступать на пандавов. Так же и пандавы, окружив Волчебрюхого, в битве устремились все на Бхишму, на быстрых колесницах, конях и слонах.

21—22

Глава 67

Санджая сказал:

1—11 Увидев, что схватились с Бхишмой братья и другие цари, ринулся, оружие подъяв, на сына Ганги Завоеватель богатств. Когда зазвучали Панчаджанья и лук Гандива и узрели мы знамя Партхи, всех нас обьял страх. Словно взметнувшееся над деревьями непривязанное знамя дыма¹³⁵, узрели мы, о великий царь, многоцветный, яркий, чудесный стяг Владетеля лука Гандивы, знаком обезьяны отмеченный. Подобный молнии, сверкающей среди туч на небе, узрели воины [лук] Гандиву, золотом окаймленный, [в руках] у великого воителя. И услышали мы громкие и угрозы исполненные удары его ладоней, раскатам грома Шакры подобные, рать твою сокрушающие. И как туча с бурным ветром, молнией и громом повелевающая, обрушился Завоеватель богатств, страшным оружием владеющий, на сына Ганги, дождями стрел отовсюду все страны света воедино слив, так что восток и запад мы [уже] не различали, ошеломленные. Растерявшиеся, не в силах воспользоваться своими ездовыми или оружием, обезумевшие, друг за друга цепляясь, воины твои, о бык среди бхаратов, к Бхишме устремились со всеми твоими сыновьями вместе. Стал Бхишма, сын Шантану, прибежищем для тех страдальцев в битве. Трепеща, бежали тогда с колесниц колесничные бойцы, всадники — с коней [соскочив] и по земле пехотинцы. Гром Гандивы слышав, раскатам оружия грома подобный, поникли, уstraшенные, все войска, о Бхарата.

12—17 Но тогда Говасана в сопровождении больших отборных камбоджийских коней быстроходных и многотысячных ратей гопалов, и в сопровождении мадров, саувилов, гандхаров и тригартов, о владыка народов, и со всеми отборными калингскими [слонами] повелитель калингов, наги и полчища воинов племен¹³⁶, предводительствуемые Духшасаной, и властитель Джаядратха вместе со всеми царями, и отборные всадники, посланные твоим сыном, четырнадцать тысяч, — сына Субалы окружили. Затем все те твои [войска] — колесницы, кони и слоны раздельно — двинулись в бой на Пандавов, о бык среди бхаратов. И поднятая колесницами, слонами, конями и пешими воинами пыль застлала ужасное поле битвы, подобно огромной грозовой туче.

18—22 С великой ратью воинов на слонах, конях и колесницах, с копьями, дротиками и стрелами железными¹³⁷, сошедся Бхишма в бою с Увенчанном, Авантиец¹³⁸ — с царем Каши, Синдхийский с Бхимасеной, Аджаташатру вместе с сыновьями и советниками сошелся с Шальей, быком мадров прославленным, Викарна — с Сахадевой, Читрасена — с Шикхандином, матсьи двинулись на Дурьодхану и Шакуни, о владыка народов, Друпادا, Чекитана и Сатьяки, великий воитель, с Дроною сошлись и с сыном его, великим духом, Крипа и Критаварман оба напали на Дхриштакету. Так сходились на битву войска отовсюду — мчались кони и метались слоны и колесницы.

Не из облаков яркие молнии явились с метеорами и со смерчами, о владыка народов, пылью затмились страны света, и задули бурные ветры, и песчаный ливень пал, и солнце сокрылось на небе от затмившей его пыли, [поднятой] войском. В глубокое беспамятство впали все существа, пылью запорошенные и тьмой оружия ошеломленные. И убийственный шум поднялся от множества стрел, пускаемых руками героев и любую преграду пробивающих. И поднятое в воздух могучими руками оружие сияло, подобное ясным созвездиям, о бык среди бхаратов. Падали по всем сторонам щиты из бычьей кожи, разноцветные, золотыми сетями покрытые, о бык среди бхаратов. И всюду, по всем сторонам виднелись тела и головы, срубаемые мечами, блещущими как солнце. И падали здесь и там наземь великие воители с колесниц с поломанными колесами, осями и кузовами, повалившимися большими стягами и убитыми конями. А здесь какие-то кони скакали кругами, таща колесницы, на которых убиты были колесничные бойцы, и там и здесь пораженные стрелами, израненные превосходные кони волочили хомуты с привязанными постромками. И можно было видеть, как один могучий слон сокрушал колесницы вместе с их возницами, конями и колесничными бойцами. И многие слоны на поле битвы, чуя запах мускусных токов [других] слонов, рвались прочь из гущи боя многочисленных ратей. И поле боя покрылось [телами] сраженных крепкими стрелами слонов, павших бездыханными со [своими] погонщиками, копьями вооруженными. В гуще боя многочисленных ратей рушились на поле колесницы с воинами и со стягами, сокрушенные направленными [на них] превосходными слонами, и можно было видеть колесницы с дышлами, сломанными в бою нападавших слонов хоботами, [хоботу] царя слонов¹³⁹ подобными, о великий царь. Хватая за волосы колесничных бойцов, с колесниц с поломанной упряжью сбрасывали слоны их, словно сорванные сучья с деревьев, и растаптывали на поле боя. И волоча [за собою] колесницы, сцепившиеся в битве с [другими] колесницами, метались во все стороны превосходные слоны, всяческие вопли издавая, уподобляясь тем слонам, что из прудов тащат переплетшиеся вороха лотосов. И так покрылось то великое поле битвы [телами] всадников, пеших воинов и великих колесничных воинов с их стягами.

Глава 68

Санджая сказал:

Шикхандин вместе с Виратой Матсьей, о владыка народов, немедля напал на Бхишму, великого лучника, труднопобедимого чрезвычайно. С Дроной, Крипой и Викарной, великими лучниками великомошными, и со многими други-

ми отважными царями в бой вступил Завоеватель богатств. На синдхийского [царя] с советниками его и родичами, на восточных и южных властителей земли, о бык среди властителей земли, и на сына твоего, яростного Дурьодхану, великого лучника, и на Духсаху тоже — в бой пошел Бхимасена; Сахадева же наступал на Шакуни и Улуку, великого воителя, на отца и сына, великих лучников, труднопобедимых; на слоновье войско [Кауравов] наступал в битве Юджиштхира, сыном твоим, о великий царь, обманутый;¹⁴⁰ отважный же Накула, сын Мадри, рев издавая в бою, схватился с добрыми колесничными бойцами тригартов, сын Панду. На Шальву и кекаев ринулись неукротимые в бою Сатьяки, Чекитана и сын Субхадры, великий воитель, а Дхриштaketу и ракшас Гхатоткача выступили против колесничной рати твоих сыновей, непобедимые. Неизмеримый духом Дхриштадьюмна, полководец, в бою сошелся, могучий, с Дроною, о царь, Индре подвигами равным. Так бились те великие лучники твои, герои, с пандавами сойдясь на поле битвы.

12—19 Когда достигло зенита полуденное солнце и небо полыхало [зноем], куру и пандавы ударами друг друга поражали. Колесницы со стягами, золотом отделанные, носились по полю сражения, знаменами красуясь, тигровыми шкурами покрытые. Разноголосый шум поднимался от криков, рыканью львов подобных, что издавали сошедшиеся в битве, победы друг над другом жаждущие. Небывалое ужасающее побоище зрели мы там, что учинили на бранном поле герои, сринджан с куру. И за стрелами, пускаемыми отовсюду, ни неба не видели мы, о царь, ни стран света, ни солнца, о врагов истребитель, ни промежуточных направлений. И от дротиков с блестящими наконечниками, и копий метаемых, и мечей закаленных сияние, как от голубого лотоса, [исходило] и сияние от многоцветных доспехов с украшениями, и озарялись ярко небеса и страны света со всеми окрестностями. И здесь и там осиянным было тогда, о царь, поле брани. И царственные колесничные воины-тигры, сошедшиеся в бою, сияли на поле сражения, о царь, как планеты на небосводе.

20—24 Бхишма же, лучший из колесничных бойцов, великому Бхимасене преградил дорогу, разгневанный, на глазах у всего войска. Тогда пущенные Бхишмой стрелы с золотым оперением, с превосходными древками, отточенные на камне и смазанные маслом, поразили Бхиму в бою. Бхимасена великодушный метнул свой быстрый дротик, разъяренному ядовитому змею подобный, о Бхарата. Его, стремительно летящий дротик с древком золотым, трудный для обороны, рассек над полем боя Бхишма крепко сложенными стрелами. Потом другой стрелой бхалла, закаленной и отточенной, надвое рассек он лук Бхимасены, о Бхарата.

25—27 Сатьяки же тогда, ринувшись мгновенно в бою на Бхишму, многими стрелами поразил твоего отца, о владыка людей. Тогда острую стрелу преужаснейшую наложив [на тетиву], поверг Бхишма с колесницы потомка Вришни

его возницу, и кони его, о царь, когда убит был колесничий, помчались прочь, туда и сюда устремляясь, со скоростью мысли или ветра.

Тогда среди всего войска великих духом Пандавов беспорядочный шум возник и горестные возгласы раздались. «Налетайте, хватайте, держите коней, бегите» — так кричали в смятении вслед колеснице Ююдханы. А Бхишма, сын Шантану, в это же время вновь начал громить пандавское войско, как Губитель Вритры — асурское. Панчалы с Сوماками, истребляемые Бхишмой, достойное решение в бою приняв, однако, на Бхишму устремились. И Дхриштадьумной возглавляемые сыны Притхи ринулись в бой на сына Шантану, жаждущие победы над войском твоего сына. Так же и твои, о царь, возглавляемые Бхишмой и Дроной, ринулись стремительно на врагов, и битва тогда началась [опять].

28—33

Глава 69

Санджая сказал:

И вот Вирата тремя стрелами поразил Бхишму, великого воителя, и тремя стрелами пронзил его коней, великий воитель. В ответ десятью стрелами с золотым опереньем пронзил его Бхишма, сын Шантану, великий лучник, совершенный [в том искусстве], великомощный. Сын Дроны, великий воитель, грозный лучник с твердой рукою, поразил Владетеля лука Гандивы шестью стрелами между сосков. Его лук сломал Пхальгуна, вражеских героев губитель, и тяжело поразил его острыми стрелами, врагов каратель. Тот взял другой лук быстродействующий и, гневом ослепленный, не стерпев, что сломал его лук Партха в битве, поразил Пхальгуну, о царь, девятью десятками острых стрел, а Васудеву семьюдесятью превосходными стрелами пронзил. Тогда Пхальгуна с очами, покрасневшими от гнева, будучи с Кришною рядом, глубокие и жаркие вздохи испуская снова и снова, поразмыслив, лук левою рукою сжал, недругов каратель, Владетель Гандивы, и взял, разъяренный, острые, крепко слаженные, жизни предел кладущие, ужасные стрелы. Ими он мгновенно поразил на поле боя сына Дроны, избранного из могучих, и, пробив доспехи, отведали они его крови в сражении. Но, пронзенный Владетелем Гандивы, не дрогнул сын Дроны и такой же ливень стрел послал в ответ, не падая духом, и оставался он на поле битвы, о царь, блюдущего великий обет¹⁴¹ охранить желая. И за то прекраснейшее деяние его, за то, что не смутился он духом перед обоими Кришнами¹⁴² в схватке, восславили его мужи-быки. Ибо сражался он все время среди полков бесстрашно, от Дроны восприявший [умение] метательные выбирать оружия вместе с умением возобновления их¹⁴³. «То сын наставника моего, возлюб-

1—15

ленный сын Дроны, и прежде всего он — брахман, коего чтить мне должно», — мысль такую держа в уме, герой Бибхатсу, врагов каратель, внука Бхарадваджи пожалел, лучший из воителей. И, сына Дроны избегая, стал биться затем на поле боя сын Кунти, врагов каратель, поспешая, сокрушая твоих, являющий мощь свою.

16—22 Дурьодхана же десятью стрелами с ястребиным опереньем, позолоченными сзади, на камне отточенными, великому лучнику Бхимасене нанес удары. А Бхимасена, разъяренный, взял лук, убийственный, крепкий, блистающий, и десять отточенных стрел. До уха натянув [тетиву], являющими, стремительными, остроотточенными, он поразил немедля ими, невозмутимый, царя куру в широкую грудь; и на груди того драгоценный камень на золотых нитях, стрелами окаймленный, заблестал, как солнце в окружении планет. Сын же твой отважный, получив удар от Бхимасены, не стерпел того, словно змей, хлопками в ладоши потревоженный. И стрелами с золоченым опереньем, отточенными на камне, он пронзил тогда, о великий царь, Бхиму, в трепет воинство приводя. И те оба сына твои, сражаясь на поле брани и тяжкие раны друг другу нанося, блистали, богам подобные, великомощные.

23—29 Читрасену, мужа-тигра, десятью стрелами пронзил сын Субхадры, вражеских героев губитель, Пурумитру же — семью и Сатьяврату семьюдесятью пронзив, Шакре в битве равный, словно приплясывая в бою, нанес нам герой тяжкий урон. Десятью стрелами поразил его в ответ Читрасена, Сатьяврата — девятью, Пурумитра — семью. Пронзенный, окровавленный, сломал сын Арджуны лук Читрасены, великий [лук], блистающий и поражающий врагов, и, пробив его доспехи, стрелою нанес ему удар в грудь. Тогда герои твоего стана, царские сыновья, великие воители, сплотившись в бою, неистовые, пронзили [того] отточенными стрелами, их же всех стрелами являющими сразил величайший знаток оружия. Те его деяния видя, сыновья твои окружили его, испепеляющего в битве твое войско, как заросли сухостоя, как дрова огонь на исходе холодного времени года, и ярко пылал сын Субхадры, рассеивая твои войска.

30—36 Увидев, что он свершает, внук твой Лакшмана, о владыка народов, в бой вступил с сыном царевны сатватов¹⁴⁴. Абхиманью же, разгневанный, Лакшману, счастливыми знаками отмеченного¹⁴⁵, пронзил шестью острыми стрелами и колесничего его тремя. Так же и Лакшмана, о царь, сына Субхадры отточенными стрелами пронзил, о великий царь, и словно чудо то было. И острыми стрелами четырех его коней убив и колесничего, обрушился на Лакшману великомощный сын Субхадры. А Лакшмана, вражеских героев губитель, на колеснице, коней лишившейся, стоя, разъяренный, метнул дротик в направлении колесницы сына Субхадры. Его, что налетал стремительно, ужасный с виду, трудноодолимый, змее подобный, рассек Абхиманью острыми

стрелами. После того на глазах у всего войска Гаутама, взяв Лакшману на свою колесницу, увез его тогда на колеснице из боя.

Тогда в смятении продолжающегося великого сражения устремлялись друг на друга бойцы, обуреваемые жаждой убийства. И твои, великие лучники, и пандавы, великие колесничные воины, жертвоприношение жизни свершая, разили один другого. Простоволосые, без доспехов, лишившиеся колесниц, со сломанными луками, бились голыми руками сринджаи с куру. Тогда мощнорукий Бхишма, разгневанный, разил, великомощный, небесным оружием [своим] войско великих духом Пандавов. И земля там устлана была [телами] павших слонов, чьи убиты были хозяева, коней и людей, колесничных бойцов и всадников. 37—41

Глава 70

Санджая сказал:

Меж тем, о царь, мощнорукий Сатьяки, расвирепевший, натягивая в битве лук, высшее напряжение выдерживающий, пускал оперенные стрелы, ядовитым змеям подобные, блистательно и проворно чудесное искусство владения оружием являя. И когда он лук сгибал и стрелы разного вида пускал, доставая все новые и [на тетиву] накладывая, он, мечущий в битве сражающие врагов стрелы, дивный облик являл, словно ливни извергающая туча. Видя неистовство его, царь Дурьодхана послал тогда против него десять тысяч колесниц. Но всех тех великих лучников Сатьяки, истинно доблестный, высший из лучников, сразил, мужественный, небесным [своим] оружием. 1—6

И, совершив то ужасающее деяние, с луком в руке подступил тогда герой к Бхуришравасу. И тот, видя, что войско то повергнуто Ююджаной, ринулся [в бой], славу куру умножающий. Великий лук напрягая, цветом оружию Индры подобный, тысячами стал пускать он стрелы, с оружием грома сравнимые, с ядовитыми змеями сходные, о царь, руки сноровку являя. Против тех стрел, несущих смерть, не устояли тогда воины, сопровождавшие Сатьяки, о царь, и бросились бежать врассыпную, оставив на поле боя, о царь, Сатьяки, битвой опьяненного. 7—10

Видя то, десятеро сыновей Ююджаны, великомощные, прославленные великие воители, блистающие доспехами, оружием и стягами, приступив на поле сражения к Бхуришравасу, великому лучнику, на чьем знамени жертвенный столб, все, распаленные, ему сказали: «О ты, родич Кауравов, о великомощный, иди, сразись на поле брани с нами, со всеми вместе или с каждым поодиночке. Либо ты, победив нас, обретешь в бою славу, либо мы, тебя победив, даруем радость отцу». Когда сказали так ему герои, он, великомощный, гордый си- 11—24

лою своей, лучший из воителей, видя их близ себя, сказал им: «Хорошо изъяснили вы, о герои, то, что на уме у вас ныне. Сражайтесь все вместе, но берегитесь, убью я вас в бою!» В ответ на те слова герои, великие лучники, искусенные во владении оружием, великий ливень стрел пролили на врагов укротителя. За полдень, о великий царь, была та яростная схватка между одним и многими, сплотившимися в битве. Его, одного, лучшего из колесничных бойцов, осыпали они ливнем стрел, как тучи в пору дождей окропляют великую гору, о повелитель. Но пущенные ими во множестве стрелы, жезлу Ямы или оружию грома подобные, всем-всем не дав долететь, рассек быстро великий воитель. Там зрели мы небывалую мощь сына Сомадатты, что бесстрашно сражался на поле битвы один против многих. Извергнув тот ливень стрел, о царь, десятеро великих воителей окружили мощнорукого и ринулись его убивать. Сын же Сомадатты, гневный, десятью стрелами рассек тогда их луки, о Бхарата, во мгновение ока, великий воитель. И когда сломаны были их луки стрелами бхалла, крепко слаженными, о царь, он отсек им в бою головы острыми стрелами, и, сраженные, пали они на землю, как деревья, срубленные ваджрой.

25—29 Видя сыновей [своих], могучих героев, убитыми в сражении, о царь, взревев, напал потомок Вришни на Бхуришраваса. Сшиблись на поле битвы оба великомощных, колесница с колесницей, и, сразив на поле битвы друг у друга колесничных коней, соскочили с бесполезных колесниц и сошлись [пешие] оба великих воителя. С великими мечами в руках оба, в превосходные доспехи одетые, блистали те мужи-тигры, ставшие [друг против друга] для боя. Но тут, приблизившись поспешно к Сатьяки, лучшему из меченосцев, Бхимасена, о царь, взял его тогда на [свою] колесницу. И сын твой, о царь, немедля взял Бхуришраваса на [свою] колесницу на поле битвы на глазах у всех лучников.

30—33 А между тем как сражение так продолжалось, о бык среди бхаратов, разъяренные Пандавы бились с Бхишмой, великим воителем. И к тому времени, как стало багроветь солнце, Завоеватель богатств, немедляющий, сразил двадцать пять тысяч великих воителей. Они же, посланные тогда Дурьодханой для сокрушения Партхи, едва его достигнув, сгнули, как мошкара в огне. После чего матсьи и кекан, искусенные в науке стрельбы из лука, окружили тогда Партху, великого воителя, вместе с его сыном.

34—37 Но в это же самое время закатилось солнце, и забытие овладело всеми воинами. Тогда, в сумерках, меж тем как притомились слоны и кони в войсках, о прекращении боя распорядился отец твой Деваврата. И оба войска, пандавов и куру, немало духом смутившиеся во взаимном столкновении, разошлись по своим станам. Вернувшись к стоянкам своим, расположились там, о Бхарата, Пандавы со сринджаями вместе и куру на отдых, как положено.

Глава 71

Санджая сказал:

Разойдясь тогда, куру и пандавы, о царь, совместно, когда миновала ночь, выступили опять для битвы. И великий шум там возник, о Бхарата, меж тем как твои и те запрягали колесницы, готовили слонов и снаряжали пехотинцев и коней, о Бхарата. И рев труб и бой барабанов громом раздавались со всех сторон. 1—3

Тогда царь Юдхиштхира молвил Дхриштадьюмне: «Строй Макары построю, врагов палящий, о мощнорукий». И когда сказал так Дхриштадьюмне, великому воителю, сын Притхи, тот указал [где стать], о великий царь, колесничным бойцам, из колесничных бойцов избранный. Головою стали там Дропада и сын Панду Завоеватель богатств, глазами — Сахадева и Накула, великий воитель, клювом — Бхимасена великомощный, а сын Субхадры и сыновья Друпиды, ракшас Гхатоткача, Сатьяки и Царь справедливости заняли шею строя, в тылу был Вирата, ратей предводитель, о великий царь, вместе с Дхриштадьюмной, большим войском сопровождаемый; пятеро братьев Кекая, на левый край опиравшиеся, и Дхриштакету, муж-тигр, доблестный стрелок, на правом крыле стоя, занимали оборону, в ногах же стояли, о великий царь, славный Кунтибходжа, великий воитель, и Шатаника, большим войском сопровождаемый, Шикхандин же, великий лучник, в сопровождении Сомаков, могучий, а также Ираван — далее хвост Макары занимали. Так этот великий строй построив, о Бхарата, на восходе солнца Пандавы, опять вооружившись для битвы, незамедлительно обрушились на Кауравов — слоны, кони, колесницы и пехотинцы — с воздетыми знаменами, блистающими мечами и сверкающими стрелами. 4—13

Деваврата же, отец твой, видя, что войско то построено, [свое] воинство, о царь, ему противопоставил строем Великой каравайки. На клюве ее блистал великий лучник сын Бхарадваджи, глазами стали Ашваттхаман и Крипа, о владыка мужей, Критаварман же вместе с камбоджами, араттами и бахликами в голове пребывал, лучший из воителей, из всех лучников лучший, на шее же — Шурасена, о достойный, и сын твой Дурьодхана, о великий царь, многими царями окруженный, а царь Прагджьотиши вместе с мадрами, саувирами и кекаями был на груди, о лучший из воителей, войском большим сопровождаемый; с войском своим Сушарман, властитель Прастхалы, на левом крыле расположился, вооруженный, а тушары, яваны и скифы с чучупами правое крыло строя заняли, о Бхарата; Шрутаюс, Шатаюдха и сын Соматтты, о достойный, в тылу строя стояли, друг друга обороняя. 14—21

Тогда сошлись в бою пандавы с кауравами, и на восходе солнца, о великий царь, произошла тогда великая битва. Колесницы устремились на слонов, слоны на колесницы ринулись, конники на конников, колесничные бой-

цы на всадников. На колесничего колесничный боец в великом сражении и на слонов, воины на слонах на колесничных воинов, колесничные же на всадников, колесничные бойцы с пехотинцами и всадники тоже с пехотинцами друг на друга на поле битвы, о царь, нападали, неистовые. Обороняемое Бхимасеной, Арджунной и близнецами, а также другими великими воителями, сияло пандавское войско, словно озаренная созвездиями ночь. Так же и твое войско, Бхишмой, Крипой, Дроной, Шальей, Дурьодханой и другими возглавляемое, блистало, как небо, планетами светящееся.

28—36 А Бхимасена, сын Кунти, Дрону завидев, отважный, на быстрых конях устремился на рать сына Бхарадваджи. Дрона же, в бою гневный, Бхиму девятью железными стрелами поразил в бою, в уязвимые места их направив, мужественный. Сильно [ими] пораженный, Бхима в бою тогда послал в обитель Ямы возницу сына Бхарадваджи. Сдерживая коней, сам блистательный сын Бхарадваджи стал уничтожать пандавское войско, как кучу травы огонь. Истребляемые Дроной и Бхишмой, о лучший из мужественных, в гибельное бегство обратились сринджан с кекаями. Так же и войско твоих, уничтожаемое Бхимой и Арджунной, здесь и там в беспамятство впадало, словно захмелевшая красавица. Сокрушились тогда оба строя при той гибели превосходнейших героев, ужасное бедствие постигло и твоих и тех, о Бхарата. И небывалое зрелище предстало нам, о Бхарата, когда в сражении избрали все тот тягостный путь. Отражая удары друг друга, о владыка народов, бились и пандавы, и кауравы, великие воители.

Глава 72

Дхритараштра сказал:

1—17 Столько достоинств отличных у нашего войска, столь много родов [оружия], строй — в согласии с [военной] наукой, оно [разит] без промаха, о Санджая, оно удовлетворено и бесконечно преданно нам всегда, послушно, чуждо дурных пристрастий, и доблесть его испытана прежде, не слишком стары и не юны [его воины], не тощи и не толсты, проворны и стремительны, крепки телом и не ведают недугов. Они хорошо вооружены и владеют многими видами оружия, искусны в бою на мечах, в жулачном бою, в бою на палицах, владеют копьями, пиками, дротами в бою, железными ломами, пращами, дротиками, булавами в совершенстве, и кампанами, луками, канапами в совершенстве, различными видами метания и рукопашным боем. Явно искушены они и в учении, и в упражнении, науки о владении всеми видами оружия постигшие досконально. Оседать и соскочить они умеют, погонять и прыгать, верно наносить удары, наступать и отступать. Многократно проверены они со тцанием в их

обращении со слонами, конями и колесницами, и соответственно проверке назначено им жалование по справедливости, независимо от семейных связей, ни от угодничества, ни от родства, ни от дружеского расположения, ни от знатного происхождения, люди они состоятельные и благородные, родня их ублажена и почтена [достаточно], и они обласканы, славны они и разумны. Повелевают [войском], отец мой, неодолимые незаурядные мужи, незаурядные деяния творящие, хранителям мира¹⁴⁶ подобные, прославленные в мире. И многие кшатрии обороняют его, на земле народом чтимые, по доброй воле примкнувшие к нам со своими отрядами и подчиненными. Оно — словно великий океан, наполняемый впадающими отовсюду реками, без крыльев как бы крылатое с охватывающими его слонами и колесницами, грозное, наводненное всякого рода оружием, катящее волны слонов и коней, плещущее пращами, мечами, палицами, дротиками, стрелами, копьями. Теснятся в нем знамена с украшениями, в драгоценный покров оно одето, и мечутся в нем слоны и кони, как ветры, его волнующие, — великому океану, непреодолимому и бурному, оно подобно.

Дрона и Бхишма его обороняют, и Критаварман во главе его, Крипа и Духшасана и возглавляемые Джаядратхой с Бхагадаттой и Викарной сын Дроны и сын Субалы с бахликами — несравненными в мире героями, великими духом, оборонено оно, и то, что гибнет оно в битве, одной судьбою предназначено может быть изначально! Никогда еще не видели на земле такого приготовления [к войне] люди, ни древние провидцы, великие судьбою, о Санджая. Ведь чтобы подобное скопление войск, в изобилии ручным и метательным оружием снаряженных, истреблялось в битве — что, кроме судьбы, могло предопределить это? Противоестественным кажется все это, о Санджая, если такая грозная сила не могла одолеть в битве Пандавов. Или боги там вмешались на стороне Пандавов, что сражаются они с войском моим, сколько бы ни истребляли их, о Санджая. Говорил ведь Видура здесь благое и полезное, о Санджая, но не внял ему глупый сын мой Дурьодхана. Думаю, то прежнее мнение его, всеведущего, великого духом, подтвердившееся [теперь], отец мой, предвидением было. Ибо, как предопределено во всем будущее изначально творцом, о Санджая, так оно и свершается, не иначе.

Глава 73

Санджая сказал:

По собственной вине навлек ты на себя такую беду, о царь. Но ведь Дурьодхана [так и] не видит, о бык среди бхаратов, того, что понял ты, о царь, — что совершено было осквернение веры. По твоей вине содеялась эта игра в

кости, о владыка народов, по твоей вине началась война с Пандавами. Ныне пожинай плоды прегрешения, которое совершил. Кто сам согрешил, сам же и расплачивается за содеянное. И здесь, и в потустороннем мире воздастся тебе по справедливости, о царь. Поэтому, духом укрепившись, прими великое бедствие, о царь, и слушай, что я расскажу тебе о битве, как она происходила.

5—9 Бхимасена, острыми стрелами великую рать сокрушив, напал тогда, герой, на всех младших братьев Дурьодханы. Духшасану, Дурвишаху, Духсаху, Дурмаду, Джаю, Джаятсену и Викарну, Читрасену, Сударшану, Чаручитру, Сувармана, Душкарну и Карну тоже — этих и других прекрасноруких воителей, разгневанных сынов Дхритараштры вблизи себя увидев, Бхима, великомощный, вторгся в ту великую рать, обороняемую в битве Бхишмой. Тогда звали друг к другу повелители людей: «Вот достался нам Волчебрюхий, отнимем жизнь у него!»

10—15 Теми братьями, исполненными решимости, окруженный, словно солнце среди злых планет¹⁴⁷ в час истребления рожденных, сын Притхи, в середину строя пробившийся, не дал страху овладеть им, как в войне богов и асуров великий Индра, к демонам подступивший. Тогда сотни тысяч колесничных бойцов все разом, о властитель, его одного, обрушивающего [стрелы], тоже затмили ужасными стрелами. Он же, отважный, сынами Дхритараштры пренебрегая, их превосходных воинов, что ехали на слонах, конях и колесницах, сразил на поле боя. Их намерения познав, Бхимасена, горделивый, их всех, схватить его стремящихся, убить решил, о царь. Тогда, покинув колесницу, с палицей в руке сын Панду стал сокрушать тот великий океан полчищ сынов Дхритараштры.

16—30 А в то время, когда Бхимасена вторгся [туда], Дхриштадьюмна, внук Пришаты, устремился напрямик на сына Субалы. Рассеяв великое войско твоих, муж-бык достиг пустой колесницы Бхимасены на поле битвы. Увидев на поле Вишоку, колесничего Бхимасены, горю предался Дхриштадьюмна до потери сознания, о великий царь. Голосом, прерывающимся от слез, он воскликнул, в горести вопрошая: «Где Бхима, который мне жизни дороже?» Вишока, руки в ладони сложив, отвечал Дхриштадьюмне: «Меня оставив здесь, могучий Пандавея, блистательный, вторгся в этот великий океан ратей сынов Дхритараштры, а мне, о муж-тигр, он такое слово молвил с приятностью: “Подожди меня, о возница, придержи коней ненадолго, пока не сражу я без промедления этих, убить меня собравшихся”. Меж тем при виде его, с палицей в руке вперед стремящегося, зависть всеми воинами овладела. А в той дрящейся устрашающей битве неистойвой, пробив брешь в великом строе, о царь, углубился в него твой друг». Выслушав речь Вишоки, Дхриштадьюмна, внук Пришаты, отвечал тогда вознице на поле боя, великомощный: «Ныне и жизнь мне ни к чему, о возница, если покину в бою Бхимасену, от преданности Пандавам отрекшись. Что скажет обо мне кшатрийство, если вернусь без Бхи-

мы, когда уйдет Бхима один, а я уцелею в битве? Благополучия лишают боги с Агни во главе того, кто, друзей покинув, [сам] возвращается домой благополучно. Бхима — друг мне и свойственник также, великомогущий, он предан нам, и я ему предан, врагов карателю. Так туда, куда Волчебрюхий отправился, и я пойду, зри, как буду я разить врагов, словно Предводитель Васу — демонов!»

Таковую речь произнеся, герой последовал затем в глубь [строю] по путям Бхимасены, [отмеченным телами] сокрушенных палицей слонов. Он увидел тогда Бхиму, испепеляющего вражеское войско, мощно крушащего в битве царей, как буря — деревья. И те истребляемые на поле сражения колесничные бойцы и всадники, пешие воины и слоны, страждущие, громкие вопли издавали. И крики горести оглашали войско твое, о достойный, избиваемое Бхимасеной, достигшим совершенства в различных видах боя. Затем все искусные лучники, окружив Волчебрюхого, стали, бесстрашные, осыпать его ливнями стрел отовсюду. Увидев, что нападают со всех сторон на сына Панду, лучшего из вооруженных, герои мира, грозное войско сплоченное, могучий внук Пришаты приблизился тогда к Бхимасене, израненному стрелами, пешему, изрыгающему яд гнева своего, и ободрил внук Пришаты Бхимасену, палицей вооруженного, подобного Смерти в час кончины. Немедля освободил он его от [вонзившихся] стрел, поднял на свою колесницу, великий духом, и, крепко обняв, ободрение Бхимасене среди врагов принес.

Сын же твой, меж тем как продолжалось то великое побоище, к братьям приблизился: «Этот злодушный сын Друпеды объединился с Бхимасеной. Идем все вместе, убьем его, не дадим врагу на нашу рать посягнуть». Слова эти выслушав, сыны Дхритараштры, разъяренные, повинувшись приказу старшего [брата], подъяв оружие, ринулись убийства ради, как в час гибели юги свирепые метеоры. Схватив блистающие луки, герои, в трепет приводя тетив и луков громыханием, окропили стрелами сына Друпеды, словно тучи гору потоками ливней, но, их отражая острейшими стрелами, не дрогнув в сражении ведающий разные виды боя. Увидев близ себя на поле брани утвердившихся героев, неистовых сыновей твоих, юный сын Друпеды, убийства [их] жаждущий, помрачающее разум оружие грозное наложил [на тетиву], великий воитель, на сыновей твоих, о царь, весьма разгневанный, как в битве [когда-то] великий Индра на демонов. Тем помрачающим оружием лишённые разума и силы духа, бросились бежать врассыпную все куру со [своими] конями, слонами и колесницами, видя, что ошеломлены и потеряли рассудок твои сыновья, словно уже настал их срок.

А в это самое время Дрона, лучший из вооруженных, приблизившись к Друпаде, пронзил его тремя ужасными стрелами. Тяжко пораженный в бою Дроной, о царь, отступил тогда повелитель Друпата, помня о прежней [их]

вражде. Победив Друпату, Дрона затрубил в раковину, блистательный. Звуки его раковины слышав, содрогнулись все Сوماки. Но вот Дрона, исполненный пыла, лучший из вооруженных, услышал о сыновьях твоих, помрачающим оружием помраченных в битве. Тогда Дрона, царям преданный безмерно, поспешно оставил [то] поле боя. И там, [в другом месте], увидел блистательный сын Бхарадваджи, великий лучник, Дхриштадьюмну и Бхиму, являющих себя в великой битве, и впавших в беспамятство сыновей твоих увидел великий воитель. Тогда, взяв оружие познания, он разнес вдребезги оружие помрачения. После чего сыновья твои, великие воители, к которым вернулись силы жизни, опять устремились в бой на поле брани на Бхиму и внука Пришаты.

51—58 Тогда, созвав своих воинов, молвил Юдхиштхира: «Да следуют в битве по мере сил по тропе Бхимы и внука Пришаты двенадцать героев на колесницах, в доспехи одетые, с сыном Субхадры во главе; пусть проследят они их действия, ибо неспокойно у меня на сердце». Получив такой приказ, те герои, доблестные воины, отвечали: «Исполним», — все в мужество свое верящие, и, когда солнце достигло полудня, все до одного выступили вперед. Кекаи и сыновья Драупади и Дхриштaketу храбрый, с Абхиманью впереди, большим войском сопровождаемые, на поле боя строй Острие иглы установив, укротители врагов, сокрушительный удар нанесли в битве колесничной рати сынов Дхритараштры. Тем великим лучникам, наступающим с Абхиманью во главе, не могла противостать Бхимасеной уstraшенная, Дхриштадьюмно́й помраченная рать твоя, о властитель людей, как обеспамятевшая во хмелю девица, на улице оказавшаяся. А те подоспевшие великие лучники со стягами, отделанными золотом, поспешили к Дхриштадьюмне и Волчебрюхому, желая поддержать их.

59—71 А те двое, завидев великих лучников во главе с Абхиманью, преисполнились радости, уничтожающие твоё войско. Завидев же стремительно приближающегося учителя своего, Панчалийский перестал угрожать убиением твоим сыновьям, внук Пришаты. Переправив Волчебрюхого на колесницу Кекаи, разгневанный, ринулся он на Дрону, непревзойденного в искусстве метания стрел и дротиков. Тотчас блистательный сын Бхарадваджи рассек стрелою бхалла лук нападавшего, гневный врагов истребитель. И другие стрелы сотнями стал посылать он во внука Пришаты во благо Дурьодхане, о покровительстве господина помня. Но, взяв другой лук, внук Пришаты, вражеских героев губитель, семьюдесятью [стрелами] с золотым опереньем, на камне отточенными, Дрону пронзил. Дрона, недругов изводящий, опять рассек его лук и тотчас четырех его коней четырьмя превосходными стрелами в страшную обитель сына Вивасвана послал, мужественный, и его колесничего стрелою бхалла Смерти послал. С колесницы, лишившейся коней, немедля соскочив, великий

воитель взошел, мощнорукий, на великую колесницу Абхиманью. Дрогнуло тогда войско колесниц, слонов и конников на глазах у Бхимасены и внука Пришаты. И те великие воители все вместе, видя, что разгромил ту рать неизмеримый пылом Дрона, уже не могли оборонить ее. А войско то, истребляемое острыми стрелами Дроны, туда и сюда металось, морю в бурю подобное. И при виде того войска ликовали твои полки; видя, как испепеляет вражеское воинство разгневанной наставник, воины со всех сторон возглашали: «Славно, славно!» — о Бхарата.

Глава 74

Санджая сказал:

Меж тем царь Дурьодхана, оправившись тогда от беспамяත්ства, опять стал 1—7
ливными стрел путь преграждать несокрушимоу Бхиме. И сыновья твои, великие воители, опять сплотившись, сошлись на поле боя и сражались с Бхимой, воодушевленные. Бхимасена же, опять обретя на поле боя свою колесницу, взошел на нее, мощнорукий, и направился к сыну твоему. И, взяв прескорый смертоубийственный, крепкий, блистающий лук, стал он поражать в бою стрелами твоих сынов. Тогда царь Дурьодхана тяжкой стрелой острейшей нанес удар великому Бхимасене в уязвимое место. Глубоко пронзенный сыном твоим из лука, с глазами, покрасневшими от гнева, великий лучник, стремительно вскинув лук, тремя стрелами поразил Дурьодхану в обе руки и в грудь; царь же, пораженный так, не шелохнулся, царю гор подобный.

Видя тех обоих гневных, разящих в бою друг друга, все герои, младшие 8—12
братья Дурьодханы, жизни не щадящие, помня прежний замысел укротить грозные деяния творящего, решившись душою, выступили его укрощения ради. Им, нападающим, выступил навстречу на поле боя великомощный Бхимасена, о великий царь, словно слон против враждебных слонов. Тяжкой стрелюю, гневный весьма, исполненный пыла, он поразил, многославный, Читрасену, сына твоего, о великий царь. Также и другим твоим сыновьям он нанес удары в битве, о Бхарата, многообразными быстролетными стрелами с золотым опереньем.

Тогда, расположив по-всякому свои рати на поле боя, тех двенадцать великих 13—17
воителей, предводимых Абхиманью, послал Царь справедливости следовать по стопам Бхимасены, и они напали, о великий царь на твоих великомощных сыновей. Всех тех героев на колесницах увидев, пылом равных солнцу и огню, великих лучников, блистающих, красотою осененных, в великой битве светозарных, в пылающих золотом доспехах, отступились на поле боя от Бхимы твои

великомощные сыновья. Но не снес того сын Кунти, что ушли они живыми, и, последовав за ними, опять стал уязвлять всех сыновей твоих.

18—29 Увидев, что соединился Абхиманью с Бхимасеной на поле боя и с внуком Пришаты, великие воители твоего войска во главе с Дурьодханой, вооруженные луками, быстро помчались на резвых конях туда, где были те воители. И за полдень продолжалась, о царь, великая битва твоих могучих воинов со вражескими, о Бхарата. Абхиманью, убив быстроногих коней Викарны, его самого осыпал двадцатью пятью малыми стрелами. Викарна же, великий воитель, покинув лишившуюся коней колесницу, взошел, о царь, на блистающую колесницу Читрасены. Обоих братьев, отпрысков рода Куру, на одной колеснице стоящих, сетью из стрел покрыл сын Арджуны, о Бхарата. А Дурджая и Викарна сына Кришны¹⁴⁸ пятью железными поразили, но не дрогнул сын Кришны, словно гора Меру. Духшасана же на поле брани сражался с пятерыми Кекаями, о достойный, и чуду подобно то было, о Индра царей. Сыны Драупади, гневные, окружили в бою Дурьодхану, и каждый из них тремя стрелами порастил твоего сына, о владыка народов. И сын твой неприступный сыновей Драупади в бою острыми стрелами ранил, о царь, каждого по отдельности. Ими же пронзенный, красовался он, кровью истекающий, словно гора со струящимися с нее потоками, рудую окрашенными. Также и Бхишма, о царь, в бою войско Пандавов гнал, могучий, словно пастух стадо.

30—36 Тогда раздался Гандивы звон, о владыка народов, на правом краю войска, где разил врагов Партха. Там поднялись со всех сторон на поле сражения безглавые трупы¹⁴⁹ меж ратей и куру, и пандавов, о Бхарата. И мужи-тигры на колесницах-кораблях плыли через море ратей, где водою была кровь, водоворотами — воители, островами — слоны, волнами — кони. И сотнями и тысячами с отрубленными руками, без доспехов, изуродованные, являлись там взору павшие лучшие мужи. Из-за тел сраженных ярых слонов, плавающих в потоках крови, о лучший из бхаратов, горами покрытой земля казалась. И небывалое мы зрели там, о Бхарата: ни из твоих, ни из тех ни единого не было человека, кто не жаждал бы сражаться. Так сражались герои, взыскующие великой славы, твои с пандавами, жаждущие победы в бою.

Глава 75

Санджая сказал:

1—16 Тогда, меж тем как стало багроветь солнце, царь Дурьодхана, неистовый в бою, ринулся на Бхиму, желая убить его. Видя, что приближается он, муж храбрый, во вражде непреклонный, Бхимасена, разгневанный, такое слово мол-

вил: «Вот час настал, которого ждал я многие годы! Сегодня я убью тебя, если не покинешь поле битвы. Сегодня страдания Кунти и прозябание в лесу и страдания Драупади я развею, когда убит ты будешь. За то, что, игру затеяв, унизил ты Пандавов, за этот грех, узри, о сын Гандхари, пришла расплата! За то, что, вняв некогда советам Карны и сына Субалы, бездумно вознамерился ты помыкать Пандавами, как вздумается тебе, за то, что в ослеплении своем презрел ты просьбы потомка Дашархи, что позабавился с посольством Улуки¹⁵⁰, сегодня я убью тебя с последователями и родичами вместе и воздам за те злодеяния, что совершил ты некогда». Так сказав, натянул он грозный лук [свой] и, вскидывая его неоднократно, грозные стрелы достав, видом великому оружию грома подобные, стремительно и быстро двадцать шесть выпустил в Суйодхану, похожие на полыхающие языки огня, равные оружию грома, бьющие без промаха. Тогда двумя он поразил его лук и двумя колесничего, а четырьмя отправил его быстрых коней в обитель Ямы. И с хорошо натянутой [тетивы] двумя стрелами сокрушитель врагов снес в бою зонт царя с его превосходной колесницы и тремя снес его сверкающее превосходное знамя, срезав же его на глазах у твоего сына, взревел громко. А то знамя прекрасное, различными драгоценностями украшенное, упало вдруг с колесницы на землю, словно молния из тучи. Сияющее, солнцу подобно, знамя востителя куру [со знаком] слона, в драгоценных камнях, красивое, срубленным узрели все цари. И его [самого] десятью стрелами, словно великого слона стрекалами, уязвил, как бы посмеиваясь, Бхима, великий воитель.

Но тогда царь синдху Джаядратха, лучший из воителей, занял место в тылу Дурьодханы, мужу доброму подобающее. А Крипа, лучший из колесничных воинов, неизмеримого силой Кауравью, о царь, неистового Дурьодхану поднял на [свою] колесницу. Тяжко раненный, в битве Бхимасеной сокрушенный, опустился тогда царь Дурьодхана на дно колесницы. Затем Джаядратха, желая убить Бхиму, окружил его многими тысячами колесниц, страны света Бхиме закрыв. 17—20

Тогда на сыновей твоих напали, о царь, Дхриштакету и мужественный Абхиманью, Кекаи и сыны Драупади. Читрасена, Сучитра, Читрашва, Читрадаршана, Чаручитра и Сучару, а также Нанда с Упанандакой — эти восьмеро, великие лучники, юные, славные, окружили со всех сторон, о царь, колесницу Абхиманью. Тотчас поразил тогда Абхиманью великодушный каждого пятью стрелами, крепко слаженными, ваджре и Смерти подобными, различными оружиями извергаемыми. Они же все, неистовые, сына Субхадры, лучшего из воителей, ливнями уязвляющих стрел осыпали, словно тучи — гору Меру. Но уязвленный в бою Абхиманью, в метании достигший совершенства, битвой опьяненный, в трепет привел твоих [сыновей], о великий царь, как в битве богов и асуров Держатель ваджры — великих асуров. Затем четырнадцать стрел 21—30

бхалла он, лучший из воителей, послал в Викарну, о Бхарата, ужасные, ядовитым змеям подобные, и сокрушил его знамя, возницу и коней, словно приплясывая в бою. И еще другие стрелы, закаленные, с незатупившимися остриями, на камне отточенные, послал великомощный сын Субхадры в Викарну. Достигнув Викарны, в перья цапли одетые, они пронизали тело его и в землю ушли, пылающие, словно змии. И те стрелы с позолоченными древками и остриями, обогрившиеся кровью Викарны, и на земле словно продолжали кровь проливать.

31—37 Видя Викарну пронзенным, другие, родные братья его, устремились в бой на воителей, сыном Субхадры возглавляемых. И когда стремглав приближались они к ним, на колесницах стоящим, как солнце блистающим, стали поражать они друг друга в бою, неистовые, битвой опьяненные. Дурмухха, семью быстролетными стрелами пронзив Шрутакармана, одною срезал знамя его и семью [поразил] колесничего. Приблизившись, коней его, золотыми попонами покрытых, быстрых как ветер, он сразил шестью стрелами и поверг колесничего. Шрутакарман, на колеснице, коней лишившейся, стоя, метнул, разгневаный, дротик, пылающему великому метеору подобный. Пробив толстые доспехи славного Дурмуххи, тот пронзил его, острый, сверкающий, и вошел в землю. Видя его там без колесницы, Сутасома великомощный на глазах у всех воинов поднял его на свою колесницу.

38—48 Герой Шрутакирти на сына твоего Джаятсену напал в бою, о царь, убить желая прославленного. Лук, который напрягал великий духом Шрутакирти, в бою рассек острейшим лезвием стрелы, о царь, сын твой Джаятсена, как бы усмехаясь, о Бхарата. Узрев родного брата со сломанным луком, устремился к нему отважный Шатаника, рычание, словно лев, все снова издавая. И в бою, с силой напрягая лук, тотчас пронзил Шатаника Джаятсену десятью стрелами. И другой, глубоко разящей, любой доспех пробивающей, тяжело поразил Джаятсену Шатаника в грудь. Меж тем Душкарна, близ которого брат находился, гневом охваченный, рассек в бою лук сына Накулы. Взяв другой превосходный лук, большое напряжение выдерживающий, острые стрелы достал Шатаника великомощный. «Стой, стой!» — воззвал он к Душкарне перед братом [того] и выпустил в него отточенные стрелы, пылающие, змиям подобные. Затем одною лук его, двумя возничего, о достойный, и его [самого] в бою семью он поразил немедля. И быстрых, как мысль, пятнистых коней его он всех немедля сразил, незапятнанный, двенадцатью отточенными стрелами. И еще другой стрелою бхалла, метко пущенной, повергающей, тяжело поразил он, гневный, Душкарну в грудь.

49—56 Увидев, что убит Душкарна, пятеро великих воителей, о царь, убийства жаждущие, окружили Шатанику со всех сторон. К славному Шатанике, тучами стрел окутанному, пятеро братьев Кекаев устремились [на помощь],

неистовые. Видя, что налетают они, ринулись твои сыновья, великие воители, им навстречу, о великий царь, как на великих слонов слоны. Дурмука и Дурджая, а также молодой Дурмаршана, Шатрунджая, Шатрусаха равно выступили все, прославленные, гневные, о великий царь, навстречу братьям Кекаям. На колесницах, крепостям подобных, конями, быстрыми, как мысль, запряженных, с украшенными разнообразных цветов знаменами, герои, вооруженные превосходными луками, в блистающих разноцветных доспехах и при [таких же] стягах, ворвались во вражеские ряды, как львы из леса в лес. Безумная и свирепая битва завязалась между ними, разящими один другого, друг против друга злодействующими, в которой смешались колесницы и слоны, о царь, которая царство Ямы расширяла. На закате солнца еще недолго продолжалась та ужасная битва, и тысячами устилали [поле сраженные] колесничные бойцы и всадники.

Тогда Бхимша, сын Шантану, гневный, стрелами, крепко слаженными, истреблял войско тех великих духом, и войска панчалов стрелами посылал он в обитель Ямы. Так разгромив рать Пандавов, великий лучник войскам отступить повелел и ушел в свой стан, о царь. И Царь справедливости, увидев Дхриштадьюмну с Волчебрюхим, к макушкам их приложился¹⁵¹ и, радостный, в стан ушел.

57—59

Глава 76

Санджая сказал:

И вот храбрецы, зло причинившие друг другу, разошлись, о великий царь, окровавленные, по своим станам. Отдохнув, сколько полагается, друг другу хвалу воздав, вновь предстали они взорам, снарядившиеся ради стремления к битве.

1—2

Тогда твой сын, чье тело было покрыто потоками крови, о царь, думами обуреваемый, спросил деда: «Войска многозначенные свирепы, устрашающие, правильно построены, [но] разбили их, сразили, подавили незамедлительно, всех в бою ошеломив, герои Пандавов, полчищами колесниц сопровождаемые, прославленные. Я же, прорвав тот строй Макары, твердостью ваджры обладающий, сокрушен был, [однако,] ужасными стрелами Бхимы, жезлу Смерти подобными. Страхом был я оглушен и до сих пор не обрету покоя. Добиться победы и пандавских истребить хочу я милостью твоею, о верный слову!» Когда сказал он так, видя, что пал духом Дурьодхана, отвечал ему, усмехаясь, великий духом сын Ганги, избраннейший из вооруженных, неунывающий, воодушевленный: «Все силы собрав, во [вражеское] войско я ворвусь, [ибо] всей душою, о царский сын, победу и счастье я тебе даровать желаю и тебя ради

3—12

не пощажу себя. Те великие воители, в битве поддерживающие Пандавов, свирепы, многочисленны, прославленные, храбрейшие, искусные в метании оружия, неутомимые, яд гнева они изрыгают. Так сразу не победить их здесь, воинствующих, вражду питающих к тебе. Но со всею самоотверженностью я буду сражаться с ними, о царь, не щадя жизни своей. В битве ради тебя, о благородный, я свою жизнь беречь не стану ныне. Ради тебя испепелю я все миры с богами и демонами вместе, не то что врагов твоих здесь! И Пандавов я сокрушу в бою, о царь, и все сделаю, что тебе угодно!»

13—19

И, услышав это, возрадовался душою Дурьодхана, ободренный чрезвычайно. Тогда молвил он, оживленный, всем войскам и царям всем: «Выступайте!» — и по его приказу выступили стремительно мириады колесниц, конников, пехотинцев и слонов. И ликующие блистали на поле сражения пребывающие те великие войска твои, о царь, всякими видами оружия снаряженные, из слонов, конников и пеших собранные. И красовались [там] повсюду отрядами во множестве расположившиеся слоны, хорошо снаряженные, и полчища войск твоих, о божественный среди мужей, возглавляли воины, искусные во владении оружием ближнего и дальнего боя. И пыль, поднятая на поле брани движущимися, правильно направляемыми колесницами и полками пехотинцев, слонов и конников, окрашенная в багрянец зари, застила солнечные лучи. Блистали всюду на поле боя многоцветные знамена на колесницах и слонах, колышавшиеся и развевающиеся по ветру, подобные молниям в тучах на небе. Трещание луков, напрягаемых царями, громовое, необычайно грозное, звучало тогда, подобно тому, что было при пахтании океана сонмами богов и великих асуров в изначальной юге¹⁵². Тогда взволновалось войско твоих сыновей, грозно взревевшее, множество образов и цветов являющее, вражеские войска сокрушающее, сонму туч на исходе юги¹⁵³ подобное.

Глава 77

Санджая сказал:

1—10

И вот сыну твоему, пребывающему в раздумье, сын Ганги, лучший из бхаратов, снова слово, радость вселяющее, молвил: «Я, и Дрона, и Шалья, и Сатвата Критаварман, Ашваттхаман и Викарна, Сомадатта и также Синдхиец, Винда с Анувиндой Авантийские, Бахлика с бахликами и могучий царь тригартов, Магадхец¹⁵⁴, непобедимый Брихадбала, царь Косалы, Вивиншати, и многие тысячи воителей, блистательных под великими стягами, и чистокровные кони, о царь, искусными наездниками оседланные, и могучие ярые слоны, истекающие мускусом из висков и пастей, и пешие воины-герои, различными оружия-

ми снаряженные, из различных стран родом, готовые за тебя сражаться, эти и многие другие, жизнь за тебя положить готовые, в битве самих богов мы победить способны — так я полагаю. И все же, о царь, я должен, как всегда, сказать ради твоего блага: даже боги с Предводителем Васу вместе не могут победить Пандавов, которым помогает Васудева, великому Индре равных доблестью. Но я, как бы то ни было, все по твоему слову буду исполнять, и в битве либо я одержу победу над Пандавами, либо Пандавы победят меня». Сказав так, он даровал ему чудесное зелье, исцеляющее раны, нанесенные стрелами, и тот исцелился тогда от ран.

Затем, на ясной заре, доблестный Бхишма сам построил свое войско строем Круга, в построении искушенный, — различными оружиями изобильный, о лучший из людей, полный превосходных воинов, еще слонов и пехотинцев, со всех сторон он прикрыт был многими тысячами колесниц с большими отрядами конников, вооруженных мечами и копьями; при каждом слоне — семь колесниц, при каждой колеснице — семь конников, за каждым конем — десять лучников, при лучнике — семь щитоносцев. Таким строем установили великие воители твое войско, о великий царь, на великую битву, Бхишмой охраняемое. Его же самого обороняли те герои, а он защищал их, в доспехи одетых царей, что предстали взору, великомощные. Дурьодхана же, вооруженный для боя, блистал на колеснице красотой, милостивый, как Шакра на третьем небе¹⁵⁵.

11—18

Тогда великий шум поднялся среди твоих сыновей, о Бхарата, грохот колесниц оглушительный и звуки музыки раздались. Бхишмой построенный великий строй сынов Дхритараштры — Круг, для ударов недругов неуязвимый, обратился на запад, на битву; со всех сторон он блистал, для врагов неприступный. Увидев же строй Круга, в высшей мере устрашающий, царь Юдхиштхира сам установил строй Ваджры. В войсках, построенных и расположившихся каждое на своем месте, колесничные бойцы и всадники львиный рык издавали. Тогда, жаждущие строй сокрушить друг у друга, выступили со своими войсками герои, бойцы, рвущиеся в битву. Сын Бхарадваджи выступил против Матсьи, а сын Дроны — против Шикхандина, сам царь Дурьодхана ринулся на внука Пришаты, Накула и Сахадева, о царь, наладыку мадров напали, Винда с Анувиндою Авантийские устремились на Иравана; и все цари на поле брани сражались с Завоевателем богатств; Бхимасена, бдительный в бою, оборонялся от сына Хридики; с Читрасеной, Викарной и еще с Дурмаршаной, сыновьями твоими, о властитель, сражались на поле сын Арджуны, о царь; на Прагджьотишу, великого лучника, набросился стремглав сын Хидимбы, лучший из ракшасов, словно ярый слон на ярого, а ракшас Аламбуса тогда в бою, о царь, устремился, гневный, на неистового в битве Сатьяки с его войском; Бхуришравас, бдительный в бою, сражались

19—31

с Дхриштгакету, а с царем Шрутаюсом — сын Дхармы Юдхиштхира, Чеки-тана же на поле сражения бросил вызов Крипе; меж тем остальные противостояли, бдительные, Бхиме, великому воителю.

32—44

Тогда тысячи царей с дротиками, копьями, стрелами, палицами, булавами в руках окружили Завоевателя богатств. Арджуна же, разгневанный весьма, так потомку Вришни молвил: «Виждь, о Мадхава, войска сынов Дхритараштры на поле битвы, кои построил в построении искушенный сын Ганги, великий духом. Виждь героев, на битву устремленных, о Мадхава, виждь царя тригартов с братьями вместе, о Кешава. Сегодня я повергну их у тебя на глазах, о Джанардана, тех, что стремятся, о лучший из [рода] Яду, сразиться со мною на поле брани!» С этими словами сын Кунти, натерев тетиву на луке, ливни стрел пролил на сонмы властителей. И его те превосходные лучники тоже ливнями стрел окропили, как тучи в пору дождей водяными потоками пруд переполняют. Громкие возгласы горести раздалась в твоём войске, о владыка народов, когда оба Кришны предстали взорам, застланные совершенно стрелами в великой битве. И боги, божественные мудрецы, гандхарвы и великие змии преисполнились величайшего удивления, когда увидели, в какое состояние впали оба Кришны. Тогда разгневанный Арджуна оружие, [дарованное] Индрой, подъял, о царь, и узрели мы там необыкновенную доблесть Победителя, который ливень стрел, врагами пущенных, потоками [своих] стрел отразил. И никого там не осталось непронзенного, о владыка народов, из тех тысяч царей, из коней и слонов, и других двумя либо тремя стрелами каждого поразил Партха, о достойный. Истребляемые Партхой, бежали они к Бхишме, сыну Шантану, стал Бхишма тогда спасителем низвергшихся в бездну. И как [волнуют] великий океан бурные ветры, о великий царь, [так] в смятение привели беглецы твоё войско.

Глава 78

Санджая сказал:

1—7

Меж тем как продолжалась битва, и отступил Сушарман, и разгромил героев сын Панду, великий духом, и войско твоё взволновалось бурно, океану подобно, а сын Ганги поспешно выступил против Победителя, Дурьодхана, узрев, о царь, отвагу Партхи в битве, поспешил ко всем тем царям и посреди всего войска молвил им и возглавлявшему их смелому Сушарману, великому, слово, ободряющее весьма: «Вот Бхишма, сын Шантану, стремящийся сразиться с Завоевателем богатств, лучший из куру, всей душою жизнь свою положить готовый; его, потомка Бхараты, со всем войском на вражескую рать наступающего, прародителя, все вы охраняйте бдительно в бою!» —

«Непременно!» Повинуясь [велению], те рати властителей, о великий царь, ото-
всюду направились к деду.

Тогда Бхишма, сын Шантану, стремительно двинулся на Арджуну из рода 8—13
Бхараты и сошелся на поле битвы с ним, великомошным, движущимся на-
встречу на великой колеснице, великими белыми конями запряженной, гремя-
щей, как грозовая туча, с грозной обезьяной на стяге, над нею блистающем.
И при виде приближающегося Завоевателя богатств Увенчанного нестрой-
ные возгласы ужаса раздались во всех войсках. Узрев же Кришну с вожжа-
ми в руках, словно другое солнце¹⁵⁶ в полдень, уже не могли они встретиться
с ним взглядом в битве. И на Бхишму, сына Шантану, с его белыми конями
и белым луком, не могли глянуть пандавы, как на взошедшую Белую плане-
ту¹⁵⁷. Он же окружен был со всех сторон тригартами, духом превеликими, так-
же братьями, твоими сынами, и другими великими воителями.

А между тем сын Бхарадваджи в бою пронзил стрелою Матсью и стяг 14—24
его [одной] стрелою и лук еще одной рассек на поле брани. Отбросив тот
сломанный лук, Вирата, предводитель ратей, быстро взял другой, крепкий и
большое напряжение выдерживающий, и стрелы, видом подобные ядовитым
пылающим змиям. Дрону он прострелил тремя и четырьмя его коней, знамя
одною пронзил и его колесничего пятью, лук разбил одной стрелой. Тот
разгневался тогда, бык среди дваждырожденных. Восемью стрелами, креп-
ко слаженными, убил Дрона его коней, о лучший из бхаратов, одною — воз-
ницу. С колесницы, где кони были убиты, прыгнул он, чей был убит колес-
ничий, и на колесницу Шанкхи немедля взошел, из колесничных бойцов из-
бранный. Затем оба, отец и сын, на той колеснице стоя, обильным ливнем
стрел изо всех сил от сына Бхарадваджи отбивались. Сын Бхарадваджи тогда
в бою, разгневанный, послал немедля в Шанкху стрелу, ядовитой змее подоб-
ную, о владыка людей. Пронзив его сердце, напившись в бою его крови, обга-
рившая тело его, вошла та стрела в землю. Стремглав упал он с колесницы,
убитый стрелою сына Бхарадваджи, рядом с отцом, лук и стрелы выронив из
рук. Видя сына своего убитым, в страхе бежал Вирата, на поле боя Дрону
оставив, Смерти с разверстой пастью подобного. Сын Бхарадваджи обрушился
тогда немедля на великую рать Пандавов, сотнями и тысячами [ее воинов]
сражая.

Шикхандин же, о великий царь, в бою напав на сына Дроны, поразил его 25—35
меж бровей тремя быстролетными стрелами. И с ними тремя, во лбу торча-
щими, тот муж-тигр выглядел как Меру с тремя вознесшимися золотыми
вершинами. Ашваттахаман тогда, гневный, за полмгновения, множество стрел
нацелив, поверг в битве колесничего Шикхандина, его знамя, о царь, коней и
оружие. Соскочив с колесницы, где кони были убиты, гневный Шикхандин,
лучший из колесничных бойцов, острый сверкающий меч схватив и щит,

устремился вперед, как орел, врагов каратель. И когда с мечом он двигался по полю битвы, о великий царь, не мог уловить мига [для удара] сын Дроны, и словно чудо то было. Тогда многие тысячи стрел, о бык среди бхаратов, послал на поле боя разъяренный чрезвычайно сын Дроны. Тот ливень стрел ужаснейший, в битве обрушившийся, острым мечом посек избранный из могучих. Тогда его прекрасный щит с сотнею лун, блистающий, пробил сын Дроны и вдребезги разнес его меч в бою и великим множеством острых стрел, о царь, его пронзил. Шикхандин же обломанный его стрелами меч, на пылающего змия похожий, немедля в него швырнул с размаха. Его, что Огню Времени подобен был, рассек в бою сын Дроны, проворство рук являя, и многими железными стрелами пронзил Шикхандина. Шикхандин же, о царь, острыми стрелами тяжело пораженный, быстро взошел на колесницу великого духом Мадхавы.

36—43 А Сатьяки тогда, гневный, пронзил в бою ужасными стрелами свирепого ракшаса Аламбусу, могучего — могучий. Затем вождь ракшасов рассек его лук [стрелой с лезвием] полумесяцем и его [самого] в бою стрелами пронзил, о Бхарата, и, бесовский морок¹⁵⁸ сотворив, ливнями стрел осыпал. Там узрели мы небывалую отвагу внука Шини, что не смутился [духом] в битве, острыми стрелами поражаемый. Оружием от Индры стал сражаться потомок Вришни, о Бхарата, которое получил славный Мадхава от Победителя. Оружие то, морок бесовский в пепел обратив, осыпало Аламбусу ужасными стрелами со всех сторон, словно гору потоками ливней в пору дождей грозовая туча. Уязвляемый так Мадхавой, великим духом, бежал ракшас в страхе, оставив Сатьяки на поле боя. И взревел внук Шини, победив того даже для Магхавана непобедимого вождя ракшасов на поле боя на глазах у твоих воинов. И многими острыми стрелами стал сражать твоих Сатьяки, истинно отважный, и бежали они, терзаемые страхом.

44—50 А в это же самое время Дхриштадьумна, могучий сын Друпеды, твоего сына, о великий царь, владыку людей, окутал в битве крепко слаженными стрелами. Но, стрелами Дхриштадьумны окутанный, о Бхарата, не оробел, о властитель царей, твой сын, владыка людей, и в бою он пронзил немедля Дхриштадьумну шестьюдесятью и еще тридцатью стрелами, и подобно чуду то было. Полководец, разгневанный, рассек его лук, о достойный, и тут же великий воитель убил четырех его⁹ коней и немедля семью хорошо отточенными стрелами его [самого] пронзил. С колесницы, где убиты были кони, соскочил тот мощнорукий и ринулся пеший, меч подъяв, на внука Пришаты. Могучий Шакуни, царю преданный, приблизился, великомошный, к царю всех людей и поднял его на свою колесницу. Тогда, одолев царя, внук Пришаты, вражеских героев губитель, войско твое стал истреблять, как [некогда] Держатель ваджры — асуров.

Критаварман в бою поразил стрелами Бхиму, великого воителя, затмив его, как великая туча — солнце. Бхимасена, врагов каратель, усмехаясь, стрелы затем послал, разгневанный, в Критавармана. Ими раненный, тот превосходный воитель рода Сатваты, знаток оружия, не дрогнул, о великий царь, и Бхиму острыми стрелами поразил. Бхимасена великомогущий, убив четырех его коней, поверг его колесничего и разукрашенное знамя. И многих видов стрелами осыпал его губитель вражеских героев, [так что,] во все члены тела пронзенный, выглядел он подобным дикобразу. С колесницы, где убиты были кони, перешел он немедленно на колесницу Вришаки, шурина твоего, о великий царь, на глазах у твоего сына. Бхимасена же, разъяренный, обрушился на твое войско и разил его, разъяренный, словно сам Бог смерти с жезлом в руке. 51—57

Глава 79

Дхритгараштра сказал:

О многих удивительных поединках колесниц между сторонниками Пандавов и моими услышал я вести от тебя, о Санджая. Но ни о ком из моих ты не рассказываешь, что он торжествует, о Санджая, только о сынах Панду торжествующих и несокрушимых ты рассказываешь. О моих же говоришь, что побеждены они, пали духом, обессилели в битве, о возница. Это судьба, нет в том сомнения! 1—3

Санджая сказал:

По мере сил своих и своей отваги действуют в битве твои, высочайшее мужество, сколько хватает сил, являя, о бык среди героев! Но, как сладостная вода Ганги, реки богов, в соленую обращается, свойством великого океана проникаясь, так мужество твоих [воинов], великих духом, о царь, тщетным становится при встрече с героями, сынами Панду, в сражении. Не должен ты, о лучший из куру, возлагать вину на кауравов, все силы прилагающих, верша трудноисполнимые деяния. Из-за прегрешения твоего и сына твоего, о владыка народов, постигло страну это великое и ужасное бедствие, владения Ямы расширяющее. Не следует тебе, о царь, из-за того горевать, что по твоей же вине произошло. Ведь не [всегда] сохраняют цари все свое достоинство и даже собственную жизнь. В бою властители земли, ворвавшись во [вражескую] рать, сражаются всегда, небо чая обрести. 4—10

И до полудня, о великий царь, продолжалось истребление людей. Всей душой ко мне обратившись, внимай о нем, [войне между] богами и асурами подобном. Оба Авантийца, великие лучники, великие духом, великомогущие, завидев Иравана, сошлись с ним, в бою неистовые. И началась битва между 11—23

ними, вздымающая волосы дыбом. Ираван, разъяренный чрезвычайно, обоих братьев богоравных пронзил немедля острыми стрелами, крепко слаженными, и они его в ответ пронзили, в различных приемах боя искушенные. И никакого различия не усмотреть было между сражающимися, о царь, каждый старался сразить врага, на удар стремился отвечать ударом. Ираван тогда, о царь, четырьмя стрелами четырех коней Анувинды в обитель Ямы отправил и двумя очень острыми стрелами бхалла, о достойный, лук и стяг в бою рассек, о царь, и подобно чуду то было. Покинув колесницу, Анувинда на колесницу Винды взошел, взяв новейший лук, весьма боеспособный; и оба героя-авантийца, из колесничных бойцов превосходные, на одной колеснице стоя, немедля стали пускать стрелы в Иравана, великого духом. И стрелы, обоими пущенные, быстролетные, золотом украшенные, пути солнца достигнув, затмили небо. Ираван же тогда, гневный, обоих братьев, великих воителей, ливнем стрел окропил, повергнув колесничного. И когда колесничий упал на землю бездыханный, взбесившиеся кони повлекли затем колесницу из стороны в сторону. Победив тех обоих, сын дочери царя нагов, о великий царь, мужество свое являя, войско твое тотчас рассеял. И великая рать сынов Дхритараштры, истребляемая в бою, заметалась, словно человек, отведавший яду.

24—41

А сын Хидимбы, вождь ракшасов, на блистающей, как солнце, колеснице со знаменем устремился на Бхагадатту. Царь Прагджьотиши восседал тогда на царственном слоне, как некогда Держатель ваджры, во время войны из-за Тараки¹⁵⁹. Собрались там боги с гандхарвами и провидцы, но не усмотрели они неравенства между сыном Хидимбы и Бхагадаттой. Как устрасал [некогда] демонов Шакра, властитель богов, так в бою, о царь, устрасил тот пандавов. И бежали от него пандавы во всех направлениях, не находя в своих ратях защитника, о Бхарата. Только сына Бхимасены на колеснице узрели мы там, о Бхарата; остальные же великие воители, духом павшие, обратились в бегство. И между тем как опять отступать стали войска Пандавов, о Бхарата, страшный крик поднялся среди твоих войск на поле боя. Тогда Гхатоткача, о царь, окутал стрелами Бхагадатту в великой битве, как туча — гору Меру [дождями]. Отразив те слетевшие с лука ракшаса стрелы, тот немедля нанес в бою удары сыну Бхимасены во все уязвимые места. Многими стрелами, крепко слаженными, уязвленный, не поколебался вождь ракшасов, как скала под крушащими ее ударами. Царь Прагджьотиши, гневный, четырнадцать дротиков послал в него в бою, но рассек их ракшас. И, острыми стрелами разрубив те дротики, мощнорукий семьдесятю перьями цапли оперенными пронзил Бхагадатту. Тогда Прагджьотиша, словно усмехаясь, о царь, четырех его коней стрелами поверг в бою, о Бхарата. На колеснице, где убиты были кони, стоя, блистательный вождь ракшасов метнул стремительно копье¹⁶⁰

в слона Прагджьотиши. То копье с позолоченным древком, с большою скоростью внезапно налетающее, царь натрое рассек, и его [обломки] разлетелись по земле. Видя свое оружие разбитым, в страхе бежал сын Хидимбы, как некогда от битвы с Индрой Намучи, первый среди демонов. Того героя в битве победив, отважного, мужеством прославленного, непобедимого в бою [даже] для Ямы и Варуны, о царь, стал громить пандавское войско на поле боя восседающий на слоне, как топчет, ломая, о царь, лотосы в пруду лесной слон.

А владыка мадров сошелся в бою с близнецами, сыновьями его сестры, и он окутал роями стрел любимцев Панду. Сахадева же, дядю по матери заведя на поле боя, приближающегося, множеством стрел его заволок, как туча дневное светило. И тот, роем стрел окутанный, возликовал явно, и безмерна была радость обоих из-за матери [Сахадевы]¹⁶¹. Затем, усмехаясь, великий воитель в бою четырех коней Накулы четырьмя превосходными стрелами, о царь, в обитель Ямы в бою послал. С колесницы, где убиты были кони, соскочив, великий воитель взошел тогда на боевую повозку славного брата. Объединившись в бою, оба героя, гневные, крепкие луки сгибая, мгновенно заволокли [стрелами] колесницу властителя мадров. Когда многими стрелами, крепко слаженными, осыпали его сыновья сестры, не дрогнул муж-тигр, как скала; но ливень стрел, словно усмехаясь, отразил. Сахадева тогда, гневный, подъял стрелу, мужественный, и, прицелившись, послал ее в царя мадров, о Бхарата. И посланная та стрела, быстролетная, как царь птиц, пронизав царя мадров, пала на поверхность земли. Тяжко пораженный, пронзенный глубоко, опустил великий воитель на дно колесницы и впал в оцепенение. Возница, видя, что, повергнутый в бою, он лишился сознания, увез его на колеснице с поля брани, близнецами уязвленного. Увидев, что прочь повернула колесница владыки мадров, все сыны Дхритараштры пали духом, мысля, что уже пришел ему конец. Победив дядю по матери в бою, оба сына Мадри, великие воители, ликуя, затрубили в раковины и львиный рык издали. И они ринулись, воодушевленные, на твои войска, о владыка народов, как на воинство демонов, о царь, Индра с младшим братом¹⁶², бессмертные.

42—55

Глава 80

Санджая сказал:

Тогда, когда солнце достигло зенита, царь Юдхиштхира, Шрутаяса заведя, погнав коней, и напал тогда царь на Шрутаяса, укротителя врагов, и поразил его девятью острыми стрелами, крепко слаженными. Те, посланные сыном Дхармы, в бою отразив, тот царь, великий лучник, семь стрел пустил в сына

1—19

Кунти. Пробив его доспехи, напились они в битве крови, словно высасывая силы жизни из тела великого духом. Но сын Панду, хотя поразил его тяжело великий духом царь, в битве пронзил царя в грудь стрелою с лезвием, что как ухо вепря. И другою стрелою бхалла сын Притхи, лучший из колесничных бойцов, сбросил тотчас на землю знамя с колесницы великого духом. Царь Шрутаюс же, видя свое знамя поверженным, семью острыми стрелами, о царь, пронзил сына Панду. Тогда воспылал гневом Юдхиштхира, сын Дхармы, словно Пожиратель жертвы¹⁶³, в конце юги испепеляющий существа. И, видя гнев сына Панду, смутились духом боги, гандхарвы и ракшасы, даже вселенная пришла в смятение; и подумалось всем существам, что испепелит нынче гневный царь [все] три мира. Когда взъярился сын Панду, провидцы и боги, о царь, великое моление вознесли тогда ради умиротворения миров. Он же, обуянный яростью, облизывая уголки рта, грозный образ принял, солнцу на исходе юги подобный. И все войска твои, о владыка народов, там впали в отчаянье, в живых остаться не надеясь, о Бхарата. А многославный, гнев обуздав самообладанием, рассек великий лук Шрутаюса в месте захвата. И его, чей лук был сломан, царь поразил в бою тяжелой стрелою в середине груди на глазах у всего войска. И он поспешил, великомощный, сразить в бою стрелами коней великого духом, о царь, и его возницу немедля. Колесницу, где убиты были кони, покинув, мужество царя видя, бежал тогда стремглав среди боя Шрутаюс. И когда сыном Дхармы побежден был в битве великий лучник, все войско Дурьодханы, о царь, вспять обратилось. Совершив же это, сын Дхармы Юдхиштхира стал истреблять твое войско, о царь, подобный Смерти с разверстою пастью.

20—32

Чекитана же, потомок Вришни, на виду у всех войск окутал стрелами Гаутаму, лучшего из колесничных бойцов. Но, отразив те стрелы в бою, Крипа, сын Шарадвана, Чекитану, упорного в битве, стрелами, о царь, пронзил. И еще стрелою бхалла он рассек его лук, о достойный, и поверг в бою колесничного, скорый на руку, и его коней убил, о царь, и обоих соратников по бокам. С колесницы быстро соскочив, схватил палицу Сатвата и тою палицей, героев губительницей, избранный из бойцов на палицах убил коней Гаутамы и поверг его колесничного. На земле стоя, Гаутама шестнадцать стрел в него метнул, и стрелы те, пробив Сатвату насквозь, вошли в землю. Тогда Чекитана, гневный, опять метнул ту палицу, убить Гаутаму жаждущий, как Сокрушитель крепостей — Вритру. Ту великую палицу изумрудную, блистающую, отразил в полете тысячами стрел Гаутама. Чекитана тогда, о Бхарата, выхватив меч из ножен, необыкновенное проворство являя, ринулся на Гаутаму. И Гаутама, бросив лук, схватил преострый меч и с быстротой великой ринулся на Чекитану. Оба силой наделенные, вооруженные превосходными клинками, друг другу остреешими клинками наносить удары стали. И

тогда оба мужа-быка, стремительными ударами клинков пораженные, пали на землю, всем существам приют дающую, изнуренные до бесчувствия, и тела их в забвении оцепенели. Быстро примчался тогда Каракарша, дружбой [побуждаемый], и, видя Чекитану в таком состоянии, в бою обезумевшим, поднял его на [свою] колесницу на глазах у всего войска. Так же и шурин твой Шакуни, герой, поднял быстро на колесницу, о владыка народов, Гаутаму, избранного из колесничных бойцов.

Гневный Дхриштaketу, великомощный, быстро девяносто стрел, о царь, сыну Сомадатты в грудь вонзил, и ярко воссиял сын Сомадатты с теми стрелами, из груди торчащими, словно солнце в полдень своими лучами. Но Дхриштaketу, великого воителя, лишил Бхуришравас в бою колесницы, убив коней и возницу своими превосходными стрелами, увидев же, что лишился он колесницы и убиты его кони и колесничий, окутал его в бою обильным ливнем стрел. Дхриштaketу же, великий духом, бросив колесницу, взошел тогда на боевую повозку Шатаники, о достойный. 33—37

Читрасена и Викарна, о царь, и еще Дурмаршана, колесничные воины в золотых доспехах, устремились на сына Субхадры. И страшная битва произошла тогда у них с Абхимастью, как у трех, о царь, у воздуха, желчи и флегмы — с телом¹⁶⁴. В великом сражении лишив твоих сыновей колесниц, не стал убивать их муж-тигр, о царь, вспомнив тогда о речах Бхишмы¹⁶⁵. 38—40

Тогда сын Кунти Белоконный увидел, что Бхишма, даже для богов трудноодолимый, стремительно мчится на помощь твоим сыновьям, и с ним движутся многие сотни царей на слонах, конях и колесницах, а юный Абхимастью, великий воитель, [остался] один, и он так сказал Васудеве: «Гони коней, о Хришикеша, туда, где это множество колесниц! Ведь много там героев, искусных во владении оружием, битвой опьяненных. Чтобы они наше войско не истребили, гони, о Мадхава!» Когда сказал так потомку Вришни мощью неизмеримый сын Кунти, тот повел в битву запряженную белыми конями колесницу, Великое стенание поднялось в войске твоём, о достойный, когда гневный Арджуна устремился на твоих. А когда приблизился сын Кунти к тем царям, защищающим Бхишму, он такое слово, о царь, молвил Сушарману: «Я знаю тебя, старинного непримиримого врага, лучшего в бою; теперь пришло время узреть тебе ужаснейшую расплату за это. Сегодня явлю я тебе усопших предков былых времен!» Те жестокие слова из уст Бибхатсу, врагов истребителя, выслушав, ничего не ответил ему Сушарман, предводитель колесничных ратей, ни доброго, ни недоброго, но, приблизившись в сопровождении многих царей к Арджуне, герою, осадил его и спереди, и сзади, и по бокам, и отовсюду и окутал его стрелами, как тучами дневное светило. И великое сражение, в котором кровь текла как вода, произошло тогда на поле боя между твоими и пандавами, о Бхарата. 41—51

Глава 81

Санджая сказал:

- 1—4 Стрелами поражаемый, Завоеватель богатств, словно попранный ногою змей, воздыхая, в бою стрелой вслед за стрелою, словно усмехаясь, рассек, могучий, луки великих воителей [один за другим]. Сломав мгновенно луки у тех царей в бою, разом пронзил их стрелами великий духом, об истреблении их помышляя. Пали они на поле боя, обливаясь кровью, сыном Шакры сокрушенные, о царь. С рассеченными телами, обезглавленные, бездыханные, с пробитыми на них доспехами, наземь павшие, силою Партхи покоренные, обликом различные, разом погибли они.
- 4—7 Видя, что убиты в сражении те царские сыновья, мгновенно ринулся вперед царь тригартов. Еще тридцать два из тех колесничных бойцов, что их тыл охраняли, устремились на Партху. С громовым бряцанием натягивая луки, они великими тучами стрел его затопили, как гору облака обильными воды потоками. Уязвляемый же тучами стрел в бою, Завоеватель богатств, придя в ярость, шестьюдесятью стрелами, смазанными кунжутным маслом, сразил в схватке тех, тыл защищавших. Те шестьдесят колесниц в сражении одолев, возрадовался душою славный Завоеватель богатств, и поспешил Дхишну, войска царей на поле брани сокрушая, к Бхишме, чтобы его убить.
- 8—12 Царь тригартов, тех великих воителей убитыми видя, вслед за царями, [своей] родней, направился поспешно на поле боя к Партхе, дабы убить его. Видя, что нападают на Завоевателя богатств, лучшего из носителей оружия, устремились к колеснице Арджуны с острыми мечами в руках о защите его надеющиеся во главе с Шикхандином. Партха же, узрев тех отважных мужей, что наступали на него вместе с царем тригартов, сокрушил их на поле боя острыми стрелами-ланями, с его лука Гандива пущенными; и, к Бхишме стремящийся, увидел он Дурьодхану и повелителя Синдху с другими царями. Приблизившись к ним, на защиту [Бхишмы] устремленный, недолго отбивался мощно герой, а затем, царя [Дурьодхану] и Джаядратху с прочими царями покинув, он, чье беспредельно мужество, великомощный, силою грозный, воодушевленный, к сыну Ганги направился в битве с луком и стрелами в руках. И Юдхиштхира, устрашающий мощью, великий духом, в ярость придя, вперед устремился поспешно, повелителя мадров избегнув на поле боя, доле своей преданного, и вместе с сынами Мадри и Бхимасеной он, чья беспредельна слава, двинулся в бой на Бхишму, сына Шантану.
- 13—16 С теми первыми из великих воителей сошедшись в бою, не поколебался сын Ганги, отпрыск Шантану, различные способы боя ведающий, великий духом, перед всеми сплотившимися сынами Панду. Между тем, наступая, царь Джаядратха, верный слову, мощью ужасающий, воодушевленный, рассек,

усмехаясь, луки тех великих воителей [стрелами] со своего превосходного оружия. В ярость придя, охваченный гневом, стрелами, блистающими огнем, поразил великий духом Дурьодхана в бою Юдхиштхиру, Бхимасену и близнецов, а также Партху. И меж тем как Крипа, Шалья и Шала, также Читрасена, о повелитель, в бою их стрелами поражали, возросла их ярость чрезвычайно, как у богов, сошедшихся с сонмами демонов.

Увидев, что сломано оружие у Шикхандина сыном Шантану, в ярость пришел царь Аджаташатру, великий духом, и такое слово Шикхандину на поле боя молвил, гневный: «Пред отцом своим ты мне сказал: “Тучами стрел, блистающих как солнце, истинно говорю тебе, я убью великим обетам преданного Бхишму!” Такое ты дал обещание, но его не исполнил, раз не убил ты Деваврату в битве. Так не будь же пустословом, о доблестный муж, охраняй добродетель, род и славу [свою]! Смотри, крушит все сонмы ратей моих в бой грозно устремляющийся Бхишма огромными тучами стрел, грозой необычайной пылающих, сам Смerti подобный, умерщвляющей мгновенно. Со сломанным луком, уже безучастный к битве, близких и братьев покинув, куда ты денешься, царственным сыном Шантану побежденный? Недостойно это тебя. Завидев Бхишму, чье мужество неизмеримо, и разбитое войско [наше], обратившееся в бегство, ты ведь утрастился, конечно, о сын Друпеды, потому и лицо у тебя побледнело. Но, зная, что участвует в великой битве Завоеватель богатств, как можешь ты, о муж-герой, прославленный в стране, страх выказывать нынче перед Бхишмой?» Выслушав ту речь Царя справедливости, словами жестокою, но исполненную несправедливого смысла, внял увещанию великий духом и [в бой] поспешил ради убиения Бхишмы, о царь.

Но, меж тем как устремлялся к Бхишме, с великой скоростью приближаясь, Шикхандин, остановил его Шалья страшным оружием, трудноодолимым. Видя оружие то, которое он метнул, о царь, мощью равное огню в конце юги, не смутился духом, однако, сын Друпеды, великому Индре мощью подобный. Он стоял там, великий лучник, стрелами то оружие отбивая, и ради его отражения взял другое Шикхандин — грозное оружие Варуны. И видели боги с поднебесья и земные владыки, как оружием этим он оружие [противника] раздробил на части.

Бхишма же, великий духом, в битве рассек, о царь, лук и многоцветное знамя сына Панду, царя Юдхиштхиры из рода Аджамидхи; и клич герой издал. Тогда, видя, что страхом объят Юдхиштхира, лук со стрелами отбросил и, палицу схватив, пеший, ринулся в бой на Джаядратху Бхимасена. С великой стремительностью нападающего с палицей [в руке] Бхимасену поразил Джаядратха со всех сторон пятьюдесятью острыми стрелами, ужасными, жезлу Ямы равными. Те стрелы презрев, стремительный, с душою, объятою гневом, Волчебрюхий в сражении убил всех араттских коней¹⁶⁶ царя Синдху

в схватке. Тогда, [это] видя, сын твой¹⁶⁷, мощью неизмеримый, оружие подъяв, ринулся на колеснице, поспешая, на Бхимасену, чтобы сразить его, царю богов подобный. А Бхимасена, взревев, ринулся стремглав ему навстречу, палицей угрожая. Ту подъятую палицу, жезлу Ямы равную, увидев, куру все вокруг покинули грозного сына твоего и отступили, избегая удара той палицы, в смятении ужаснейшего кровопролития, о Бхарата, помрачающего разум. Но при виде налетающей великой палицы не помрачился разумом Читрасена. Покинув колесницу на поле битвы, пеший, он схватил меч и блистающий щит и, спрыгнув, как лев со скалы наземь, бросился по полю на противника. А палица та, достигнув прекрасной колесницы, сокрушила ее в бою вместе с конями и возницей и упала наземь, как слетевший с небес на землю пылающий великий метеор. Узрев то великое произошедшее чудо, возрадовались твои весьма, о Бхарата, и вскричали все разом отовсюду, и с войсками вместе сына твоего почтили.

Глава 82

Санджая сказал:

1—12

До лишившегося колесницы Читрасены, не павшего духом, добравшись, на [свою] колесницу поднял его сын твой Викарна. А в той продолжающейся, громко грохочущей битве Бхишма, сын Шантану, быстро устремился на Юдхиштхиру. Тогда затрепетали сринджай со своими колесницами, слонами и конями и уже мнили Юдхиштхиру в пасть Смерти вступившим. Но властитель Юдхиштхира Кауравья вместе с близнецами двинулся на Бхишму, сына Шантану, мужа-тигра. Тогда, выпустив тысячи стрел в бою, сын Панду затмил ими Бхишму, как туча — дневное светило. И хорошо направленные им рой стрел сын Ганги отражал сотнями и тысячами, о Бхарата. А рой стрел, также пущенные Бхишмой, выглядели в воздухе как птичьи стаи. И за полмига Бхишмой, сыном Шантану, пущенные в бою один за другим рой стрел скрыли от взоров сына Кунти на поле битвы. Тогда тяжелую стрелу, ядовитой змее подобную, послал царь Юдхиштхира, гневный, в великого духом Кауравью. Но, пущенную с лука Юдхиштхиры, ее рассек тогда в бою Бхишма, о царь, прежде чем она его достигла, стрелой с острием бритвою. Разрубив же ту тяжелую стрелу, отмеряющую время¹⁶⁸, он убил коней главы рода Куру¹⁶⁹, золотом украшенных. И, покинув колесницу, где убиты были кони, Юдхиштхира, сын Дхармы, немедля взошел на колесницу Накулы, великого духом.

13—16

Тогда и обоих близнецов достигнув в битве, окутал их стрелами Бхишма, покоритель вражеских крепостей. Видя же, что уязвлены оба стрелами Бхишмы,

впал в глубокое раздумье в своем стремлении к убиению Бхишмы Юдхистхира, и обратился он тогда с призывом к подвластным ему царям, о великий царь, к тем сонмам друзей: «Все вместе вы убейте Бхишму, сына Шантану!» Тогда все властители, речи сына Притхи вняв, великим полчищем колесниц окружили деда.

Со всех сторон окруженный, отец твой Деваврата луком стал играть, о царь, великих воителей повергая. Его, потомка Куру, узрели сыны Притхи, по полю битвы продвигающегося в бою, подобно вторгшемуся в лес львенку среди ланей. При виде его, грозящего в сражении героям и в трепет приводящего своими стрелами, затрепетали они, о великий царь, как стада ланей при виде льва. И видели кшатрии, как продвигался он, лев среди бхаратов, на поле боя, подобно Огню с Ветром-соратником¹⁷⁰, испепеляющему сухостой. И Бхишма в битве сбивал головы [с плеч] колесничных воинов, как ловкий человек — спелые плоды с пальмы. И громкий шум раздавался, о великий царь, от падающих на землю голов, словно от камнепада. В той битве дрящейся, гремящей, ужаснейшей, великое смятение воцарилось во всех войсках. Ряды были прорваны, и кшатрии, взывая один к другому, устремлялись друг на друга в бой. 17—24

А Шикхандин, достигнув прародителя бхаратов, ринулся на него стремительно, восклицая: «Стой, стой!» Бхишма тогда, гневный, пренебрегая Шикхандином, двинулся на сринджаев, — о женской природе Шикхандина он помыслил. Сринджаи тогда, завидев Бхишму, великого воителя, воодушевленные, львиные клики всякого рода испустили, с ревом раковин слившиеся. Тогда продолжилась битва, в которой смешались колесницы и слоны, в то время как солнце перешло уже на другую половину неба. А Дхриштадьюмна Панчалийский и Сатъяки, великий воитель, войско ливнями дротиков и копий жестоко уязвляли, и многими [видами] оружия, о царь, они твоих сокрушали на поле боя. Но, в битве истребляемые, твои, о муж-бык, в бою благородное решение приняв, поля брани не покидали. И, сколь хватало воли, разили народ в сражении великие воители. 25—30

Громкий вопль поднялся там среди твоих, великих духом, меж тем как истреблял их в бою, о царь, внук Пришататы, великий духом. Крик твоих тот ужасный заслышав, оба великих воителя Винда и Анувинда Авантийские выступили против внука Пришататы. Убив коней его, ливнем стрел поспешили внука Пришататы окутать оба великих воителя. Быстро с колесницы соскочив, Панчалийский великомошный на колесницу Сатъяки, великого духом, быстро взошел. Тогда царь Юдхистхира, великим войском сопровождаемый, двинулся, гневный, на Авантийских, врагов карателей. Так и сын твой со всем тщанием, о достойный, оградил [войсками] Винду и Анувинду Авантийских, приблизившись к ним. И Арджуна тоже, разгневанный, бился в сражении с кшатриями, о бык среди кшатриев, как Держатель ваджры [некогда] с асу-

рами. А гневный Дрона, сыну твоему угрождающий, испепелять стал в бою всех панчалов, как огонь стог сена. Сыновья же твои, предводительствуемые Дурьодханой, о владыка народов, став на поле брани вокруг Бхишмы, сражались с пандавами.

40—44 Когда же стало багроветь солнце, о Бхарата, царь Дурьодхана молвил всем твоим: «Поспешайте!» И меж тем как сражавшиеся творить продолжали свое тяжкое дело, скрылось солнце от взоров, достигнув горы заката, и страшная река хлынула мгновенно в сумерках кровавыми волнами, стаями шакалов усеянная [по берегам]. И зловещим воем шакалов огласилось поле битвы, кишашее сонмами духов. И ракшасы, и пишачи, и другие плотоядные сотнями и тысячами явились взорам вокруг.

45—50 Арджуна, победив возглавляемых Сушарманом царей с их людьми, направился посреди полков к своему стану. Царь Юджиштхира Кауравья тоже тогда направился вместе с братьями к ночи в свой стан. Бхимасена тоже, о повелитель царей, в бою победив воителей, Дурьодханой возглавляемых, направился к своему стану. Властелин Дурьодхана тоже, в великой битве оградив Бхишму, сына Шантану, тотчас отправился к стану. Дрона, сын Дроны, Крипа, Шалья и Критаварман из рода Сатвагы, все воинство оградив, отправились к стану. Так и Сатьяки, о царь, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, оградив воинов на поле боя, направилсь к стану.

51—56 Так, о великий царь, твои, как и пандавы, с наступлением ночи возвратились [с поля боя], врагов каратели. Затем, в свой стан вернувшись, пандавы и куру расположились там, друг друга славя. О своей озаботившись обороной, герои выставили согласно правилам караулы, удалили [из тела] стрелы, совершили омовение в различных водах. И по приглашении благословений, восхваляемые певцами, под звуки песен и музыку предалсь развлечениям все славные [воины]. Словно на мгновение все это небесам подобно стало, и о битве никаких речей не вели великие воители. И когда оба войска там с людьми уставшими, со множеством слонов и коней, в сон погрузились, о повелитель, прекрасное зрелище, о царь, они являли.

Глава 83

Санджая сказал:

1—13 Проведя ту ночь во сне блаженном, вновь выступили на битву властители народов, куру и пандавы. Великий шум тогда поднялся в обоих войсках, вышедших на поле брани, подобный [шуму] великого океана. Тогда царь Дурьодхана, Читрасена, Вивиншати, и Бхишма, лучший из колесничных воинов, и дваждырожденный, сын Бхарадваджи, объединившись, бдящие неустанно, ве-

ликую рать Кауравов боевым строем сплотили, о царь, против Пандавов, для битвы снаряженные. Великий строй установив, грозному океану подобный, где слоны и кони были волнами, отец твой, о владыка народов, Бхишма, сын Шантану, выступил впереди всех войск, сопровождаемый малавами, южанами и авантьями. Следом за ним был блистательный сын Бхарадваджи с пулиндами, парадми и кшудраками-малавами, за Дроной же — блистательный Бхагадатта, упорный, с магадхами, калингами и пишачами, о владыка народов, вслед за царем Прагдждотиши — воликомощный властитель Косалы, мекалами, тригурцами и чичхилами сопровождаемый, за Брихадбалой потом — доблестный Тригарта, повелитель Прастхалы, с камбоджами многочисленными и тысячами яванов, а сын Дроны, герой неистовый, шел вслед за Тригартой, о Бхарата, львиным рыком оглашая землю; за сыном Дроны следом шел тогда царь Дурьодхана со всем войском, братьями окруженный, за Дурьодханой следовал Крипа, сын Шарадвана, — так наступал этот великий строй, океану подобный.

Блистали там стяги и белые царские зонты, о властелин, красивые браслеты и драгоценные луки. Великий тот строй твоих озирая, молвил тотчас Юдхистхира, великий воитель, внуку Пришаты, предводителю ратей: «Видишь, о великий лучник, этот строй установленный, океану подобный. Против него ты тоже строй установи, о внук Пришаты, не медли!» Тогда отважный внук Пришаты чрезвычайно грозный строй Рогатины¹⁷¹ расположил [на поле], о великий царь, для вражеских боевых порядков губительный. На рогах его стали Бхимасена и Сатьяки, великий воитель, со многими тысячами колесниц, с конницей и пехотой. В сердцевине был Белоконный, лучший из героев, с обезьяной на стяге, а середину занимали царь Юдхистхира и оба сына Мадри, Пандавы. И другие великие лучники с войсками тот строй составляли, повелители мужей, искушенные в науке боевых порядков, а сзади были Абхиманью и Вирата, великий воитель, сыновья Драупади, воодушевленные, и ракшас Гхатоткача. Так этот великий строй построив, о Бхарата, стали на бранном поле пандавы, герои, жаждущие битвы, к победе устремленные.

Громкий бой барабанов мешался, грозный, с ревом труб, гулом, бряцанием оружия, возгласами [воинов], повсюду окрестности оглашая. Тогда герои, сойдясь друг с другом на поле битвы, пристальные взоры, о царь, друг в друга, разъяренные, вперили. Вначале мысленно [наметив противника], о властитель людей, ринулись они один на другого, друг друга на бой вызывая. Тогда началась являющаяся страшное зрелище, ужасающая битва твоих с врагами, в которой они разили друг друга. Летели роями в бою железные острые стрелы, подобные ужас наводящим змиям с разверстыми пастьями, и дротики, смазанные сезамовым маслом, острее, падали, о царь, словно сверкающие молнии из туч, и видно было, как летали там палицы с прикрепленными блестящими

14—22

23—36

петлями, украшенные золотом, горным утесам подобные, прекрасные, и сверкали мечи, с сияющими небесами [блеском] сходные, и щиты из бычьей кожи с сотнями лун, о Бхарата, блистали, падающие, о царь, повсюду на поле битвы. Те оба войска, сражающиеся одно с другим, блистали на поле боя, о повелитель мужей, как сошедшиеся [некогда] войска демонов и богов. Отовсюду они устремлялись друг на друга в бой. Колесницы, направляемые колесничными бойцами в схватке [одна] на другую, сцеплялись упряжью между собою, когда сражались [на них] цари-быки. И повсюду здесь и там вспыхивал, дымясь, огонь от столкновения бивней сражающихся слонов, о лучший из бхаратов. И зрелось вокруг, как, пораженные ударами дротиков, валились некоторые из воинов, ведущих бой на слонах, словно камни с горных вершин, и пеших воинов видели, разящих друг друга, героев, ножами и копьями сражающихся, прекрасных обликом. И воины рода Куру и Пандавов, сошедшись в бою, всякого рода ужасным оружием отправляли друг друга в обитель Ямы.

37—39 Тогда Бхишма, сын Шантану, двинулся на пандавов, оглашая поле брани грохотом колесницы и звоном лука приводя в смятение [врагов]. И колесницы пандавов с устрашающим громыханием устремились [навстречу] во главе с Дхриштадьюмной, готовые к бою. Затем продолжилась битва твоих и тех, о Бхарата, в которой перемешались между собой люди, кони, колесницы и слоны.

Глава 84

Санджая сказал:

1—7 На гневного Бхишму, в битве опаляющего все вокруг, не смели взоры поднять пандавы, как на пылающее солнце. Тогда по велению сына Дхармы все войска устремились на сына Ганги, [все вокруг] сокрушающего острыми стрелами. Бхишма же, прославленный в битвах, повергал стрелами Сомаков вместе со сринджаями и панчалов, великих лучников. Те истребляемые Бхишмой панчалы с Сомаками вместе на Бхишму все равно наступали стремительно, страхом смерти пренебрегая. А доблестный Бхишма, сын Шантану, в битве рьяно колесничным воинам руки и ноги отсекал, о царь. Отец твой Деваврата лишал колесничных бойцов колесниц, с коней головы всадников слетали, и зрели мы, о великий царь, людьми покинутых слонов, что лежали, горам подобные, оглушенные оружием Бхишмы.

8—13 Не было там среди пандавов мужа, о владыка народов, [чтобы противостоять ему,] кроме Бхимасены великогомощного, лучшего из колесничных бойцов. Это он, достигнув Бхишмы, нанес ему в бою удары. Тогда, при схватке

Бхишмы с Бхимой ужасный вопль поднялся во всех войсках, потрясающий, страшный, а пандавы, ликуя, львиный рык издали. Царь Дурьодхана, братьями единоутробными окруженный, ограждал тогда Бхишму в той происходящей человекоубийственной битве. Бхима же, лучший из колесничных бойцов, убил колесничного Бхишмы, и кони понесли, [бросая] колесницу из стороны в сторону. А врагов губитель тут же отсек голову Сунабхе стрелой с острейшим лезвием-бритвой, и, убитый, тот упал на землю.

Когда убит был твой сын, великий воитель, не стерпели того в бою, о великий царь, семеро его братьев, герои, на поле брани. Адитьякету, Бахвашин, Кундадхара, Маходара, Апараджита, Пандитака и Вишалакша трудноодолимый на сына Панду ринулись в схватку в красивых доспехах, с разноцветными стягами и латами, жаждущие битвы сокрушители врагов. И Маходара в бою пронзил Бхиму девятью стрелами, оружием грома подобными, как Губитель Вритры — Намучи. Адитьякету семьюдесятью, Бахвашин же пятью, девятью десятками Кундадхара, Вишалакша же семью, Апараджита, о великий царь, победоносный, великий воитель, многими стрелами — поразили великого Бхимасену; Пандитака тремя стрелами пронзил его в битве. 14—19

Не стерпел Бхима ударов, нанесенных [ему] врагами в сражении. Сжав лук левой рукою, крепко слаженной стрелой сыну своему Апараджите снес в бою истребитель недругов голову с красивым носом, и упала голова побежденного¹⁷² Бхимой в битве на землю. А другой стрелой бхалла Кундадхару, великого воителя, он послал в мир смерти у всего мира на глазах. Затем он, неизмеримый духом, острую стрелу наложив, послал ее в бою в Пандиту, о Бхарата, и та стрела, убив Пандиту, вошла в землю, как проворная змея, убившая человека по велению Времени. Тремя стрелами снеся голову Вишалакше, он поверг ее наземь, неунывающий, бывшие страдания вспоминая. Великого лучника Маходару железной стрелой поразил он в бою меж сосков, о царь, и тот пал, убитый, наземь. В битве стрелой срезав стяг Адитьякету, стрелой бхалла, тяжело разящей, снес ему голову врагов губитель. Затем Бхима крепко слаженной стрелой Бахвашина, гневный, послал в обиталище Ямы. И обратились тогда в бегство твои сыновья, о владыка народов, мысля, что правду молвил он некогда в собрании. 20—29

Тогда царь Дурьодхана, несчастьем, постигшим братьев, подавленный, молвил твоим воинам: «Вот Бхима, в битве его убейте!» Меж тем сыновья твои, великие лучники, видя гибель братьев, вспомнили, о владыка народов, слово то, что рек великомудрый сын рабыни¹⁷³, благое, непагубное. Ныне исполняется то слово чудного провидца, то великое слово истины, что не понял ты некогда, о людей повелитель, из-за алчности и безрассудства и из любви к сыновьям. Ведь по тому, как разит Кауравов этот могучий сын Панду, долгорукый, очевидно, что он и рожден для убиения [твоих] сыновей. 30—34

35—43 Тогда царь Дурьодхана, о достойный, приблизившись к Бхишме, скорбью великой преисполненный, простонал, тяжко сокрушенный: «Убиты в схватке с Бхимасеной мои храбрые братья, и все другие воины наши гибнут, как ни бьются. Ты же все время с небрежением на нас взираешь, равнодушный. Видишь, на погибельный путь я вступил, такова уж судьба моя!» Эту речь суровую выслушав, отец твой Деваврата Дурьодхане такое слово молвил со слезами на глазах: «Сказано уже было это мною прежде, и Дроной, и Видурой, и славною Гандхари, — ты же, почтенный, не осознал сути. И обещание прежде я дал тебе, о врагов сокрушитель: ни я, ни наставник [твой] никоим образом не покинем поля битвы. Ведь на кого из сынов Дхритараштры ни глянет Бхима в сражении, того убьет, — истинно говорю тебе! Ты же, о царь, укрепись духом, исполнись решимости биться и сражайся с сынами Притхи, небо высшей целью своей полагая. Даже боги и асуры с Индрой вместе не в силах победить Пандавов. Поэтому, на битву решившись, сражайся бестрепетно, о Бхарата!»

Глава 85

Дхритараштра сказал:

1—8 Когда увидели, что убиты мои сыновья, многие — одним, о Санджая, что сделали в бою Бхишма, Дрона и Крипа? День за днем гибнут мои сыновья, о Санджая. Я думаю, всячески судьбою они сокрушены весьма, о возничий. Ибо терпят все сыны мои поражение, но не побеждают, ибо, когда рядом с ними Бхишма и Дрона, и великие духом Крипа, и еще сын Сомадатты доблестный и Бхагадатта, оба, а также Ашваттхаман, о сын мой, и другие величайшие герои, все же гибнут мои сыновья в битве, то что это иное, как не рок? Не внял некогда несчастный Дурьодхана тому, что говорили ему, хотя я его удерживал, как и Бхишма, и Видура, и Гандхари, всегда о благе его радеющая, — не уразумел он того когда-то, безумный, в ослеплении своем, — и вот пришла расплата, и день за днем Бхимасена в бою, разгневанный, отправляет безрассудных сыновей моих в обитель Ямы.

Санджая сказал:

9—13 Так исполняется слово то возвышенное, что рек сын рабыни и коему, благому, ты, властитель, не внял тогда: «Запрети игру в кости сыновьям и не чини зла Пандавам!» Не послушал ты речей тех, желающими блага друзьями к тебе обращенных, — [так] умирающий целебное лекарство [отвергает]! Вот и сказалось [теперь] для тебя то благое реченное слово. Отвергнув спасительные речи Видуры, Дроны и Бхишмы и других благожелателей, к гибе-

ли идут Кауравы. Давно уже это упущено было, о владыка народов! Поэтому слушай теперь, как по правде происходила битва.

К полудню превеликого ожесточения достигло сражение. Слушай, о нем, для мира губительном, я расскажу тебе. Тогда все войска по велению сына Дхармы устремились неистово на Бхишму одного, убить его жаждущие. Дхришгадьюмна, Шикхандин и Сатьяки, великий воитель, двинулись на Бхишму одного, о великий царь, войсками сопровождаемые. Арджуна, сыны Драупади и Чекитана двинулись в бой на всех царей, предводимых Дурьодханой. А доблестный Абхиманью и сын Хидимбы, великий воитель, и Бхимасена разъяренный устремились на [прочих] кауравов. Так, натрое разделившись, стали пандавы истреблять кауравов, а кауравы, о царь, стали также истреблять врагов в бою. 14—19

Дрона, лучший из колесничных бойцов, устремился на Сомаков со сринджаями, разъяренный, в обитель Ямы их послать намереваясь. Тогда громкий вопль поднялся среди великих духом сринджаев, о царь, меж тем как истреблял их в битве сын Бхарадваджи, луком вооруженный. Там многих можно было видеть кшатриев, избиваемых Дроной на поле брани, как корчились они, подобно людям, одолеваемым недугом. Слышались непрерывно голоса воющих, вопящих, стенающих, словно от голода обессилевших людей. 20—23

И так же Бхимасена великомощный страшную бойню учинил среди кауравов, гневный, второму Времени подобный. И меж тем как в великом сражении истребляли войска одно другое, страшная река заструилась там, крови потоки несущая. Страшное зрелище, о великий царь, являла та великая битва, увеличивающая царство Ямы. Тогда в бою гневный Бхима со рвением необыкновенным обрушился на слоновье войско и смерти предавать его стал. Железными стрелами Бхимы поражаемые, о Бхарата, слоны падали, никли и ревели и метались по сторонам. Огромные слоны с отсеченными хоботами и рассеченными ногами, о достойный, утраченные, кричали [жалобно], как каравайки, и валились на землю. 24—29

На конное войско напали Накула и Сахадева, и можно было видеть, как сотнями и тысячами сражали [они] коней с золотыми венцами, в золотом украшенных пополах. Земля покрылась телами коней, о царь, безъязыких, задыхающихся, стонущих, бездыханных; было [покрыто] поле, о лучший из людей, теми разнообразными обличем конями. 30—31

И телами коней, убитых в сражении Арджуной, [покрытое], о Бхарата, ужасный вид являло поле, о владыка народов. Усеянное разбитыми колесницами, срубленными стягами, блистающими ярко зонтами, жемчужными и золотыми ожерельями и браслетами, головами вместе с серьгами, тюрбанами, с них сорванными, знаменами всякими, колесничными осями, построумками и хлопчатými¹⁷⁴ поводьями, поле казалось, словно цветами [покрытым] весною. 32—34

35—36

Так истребление пандавов творили, о Бхарата, гневный Бхишма, сын Шантану, и Дрона, лучший из воителей, Ашваттхаман, Крипа, также и Кригаварман; и так же другие гневные [воины] — твоих истребление [творили].

Глава 86

Санджая сказал:

1—5

Меж тем как длилась та жестокая битва, губительная для избранных героев, Шакуни, сын Субалы блистательный, устремился на Пандавов, о царь. И сын Хридики из племени сатватов, о царь, на рать Пандавов ринулся в бой. Тогда среди всяких коней — лучших камбоджийских и речных, араттских, степных, из Синдху, из Ванаяу, белых, также и в горах живущих, — [отобрав] титтирийских¹⁷⁵, резвых, быстрых, как ветер, с ними, отборными конями, золотом украшенными, в доспехи одетыми, хорошо снаряженными, могучий Пандавы сын, ясноликий, обрушился на войско их, врагов каратель.

6—15

Сын Арджуны по имени Ираван, мужественный, он рожден был от мудрого Партхи дочерью царя нагов. Когда муж ее был убит супарной¹⁷⁶, несчастная, душою скорбящая, она, будучи бездетной, выдана была Айраватой [снова замуж]. Она влюбилась в Партху, и он взял ее в жены — так вошел на чужом поле этот сын Арджуны. Он вырос в мире змиев, опекаемый матерью, злой же его дядя по отцу¹⁷⁷ от него отрекся из-за ненависти к Партхе. Красавец, мужества исполненный, наделенный [всяческими] достоинствами, истинно отважный, когда он услышал, что Арджуна ушел в мир Индры, он отправился туда немедля. Придя к отцу, великому духом, истинно отважному, он приветствовал его, безмятежный, смиренно сложив руки в ладони: «Я — Ираван, благо тебе, я — сын твой, о превосходный!» Он рассказал ему все о его встрече с матерью, и сын Панду вспомнил все о том, как это произошло. Обняв сына, подобного ему достоинствами, возрадовался Партха в обители царя богов. Тогда Арджуна в мире богов с радостью, о царь, повелел ради своего дела, о Бхарата: «Когда придет время битвы, ты должен оказать нам помощь, о могучий!» — «Конечно!» — отвечал тот, и, когда пришло время битвы, он явился со многими конями желанной масти и резвости, о царь.

16—21

Те кони различных мастей, золотом увенчанные, быстрые, как мысль, летели стремительно, о царь, словно гуси над океаном. Встретившись с полчищами быстролетными твоих коней, они сшибались с ними грудь с грудью, мордами друг друга ударяя, и падали стремительно, собственной быстротой увлеченные, на землю. И от падения тех и других полчищ коней ужасное раздавалось громыканье, как от налетающего Супарны. А всадники, сшиба-

ясь друг с другом на поле битвы, о великий царь, ужасную взаимную бойню учинили. И меж тем как в сумятице необычайной длилось это побоище, гибли кони во множестве и с той и с другой стороны. И без коней, убитых, стрелы истощив, герои, силы надорвавшие, друг друга рубя, обретали гибель [в бою].

Затем, когда поредели конные полки, когда уцелели немногие, о Бхарата, вылетев, бурею ринулись в гущу боя доблестные отпрыски Субалы¹⁷⁸ на превосходных, в самой поре, добрых конях, равных ветру быстротою. Из [рядов] великого войска вырвались те шестеро, мощью наделенные: Гаджа, Гавакша, Вришака, Чармаван, Арджаван и Шука — вооруженные, опытные бойцы, видом свирепые, великомощные, с ними в подкрепление Шакуни и собственные их воины, великомощные. Пробившись в глубь того весьма трудноодолимого войска, о мощнорукий, в сопровождении великой рати, взыскующие победы ради обретения неба, наступали тогда те гандхары, воодушевленные, опьяненные битвой.

22—26

Узрев, что прорвались они, молвил мужественный Ираван на поле брани воинам, разнообразными украшениями и оружием [приметным]: «Ведите [бой] так, чтобы уничтожены были в сражении все воины сына Дхритараштры вместе с им сопутствующими и конями!» — «Ладно!» — отвечали все воины Иравана и ударили на вражескую рать, трудноодолимую в битве для врагов. Видя, что рать их опрокинута [другой] ратью в битве, не снесли того отпрыски Субалы и все, ринувшись в сражении на Иравана, окружили его со всех сторон. Острыми дротиками поражая, подстрекая друг друга, рассыпались вокруг [него] те герои, великое смятение создав. Ираван же, пронзенный крепкими дротиками тех великих духом, умастился кровью, струящейся из ран, словно стрекалами уязвленный слон. Пораженный сильно в грудь, в спину и в бока, один против многих, он нисколько, о царь, не поколебался в стойкости своей. Но их всех, острыми стрелами пронзив, лишил чувств на поле боя разгневанный Ираван, вражеских городов завоеватель. Он извлек все дротики из своего тела, врагов укротитель, и ими же нанес удары отпрыскам Субалы в битве. Выхватив острый меч, со щитом от стрел он быстро приблизился, пеший, к потомкам Субалы, жаждущий сразить их в бою. Тогда все отпрыски Субалы, придя в сознание, вновь ринулись на Иравана, яростью охваченные. Ираван же, являя проворство свое, устремился с мечом на потомков Субалы на всех, своею силой гордый. И все те отпрыски Субалы, движущиеся на быстроходных [конях], не могли улучить мига, чтобы его, проворно движущегося, достать. Видя его тогда сражающимся на земле, снова окружили они его и приступили рьяно к нему, чтобы взять его в плен. Но когда они приблизились вплотную, он, недругов гроза, мечом разя сверху и снизу, изрубил их в куски вместе с их оружием и многими украшениями, и они с рассеченными телами пали бездыханные на землю. Только Вришака, о

27—43

великий царь, многими ранами весь покрытый, спасся из той небывало свирепой резни героев.

44—53

Видя павшими их всех, уstraшенный Дурьодхана обратился тогда во гневе к ракшасу, ужасному обликом сыну Ришьяшринги, великому лучнику, колдуну, врагов укротителю, издавна враждовавшему с Бхимасеной из-за убийства Баки.¹⁷⁹ «Видишь, о герой, какой страшный ущерб чинит [нам] этот могучий сын Пхальгуны, колдун, что войско мое истребляет. Ты, отец мой, тоже всюду проникнуть волен и колдовским оружием владеешь, и с Партхою ты во вражде — потому убей его в сражении!» — «Ладно!» — ответил ракшас, ужасный обликом, и со львиным рыком двинулся на юного сына Арджуны, своими полками сопровождаемый, с искусными бойцами-наездниками, героями, блистающими дротиками разящими, жаждущий убить в схватке великогомощного Иравана. А отважный Ираван, разъяренный, поспешил противостать жаждущему убийства ракшасу, недругов губитель. Видя, что нападает он, поспешил прибегнуть к чарам великогомощнейший ракшас. И сотворил он еще сколько же призрачных коней, оседланных наездниками — страшными ракшасами с копьями и трезубцами в руках. Вскоре же те две тысячи неистовых бойцов, сошедшиеся, в мир усопших отправились, те и другие¹⁸⁰.

54—70

И когда уничтожено было войско, те двое, опьяненные битвой, вступили в единоборство, как Вритра с Предводителем Васу. Видя, что бросился на него ракшас, опьяненный битвой, ринулся ему навстречу великогомощный Ираван, неистовый во гневе. И когда приблизился к нему в бою тот зломысленный, он рассек мечом его лук блистающий и колчан пятеричный¹⁸¹. Видя, что сломан его лук, немедля взлетел в небо тот, чарами одурманив разгневанного Иравана. Тогда Ираван, тоже в поднебесье взмыв, чарами ракшаса заморочил, и, ведающий уязвимые места, изрубил его тело оборотень недосыгаемый. Но, весь иссеченный стрелами, воскрес лучший из ракшасов и молодость вернул себе. Ведь свойственно им от рождения колдовство, и возраст и облик у них от желания зависят. Так тело ракшаса, в куски изрубленное, срослось. Но Ираван, разъяренный, вновь и вновь рубил великогомощного ракшаса острым лезвием секиры. Возопил ужасным голосом тот ракшас доблестный, которого, как дерево, рубил могучий, и оглушительным был поднявшийся шум. Потоки крови пролило изрубленное секирой чудовище. И разъярился тогда могучий, и ринулся в бой. Мощного врага узрев на поле брани, страшный образ исполинский принял сын Ришьяшринги и в самой гуще боя пытался пленить его там у всех на глазах. Такое колдовство великого духом ракшаса узрев, разъярился, однако, Ираван и тоже принялся творить колдовство. Между тем родич его с материнской стороны¹⁸² приблизился к нему, не отступающему в боях, яростью объятому. Часто в бою окружали его со всех сторон наги, о царь, и сам он принял исполинский образ змия, Ананте

уподобившийся, и затем змеями разнообразными окружил ракшаса. Когда окружили его наги, тот бык среди ракшасов, поразмыслив, принял образ су-парны и пожрал змеев. И когда пожраны были те родичи с материнской стороны, ракшас, чарами одурманив Иравана, убил его мечом. Голову Иравана с серьгами и венцом, прекрасную, как лотос или месяц, сбросил демон на землю.

И когда ракшас убил того героя, сына Арджуны, уныние покинуло сынов Дхритараштры и союзных им царей. В сражении же том великом, столь устрашающем, великая беда ужасная постигла оба войска. Коней, слонов, пехотинцев, перемешавшихся, бивнями убивали великаны, колесничных воинов и слонов приканчивали пехотинцы, и пеших воинов во множестве и колесничных и многих конников колесничные бойцы убивали, о царь, твои и те, в смятении боя. Арджуна же, не зная еще о гибели родного сына, разил на поле брани доблестных царей, ограждавших Бхишму. Так твои [воины], о царь, и сринджаи великомощные, свершая возлияние жизней своих на [огонь] битвы, убивали друг друга. [Некоторые] с распущенными волосами, без доспехов, лишившиеся колесниц, со сломанными луками, сойдясь, дрались друг с другом [голыми] руками. И [стрелами], пронзающими уязвимые места, разил великих воителей Бхишма великомощный, в трепет приводя войско Пандавов на поле брани. Многих людей в войске Юдхистхиры он убил, и слонов, и всадников, и колесничных бойцов также, и коней. И, видя подвиги Бхишмы там, на поле боя, о Бхарата, мы словно зрели сверхнеобычайные подвиги Шакры. И жестоким таким же был тогда бой, который вели Бхимасена и внук Пришаты, о Бхарата, и лучник из племени сатватов¹⁸³. Видя же натиск Дроны, страхом объята была Пандавы. «Он и один способен уничтожить нас в бою с [нашими] воинами вместе, что сказать, когда сонмы земных героев его окружают!» — так говорили, о великий царь, уязвляемые Дроной в сражении. И меж тем как длилась та свирепая битва, о бык среди бхаратов, не щадили друг друга герои того и другого воинства. Словно одержимые злыми духами, сражались великомощные твои [воины] и пандавские, отец мой, стрелки из лука, разъяренные. И никого мы не видели из сражающихся, кто бы щадил жизнь [свою] в битве, демонов достойной, о владыка людей.

71—86

Глава 87

Дхритараштра сказал:

Когда увидели Партхи, что убит Ираван, что они сделали в битве, расскажи мне, о Санджая.

1

Санджая сказал:

- 2—7 Узрев, что сражен в битве Ираван, оглушительный вопль испустил ракшас Гхатоткача, сын Бхимасены. От крика его, возопившего, заколебалась тогда очень сильно земля, океаном одетая, с ее горами и лесами, о царь, и поднебесье тоже, и страны света все, и промежуточные направления. Заслышав тот вопль, воины твои, о Бхарата, оцепенели на месте, содрогнулись и покрылись потом. И пали духом все твои, о вождь царей, и сжались по-змеиному [в клубок], слонам подобные, львом уstraшенным. А ракшас с ревом оглушительным, как удары грома, подъяв пылающее копьё, уstraшающий облик принявший, приблизился в сопровождении разнообразно вооруженных ракшасов-быков, все-сокрушающему Времени во образе Ямы подобный.
- 8—21 Видя, что наступает он, разъяренный, грозный обличьем, а собственное войско в страхе перед ним обратилось большей частью в бегство, царь Дурьодхана устремился тогда на Гхатоткачу, схватив огромный лук и рык, подобно льву, испуская. За ним последовал сам властитель вангов с десятью тысячами ярых слонов гороподобных. Видя, что наступает сын твой, о великий царь, в сопровождении слоновьего войска, разгневался тот бродящий в ночи¹⁸⁴. И началась тогда яростная битва, вздымающая волосы дыбом, между ракшасами, о вождь царей, и ратью Дурьодханы. Завидев слоновье войско, вздымающееся, как громада туч, устремились на него разъяренные ракшасы с оружием в руках, разнообразные вопли испуская, сами тучам, молниями чреватый, подобные, стрелами, дротиками, копьями, железными остриями разя воинов на слонах. И дротами, трезубцами, молотами, секирами, обломками скал и древесными стволами разили они огромных слонов. И узрели мы, о великий царь, слонов с разбитыми головами, истекающих кровью, с разбитыми ногами, которых сражали бродящие в ночи. Когда поредело и разгромлено было воинство сражающихся на слонах, Дурьодхана, о великий царь, ринулся на ракшасов. Ярость овладела им, и, жизни своей не щадя, обрушил великомошный на ракшасов острые стрелы. И сразил там вождей ракшасов сын твой Дурьодхана, о лучший из бхаратов, разъяренный великий лучник, — Вегавана, Махараудру, Видьюдджихву и Праматхина, четверых четырьмя стрелами убил великий воитель. И затем еще раз он, неизмеримый духом, неотразимый ливень стрел обрушил, о лучший из бхаратов, на войско ночных бесов.
- 22—30 Видя тот великий подвиг сына твоего, о достойный, воспыал гневом великомошный сын Бхимасены. Огромный лук напрягая, громом с оружием Индры сравнимый, стремительно бросился он на Дурьодхану, врагов укротителя. Узрев его, нападающего, Временем посланному богу смерти¹⁸⁵ подобного, не дрогнул, о великий царь, сын твой Дурьодхана. Разгневанный, с побагровевшими очами, молвил ему тот, свирепый: «Из-за тебя, пржежестокого, на дол-

гое время изгнаны были Пандавы, обманом побежденные в игре в кости, ты, коварный, Кришну Драупади принудил в одном платье — во время месячных — явиться в собрание и оскорбил всячески, а когда пребывала она в [лесной] обители, угрожающий тебе повелитель Синдху, злая душа, обидел ее, отцам моим оскорбление нанеся¹⁸⁶, — за эти и другие злодеяния, о ты, униживший род свой, я прикончу тебя, если поле битвы не покинешь!» Сказав так, сын Хидимбы, напрягая свой огромный лук, губы закусив, уголки рта облизывая, обильным градом стрел осыпал Дурьодхану, как туча гору водяными потоками в пору дождей.

Глава 88

Санджая сказал:

Но тот град стрел, даже для данавов трудновыносимый, выдержал в битве владыка царей, как большой слон — [мелкий] дождик. А затем, охваченный яростью, шумно дышащий, словно змий, великой опасности подвергся твой сын, о бык среди бхаратов! Двадцать пять острых, крепких железных стрел выпустил он, и пали они стремительно, о царь, на того ракшаса-быка, словно яростные ядовитые змеи на гору Гандхамадану. Ими пронзенный, истекающий кровью, как слон [мускусом] во время течки, решил тот людоед уничтожить царя и схватил великое копье, способное сокрушать горы. Сверкающее, словно огромный метеор, поднял его, как Магхаван — оружие грома, тот мощнорукий, сына твоего убить жаждущий. Увидев, что он его поднял, повелитель вангов поспешно погнался [своего] слона гороподобного на ракшаса. На своем могучем превосходном слоне быстроходном он достиг на поле боя стези колесницы Дурьодханы и своим слоном заслонил колесницу твоего сына. Увидев, что мудрый царь вангов преградил ему путь, Гхатоткача, чьи очи побагровели от гнева, о великий царь, то занесенное [для удара] великое копье метнул в его слона. И пущенным его рукою [копьем] пораженный, о царь, тот упал, истекая кровью, и умер в муках. Меж тем могучий владыка вангов, проворно отпрянув, с того падающего слона соскочил на землю. Дурьодхана же, падение отличного слона узрев и видя, что разбито войско его, преисполнился великой горести. Но, долг кшатрия чья превыше всего и гордость свою, о царь, он, когда началось отступление, остался недвижим, как гора. И наложив [на тетиву] стрелу, пылом равную Огню Времени, он, разгневанный необычайно, пустил ее в того ужасного ночного беса. Видя, что налетает та стрела, блистающая, как оружие грома Индры, увернулся от нее благодаря проворству своему великий телом Гхатоткача. И снова он, чьи очи покраснели от гнева, взревел грозно, во все существа вселяя трепет, как туча в час кончины мира.

16—22 Заслышав тот ужасный рев грозного ракшаса, Бхишма, сын Шантану, молвил, приблизившись к наставнику: «Этот рев ужасный, что слышится, исходит от ракшаса. Несомненно, то сын Хидимбы сражается с царем Дурьодханой. Ни одно существо не может победить его в битве. Ступайте туда, благо вам, и защитите великого судьбою царя, на которого напал злой душою ракшас, в том высший долг нас всех, о врагов каратели!» Вняв речам деда, поспешили великие воители с наивозможной быстротой туда, где был властитель куру, — Дрона и Сомадатта, и Бахлика, Джаядратха, Крипа, Бхуришравас, Шалья, Читрасена, Вивиншати, Ашваттхаман и Викарна и Авантиец¹⁸⁷, Брихадбала и многие тысячи колесничных воинов, последовавшие за ними стремглав, желающие спасти твоего сына Дурьодхану.

23—38 Но при виде надвигающегося убийцы не дрогнул лучший из ракшасов, мощнорукий, горе Майнака подобный, с огромным луком в руке, в окружении родичей, вооруженных копьями, булавами и всякого иного рода оружием. Тогда произошла яростная битва, вздымающая волосы дыбом, между главным из ракшасов и войском Дурьодханы. Громкий треск гудящих луков слышен был со всех сторон, о великий царь, словно от горящего бамбука, и грохот раздавался от ударов оружия, обрушивающихся на доспехи, облегающие тела, о царь, словно от раскальвающих скал. И копья, метаемые руками героев, подобны были стремящимся по воздуху змеям. Тогда чрезвычайно разгневанный вождь ракшасов, мощнорукий, натягивая громаднейший лук, издал устрашающий вопль. [Стрелой с лезвием] полумесяцем он, гневный, рассек лук наставника и, свалив стрелою бхалла стяг Сомадатты, взревел [опять]. Он пронзил Бахлику тремя стрелами в середину груди и Крипу пронзил одною, Читрасену — тремя стрелами. Хорошо наложенной и пущенной с лука, согнутого до отказа, [стрелою], приблизившись, поразил он в плечо Викарну, и тот опустился на дно колесницы, обливаясь кровью. Затем он, неизмеримый духом, еще десять и пять железных стрел послал, разгневанный, в Бхуришраваса, и они, его латы пробив, тотчас вошли в землю. Он поразил возничих Вивиншати и сына Дроны, и оба они пали на дно [своих] колесниц, выпустив конские поводья [из рук]. [Стрелою] полумесяцем срезал он [стяг] царя Синдху [с образом] вепря, золотом украшенным, и второю, о великий царь, рассек его лук. И четырьмя железными стрелами он, с глазами, налитыми кровью, убил четырех коней Авантийца, великого духом. С согнутого до отказа лука стрелою закаленной и отточенной он пронзил, о великий царь, царского сына Брихадбалу, — глубоко пронзенный, тот сел, страдая, на дно колесницы. И, стоя на колеснице, гневом сильным объятый, метал повелитель ракшасов острые крепкие стрелы, и они пронзили, о великий царь, Шалью, испытанного в боях.

Глава 89

Санджая сказал:

Всех тех твоих заставив отступить в бою, о лучший из бхаратов, ракшас, жаждущий убийства, ринулся на Дурьодхану. Видя, что нападает он, стремительный, на царя, бросились на него твои [воины], убить его жаждущие, битвой опьяненные. Натягивая луки в талу длиною, великомощные напали на него одного, рык издавая, словно стая львов. Со всех сторон они окутали его ливнем стрел, как тучи осенью водяными потоками гору. Глубоко пронзенный, страдая, словно слон, пораненный стрекалом, прынул он тогда в воздух, во все стороны [обращаясь], сыну Винаты подобно. И громовый рев он издал, словно осеннее облако, устрашающим отзвуком поднебесье и пространство во всех направлениях оглашая. 1—6

Заслышав же голос ракшаса, царь Юдхиштхира, лучший из бхаратов, такое слово Бхимасене сказал: «Поистине то сражается ракшас с сынами Джритараштры, великими воителями, раз слышится голос его, устрашающий рев издающего, — вижу, о брат мой, что непосильное бремя он взял на себя. Меж тем дед, разъяренный, вознамерился уничтожить панчалов, и Пхальгуна, чтобы их защитить, бьется с врагами. Обе эти задачи решить надобно, и ты, о мощнорукий, [теперь] о них услышав, ступай, защити сына Хидимбы, великой опасности подвергающегося!» 7—10

Речи брата повинувшись, поспешно двинулся вперед Волчебрюхий, львиным рыком трепет вселяя во всех царей, с великой быстротою, о царь, словно океан в день перемены луны. За ним последовали Сатьядхрити, сын Сучитты, битвой опьяненный, Шрениман и Васудана и Абхибху, сын Кашийца¹⁸⁸, и сыны Драупади, великие воители, возглавляемые Абхиманью, и Кшатрадева отважный, также Кшатрадхарман, и Нила, повелитель прибрежных стран со своим войском; и великой ратью колесниц они окружили сына Хидимбы. С шестью тысячами постоянно яростных боевых слонов они пришли на помощь вождю ракшасов Гхатоткаче, львиным рыком, громким грохотом колесниц, топотом копыт сотрясая землю. 11—16

Заслышав шум, [возвещающий] их приближение, воины твои поблуднели, охваченные страхом перед Бхимасеной, и повернули вспять, о великий царь, оставив Гхатоткачу. Тогда здесь и там завязалась битва между великими духом, твоими и чужими, теми, что в боях не отступают. Метая оружие всякого рода, великие воители устремлялись друг на друга и наносили удары, перемешавшись в жесточайшем сражении, ужас вселяющем в робких. Кони сшибались со слонами, пехотинцы — с колесничными воинами, один с другим, на бранном поле, о царь, взыскиющие великой славы. И внезапно поднялась от схватки густая пыль, ногами и колесами взметенная, от колесниц, 17—41

коней, слонов и пеших воинов. Густая, багровому дыму подобная пыль окутала поле битвы, о царь, и стало своих от чужих не отличить. Отец не узнавал сына, а сын — отца в той нарушившей все границы бойне, вздымающей волосы дыбом. И от грома оружия и людских [голосов] превеликий шум стоял, словно от горящего бамбука. Там волны крови и внутренностей слонов, коней и людей понесла река, мхом и водорослями в которой были их волосы. И падающие в битве с плеч головы людские громкий стук издавали, словно от падающих камней. А земля покрылась телами обезглавленных людей, иссеченных слонов и изрубленных коней. Метая оружие разнообразное, великие воители устремлялись друг на друга и наносили удары; кони, всадниками направляемые, сшибались с конями на поле битвы, сокрушали друг друга и падали бездыханные; мужи, сшибаясь со всей силы с мужами грудь с грудью, тесня, с кроваво-красными глазами разили друг друга, и направляемые погонщиками слоны, от врагов заслоняющие¹⁸⁹, бивнями поражали в битве слонов. Покрытые пролитой кровью, украшенные стягами, сбившиеся в кучи, они выглядели как облака, молниями [блистающие]. Некоторые, раненные бивнями, с головами, копьями пробитыми, ревущие, метались, громокая, словно тучи; некоторые с рассеченными надвое хоботами, другие — с рассеченными ногами рушились в том смятении, словно горы с отсеченными крыльями;¹⁹⁰ иные же превосходные слоны с боками, пропоротыми слонами [же], проливали кровь обильно, как горы — минералами [окрашенные дождевые потоки по склонам]; а еще другие, всадники на которых были, копьями пронзенные, убиты, выглядели как горы с обрушившимися вершинами; некоторые, охваченные яростью, ослепленные бешенством, необузданные, затаптывали сотнями колесницы, коней и пеших воинов на поле битвы. Конники разили коней копьями и дротиками, а те на них бросались, словно все смешав в пространстве вокруг себя. Колесничные воины с колесничными [схватывались], юноши из благородных семей, жизни не щадящие, все силы напрягая, подвиги творили, не ведая страха, словно в состязании на сваямваре;¹⁹¹ они, воинственные, разили друг друга, взыскуя славы, о царь, либо неба. И меж тем как происходило это сражение, вздымающее волосы дыбом, великое войско сынов Дхриташратры почти всюду отступало.

Глава 90

Санджая сказал:

1—5 Видя поражение своего войска, царь Дурьодхана, разгневанный, ринулся сам на Бхимасену, врагов укротителя. Схватив преогромный лук, гремящий, подобно оружию грома Индры, он осыпал сына Панду обильным дождем стрел.

И, наложив острейшую [стрелу с наконечником] полумесяцем, волос рассекающую, он, яростью объятый, сломал ею лук Бхимасены. И, миг улучив, наложил великий воитель поспешно стрелу, способную раскалывать горы, и нанес ею удар Бхимасене в грудь, мощнорукий. Глубоко ею пронзенный, страдая, облизывая уголки губ, оперся храбрец на стяг [свой], золотом украшенный.

Видя Бхимасену столь удрученным, воспыал гневом Гхатоткача, всеиспеляющему огню подобный. Великие воители [стана] Пандавов с Абхиманью во главе устремились с криками на царя, смятение сея. Увидев, что нападают они, разъяренные, сеющие смятение, сын Бхарадваджи великим воителям твоим слово молвил: «Ступайте скорее, благо вам, защитите царя! Великой опасности он подвергается, в пучине бедствий утопая! Эти гневные великие лучники, великие воители Пандавов, предводимые Бхимасеной, устремились на Дурьодхану, они мечут оружие всякого рода, уповающие на победу, испуская устрашающие крики, эту землю сотрясая».

Вняв той речи наставника, твой во главе с Сомадаттой обратились на рать Пандавов. Крипа, Бхуришравас, Синдхиец, также Брихадбала и оба великих лучника, оба Авангийца, окружили потомка Куру. На двадцать шагов продвинувшись, [уже] начали наносить удары сыны Панду и сыны Дхритараштры, жаждущие убиения друг друга. А сын Бхарадваджи мощнорукий, слова эти произнеся, напряг великий лук и поразил Бхиму двадцатью шестью [стрелами]. И немедля мощнорукий еще раз осыпал его стрелами, как облако гору осенью потоками дождя. Бхимасена же великомощный десятью жальцами пронзил его поспешно в ответ, великий лучник, в левый бок. Глубоко пронзенный, в муках, сел внезапно, о Бхарата, старый [воин] на дно колесницы, потеряв сознание.

Видя, что тяжко ранен учитель, сам царь Дурьодхана и сын Дроны ринулись оба, гневные, на Бхимасену. Завидев обоих нападающих, подобных [каждый] Яме в час кончины мира, мощнорукий Бхимасена, взяв поспешно палицу, соскочил с колесницы и стал тотчас недвижно, как скала, на поле боя, тяжкую палицу подъяв, жезлу Ямы подобную. Видя его с подъятой палицей — словно то была [вознесшая] вершину Кайласа, — вместе устремились на него Каурава и сын Дроны. И Волчебрюхий со [всею] быстротою устремился, поспешая, на тех обоих, лучших из могучих, вместе нападающих. Завидев же, что наступает он, разгневанный, обликом грозный, разом устремились на него поспешно великие воители Кауравов во главе с сыном Бхарадваджи. Все исполненные желания убить Бхимасену, всякого рода оружие в грудь Бхимы они направили, все вместе со всех сторон сына Панду уязвляя. Видя, какой опасности подвергается великий воитель, [ими] уязвляемый, устремились великие воители Пандавов, пред-

водимые Абхиманью, спасти его, жизнь столь дорогую [за него] отдать готовые.

27—33 Нила, доблестный прибрежных стран повелитель, темной туче подобный¹⁹², закадычный друг Бхимы, напал, разъяренный, на сына Дроны. Великий лучник, с сыном Дроны он соперничал постоянно. И, лук великий напрягая, пронзил он стрелою сына Дроны, как некогда Шакра, о великий царь, данаву пронзил, неодолимого Випрачитти, что наводил страх на богов и в гнев пылом своим три мира в трепет повергал. Оперенной стрелою Нилы, хорошо заостренной, пронзен был сын Дроны, и, кровь из раны проливший, разъяренный, прекрасный лук напрягая, что гром издавал оружием Индры подобно, решил он сразить Нилу, лучший из решительных. Тогда, наложив [на тетиву] сверкающие стрелы бхалла, кузнецом кованые, он убил четырех коней и свалил стяг [Нилы], седьмою же стрелою бхалла он пронзил Нилу в грудь, и тот, глубоко пронзенный, сел в муках на дно колесницы.

34—44 Увидев, что в беспамяත්стве царь Нила, громаде облаков подобный, Гхатоткача, разгневанный, ринулся стремительно в окружении братьев на сына Дроны, блистающего на поле брани, туда же устремились и другие ракшасы, битвой опьяненные. Нападающего ракшаса, ужасного обликом, увидев, устремился [ему навстречу], поспешая, исполненный пыла внук Бхарадвджи. И он, разгневанный, нанес удары тем ракшасам устрашающего облика, что были, гневные, высланы впереди [главного] ракшаса. Видя, что отступают они под стрелами, слетающими с лука сына Дроны, разгневался великан Гхатоткача, сын Бхимасены. И явил чародей, повелитель ракшасов, великий морок, страшный на вид, наводящий ужас, сына Дроны на поле боя ошеломивший. Тогда от морока того обратились вспять все твои [воины]. Они узрели друг друга на земле повергнутыми, недвижимыми, изрубленными, кровью истекающими — Дрону, Дурьодхану, Шалью, также и Ашваттамана, и почти все великие лучники, которые возглавляли кауравов, все колесничные воины погибли, и повержены были слоны, и кони вместе со всадниками были изрублены тысячами. Видя то, войско твое бежало к [своему] стану, меж тем как и я, о царь, и Деваврата зывали: «Сражайтесь, не бегите, то — демонское наваждение, сотворенное Гхатоткачей на поле битвы, не поддавайтесь мороку!» — но, устрешенные, они не верили тому, что мы говорили.

45—46 Видя, что бегут они, Пандавы торжествовали победою и вместе с Гхатоткачей львиный рык испустили, и зазвучали громко со всех сторон [их] раковины и барабаны. Так войско твое, разгромленное злым сыном Хидимбы, бежало врассыпную в урочный час заката.

Глава 91

Санджая сказал:

Тогда среди того великого стенания царь Дурьодхана, приблизившись к сыну Ганги, приветствовал его смиренно и стал рассказывать обо всем, как оно произошло, о победе Гхатоткачи и нашем поражении. Он поведал о том, [тяжко] вздыхая снова и снова, и молвил он тогда, о царь, Бхишме, патриарху куру: «На тебя полагаясь, как они — на Васудеву, начал я эту страшную войну с Пандавами, о владыка! Одиннадцать армий¹⁹³ прославленных, что есть у меня, повинуются вместе со мною велениям твоим, о каратель врагов. И вот я, о тигр среди бхаратов, побежден в битве Пандавами во главе с Бхимасеной, что положились на Гхатоткачу. Это жжет мою плоть, как [жжет] огонь сухое дерево, и поэтому твоею милостью, о великий судьбою, хочу я сам убить этого подлейшего из ракшасов, о дед, да соизволишь ты поддержать меня в этом трудном деле!» Выслушав эту речь царя, о лучший из бхаратов, Бхишма, сын Шантану, такое слово молвил Дурьодхане: «Внимай, о царь, моим речам, тому, что я скажу тебе, о Каурава, как следует тебе, о великий царь, вести себя впредь, о каратель врагов! В битве должно, о сын мой, во всех случаях себя охранять, о врагов укротитель. Тебе всегда сражаться надлежит с Царем справедливости, о безупречный, с Арджуной, либо с обоими близнецами, либо еще с Бхимасеной. Царский долг превыше всего ставя, царь встречается с царем. Я, Дрона, Крипа, сын Дроны и Критаварман из племени сатватов, Шалья, сын Сомадатты и Викарна, великий воитель, и доблестные братья твои во главе с Духшасаной — мы будем сражаться за тебя с великомощным ракшасом. Или, если так велико страдание сердца твоего из-за этого свирепого вождя ракшасов, пусть выйдет на поле для битвы со злодеем царь Бхагадатта, что в битве равен Сокрушителю твердынь». Так сказав царю, в присутствии его, вождя властителей, Бхагадатте он слово рек, в речах искушенный: «Ступай немедля, о великий царь, к сыну Хидимбы, битвой опьяненному, у всех лучников на глазах противостань ракшасу, жестокому в деяниях, как некогда Тараке Индра!¹⁹⁴ У тебя — небесное оружие, у тебя — отвага, о врагов каратель, и со многими демонами ты некогда уже сражался. Против него [теперь] сразись, о царь-тигр, во главе войска своего в великой битве, ракшаса-быка убей, о царь!»

Выслушав речь Бхишмы, предводителя ратей, тотчас выступил тот со львиным рыком на врагов. Завидев его, с громом наступающего, туче подобно, обратились против него великие воители Пандавов — Бхимасена и Абхиманью, и ракшас Гхатоткача, сыны Драупади, и Сатьядхрити, и Кшатрадева, о достойный, правитель Чеди и Васудана, и также властитель Дашарны.

А Бхагатта устремился на них на [слоне] Супратике. И началась тогда битва между пандавами и Бхагаттой, страшное зрелище являющая, расширяющая владения Ямы.

25—30

Колесничными воинами пущенные стрелы, грозно стремящиеся, тяжело разящие, падали, о великий царь, на слонов и на колесницы. Яркие слоны, управляемые погонщиками, сойдясь, нападали друг на друга бесстрашно. Бешенством ослепленные, неистовые в ярости своей, они, сойдясь, поражали друг друга в той великой битве остриями бивней своих, булавам подобных. И кони, увенчанные султанами, гирляндами, оседланные всадниками с дротиками в руках, понукаемые ими, налетали стремительно один на другого. И пешие воины наносили пехотинцам удары дротиками и копьями, и сотнями и тысячами валились они тогда наземь. И колесничные воины стрелами трубчатыми и с уховидными наконечниками разили в битве героев, львиный рык издавая.

31—54

И меж тем как длилась эта битва, вздымающая волосы дыбом, великий лучник Бхагатта ринулся на Бхимасену на яром слоне, семью струями источающем мускус, как гора, со всех склонов проливающая воду. Он ехал на голове у Супратики, сея тысячи стрел, о безупречный, как Магхаван на Айравате, дожди потоком изливающий. Ливнями стрел поразил царь Бхиму, как облако гору водяными ливнями в пору дождей. Бхимасена же, разъяренный, ливнями стрел сразил, великий лучник, разъяренный, сто с лишком [его] пеших охранников. Видя, что убиты они, гневный Бхагатта погнал, блистательный, вожака слонов на колесницу Бхимасены. Слон тот, направленный им, как пущенная с тетивы стрела, ринулся стремительно на Бхимасену, врагов укротителя. Увидев, что нападает он, повернули на него стремительно великие воители Пандавов во главе с Бхимасеной — Кекаи¹⁹⁵ и Абхиманью, и сыны Драупади все вместе, доблестный властитель Дашарны и Кшатрадева, о достойный, правитель Чеди и Читракету — все они, разъяренные, великомощные, являя небесное оружие необыкновенное, окружили, гневные, со всех сторон того одинокого слона. И многими стрелами пронзенный, крови ток извергая, красовался великий слон, словно царь гор, блистающий цветной рудою [, дождем омытой]. На слоне, утесу подобном, восседая, ринулся властитель Дашарны на слона Бхагатты. Но выдержал в бою натиск того слона Супратика, царственный слон, как брег морской [выдерживает] прилив океана, обители макар. И, видя, что устоял он против владычного слона Дашарны, великого духом, [даже] пандавские воины восхвалили его: «Славно! Славно!» Тогда властитель Прагджьотиши, гневный, четырнадцать копий метнул в того слона, о лучший из царей. Пробив его панцирь спереди, золотом отделанный, тотчас они проникли в него, словно змеи в муравейник. Глубоко пронзенный, мучаясь, слон тот, о лучший из бхаратов, лишившись пыла

своего, бегом обратился тотчас вспять. Он бежал, испуская жуткие вопли, сокрушая свое войско, словно бурный ветер — деревья. Когда же побежден был тот слон, великие воители Пандавов, львиный рык издавая громогласно, ринулись в битву. С Бхимою во главе они устремились тогда на Бхагадату, меча стрелы различного рода и различного рода [другое] оружие. Заслышав их грозный клич, о царь, на них, наступающих, разъяренных, неистовых, великий лучник Бхагадатта, забыв о страхе, погнал своего слона. Стрекалом и носком ноги понукаемый, тот избранный из слонов словно обратился в этот миг на поле боя во всеуничтожающий огонь. Туда и сюда мечась по полю битвы, о царь, он сотнями и тысячами, разъяренный необычайно, сокрушал сонмы колесниц, слонов, коней со всадниками и пехотинцев. И великое то войско пандавов, им истребляемое, стало ужиматься, как кусок кожи, брошенный в огонь.

Видя, что разбито его войско мудрым Бхагадаттой, Гхатоткача, разгневан- ный, на Бхагадату ринулся. Чудовищный исполин со сверкающим ликом, со сверкающими очами, он утрашающий образ принял, о царь, яростью, как огнем, пылая. На убиение слона устремленный, он взял огромное копье, раскальвающее даже горы, и с силой метнул его, великомощный, во все стороны рассыпающее, пламеня, искры. Видя, что налетает оно, с силой [брошенное], польхающее огнем, пустил в бою проворно царь блистающую, глубоко разящую стрелу [с острием] полумесяцем и ею рассек то громадное копье. Рассеченное надвое, упало то копье, отделанное золотом, словно Шакрою пущенное великое оружие грома, павшее с поднебесья. Увидев, что упало то копье, сломленное пополам, царь взял большой дротик с позолоченным древком, польхающему пламени подобный, и, восклицая: «Стой, стой!» — метнул его в ракшаса. Видя, что налетает он по воздуху, оружие грома подобно, ракшас, ввысь прыгнув проворно, перехватил его и крик издал, и тотчас он переломил его через колено, о Бхарата, на глазах у владыки царей, и словно чудо то было. Узрев тот подвиг, могучим ракшасом сотворенный, даже боги на небе с гандхарвами вместе и мудрецы, пораженные, а также Пандавы, великие лучники, с Бхимасеною во главе криками: «Славно, славно!» — огласили землю. Слыша громкие возгласы тех великих духом, ликующих, не снес того великий лучник Бхагадатта, блистательный. Великий лук свой напрягая, гремящий подобно оружию грома Индры, обрушился он стремительно на великих воителей Пандавов, пуская блистающие острые железные стрелы, ярко пламенеющие. Бхиму он пронзил одною, ракшаса — девятью стрелами, Абхиманью — тремя, Кекаев — пятью, и стрелою с золотым опереньем, пущенной с [тетивы], натянутой до отказа, он пробил в бою правую руку Кшатрадевы, и тот выронил лук свой тут же вместе со стрелою. Пятерым сыновьям Драупади он пятью нанес удары и в ярости сразил коней Бхимасены. Тре-

мя стрелами он рассек стяг его, несущий образ льва, и еще тремя другими, оперенными, пронзил его колесничего. И, глубоко пронзенный Бхагадаттою в бою, страдая, опустился Вишока на сиденье колесницы.

72—81

Тогда, лишившись колесницы, о великий царь, Бхима, избранный из колесничных бойцов, схватил палицу и с великой колесницы соскочил проворно. При виде его, подъявшего палицу, горе, вершину возносящей, подобного, великий страх объял твоих, о Бхарата. А в это же самое время сын Панду с колесничим Кришною, о великий царь, тысячами сражая врагов, приблизился туда, где двое тех мужей-тигров, карателей врагов, Бхимасена и Гхатоткача, отец и сын, схватились с властителем Прагджьотиши. Завидев же сражающихся великих воителей, о царь, сын Панду поспешил к ним, о лучший из бхаратов, сея стрелы. Тогда царь Дурьодхана, великий воитель, поспешая, к войску тотчас воззвал — полчищу колесниц, слонов и коней. На ту великую рать Кауравов, наступающую стремительно, сын Панду ринулся стремглав, белыми конями несомый. А Бхагадатта на своем слоне, о Бхарата, войско Пандавов топча, устремился в бой на Юдхиштхиру. Тогда жестокая битва была, о достойный, между Бхагадаттой и подъявшими оружие панчалами, сринджаями и кекаями. Бхимасена же тем обоим — Кешаве и Арджуне — поведал на поле боя, как произошло под конец убиение Иравана.

Глава 92

Санджая сказал:

1—13

Услышав, что убит его сын Ираван, великой горести преисполнился Завоеватель богатств, и он испускал вздохи, змею подобно. И молвил он посреди боя, о царь, Васудеве такое слово: «Поистине, уже давно вещей Видура предвидел страшное истребление куру и пандавов, великомудрый, потому и предостерегал Дхритараштру, владыку народа. Многие неодолимые герои убиты в сражении кауравами, о Губитель Мадху, и также те убиты нами. Скверные дела творятся корысти ради, о лучший из героев. Будь прокляты богатства, ради которых подобное истребление родных творится! Лучше умереть без богатства, чем обрести его через убиение родичей. Что мы обретем, о Кришна, если уьем собравшихся [здесь] родных? По вине Дурьодханы и Шакуни, сына Субалы, а также из-за дурных советов Карны идут к гибели кшатрии! Теперь я понимаю, о Губитель Мадху, как хорошо поступил царь, о мощнорукий, когда просил у Суйодханы только полцарства или же пять деревень¹⁹⁶, но и того не выполнил злодей! Видя же доблестных кшатриев простертыми на земле, я себя порицаю жестоко. Позор призванию кшатриев! [Только потому, что иначе] сочтут меня кшатрии в битве бессильным,

готов я к бою с этими родичами моими, о Губитель Мадху. Гони скорее коней на войско сынов Дхритараштры! Этот безбрежный океан битвы я [все же] силой рук моих преодолею! Не время теперь в чем-либо слабость проявлять, о Мадхава!» Когда сказал ему так Партха, Кешава, губитель вражеских героев, погнав тех белых коней, быстрых как ветер. И громкий шум поднялся тут в твоём войске, о Бхарата, как в час прилива в океане, взволнованном бурей.

После полудня, о великий царь, завязался бой Бхишмы с пандавами, гром которого раздавался как от тучи в грозу. Тогда сыновья твои, о царь, сплотившись в битве вокруг Дроны, как Васу вокруг Предводителя, устремились на Бхимасену. Затем Бхишма, сын Шантану, Крипа, лучший из колесничных бойцов, Бхагадатта и Сушарман на Завоевателя богатств устремились, сын Хридики и Бахлика ринулись на Сатъяки, а царь Амбаштхака противостоял Абхиманью, остальные же, о великий царь, остальным великим воителям, и разгорелась тогда битва, страшное зрелище являющая, приводящая в ужас. 14—18

Бхимасена, увидев твоих сыновей, о властитель народа, гневом воспыла в битве, как от жертвенной пищи жертвенный огонь. А сыновья твои окутали стрелами сына Кунти, как в пору дождей, о великий царь, гору облака. Он же, герой, твоими сыновьями всячески уязвленный, о владыка народов, облизывая уголки губ, словно разъяренный тигр, поверг тогда Бхима, о великий царь, Вьюдхораску тяжко разящей стрелой [с острием] подковой, и жизнь покинула того. Другой стрелой — закаленной и отточенной бхаллой — он поверг Кундалина, как лев — малого зверя. Затем, взяв закаленные, остро отточенные стрелы, он семь наложил [на тетиву] поспешно, к сыновьям твоим приблизившись, о достойный. И, посланные Бхимасеной с прочного лука, те стрелы сбросили сыновей твоих с колесниц, величайших колесничных бойцов: Анадхришти, Кундабхеду, Вайрату¹⁹⁷, Диргхалочану, Диргхабаху, Субаху, также Канакадхваджу. И пали те герои, поблекнув, о бык среди бхаратов, как падают деревья манго, пестреющие цветами весною. Тогда остальные твои сыновья, о владыка народов, бежали, великогощного Бхимасену самую Смертью почитая. Дрона же героя, твоих сыновей испепеляющего, как гору ливнями, со всех сторон осыпал в битве стрелами. Там зрели мы необычное мужество сына Кунти, который, невзирая на сопротивление Дроны, продолжал убивать сыновей твоих. И как мощный бык выдерживает низвергающийся с неба дождь, так Бхима выносил ливень стрел, пущенных Дроной. И чудеса, о великий царь, творил там Волчебрюхий, что сражал в бою сыновей твоих и в то же время бился с Дроной. И тешился среди сыновей твоих, героев, старший брат Арджуны, о великий царь, как могучий тигр, охотящийся на оленей. Как волк, попавший в середину стада, разгоняет скотину, так в битве гнал твоих сыновей Волчебрюхий. 19—34

35—41

А сын Ганги, Бхагадатта и сын Гаутамы, великий воитель, противостояли в битве Арджуне, неистовому сыну Панду. Тот победоносный воитель, оружием своим их оружие отражая в бою, главных бойцов твоих войск предавал смерти. Абхиманью же царя Амбаштху, лучшего из колесничных воинов, в мире прославленного, стрелами лишил колесницы. Лишившийся колесницы, избиваемый славным сыном Субхадры, соскочил с колесницы повелитель людей; устыдившийся, он метнул в бою [своей] меч в великого духом сына Субхадры, а сам взошел на колесницу сына Хридики, великого духом. Испушенный в приемах боя, благодаря проворству своему увернулся сын Субхадры, губитель вражеских героев, от летящего в него меча. И, видя, что увернулся от меча сын Субхадры: «Славно, славно!» — подняли тогда воины крик, о владыка народов.

42—55

Другие во главе с Дхриштадьюмной сражались с войском твоим, и также с войском пандавов все твои сражались. Великий вопль подняли там твои и те, о Бхарата, жестоко разящие друг друга, трудный подвиг творящие. Вцепляясь в волосы, [в ход пуская] ногти, зубы, кулаками и коленями наносили друг другу удары в схватке герои, о достойный, локтями, ладонями, остро отточенными мечами, находя уязвимые места, отправляли они друг друга в обитель Ямы. Отец разил в битве сына, и сын — отца, с помутившимся разумом бились там люди. На поле боя прекрасные луки с золотыми рукоятями, о потомок Бхараты, оброненные убитыми, и драгоценные колчаны, и острые стрелы с золотым и серебряным оперением, смазанные сезамовым маслом, блистали, словно змеи, сбросившие кожу. И [покрывали землю] мечи с рукоятями из слоновой кости, украшенные золотом, щиты червленые, брошенные лучниками, золотом отделанные копьа и позолоченные трезубцы, червонные пики и дротики, златом блистающие, разрубленные, упавшие, тяжкие палицы, железные булавы, бердыши и короткие стрелы, о достойный, и упавшие метательные копьа, и разноцветные, золотом отделанные слоновьи покрывала разных видов, и султаны и опахала из хвостов яков, разнообразное оружие, оброненное павшими мужами, великими воителями, которые, бездыханные, выглядели словно живые. Изувеченные палицами, с головами, булавами размозженными, раздавленные слонами, конями или колесницами, лежали мужи на земле. И так предстала тогда земля, о царь, покрытой повсюду, словно горами, телами коней, людей и слонов.

56—65

И усеяно было поле упавшими в бою дротиками, клинками, стрелами, метательными копьями, мечами, трезубцами, дротами с шипами, железными пиками, секирами, палицами, короткими стрелами, ядрами¹⁹⁸ и телами, оружием иссеченными, — безмолвными или слабо взывающими, плавающими в крови, бездыханными [телами] покрытая, пестрела земля. И умощенными сандалом руками с рукавицами и браслетами, разрубленными отважных [воинов] но-

гами, слоновым хоботам подобными, слетевшими головами волоокими с прикрепленными [на тюрбанах] драгоценными камнями, с серьгами, сверкало, о Бхарата, поле. И залитыми кровью латами и разбросанным золотом сверкала ярко земля, как тлеющими кострами. И рассыпавшимися колчанами, и оброненными луками, и разбросанными повсюду стрелами с золотым оперением, и разбитыми колесницами многими с гирляндами колокольчиков, и убитыми конями, валяющимися в крови с выпавшими языками, осями от колесниц, знаменами, связками стрел, стягами, разбросанными большими бледно-желтыми раковинами военачальников, слонами, распростертыми с бессильными хоботами, устланная земля, была словно дева, разнообразными украшениями разнаряженная.

А с другими слонами там, что, мучась от глубоко вонзившихся дротиков, из хоботов испускали шум и влагу время от времени, казалось поле сражения [покрытым] вздыхающими холмами. Разноцветные плащи, слоновьи покрывала, жезлы с камнем кошачий глаз, выроненные блестящие стрекала, бубенцы слоновьих вожжаков, рассеянные повсюду, порванные пестрые попоны, оленье шкуры, разнообразные слоновьи нашейные цепи, позолоченные ремни, полуманья всячески орудия, метательные копья и кампаны, золотом покрытые конские попоны, запорошенные пылью, и валяющиеся отрубленные руки всадников с браслетами, блестящие дротики, блестящие острые мечи и разорванные, пробитые тюрбаны там и здесь, красивые [стрелы] полумесяцем, золотом украшенные, конские попоны и оленье шкуры порванные, прекрасные драгоценные царские бриллианты и зонты брошенные, султаны и опахала, лики героев, светлые, как лотос или месяц, с красивыми серьгами, с подстриженными бородами, с украшениями, разбросанные золотом блистающие серьги — [всем этим устланная], о великий царь, земля была подобна небу, усеянному планетами и созвездиями.

66—75

Так эти два великих войска, твое и чужое, о Бхарата, сойдясь, сокрушали одно другое на бранном поле. И меж тем как, изнуренные, разбитые, сокрушены они были, спустилась ночная тьма, и мы уже не видели поля битвы. Тогда развели войска куру и пандавы с наступлением той дрящущей мрачной, недоброй, очень страшной ночи. Затем, перемирие заключив, и куру, и пандавы в свое время вернулись тогда к своим станам.

76—79

Глава 93

Санджая сказал:

Затем царь Дурьодхана и Шакуни, сын Субалы, сын твой Духшасана и сын возницы трудноодолимый, собравшись, совет держали насущный, о великий царь: как победить в битве сыновей Панду с их союзниками. Тогда, посове-

1—13

шавшись с сыном возницы и сыном Субалы великомошным, сказал царь Дурьодхана всем своим советникам: «Дрона, Бхишма, Крипа, Шалья и сын Сомадатты не дают отпор в битве Партхам, и я не знаю тому причины. А те, неуязвимые, истребляют мое войско, и меньше войска у меня становится в битве, о Карна, и меньше оружия. Одолевают меня храбрые Пандавы, даже для божеств неуязвимые, и в отчаянье я впадаю — как мне выиграть битву?» Тому повелителю мужей, о великий царь, молвил сын возницы: «Не печалься, о лучший из бхаратов, я сделаю то, что угодно тебе. Пусть покинет скорее великое сражение Бхишма, сын Шантану! Когда уйдет из боя сын Ганги и сложит оружие, я сражу, о Бхарата, сынов Притхи в бою вместе со всеми Сомаками у Бхишмы на глазах, истинно клянусь тебе, о царь! Ведь Бхишма всегда был милосерден к Пандавам, о царь, и в битве не способен Бхишма победить этих великих воителей. [Хотя] Бхишма, любящий бой, постоянно кичится [своей силой] в бою, как в битве победит он, друг мой, сошедшихся Пандавов? Ступай скорее в стан Бхишмы, попроси Бхишму, о Бхарата, положить оружие в [этой] битве. После того как сложит оружие Бхишма, считай, что уже убиты Пандавы, я один [сражу их] в битве с сонмами друзей их и родичами!»

14—17 Когда сказал ему это Карна, сын твой Дурьодхана брату Духшасане там такое слово молвил: «Ступай немедля, о Духшасана, сделай все, чтобы полностью готовы были все, кто следует [за нами]». Сказав так, молвил затем царь, повелитель народа, Карне: «Когда я уговорю [уйти] из боя Бхишму, лучшего из людей, я к тебе тотчас приду, о укротитель врагов, и тогда, о муж-тигр, ты выиграешь сражение».

18—32 И немедля устремился тогда вперед твой сын, о владыка народов, со всеми братьями вместе, как с богами Совершитель ста жертвоприношений. Тогда того мужа-тигра, тигру подобного отвагой, немедля возвел на коня брат его Духшасана. В браслетах на предплечьях, увенчанный диадемой, с украшениями на руках, о великий царь, блистал повелитель людей, сын Дхритараштры, великому Индре подобно. Превосходнейшим благоухающим сандалом умащенный, что с цветами бханди¹⁹⁹ был сходен и расплавленному золоту подобен, в беспыльные одежды облаченный, с поступью резвящегося льва, сиял царь, как лучезарное осеннее солнце. За ним, мужем-тигром, к шатру Бхишмы направляющимся, следовали [прославленные] во всем мире стрелки, великие лучники, и братья, великие лучники, как Тридцать за Предводителем Васу²⁰⁰. Некоторые ехали на конях, некоторые же — на слонах, о Бхарата, некоторые на колесницах, лучшие из воителей, со всех сторон [его] окружая. Друзья владыки земли, вооружившиеся его защиты ради, явились [там], как вокруг Шакры бессмертные на небесах, сплоченные. Почитаемый [народом] куру, следовал повелитель, великий воитель Кауравов, к обители прославлен-

ного сына Ганги, о царь, сопровождаемый со всех сторон [вокруг него] сплотившимися единоутробными [братьями]. Благосклонный, десницу свою, словнюему хоботу подобную, всех врагов сокрушающую, во время, как должно, простирая²⁰¹, принимал он со всех сторон [поклоненье] людей, вздымающих сложенные ладонями руки, внимал хвалебным речам обитателей разных стран. Многославный, воспеваемый сутами и магадхами²⁰², всем [в ответ] почесть оказывал всего мира властителей властитель. Со всех сторон окружали великого духом [люди] с горящими золотыми светильниками [в руках], благоухающим кунжутным маслом заправленными. И, окруженный теми блистающими золотыми светильниками, царь блистал, как месяц, с сияющими великими планетами сочетающийся. А латники с жезлами в руках и литаврами раздвигали народ осмотрительно во все стороны, [путь расчищая].

Достигнув затем блистательной обители Бхишмы, владыка людей сошел с коня и, к Бхишме приблизившись, приветствовал Бхишму и воссел на превосходное золотое сиденье, покрытое редчайшим ковром с чудодейственным узором²⁰³. И сказал он Бхишме, сложив ладони, прерывающимся голосом со слезами на глазах: «Прибегнув к тебе в этой войне, о истребитель врагов, могли бы мы победить и богов с демонами вместе и с Индрою, не то что сынов Панду, героев, с сонмами друзей их и родичами. Поэтому да смилословишься ты надо мною, о сын Ганги! Срази, о властелин, сынов Панду, героев, как великий Индра — демонов. Прежде ты говорил, о мощнорукий, что убьешь Пандавов и с ними Сомаков, панчалов и карушей, о Бхарата. Да исполнится это слово твое! Срази сошедшихся Пандавов и Сомаков, великих лучников, будь правдоречив, о Бхарата! Если же из жалости или из-за ненависти ко мне или благодаря злой судьбе моей ты щадишь Пандавов, позволь сражаться Карне, светочу битвы. Он победит в бою сынов Притхи с сонмами их друзей и родичами». Когда сказал так Дурьодхана, сын твой, он ни слова [больше] не молвил грозному своей отвагой Бхишме.

33—41

Глава 94

Санджая сказал:

Речами-терниями сына твоего глубоко уязвленный, скорбью преисполненный, не сказал ему, [однако], в ответ ничего огорчительного дел. Долго размышлял он, терзаемый скорбью и гневом, вздыхая, как змей, прутом потревоженный. Во гневе возведя очи, словно [весь] мир с богами, демонами и гандхарвами испепеляя [взором], лучший из ведающих мир, о Бхарата, молвил он спокойно сыну твоему такое слово: «Зачем уязвляешь ты меня этими речами-терниями, о Дурьодхана? Сколько есть сил стараюсь я, творя угодное тебе,

1—18

в битве приношу в жертву жизнь, блага тебе желая. Когда храбрый сын Панду удовольствовал Агни в [лесу] Кхандава, в бою победив Шакру, достаточным то было свидетельством [его мощи]. Когда тебя, о мощнорукий, похищенного силой гандхарвами, освободил сын Панду, достаточным то было свидетельством. И когда бежали [твои] братья, о властитель, и сын Радхи, отпрыск возницы, достаточным то было свидетельством. И то, что в городе Вираты всем нам сплотившимся противостоял он в одиночку, достаточным было свидетельством. В битве неистового Дрону и меня победив в сражении, и Карну, и тебя, и сына Дроны, и Крипу, величайшего воителя, забрал он [наши] одежды — достаточным то было свидетельством²⁰⁴. В битве победил Партха ниватакавачей на бранном поле, даже для Предводителя Васу трудноодолимых, — достаточным то было свидетельством. Кто в битве победить способен сына Панду, стремительного в битве? Ты же, ослепленный, не понимаешь, что можно произносить и чего произносить нельзя, о Суйодхана. Человек, на смерть идущий, все деревья видит золотыми. Так же и ты, о сын Гандхари, [все] видишь превратно. Сам ты породил эту великую вражду с Пандавами и со сринджаями заодно — сражайся же ныне с ними на поле брани, мужем будь, мы посмотрим. А я, о муж-тигр, сокрушу всех Сомаков, с панчалами объединившихся вместе, [всех], кроме Шикхандина. Либо, ими в битве сраженный, я уйду в обитель Ямы, либо, их сразив на поле брани, тебе радость дарую. Ведь Шикхандин сначала родился как женщина в царском доме, мужчиною же она стала благодаря дару, и все равно она — женщина Шикхандини. Ее я не стану убивать даже ценою жизни, о Бхарата! Как некогда сотворил ее Создатель, так и [осталась] она женщиной Шикхандини. Спи спокойно, о сын Гандхари, завтра буду я вести великий бой, о котором будут рассказывать люди, пока стоит земля!»

19—20 Когда сказал он так твоему сыну, тот удалился, голову приветственно склонив перед старшим, и ушел в свою обитель. Туда придя, царь отпустил толпу [слуг] и тотчас в шатер вошел, врагов сокрушитель²⁰⁵. Войдя же, властитель земли провел там ночь.

Глава 95

Санджая сказал:

1—7 Когда же ночь сменилась рассветом, властитель [Дурьодхана], поднявшись рано, повелел царям: «Стройте войско! Сегодня истребит гневный Бхишма в битве Сомаков». А тот, выслушав ночью сетования Дурьодханы, почитал уже то обязанностью своею. Высокой отрешенности исполненный, отринув чужую хулу, долго размышлял сын Шантану, с Арджуной встретиться в бою стре-

мящийся. Догадавшись по движениям его, о чем думает сын Ганги, Дурьодхана, о великий царь, поторопил Духшасану: «О Духшасана, построй немедля колесницы для защиты Бхишмы! Всего пошли туда тридцать два полка. Вот оно пришло — то, чего тьму лет [мы] ждали, — истребление Пандавов вместе с их войсками и обретение царства. И необходимым здесь я полагаю [позаботиться] об охране Бхишмы. Охраняемый нами, да будет он невредим и да убьет в сражении сынов Притхи!

Молвил он [мне], чистый душою: «Я не буду убивать Шикхандина. Ведь он был рожден сперва как женщина. Поэтому избегать его надлежит мне в битве. Люди знают, что из желания сделать угодное отцу я отказался некогда от процветающего царства и от жены²⁰⁶. И никогда и никоим образом, о лучший из героев, я не убью в битве женщину или того, кто был женщиной, истинно говорю тебе. Если ты слышал, этот Шикхандин прежде был женщиной, — как рассказано было о том в [Книге] о старании²⁰⁷. Так родилась Шикхандини. Девой будучи, стала она мужчиной. Он будет сражаться, о Бхарата, [но] я ни за что не стану пускать в него стрелы. Всех же других кшатриев, что желают победы Пандавам, я убью на поле брани, сын мой, как только приблизятся они на полет стрелы».

Так молвил мне сын Ганги, лучший из бхаратов, в учениях сведущий. И всей душою я стремлюсь защитить Бхишму. Ведь беззащитного льва в большом лесу и волк убьет. Не дадим же волку Шикхандину убить тигра! Шакуни, [мой] дядя по матери, Шалья, Крипа, Дрона, Вивиншати — пусть защищают сына Ганги, если охранить его, победа будет верной!»

Вняв той речи Дурьодханы, цари тогда полчищем колесниц со всех сторон оградили сына Ганги. И сыны твои, ограждая сына Ганги, двинулись с ликованием, сотрясая землю и небо и вселяя в пандавов трепет. С теми колесницами и со слонами, крепко сплоченные, расположились на поле боя, снарядившись, великие воители, Бхишму ограждая, как Тридцать — Носителя ваджры в войне богов и асуров, — все они стали так, чтобы защитить того великого воителя.

Тогда царь Дурьодхана вновь молвил брату: «Юдхаманью прикрывает левое колесо Арджуны, Уттамауджас — правое, сам же Арджуна — Шикхандина. Сделай так, о Духшасана, чтобы, прикрываемый Арджуной и оставленный [без внимания] нами, он не убил нашего Бхишму!» Эту речь брата выслушав, сын твой Духшасана выступил с войском, поставив Бхишму во главе.

Завидев Бхишму, окруженного полчищем колесниц, Арджуна, лучший из колесничных воинов, сказал Дхриштадьумне: «Поставь сегодня, о муж-тигр, против Бхишмы, о безупречный, Шикхандина, о Панчалийский, я буду прикрывать его, о неколебимый!»

- 26—33 Тогда Бхишма, сын Шантану, выступил с войском, великим строем — Благим со всех сторон²⁰⁸ — его построив на поле битвы. Крипа, Критаварман, Шибиец²⁰⁹, великий воитель, Шакуни и царь Синдху, и царь Камбоджи Судакшина — все вместе с Бхишмой и твоими сыновьями, о Бхарата, стали перед всеми войсками во главе [того] строя. Дрона, Бхуришравас, Шалья и Бхагадатта, о достойный, на правом крыле строя расположившись, стали, вооруженные. Ашваттхаман, Сомадатта и оба Авантийца, великих воителя, сопровождаемые огромным войском, прикрывали левое крыло. Дурьодхана, о великий царь, окруженный со всех сторон тригартами, стал в середине строя, о царь, против Пандавов, о Бхарата. Аламбуса, лучший из воителей, и Шрутаюдха, великий воитель, в тылу строя всех войск стали, вооруженные. Так, строй установив, о Бхарата, предстали взорам тогда твои, в доспехи одетые, блистающим огням подобные.
- 34—38 Меж тем царь Юдхиштхира и Бхимасена, сын Панду, Накула и Сахадева, оба сына Мадри, стали впереди всех войск [своего] строя, вооруженные. Дхриштадьюмна, Вирата и Сатьяки, великий воитель, с войском великим стали, чужих ратей истребители. Шикхандин и Победитель, ракшас Гхатоткача, могучерукий Чекитана и Кунтибходжа мужественный стали на поле боя, о великий царь, великим войском окруженные. Абхиманью, великий лучник, и Друпادا, великий воитель, и пятеро братьев Кекаев стали [там], для битвы вооруженные. Так, великий строй неодолимый выставив напротив, стали на поле брани храбрые пандавы, [готовые] к бою, о достойный.
- 39—43 Твои же, изготовившись к битве, мужей повелители, ринулись в битву вместе с войсками против сынов Притхи, Бхишму во главе поставив, о повелитель. Так же и пандавы, о царь, предводительствуемые Бхимасеной, [двинулись] в бой на воинственного Бхишму, жаждущие победы. С рыканьем и ликующими возгласами, под пение кракачей и рогов, под бой барабанов, литавр, бубнов, цимбал, ринулись пандавы, устрашающий рев издавая. И под гром барабанов, литавр, и раковин, и тамбуринов, львиный рык испуская, приплясывая со всяческими прыжками, взревели мы в ответ и двинулись на них, поспешая стремительно, разъяренные, и великий шум тогда поднялся.
- 44—53 Тогда устремляющиеся друг на друга сшиблись в бою, и от великого грохота содрогнулась тогда земля. Заметались [в воздухе] птицы, испуская ужасные крики, и солнце, ясное на восходе, [теперь] померкло. Бурные ветры задули, [грядущий] ужас возвещая, и завывали там жуткие шакалицы с жутким рыданием, о великой начавшейся бойне доносящие. Запылали страны света, о царь, дождь пыли пал и костяной дождь, с кровью смешанный. У ездовых животных, плачущих, влага из глаз источалась, в тревоге они испражнялись и мочились, о владыка народов. Слышались громкие голоса незримо, о бык среди бхаратов, жуткие вопли завывающих ракшасов-людоедов. Явились, налетев,

стервятники, цапли, вороны, расположились там [вокруг] собаки, различные крики издающие. Великие метеоры, пылая, обрушивались на дневное светило и падали стремительно на землю, великую беду предвещая. В великом смятении схватки предстали великие рати сынов Панду и сынов Дхритараштры, громом раковин и тамбуринов сотрясаемые, как леса бурей. И прегромкий шум поднялся от тех полчищ царей, слонов и коней, сошедшихся в недобрый час, словно от взволнованных бурей океанов.

Глава 96

Санджая сказал:

Абхиманью на прекрасной колеснице, [влекомой] превосходными гнедыми конями, устремился на огромное войско Дурьодханы, сея ливни стрел, как туча — потоки вод. И не могли в бою твои мужи-быки [рода] Куру остановить гневного сына Субхадры, врагов истребителя, льющего оружие потоком, когда углубился он в неиссякаемый океан [их] войска на поле брани. Выпущенные им в битве стрелы, о царь, врагов свергающие, отправляли героев кшатриев в обитель Царя призраков. Жезлу Ямы подобные, страшные, пылающим ядовитым змеям подобные стрелы посылал в бою гневный сын Субхадры. Во мгновение ока повергал сын Пхальгуны колесничного воина с колесницы, всадника с коня, бойцов на слонах — со слонами вместе. Свершающего тот подвиг великий и необычайный в битве, восхвалили цари, ликуя, сына Пхальгуны и почести ему воздали. И блистал сын Субхадры, те рати рассеивая, как разметает ветер во все стороны травяную кучу. Не чаяли спасителя войска твои, перед ним расступающиеся, подобно слонам, увязшим в болоте. Все твои войска рассеяв, о царь, предстал Абхиманью, лучший из воителей, словно пылающий огонь без дыма. И никто из твоих не мог противостоять ему, как польхающему огню мотыльки, на смерть обреченные. Всем врагам нанеся удары, предстал взорам великий воитель Пандавов, великий лучник, подобный Носителю ваджры с ваджрой [в руке]. И его лук, позолоченный с задней стороны, который он направлял повсюду, о царь, подобен был молниям, сверкающим в облаках. И стрелы, заостренные и закаленные, слетали [с него] в битве, словно из леса рой пчел, о царь, с цветущего дерева. И меж тем как мчался тот великий духом сын Субхадры на колеснице, гремящей как туча, никто не мог улучшить мгновения [чтобы поразить его]. Ошеломив Крипу, Дрону, сына Дроны, великого мощью, и царя Синдху, великого лучника, легко и успешно продвигался он. Мы зрели лук его, обрастающий по кругу, о достойный, войско твое испепеляющий, диску солнечному подобно. И, на него зирая, на подвиги его, стрелами-лучами испепеляю-

1—20

щего [врагов], мнили героини-кшатрии, что двое Пхальгунов в этом мире существует. А та великая бхаратийская рать, им истязаемая, туда и сюда клонилась, словно женщина опьяневшая. Разгромив то войско и в трепет приведя великих воителей, он даровал радость друзьям, как Предводитель Васу, когда он победил Майю²¹⁰. А разбитые в бою войска твои подняли в муках страшный рев, грому грозových туч подобный.

21—33

Страшный рев твоих войск услышав, — как от бурей взволнованного океана в час прилива, — молвил тогда царь Дурьодхана сыну Ришьяшринги: «Сей отпрыск Кришны, великий лучник, словно второй Пхальгуна громит воинство мое, как Вритра — воинство богов. И я не вижу иного могучего средства исцеления от него, кроме тебя, о лучший из ракшасов, что постиг в совершенстве все науки [чародейства]. Ступай и поспеши сразить в бою героя, сына Субхадры, а мы под предводительством Бхишмы и Дроны сразим сынов Притхи!» Когда он так ему сказал, могучий вождь ракшасов двинулся немедля в бой, блистательный, следуя велению твоего сына, громовый рев издавая, словно туча в пору дождей. Громовый голос тот заслышав, взволновалось из края в край великое войско Пандавов, о царь, словно многоводный океан. И многие мужи, о царь, тем голосом уstraшенные, пали на землю, с дорогом жизнью прощаясь. Но Кришны родич лук схватил, изготовившись, и устремился, ликуя, на то чудовище, словно приплясывая на уступе колесницы. Тогда ракшас гневный, сына Арджуны встречая на поле боя, стал громить его рать, от нее недалеко расположившийся. Великая же рать Пандавов, истребляемая им, выступила против чудовища на битву, как воинство богов против Бали. И жестоким был бой того войска, о достойный, со страшного обличья ракшасом, его истребляющим на поле брани. Тогда, являя отвагу свою, тысячами стрел рассеял ракшас в бою ту великую рать Пандавов. И так, чудовищем страшного обличья истребляемое на поле битвы, бежало в страхе войско Пандавов.

34—47

Раздавив тогда то войско, как слон — лотосов поросль, обратился он затем в бою против сынов Драупади великомощных. Те сыны Драупади, великие лучники, бойцы, все устремились, гневные, на ракшаса, как пять планет²¹¹ на солнце. И подавлен был теми храбрыми лучший из ракшасов, словно месяц пятью планетами в страшный час кончины мира. Тогда Пративиндхья, великомощный, пронзил демона незамедлив острыми железными стрелами с незатупленными наконечниками. Они пробili его доспехи, и блистал лучший из ракшасов, как большая туча, прошитая лучами солнца. Теми стрелами, плавленным золотом покрытыми, пронзенный, о царь, подобен был сын Ришьяшринги горе с пылающей вершиной. Тогда в великой битве те пятеро братьев пронзили вождя ракшасов острыми стрелами, плавленным золотом украшенными. Будучи пронзен стрелами, словно страшными разъяренными змеями,

разгневался весьма Аламбуса, о царь, словно [сам] властительный змей. Тяжко пораженный, о великий царь, всего на мгновение, о достойный, впал он в глубокое помрачение, теми великими воителями уязвленный. Сознание обретя, вдвое во гневе возросший, он рассек стрелами их стяги и луки. И одного за другим тремя стрелами [каждого] как бы в насмешку поразил Аламбуса, великий колесничий воин, словно приплясывая на уступе колесницы. И ракшас, разгневанный, тотчас убил коней у тех великих духом, гневный, и колесничих, великомогущий. И еще он поразил их, воодушевленный, остроотточенными стрелами многих видов, сотнями и тысячами. Лишив колесниц великих лучников, стремительно ракшас там обрушился на них, в ночи бродящий, убить их желая.

Видя, что терзает их в битве тот злобный душою ракшас, сын Арджуны устремился на ракшаса в бой. И битва произошла между ними, как между Вритрой и Предводителем Васу, и зрели ее все твои и Пандавы, великие воители. Сошедшиеся в жестоком бою, пылающие гневом взаимно, о великий царь, взирали они друг на друга, великомогущие, с глазами, покрасневшими от гнева, Огню Времени подобные оба на поле брани. Ужасна была их встреча, бедою чреватая, как Шакры и Шамбары [бой] во время войны богов и асуров. 48—51

Глава 97

Дхритараштра сказал:

Сыну Арджуны, герою, в бою [врагов] истребляющему, великому воителю, как противостоя Аламбуса в битве, о Санджая, и как — сыну Ришьяшринги сын Субхадры, вражеских мужей губитель? О том Расскажи мне поистине, как оно было на поле брани. И что Завоеватель богатств сотворил среди моих войск, о Санджая, либо же Бхима, лучший из могучих, либо ракшас Гхатоткача, либо Накула, Сахадева, либо Сатьяки, великий воитель, — все Расскажи мне о том, ведь искусный ты [рассказчик]. 1—4

Санджая сказал:

Внимай, я поведаю тебе о бое, вздымающем волосы дыбом, что произошел между вождем ракшасов и сыном Субхадры, о достойный. И как Арджуна в битве и Бхимасена, сын Панду, Накула и Сахадева на поле брани явили отвагу, так и твои все, предводимые Бхишмой и Дроной, небывалые подвиги различные свершили бесстрашно. 5—7

Аламбуса же, вновь и вновь громкий рев издающий, угрожая, ринулся стремительно в бой на Абхиманью, великого воителя. «Стой, стой!» — воскли- 8—20

цал он. И сын Субхадры, о царь, на поле брани, все время рыкая по-львиному, — на сына Ришьяшринги, великого лучника, заклятого врага его отца. Тогда встретились в бой устремившиеся на колесницах муж и ракшас, лучшие из колесничных воинов, словно бог с демоном, лучший из ракшасов — колдун — и владеющий небесным оружием сын Пхальгуны. Тогда тремя острыми стрелами, о великий царь, пронзил сын Кришны сына Ришьяшринги в битве и еще пятью пронзил его. Аламбуса же, разгневанный, родича Кришны немедля девятью быстрыми в грудь пронзил, словно большого слона стрекалами. Затем тысячью стрел проворный бес ночной уязвил сына Арджуны в схватке, о Бхарата. Тогда гневный Абхиманью девятью острыми стрел, крепко слаженных, пустил в широкую грудь ракшаса, и они тотчас вошли в его тело, поразив уязвимые места, и, пронзенный ими во все члены тела, блистал властительный ракшас, о царь, словно гора, усеянная цветущими киншуками. И, несущий те стрелы с золотым оперением, подобен был лучший из ракшасов, великомощный, пылающей горе. Затем, о великий царь, гневный сын Ришьяшринги, великомощный, обволоч стрелами сына Кришны, великом Индре равного. Пущенные им острые стрелы, жезлу Ямы подобные, пронзив Абхиманью, в землю вошли. И так же стрелы, выпущенные сыном Арджуны, золотом украшенные, пронзив Аламбусу, в землю вошли. Все же сын Субхадры, крепко слаженными стрелами чудовище на поле боя одолев, заставил его обратиться вспять, как [некогда] Шаkra в битве Майю.

21—27 Вспять обратившийся демон, в бою противником избиваемый, великое колдовство явил, тьму [среди дня] сотворив. Тогда оказались все объаты тьмою на поле и не зрели уже ни Абхиманью, ни своих и ни чужих. Абхиманью же, радость куру, узрев [наступление] той страшной тьмы великой, явил самое грозное оружие, свет творящее. Тогда весь мир стал явным для взора, о владыка земли, и [так] сокрушил он колдовство злого душою ракшаса. И владычный воитель великомощный обволоч в бою вождя ракшасов стрелами, крепко слаженными. И многие другие чары, к коим прибег еще тот ракшас, отразил неизмеримый духом все [виды] оружия ведающий сын Пхальгуны. И тогда чудовище, чье сокрушено было колдовство, бежало, стрелами поражаемое, покинув колесницу, в великом страхе.

28—32 Когда незамедлив победил он коварного в бою ракшаса, стал крушить твое войско на поле брани сын Арджуны, как лотосы в лotosовом пруду ослепленный течкою вождь лесных слонов. Тогда Бхишма, сын Шантану, видя, что бежало то войско, осадил сына Субхадры великою ратью колесниц. Заключив того героя в круг, принялись тесать его стрелами рьяно сыны Дхритараштры, большим числом на одного [наступая] в битве. Тот герой среди колесничных воинов, отцу отвагою равный и Васудеве подобный доблестью и мощью,

разнообразные подвиги свершил, достойные обоих — и отца, и дяди, — лучший из владеющих всяким оружием.

Тогда Завоеватель богатств, о царь, идущий на выручку сыну, сражая воинов твоих, приступил в бою к Бхишме, непримиримый. И так же отец твой Деваврата, о царь, приступил в бою к Партхе, как Демон Затмения²¹² к Солнцу. Тогда твои сыновья, о владыка народов, с колесницами, слонами и конницей окружили в бою Бхишму и оградили его со всех сторон. Так же точно и Пандавы, о царь, окружили Завоевателя богатств, в доспехи одетые, к великому бою изготовившись, о бык среди бхаратов.

Сын Шарадвана тогда Арджуну, против Бхишмы ставшего, двадцатью пятью стрелами покровил. Сатьяки, Пандавам угодить стремящийся, против выступив, пронзил его острыми стрелами, тигру подобный, [напавшему] на слона. А Гаутама проворно девятью стрелами, перьями цапли оснащенными, потомком Мадху в грудь поразил, разгневанный. Тогда внук Шини, великий воитель, раненный тяжело, тоже, гневный, страшную стрелу для Гаутамы смертоносную послал. Ее, стремительно налетающую, блеском громовому оружию Шакры подобную, надвое рассек разгневанный сын Дроны, вспыхивый необычайно. Тут внук Шини, оставив Гаутаму, лучшего из колесничных бойцов, ринулся на сына Дроны, как Раху на месяц. Сын Дроны рассек надвое лук его, о Бхарата, и, лишенного лука, ударами стрел его осыпал. Тот, взяв другой лук, для врагов смертоносный, напряжение выдерживающий [надежно], шестьдесятю [стрелами] поразил его в обе руки и в грудь. Пронзенный [ими], на миг огуленный, опустил он, мучаясь, на дно колесницы, за древко стяга ухватившись. Обретя затем сознание, блистательный отпрыск Дроны ранил, гневный, в бою потомка Вришни железной стрелой, она же, внучка Шини пронзив, вошла в землю, как могучий юный змей в нору весенней порою. Затем другой [стрелой] — бхалла — сын Дроны рассек в битве превосходный стяг потомка Мадху и львиный рык издал. И еще затмил он его ужасными стрелами, о Бхарата, как туча — солнце на исходе лета, о великий царь. А Сатьяки, о великий царь, отразив тот рой стрел, тотчас роями стрел сына Дроны поразил неоднократно. И как солнце, от череды облаков освободившееся, стал палить сына Дроны внук Шини, вражеских героев губитель. И еще его, воспрявшего, тысячью стрел обволол Сатьяки и взревел велико-мощный.

Видя, что одолевает тот сына его, как Раху — ночное светило, устремился на внука Шини блистательный Дрона. И очень острой стрелой пронзил он его в великом сражении, стремясь выручить сына своего, потомком Вришни терзаемого. Сатьяки же, победив в бою великого воителя, сына [его] наставника, пронзил Дрону двадцатью стрелами, целиком железными. А в то же самое время сын Кунти Белоконный ринулся, гневный, в бой на Дрону, вели-

33—36

37—52

53—57

кий воитель. Тогда сошлись в великом сражении Дрона и Партха, о великий царь, как Будха и Шукра на небосводе²¹³.

Глава 98

Дхритараштра сказал:

1—3 Как сошлись в бою оба героя — Дрона, великий лучник, и сын Панду Завоеватель богатств, о том расскажи мне, о Санджая. Ведь всегда дорог был сын Панду мудрому сыну Бхарадваджи, и наставник в бою всегда Партхе дорог, о Санджая. Оба колесничных бойца не насытятся битвой, свирепые, как львы. Как сошлись в схватке сын Бхарадваджи и Завоеватель богатств?

Санджая сказал:

4—5 В битве Дрона Партху не почитал дорогим ему [человеком], как и Партха учителя в бою, долг кшатрия ставя превыше всего. На поле брани, о царь, кшатрии не уклоняются от [боя] друг с другом, но бьются, не делая различий, и с родителями, и с братьями.

6—17 В сражении, о Бхарата, Партха пронзил Дрону тремя стрелами, но тот не думал [сначала], что с лука Партхи слетели те стрелы в битве. И снова ливнем стрел обволок его Партха в бою. И возгорелся тот гневом, словно огонь в [лесной] чаще. Тогда окутал Дрона Арджуну в бою, о вождь царей, крепко слаженными стрелами, о Бхарата. Тогда царь Дурьодхана послал Сушармана, чтобы он занял, о царь, на поле битвы место рядом с Дроной. И властитель тригартвов, мощно лук напрягая во гневе, окутал Партху в сражении стрелами с железными остриями. Пущенные обоими стрелы блистали в поднебесье, как гуси, о великий царь, в осеннем небе. Сына Кунти достигнув, въелись в него все те стрелы, о властелин, как птицы в дерево, гнущееся под тяжестью плодов. Арджуна же, в бою клоч издав, тригартского царя с сыном стрелами в сражении пронзил, избранный из колесничных бойцов. Они же, Партхою убиваемые, как Временем в конце юги, на Партху и устремились, на смерть решившиеся, и поток стрел пустили в колесницу сына Панду. Тот поток стрел, о вождь царей, тогда потоком же стрел перехватил сын Панду, подобный горе под водяным ливнем. И необыкновенное мы зрели проворство руки Бибхатсу, когда обрушившийся [на него] трудноодолимый ливень оружия, стрел во множестве, развеял он один, как ветер — облака. И в восторг пришли от того подвига Партхи боги и демоны.

18—22 И, разгневавшись на тригартвов, в сражении, о Бхарата, оружие Ветра обрушил на них Партха, о великий царь, в гуще боя. И ветер тогда поднялся, возмутивший небосвод, рощи дерев поваливший, [многих] воинов повергший.

Тогда Дрона, узрев ужаснейшее оружие Ветра, сам другое страшное оружие пустил в ход, о великий царь, — [оружие] Камня. И когда пустил в бой то оружие Дрона в великом сражении, улегся тогда ветер и прояснились страны света. Затем сын Панду, герой, лишил в битве стойкости и отваги колесничные рати тригартов и обратил их в бегство.

Тогда царь Дурьодхана, Крипа, избранный из колесничных бойцов, Ашваттаман, затем Шалья и повелитель Камбоджи Судакшина, Винда и Анувинда Авантийские и Бахлика со [своими] бахликами великим полчищем колесниц обложили Партху со всех сторон. И так же Бхагадатта и Шрутаюс великомогущий обложили Бхиму слоновым войском со всех сторон. А Бхуришравас, Шала и сын Субалы, о владыка народов, роями различных стрел тотчас обволокли обоих сыновей Мадри. Бхишма же вместе со всеми воинами сына Дхритараштры, подступив к Юдхиштхире, окружил его отовсюду.

23—27

Завидев наступающее слоновье войско, Волчебрюхий, сын Притхи, герой, облизал уголки губ, царю зверей в лесу подобный. Затем он, лучший из колесничных бойцов, схватив палицу, соскочил быстро с колесницы и ужас навел на воинство твое в великой битве. Увидев его с палицей в руке, те воины на слонах окружили на поле боя, настороженные, Бхимасену со всех сторон. Среди слонов оказавшись, блистал сын Панду, как солнце посреди великого нагромождения туч. И тот бык среди Пандавов стал разгонять палицей слоновье войско, словно ветер — небывало густое скопление облаков. А те слоны, избиваемые могучим Бхимасеной, вопли боли на поле боя издавали, грохочущие, словно тучи. И, многократно пораненный бивнями слонов, красовался Партха в гуще боя, цветущей ашоке подобный. Ухватив слона за бивень, он тот бивень вырывал и тем же бивнем разил слона в голову; и повергал он их в битве, словно с железом в руке бог смерти. Окровавленной палицей помавающий, сам весь покрывшийся жиром и мозгом [убитых], в наряде кровавом являлся он взорам, Рудре подобный²¹⁴. А избиваемые слоны, те, что были еще не убиты, разбегались во все стороны, о царь, свое же воинство топча. И из-за тех мечущихся повсюду огромных слонов, о бык среди бхаратов, все войско Дурьодханы опять обратилось в бегство.

28—38

Глава 99

Санджая сказал:

В полдень же, о великий царь, произошло грозящее миру гибелью жестокое сражение между Бхишмой и Сомаками. Сын Ганги, лучший из колесничных бойцов, сотнями и тысячами острых стрел крушил рати Панда-

1—12

вов. Отец твой Деваврата сминал то войско, как [топчут] стада быков поле сжатых колосьев. Дхриштадьюмна и Шикхандин, также Вирата и Друпادا, приблизившись в бою к Бхишме, разили стрелами великого воителя. Тогда, пронзив Дхриштадьюмну и Вирату тремя стрелами [каждого], в Друпаду он послал железную стрелу, о Бхарата. Пораженные на поле боя Бхишмой, великим лучником, истребителем недругов, взъярились они, о царь, словно змеи, попранные ногою. И Шикхандин пронзил прародителя бхаратов, но, в мыслях почитая его женщиной, не стал наносить ему удара неколебимый. Дхриштадьюмна же, пылая в битве гневом, как огонь, поразил деда тремя стрелами в обе руки и в грудь, Друпада двадцатью пятью, Вирата десятью стрелами, Шикхандин двадцатью пятью остриями пронзил Бхишму. Ими, великими духом, в бою израненный, о великий царь, красовался Бхишма, как цветами пестреющая красная ашока весною. И поразил их в ответ сын Ганги тремя стрелами каждого, без промаха бьющими, и стрелою бхалла рассек лук Друпады, о достойный. Тот, взяв другой лук, поразил Бхишму пятью и его колесничего тремя остроотточенными стрелами в гуще боя.

13—15 Тогда, о великий царь, Бхима, пятеро сынов Драупади, Кекаи — пятеро братьев — и Сатьяки из племени сатватов, желая блага Юдхиштхире, на сына Ганги устремились — на выручку Панчалийскому и тем, кого Дхриштадьюмна возглавлял в битве. И так же все твои, Бхишму защитить готовые, выступили против воинства Пандавов со [своими] войсками, о повелитель мужей.

16—32 И началась там великая битва, ожесточенная и беспорядочная, твоих и тех мужей, коней, колесниц и слонов, умножающая владения Ямы. Колесничий воин, подступив к колесничному, отправлял его в обитель Ямы, и так же другие нападали на [пеших] воинов и на едущих на слонах и конях здесь и там и отправляли друг друга в иной мир крепко слаженными стрелами и всякого рода страшным оружием, о владыка народов. И кони мчали во все стороны по бранному полю колесницы, лишившиеся бойцов, с убитыми колесничими. Сокрушающие во множестве людей и коней, о царь, быстрые как ветер, казались они городами гандхарвов²¹⁵. А [сами] колесничные воины, что лишились колесниц, в доспехи одетые, пылом одаренные, все в тюрбанах, с серьгами, украшенные ожерельями и браслетами, красотою равные божьим сыновьям, отвагою — Шакре равные в бою, богатством Вайшравану превосходящие, мудростью — Брихаспати, всего мира властители, герои, — там и здесь, о владыка народов, являлись они взору бегущими, словно простые люди. И слоны, о лучший из воителей, превосходных наездников лишившиеся, мчались, свои же полки топча, всяческие вопли из-

давая. Видно было, как мечутся они во все стороны, о достойный, среди разбросанных доспехов, султанов, зонтов, знамен, сбруй, стрекал, бубенцов и копий, горам или облакам подобные и, как тучи, громахающие. И твоих и тех, о владыка народов, зрели мы слоновых погонщиков, от тех слонов оставших и мечущихся так же в смятении боя. И видел я сотни и тысячи коней, из разных стран происходящих, украшенных золотом, быстрых как ветер, и всадников с убитых коней мы зрели повсюду — с мечами в руках бегущих или спасающихся бегством на поле боя. Слон, с бегущим слонем столкнувшись в великой битве, мчался стремительно, сминая пеших и конных, так же и колесницы крушил слон на бранном поле, а колесница, достигнув пешего или конного, о царь, давила в бою коней и людей на поле. Так всячески они сокрушали друг друга.

И меж тем как длилась та свирепая, великий страх порождающая битва, ужасная река потекла волнами из крови и внутренностей — с плотинами из нагроможденных костей, с травой и водорослями из волос [убитых], с запрудами из колесниц, водоворотами из стрел, с рыбами-конями, неприступная, камнями-головами усыпанная, крокодилами-слонами кишачая, пенящаяся латами и тюрбанами, с островками из луков и отмелями из мечей, с густыми рощами из знамен и стягов по берегам из [тел] смертных, которые она подмывала, сонмами пожирателей трупов усеянная, владения Ямы умножающая. И многие кшатрии, герои, о царь, через ту реку переправлялись на конях, слонах и колесницах, как на кораблях, забыв о страхе, в великом сражении. Она же уносила робких, впавших в отчаянье, как Вайтарани [уносит] погибшие души в град Царя призраков²¹⁶. 33—38

И возглашали там кшатрии при виде того великого побоища: «По вине Дурьодханы к гибели идут Кауравы! Как мог он, злой душою сын Дхритараштры, повелитель народов, ненависть питать к добродетельным сынам Панду, алчностью ослепленный!» Такие речи всюду слышались там, о Бхарата, вместе с похвалами Пандавам, для сыновей же твоих весьма неблагоприятные. Выслушав тогда те речи, что вели все воины, самый грешный во всем мире, сын твой Дурьодхана Бхишме, Дроне, Крипе и также Шалье сказал, о Бхарата: «Сражайтесь, не кичась собою! Что вы медлите?» 39—43

Затем продолжилась битва куру с пандавами, о царь, тогдашней игрою в кости порожденная ужаснейшая бойня. Ты видишь теперь, о сын Вичитравирьи, каков плод того, что не внял ты некогда предостережениям великих духом! Ни сыны Панду, о царь, с войсками своими и союзниками не щадят жизни в битве, ни Кауравы, о владыка народов. По этой причине продолжается страшное истребление людей — судьбы ли волею, о муж-тигр, но также и из-за твоего прегрешения, о повелитель! 44—47

Глава 100

Санджая сказал:

1—8 Арджуна же, о муж-тигр, царей, возглавляемых Сушарманом, отправлял в чертог Царя призраков острыми стрелами. Тогда Сушарман пронзил Партху стрелами в бою и Васудеву семьюдесятью, а Партху еще девятью. Поток [своих] стрел их отразив, сын Шакры²¹⁷, великий воитель, [продолжал] посылать в бою воинов Сушармана в обитель Ямы. Истребляемые Партхою, словно Временем [самим] в час кончины мира, бежали, когда объял их страх на поле битвы, великие воители. Некоторые оставляли [своих] коней, некоторые — колесницы, о достойный, другие же слонов покидали и разбегались во все стороны. Иные же уводили с поля боя коней, слонов и колесницы и с великой поспешностью мчались прочь, о владыка народов. Пехотинцы, бросая оружие, не думая друг о друге, разбегались поодиночке в великой битве, о Бхарата. И хотя пытались удержать их неоднократно Сушарман Тригартский и другие славные цари, они в бою не оставались.

9—13 Видя, что разгромлена та сила, сын твой Дурьодхана, поставив Бхишму во главе, все войско возглавлявшего, со всем рвением великим устремился на Завоевателя богатств ради [спасения] жизни повелителя тригартов, о владыка народов. Только он вместе со всеми братьями оставался на поле битвы, сея стрелы различного рода, остальные мужи бежали. Так же и Пандавы, о царь, со всем рвением, вооружившись, пошли на помощь Пхальгуне — туда, где расположился Бхишма. А те, зная грозную мощь в бою владетеля лука Гандивы, громкими криками себя подбадривая, сошлись со всех сторон к Бхишме.

14—26 Тогда герой с пальмой на знамени²¹⁸ рать Пандавов стрелами крепко слаженными покрыв в бою. И когда наступил полдень, о великий царь, все куру с пандавами сражались, вместе слившись. Сатьяки, пронзив Критавармана пятью остриями, стал на поле боя, герой, сея стрелы тысячами. Также царь Друпата, поразив Дрону сотнями стрел, еще пронзил его семьюдесятью и его колесничего семью. Бхимасена же царя Бахлику, деда, пронзив, громовый рев издал, словно тигр в лесу. Сын Арджуны, пораженный многими быстрыми стрелами Читрасены, тремя Читрасену тяжело в грудь поразил. И оба высокородных, сошедшиеся на поле брани, блистали, как на небе две великие грозные [планеты], о царь, — Будха и Шанайшчара. Девятью стрелами убив четырех коней [врага] и его возницу, мощный рев издал сын Субхадры, вражеских героев губитель. Соскочив с колесницы, потерявшей коней, великий воитель тот взошел тотчас на колесницу Дурмуххи, о владыка народов. А Дрона, пронзив Друпату крепко слаженными стрелами, немедля, сме-

льи, пронзил и его колесничего. Тогда, уязвляемый [им] во главе ратей, обратился в бегство на быстрых конях царь Друпادا, помня о старинной вражде [между ними]. Бхимасена же, за мгновение словно, лишил царя Бахлику на глазах у всего войска коней, возницы и колесницы. В смятении, великой опасности подвергаясь, о великий царь, соскочил тогда Бахлика, высочайший из мужей, с боевой повозки и взшел тотчас на колесницу Лакшманы, великий воитель.

Сатьяки, великий воитель, отразив [натиск] Критавармана, многообразные стрелы направил, о царь, на деда. Поразив потомка Бхараты шестьюдесятью острыми, волос рассекающими, словно приплясывал он на уступе колесницы, помавая огромным луком. Дед метнул в него огромный дротик железный, золотом разукрашенный, быстролетный, красотою деве нагов подобный²¹⁹. Его, налетающий внезапно, смертоносный, мощью наделенный, раздробил проворно многославный потомок Вришни. Не достигнув потомка Вришни, ужаснейший дротик тот упал на землю, как великий метеор, блеска лишившийся. А потомок Вришни тогда, о царь, схватив немедля свой дротик устрашающий видом, метнул его в колесницу деда. Быстрою рукою потомка Вришни пущенный в великой битве, быстро налетел он на мужа, Ночи светопреставления подобно²²⁰. Его, налетающий внезапно, рассек тот надвое, о Бхарата, двумя острейшими стрелами-ножами, и распался он на земле. Разрубив же дротик, сын Ганги, усмехаясь, гневный, девятью стрелами нанес удары Сатьяки, врагов истребитель. Тогда Пандавы, о старший брат Панду, с колесницами, слонами и конницей осадили Бхишму, дабы защитить потомка Мадху. И произошла тогда на бранном поле ожесточенная, вздымающая волосы дыбом битва пандавов и куру, победы взыскующих.

27—37

Глава 101

Санджая сказал:

Видя, что обложили гневного Бхишму на поле битвы пандавы, о великий царь, словно солнце в небе на исходе лета — облака, Дурьодхана, о великий царь, молвил Духшасане: «Сей герой, великий лучник Бхишма, врагов сокрушитель, Пандавами-героями со всех сторон окружен, о бык среди бхаратов! Твоя задача, о герой, — защитить великого духом! Ибо, если защищен будет в бою Бхишма, наш прародитель, он убьет в бою налегающих панчалов с Пандавами вместе. И долгом нашим я считаю — оградить Бхишму, ибо великий лучник сей, Бхишма, дед, — наш спаситель. Всеми войсками его оградив, защити деда, нелегкие деяния свершающего на поле боя!» Когда он так сказал ему, сын твой Духшасана расположился [на поле], великой ратью окруженный, Бхишму оградив.

1—7

- 8—15 Тогда сын Субалы с сотней тысяч конников, вооруженных мечами и копьями и с блистающими дротиками в руках — их еще подкрепляли обученные, боеспособные превосходные мужи — гордых, стремительных, мощных, — преградил путь Накуле, Сахадеве и Царю справедливости, сыну Панду, лучшему из воителей, окружив их со всех сторон. Затем царь Дурьодхана еще десять тысяч храбрых всадников послал преградить путь Пандавам. И под копытами [коней], о царь, в бой стремящихся с великой быстротой, словно птицы, содрогнулась и застонала земля. Громкий стук конских копыт тогда раздавался, подобно [трещанию] горящих обширных зарослей бамбука на горе. И поднятая ими там густая пыль, пути дневного светила достигнув, затмила солнце. Под [натиском] стремительных тех коней заколебалось войско Пандавов, как большое озеро, на которое опустились быстролетные гуси. И за ржанием [коней] уже ничего не было слышно.
- 16—24 Тогда царь Юдхиштхира и оба сына Мадри, оба Пандавы, рьяно дали отпор в бою налету конников, как в полнолуние [отражает] брег великого океана бурный прилив вѣд, о великий царь, переполнившихся и нахлынувших в пору дождей. Затем те колесничные воины, о царь, стрелами, крепко слаженными, стали отсекал головы от тел всадникам на конях. Сраженные могучими лучниками, падали те, о великий царь, как великие слоны, [другими] слонами повергнутые в горном ущелье. А они острыми дротиками и стрелами, крепко слаженными, отсекали головы, во все стороны устремляясь, когда же сближались со всадниками, о бык среди бхаратов, мечами головы срубали, как плоды с великого древа. И здесь и там кони со всадниками, о царь, сражаемые, повергались и падали сотнями и тысячами. Избиваемые так, измученные страхом, мчались кони прочь, словно львов повстречавшие олени, жизнь в отчаянье спасая. Пандавы же, врагов в великом бою победив, затрубили в раковины и забили в барабаны на поле битвы.
- 25—33 Тогда Дурьодхана, видя, о лучший из бхаратов, что войско его впадо в уныние, такое слово царю мадров молвил: «Вот старший сын Панду победил моих, о дядя! На глазах у нас, о мощнорукий, гонит он, сильный, [наше] войско. Противостань ему, о мощнорукий, как берег — обиталищу макара! Ведь славишься ты всего превыше неодолимой мощью и отвагой!» Вняв этой речи твоего сына, Шалья блистательный с ратью колесниц направился к Юдхиштхиру. Тогда сын Панду преградил путь огромному войску Шальи, рвущемуся в бой стремительно, с быстротой мощного потока. И немедля Царь справедливости, великий воитель, поразил в бою царя мадров десятью стрелами в грудь, Накула же и Сахадева — тремя меткими каждый. А царь мадров их всех поразил тремя каждого и еще пронзил Юдхиштхиру шестьдесятю острыми стрелами и сынов Мадри неистовых поразил двумя каждого. Тогда Бхима мощнорукий, видя, что царь [Юдхиштхира], словно в пасть Смерти вступая, при-

близился в битве к рати царя мадров, устремился в бою к Юдхиштхире [на помощь], недругов победитель. Затем, когда сияющее солнце склонилось к закату, продолжилась чрезвычайно страшная та битва, великий ужас наводящая.

Глава 102

Санджая сказал:

Тогда отец твой превосходными острыми стрелами, гневный, наносил в битве удары сынам Притхи и войскам их повсюду. Он пронзил Бхиму двенадцатью, Сатъяки — девятью стрелами, и Накулу тремя остриями, и Сахадеву — семью. Юдхиштхиру двенадцатью он поразил в обе руки и в грудь, и, Дхриштадьюмну затем пронзив, он, великомогущий, клич издал. В ответ Накула шестью, Мадхава тремя стрелами, Дхриштадьюмна семьюдесятью, Бхимасена пятью, Юдхиштхира двенадцатью — поразили деда. Дрона же, пронзив Сатъяки, пронзил [затем] Бхимасену — каждого пятью острыми стрелами, жезлу Ямы подобными. И те двое в ответ тремя меткими каждый поразили Дрону, быка среди брахманов, словно великого слона стрекалами. Саувиры, китавы, [воины] Востока, Запада, северяне, малавы, абхишахи, шурашены, шиби, васати — не отступали от Бхишмы, [как ни] сражал он их острыми стрелами в битве. И так же другие, которых Пандавы, великие духом, избивали, на пандавов наступать [продолжали], по-разному вооруженные, а Пандавы все так же осаждали деда, о царь.

Он же, ратями колесниц со всех сторон осажденный, [но] не побежденный, пылал, врагов испепеляющий, словно вспыхнувший в чаще леса огонь. Святилищем огня была его колесница, языками [пламени] — его лук, топливом — меч, дротик и палица, искрами — стрелы; так Бхишма-огонь испепелял кшатриев-быков. Стрелами с крепкими древками позолоченными, ястребиными перьями оперенными, карни, наликама²²¹ и железными, он покрыл то войско. Острыми стрелами он сбивал и стяги, и [самих] колесничных бойцов и рощам пальм со срезанными верхушками рати колесниц уподоблял. Колесницы, слонов и коней, о царь, оставлял без людей на поле битвы тот мощнорукий, лучший из владеющих всяким оружием. Удар его ладони о тетиву слышав, что словно раскатами грома отозвался, содрогнулись все существа, о Бхарата. Ведь без промаха били острия отца твоего, о бык среди бхаратов, и не застревали в доспехах слетевшие с лука Бхишмы стрелы. И колесницы с убитыми героями видели мы, о царь, которые влекли по полю сражения, о великий царь, запряженные в них быстрые кони. Четырнадцать тысяч великих воителей — чеди, кашийцы и каруши — под золотом украшенными стягами, прославленные сыны [знатных] родов, самоотверженные,

не обращающиеся вспять [в бою], в битве приблизившись к Бхишме, богу смерти с разверстою пастью подобному, все низринуты были в иной мир вместе со [своими] конями, колесницами и слонами. И сотни и тысячи, о царь, видели мы [там] колесниц со сломанными осями и [другими] частями, со сломанными совершенно колесами. И колесницами с разбитыми бортами, павшими колесничными воинами, стрелами пробитыми превосходными доспехами, трезубцами, палицами и булавами, о владыка народов, и мечами, длинными стрелами, поломанными днищами колесниц, колчанами и колесами, о достойный, многими луками, клинками [отсеченными] головами с серьгами, рукавицами и перчатками, поваленными знаменами и луками, всячески изломанными, устлана была земля. И сотнями и тысячами носились там стремительно [по полю], о царь, слоны с убитыми погонщиками и кони с убитыми всадниками. И те герои [Пандавы], как ни старались, не могли остановить обратившихся в бегство великих воинов, стрелами Бхишмы уязвляемых. Великая рать, которую истреблял он, мужеством равный великому Индре, была рассеяна, о великий царь, так, что вместе и двое [нигде] не бежали. С поверженными колесницами, слонами и конями, с брошенными знаменами и колесничными дышлами, в беспамятство впало войско сынов Панду, горестными воплями оглашаемое. И среди [тех] стенаний отец разил сына, сын — отца, друг — милого друга, властью судьбы подвигнутые. И являлись [там] взору, о Бхарата, воины сына Панду, бежавшие, бросив доспехи, с распущенными волосами. И войско сына Панду с мечущимися колесницами и слонами выглядело тогда как мятущееся стадо коров, в муках ревущее.

30—34 Видя, что разгромлено то войско, [Кришна], отрада ядавов, сдержав великолепную колесницу, сказал Бибхатсу, сыну Притхи: «Пришло то время, о Партха, которого ты ждал с нетерпением! Порази его, о муж-тигр, а иначе — ложным мнением, [скажу я], ты обманут! Как молвил ты некогда, о герой, при сошедшихся в столице Вираты царях, о Партха, в присутствии Санджай: “Всех воинов сына Дхритараштры во главе с Бхишмой и Дроной и союзников их я убью, тех, кто будет сражаться со мною на поле боя”. О сын Кунти, оправдай эти речи, о врагов укротитель! О долге кшатрия помня, сражайся, о бык среди бхаратов!»

35—37 Когда сказал ему так Васудева, потупил голову, искоса глянув, Бибхатсу и, словно неохотно, ему такое слово молвил: «Тех убить, кого нельзя убивать, и царство [тем обрести] или ад в конце, либо тяготы жизни в лесу — что лучше для меня? Гони коней туда, к Бхишме, свершу я по слову твоему, повергну необоримого старого деда куру».

38—49 Тогда погнал серебристых коней Мадхава, о царь, туда, где [пребывал] Бхишма, на коего не поднять было взора, о царь, как на лучезарное солнце. И опять повернуло тогда назад великое войско Юдхистхиры, видя, что вступил

в бой с Бхишмой мощнорукий Партха на поле брани. Бхишма тогда, лучший из куру, львиный рык испустил вновь и вновь и тотчас ливнями стрел окропил колесницу Завоевателя богатств. И мгновенно колесница его с конями и с колесничим неразличима стала за тем обильным ливнем стрел. Но не смутился Васудева из племени сатватов и сохранил твердость духа, и он погнал тех коней, поражаемых стрелами Бхишмы. Затем Партха, взяв чудесный лук, тучи гром издающий, выбил острыми стрелами лук у Бхишмы, сказав. Кауравья, со сломанным луком [оказавшись], во мгновение ока другой великий лук вновь приготовил, отец твой. Затем обеими руками натянул он лук, тучи гром издающий, но и тот его лук сломал гневный Арджуна. И восхвалил то его проворство сын Шантану: «Славно, о Партха мощнорукий, славно, о сын Кунти!» Так промолвив, взял он другой блистающий лук, и стал Бхишма пускать стрелы в колесницу Партхи на поле брани. Но высшее искусство явил Васудева в управлении конями, круги описывая, он избег его стрел. Стрелами израненные, оба мужа-тигра, Бхишма и Партха, красовались, словно два могучих быка неистовых, следами рогов отмеченных.

А Васудева, видя, что бережно сражается Партха, Бхишма же неусыпно ливни стрел извергает в бою и самых лучших бойцов сына Панду одного за другим сражает, что словно светопреставление творит Бхишма с юдхиштхи-ровским войском, не мог он вынести того, мощнорукий из рода Мадху, вражеских героев губитель. Оставив серебристых коней Партхи, о достойный, соскочил-таки великий йогин во гневе с великой колесницы и устремился, могучий, на Бхишму с голыми руками. С [одним] бичом в руке, исполненный пыла, львиный рык испуская вновь и вновь, он поступью своею словно мир сокрушал, мира владыка. С очами, побагровевшими от гнева, неизмеримого величия исполненный, пылая жаждою убийства, он словно поглощал души [воинов] твоих в великой битве. Увидев, что подступает в схватке Мадхава к Бхишме на поле брани, возопили там воины: «Пропал Бхишма, убили Бхишму!» — и в бегство обратились все мужи в страхе перед Васудевой. В желтый шелк одетый, [сам же] темный, как черный жемчуг, блистал Джанардана, к Бхишме стремящийся, словно опоясанная молниями туча.

Словно лев на слона, словно стада вожак на [другого] быка, устремлялся он с ревом [вперед], пыла исполненный, бык среди ядавов. Увидев, что падает он, лотосоокий, [на него] на поле брани, не смутился Бхишма, натянул [свой] огромный лук и сказал Говинде, не смутившийся душою: «Приди, приди, о лотосоокий, слава тебе, о бог богов, повергни меня сегодня в великой битве, о лучший из сатватов! Ведь быть убитым тобою, о бог, в сражении, о безупречный, есть высшее благо для меня, о Кришна, в мире ином и здесь тоже! Тремя мирами почести оказаны мне сегодня, о Говинда, в [этой] битве!» Между тем Партха, устремившись следом за Кешавой, схватил его, мощнорукий, и об-

хватил обеими руками сзади. Партхою схваченный, [продолжал, однако,] быстро [вперед] продвигаться Кришна лотосокий, лучший из мужей, таща того [за собою]. Но Партха, вражеских героев губитель, ногами упершись, удержал кое-как Хришикешу силой на десятом шагу. Тогда Арджуна, удрученный, ему, гневные взоры мечущему, вздохи, словно змей, испускающему, сказал, вражеских героев губитель: «Вернись, о мощнорукий, да не обратишь ты в неправду то, что обещано было тобою прежде, о Кешава, — что не будешь ты сражаться! Лжецом назовут тебя люди, о Мадхава! Ибо мое во всем это бремя — я убью верного обету²²². Дружбой, истиной, добродетелью клянусь: я на все пойду ради [истребления] врагов, о врагов истребитель. Уже сегодня узришь ты вдруг поверженным неборимого великообетного, как владыку звезд на ущербе в час кончины [мира]».

70—78 Вняв этим речам великого духом Пхальгуны, ничего не сказал Мадхава, но взошел во гневе опять на колесницу. И этих обоих мужей-тигров, стоящих на колеснице, вновь окропил ливнем стрел Бхишма, сын Шантану, как две горы дождем туча. И забирал жизни [их] воинов отец твой Деваврата, как солнце лучами силы жизни по истечении зимы. Как сын Панду громил в бою куру войска, так громил в бою войска Пандавов отец твой. А избиваемые и бегущие воины, потерявшие мужество и обеспамятевшие, не смели и глянуть на не знающего равных Бхишму на поле боя, словно на солнце в полдень, жаром своим палящее. Бхишмою истребляемые, словно Временем [самим] в час гибели мира, ужасом охваченные, о великий царь, взирали на него пандавы и не находили спасителя на поле боя, словно коровы, забредшие в болото, словно слабосильные муравьи, которых топчет сильный. На Бхишму, великого воителя несокрушимого, извергающего потоки стрел, испепеляющего властителей людей, не смели они поднять взоры, как на солнце, палящее лучами-стрелами. А меж тем как сокрушал он войско панду, склонилось к закату светило тысячи лучей. Тогда изнуренные [ратным] трудом войска помыслили об отступлении [с поля битвы].

Глава 103

Санджая сказал:

1—5 Когда зашло солнце, меж тем как они [еще] сражались, зловещие сумерки наступили, и уже мы не видели поля боя. Тогда царь Юдхиштхира, видя, что смерклось, о Бхарата, и что, Бхишмой, сокрушителем недругов, истребляемое, повернуло вспять его войско, бросая оружие, лишь о бегстве помышляя, и неистового Бхишму видя, преследующего на поле боя великих воителей, и Сомаков, побежденных, павших духом великих воителей, задумался и, какое-

то время поразмыслив, подал знак к отступлению. И отступил тогда со своими войсками царь Юдхиштхира. Также отступили тогда и твои войска.

Затем, отведя оттуда войска, расположились на отдых великие воители, о лучший из куру, ранами в битве покрытые. Но, размышляя о подвигах Бхишмы в сражении, никак не могли тогда обрести покоя Пандавы, Бхишмой уязвленные. А твои сыновья воздали почести Бхишме, победившему в бою пандавов со сринджаями, и восхваляли его, о Бхарата, и он расположился на отдых вместе с куру, изъявлявшими радость повсюду. 6—9

Тогда наступила ночь, все существа в забвенье погружающая. В начале той страшной ночи Пандавы с вришнейцами и необоримые сринджаи собрались на совет. И все они, великомощные, держали совет, смятенья чуждые, в принятии решений искушенные, о том, что в наступившее время для них всего благотворней [будет]. Тогда царь Юдхиштхира, посоветовавшись некоторое время, о повелитель, обратившись к Васудеве, так ему сказал: «Ты видишь, о Кришна, как великий духом Бхишма, грозный мощью, топчет мое войско, словно слон — заросли тростников. Мы же на него, великого духом, взоры поднять не смеем, когда слизывает он рати, как пылающий огонь. Поистине великому и ужасному змию Такшаке, яда исполненному, подобен блистательный Бхишма в битве, о Кришна, когда с острым оружием, с луком в руках мечет он на поле брани отточенные стрелы. Можно победить гневного Яму или властелина богов с ваджрою в руке, Варуну, Носителя петли, Владыку богатств с его палицей, но Бхишму, ярости преисполненного, в великой битве победить невозможно! И получается, о Кришна, что низвержен я в пучину горя, по слабости рассудка моего к Бхишме в бою подступивший. Я удалюсь в леса, о необоримый, благом будет мой уход туда. Не тешит меня битва, о Кришна, ведь всякий раз нас Бхишма сражает. Как в пылающий огонь летящий мотылек только смерть [там] найдет, так и я, к Бхишме приблизившийся. К гибели влекусь я, ради царства доблесть являя, также и братья мои, герои, стрелами жестоко уязвляемые. Из-за братской любви ко мне потеряли они царство, также из-за меня и Кришна [Драупади] пострадала, о Губитель Мадху. Очень дорожу я жизнью, ведь жизнь трудно сохранить сегодня. Жизнь, оставшуюся мне отныне, проведу я, высшей добродетели [посвятив]. Если заслуживаю я вместе с братьями твоей милости, о Кешава, то, что не противно долгу моему, объяви мне, о Кешава!» 10—24

Вняв той весьма пространной речи его, состраданием движимый, отвечал тогда Кришна, Юдхиштхиру утешая: «О сын Дхармы, не предавайся скорби, о верный [своим] обещаниям, есть у тебя твои братья, непобедимые герои, врагов губители! Ветру и Огню²²³ равны мощью Арджуна и Бхимасена, сыны Мадри доблестны оба, как Владыка Тридцати. Меня тоже считай, дружбы ради я готов сразиться с Бхишмой, чего не сделаю я, о царь, по твоему ука- 25—39

занию в великой битве! Я убью Бхишму в бою на глазах у сынов Дхритараштры, вызов бросив мужу-быку, если не хочет того [сделать] Пхальгуна. Если [только] с убийством Бхишмы, о царь, ты видишь победу [одержанной], я с одной [моей] колесницей готов сегодня же сразить старого деда куру. Видь отвагу мою, о царь, — как у великого Индры в битве! Я повергну его с колесницы, [если даже] великое оружие он пустит в ход. Кто враг сынам Панду, тот и мне враг, несомненно, кто за меня, тот и за тебя, кто мои, те и твои! Твой брат — мой друг, свойственник и ученик, собственную плоть готов я отсечь и отдать ради Арджуны, о владыка земли! И он, муж-тигр, готов жизнь отдать за меня. Уговор наш таков, друг мой: выручаем друг друга. Только прикажи, о властелин царей, — и я приду на помощь. Некогда в Упаплавье дал обещание Партха в присутствии Улуки, что сразит сына Ганги²²⁴. О тех словах мудрого Партхи мне можно бы и умолчать, и, если разрешит мне Партха, я [сам] готов исполнить это обещание, не сомневайся. Но все же Пхальгуне определено это бремя в битве. Он убьет в сражении Бхишму, завоевателя вражеских городов. Партха, если захочет, может совершить невозможное на поле битвы. Даже Тридцать [богов] со всею их мощью, с дайтьями и данавами соединившихся, сразить может Арджуна в бою, что говорить о Бхишме! Не на той стороне, что полагается ему, великий мужеством Бхишма, сын Шантану, лишился он духа, мало жить ему осталось, и не ведает он теперь, что делать должен».

Юдхиштхира сказал:

40—43 Так оно и есть, о мощнорукий, как ты говоришь, о Мадхава! Ибо никому из них не хватит силы противостоять ярости твоей. Несомненно, обрету я все, что пожелаю, о муж-тигр, под твоим покровительством пребывая, о великомощный. Самих богов с Индрою [во главе] могу победить я в битве, о лучший из победоносных, когда ты, о Говинда, — покровитель мой. Что мне [тогда] в великом сражении Бхишма? Но я не дерзаю обратиться в неправду твои слова, как ни важно для меня собственное дело. Окажи мне помощь, не сражаясь, как было условлено, о Мадхава!

44—49 Но некий договор заключил со мною Бхишма, о Мадхава: «Я помогу тебе советом, сражаться же [за тебя] никак не буду. За Дурьодхану я буду сражаться, истинно [говорю тебе]». Так [сказал он мне], о властитель. Ведь он и царства мне даятель, и совета, о Мадхава. Потому все вместе с тобою [пойдем] еще к Деваватре, спросим о средстве убить его, о Губитель Мадху. Так идем скорее к Бхишме, высочайшему мужу, если по душе тебе [это], о потомок Вришни, спросим совета у Кауравы. Благое слово он скажет и правдивое, о Джанардана. Как он скажет, о Кришна, так я и сделаю в бою. Обету верный, он и победу, и совет нам дарует, он нас взрастил, детей, отца лишенных. И

если старого деда, того, кто для [нашего] отца [был] дорогим отцом, я убить хочу, о Мадхава, — будь он проклят, кшатрийский удел!

Санджая сказал:

Тогда молвил, о великий царь, ему, отраде куру, потомок Вришни: «Всегда 50—52 мне по душе то, что ты говоришь, о мощнорукий. Умудрен [в боях] Деваврата, одним взглядом уже испепеляет Бхишма [врагов]. Ступай к сыну Стремящейся к океану²²⁵, спроси о средстве убить [его]. Правду он молвить изволит, особенно если ты его спросишь. Мы пойдем туда, чтобы спросить [об этом] деда куру, поклонимся ему и спросим у него совета, о Мадхава. Он даст нам совет, и мы последуем ему в сражении с врагами».

Так посовещавшись, герои Пандавы, о старший брат Панду, отправились 53—67 все вместе и [с ними] мужественный Васудева к обители Бхишмы, оставив оружие и доспехи. Войдя тогда к Бхишме, о великий царь, Пандавы склонили головы перед ним, воздавая почести ему, о бык среди бхаратов, поклонившись ему, они отдались под его покровительство. Сказал им [тогда] мощнорукий Бхишма, дед куру: «Добро пожаловать, о потомок Вришни, добро пожаловать, о Завоеватель богатств. Добро пожаловать и сыну Дхармы, Бхиме, обоим близнецам. Что могу я нынче сделать ради умножения радости вашей? Всей душой готов я это сделать, как бы ни было трудно оно». Когда сказал им так сын Ганги благожелательно снова и снова, слово молвил ему удрученный душою Юдхиштхира, сын Дхармы: «Как нам победить, о знаток Закона, как нам обрести царство, как избежать истребления народа, скажи мне, о властелин! И да откроешь ты нам средство для убиения твоего, и как нам, о царь, противостоять тебе в бою! Ведь нет у тебя ни крошечного даже уязвимого места, о дед куру, и в битве видят тебя всегда с луком, [вращаемым] по кругу! Как ты берешь и нацеливаешь [стрелы], натягиваешь лук — нам не уследить, о мощнорукий, когда предстаешь ты на колеснице, словно солнце, сражающий мужей, коней, колесницы и слонов, о губитель вражеских героев! Кто тот муж, что дерзнет убить тебя, о бык среди бхаратов? Изливая мощные ливни стрел, о высший муж, ты ведь к гибели ведешь мою могучую рать. Как победить мне тебя в бою, как овладеть царством либо как войско обезопасить, о том, о дед, поведай мне!» Тогда, о старший брат Панду, обращаясь к Пандавам, сын Шантану молвил: «Никогда, о сын Кунти, пока я остаюсь в живых на поле брани, не видеть вам успеха, истинно говорю тебе! Но, когда я буду побежден в битве, вы непременно одержите победу над Кауравами. Скорее сразите меня, если желаете победы в бою. Я разрешаю вам, о сыны Притхи, разите, сколь вам угодно! Это хорошо как раз, я думаю, что вы [настолько] знаете меня²²⁶. Убьют меня, и всё убьют, поэтому пусть оно так и свершится!»

Юдхиштхира сказал:

68—69

Поэтому поведай нам о средстве, которым мы можем в битве победить тебя, что гневен в бою, словно [сам] бог смерти с жезлом в руке. Можно победить Держателя ваджры и Варуну и также Яму, но тебя в битве победить невозможно — даже богам и демонам с Индрою вместе!

Бхишма сказал:

70—82

Правда, о мощнорукий, то, что ты сказал, о сын Панду: невозможно победить меня в бою даже богам и демонам с Индрою вместе, когда я с оружием наготове и держу [свой] превосходный лук, но если я в бою положу оружие, о царь, убьют меня великие воители. Но с теми, кто бросил оружие, упал, уронил доспех или знамя, обратился в бегство, испугался, кто восклицает: «Сдаюсь!» — с женщиной, с носящим женское имя, с калекой, с единственным сынком, с недостойным, с безобразным — не по душе мне сражаться. И узнай, о Партха, о решении, уже прежде мною принятом: если неблагоприятный знак я увижу, ни за что сражаться не стану. Есть у тебя в войске, о царь, великий воитель Шикхандин, сын Друпеды, воинственный, храбрый, в боях победоносный. Он был женщиной прежде, потом обрел мужское естество — вы знаете все о том, как оно было. Пусть Арджуна, герой, в бою поставив впереди Шикхандина, тотчас поразит меня стрелами, к нему вплотную [держась]. При таком неблагоприятном знаменнии — особенно [когда оно] в образе бывшего прежде женщиной — ни за что не захочу я биться, [даже будучи] с оружием в руках. В это время, приблизившись, пусть немедленно Завоеватель богатств, сын Панду, поразит меня насмерть стрелами отовсюду, о бык среди бхаратов! Ибо никого я не вижу в мирах, кто мог бы меня, готового [к бою], сразить, кроме Кришны, великого судьбою, либо Завоевателя богатств, сына Панду. Поэтому, выдвинув вперед ко мне кого-нибудь другого, да повергнет меня Бибхатсу, и тогда за тобою будет победа. Сделай так по реченному мною слову, о сын Кунти, и тогда победишь ты сошедшихся в бою сынов Дхритараштры!

Санджая сказал:

83—89

Затем, почтив Бхишму, деда куру, с [его] позволения вернулись сыны Притхи к своему стану. После сказанного сыном Ганги, иному миру себя обрекшим, горем терзающийся Арджуна со стыдом так молвил: «С дедом, высшим, старшим в роду, совершенным в мудрости, вещим, как я буду сражаться на поле брани, о Мадхава? В детстве, о великомудрый Васудева, я, мальчик, бывало, весь запыхавшийся, играя, взбирался ему, великому духом, на колени и марал его, о старший брат Гады. Батюшкой я называл его, отца

[нашего] отца, великого духом Панду. “Не батюшка я тебе, я — батюшка отцу твоему, о Бхарата”, — говорил он мне в детстве. Как же я могу убить его? Ладно, пусть истребят мое войско, я не буду сражаться с великим, победа ли ждет меня или гибель. Или как ты полагаешь, о Кришна?»

Преславный Кришна сказал:

Ты обещал прежде, о Джишну, сразить Бхишму в битве. Как же, о Партха, долг кшатрия блюдя, ты не убьешь его [теперь]? Повергни его с колесницы, о Партха, как древо, громом пораженное! Пока не убьешь в бою сына Ганги, победы для тебя не будет! Предопределено это уже богами и свершится помимо воли твоей. Убьет Бхишму сын Индры, так оно [будет], и не иначе! Ведь трудноодолимого Бхишму, богу смерти подобного, пасть разверзшему, никто, кроме тебя, убить не может, даже сам Громовержец. Порази Бхишму, о мощнорукий! И выслушай слово мое о том, что сказал некогда Шаkre великомудрый Брихаспати: «Даже старшего, о Шаkra, даже достоинствами наделенного, если со злым намерением он как убийца приходит, надо убить!» Вечным остается этот закон для кшатриев, о Завоеватель богатств: должно им сражаться, защищать [подданных] и приносить жертвы, злости [ник кому] не питая!

Арджуна сказал:

Шикхандин конечно же будет погибелью Бхишмы, о Кришна! Ибо всегда, едва завидев Панчалийского, Бхишма отвращается от него. И мы, Шикхандина поставив во главе, средством таким повергнем сына Ганги — так я мыслю. Других великих лучников [врага] я отброшу [моими] стрелами, Шикхандин же, лучший из сражающихся, приблизится [тогда] к Бхишме. Ты [сам] слышал от предводителя куру, что не станет он убивать Шикхандина, ибо девою тот родился в прошлом, [только] потом превратился в мужчину.

Санджая сказал:

На том и порешив, Пандавы вместе с Мадхавой взошли, мужи-быки, каждый на свое ложе.

Глава 104

Дхритараштра сказал:

Как напал на сына Ганги Шикхандин на поле брани и как Пандавы на Бхишму [напали], о том расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

2—10 Затем на ясной заре перед восходом солнца под бой множества барабанов и литавр, под звуки трубящих со всех сторон беломолочных раковин пошли пандавы в бой, выставив Шикхандина впереди, о великий царь, строй развернув, для любого врага сокрушительный. Шикхандин был впереди всех войск, о владыка народов. Колеса его тогда [по бокам] охраняли Бхимасена и Завоеватель богатств, с тыла — сыны Драупади и мужественный сын Субхадры, Сатьяки и Чекитана, великий воитель, их прикрывавший, далее сзади — Дхриштадьюмна, поддерживаемый панчалами, затем царь Юдхиштхира с обоими близнецами, о властитель, львиный рык издавая, выступали, о бык среди бхаратов. Далее же следом — Вирата в окружении своего войска, а еще сзади, о великий царь, поспешал Друпادا. Пятеро братьев Кекаев и мужественный Дхриштaketу тыл [всего] войска панду охраняли, о Бхарата. Так великое войско построив, на твою рать устремились Пандавы в бой, жизнью своей не дорожа.

11—16 Так же и куру, о царь, Бхишму великогомощного впереди всех войск выставив, пошли на пандавов. [Бхишму] поддерживали сыновья твои трудноодолимые, великогомощные весьма, далее — Дрона, великий лучник, и его сын, великий воитель, следом — Бхагадатта в окружении слоновьего полчища, Крипа и Критаварман, оба Бхагадатте преданные, еще следом могучий царь Камбоджи Судакшина и Джаятсена Магадхийский и сын Субалы с громадной силою, а другие цари, великие лучники, во главе с Сушарманом охраняли тыл твоего войска, о Бхарата. При наступлении каждого дня Бхишма, сын Шантану, устанавливал [какой-либо] строй на поле боя — Асурский, или Пишачей строй, или Ракшасов.

17—23 И началась тогда битва, о Бхарата, твоих и тех, разящих [взаимно] друг друга, о царь, умножающая владения Ямы. Сыны Притхи с Арджуной во главе, выставив вперед Шикхандина, устремились в бою на Бхишму, сея стрелы всяких видов. Тогда, о Бхарата, твои [воины], стрелами Бхимы уязвляемые, потоками крови обливаясь, уходили в иной мир. Накула и Сахадева и великий воитель Сатьяки, на войско твое обрушившись, его весьма уязвляли. И, в сражении истребляемые, не могли твои противостоять великому войску Пандавов. И затем войско твоих, истребляемое отовсюду, бежало врассыпную, о царь, гонимое великими воителями. И ни в ком не находили спасения твои [воины], о бык среди бхаратов, истребляемые острыми стрелами Пандавов и сринджаев.

Дхритараштра сказал:

24—25 Видя, как уязвляют [наше] войско сыны Притхи, что сделал доблестный Бхишма, гневный, на поле боя, о том расскажи мне, о Санджая. Или как, сой-

дьясь с пандавами в битве, сокрушал храбрых Сомаков он, врагов истребитель, о том Расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

Я расскажу тебе, о великий царь, что свершил дед, когда уязвляли войско твоего сына Пандавы со сринджаями. Пандавы, герои, душою ликующие, устремились на рать сына твоего, ее сокрушая, о старший брат Панду. Не потерпел тогда Бхишма той погибели мужей, слонов и коней, о людей властитель, истребления войска врагами в бою. На Пандавов и панчалов со сринджаями ринулся великий лучник неодолимый, жизни своей не щадя. Пятерых главных среди Пандавов, великих воителей, о царь, вооружившихся, к бою изготовившихся, остановил он стрелами — тяжелыми, [в форме] телячьих зубов и острыми анджаликами²²⁷. Гневный, он убил в сражении безмерно много слонов и коней, о царь, и колесничных воинов, о муж-бык, поверг с колесниц, всадников со спин коней, на слонах сидящих со слонов, как и сошедшихся пехотинцев, ужас во врагов вселяя. На Бхишму, великого воителя, одного, на бранном поле поспешающего, набросились пандавы, как асуры на Держателя ваджры. Он же, пускающий острые стрелы, ударом равные оружию грома Шакры, предстал, со всех сторон зримый в страшном обличье, которое он принял. И зрим был вращающийся непрестанно по кругу лук его, на бранном поле сражающегося, великий, луку Шакры подобный. Видя подвиги его в бою, о владыка народов, преисполнились величайшего удивления твои сыновья и воздали почести деду. А сыны Притхи в отчаянье взирали на твоего отца, сражающегося на поле брани героя, как бессмертные на Випрачитти, и не могли противостоять ему, словно [самому] богу смерти с разверстою пастью.

При наступлении десятого дня он испепелял острыми стрелами рать Шикхандина, как лес [огонь], чей черен путь²²⁸, [испепеляет]. Его, гневного, ядовитому змию подобного, как бога смерти, Временем посланного, тремя стрелами в грудь поразил Шикхандин. Бхишма, очень сильно им пораженный, увидев, что это Шикхандин, разгневанный, не захотел, однако, [с ним сражаться] и так молвил, усмехаясь: «Будешь ли ты разить или нет, ни за что не стану я с тобой сражаться. Ибо как Творец тебя создал, так и [остался] ты Шикхандини». Выслушав эти слова его, Шикхандин, вне себя от гнева, сказал Бхишме на поле боя, облизывая губы: «Я знаю тебя, кшатриев истребителя, о мощнорукий! Слышал я о схватке твоей с сыном Джамадагни, слышал и о том, что [обладаешь] ты божественной силой. Но и зная о силе твоей, я буду с тобой сражаться! В угоду Пандавам и ради себя самого, о высший муж, я буду сражаться сегодня с тобою на поле брани, о лучший из людей! И непременно я убью тебя, воистину клятву в том даю пред тобою! Вняв речи этой, что подобающим мне [полагаешь], то и делай. Будешь ли ты разить

26—37

38—47

или нет, живым ты не уйдешь от меня! Посмотри хорошенько, о Бхишма, на этот мир [в последний раз], о победоносный в боях!»

48—58

Сказав это, пятью стрелами, крепко слаженными, пронзил он тогда в бою Бхишму, о царь, речами-стрелами [уже] уязвленного. А Савьясачин, его слова услышав, подумал: «Настало время», — и повелел Шикхандину: «Я последую за тобой, врагов разгоняя стрелами, ты же устремись, неистовый, на Бхишму, грозного [своей] мощью! Ведь не может он, великомощный, причинить тебе муки в битве, потому сегодня, о мощнорукий герой, напади на Бхишму! Если вернешься ты, о достойный, не убив Бхишму в бою, весь мир будет над тобою смеяться и надо мною. Постарайся, о герой, чтобы в великой [этой] битве не стали смеяться над нами, одолей в бою деда! Я буду прикрывать тебя в битве, о каратель врагов, отражая всех колесничных бойцов, [только] одолей деда! Дрону, и сына Дроны, и Крипу, а также Суйодхану, Читрасену и Викарну и Джаядратху Синдхийского, Винду с Анувиндою, обоих Авантийцев, и Судакшину Камбоджийского, также Бхагадатту, героя, и Магадхийца, великого воителя, и храброго в бою сына Сомадатты, и ракшаса, сына Ришьяшринги, и царя тригартов вместе со всеми [другими] великими воителями я отражу, как берег моря, обители макар, [прилив отражает]. Всех подступивших [сюда] куру и воинов их, какие [здесь] есть, я отброшу, [но ты] одолей деда!»

Глава 105

Дхритараштра сказал:

1—4

Как Шикхандин Панчалийский напал, гневный, в бою на деда, на благочестивого сына Ганги, верного обету? Кто [были] те великие воители в полку Пандавов, что, подъявшие оружие, победы жаждущие, прикрывали Шикхандина с [должным] проворством, когда [было] время дорого? Как тогда, на десятый день, Бхишма, сын Шантану, великой мощью обладающий, сражался с Пандавами и сринджаями? Не поверить мне, чтобы Шикхандин мог в бою подступить к Бхишме, разве что разбилась у того колесница или лук его сломался?

Санджая сказал:

5—10

Не сломался его лук и не разбилась колесница у сражающегося Бхишмы, меж тем как поражал он в битве врагов крепко слаженными стрелами. Многие тысячи твоих воителей великих, отряды колесниц и слонов, о царь, также конники, хорошо снаряженные, устремились на битву, поставив деда впереди. И Бхишма, в боях победоносный, следуя обету, о Кауравья, истребление воин-

ства сынов Притхи вершил непрестанно. Великому лучнику, в бой идущему, стрелами разящему врагов, противостали тут все панчалы с Пандавами вместе. Когда наступил десятый день, он стал громить вражеское войско, сотнями и тысячами острых стрел его осыпая. И не могли Пандавы, о старший брат Панду, победить в бою Бхишму, великого лучника, как бога смерти с петлей в руке²²⁹.

Тогда Савьясачин Бибхатсу, каратель врагов, приблизился, о великий царь, страх наводя на всех колесничных воинов, непобедимый. Львиный рык издавая громко, непрестанно тетиву на луке напрягая, потоки стрел выпустил Партва, по полю брани, словно Смерть [сама], надвигаясь. Затрепетавшие при звуке [голоса] его, о бык среди бхаратов, бежали в страхе великом, о царь, твои [воины], как олени от [рева] льва. Видя, что побеждает сын Панду и войско твое терпит урон, молвил тогда Бхишме Дурьодхана, весьма подавленный: «Сын Панду сей с Кришною-колесничим, Белоконный, испепеляет, отец мой, всех моих [воинов], как лес [огонь], чей черен путь, [испепеляет]. Смотри, о сын Ганги, бегут войска повсюду на поле битвы, о лучший из воителей, сыном Панду гонимые! Как пастух в лесу погоняет стада, так и войско мое [здесь] гонимо, о врагов карающий. Стрелами Завоевателя богатств разгромленное, мечущееся туда и сюда, войско мое еще и Бхима трудноодолимый разгоняет. И Сатьяки, и Чекитана, и оба сына Мадри, Пандавы, и Абхиманью отважный — рать мою испепеляют. Так же герой Дхриштадьюмна и ракшас Гхатоткача, великомощные, разгоняют войско мое неистово. Не вижу я для [моего] войска, всеми этими великомощными истребляемого, иного спасения, чтобы выстояло оно в сражении, о Бхарата, кроме тебя, о муж-тигр, о ты, мощью равный богам! Вступишь скорее и будь спасением для теснимых!» На эти слова, о великий царь, отец твой Деваврата, поразмыслив недолго и решение для себя приняв, сын Шантану, сына твоего поддерживающий, молвил: «О Дурьодхана, выслушай [меня и] стоек будь, о владыка народов! Давно уже я обещал тебе, о великомощный, что, [только] убив десять тысяч кшатриев, великих духов, буду я возвращаться с поля брани, — таков мой труд на каждый день, и как я сказал, так исполнил, о бык среди бхаратов. Но сегодня великое дело свершу я в великой битве: или я паду, сраженный, или убью сегодня Пандавов! Сегодня я отдам тебе, о муж-тигр, великий долг, которым обязан, о царь, за покровительство господина, [отдам,] в гущу боя сраженный!»

Сказав так, лучший из бхаратов двинулся, неодолимый, поражая кшатриев стрелами, на войско Пандавов. Сына Ганги, о бык среди бхаратов, в середине войска стоящего, гневного, ядовитому змею подобного, осадил пандавы. А в этот десятый день явил он мощь свою, о царь, и сотни тысяч сразил, о ты, радость куру. И у лучших среди царских сыновей панчалов, великомощных, поглотил он силы, как солнце влагу лучами [поглощает]. Убив десять

11—27

28—37

тысяч стремительных слонов, о великий царь, и еще столько же коней вместе с седоками, и полных две сотни тысяч пехотинцев, о высший из мужей, пылал на поле брани Бхишма, как огонь без дыма. И никто из пандавских не мог [даже] взор поднять на него, как на палящее солнце, пребывающее на северном пути своем²³⁰. Те пандавские [воители], великим лучником уязвляемые, устремлялись, [однако], неистово на Бхишму, чтобы убить его, и [с ними] великие воители сринджай. Со многими сражающийся, [был] тогда Бхишма, сын Шантану, мощнорукий, словно утес, окутанный темными тучами. Сыны же твои с огромным войском со всех сторон сына Ганги ограждали. И битва тогда продолжалась.

Глава 106

Санджая сказал:

1—7 Арджуна же, о царь, видя доблесть Бхишмы в бою, сказал Шикхандину: «Подступай к деду! Сегодня ты не должен испытывать никакого страха перед Бхишмой, разящими стрелами я повергну его с лучшей из колесниц». Когда сказал ему так Партха, Шикхандин устремился на сына Ганги, реченному Партхой повинуюсь. Также и Дхриштадьумна, о царь, и сын Субхадры, великий воитель, ринулись оба на Бхишму, реченному Партхой повинуюсь. И Вирата с Друпадую оба, старые, и Кунтибходжа в доспехах — устремились на сына Ганги на глазах у твоего сына. Накула и Сахадева и Царь справедливости мужественный, также и все другие воины, о владыка народов, на сына Ганги обрушились, реченному Партхой повинуюсь. И твои, собравшись, пошли навстречу тем великим воителям, соразмеряя силы и рвение, как я поведаю тебе о том, слушай.

8—18 Читрасена, о великий царь, ринулся на Чекитану, в битве к Бхишме устремлявшемуся, как тигренок на быка. Дхриштадьумне, о великий царь, приблизившемуся к Бхишме и к бою изготовившемуся, поспешил противостать Критаварман, Бхимасене, необычайно разъяренному, убийства Бхишмы жаждущему, поспешил, о великий царь, противостать сын Сомадатты, и также герою Накуле, сеющему стрелы во множестве, путь преградил Викарна, жизнь Бхишмы желающий [уберечь]; Сахадеве, также направляющемуся, изготовившись, к колеснице Бхишмы, путь преградил в битве разъяренный Крипа, сын Шарадвана, на лютого ракшаса, взыскующего гибели Бхишмы великогомощного сына Бхимасены, устремился Дурмукха могучий, гневному Сатьяки в бою противостал сын Ришьяшринги, Абхиманью, к колеснице Бхишмы направляющемуся, о великий царь, Судакшина Камбоджийский путь преградил, о великий царь, старым Вирате с Друпадую, объединившимся, врагов сокрушителям,

гневный Ашваттхаман противостал тогда, о Бхарата; также Царю справедливости, старшему сыну Панду, к убиению Бхишмы стремящемуся, противостал сын Бхарадваджи, неистовому Арджуне, в битве к Бхишме устремившемуся, выставив Шикхандина вперед, повсюду окрест [все] опаляющему, противостал Духшасана, великий лучник, на поле брани. И другие твои воины великим воителям Пандавов, на Бхишму наступающим, противостали в сражении.

Дхриштадьумна же снова и снова воззвал к войскам: «Наступайте со рвением на одного Бхишму, великогомошного! Вот Арджуна, отрада куру, идет на Бхишму в бой! Наступайте, не бойтесь, ведь Бхишма не посягнет на вас. Сам Предводитель Васу не отважится схватиться с Арджуной в бою, что говорить о Бхишме: храбрый в бою, он [уже] лишился, [однако, былой] мощи и дни его сочтены».

Этому [призыву] полководца повинуюсь, великие воители [стана] Пандавов ринулись, воодушевленные, на колесницу сына Ганги. Им, наступающим, словно мощным потокам водным, твои [воины], мужи-быки, путь преградили в битве, воодушевленные. Духшасана, великий воитель, за жизнь Бхишмы бьющийся, забыв о страхе, устремился, о великий царь, на Завоевателя богатств. Также и храбрые Пандавы ринулись в бой на твоих сыновей, великих воителей, к колеснице сына Ганги. Там узрели мы небывалое, чудом кажущееся, о владыка народов: колесницы Духшасаны достигнув, не мог продвинуться Партха дальше. Как берег преграждает путь волнующемуся великому океану, так сыну Панду гневному твой сын противостал. Ибо оба они [были] лучшими из колесничных бойцов, о Бхарата, оба — непобедимы, красотой и блеском подобны оба луне и солнцу, о Бхарата. Оба возгоревшиеся яростью, убить одного другого жаждущие, они сошлись в великой битве, как некогда Майя с Шакрою. Духшасана, о великий царь, сыну Панду тремя острыми стрелами и Васудеве двадцатью нанес удары в схватке. Тогда Арджуна, разгневавшись при виде уязвленного [стрелами] потомка Вришни, сотней тяжелых стрел поразил Духшасану на поле боя, и они, пробив доспехи, напились его крови в сражении. Гневный Духшасана тогда пятью стрелами, крепко слаженными, о лучший из бхаратов, Партху в лоб поразил. И с теми стрелами, торчащими во лбу, воссиял превосходнейший из Пандавов необыкновенно, о великий царь, как вознесшимися [в небо] вершинами [гора] Меру. Сыном твоим, лучником, израненный, красовался на поле брани Партха, великий лучник, словно цветущая киншука. Затем гневный сын Панду стал подавлять Духшасану, как в день перемены луны свирепый Раху, разъяренный, ночное светило [затмевает]. Могучим [воином] уязвляемый, сын твой, о владыка народов, поразил Партху в битве [стрелами], перьями цапли оснащенные, на камне отточенными. После того Партха доблестный, лук его сло-

мав, девятыю стрелами сына твоего ударил поспешно. Тот же, взяв другой лук, поразил Арджуну, пред ликом Бхишмы стоя, двадцатую пятью в обе руки и в грудь. Разгневанный сын Панду, врагов каратель, послал в него, о великий царь, множество острых [стрел], ужасных, жезлу Ямы подобных. Но как ни усердствовал Партха, — чуду подобно то было, — стрелы те сын твой [все] рассек, еще не долетевшие, и [сам] отточенными стрелами пронзил Партху сын твой. Тогда разгневанный Партха в бою, стрелы на лук налагая, на поле брани посылал их, златом оперенные, на камне отточенные. И в тело того, духом великого, они погрузились, о великий царь, как гуси, о великий царь, пруда достигшие, о Бхарата. Великим сыном Панду уязвленный, твой сын, от Партхи в битве отступив, к колеснице Бхишмы обратился; ему, в пучину погружившемуся, стал тогда Бхишма спасителем. Затем, придя в сознание, твой сын, о владыка народов, снова, доблестный герой, противостоял тогда Партхе, как Вритра — Сокрушителю крепостей; остро отточенными стрелами он, великого мужества исполненный, пронзил его, нимало перед Арджуной не поколебавшись.

Глава 107

Санджая сказал:

1—6 Сатьяки, снаряженному для битвы, на Бхишму наступавшему, противостоял тогда в сражении сын Ришьяшринги, великий лучник. Потомок Мадху, разгневанный, девятыю стрелами поразил в бою ракшаса, о царь, словно усмехаясь, о Бхарата. Также и ракшас, о царь, острыми стрелами, разгневанный, нанес удары, о вождь царей, потомку Мадху, быку рода Шини. А внук Шини, разгневанный, тучу стрел в ракшаса послал в бою, потомок Мадху, губитель вражеских героев. Демон в ответ разящими стрелами пронзил мощнорукого Сатьяки, истинно доблестного, и львиный рык издал. Потомок же Мадху, ракшасом в битве тяжело пораженный, скрепившись, рассмеялся, пыла исполненный, и клич издал.

7—12 Тогда Бхагадатта, гневный, потомку Мадху в сражении острыми стрелами нанес удары, словно великому слону стрекалами. Ракшаса на поле боя покинув, внук Шини, лучший из колесничных воинов, в повелителя Прагджьотиши стал метать стрелы, крепко слаженные. Великий лук потомка Мадху ливнем стрел бхалла сломал царь Прагджьотиши, в искусстве боя совершенства достигший. Но вражеских героев губитель, взяв другой лук, тотчас, разгневанный, острыми стрелами Бхагадату пронзил в бою. Глубоко пронзенный, тот великий лучник, губы облизывая все время, железный крепкий дротик, золотом и ляпис-лазурью украшенный, страшный, жезлу Ямы подобный,

в Сатьяки послал. Брошенный им с силою обеими руками, его в полете, о царь, натрое рассек стрелами Сатьяки на поле брани, и упал он тогда на землю, словно метеор, лишившийся блеска.

Видя, что отбил он [тот] дротик, сын твой, о владыка народов, окружил потомка Мадху огромной ратью колесниц. Видя же осажденным великого воителя рода Вришни, возрадовавшись весьма, сказал Дурьодхана всем [своим] братьям: «О потомки Куру, сделайте так, чтобы не ушел Сатьяки живым в бою от этой великой колесничной рати! Когда погибнет он, погибнет, я полагаю, все великое воинство Пандавов!» — «Да будет так!» Вняв его речам, великие воители стали биться тогда с внуком Шини пред лицом Бхишмы. 13—16

Тогда наступающему Абхиманью, к Бхишме стремящемуся в сражении, противостал на поле брани могучий царь Камбоджи. Сын Арджуны стрелами, крепко слаженными, царя пронзив, [потом] еще шестьюдесятью четьрьмя, о царь, пронзил того властителя мужей. Судакшина же в бою племянника Кришны — пятью и колесничего его — девятью, за жизнь Бхишмы радея. И великую доблесть там явили оба в том бою. Шикхандин меж тем устремился на сына Ганги, врагов каратель. Старые Вирата с Друпадой, [натиск] великой рати отражая, на Бхишму неистово ринулись оба в бой, великие воители. Тогда гневный Ашваттхаман подоспел, лучший из колесничных бойцов, и завязался тогда бой между твоим и теми, о Бхарата. Вирата десятью стрелами бхалла рьяному сыну Дроны нанес удары, о каратель врагов, великому лучнику, на поле брани блистающему, и Друпادا, приблизившись к сыну учителя, перед Бхишмой ставшему, его тремя острыми стрелами также пронзил. Ашваттхаман же тогда десятью стрелами поразил старых Вирату с Друпадую, на Бхишму нападающих. И небывалый мы узрели там подвиг великий обоих стариков, отражающих в бою страшные стрелы сына Дроны. Так же наступающему Сахадеве выступил навстречу Крипа, сын Шарадвана, как в лесу на взбесившегося слона устремляется [другой] взбесившийся слон. Крипа в схватке, о царь, семьюдесятью стрелами, золотом украшенными, поразил немедля сына Мадри, великого воителя. Сын Мадри стрелами надвое рассек его лук и, уже лишившегося лука, девятью стрелами его пронзил. Тот, взяв другой лук, напряжение выдерживающий, поразил сына Мадри в бою, чрезвычайно воодушевленный, десятью острыми стрелами в грудь, гневный, за жизнь Бхишмы радеющий. Так же и сын Панду, о царь, беспощадного сына Шарадвана в грудь поразил, гневный, убиения Бхишмы жаждущий. И ужасное зрелище, страх наводящее, являл завязавшийся между ними бой. 17—31

Накулу же гневного, о царь, в сражении шестьюдесятью стрелами Викарна, врагов каратель, пронзил, жизнь Бхишмы защищая. Накула же, луч- 32—41

ником, сыном твоим, израненный, Викарну семьдесятю семью змееподобными стрелами пронзил. И оба мужа-тигра там, каратели врагов, друг друга из-за Бхишмы разили, герои, словно два могучих быка в загоне. Против Гхатоткачи, в битве рьяного, войско твое сокрушающего, выступил ради Бхишмы на поле брани отважный Дурмука. Сын же Хидимбы тогда, о царь, Дурмуку, врагов карателя, гневный, в грудь поразил девятью десятками отточенных стрел. И Дурмука шестьдесятю очень острыми стрелами сына Бхимасены, рыкая, пронзил, герой, воодушевленный, в гуще боя. Дхришгадьюмне, идущему в бой, убийца Бхишмы жаждущему, сын Хридики противостал, жизнь Бхишмы защищая. Внука Пришаты, героя, пятью железными [стрелами] пронзив, еще пятьдесятю в грудь быстро поразил потомок Вришни. Так же и внук Пришаты, о царь, девятью стрелами, отточенными, разящими, перьями цапли оперенными, пронзил сына Хридики. И необычайной была схватка из-за Бхишмы, что произошла между ними в великой битве, как [единоборство] Вритры и великого Индры.

42—55 Бхимасене великому, наступающему на Бхишму, Бхуришравас немедля навстречу вышел и молвил: «Стой! Стой!» Сын Сомадатты железной стрелою с золотым оперением, тяжко разящей, нанес Бхиме в бою удар между сосков. И с нею, торчащей из груди, блистал величественный Бхимасена, как в былые времена [гора] Краунча с [вонзившимся в нее] дротиком Сканды²³¹, о лучший из царей. И оба, гневные, снова и снова метали друг в друга в бою сверкающие как солнце, кузнецами чищенные стрелы. Оба сражались на поле брани, напрягая силы, чтобы отвечать ударом на удар; Бхима, убийца Бхишмы жаждущий, — великому воителю, сыну Сомадатты, а сын Сомадатты, Бхишме страстно желающий победы, — сыну Панду. Юдхистхире, о великий царь, в сопровождении великого войска идущему на Бхишму, сын Бхарадваджи преградил путь. Грохот колесницы Дроны слышав, о царь, грому грозовой тучи подобный, затрепетали красавцы²³², о достойный. И то великое войско сына Панду, которому на поле брани преградил дорогу Дрона, как ни тцилось, не могло продвинуться ни на шаг. Чекитане, во гневе на Бхишму [устремившемуся], о владыка людей, гневный образ явившему, противостал твой сын Читрасена. Изю всех сил отважный Читрасена, великий воитель, бился с Чекитаной за Бхишму, о Бхарата. Так же и Чекитана бился с Читрасеной, и великую отвагу там явили оба в бою. Арджуна же, хотя многократно путь ему твой сын преграждал, в бегство сына твоего обратив, сокрушал войско [его]. И Духшасана изю всех сил сопротивлялся Партхе, решив не дать врагу убить Бхишму. Меж тем истребляемую в битве рать твоего сына здесь и там тревожили лучшие из колесничных бойцов [Пандавов], о Бхарата.

Глава 108

Санджая сказал:

А великий лучник, герой, неудержимый, как взбесившийся слон, великий лук [свой] взяв, коим бешеного слона отразить возможно, луком лучшим [тем] потрясая, великих воителей в бегство обращал и пандавскую рать громил, великий воитель; и, наблюдая знамения повсюду, знаток знамений, молвил Дрона сыну, [вражеские] полки избивающему: «Это, сын мой, тот день, когда Партха, великий воитель, желающий убить в сражении Бхишму, [к тому] величайшие усилия приложит. Ибо вверх летят мои стрелы и лук словно дрожит у меня [в руках], оружие отказывает и мысль обращается к недоброму. Замерло все вокруг, и кричат страшные звери и птицы, и стервятники слетают вниз к войску потомков Бхараты. Словно померкло солнце и побагровели вокруг страны света. Стенает и содрогается земля, и войско отзывается стоном. Цапли, стервятники и журавли кричат снова и снова, шакалы воют злоеще, о великой беде возвещая. От солнечного диска пал посреди [войска] великий метеор, и гряда облаков с безглавыми телами явилась, заслоня солнце. Вокруг луны и солнца страшный нимб появился, страшную беду — резню царей — предвещая. В святилищах богов находящиеся идолы владыки Кауравов содрогаются, и хохочут, и пляшут, и рыдают. Влево движутся планеты, вниз рогами, [что] неблагоприятно для ночного светила, восходит ясный месяц. Я замечаю, что словно никнут тела царей в войсках сына Дхритараштры и не блещут, [хотя и] одетые в доспехи. И отовсюду слышатся в обоих войсках громовый рев Панчаджаньи и звон Гандивы. Конечно, Бибхатсу, полагаясь в бою на превосходное оружие [свое], другими воителями пренебрежет в сражении и пойдет на деда. Вздываются волоски на теле у меня, и словно падает сердце, когда подумаю, о мощнорукий, о встрече Бхишмы и Арджуны. Испушенного в коварстве царевича панчалов, злоумышляющего, вперед выставив в бою, идет Партха на битву с Бхишмой. Некогда молвил Бхишма, что не будет сражаться с Шикхандином, ибо женщиной создал его Творец и только волею судьбы он стал потом мужчиной. Дурное знамение он сам по себе — сын Яджнясны, могучий воитель; сын реки [Бхишма] не станет наносить удара тому, кто наделен дурной приметой. Когда помыслю я о том, что как раз сегодня в битве устремился Партха на старейшину куру, в страшное смятение разум мой приходит. Гнев Юдхиштхиры, встреча Бхишмы и Арджуны, ярость моя в сражении — недоброе наверняка [сулят] людям. Разумен, могуч, храбр, испушен во владении оружием, духом тверд сын Панду, поражающий крепких издалека, знаток знамений, даже для богов с Предводителем Васу [во главе] непобедимый в бою, могучий, мудрый, боль

одолевший, лучший из воинов. Всегда на поле брани победоносный, грозным оружием обладает сын Панду. Избегая [становиться] ему на пути, ступай скорее к верному обетам!

25—35 Узи эту начинающуюся бойню, о мощнорукий! Крепко слаженные стрелы пробивают золотом украшенные плотные и блестящие доспехи героев. Верхушки знамен, дроты, луки, острые, сверкающие копья, дротики, золотом пылающие, и стяги на слонах — рассекает во гнев Увенчанный. Не время [теперь] служилым людям беречь свои жизни! Ступай, лишь о небе помышляя, ради славы и победы! Ужаснейшую, труднопреодолимую реку битвы, водовороты коей — кони, слоны и колесницы, переплывает на колеснице он, на чем знамени обезьяна. Благоволение к брахманам, смирение, щедрость, подвижничество, благородное поведение — [все это] явлено здесь в царя, чей брат — Завоеватель богатств, а также и могучий Бхимасена, и оба сына Мадри, Пандавы, и чей покровитель постоянный — Васудева из рода Вришни. Гнев его, подвижничеством опалившего тело, что порожден был обидою на злого сына Дхритараштры, сжигает [ныне] потомков Бхараты! Вот появился Партха, поддерживаемый Васудевой, все войска Дхритараштры повсюду терзающий. И это войско, Увенчанным в волнение приведенное, видится как неоглядно широкое устье реки, в котором подняло великую волну морское чудовище²³³. И крики горести и ликования слышатся в передних рядах войска.

36—41 Ступай против наследника Панчалы, я пойду на Юдхиштхиру. Трудно пробиться сквозь боевой строй [этого] царя, неизмеримого пылом, со всех сторон самыми могучими воителями огражденный, — как в глубину морской пучины. И Сатьяки, и Абхиманью, и Дхриштадьумна с Волчебрюхим царя, людей владыку [Юдхиштхиру], защищают, и оба близнеца. Смуглый, подобно Младшему брату Индры, высокий, как большой сал²³⁴, идет он на рати, словно второй Пхальгуна²³⁵. Лучшее оружие [свое] возьми, с другим великим луком иди рядом [в бой] на царя²³⁶, внука Пришаты, и с Волчебрюхим сражайся. Кто не пожелает милому сыну жить долгие годы? Но, кшатрийский долг превыше всего ставя, я тебя посылаю [в бой]! И Бхишма поистине в сражении великую рать испепеляет. В битве, сын мой, совершенно подобен он Яме и Варуне!»

Глава 109

Санджая сказал:

1—40 Багадатта, Крипа, Шалья и Критаварман из племени сатватов, Винда с Анувиндой Авантийские и Джаядратха Синдхийский, Читрасена и Викарна, также юный Дурмаршана — эти десятеро твоих воинов сражались с Бхи-

масеной, огромным войском сопровождаемые, из разных стран собранным, великую славу, о царь, стремясь обрести в бою за Бхишму. И Шалья девятью стрелами нанес удары Бхимасене, Критаварман — тремя стрелами и Крипа — девятью остриями, Читрасена, Викарна и Бхагадатта, о достойный, — каждый десятью стрелами бхалла нанесли удары Бхимасене, Синдхийский же ударил тремя стрелами — в область ключицы, Винда с Анувиндой Авантийские — пятью стрелами каждый, а Дурмаршана [поразил] сына Панду двадцатью острыми стрелами. И всех тех сынов Дхритараштры, великих воителей, блистательных властителей вселенной, каждого по отдельности, о великий царь, пронзил великомощный Бхимасена многими стрелами. Шалью пятьюдесятью пронзив, Критавармана — восемью, он сломал посередине лук Крипы с [уже] наложенной стрелою, о Бхарата, и его с поломанным луком еще пятью пронзил. Винде с Анувиндою он тремя [стрелами] нанес удары, и Дурмаршане двадцатью, и Читрасене пятью. Викарну десятью стрелами пронзив и пятью Джаядратху, взревел Бхима, ликуя, и [поразил] Синдхийского еще тремя. Между тем Гаутама, избранный меж колесничных бойцов, взяв другой лук, пронзил Бхиму, разъяренный, десятью отточенными стрелами. Затем, многими стрелами уязвленный, как великий слон стрекалами, мощнорукий Бхимасена, блистательный, нанес во гневе удары Гаутаме в битве многими стрелами. А коней и колесничего синдхийского [царя] он тремя стрелами послал в мир мертвых, Времени, богу смерти, величием равный. Тот, великий воитель, с колесницы, коней лишившейся, немедля соскочив, острые стрелы метал в Бхимасену в [той] схватке. Двумя стрелами бхалла, о Бхарата, Бхима переломил посередине лук Синдхийского, о лучший из бхаратов, великого духом. Тот, оставшись без лука, сломанного, лишившийся колесницы, без коней, без колесничего, сраженных, поспешно взошел, о царь, на колесницу Читрасены. Пречудесный подвиг свершил там, на поле боя, сын Панду, великий воитель, что стрелами порастил великих воителей, и отбросил, и на глазах у всего мира лишил колесницы Синдхийского. Никак не мог стерпеть дерзость Бхимасены Шалья; разящие стрелы, кузнецом зачищенные, накладывая [на тетиву], семьдесятю он порастил Бхиму и молвил [ему]: «Стой! Стой!» И Крипа, и Критаварман, и Бхагадатта, о достойный, Винда с Анувиндой Авантийские и Читрасена, Дурмаршана и Викарна и мужественный царь Синдху — в схватке они тотчас поразили [стрелами] Бхиму, врагов каратели, за Шалью [вступившись]. А [Бхима] в ответ пронзил их пятью стрелами каждого, а Шалью пронзил семьдесятю и еще десятью стрелами. Шалья его, девятью пронзив, еще пятью пронзил, и колесничего его стрелою бхалла глубоко пронзил в уязвимое место. Увидев, что ранен Вишока, блистательный Бхимасена тремя стрелами порастил царя мадров в обе руки и в грудь. Также и другим великим

лучникам тремя стрелами каждому, меткими, нанес он удары в битве и львиный рык издал. Но и те великие лучники, усердные, сыну Панду, опьяненно-му битвой, тремя тупыми стрелами каждый нанесли сильные удары в уязвимые места. Израненный, не поколебался, [однако], Бхимасена, великий лучник, как гора под потоками ливней, тучами извергаемых. И, сильно поразив Шалью девятью стрелами, властителя Прагджьотиши, о царь, сотней крепко поразил он, многославный, на поле битвы. Затем лук великого духом Сатваты с [уже] наложенной стрелою умело переломил он тяжело разящей [стрелою] кшурапра. Критаварман тогда, взяв другой лук, тяжелой стрелой поразил Волчебрюхого между бровей, о врагов каратель. Бхима же, пронзив Шалью в бою девятью железными, Бхагадату — тремя, а Критавармана — восемью, [других] воителей, Гаутамою возглавляемых, каждого двумя пронзил, и те его пронзили в бою, о царь, острыми стрелами. Но, хотя и уязвленный теми великими воителями со всех сторон, он шествовал [по полю битвы] невозмутимо, не более чем за былинку их почитая. Те же лучшие из колесничных бойцов, [тоже] тревоги не ведая, сотнями и тысячами посылали в Бхиму острые стрелы. Его быстролетный дротик с золотым древком, драгоценный, рассек в бою храбрый Бхагадатта, великий воитель. Царь Синдху мощнорукий — копьё и трезубец, Крипа — ядро с сотней шипов, о царь, Шалья — стрелу, а остальные великие лучники — по пяти змееподобных стрел каждый, прицелившись, с силою послали в Бхимасену. Копьё стрелою кшурапра надвое переломил сын Ветра и трезубец тремя стрелами рассек, словно стебель сезама, девятью [стрелами] с перьями цапли он разбил ядро, рассек, великомощный, стрелу, направленную [на него] царем мадров, и дротик, с силою пущенный в бою Бхагадаттой, рассек, также другие ужасные стрелы стрелами, крепко слаженными, разрубил одну за другою натрое Бхимасена, в бою похваляющийся, и всем тем великим лучникам тремя [стрелами] каждому нанес удары.

41—44 Тогда Завоеватель богатств, меж тем как длилась великая битва, узрев на поле брани Бхиму, великого воителя, побивающего в схватке врагов, стрелами [их] разящего, подоспел туда на колеснице. И, видя, что сошлись там вместе те двое сынов Панду, великие духом, не надеялись там [уже] твои, о муж-бык, на победу. Арджуна же, сражающийся на поле брани с Бхишмой, великим воителем, выставив Шикхандина вперед, гибели Бхишмы жаждущий, приблизился в бою к тем десятерым твоим воинам, о Бхарата, которые на бранном поле заняты были сражением с Бхиною. Бхиму порадовать желая, стал разить их Бибхатсу.

45—48 Тогда царь Дурьодхана уговаривать стал Сушармана убить обоих, Арджуну и Бхимасену: «Срази этих сынов Панду, Завоевателя богатств и Волчебрюхого!» Повинуясь тому велению его, ринулся в бой на обоих лучников.

Бхиму и Арджуну, Тригарта, повелитель Прастхалы, и не одной тысячью колесниц окружил их со всех сторон. Затем произошла битва Арджуны с врагами.

Глава 110

Санджая сказал:

И Арджуна в бою усердствующего Шалью, великого воителя, стрелами, крепко слаженными, окутал на поле брани. Сушармана и Крипу он пронзил тремя [стрелами] каждого, в сражении Прагджьотишу и Джаядратху Синдхийского, Читрасену и Викарну, и также Критавармана, и Дурмаршану, о повелитель царей, и обоих Авантийцев, великих воителей, [каждого] тремя стрелами, [перьями] цапли или павлина оперенными, одного за другим поразил он, войско твое в битве уязвляющий. Джаядратха, на колеснице Читрасены стоя, ранив стрелами Партху в бою, тут же Бхиму пронзил; Шалья и Крипа, лучший из колесничных бойцов, пронзили Жишну мощнорукого многократно [стрелами], в уязвимые места разящими, а твои сыновья, о владыка народов, с Читрасеною во главе в битве немедля пятью острыми стрелами каждый поразили Арджуну и Бхимасену на поле брани, о достойный.

А там те двое сынов Кунти, мужи-быки, лучшие из колесничных бойцов, стали разить в сражении великое войско тригартов. Сушарман же в бою, пронзив Партху многими железными [стрелами], мощный рев издал, огласивший небосвод. И другие колесничные воины, герои, пронзили Бхимасену и Завоевателя богатств меткими острыми стрелами с золотым оперением. Но среди тех колесничных бойцов оба сына Кунти, меж колесничных бойцов избранные, на превосходных колесницах, чудные обликом, блистали, играючи, в избытке сил, словно два кровожадных льва среди коров. Рассекая во множестве луки героев и стрелы в бою, оба героя сотнями сносили головы царям. И многие разбитые колесницы, и кони, сотнями убитые, и слоны со своими всадниками валились на землю в великом побоище. И там и здесь являлись взору повсюду во множестве, о царь, колесничные бойцы и всадники, сраженные и корчащиеся [на земле]. И рядами убитых слонов и пехотинцев, и конями сраженными, и колесницами, совсем разбитыми, устлано было поле. И зонтами, совсем поломанными, и поваленными знаменами, и брошенными стрекалами, и [слоновыми] попонами, о Бхарата, и браслетами для предплечий и запястий, и ожерельями, и затоптанными шерстяными покрывалами, и брошенными тюрбанами, султанами и опахалами, и разбросанными здесь и там [отрубленными] руками, сандалом умащенными, и ногами властителей людей устлано было поле.

- 19—28 Там зрели мы небывалую отвагу Партхи в бою, стрелами отразившего [натиск] тех героев и сокрушающего твое войско. А сын твой [Дурьодхана], увидев, что сошлись вместе Бхима и Арджуна, к колеснице сына Ганги поспешил в великом страхе. Крипа, Критаварман, Джаядратха Синдхийский и Винда с Анувиндой Авантийские тогда вступили в бой. Бхима, великий лучник, и Пхальгуна, великий колесничный воин, ринулись затем стремительно в сражении на грозную рать Кауравов. Те обрушили тогда в битве немедля мириады и миллионы [стрел], перьями павлина оснащенных, на колесницу Завоевателя богатств. Тогда Партха, роями [своих] стрел их отразив, великих воителей кругом [него] на поле брани стал предавать смерти. Шалья же, великий воитель, в битве, словно играючи, поразил, гневный, Джишну в грудь [стрелами] бхалла, крепко слаженными. Партха пятью рассек его лук и перчатку²³⁷ и колющими стрелами сильно поразил его в уязвимые места. Но, взяв другой лук, выдерживающий напряжение в бою, царь мадров, рассвирепевший, нанес в битве удары Джишну тремя стрелами, о великий царь, и пятью — Васудеве, и Бхимасену девятью он поразил в обе руки и в грудь.
- 29—36 Затем Дрона, о великий царь, и Магадхидец, великий воитель, по велению Дурьодханы на тот край пришли, где Партха и Бхимасена, сын Панду, о великий царь, избивали, оба великих воителя, огромное войско Кауравьи. Юный Джаятсена в бою Бхиму с его грозным оружием пронзил, о муж-бык, восемью острыми стрелами. Бхима же его пронзил десятью и еще семью [стрелами] и колесничего его [стрелую] бхалла выбросил из гнезда колесницы, кони понесли и, мечась во все стороны, увлекли царя Магадхи [прочь] на глазах у всего войска. Дрона между тем, слабину усмотрев, Бхимасену пронзил шестьюдесятью пятью острейшими железными стрелами. Бхима, похваляющийся в бою, пронзил в битве учителя, что равен отцу, девятью стрелами бхалла и еще шестьюдесятью, о Бхарата. Арджуна же, многими железными [стрелами] пронзив Сушармана, рассеял войско его, как ветер [рассеивает] огромные тучи.
- 37—43 Тогда Бхишма и царь²³⁸, и сын Субалы, и Брихадбала устремились, разгневанные, на Бхимасену и Завоевателя богатств. Так же и храбрые Пандавы и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, устремились в бой на Бхишму, богу смерти с разверстою пастью подобного. И Шикхандин, к старейшему из потомков Бхараты приблизившись, устремился на верного обету, ликуя, страх отринув. Сыны Притхи во главе с Юдхистхирой, выдвинув вперед Шикхандина, вступили с Бхишмой в бой на поле брани, сплотившиеся со сринджаями. Также и все твои, выдвинув вперед верного обету, в схватку вступили на поле битвы с сынами Притхи, возглавляемыми Шикхандином. Тогда завязался там страх наводящий бой Кауравов, победы Бхишме [желающих], с сынами Панду. Ставкой твоих стал в битве Бхишма, о владыка народов, ибо от него в той игре зависело, одержат они победу или нет.

Дхриштадьюмна, о великий царь, ко всем войскам воззвал: «Стремитесь [вперед] на сына Ганги, не бойтесь, о лучшие из воителей!» Слову полководца повинуясь, тотчас двинулась на Бхишму рать Пандавов, в великой битве не щадя жизни. Бхишма же, лучший из колесничных воинов, встретил то воинство, о великий царь, как [в час прилива] берег — великий океан²³⁹. 44—46

Глава 111

Дхритараштра сказал:

Как сражался на десятый день, о Санджая, сын Шантану Бхишма с великими мужеством Пандавами и со сринджаями? И как куру противостояли в битве пандавам? Расскажи мне о великой битве Бхишмы, в бою блистающего. 1—2

Санджая сказал:

О том, как сражались куру с пандавами, о Бхарата, и как происходила та битва, я поведаю тебе, внимай [мне]. День за днем Увенчанный превосходным оружием [своим] отправлял в иной мир отряды колесниц твоих. И Бхишма Кауравья, в бою победоносный, по обету все время [войско] сынов Притхи сокрушал в бою. Глядя, как сражаются Бхишма, великий воитель, вместе с куру — и Арджуна с панчалами [с другой стороны], — не могли быть уверены люди, [кто одержит победу]. На десятый же день, когда встретились Бхишма и Арджуна, необычайно яростное происходило все время побоище. В нем десятками тысяч, о царь, продолжал сражать воинов Бхишма, сын Шантану, врагов каратель, величайший знаток оружия. Многие герои, чья праведность, чьи имена и происхождение остались неизвестны, [но] все не дрогнувшие в бою, сражены были там Бхишмой, о властитель земли. 3—9

Десять дней продолжавший карать войско Пандавов, отрешился тогда благочестивый Бхишма от жизни, врагов каратель. Скорой гибели своей ища, к ней устремлял он мысль на поле сражения. «Не буду [больше] убивать я лучших из людей, в бой стремящихся», — так подумав, отец твой Деваврата, мощнорукий, сыну Панду, поблизости находящемуся, о великий царь, слово молвил: «О Юдхистхира, о великомудрый, во всех науках искушенный, выслушай, сын мой, слово благочестивое, к небу устремленное, которое я скажу [тебе]. До крайности ненавистно мне, сын мой, это тело [мое], о Бхарата, минуло для меня время убивать во множестве несметном живые существа на поле битвы. Поэтому если хочешь [сделать] мне угодное, то, вперед послав Партху, также панчалов и сринджаев, приложи силы, чтобы убить меня!» Признав в том намерение его, сын Панду, прозревающий истину, двинулся вместе со срин- 10—20

джаями, к бою готовый, на Бхишму. Тогда Дхриштадьюмна, о царь, и сын Панду Юдхиштхира, слышавшие ту речь Бхишмы, воззвали к войску: «Стремитесь [вперед], сражайтесь, победите Бхишму в битве! Вас прикроет верный слову Джишну, врагов победитель. И внук Пришаты, этот великий лучник, военачальник, и Бхимасена будут непременно защищать вас в сражении. Пусть страх перед Бхишмой ничем не помешает вам в битве, сринджай! Несомненно, мы победим Бхишму, выставив вперед Шикхандина».

21—32

И, приняв такое решение на десятый день, Пандавы, миру Брахмы себя предав²⁴⁰, двинулись, гневом ослепленные, выставив впереди Шикхандина и Завоевателя богатств, сына Панду; и все силы они прилагали для того, чтобы повергнуть Бхишму. Вслед за тем, повинувшись приказу твоего сына, властители разных стран вместе с Дроной и сыном его, с войсками, великомошные, и могучий Духшасана вместе со всеми братьями выступили тогда на защиту пребывающего в гуще боя Бхишмы. После чего твои герои, выдвинув вперед верного обету, стали биться на поле брани с сынами Притхи, коих возглавил Шикхандин. И, выдвинув вперед Шикхандина, тот, на чьем знамени обезьяна, сопровождаемый чедийцами и панчалами, пошел на Бхишму, сына Шантану. Внук Шини сражался с сыном Дроны, Дхриштaketу же — с Пауравой²⁴¹, Юдхаманью — с Дурьодханой и его приближенными. Вирата же с полком [своим], врагов каратель, сошелся с Джаядратхой, наследником Вриддхакшатры, и его войском. На царя мадров, великого лучника, и войско его устремился Юдхиштхира, Бхимасена с подкреплением — на слоновью рать [Кауравов], на неприступного и неудержимого Дрону, лучшего из всех, носящих оружие, пошел, изготовившись [к бою], царевич панчалов с Сомакими, а на царевича Брихадбалу, на чьем знамени — [цветок] карникары, наступал сын Субхадры²⁴² со львом на стяге. Сыновья же твои вместе с [другими] царями напали в бою на Шикхандина и на Завоевателя богатств, сына Панду, убиения [их] жаждущие.

33—43

При том необычайно страшном обоих войск столкновении под поступью стремящихся полков содрогнулась поистине земля. И при виде сына Шантану на бранном поле, о Бхарата, смешались полки с полками, твои с вражескими, и тогда от них, устремившихся рьяно друг на друга, великий шум поднялся, по всем окрестностям [разнесшийся], о Бхарата, и устрашающим он стал от грома труб и барабанов, и воплей слонов, и львиного рыка воинов. Подобное [свету] луны и солнца, потускнело сияние, [исходившее] от браслетов и диадем всех героев, людей властителей. Тучи пыли явились взору, в которых молниями [сверкало] оружие, и устрашающим стало гудение луков; и пение стрел и труб, и оглушительный бой барабанов, и грохот колесниц слились вместе, от обоих войск [исходящие]. И от туч метательных копий с зазубренными и гладкими наконечниками и дротиков и потоков стрел, перемешавшихся, слов-

но померк свет над обоими войсками. В великой битве сражались друг друга колесничные бойцы и конники, и слоны убивали слонов, пехотинцы — пехотинцев. Тогда ожесточеннейшей была схватка куру с пандавами из-за Бхишмы, о муж-тигр, словно ястребов над добычей. Ужасной была эта встреча в бою обоих [войск], о Бхарата, жаждущих победы [воинов], ради взаимного избиения [сошедшихся] на поле брани.

Глава 112

Санджая сказал:

Абхиманью, отвагу являя, о великий царь, сражался с твоим сыном из-за 1—8
Бхишмы, великим войском сопровождаемый. Дурьодхана в бою девятью стрелами, крепко слаженными, поразил племянника Кришны, гневный, и еще в бою тремя. В бою племянник Кришны, разгневанный, свой дротик, страшный, словно [сам] брат Смерти, послал в колесницу Дурьодханы. Его, налетающий стремительно, ужасный видом, надвое рассек, о владыка народов, [стрелой] кшурапра твой сын, великий воитель. Видя, что упал его дротик, племянник Кришны, разъяренный чрезвычайно, тремя стрелами поразил Дурьодхану в обе руки и в грудь, и еще десятью ужасными остриями, о лучший из бхаратов, поразил пылкого Дурьодхану между сосков. И ужасной была их битва и примечательной, о Бхарата, и тешила взоры [ее] наблюдавших, и все цари ей должное воздали. И оба героя, сын Субхадры и куру-бык, сражались на поле брани — гибели Бхишмы и победы сына Притхи²⁴³ ради.

В битве сын Дроны, бык среди брахманов, гневный, поразил неистового Сатьяки 9—12
тяжелой стрелой в грудь, врагов каратель. Внук Шини же, безмерный духом, сыну учителя во все уязвимые места, о Бхарата, нанес удары девятью стрелами, перьями цапель оперенными. Ашваттахман же в бою девятью стрелами и еще тридцатью немедленно поразил Сатьяки в обе руки и в грудь. Сыном Дроны израненный Сатвата, великий лучник, тремя стрелами сына Дроны поразил [в ответ], многославный.

Паурава, приблизившись в сражении к Дхриштакету, стрелами всячески 13—26
истерзал великого лучника, великого воителя. Также и Паураву в битве Дхриштакету, великий воитель, пронзил тридцатью отточенными стрелами, необычайно мощный. Паурава же, великий воитель, рассек лук Дхриштакету и, мощный рев испустив, десятью стрелами [его] пронзил. Тот, взяв другой лук, поразил Паураву, о великий царь, семьдесятю тремя острыми стрелами, змееподобными. И оба они там, великие лучники, великие погонщики слонов, великие колесничные воины, великим ливнем стрел друг друга окропили. Друг у друга рассекли они луки и убили коней, о Бхарата, и, оставшись без колес-

ниц, сошлись в бою на мечах оба великих воителя. Щиты из бычьей кожи, многоцветные, сотнею лун украшенные и сотнею звезд расписанные, и мечи ярко сверкающие взяли они оба, блистательные, и ринулись друг на друга, о царь, рьяные в схватке, рыкающие, словно два льва в великом лесу. Они описывали разнообразные круги, [искусство свое] являя, отступая и подступая, друг на друга нападаая. Паурава тяжелым мечом нанес удар в висок Дхриштaketу и вскричал, разъяренный: «Стой! Стой!» И царь чеди в бою тяжелым мечом с острым лезвием поразил Паураву, мужа-быка, в плечо. В великой битве сойдясь в поединке, о великий царь, и поразив друг друга неистово, пали оба [на землю], врагов каратели. Тогда твой сын Джаятсена²⁴⁴, подняв Паураву на свою колесницу, о царь, увез его на колеснице с поля битвы. И Дхриштaketу [тоже] в бою²⁴⁵, о царь, Сахадева, сын Мадри, врагов каратель, увез, блистательный.

27—29 Читрасена, пронзив Сушармана²⁴⁶ девятью быстрыми стрелами, еще пронзил его шестьюдесятью и еще девятью. Сушарман же, гневный, сына твоего, о владыка народов, десятью и еще десятью острыми стрелами пронзил в бою. А Читрасена его, о царь, тридцатью крепко слаженными поразил в бою, гневный, и тот его в ответ пронзил, и тем он возвысил в битве, о царь, славу и честь Бхишмы.

30—34 А сын Субхадры сражался с царским сыном Брихадбалой. Властитель Косалы, пятью железными стрелами сына Арджуны пронзив, еще двадцатью его пронзил, крепко слаженными. Но не дрогнул в битве сын Субхадры и, девятью железными Брихадбалу пронзив, вновь и вновь поразил его. И еще сын Пхальгуны рассек лук Косалийца и нанес ему удары тридцатью стрелами, перьями цапли оперенными. Царский сын Брихадбала, взяв другой лук, многими стрелами, гневный, пронзил в бою сына Пхальгуны. И битва их из-за Бхишмы, о каратель врагов, разъяренных, о великий царь, разнообразные выпады в бою применяющих, подобна была [единоборству] Майи с Предводителем Васу во время войны богов с асурами.

35—42 Бхимасена, со слоновьей ратью сражающийся, блистал премного, как [некогда] Шаkra с ваджрою в руке, когда высочайшие горы он раскалывал. А те слоны, гороподобные, сражаемые Бхимой, валились вместе разом на поле, ревом оглашая землю. Величиною с гору, те слоны, грудам [черной] сурьмы подобные, на землю пав, выглядели как сокрушенные утесы. Юдхиштхира, великий лучник, сошедшись в бою с царем мадров, которого прикрывало большое войско, уязвлял его, а владыка мадров, разъяренный, за Бхишму храбро бьющийся, великого воителя, сына Дхармы, в сражении уязвлял. Вирату пронзив девятью крепко слаженными, разящими стрелами, царь синдхийский еще тридцатью его ранил. Вирата же, о великий царь, Синдхийца во главе рати тридцатью отточенными остриями поразил меж сосков. С прекрасными

луками и мечами, с прекрасными доспехами, вооружением, стягами блистали те оба в битве, прекрасные обликом, — Матсья и Синдхиец.

Дрона, с сыном Панчалы встретившись в великой битве, великое множество стрел обрушил [на него], крепко слаженных. В ту пору Дрона, о великий царь, рассек великий лук внука Пришаты и пятьюдесятью стрелами, одною за другой, внука Пришаты пронзил. Внук Пришаты, губитель вражеских героев, взяв другой лук, вступил в соперничество с Дроной в битве, стрелы пуская. А Дрона, великий воитель, те стрелы роями стрел отразив, пять снарядов послал в сына Друпადы. Гневный внук Пришаты, губитель вражеских героев, в Дрону, о великий царь, метнул палицу в бою, жезлу Ямы подобную. Ту палицу, позолотой украшенную, стремительно налетающую, отразил Дрона пятьюдесятью стрелами в битве, и, с лука Дроны слетевшими стрелами многократно рассеченная, о царь, раздробленная, разлетевшаяся на части, она упала на землю. Видя, что отражена [его] палица, внук Пришаты, врагов истребитель, дрот метнул в Дрону, целиком железный, блестящий. Его девятью стрелами рассек в бою Дрона, о Бхарата, и внука Пришаты, великого лучника, уязвил в схватке. Так происходила, о великий царь, эта великая битва за Бхишму между Дроной и внуком Пришаты, ужасная для взора, устрашающая.

43—52

Арджуна, приблизившись к сыну Ганги, устремился на него, как на ярого слона в лесу, острыми стрелами уязвляя готового к бою. Но противостал Партхе Бхагадатта блистательный на трижды раненном и яростью ослепленном слоне, великомощный. Его, налетающего стремительно, слону великого Индры подобного, встретил Бибхатсу, все силы напрягая. Тогда царь Бхагадатта, на слоне восседая, блистательный, ливнем стрел окутал в бою Арджуну. Арджуна же в бою наступающего слона того, словно серебряного на вид, блестящими железными стрелами, острыми, пронзил в великой битве.

53—57

И сын Кунти воззвал к Шикхандину: «Вперед, вперед! На Бхишму!» И он молвил, о великий царь: «Срази его!» Прагджьотиши правитель тогда, оставив сына Панду, о старший брат Панду, поспешно повернул, о царь, на колесницу Друпады. Тогда Арджуна, о великий царь, на Бхишму ринулся стремительно, выдвинув вперед Шикхандина, и начался затем бой. Тогда все твои герои ринулись с криками на неистового в бою сына Панду, и подобно чуду то было. [Но] сынов твоих полки различных родов рассеял в то время Арджуна, как ветер — облака в небе. Шикхандин же, приблизившись к старейшине бхаратов, бестрепетный, тотчас многими стрелами его засыпал. А Бхишма в бою сражал Сомаков, идущих вслед за Партхой, и он преградил путь войску Пандавов, великий воитель. Колесница была его огненным алтарем, лук — языком пламени, меч, дрот и палица — топливом, рой стрел — жертвенным огнем, когда испепелял он кшатриев на поле битвы. И как разгоревшийся пожар движется с ветром по сухостою, так и Бхишма пылал, небесным оружием пора-

58—72

жая [врагов]. Оглашая [кличами] страны света и все окрест, стрелами с позолоченным опереньем, острыми, крепко слаженными, повергал Бхишма великославный колесничных воинов, о царь, и слонов с седоками, и сонмы [вражеских] колесниц он вырубленным пальмовым рошам уподобил. И колесницы, слонов и коней на поле битвы, о царь, без людей оставлял тогда Бхишма, лучший из носящих оружие. Удар его ладони о тетиву заслышав, что словно раскатами грома отзывался отовсюду, содрогались воины, о царь. Ибо стрелы отца твоего били без промаха, о владыка людей, и не застревали в телах слетевшие с лука Бхишмы стрелы. И зрели мы, о царь, как, оставшиеся без людей, [но] с ладно впряженными резвыми конями, влеклись [по полю] колесницы с быстротою ветра, о владыка народов.

73—77

Четырнадцать тысяч великих воителей — чедийцы, кашийцы и каруши — под золотом украшенными стягами, прославленные сыны [знатных] родов, самоотверженные, не обращающиеся вспять [в бою] герои, в битве приблизившись к Бхишме, богу смерти с разверстою пастью подобному, ушли в иной мир вместе со [своими] конями, колесницами и слонами. А среди Сомаков там не было великого воителя, который, приблизившись к Бхишме в бою, помышлял бы о [сохранении] жизни. И всех тех воинов на поле битвы, мощь Бхишмы видя, люди почитали уже обреченными граду Царя призраков. И никто из великих воителей не [дерзал] приблизиться к нему в бою, кроме храброго сына Панду, Белоконного, с Кришною-колесничим, и Шикхандина, царевича панчалов, неизмеримого силой в сражении.

78—88

Шикхандин же, приблизившись к Бхишме на поле боя, о бык среди бхаратов, десятью [и еще] десятью стрелами поразил его в великой битве. Яростью горящим оком глянул искоса на Шикхандина сын Ганги, словно испепеляя его [тем взглядом], о Бхарата; вспомнив о женской его природе, о царь, не нанес ему Бхишма удара в бою у всего мира на глазах, но тот не понял того. Арджуна же, о великий царь, молвил Шикхандину: «Поспеши, срази немедля деда! Что тебе толку в болтовне, о герой, — срази Бхишму, великого воителя! Ибо я не вижу никого другого в войске Юдхистхиры, кто мог бы сражаться на поле брани с Бхишмой, дедом, кроме тебя, о муж-тигр, истинно говорю тебе». Когда сказал ему так Партха, Шикхандин, о бык среди бхаратов, стрелами разных видов немедля поразил прародителя куру. Отец твой Деваврата, тех стрел не замечая, [своими] стрелами гневному Арджуне преградил дорогу в битве. И также всю рать Пандавов в бою великий воитель разящими [стрелами] приуготавливал для иного мира, о достойный. И также Пандавы, о царь, великим войском сопровождаемые, затмили [стрелами] Бхишму, как тучи — дневное светило. Тот потомок Бхараты, со всех сторон осажденный, о бык среди бхаратов, испепелял в бою героев, как пылающий огонь [испепеляет] лес.

Там зрели мы небывалое мужество сына твоего, что сражался с Партхой и защищал верного обету. Все люди возрадовались [тогда] подвигу, [свершенному] на поле брани твоим сыном Духшасаной, лучником, великим духом, что в одиночку сражался на поле брани с сынами Притхи и приспешниками их, и не могли в битве устоять перед ним, могучим, пандавы. Духшасана тот на поле брани сбрасывал колесничных воинов с колесниц, и падали на землю всадники, о великий царь, и слоны, великомощные, пронзенные разящими стрелами [его], а другие слоны, от стрел страдающие, разбегались в разные стороны. Как пылает топливо обретший огонь, языками сверкающий, мощный, так и сын твой пылал, испепеляя пандавов. Из пандавов же ни один великий воитель не мог победить его, величайшего из потомков Бхараты, ни даже как-либо потеснить его, [никто], кроме сына великого Индры, кроме белоконого, чей колесничий — Кришна.

Победив его в схватке, о царь, Арджуна Победитель на Бхишму устремился на глазах у всего войска. Сын же твой, хотя и потерпев поражение, на длань Бхишмы полагаясь, оправившись, снова и снова в сражение вступал, в бою неистовый, и, с Арджуной схватившись, блистал в бою, о царь. А Шикхандин, о царь, бил в бою в деда стрелами, разящими, как оружие грома, как змеиный яд, опасными. Но не причиняли они твоему отцу боли, о владыка людей, с усмешкой принимал тогда те стрелы сын Ганги; как зноем утомленный человек дожди приемлет, так принимал сын Ганги ливни стрел Шикхандина. И зрели кшатрии, о великий царь, как грозный Бхишма, великий духом, войска Пандавов испепеляет в битве.

Тогда молвил твой сын всем [своим] войскам, о достойный: «Со всех сторон на колесницах устремляйтесь на Пхальгуну! Бхишма защитит вас всех в бою, знаток Закона». И те, страх [свой] великий преодолев, противостояли в бою Пандавам. «Вот стоит, охраняя [вас], Бхишма с блистающею пальмой [на своем стяге]! Для всех сынов Дхритараштры он в битве защита и спасение! Сами Тридцать [богов] при всем рвении не устоят против Бхишмы, великого духом, что говорить о сынах Притхи, смертных от роду и бессильных [против него]! Потому, о воины, поспешите, идите на Пхальгуну в бой! Нынче на поле брани я буду **рьяно** сражаться с Пхальгуной вместе с вами, о властители земли, [и вы наступайте на него] **рьяно** отовсюду». Повинуясь тем словам сына твоего, лучника, о царь, пошли в бой на Арджуну великие воители, могучие, — видехи и калинги с отрядами дашераков, нишады и саувиры устремились [на него] в великой битве, бахлики и дарады, также восточные и северные²⁴⁷ малавы, абхишахи, шурасены, шиби, также васати, шальвами поддерживаемые тригарты, амбаштхи с кекаями — устремились в бою на Партху, как мотыльки в огонь. О небесном оружии [своим]²⁴⁸ помыслил тогда Завоеватель богатств, и, его нацелив, теми быстролетными

89—95

96—101

102—116

снарядами, великомощный, как блистающими стрелами, всех тех великих воителей, о великий царь, с их великими ратями скоро испепелил Бибхатсу, как мотыльков огонь [испепеляет]. И меж тем как являл он, меткий лучник, тысячи стрел, словно сияющим в поднебесье выглядел [лук] его Гандива. Стрелами уязвленные, о великий царь, с опрокинутыми колесницами и стягами, [уже] не нападали собравшиеся цари на того, на чьем стяге — обезьяна. Избываемые Увенчанным, падали колесничные бойцы со стягами, всадники с конями вместе, слоны с седоками. И пораженными рукою Арджуны покрылось тогда поле и разбегающимися во множестве повсюду ратями царей.

117—121

А Партха мощнорукий, [это] полчище в бегство обратив, стал в бою посылать стрелы в Духшасану. Те [стрелы] с железными остриями, пронизав сына твоего Духшасану, в землю вошли, как змеи в муравейник. И его коней он сразил затем и поверг его колесничего. И двадцатью [стрелами] он лишил колесницы Вивиншати, о владыка, и пятью крепко слаженными тяжко поразил [его]. Многими стрелами пронзив Крипу, Шалью и Викарну, сын Кунти, белыми [конями] несомый, их тоже лишил колесниц. И, оставшиеся без колесниц, те пятеро, о достойный, — Крипа, Шалья, Духшасана, Викарна и еще Вивиншати — бежали, в сражении Савьясачином побежденные.

122—135

И в первой половине дня, о царь, победив [тех] великих воителей, Партха пылал на поле брани, как очистительный огонь без дыма. Ливни стрел меча, как [мечет] солнце лучи, еще других властителей земли он поверг, о великий царь. В бегство ливнями стрел великих воителей обратив, великую крови реку он пустил течь тогда по полю битвы между войсками куру и пандавов, о Бхарата. Множество слонов и сонмы колесниц сражены были колесничными бойцами, и колесницы повергнуты слонами, а слоны — конниками и пехотинцами. Рассеченные посредине тела и [отрубленные] головы сражавшихся на слонах, конях и колесницах падали [там] повсюду, и блистало поле брани, покрытое павшими и поверженными царскими сыновьями, великими воителями, что серьгами и браслетами [богато] убраны были. И являлись взору раздавленные ободьями колесниц и растоптанные слонами пешие воины с лошадьми и конниками, и сонмы слонов, коней и колесниц металась во все стороны, и разметаны были по земле [опрокинутые] колесницы со сломанными колесами, дышлами и стягами. И поле брани, орошенное кровью покрывших его во множестве слонов, коней и воинов, блистало, как багряное облако осенью. Собаки, вороны, стервятники, волки с шакалами и [всякие] безобразные звери и птицы, до добычи дорвавшиеся, крики [там] испускали. Со всех сторон многие разные ветры дули, и виднелись завывающие чудища и духи, и являлись взору золотые гирлянды и драгоценные знамена, дымящиеся, буйно развеваемые ветром. И тысячи белых зонтов, и великие

колесницы со стягами, разбросанные, являлись [там] взору сотнями и тысячами, и разбегались в стороны, страдая от стрел, слоны со знаменами, и кшатрии с палицами, копьями и луками в руках видны были повсюду, о властитель людей, распростертые на земле.

Тогда Бхишма, о великий царь, призвав небесное оружие, устремился на сына Кунти на виду у всех лучников. На него же, рьяного в бою, устремился Шикхандин в доспехах. И взялся тогда Бхишма за то оружие, очистительному огню подобное. А сын Кунти на белых конях в то самое время громил твоё войско, приводя в смятение деда.

136—138

Глава 113

Санджая сказал:

В полках, идущих строем неуклонно в бой, все на мире Брахмы сосредоточились мыслью безраздельно, о Бхарата. В сумятице [боя] не сражалась [уже] рать с [такою же] ратью — ни колесницы с колесницами, ни пехотинцы с пехотинцами, конники не бились с конниками, слоны — со сражающимися на слонах, — в великое чудовищное смятение повергнуты были оба войска. В том ужасающем великом побоище, когда перемешались так повсюду люди, слоны и колесницы, исчезло всякое их различие.

1—4

Тогда Шалья, Крипа и Читрасена, о Бхарата, также Духшасана и Викарна, взойдя поспешно на колесницы, в трепет повергли, герои, на поле боя рать Пандавов. [Теми] великими истребляемое в битве, не находило спасения от них войско панду, словно тонущее в воде судно. Как холодное время года в уязвимые места поражает до боли коров, так Бхишма поистине поражал сынов Панду в уязвимые места. А Партха, великий духом, в войске твоём особенно во множестве [наземь] повергал слонов, горам или облакам подобных. И военачальников можно было видеть, тысячами сокрушаемых Партхою, стрелами [его] железными поражаемых. Там и здесь валились [наземь], вопя от боли, огромные слоны. И блистало поле брани, покрытое телами в рядных облачениях сраженных [воинов], великих духом, и головами, серьгами [украшенными], меж тем как в том не бывало страшном великом побоище избранных меж героев, о царь, являли [на нем] в битве свою отвагу Бхишма и Завоеватель богатств, сын Панду. На доблестного деда взирая в битве, о царь, не отступали Кауравы, мир Брахмы превыше всего почитая. Смерти в битве взыскав, в небесах высшую цель свою видя, наступали они на Пандавов в том побоище избранных меж героев. И Пандавы тоже, о великий царь, помня о многих разных бедствиях, навлеченных на них некогда тобою и твоим сыном, о повелитель людей, о страхе забыв, мир Брахмы превыше

5—15

всего почитая, с [воинами] твоими и сыновьями сражались, храбрые, на поле боя с ликованьем.

16—30 И полководец [их], великий воитель, молвил в сражении войску [своему]: «На сына Ганги устремитесь, о Сوماки, со сринджаями вместе!» Слову полководца повинуюсь, Сوماки со сринджаями вместе устремились на сына Ганги, ливнем оружия со всех сторон [его поражая]. Тогда отец твой, сын Шантану, о царь, поражаемый [ими], в неистовство придя, стал сражаться со сринджаями. Ему, славному, передал некогда мудрый Рама знание оружия²⁴⁹, отец мой, для вражеских ратей губительное поистине. К знанию этому прибегая, и учинял побоище во вражеском войске изо дня в день старый дед куру. Десять тысяч [воинов] сыновей Притхи сразил Бхишма, вражеских героев губитель. Когда же наступил тот десятый день, о бык среди бхаратов, Бхишма в битве один у матсьев и панчалов, сразив без счета слонов и коней, семь великих колесничных воинов сразил. И, пять тысяч колесничных бойцов сразив, четырнадцать тысяч мужей, также тысячу слонов и еще десять тысяч коней силою [той] науки уничтожил в великой битве дед, отец твой, о владыка народов. Затем, воинство всех властителей земли потрепав, поверг он Шатанику, милого брата Вираты. Шатанику в битве сразив, Бхишма, блистательный, [еще] тысячи царей, о великий царь, стрелами бхалла поверг. И те цари, [соратники] сынов Притхи, которые присоединились к Завоевателю богатств, приблизившись к Бхишме, в чертоги Ямы уходили. Так рой стрел по всем направлениям окрест [посылая], войско сынов Притхи одолев, расположился Бхишма во главе [своей] рати. Величайшие подвиги свершив, в тот десятый день стоял он меж обоих войск с луком в руке, и никто из властителей земли, о царь, не мог поднять взор на него, как в лето, достигшее середины, на палящее солнце в небе. Как палил [некогда] Шакра демонскую рать в бою, так пандавских [воинов] палил Бхишма, о Бхарата.

31—33 Взирая на него, являющего доблесть [свою], Губитель Мадху, сын Деваки, сказал Завоевателю богатств, блага ему желающий: «Вот стоит меж двух войск Бхишма, сын Шантану. Если, силы напрягая, его не убьешь, не будет твоею победа. Собравшись с силами, останови его там, где прорвал он [ряды нашего] войска, ибо стрелам Бхишмы никто, кроме тебя, о могучий, противостать не сумеет!»

34—46 Тогда, [им] подстрекаемый, тот, о обезьяноу на знамени, стрелами [своими], о царь, скрыл в то же мгновение от взора Бхишму с его стягом, колесницей и конями. Но он, бык среди предводителей куру, тучи стрел, сыном Панду пущенные, тучами [своих] стрел рассеял многократно. Меж тем царь панчалов и мужественный Дхриштaketу, и сын Панду Бхимасена, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, и оба близнеца, и Чекитана, и еще пятеро Кекаев, и Сатьяки, о великий царь, и сын Субхадры, и Гхатоткача, и сыны Драупади,

и Шикхандин, и Кунтибходжа мужественный, и Судхарман, и Вирата, велико-мощные пандавские [сторонники], — эти и многие другие, стрелами Бхишмы уязвляемые, в океан горести погрузились; [но] оттуда вознес их Пхальгуна. Тогда Шикхандин, взяв оружие превосходнейшее, ринулся стремительно на Бхишму, Увенчанным прикрываемый. Затем, всех шедших вслед за Бхишмой сразив, ведающий последовательность боя, устремился на него [и сам] Бибхатсу непобедимый. И Сатъяки, Чекистана и Дхриштадьумна, внук Пришаты, Вирата и Друпата и оба сына Мадри, Пандавы, устремились в бой на Бхишму, прикрываемые метким стрелком. И Абхиманью, и пятеро сыновей Драупади устремились в битве на Бхишму, подъяв свое мощное оружие. Все они, меткие лучники, в боях не обращающиеся вспять, многократно поразили Бхишму стрелами, в стрельбе искусные. [Но] не падающий духом, отмахнувшись от тех стрел, пущенных во множестве лучшими из вассалов земли, для стрел [врагов] создав преграду, дед, играючи словно, углубился в ряды войска Пандавов. На царевича же панчалов не направлял стрелы Бхишма, улыбаясь всякий раз, когда вспоминал о женской природе Шикхандина; [но] в войске Друпатады семь колесниц сразил великий колесничный воин.

Меж тем крики ликования раздались внезапно среди матсьев, панчалов и чедийцев, наступающих стремительно на него, [оставшегося] в одиночестве. Полки их отборных конников и колесниц и слоны с пехотой обволокли, как тучи солнце, одинокого Бхишму, сына [реки] Бхагиратхи, в битве карающего врагов. Затем в том сражении его с ними, подобном [войне] богов и асуров, Увенчанный стал наносить удары Бхишме, выставив вперед Шикхандина.

47—49

Глава 114

Санджая сказал:

Так все пандавы, выставив вперед Шикхандина, стали поражать в бою Бхишму, окружив его со всех сторон. И тяжелыми ядрами, пристрашными резубцами, секирами, булавами, палицами, дротами, метательными снарядами всяческими, стрелами с золотым опереньем, дротиками, [иными] дротами и кампанами, стрелами [в форме] телячьего зуба, железными стрелами и огненными снарядами, о Бхарата, стали все сринджаи вместе наносить в бою удары Бхишме. С пробитыми доспехами, многократно уязвленный, не испытал страдания тогда сын Ганги, [хотя] в болезненные места был поражен. Стрелы и лук его языками пламени были, пущенные стрелы — ветром, грохот колес — треском, вознесение великого оружия — польханьем, прекрасный его лук —

1—6

сверканием, истребляемые герои — топливом — для огня конца света, которому в глазах врагов подобен стал Бхишма.

7—11 Врываясь в ряды колесниц и из глубины их [потом] высвобождаясь, взору вновь он являлся, среди [вражеских] царей пробивающийся. Тогда, миновав царя панчалов и Дхриштакету, он стремительно проник в середину войска Пандавов. Затем Сатьяки с Бхимой и Завоевателя богатств, сына Панду, и Друпату, и Вирату, и Дхриштадьомну, внука Пришаты, — этих шестерых он поразил шестью солнцу подобными стрелами, грозно жужжащими, необычайно быстролетными, вражескую броню пробивающими. Те острые стрелы его отразив, великие воители Бхишме удары с силою нанесли, каждый десятую.

12—22 А стрелы, которые в верного обету пускал в бою Шикхандин, златооперенные, на камне отточенные, тотчас в Бхишму вонзались. Тогда Увенчанный, выдвинув вперед Шикхандина, ринулся, неистовый, на Бхишму и рассек его лук. Не стерпели [того] рассечения лука Бхишмы великие воители — Дрона, Критаварман, Джаядратха Синдхийский, Бхуришравас, Шала, Шалья, также Бхагадатта, — эти семеро, разгневанные чрезвычайно, ринулись на Увенчанного. Явив [заклинаниями] необыкновенное небесное оружие, великие воители, гневные, обрушились тяжко на Пандавов и покрыли их [стрелами]. И шум поднялся припадении их на Пхальгуну, что подобен был шуму бушующих морей при конце света. «Разите! Призовите! Хватайте! Бейтесь и рубите!» Слыша эти буйные возгласы, великие воители Пандавов поспешили к Пхальгуне на выручку, о бык среди бхаратов, — Сатьяки и Бхимасена, и Дхриштадьомна, внук Пришаты, и Вирата с Друпатою оба, и ракшас Гхатоткача, и Абхиманью, разгневанный, — эти семеро, гневом ослепленные, примчались, поспешая, прекрасными луками вооруженные, и бурной была их схватка [с врагами] на поле брани, как между богами и демонами, о лучший из бхаратов, дыбом волосы вздымающая.

23—29 А Шикхандин, лучший из колесничных воинов, охраняемый Увенчанным, Бхишму, у которого сломан был лук, пронзил десятую [стрелами] в битве, и десятую — его колесничного, и одною срубил его стяг. Другой лук, быстрее действующий, взял сын Ганги, но и его тремя острыми стрелами бхалла рассек Пхальгуна. И так снова и снова Савьясачин, гневный сын Панду, всякий раз, как Бхишма брал [новый] лук, рассек его, каратель врагов. Тот, разъяренный, со сломанным луком [оставшись], облизывая уголки губ, схватил, разъяренный, дрот, которым можно было раскалывать горы, и метнул его, разъяренный, в колесницу Пхальгуны. Тот, радость Пандавов, видя, что налетает он, пылающий, оружие грома подобный, пять острых стрел бхалла извлек и теми пятью стрелами рассек, разъяренный, о лучший из бхаратов, на пять частей дрот, рукою Бхишмы пущенный. И пал он, разъяренным Увенчанным рассеченный, как низвергшаяся из собравшихся туч и рассыпавшаяся стократная молния²³⁰.

Увидев, что рассечен его дрот, исполнен был гнева Бхишма. И стал герой, вражеских городов покоритель, в бою размышлять про себя, умудренный: «Я мог бы с одним луком [моим] сразить всех Пандавов, если бы не был покровителем их [Кришна], Вседостигающий Полководец великомощный. По двум причинам не стану я сражаться с Пандавами: из-за неуязвимости [рода] Панду и из-за женской природы Шикхандина. Когда-то, когда отец мой женился на Кали, довольный [мною], даровал он мне выбор [времени] смерти по собственной воле и неуязвимость в бою²⁵¹. Теперь, я мыслю, пришло, кажется, время для смерти моей». Узнав об этом решении Бхишмы, пылом непомерного, провидцы и Васу, пребывающие на небесах, молвили Бхишме: «Что решено тобою, о герой, нам отраднo весьма. Так и поступи, о великий лучник, отврати мысли от битвы!» И по окончании той речи повеял благой ветер, ласковый, благоухающий, влагою напоенный. Зазвучали громогласные небесные литавры, и цветочный дождь пал сверху на Бхишму, о властитель земли. Но никто не услышал реченное ими, о царь, кроме [самого] Бхишмы мощнорукого и меня, [что одарен был] мудрецом тою способностью. И великое смущение овладело тогда Тридцатью, о владыка народов, из-за того, что падет с колесницы всем мирам любезный Бхишма. Вняв тому, что рекли божественные сонмы, великодушный Бхишма, сын Шантану, острыми стрелами пораженный, что пробили все его доспехи, [уже] не стал тогда нападать на Бибхатсу.

А Шикхандин, о великий царь, поразил прародителя бхаратов, гневный, девятью отточенными стрелами в грудь. Но, в схватке им пораженный, не дрогнул, о великий царь, Бхишма, прародитель куру, как гора во время землетрясения. Тогда Бибхатсу, рассмеявшись, лук Гандиву натянул и поразил сына Ганги двадцатью пятью малыми [стрелами]. И еще сотнею стрел Завоеватель богатств, разъяренный, нанес поспешно ему удары во все части тела, во все уязвимые места. И другими он так же сильно поражен был в великой битве, но не причиняли ему боли те золотооперенные, на камне отточенные.

Затем Увенчанный ринулся яростно на Бхишму, выставив вперед Шикхандина, и рассек его лук. И, десятью [стрелами] его пронзив, одною он рассек его стяг, и десятью остриями он в дрожь поверг его колесничего. Сын Ганги взял другой лук, более мощный, но тремя острыми стрелами бхалла [тот] разнес его натрое. И так в [том] великом сражении очень много луков его, всякий раз как он брал их, рассекал во мгновение ока в поединке [Арджуна]. Тогда Бхишма, сын Шантану, не нападал [уже] на Бибхатсу. И еще двадцатью пятью малыми тот его ранил. Пронзенный чрезмерно, молвил великий лучник Духшасане: «Этот Партха, гневный в бою, великий воин Пандавов, многими тысячами стрел меня в бою осыпал. Не победить его и

самоу Громовержду в битве! Но и меня победить не смогут даже боги с данавами и ракшасами вместе, доблестные, что говорить о слабосильных смертных». А меж тем как они разговаривали, Пхальгуна, выставив вперед Шикхандина, отточенными остриями пронзил Бхишму в сражении. Острыми стрелами Владетеля лука Гандивы тяжко израненный, молвил тогда тот опять Духшасане, улыбаясь: «Ударом подобные ваджре, оружию грома, остроконечные, проникающие, летящие непрерывно — это не стрелы Шикхандина! Уязвимые места секущие, крепкие латы пробивающие, бьющие меня, словно палицы, — это не стрелы Шикхандина! Брахманскому жезлу²⁵² [силой] удара равные, как бой ваджры, неотразимые, силы жизни из меня рвущие — это не стрелы Шикхандина! Слово разъяренные змеи, исполненные яда, языки высовывающие, в уязвимые места меня поражающие — это не стрелы Шикхандина! Слово истребляющие жизнь во мне, словно вестники, посланные Ямой, бьющие, как палицы или железные ломы, — это не стрелы Шикхандина! Рассекающие тело мое, как у коров в месяц магха²⁵³, — это стрелы Арджуны, это не стрелы Шикхандина! Ибо никто иной из всех властителей людей не мог бы в беду меня повергнуть, кроме Джишну Обезьянознаменного, Владетеля лука Гандивы!» Так молвил сын Шантану и, словно испепелить решившись сына Панду, метнул в него дрот, о Бхарата, с пылающим острием, искрометный. Но тот рассек его натрое тремя стрелами и упасть заставил там, о Бхарата, на глазах у всех героев куру. И сын Ганги взял щит, золотом украшенный, и еще меч, смерти или победы желая, но прежде чем он сошел, вооружившись, с колесницы, тот разбил его щит на сто частей, и чуду подобно то было. И, взревев громко, словно лев, воззвал он к своим полкам: «На сына Ганги устремитесь, не страшась нимало!» И те с томарами, дротиками, связками стрел, трезубцами, мечами и еще разнообразным ударным оружием, со стрелами [в форме] телячьего зуба и бхаллами устремились со всех сторон на одного.

68—72 И грозный львиный рык раздался тогда [в рядах] пандавов. Также и твои сыновья, о царь, желающие победы Бхишме, поспешили к нему, оставшемуся в одиночестве, и львиный рык издали. И яростной была битва твоих с врагами, о властитель царей, на десятый день, когда встретились Бхишма и Арджуна. Слово водоворот [при слиянии] Ганги с океаном возник мгновенно [там, где] сражались, истребляя друг друга, войска. И непроходимым тогда представилось поле, залитое кровью, и никак не отличить было ровные места от рытвин.

73—77 Тогда, на десятый день, убив десять тысяч воинов, [сам] в уязвимые места пронзаемый, [все еще] стоял на поле брани Бхишма. А Завоеватель богатств, сын Притхи, будучи во главе своих войск, [вражескую] рать в бегство обратил, [вторгшись] в середину войск куру. И бежали мы с поля ве-

ликой битвы в страхе перед Завоевателем богатств Белоконым, сыном Кунти, [его] острыми стрелами уязвляемые. [Но] саувиры, китавы, [бойцы] с Востока, западные и северные малавы, абхишахи, шурасены, шиби, васати, тригарты вместе с шальвами, амбаштхи с кекаями — [воины] этих двенадцати стран, стрелами уязвляемые, страдающие от ран, не покинули [все же] в бою Бхишму, сражающегося с Увенчанным.

Тогда многочисленные [рати], его одного окружив со всех сторон, всех куру обратили в бегство, ливнями стрел осыпая. «Валите! Хватайте! Разите! Режьте!» — такие возгласы раздавались беспорядочно, о царь, вокруг колесницы Бхишмы. Рои стрел поразили его стократно и тысячекратно, и не было [тогда] на теле у него [даже] на палец места не пронзенного. Так отец твой, о повелитель, остроконечными стрелами Пхальгуны весь иссеченный в бою, пал незадолго до заката с колесницы головою к востоку на глазах у твоих сыновей. «Увы, увьи!» — [раздались возгласы] богов на небесах и властителей земли повсюду, и великий шум поднялся, когда падал Бхишма с колесницы.

78—82

И когда увидели мы, что упал дед, великий духом, и сердца у всех у нас вместе с Бхишмой упали. Как вырванное [из земли] знамя Индры²⁵⁴, упал он, мощнорукий, всех лучников стяг осеняющий, и отозвались [гулом на его падение] недра. И, множеством стрел покрытый, он даже не коснулся земли. И, когда упал он с колесницы, на него, великого лучника, мужа-быка, на ложе из стрел возлежавшего, низошел божественный дух. Дождь пролил Парджанья, и сотряслась земля. И, падая, увидел он, что убывает солнце²⁵⁵. Сознание сохраняющий, помыслил [тогда] герой о времени [своей кончины], о Бхарата. И в поднебесье отовсюду он услышал божественные голоса: «Как [это случилось, что] великому духом сыну Ганги, мужу-тигру, лучшему из носящих оружие, срок пришел, когда наступила пора южного пути [солнца]?» Услышав ту речь, молвил сын Ганги: «Я держусь!» Ибо, хотя и пал он на землю, он удерживал жизнь [в своем теле], и северного пути [солнца] чаял Бхишма, прародитель куру. Ганга, дочь Химавана, прознав об этой мысли его, послала туда великих провидцев в образе гусей. Тогда гуси с [озера] Манас полетели стаей вместе, поспешая, взглянуть на Бхишму, прародителя куру, туда, где дед, лучший из людей, возлежал на ложе из стрел.

83—91

Достигнув же Бхишмы, те мудрецы в образе гусей узрели Бхишму, прародителя куру, возлежащим на ложе из стрел. Великого духом увидев, они обошли сына Ганги, лучшего из бхаратов, слева направо, меж тем как солнце [вступило] на южный путь, и, обращаясь друг к другу, произнесли там благочестивые: «Духом велик Бхишма, а уходит, когда [солнце] на южном пути!» Сказав так, отправились гуси в южную сторону, о Бхарата, и, видя то, поразмыслив, молвил им [вслед] великомудрый сын Шантану: «Пока солнце по-

92—100

вернуло к югу, я не уйду ни за что, так я решил. В ту былую обитель мою я уйду, когда к северу повернет солнце, о гуси, истинно говорю вам! Ожидая к северу поворота [солнца], буду я удерживать жизнь мою, ибо дарована мне власть [самому] определить, когда отказаться от жизни. Потому я буду удерживать жизнь, во время пути [солнца] на север я хочу умереть. Дар, который получил я от отца, великого духом, — смерть по желанию [своему], — да осуществится дар его! Я буду удерживать жизнь [мою] отныне до определенного [мною же] срока!» Сказав так тем гусям, он [остался] тогда покоиться на ложе из стрел.

101—108

Когда так пал великий мощью Бхишма, глава куру, Пандавы и сринджаи львиный рык издали. Когда сражен был великий своей сутью человек, среди бхаратов несравненный, ничего не предприняли сыновья твои, о бык среди бхаратов, и беспамятство и смятение овладели тогда куру. Цари во главе с Дурьодханой зарыдали тогда, воздыхая, и в горести на долгое время чувств они лишились. Они оставались [на поле], о великий царь, но не помышляли о битве; в оцепенении пребывая, они не устремлялись на пандавов. Когда сражен был великомощный Бхишма, сын Шантану, [почитавшийся] неуязвимым, великое истребление неминуемое предстало, о царь, перед куру. И мы, храбрых военачальников лишившиеся, острыми стрелами посеченные, не знали, что нам делать, Савьясачинном побежденные. Пандавы же, обретя победу и высшее прибежище в грядущем, все затрубили в [свои] великие раковины, герои, чьи руки — как засовы крепостные, и возликовали Сомаки с панчалами, о владыка людей. И когда зазвучали тысячи литавр, великомощный Бхимасена стал бряцать оружием и плясать.

109—112

Когда пал сын Ганги, герои обоих воинств, [сойдись] кругом, положили оружие и в раздумье погрузились. И некоторые разразились воплями, другие обратились в бегство, иные же лишились чувств, а некоторые порицали [все] кшатрийство и одного Бхишму восхваляли. И провидцы и предки славили великообетного, особенно же первые из бхаратов его прославляли. А мужественный сын Шантану, великому учению²⁵⁶ Упанишад приверженный, шепча молитву, пребывал, мудрый, в ожидании срока своего.

Глава 115

Дхритараштра сказал:

1—6

Каково же было тогда [моим] воинам, о Санджая, лишившимся Бхишмы, могучего, богоравного, ради отца принявшего обет безбрачия? Уже тогда я понял, что погибли [потомки] Куру и другие [союзные] цари, когда из сострадания пощадил Бхишма сына Друпеды. О каком горе более тяжком

могу я помыслить, слабоумный, после этого, — услышав о гибели отца моего? Из камня, наверное, сердце у меня, о Санджая, если не разорвалось оно на сто частей при вести о гибели Бхишмы! Опять и опять отказываюсь я примириться [с мыслью], что убит в бою Дежаврата, которого некогда и сын Джамадагни не убил [своим] чудесным оружием! Что Бхишма, муж-лев, победы чающий, стал делать, когда сражен был ныне в битве, о том расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

В вечерний час пал наземь старый праотец куру, опечалив сынов Дхритараштры и радость даровав панчалам. Он возлег тогда на ложе из стрел, земли не коснувшись. С колесницы упав, распростерся Бхишма на поле. «Увы, увы!» — раздались возгласы наперебой среди [всех] созданий, когда пало [то] пограничное древо куру по окончании боя. Страх объял кшатриев обоих воинств, о царь, при виде Бхишмы, сына Шантану, в разбитых доспехах и с поверженным знаменем; подавлены были и куру и пандавы, о владыка народов. Свет солнца померк, и небо окуталось тьмою, и застонала земля, когда сражен был Бхишма, сын Шантану. «Вот лучший из ведающих Святое Слово²⁵⁷, вот утешение для ведающих Святое Слово» — так толковали создания о павшем бхарате-быке. «Вот тот, кто некогда, проведав о любовных страданиях [своего] отца — Шантану, к целомудрию, муж-бык, себя принудил» — так [говорили] о не знающем равных среди бхаратов, на ложе из стрел возлежащем, провидцы, сошедшиеся вокруг вместе с совершенными и странниками небес.

7—14

Когда сражен был Бхишма, сын Шантану, прародитель бхаратов, ничего не стали предпринимать твои сыновья, о Бхарата. Лица их были бледны и безрадостны, о Бхарата, и они стояли, понурившись, смущенные, ибо подавлены были стыдом. А Пандавы, одержав победу, стояли перед рядами войск. И они все затрубили в [свои] великие раковины, украшенные золотыми сетями. И когда громко загрели литавры и зазвучали [трубы], о безупречный, мы узрели на поле битвы, о царь, великого Бхимасену, сына Кунти, который в радости великой тешился игрою, сразив в бою врагов, великой мощью наделенных. А куру впали тогда в беспамятовство и в смятение. Карна и Дурьодхана все время вздыхали, и, когда пал Бхишма, властитель Кауравов, бесконечны были всеобщие возгласы горести.

15—20

Увидев Бхишму павшим, сын твой Духшасана с невозможной быстротой помчался к рати Дроны. Герой был снаряжен и послан братом вместе со своим полком, и, к войску своему воззвав, отправился [туда] муж-тигр. Видя, что пришел он, куру окружили Духшасану, о великий царь, [ожида], что он скажет. Тогда поведал Дроне о гибели Бхишмы Каурава. Ту

21—29

горестную [весть] услышав, Дрона упал внезапно с колесницы. Придя в себя, сын Бхарадваджи остановил тогда, блистательный, свои полки, о достойный. Видя, что куру отходят, Пандавы тоже, отправив к своим воинам вестников на быстрых конях, установили перемирие. И когда войска повсюду отошли, все властители мужей, сняв доспехи, направились к Бхишме. От битвы отвратившись, сотни и тысячи воинов приблизились тогда к великому духом, как бессмертные к Владыке созданий. И, дойдя до лежащего Бхишмы, быка среди бхаратов, приветствовали [его] и стали кругом пандавы вместе с куру.

30—43

Пандавам и куру, перед ним, преклоняясь, ставшим, молвил тогда праведный душою Бхишма, сын Шантану: «Добро пожаловать, о великие судьбою, добро пожаловать, о великие воители! Я рад видеть вас, бессмертным подобным». Так приветствовав их, он молвил с поникшей головою: «Со всем поникла моя голова, дайте мне опору в изголовье». Тогда цари принесли ему превосходные подушки, легкие и мягкие, но не пожелал их дед, и, как бы усмехаясь, молвил муж-тигр тем царям: «Не годятся такие для ложа героя, о властители земли». И, увидев тогда лучшего из людей Завоевателя богатств, сына Панду, он молвил долорукому, всему миру [известному] великому воителю: «О Завоеватель богатств, о мощнорукий, поникла голова моя, дай мне опору в изголовье, какую считаешь здесь достойной». Тот, положив свой великий лук и приветствовав деда, с глазами, полными слез, такое слово молвил: «Приказывай, о лучший из куру, из всех, носящих оружие, избранный. Я — слуга твой, о неодолимый. Что должно исполнить, о дед?» Ему отвечал сын Шантану: «Голова у меня, сын мой, поникла, принеси мне подушку, о Пхальгуна, лучший из куру, только — подходящую для ложа моего. Скорее дай мне ее, о герой! Ведь ты, о Партха, мощнорукий, лучший из всех владеющих луком, ведаешь обычай кшатрийства, достоинствами мудрости и праведности наделенный». — «Да будет так», — отвечивал Пхальгуна; решительный и скорый, он взял Гандиву и гладкие стрелы, произнес над ними заклинания и, разрешения испросив у великого духом, не знающего равных среди бхаратов, тремя острыми бысролетными стрелами опору дал [его] голове. И потому, что понял его желание Савьясачин, возрадовался праведный душою Бхишма, лучший из бхаратов, ведающий истинно суть [Святого] Закона.

44—50

Получив [желанное] изголовье, с благодарностью обратился он к Завоевателю богатств, сыну Кунти, лучшему из бойцов, умножающему радости друзей: «Достойное для ложа [моего изголовье] предоставил ты [мне], о сын Панду. Поступи ты иначе, проклял бы я тебя во гневе! Именно так, о мощнорукий, на поле брани на ложе из стрел должно уснуть кшатрию, познавшему исконные предписания [для себя]». И, сказав так Бибхатсу, молвил он слово

тем всем царям и царским сыновьям, позади сына Панду стоявшим: «Вот ложе мое, на этом ложе, доколе не повернет солнце, будут зреть меня цари, которые того дожидаться будут. Когда к стране Вайшраваны пойдет дневное светило²⁵⁸, лучезарное, палящее миры, на [своей] высшего пыла исполненной колеснице, тогда прошусь я с жизнью, [как] с самым дорогим другом. Пусть выроют ров здесь, у места упокоения моего, о цари. Так почести Вивасвану воздам я, сотню стрел вобравший. Вражду отринув, прекратите войну, о владельцы земли!»

Тут приблизились к нему врачеватели, искушенные в извлечении стрел [из ран], снабженные всеми [необходимыми] средствами, опытные, хорошо обученные. Увидев их, такое слово промолвил тогда сын Джанхави: «Пусть заплатят положенное целителям и отпустят их с почетом. Ибо после того, что произошло, нет мне теперь здесь нужды в целителях. Ведь высшего достиг я удела, исполнением кшатрийского долга предопределенного. Не приличествует, о цари, это [лечение] мне, на ложе из стрел взошедшему, да сожгут меня в конце [жизни] эти стрелы, о мужей повелители!» Выслушав ту речь его, твой сын Дурьодхана отослал врачевателей, оказав им должный почет. А власти-тели разных стран преисполнились тогда удивления, видя высшую стойкость в Законе, [явленную] Бхишмой, пыл коего непомерен был.

Когда отцу твоему дано было изголовье, о владыка людей, пандавы и куру, великие воители, пришли все вместе к великому духом, возлежавшему на блистательном ложе. Они приветствовали Бхишму и затем обошли его почтительно слева направо; установив вокруг Бхишмы охрану, на исходе дня все герои, в думы погружившиеся, крайне удрученные, вернулись на отдых, кровью покрытые, в свои шатры.

И к Пандавам, великим воителям, расположившимся на отдых, к ним, падению Бхишмы радующимся великим воителям отважным, явился в должное время потомок Яду и сказал Юдхиштхире, сыну Дхармы: «Судьбою дарована тебе победа, о Кауравья, судьбою повергнут Бхишма, этот для смертных неуязвимый великий воитель, верный правде. Или, может быть, это по воле богов он, во владении любимым оружием искушенный, тебя, о Партха, убивающего взглядом, встретив, был грозным оком твоим испепелен». На эти слова отвечал Джанардане Царь справедливости: «Твоею милостью [дается] победа, и гневом твоим [предопределено] поражение! Ибо ты — наше спасение, о Кришна, избавляющий от опасностей преданных тебе! Неудивительно, что победа к тем [приходит], кого ты постоянно охраняешь в бою, о чьем благе постоянно печешься. Когда во всем ты с нами — неудивительно это, я полагаю». На это отвечал, улыбаясь, Джанардана: «Такие речи от тебя только и можно ожидать, о лучший из владельцев земли!»

Глава 116

Санджая сказал:

1—8

А на заре, о великий царь, все властители земли, Пандавы и сыны Дхритараштры, пришли к деду. Кшатрии приветствовали его, быка среди кшатриев, героя, на ложе героев возлежащего, лучшего из куру, и стали близ него. Девы [почтили его] всячески сандаловым порошком, жареным зерном и венками, женщины, дети и старики и [прочие] зрители из простонародья потянулись к сыну Шантану, словно духи к Истребителю тьмы²⁵⁹. Музыканты, танцовщицы, гетеры, также мимы с плясунами заплясали и запели перед старым прародителем куру. Прекратив сражение, сбросив доспехи и положив оружие, куру и пандавы вместе собрались вокруг неодолимого Девавраты, укротителя врагов, приязнь изъявляя друг к другу возрасту согласно, как в былое время. И это собрание бхаратов, в котором сошлись сотни царей, [присутствием] Бхишмы озаренное, блистало ярко, словно солнечный диск в небе. И сияли в нем цари, поклоняющиеся прародителю, как боги, Прародителю²⁶⁰, владыке богов, поклоняющиеся.

9—27

А Бхишма, стойко терпящий боль, [но] душою, от стрел мучаясь, не совсем воспрявший, о бык среди бхаратов, молвил: «Тело мое от стрел страдает, до потери сознания стрелы жгут меня, пить я жажду», — обратился он к тем царям. Те кшатрии тогда, о царь, принесли туда отовсюду разнообразные яства и кувшины холодной воды. Увидев принесенное, Бхишма, сын Шантану, молвил: «Не могу я, родные, нынче вкушать какие-либо яства людские. Ибо ушел я от людей на ложе из стрел. Мне осталось [только] дожидаться возвращения луны и солнца!» Сказав так с грустью всем царям, сын Шантану позвал Завоевателя богатств мощнорукого, о Бхарата. Приблизившись и приветствовав деда, стал [перед ним] мощнорукий, ладони сложив и склонившись в поклоне. «Что мне сделать?» — спросил он. Видя представшего перед ним с приветствием сына Панду, о царь, Бхишма, праведный душою, обратился ласково к Завоевателю богатств: «Горит мое тело, я [весь] пронизан великими стрелами, болят опасные раны, уста мои пересохла. Дай мне воды, чтобы освежить мое тело, о Арджуна, ибо [только] ты, о великий лучник, можешь добыть мне воды как должно». — «Да будет так», — сказал Арджуна и взошел на колесницу, мужественный; с силою натянув тетиву, он изготовил к стрельбе свой лук Гандиву. Гром, раздавшийся от удара его ладони о тетиву, грому [Индры] подобный, услышав, содрогнулись все существа и все цари [тоже]. Затем на колеснице он, лучший из колесничных воинов, объехал слева направо ложе лучшего из бхаратов, среди всех носящих оружие избранного, и, великославный, наложив [на тетиву] блистающую стрелу, над которою прочел заклинания, [силою] ору-

жия Парджаньи ее наделив, на глазах у всего мира Партха пронзил ею землю в южной стороне от Бхишмы. И тогда светлая и благая забила струя воды, прохладной, амрите подобной, небесного запаха и вкуса. Той струи прохладной водою Партха, чудесные подвиги свершающий, убоготворил Бхишму, быка среди куру. И от того деяния Партхи, словно продолжающего [подвиги] Шакры, преисполнились тогда великого изумления те властители земли. Узрев то деяние Бибхатсу, сверхчеловеческое, небывалое, задрожали куру, словно страдающие от холода коровы. И в изумлении стали размахивать плащами цари повсюду, и бурно со всех сторон зазвучали раковины и забили барабаны.

Утолив жажду, сын Шантану молвил Бибхатсу, как бы славя его в присутствии всех героев, о царь, земли властителей: «Не диво это для тебя, о мощнорукий. Исконным провидцем назвал Нарада тебя, неизмеримого сиянием. Соратник Васудевы, великий подвиг ты совершишь, на какой наверняка не отважится и сам Индра с возглавляемыми им богами вместе. Знают ведающие то: в тебе, о Партха, — всего кшатрийства погибель! Среди носящих лук ты на земле — единственный, из мужей — величайший, как люди в мире — лучшие [из существ], как Гаруда — избранный меж птиц, океан — из водоемов лучший, корова — превосходнейшая из четвероногих, солнце — лучшее из светил, Химаван — избранный среди гор, из каст лучшая — брахманская, так ты — лучший из лучников.

Увы, не стал слушать сын Дхритараштры увещевания, которые снова и снова повторяли ему Видура и Дрона, Рама²⁶¹, Джанардана, а также Санджая. Лишившийся рассудка, словно бесчувственный, не внял Дурьодхана и моей речи. Преступивший предписания, он, мощи Бхимы уступающий, уже давно обречен на поражение».

Тогда опечалился, слыша те слова, Дурьодхана, вождь кауравов. Устремив на него взор, молвил сын Шантану: «Слушай, о царь! Укроти свой гнев! Ты видел, о Дурьодхана, как мудрый Партха породил источник воды, холодной, амрите подобно благоухающей. Нет в мире никого, кто свершил бы такое! Небесное оружие Агни, Варуны, Сомы, Ваю, также Вишну, Индры, Владыки тварей, Брахмы, Превышнего, Владыки созданий²⁶², Дхатара, Тваштара и Савитара во всем мире людей полностью ведает ведь один Завоеватель богатств! Еще Кришна, сын Деваки, но больше никто не ведает. Никак нельзя, сын мой, победить Пандавов в битве. С тем великим героем, что свершил эти сверхчеловеческие деяния, с ним, отважным в бою, блистающим на поле брани, совершенным в сражении, о царь, следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока волен в своих деяниях мощнорукий Кришна в окружении куру, с храбрым Партхой [немедля] следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока стрелами, крепко слаженными, не уничтожил еще Арджуна

рать твою, следует, отец мой, тебе заключить мир. Пока остаются еще на поле боя братья твои, те, что еще не убиты, и многие другие [союзные] властители, о царь, да будет заключен мир. Не испепелил пока твою рать Юдхиштхира, чей взор пылает гневом, поистине следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока Накула, и Сахадева, и Бхимасена, сын Панду, не уничтожили совсем твою рать, о великий царь, да будет, сын мой, любезна для тебя дружба с Пандавами. Пусть кончится со мною эта битва, сын мой, и примиришься ты с Пандавами, да будет любезна тебе эта речь моя, которую обратил я к тебе, о безупречный. Благом я почитаю это для тебя и для рода твоего.

47—51 Отринув гнев, с сынами Притхи примиришь! Достаточно того, что сделал Пхальгуна. После кончины Бхишмы да будет дружба между вами, или недужен [будешь], смилуйся по доброму, о царь. Отдай половину царства Пандавам, пусть Царь справедливости правит в Индрапрастхе. Да не обретешь ты среди царей недобрую славу как подлый предатель, о вождь Кауравов! С моей кончиной да воцарится мир среди людей, да сойдутся властители земли во [взаимной] приязни, отец да придет к сыну, о царь, к дяде — племянник, брат — к брату. Если же, во власти заблуждения пребывая, из-за безрассудства [своего] не согласишься с этой речью моей, во благовремении [произнесенной], с кончиною Бхишмы и всем [придет] конец — это слово истины я говорю [тебе]!» Наставление это дружбы ради потомку Бхараты преподав среди царей, сын реки умолк, страдая от стрел, уязвляющих больные места, [но] сдерживаясь и боль подавляя.

Глава 117

Санджая сказал:

1—20 Затем, когда умолк Бхишма, радость Шантану, все те властители земли, о великий царь, опять вернулись в свои обители. А сын Радхи, муж-бык, услышав, что сражен Бхишма, поспешно пришел [к нему], немного испуганный. Он увидел тогда великого духом на ложе из стрел, подобного Картикее, божественному владыке, когда пребывал он на ложе [своего] рождения²⁶³. К тому герою, очи сомкнувшему, приблизившись, упал ему тогда в ноги муж, величием осиянный, и голос его прерывался слезами, [когда] он сказал ему: «О лучший из куру, я — сын Радхи, тот, кто, безвинный, столь ненавистен был тебе всегда, когда предстал пред [твоими] очами!» Слыша то, старец-куру с трудом глаза раскрыл и, разглядев его не сразу, ласково слово молвил ему. Увидев, что опустело поле, отослал стражей, и, как отец сына, обнял сын Ганги

его одной рукой и сказал: «Приди, приди, о ты, что [всегда] спорил и соперничал со мною! Если бы ты не пришел сейчас, блага не было бы тебе, поверь мне. Ты — сын Кунти, не сын Радхи, я знаю об этом от Нарады, а также от Кришны Двайпаяны и от Кешавы²⁶⁴, в этом нет сомнения. Нет у меня ненависти к тебе, правду, сын мой, тебе говорю. А жестокие слова я молвил тебе, чтобы пыл в тебе убить. Ибо нет причины у тебя, по мнению моему, ненавидеть Пандавов, с коими столько раз ты поступал жестоко, о ты, радость Сурьи! Я знаю твоё мужество в бою, для врагов губительное, и благочестие, и доблесть, и высочайшее благородство в даянии²⁶⁵. Нет подобного тебе среди мужей, о богоравный! Это разрушителем рода тебя считая, говорил я всегда недоброе о тебе. В стрельбе, во владении луком, в проворстве, в силе удара стрелами ты равен Пхальгуне и Кришне, великому духом. О Карна, [некогда] ты, [только] луком вооруженный, в Раджапуру придя, один сокрушил [там] царей, за царя куру сражаясь²⁶⁶. Так и могучий царь Джарасандха, трудноодолимый, боевой славой похваляющийся, неравен тебе оказался в бою²⁶⁷. Ты благочестив, правдив, пылом солнцу равен, ты — божий отпрыск, в битве непобедимый, превосходящий [всех] людей на земле. Сегодня ушла ненависть, которую когда-то питал я к тебе. Не в силах человека предотвратить назначенное судьбою. Храбрые Пандавы — единоутробные братья твои, о истребитель врагов! Объединись с ними, о мощнорукий, если хочешь сделать угодное мне! Да кончится со мною [эта] вражда, о радость Адитьи, и да будут отныне беспечальны все цари на земле!»

Карна сказал:

Все это я знаю, о великомудрый, в том нет [у меня] сомнения! Как ты сказал, о неодолимый, я — сын Кунти, не сын возницы. Но бросила меня Кунти, и воспитан я был возницей. Властью воспользовавшись, от Дурьодханы [полученной], не смею я [теперь] поступить вероломно. Имущество [мое], и плоть, и ту высокую славу — все отдал я делу Дурьодханы, о щедрый к жрецам. Своей приверженностью Суйодхане постоянно гневаю я Пандавов. Что неизбежно должно произойти, того предотвратить невозможно! Человеку то не по силам — кто предотвратит назначенное судьбою? Знаменья, гибель земли предвещающие, узнал ты, о дед, и поведал о них в собрании. Знаю я доподлинно, что непобедимы Пандавы и Васудева для других мужей, но мы поборемся с ними! Позволь мне [сражаться], отец мой, о ты, всегда радостный душою в битве. С твоего разрешения, о герой, я буду сражаться, такова моя воля. Если грубо говорил или спорил, от вспыльчивости или по неразумию, и за все, в чем провинился я, да соизволишь ты простить меня!

Бхишма сказал:

29—33

Если не можешь ты отринуть ужаснейшую эту вражду, я разрешаю тебе, о Карна, сражайся, неба взыскаю! Без гнева и неистовства свершай царское дело, насколько хватает сил и отваги, следуя поведению добродетельных. Я даю тебе мое разрешение; да обретешь ты то, чего желаешь! Миря, что за исполнение кшатрийского долга полагаются, ты обретешь, в том нет сомнения! Сражайся самоотверженно, на силу и мужество [свое] полагаясь, ибо нет у кшатрия высшего долга, чем битва! Долго, очень долго я пытался добиться мира, но не смог достичь цели. Где праведность — там победа!

Санджая сказал:

34

Сына Ганги, молвившего так, почтив и умиловив, сын Радхи взошел на колесницу и направился к твоему сыну [Дурьодхане].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

КНИГА О БХИШМЕ КАК СЮЖЕТНОЕ ЯДРО «МАХАБХАРАТЫ»

Великая древнеиндийская эпопея, известная под названием «Махабхарата», складывавшаяся на протяжении тысячелетия, может быть условно разделена на три основные части: центральную, включающую описание великой битвы, предшествующую ей, содержащую предысторию вражды двух ветвей царского рода, и завершающую, посвященную событиям, последовавшим за окончанием войны Кауравов и Пандавов. Шестая книга «Махабхараты», первый полный перевод которой на русский язык предлагается читателю, открывает центральную часть, коей завершением можно считать, по-видимому, книгу одиннадцатую; и есть основание полагать, что именно в этих книгах — с шестой по одиннадцатую включительно — нашла отражение древнейшая, изначальная версия героического эпоса, лежащая в основе дошедшего до нас колоссального свода нарративных и дидактических текстов, которые дополняли и преобразовывали ее на протяжении веков. Восстановить изначальную версию в первоизданном виде теперь не представляется возможным¹, но совершенно очевидно центральное место указанных шести книг, заключающих в себе кульминацию сюжета эпоса, в общей композиции памятника — в той окончательной версии, в которой он нам теперь известен.

Содержанием этих книг, которые часто называют индийской «Илиадой», является описание великой битвы на Поле Куру². Эта битва между двумя ветвями царского рода (ведущими происхождение от общего предка), как полагают, и дала название эпосу — «Махабхарата», что следует толковать как «Вели-

---

¹ О проблеме выявления в дошедшем до нас тексте «Махабхараты» «ядра», или «первоначального» эпоса, и — более широко — о проблеме истории текста см.: Невелева 1991: 8—22. Памятники древнейшего периода в истории индийской литературы, складывавшиеся каждый на протяжении не одного столетия, со временем возрастают, как известно, в объеме, традиционно присоединяя поздние добавления перед первоначальной версией и к завершающим ее частям. Так, из семи книг, составляющих «Рамаяну», второй великий героический эпос древней Индии, первая и седьмая, как давно признано, являются позднейшими по времени сложения.

² Поле Куру (Курукшетра) — историческая область к северу от современного Дели, между реками Сарсути и Читангом.

кая [битва] потомков Бхараты³. Историчность этого события остается не вполне определенной (как и битвы под Троей), однако достаточно вероятной; исследователи склонны датировать его серединой X в. до н. э. или столетием позже⁴, и в основе его предполагается борьба за гегемонию в Северной Индии между куру и панчалами, народностями, сложившимися к тому времени на территориях в верхнем течении Ганга. Народные сказания, в которых отразилась память об этой борьбе, и легли, по-видимому, позднее в основу героического эпоса.

«Книга о Бхишме» («Бхишмапарва»), шестая книга «Махабхараты», открывающая центральную часть эпоса — повествование о великой битве на Поле Куру (Курукшетре), — сама может быть разделена на две большие части: вступительную, заключающую в себе три раздела («Протяжение материка Джамбу», «Земля», «Песнь Господа»), главным образом космографического и дидактического содержания, и основную, собственно повествовательную, занимающую четвертый, самый обширный раздел («Убиение Бхишмы»), объемом превосходящий первые три более чем вдвое (гл. 41—117); он и содержит описание великой битвы, первых ее десяти дней, когда войско Кауравов возглавлял герой, чье имя дало название книге.

Особое место в шестой книге занимает третий раздел (гл. 23—40) — знаменитая «Песнь Господа», или «Бхагавадгита», — религиознофилософская поэма, ставшая одним из наиболее почитаемых священных текстов индуизма (если не самым почитаемым), вошедшая в «Махабхарату», которая и сама в целом приобретает с нею статус священной книги. Составленная в характерной для индийской традиции форме беседы-наставления, представляющая собою самый значительный из дидактических текстов «Махабхараты», «Бхагавадгита» знаменует один из ключевых моментов в развитии сюжета. Заполняя напряженную паузу непосредственно перед вступлением в битву обеих ратей, она становится концептуальным «ядром» памятника в целом. Исследователи, выявляющие органическое единство повествовательных и дидактических текстов, составляющих весь этот грандиозный свод, склонны рассматривать именно «Бхагавадгиту» как его центральное звено, сердцевину идейного содержания великой эпопеи. Но и вне этого контекста поэма в восемнадцати песнях почитается как самостоятельное произведение, в истории собственно индуистской литературы основополагающее, стоящее у ее истоков.

³ Бхарата — мифический предок героев эпоса, царей так называемой Лунной династии, от имени которого происходит древнее название Индии — Бхаратаварша, т. е. «страна Бхараты».

⁴ На это указывают данные санскритской литературы раннего Средневековья (цикла пуран, священных текстов индуизма), которые можно считать достаточно достоверными; это же подтверждается свидетельствами археологии (см.: Gupta, Ramchandran 1976: 254).

В первых пяти книгах «Махабхараты», грандиозного свода нарративных и дидактических текстов, складывавшегося на протяжении веков преимущественно в устной традиции, рассказывается о событиях, которые привели к великой битве. После вводных глав в первой книге, где излагается генеалогия главных героев эпоса и сказания об их предках (а также мифы о происхождении богов и демонов), повествование переходит непосредственно к истории вражды, возникшей с юных лет у представителей двух ветвей рода — сыновей слепого царя Дхритараштры и его младшего брата Панду, потомков Куру, мифического родоначальника одноименного племени. В дальнейшем, однако, Кауравами, т. е. потомками Куру, зовутся в эпосе только сыновья Дхритараштры, их же двоюродные братья именуется, как правило, иначе, по отцу, — Пандавы, т. е. сыновья Панду (хотя, казалось бы, зваться потомками Куру они имеют столько же оснований).

Согласно сказанию, Гандхари, супруга Дхритараштры, рождает ему сто сыновей (из которых в дальнейшем, однако, только двое старших — Дурьодхана и Духшасана — играют заметную роль в развитии сюжета);⁵ у Панду от двух его жен, Кунти и Мадри, рождаются пятеро сыновей, у первой — Юдхиштхира, Бхимасена и Арджуна, у второй — двое близнецов, Накула и Сахадева. Пандавы, рано потерявшие отца, воспитываются при дворе своего дяди в Хастинапуре, столице страны куру⁶, и вместе с его родными сыновьями обучаются воинскому искусству у прославленного наставника — брахмана Дроны. Зависть Кауравов к более преуспевшим в этом искусстве Пандавам и нежелание уступить им право на власть и порождают, согласно дошедшей до нас версии сказания, ту вражду между родичами, которая приводит впоследствии к войне; главным зачинщиком распри выступает при этом коварный Дурьодхана, неустанно строящий козни против благородных пятерых братьев, которых он стремится погубить, пользуясь для этой цели своим влиянием на слабовольного отца. В этих интригах его поддерживает дядя по матери — Шакуни, царь Гандхары; его верным союзником становится также Карна — старший сын Кунти от бога солнца, рожденный ею еще до брака. Покинутый матерью в детстве, Карна, став со временем великим героем, обретает дружбу Дурьодханы, видящего в нем

⁵ В первой книге рассказывается, что все сто рождаются чудесным образом из комка мяса, извлеченного из утробы их матери; это может подразумевать рождение из яйца и указывать на изначально зооморфную природу этих образов (рассказ отчасти перекликается с вошедшим в ту же книгу мифом о рождении тысячи сыновей Кадру, прародительницы змей).

⁶ Древний город на берегу Ганга (в районе современного Хардвара); просуществовал до конца IX в. до н. э., когда был покинут жителями вследствие наводнения (что было установлено археологическими раскопками 1950—1952 гг.).

единственного воителя, способного противостоять в бою непобедимому Арджуне, своему единоутробному брату, лучшему из учеников Дроны. Впоследствии, во время великой битвы, Карна и становится главной надеждой лагеря Кауравов, среди самых грозных воителей которого тогда выделяются также Ашваттхаман, сын Дроны, и царь мадров Шалья (брат матери младших Пандавов, вынужденный судьбою сражаться против них). С другой стороны, пока до битвы дело не дошло, при дворе Дхритараштры замыслом его старшего сына не сочувствуют такие влиятельные лица, как сам Дрона, дядя царя Бхишма (старший в роду Куру, отрекшийся, однако, от права на престол) и мудрый Видура, младший брат царя. Эти трое составляют при дворе партию мира — до его крушения.

Такова расстановка сил в начале основного сказания эпоса, представленная в первой книге «Махабхараты», где рассказывается также, как, бежав от преследований Дурьодханы, Пандавы обретают могущественного союзника в лице Друпеды, царя панчалов⁷, на дочери которого они все пятеро женятся (здесь эпос сохранил, несомненно, наследие древнейшего сказания, лежащего в основе его сюжета, — невзирая на то, что повествование вступает здесь в вопиющее противоречие со сложившимися нормами брахманистской морали). Сыновья царя Друпеды — Дхриштадьумна и Шикхандин — в дальнейшем играют важную роль во время великой битвы как верные союзники Пандавов.

Еще более существенной оказывается роль другого союзника, которого Пандавы приобретают во время пребывания своего в стране панчалов. Это Кришна, герой из племени ядавов⁸, родич троих старших Пандавов (племянник Кунти). Этот образ занимает в «Махабхарате» особое положение. В тексте эпоса, который, как уже сказано, складывался на протяжении веков в устно-поэтической традиции, мы не можем теперь проследить явственно стадии эволюции сюжета и образов героев. Однако совершенно очевидно, что образ Кришны особую роль играет в относительно поздний период, когда он выделяется среди всех других как воплощение на земле (так называемая аватара) высшего божества — Вишну, когда героический эпос, лежащий в основе дошедшего до нас памятника, на завершающем этапе сложения грандиозного свода преобразуется в священную книгу индуизма — именно так традиционно воспринимается в Индии «Махабхарата» на протяжении столетий вплоть до наших дней. Культ Кришны, из которого развивается одно из самых мощ-

⁷ Страна панчалов граничила с куру с юго-востока, ниже по течению Ганга (территория центральной части современного штата Уттар Прадеш).

⁸ Ядавы обитали западнее куру и панчалов, в области древнего города Матхуры, который был их столицей. Позднее, согласно эпосу, переселились западнее, на территорию современного Гуджарата.

ных течений внутри индуизма, получает распространение, несомненно, много позже создания древней поэмы о битве; но именно в шестую книгу «Махабхараты», с которой начинается повествование о битве, входит знаменитая «Бхагавадгита», религиозная поэма, ставшая священной книгой кришнаизма. Построенная как поучение, обращенное перед началом битвы к герою Арджуне Кришной, его колесничим, она и раскрывает божественную природу последнего, являя его вселенский образ, возносящий его над миром смертных. Знаменательно, что именно Кришне как воплощению Вишну целиком посвящена не входящая в «Махабхарату» «Харивамша», («Род Хари»)⁹, которую тоже можно отнести к древней кришнаитской религиозной литературе.

С повествованием о событиях, предшествовавших великой битве, занимающим первые пять книг «Махабхараты», русский читатель может теперь ознакомиться по опубликованным переводам (см. ниже)¹⁰. Более позднее сравнительно с центральной частью происхождение этих первых книг (если рассматривать их в целом), как и последних семи (12—18), следующих за описанием битвы, едва ли может быть подвергнуто сомнению. В течение веков — с середины I тыс. до н. э., когда сложилась изначальная версия эпоса о битве на Курукшетре, и до IV или V в. н. э., когда окончательно сформировалась, как полагают, известная на сегодняшний день «Махабхарата», — содержание древнего сказания, на котором воздвигся постепенно огромный свод текстов, восходящих к различным источникам и представляющих различные жанры повествовательной и культовой литературы, не могло не подвергнуться определенному переосмыслению, отвечающему наступлению новой исторической эпохи. В результате в содержании дошедшего до наших дней памятника, как уже давно констатировали исследователи, обнаруживается достаточно явственно наличие двух уровней, определяемых двумя взаимно противоречащими кодексами морали. Один принадлежит героическому веку, к которому относится сказание о битве, запечатлевшее когда-то события далекого прошлого; другой же берет начало в религиозной морали индуизма, вероучения, отразившего произошедшие за века коренные изменения в мировоззрении, что не могло не наложить печать на содержание всего свода «Махабхараты» на завершающей стадии его сложения.

⁹ Хари — одно из имен Вишну, перешедшее также к Кришне. Обычно «Харивамша» рассматривается как самостоятельное произведение, с «Махабхаратой» она связывается чисто формально.

¹⁰ С содержанием основного сказания «Махабхараты» в целом русский читатель может ознакомиться по литературным изложениям Г.Ф. Ильина, а также Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана (см.: Древняя Индия 1995; Ильин 1958).

Не вызывает сомнений, что мораль уходящего в прошлое героического века представляют в эпосе Кауравы, носителями же нового мировоззрения, запечатленного наиболее ярко и определенно в «Бхагавадгите» и освященного именем Кришны, выступают их победоносные противники, зовущиеся Пандавами. То, что изначально эти герои сказания с потомками Кuru в родстве не состояли, явствует не только из родового имени их (как отмечалось, Кауравами именуются в эпосе постоянно мужи враждебного им стана), но более всего из обычая полиандрии, на который в соответствующем эпизоде повествования (см. выше) сами Пандавы ссылаются как на принятый в их роду, что явно противоречит не только приписываемому им родству с Кауравами, но и самой принадлежности их к арийским племенам¹¹. И более чем правдоподобно высказывавшееся уже давно некоторыми исследователями предположение, что самое имя Пандавов может указывать на исконную принадлежность их иной расе (pāṇḍu — букв. «желтый»). Позднее оно было переосмыслено как отчество от имени Панду, т. е. в значении «сын Панду», — в данном случае, как можно полагать, образ отца, введенный посредством характерной для ранней санскритской литературы «ложной этимологизации»¹², оказался «моложе» образов его сыновей.

Исследователи давно отказались от тщетных попыток восстановить текстуально древнее сказание, послужившее основой для «Махабхараты», насчитывающей ныне сто тысяч строф (двустий); как установлено, для текста, сложившегося в устно-поэтической традиции, это в принципе невозможно. Тем не менее, по-видимому, именно оно подразумевается под версией в 8800 строф, о которой в первой же главе первой книги сообщает сказитель Уг-рашравас¹³. И если говорить об «авторстве» «Махабхараты» (разумеется, только условно), то не мифический мудрец Вьяса, которого называет традиция (и который в то же время фигурирует в самой «Махабхарате» как при-

¹¹ Вслед за этим признанием, которое вложено в уста Юдхиштхиры в беседе с отцом невесты, следуют еще различные, явно надуманные толкования более позднего происхождения. Никак не согласующиеся между собой, они должны были, видимо, как-то оправдать это шокирующее брахманскую мораль многожество дочери царя панчалов (см. в «Адипарве» гл. 187—189).

¹² Аналогичным образом, принятое толкование одного из самых распространенных параллельных имен Кришны — Васудева (Vasudeva) — как отчества (в значении «сын Васудевы») повлекло за собой создание образа его отца по имени Васудева (Vasudeva), между тем как в действительности Vāsudeva — это имя древнего божества, культ которого, изначально самостоятельный, был впоследствии ассимилирован кришнаизмом.

¹³ Упоминание об этой первоначальной версии (в которой, как указывается в тексте, «мог знать сказание Санджая») по неясной причине исключено из критического издания (см.: Mahabharata 1863: I.1.81).

ходящийся родственником ее главным героям)¹⁴, а именно Уграшравас, «сын колесничего»¹⁵, скорее, может почитаться «автором» древнего сказания, индийским Гомером.

После пространного вступления, содержащего, помимо краткого изложения сюжета сказания о потомках Бхараты, череду легенд и мифов, предвещающих основное повествование, роль рассказчика переходит к брахману Вайшампаяне, ученику самого Вьясы, который и ведет далее это повествование, перемежаемое многократно всяческими вставными историями и поучениями (они вводятся от лица других, второстепенных сказителей, время от времени появляющихся в рассказе Вайшампаяны, — на этом приеме инкорпорации и строится весь гигантский свод). То есть предполагается, что Уграшравас с этого момента (гл. 55 «Адипарвы») продолжает повествовать со слов Вайшампаяны (оба с самого начала ссылаются, правда, на того же Вьясу как на первоисточник своего повествования). Так продолжается до конца пятой книги; в начале же шестой (гл. 5) — она же первая из книг центральной части, — посвященной описанию великой битвы, повествование переходит к Санджае, колесничему царя Дхритараштры. Поэма о битве входит, таким образом, в повествование Вайшампаяны (а через него и Уграшраваса) как рассказ Санджаи, который охватывает книги с шестой по десятую включительно; в одиннадцатой, посвященной событиям, происшедшим непосредственно после битвы, главным рассказчиком опять становится Вайшампаяна. Этот героический эпос о битве, занимающий центральную часть «Махабхараты», действительно, во многом сходен с греческой «Илиадой». Слагающийся в основном из описаний единоборств и подвигов на поле брани наиболее выдающихся героев обоих враждующих станов, текст отличается сравнительной цельностью повествования, почти не прерываемого инкорпорированными сюжетами, не имеющими прямого отношения к основному сюжету. Лишь непосредственно перед началом описания битвы в шестой книге в повествование Санджаи вставляется знаменитая «Бхагавадгита» («Песнь Господа»), поэма, составляющая своего рода сердцевину всей «Махабхараты» как священной книги. Поучение, содержащееся в поэме, излагает Кришна — колесничий, мудрец и божество в одном лице.

✱

¹⁴ Имя Вьяса (Vyāsa) означает букв. «составитель». Согласно повествованию в «Адипарве» (гл. 100), Вьяса ради продолжения рода Куру по обычаю левирата порождает для бездетного царя Вичитравирьи, своего родного брата, сыновей Дхритараштру и Панду. В отношении последнего можно предположить, пожалуй, что он и впрямь «порожден» «составителем» (см. выше).

¹⁵ Царские колесничие в Индии героического века традиционно полагались исполняющими одновременно роль сказителей, прославляющих воинские подвиги своих патронов (подобно скандинавским скальдам).

Знаменательно, что в центральной части памятника повествование доверяется Санджае, барду стана Кауравов. Не случайно, очевидно, и то, что книги «Махабхараты», последовательно описывающие перипетии восемнадцатидневной битвы на Поле Куру, носят имена военачальников армии Кауравов. Шестая книга носит имя Бхишмы, возглавлявшего войска Кауравов и их союзников в течение первых десяти дней и приведшего бы их к победе, если бы не коварная уловка врагов, не способных одолеть его в честном бою. Следующая, седьмая, книга названа именем Дроны, сменившего Бхишму во главе войска через пять дней и подобно ему сраженного врагами не в честном бою. Та же участь постигает Карну, именем которого названа книга восьмая. Девятая носит имя Шальи, возглавлявшего Кауравов в последний день битвы. Все это легло в основу давно высказывавшегося исследователями предположения, что именно Кауравов воспевал древний героический эпос о битве, в которой отважные воители пали жертвой вражеского коварства (сходно с германской «Песнью о Нибелунгах»); в основе этого сюжета могло лежать предание о войне куру с панчалами, в которой последние одержали победу, призвав на помощь чужеземцев с Севера или вступив в союз с ними, когда они в страну куру вторглись сами. В Пандавах, причисленных потом к роду Куру (сомнительность их исконной принадлежности к нему мы отмечали), не без оснований можно усматривать черты какого-нибудь воинственного монголоидного племени, пришедшего с Гималаев. Даже по дошедшей до нас переосмысленной версии сказания права их на царство куру достаточно зыбки и, овладев им в обход сыновей старшего брата, они выступают по существу в роли узурпаторов¹⁶. В дошедшем до нас тексте эпоса сохранились определенные следы древнейшей его первоосновы, игнорировать которые невозможно, и едва ли оправданы попытки удалить их, принятые при подготовке критического издания (см., напр., выше примеч. 13); тем более что совершенно устранить отмеченные несоответствия¹⁷, очевидно, не удастся без грубого вмешательства в текст. В этом неустранимом противоречии и заключается своеобразие эпоса «Махабхараты», и содержание этого уникального в истории мировой культуры памятника нам надлежит теперь, безусловно, оценивать во всей его несомненной противоречивости и сложности¹⁸.

¹⁶ Еще в 1951 г. индийский исследователь Буддхапракаша высказал предположение, что в образах Пандавов «Махабхараты» отразились предания о племенах скифов (шаков), которые, по его мнению, появились в Северной Индии уже в IX в. до н. э. (см.: Callewaert, Hemraj 1982: 63).

¹⁷ Эти несоответствия, несомненно, более значительны, чем те отдельные сюжетные противоречия, которые вообще характерны для повествования, сложившегося и переходившего из поколения в поколение в устной традиции.

¹⁸ Так называемая «теория инверсии», предполагающая эту «перемену ролей» в процессе

Непосредственно предшествующая центральной части, содержащей описание битвы, пятая книга «Махабхараты» носит название «Удьюгапарва», что переводят как «Книга о старании». Подразумевается старание сохранить мир, хотя развитие действия говорит более о приготовлениях к войне и привлечении союзников с обеих сторон, когда неизбежность этой войны уже становится очевидной. Стороны еще обмениваются посольствами, но посольство Кришны, последнее перед открытием военных действий, явно имеет целью не столько сохранить мир, сколько внести раскол в лагерь противника. Так, Кришна ведет втайне переговоры с великим героем Карной, пытается переманить его на сторону Пандавов, которым Карна — и он узнает это только теперь — приходится родным братом. Ему, как старшему, Кришна и обещает царство. Карна, однако, отказывается изменить друзьям. В последних главах книги описывается движение войск с обеих сторон к Курукшетре; армию Кауравов возглавляет Бхишма, именем которого названа следующая книга, а во главе рати Пандавов стоит Дхриштадьумна, царевич панчалов. В последовавшей битве, согласно «Махабхарате», приняли участие на стороне того или другого стана почти все известные ко времени сложения эпоса народности и племена Индии (включая и мифических демонов-ракшасов, под коими могли подразумеваться, вероятно, лесные племена аборигенов, на протяжении веков остававшиеся на периферии арийской цивилизации) — понятно, что подобных масштабов никак не могла достигать реальная битва на Курукшетре, если таковая и имела бы место на заре исторической эпохи.

В конце пятой книги в развитие действия вплетается эпизод, играющий немаловажную роль и вызывающий у европейского читателя не лишённые интереса ассоциации. Перед самым началом выступления войска на битву Бхишма, полководец Кауравов, называет царскому сыну Дурьодхане самых могучих воителей их стана, перечисляя коих на последнее место ставит — неожиданно и явно несправедливо — Карну; оскорбленный герой отказывается тогда принимать участие в битве до тех пор, пока жив Бхишма (см. в

формирования эпоса «Махабхараты», в то время, когда она была выдвинута и потом обоснована на исходе XIX в., вызвала решительные возражения многих видных индологов и была подвергнута уничтожающей критике. Действительно, аргументы ее сторонников были вскоре достаточно убедительно опровергнуты; наивное объяснение известного противоречия в моральной оценке действий главных героев сознательной переделкой сюжета и характеров, якобы предпринятой певцами в правление династии, ведущей свое происхождение от Пандавов, едва ли может быть признано удовлетворительным. Тем не менее нельзя отрицать, что преобразование героического эпоса в священную книгу индуизма не могло не повлечь за собой определенной трансформации изначальной версии сказания, хотя, несомненно, в основе этих преобразований лежат более глубокие причины (о теории инверсии подробнее см.: Невелева 1991: 12—14).

«Удьюгапарве» гл. 61 и 165). Это разительно напоминает начало другого древнего эпоса о битве, где она также предваряется ссорой между вождем и самым могучим из героев воинства, главной его надеждой, что имеет следствием длительное бездействие последнего в уже начавшемся сражении¹⁹, — хотя мотивы ссоры между Агамемноном и Ахиллесом в «Илиаде» совершенно другие. Сходные черты в образах Карны и Ахиллеса уже отмечались в исследовательской литературе (к ним относится, в частности, дар неуязвимости, не уберегающий тем не менее героя от гибели — хотя опять-таки по разным причинам). Едва ли здесь можно предполагать заимствование, но эти параллели трудно объяснить и случайным совпадением; и есть основания полагать, что «Махабхарата» сохранила в своем содержании отголоски самых ранних сюжетных мотивов и образов эпического творчества индоевропейских народов, чем обусловлена особая ценность культурно-исторического материала, заключенного в этом уникальном памятнике древней литературы.

---

¹⁹ На это указывает В.И. Кальянов в примечаниях к своему переводу «Удьюгапарвы».

МНОГОЗНАЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ «БХАГАВАДГИТЫ»¹

«Бхагавадгита» («Песнь Господа»), или просто «Гита» («Песнь»), — один из наиболее известных текстов индийской культуры, характерный «продукт» и представитель того многообразного мира верований, культов, общественных установлений и традиций, который европейцы окрестили макароническим (персидско-греческим) именем «индуизм».

«БХАГАВАДГИТА» В КОНТЕКСТЕ ИНДУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Американский индолог Франклин Эджертон, один из лучших в XX в. западных знатоков «Гиты», некогда назвал ее «любимой Библией Индии» («India's favorite Bible»). Эта по-американски броская (будто рекламная) формула во многом справедлива: «Гита» и в самом деле может быть отнесена к тому разряду текстов (наряду с Торой, Библией, Кораном...), которые воспринимались и воспринимаются многими как священные, содержащие некие вечные, главные истины, поведенные человеку свыше.

Вместе с тем «формула Эджертона», если ее понимать слишком буквально, может ввести неискущенного читателя в заблуждение. Прежде всего, разумеется, речь должна идти не об Индии (или, как сказали бы теперь, Южной Азии) в целом, не об индийской культуре вообще, а именно и конкретно об индуизме². Но «Гиту» неверно было бы назвать и «Библией индуизма»³,

---

¹ Эта статья С.Д. Серебряного впервые была опубликована в сборнике: Древо индуизма 1999: 152—194). В настоящем издании печатается с некоторыми сокращениями и исправлениями.

² Для индийских (южноазиатских) мусульман, христиан, сикхов, буддистов и других религиозных групп «Гита», конечно, вовсе не является священным текстом.

³ Сам Ф. Эджертон два раза несколько уточняет свою «формулу»: «Для большинства благочестивых вишнуитов и вообще для большинства индусов “Бхагавадгита” — то же, что Новый Завет для благочестивых христиан» (Bhagavad Gītā 1972a: 105); «“Бхагавадгита” — Библия кришнаизма...» (Там же: 189). Здесь стоит заметить, что в со-

потому что в индуизме нет и не было единого священного писания, вполне сопоставимого со священными писаниями авраамитских религий (Торой, Библией и Кораном). Во-первых, индуизм — это нечто гораздо более разнообразное и разнородное, чем иудаизм, христианство или ислам. Во-вторых, в индийской культуре, вплоть до сравнительно недавнего времени, письменные тексты — слова, записанные и по писанному прочитанные, — ценились гораздо меньше, чем *устное слово*, произнесенное и услышанное, переданное от человека к человеку, от учителя к ученику, от поколения к поколению.

Ближайшим аналогом нашего понятия «священное писание» в индуизме можно считать понятие *шрути* (на санскр. букв. «услышанное»). Словом *шрути* собирательно обозначались ведийские тексты: от гимнов Ригведы до упанишад — то, что мы теперь называем ведийской литературой. *Шрути* было «услышано» древними мудрецами (*риши*) и затем многие века передавалось изустно, от учителей к ученикам, в различных «школах» (т. е. учительских традициях). Со временем тексты *шрути* были, впрочем, записаны, но к рукописным ипостасям этих священных текстов в Индии никогда не было такого благоговейного отношения, как, скажем, к Торе среди иудеев или к Корану среди мусульман⁴.

Парным к понятию *шрути* было понятие *смрити* (букв. «память», «упомненное», «запомненное»). Этим словом обозначались различные чтимые и авторитетные тексты (нормативные трактаты, собрания легенд и преданий и т. д.), которые, однако, были не получены «свыше», а созданы людьми.

Среди текстов *смрити* особое место принадлежит «Махабхарате», «[Повествованию о] великой [битве] потомков Бхараты». «Махабхарата» — это огромная «поэма» на санскрите, длиной примерно в 100 тыс. стихотворных строф. Основной сюжет — конфликт двух родственных царских семейств, Кауравов и Пандавов, приводящий их к братоубийственной битве на поле Куру (Курукшетра — к северу от современного Дели). Но содержание «поэмы» отнюдь не исчерпывается ее центральным сюжетом. «Махабхарата» — это огромный свод различных повествований, преданий, трактатов, притч, наставлений и т. д., так или иначе присоединенных к главному сюжету. «Махабхарату» иногда называли «пятой Ведой». Собственно веды (числом четыре: «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа») были предназначены только для высших каст. «Махабхарата» же была как бы

временном русском словоупотреблении «кришнаитами» называют в основном приверженцев «Международного общества сознания Кришны» (ISKCON), потому что о других кришнаитах в России знают только специалисты. Между тем ISKCON — лишь одно из течений кришнаизма (к тому же довольно американизированное).

⁴ С типографским станком ведийские тексты познакомились только в XIX в. стараниями европейских ученых.

«Ведой для масс», поскольку читать (чаще слушать) ее разрешалось и низким кастам.

«Бхагавадгита» — один из эпизодов «Махабхараты», входящий в ее шестую книгу, «Книгу о Бхишме». По масштабам «Махабхараты» «Гита» — текст сравнительно небольшой: в привычных для нас терминах ее можно назвать (как и «Махабхарату» в целом) «поэмой» — но в этой «поэме» всего семь сотен стрóf.

Событийный «сюжет» этой «поэмы» можно изложить в немногих словах: перед началом битвы на Курукшетре Арджуна, один из пяти братьев Пандавов, вдруг говорит Кришне, который был у него колесничим⁵, что не может поднять оружие на своих двоюродных братьев Кауравов, других родственников, а также наставников и учителей, вставших под знамена Кауравов; в ответ Кришна проводит с Арджуной «разъяснительную беседу» и в конце концов убеждает его все же вступить в бой.

Содержание этой беседы — своего рода «божественное откровение»⁶: Кришна «открывает» Арджуне, что он, Кришна, на самом деле — Высшее Божество⁷, исток и опора всего сущего. По ходу беседы Кришна объясняет

⁵ По сюжету «Махабхараты» Кришна — двоюродный брат и союзник Пандавов.

⁶ Ср.: «Центральный сюжет Гиты — возведение Кришной... религиозной истины Арджуне» (Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 119; Бонгард-Левин 1993: 116).

⁷ Здесь уместно объяснить первую часть сложного слова *Bhagavad-gītā*. Древнеиндийские грамматики стремились возвести все имена существительные в санскрите к глагольным корням. Поэтому начнем с корня *bhāj*, который играет очень важную роль в «Бхагавадгите». Этот корень имел значения: «делить», «наделять», «разделять» (что-то с кем-то), «быть сопричастным», «владеть», «пользоваться», «прибегать к», «предпочитать», «избирать», «любить», «поклоняться», «чтить», «боготворить» и др. Связанное с этим корнем существительное *bhaga* (которое лингвисты считают исторически родственным русским словам «бог» и «богатый») буквально значило «наделяющий», «наделитель» и — отсюда — «покровитель», «господин». В ведийских гимнах это слово было именем одного из второстепенных богов, а также могло использоваться как эпитет других богов. С ведийских времен слово *bhaga* имело еще и такие значения: «доля», «удача», «счастье», «процветание», «богатство», «благо» и т. д. (см.: Топоров 1980). Слово *bhagavat* (форма основы) или *bhagavān* (форма именительного падежа; к основе *bhaga* прибавлен суффикс *-vant* — суффикс обладания, причастности к чему-либо) первоначально значило «обладающий богатством/благом», «счастливей», «славный», «благословенный» и т. д. Позднее возникли значения «почитаемый», «святой»/«священный», «божественный»... Слово *bhagavat/bhagavān* стало именем-эпитетом высших богов в индуизме (= «Владыка», «Господин», «Господь»), прежде всего Вишну и его воплощения, Кришны.

В буддийских текстах *bhagavat/bhagavān* стало одним из основных имен-эпитетов Будды.

Арджуна устройство мироздания, а также место и задачи в нем человека. В частности, выясняется: мироздание божественным промыслом устроено так, что Арджуна должен идти в бой и убивать своих родственников и учителей.

Будучи и оставаясь частью «Махабхараты», «Бхагавадгита», однако, со временем приобрела в индийской культуре еще и отдельное, самостоятельное значение. Эту поэму стали воспринимать как текст, содержащий суть упанишад⁸. Тем самым «Гита» обрела статус, близкий к статусу *шрути*. Во вступительной молитве (на санскрите), которой в современных индийских изданиях часто предворяется текст поэмы, есть такая строфа:

Упанишады — коровы,
сын Пастуха⁹ — их доитель,
Партха¹⁰ — теленок; мудрый пьет
молоко-амриту Гиты¹¹.

Началом IX в. н. э. датируют знаменитый комментарий Шанкары на «Гиту» («Гита-бхашья»), едва ли не самый ранний из дошедших до нас комментариев на поэму¹². Современные исследователи полагают, что именно Шанкара окончательно зафиксировал текст «Гиты» и утвердил ее престиж как текста если и не священного, то в высшей степени авторитетного. «Гита» стала одной из «трех опор» (*prasthāna-trayaṃ*) веданты (наряду с упани-

---

Вместе в тем на санскрите то же слово *bhagavat/bhagavān* было и остается обычной формой обращения к почитаемому лицу (богу или человеку), нечто вроде русского «господин».

С тем же корнем *bhāj* связаны и столь важные для «Бхагавадгиты» (и не только для нее) слова: *бхакти* (*bhakti* — «сопричастность», «приверженность», «поклонение» и т. д.) и *бхакт(а)* (*bhakta* — «приверженец», «почитатель» и т. д.).

⁸ В традиционных формулах (колофонах), которыми завершаются главы «Гиты», поэма называется, собственно, *Bhagavad-gītā upaniṣadāḥ* — «Бхагаваном поведенные упанишады (т. е. сокровенные наставления)». Современная наука считает эти колофоны позднейшими добавлениями (см., напр., Edgerton 1972: 92), но во всяком случае это свидетельство о том, как воспринималась «Гита» ее индийскими читателями и переписчиками в эпоху рукописного бытования поэмы.

⁹ То есть Кришна.

¹⁰ Партха — одно из имен Арджуны.

¹¹ Saṅkhaśāstra 1983: XIX. Здесь и далее, если это не оговаривается особо, переводы строк и фрагментов с санскрита — С.Д. Серебряного.

¹² Комментарий Бхаскары, датировка которого неопределенна, может быть, и предшествовал «Гита-бхашье», но не охватывает текста поэмы целиком и, по-видимому, был менее влиятельным, чем труд Шанкары (см.: Sharma 1986: 16—41). У самого Шанкары есть указания на то, что были и более ранние комментаторы «Гиты».

шадами и «Брахма-сутрами» Бадараяны). Комментарии на «Гиту» создавали и такие знаменитые личности, как Абхинавагупта (X—XI вв.), Рамануджа (XI—XII вв.), Мадхва (XIII в.), Мадхусудана Сарасвати (XVI в.) и др. (см., напр.: Семенцов 1985: 18—25; Sharma 1986). Общее число старинных санскритских комментариев на «Гиту» — около 50, что свидетельствует о немалой популярности «поэмы», по крайней мере, среди людей ученых и грамотных. Переводы и комментарии на поэму создавались также на других индийских языках¹³.

В конце XVIII в. «Гита» стала известна в Европе — и с тех пор началось ее изучение методами европейской (западной) науки. Европейские ученые, обращаясь к какому-либо тексту, прежде всего задаются вопросами: кто, где и когда данный текст создал? Но от индийской традиции получить удовлетворительные ответы на подобные вопросы удастся далеко не всегда.

Что касается авторства «Гиты», то с точки зрения индийской традиции «Гиту», как и всю «Махабхарату», «сочинил», или «составил», легендарный мудрец Вьяса (который считается также и «составителем» Вед, и 18 «главных» пуран). В отношении «Гиты» больше подходят слова «составил», «записал», «изложил», потому что «Гита» содержит (опять-таки в традиционном восприятии) собственные, подлинные слова Кришны¹⁴.

Даже если европейских ученых такой ответ не удовлетворяет, никакой другой информации об авторстве «Гиты» все равно добыть не удастся (потому что индийская культура в своей «памяти» такую информацию не сохраняла). Относительно «Махабхараты» в целом современная наука полагает, что эта «эпическая поэма» появилась в результате многовекового коллективного творчества многочисленных «сказителей» и позже, очевидно, прошла определенную «редактуру» «книжников»-брахманов¹⁵. Но трудно себе представить, чтобы столь сложный и изощренный текст, как «Гита», был плодом «коллективного устного творчества». Естественней предположить, что у этого текста был некий автор, или группа авторов, или, по крайней мере, некий «редактор», придавший поэме законченный вид, — но дальше такого предположения пойти невозможно в силу полного отсутствия информации. Так что европейские ученые даже и не ломают над этим головы.

¹³ См., напр., в гл. «Махараштра: Виттхал» о «Днянешвари», знаменитом маратхском переводе-истолковании «Гиты».

¹⁴ Так, напр., во вступлении к «Гита-бхашье» Шанкары читаем: «Эту [ведийскую] дхарму в точности так, как она была поведена Бхагаваном [Кришной], всезнающий Бхагаван Ведавьеса в семи сотнях шлок, называемых «Гитой», изложил» (Saṅkaraśāstra 1983: 3).

¹⁵ См., напр.: Гринцер 1974: 10—14.

На вопрос «где?» приходится отвечать: «Где-то в Индии».

На вопрос «когда?» от индийской традиции получить определенный ответ в этом случае, как и во многих других, также невозможно.

Для современной науки вопрос о датировке «Гиты» отчасти связан с вопросом о датировке «Махабхараты» в целом и с вопросом об историческом соотношении «Гиты» и «Махабхараты». В XIX—XX вв. западная наука подвергла трезвому и, можно даже сказать, безжалостному анализу самые священные тексты своей собственной, христианской традиции. Почти одновременно (или несколько позже) сила западной историко-филологической науки обрушилась и на тексты — в том числе и самые священные — индийской культуры. Объектом пристального внимания стали, в частности, и «Гита», и вся «Махабхарата».

Среди прочего в западной индологии стало почти общим местом утверждение, что «Гита» первоначально не входила в «Махабхарату», а была отдельным текстом — может быть, чем-то вроде самостоятельной «упанишады», лишь позже включенной в «эпическую поэму».

Так, например, М. Винтерниц, один из крупнейших европейских индологов XX в., в своей классической книге «История индийской литературы» писал: «Вряд ли можно сомневаться в том, что “Бхагавадгита” не принадлежала к первоначальной героической поэме. Трудно себе представить, чтобы эпический певец заставил своих героев вести философскую беседу длиною в 650 строф посреди описания битвы (Винтерниц считал некоторые из традиционных семисот строф “Гиты” более поздними интерполяциями; очевидно, отсюда и цифра 650 — *примеч. мое, СДС*). По всей вероятности, первоначальный эпос включал в себя лишь очень короткий диалог между Арджуной... и его колесничим (не богом) Кришной. Этот диалог был как бы зародышем, из которого выросла дидактическая поэма в ее нынешнем виде... А может быть, древняя героическая поэма вообще не содержала никакого диалога между Кришной и Арджуной и вся “Бхагавадгита” была изначально отдельным текстом, некоей упанишадой, позже целиком включенной в эпос»¹⁶.

Однако едва ли не лучший в XX в. западный знаток «Махабхараты», Й. ван Бейтенен, как бы возражая М. Винтерницу, писал: «“Бхагавадгита” была задумана и создана в контексте “Махабхараты”. Она не была отдельным текстом, каким-то образом забредшим в эпос. Напротив, она была именно задумана и сочинена, чтобы довести до высшего напряжения и до разре-

¹⁶ См.: Winternitz 1977: 437. Подобной точки зрения придерживался, напр., и Ф. Эджертон (см.: Bhagavad Gītā 1972a: 105–106). Стоит заметить, что если даже принять гипотезу о первоначально отдельном существовании «Гиты», то придется признать, что об этом периоде у нас нет совершенно никаких сведений.

шения дхармическую дилемму (*dharmic dilemma*) войны, одновременно и справедливой и губительной. Эта дилемма не нова для эпоса, не находит она в нем и удовлетворительного разрешения. Но “Гита” предоставляет уникальный религиозный и философский контекст, в котором эту дилемму можно увидеть, осознать и проанализировать... “Гита” в первую очередь озабочена той конкретной проблемой, которую легендарная война потомков Бхараты стала представлять собой для более рефлексивной эпохи, уже по-другому думавшей о насилии»¹⁷.

На самом деле эти два подхода не столь противоположны друг другу, как это может показаться на первый взгляд.

Если говорить о гипотетической «первоначальной» «Махабхарате» и представлять ее чем-то вроде большой фольклорной эпической поэмы, которую хранят в своей памяти и воспроизводят традиционные «сказители», то в такой «Махабхарате» действительно трудно найти место для «Бхагавадгиты». Но та «Махабхарата», которая реально существует, — это отнюдь не фольклорная эпическая поэма вроде, скажем, киргизского «Манаса» или калмыцкого «Джангара». Даже обычное сравнение «Махабхараты» с поэмами Гомера не вполне справедливо. «Махабхарату» скорее можно было бы сравнить с Библией, собранием текстов разных веков и очень разных «жанров» (от фольклорных до изоциренно философских) — собранием, складывавшимся на протяжении долгого времени¹⁸. При таком восприятии «Махабха-

¹⁷ См.: Buitenen 1981: 5—6.

¹⁸ Сам М. Винтерниц писал: «Лишь в весьма условном смысле мы можем говорить о “Махабхарате” как об “эпосе” и “поэме”. По сути дела, “Махабхарата” — это вообще не одно поэтическое произведение, а скорее *целая литература*» (Winternitz 1977: 316).

И. ван Бейтенен как бы подхватил и развил мысль М. Винтерница, дав такое развернутое сравнение: «Если хотите провести аналогию с западной культурой, то представьте себе примерно вот что: “Илиада”, несколько менее стройно организованная и включающая в себя сокращенную версию “Одиссей”, большие куски из Гесиода, некоторые адаптированные пассажи из Геродота, приспособленные и искаженные фрагменты досократиков, тексты самого Сократа, преломленного через Платона и Плотина, а также значительную часть Евангелий, изложенных в виде назидательных притч, — и все это общим объемом в 200 000 строк, переработанное, отредактированное и переложное гекзаметром несколькими поколениями анонимных отцов Церкви. В Западной Европе это кажется неправдоподобным. В индийской цивилизации “Махабхарата” — это факт» (цит. по: Dimock 1978: 53).

Продолжим сравнение И. ван Бейтенена и представим себе, что в одной из «песен» этой воображаемой расширенной «Илиады» Одиссей приходит к разгневанному Ахиллу (как в девятой «песни» «Илиады» настоящей) и уговаривает его не уклоняться от битвы. Помимо всех прочих доводов Одиссей вдруг открывает Ахиллу, что он не просто че-

ты» присутствие «Гиты» в ней вполне органично — и вполне можно представить себе, что при окончательном оформлении этой действительной (а не гипотетически реконструируемой «первоначальной») «Махабхараты» именно «Гита» служила неким смыслообразующим центром (каким ее видит Й. ван Бейтенен).

Вопрос о датировке «Гиты» связан и еще с одним давним (и не окончательным) спором между западными ее исследователями. Спор этот (по аналогии с полемикой о поэмах Гомера) можно назвать спором между «аналитиками» и «унитариями». Критический ум человека новоевропейской культуры не может не увидеть в «Гите» различные противоречия. Но одни склонны были «списывать» эти противоречия на поэтическую, художественную природу «Гиты» (в жанровом определении «религиозно-философская поэма» — данным, разумеется, «Гите» в Европе, — делая упор на слово «поэма») ¹⁹. Другие же (напротив, настаивая на определении «религиозно-философская») пытались и пытаются дать то или иное объяснение усматриваемых в поэме противоречий. Один из путей подобного объяснения — выявлять в «Гите» разные исторические слои: некое первоначальное «ядро» и позднейшие интерполяции. Этим путем шли в основном немецкие исследователи «Гиты». Так, Р. Гарбе в своей известной работе из 700 строф «Гиты» «забраковал» 170 как «неподлинны» ²⁰. Ученик Р. Гарбе, известный религиовед Р. Отто, пошел еще дальше и признал «подлинными» только 132 строфы ²¹. Другой путь — во что бы то ни стало доказать идейную последовательность и целостность «Гиты». Клас-

ловек по имени Одиссей, но еще и воплощение (или проявление и т. д.) того самого Бога, который говорил с Моисеем на горе Синай, а позже послал на землю своего единородного сына, чтобы искупить грехи человечества; Бог этот, говорит Одиссей, есть любовь, и поэтому Ахилл должен идти и убивать троянцев. Для усиления своей аргументации Одиссей излагает вкратце натурфилософию Демокрита и/или учение Плотина о Мировом Духе, подчеркивая при этом, что мировая гармония, поддерживаемая божественным промыслом, безусловно требует продолжения войны с троянцами. Пораженный Ахилл иногда задает Одиссею наводящие вопросы, и вся эта беседа изложена искусными, западающими в память стихами. Примерно такой текст был бы европейской (западной) аналогией «Бхагавадгиты».

Современный американский философ заметил: «В наших собственных (европейских и американских) традициях, кажется, нет ничего вполне подобного “Бхагавадгите”...» (См.: Gotshalk 1985: VIII).

¹⁹ Такой точки зрения придерживались многие западные толкователи «Гиты» — от Вильгельма фон Гумбольдта до Франклина Эджертона (см., напр.: Winternitz 1977: 435).

²⁰ См.: Garbe 1921.

²¹ См.: Otto 1935; 1939 и Семенцов 1985: 2.

сик этого подхода — французский индолог Э. Ламот²², идеи которого весьма детально (но все же не вполне убедительно) развил британский религиовед Р. Зэнер²².

Спор «аналитиков» и «унитариев» (как и спор о том, входила ли «Гита» в «Махабхарату» «изначально»), по-видимому, может быть «снят» (в гегелевском смысле — *aufgehoben*) неким более сложным и более изощренным историческим подходом к проблеме. Текст «Гиты», как и текст «Махабхараты» в целом, очевидно, возник не одновременно. Скорее это был довольно длительный процесс (что, помимо прочего, заставляет по-другому взглянуть и на проблему авторства «Гиты»), и мы можем лишь догадываться о том, как именно этот процесс протекал. Анализируя дошедший до нас текст поэмы мы видим в нем некоторое число выражений, строк и даже целых строф, совпадающих с выражениями, строками и строфами упанишад²³, с одной стороны, и других «книг» «Махабхараты», а также иных текстов *смрити* (например, «Законов Ману») ²⁴ — с другой. Это наводит на мысль, что текст поэмы мог быть, по крайней мере, отчасти «сложен» из готовых словесных «блоков» (которые можно назвать «бродячими» — по аналогии с «бродячими сюжетами»). В таком случае само понятие «интерполяция» уже не работает²⁵.

Возможно также, что поэма была сложена из «готовых» и разнородных «идейных блоков» (швы между которыми мы теперь, однако, уже вряд ли можем однозначно определить). Но после того, как целое уже было так или иначе сложено, «Гита» существовала (т. е. воспринималась индийскими ее читателями и комментаторами) именно как целое, — и это целостное восприятие внутри собственной традиции никакие инокультурные аналитики не в силах оспорить и отменить. Другое дело, что внутри собственной традиции «Гита» (как и другие индийские тексты) могла восприниматься вообще не так, как позже восприняли ее читатели и исследователи европейские. Но об этом — далее.

Пока же вернемся к вопросу о датировке «Гиты». В свете вышесказанного должно быть понятно, что невозможно указать ни точный год, ни даже век, когда была создана эта поэма (для индийской словесности — ситуация

²² См.: Lamotte 1929; Bhagavad Gītā 1969.

²³ См. указатель Дж. Хааса (Haas 1922) и «конкорданс», составленный еще в XIX веке британским полковником Дж. Джейкобом (Jacob 1891).

²⁴ См. примеч. к критическому изданию «Гиты» (Belvalkar 1945), а также указатель Дж. Хааса (Haas 1922).

²⁵ Подробнее об этом см., напр., статью В.С. Семенцова в изд.: Семенцов 1972; см. также: Семенцов 1985: 11—18; Бхагавадгита 1999.

вполне обычная). В долгом процессе складывания «Гиты» можно различить несколько этапов.

Первый — становление того «идейного комплекса», который нашел выражение в поэме. Современная наука видит в этой поэме попытку синтеза религиозно-философского наследия упанишад, учений философских «школ» *санкхьи* и *йоги*, а также эмоционального теизма секты бхагаватов (*bhāgavata*), поклонявшихся Кришне как высшему божеству (воплощению Вишну). Полагают также, что этот комплекс мог начать складываться в последние века до нашей эры.

Затем можно говорить о становлении собственно текста поэмы — или независимо от становления текста «Махабхараты», или вместе с этим «гипертекстом». Современная наука относит окончательное оформление «Махабхараты» предположительно к IV в. н. э. Можно думать, что к этому времени и «Гита» существовала «внутри» «Махабхараты» — более или менее в том виде, как мы ее знаем теперь.

Наконец, как уже сказано, в начале IX в. Шанкара создал свой комментарий к «Гите» — «Гита-бхашья»: как бы извлек ее (вновь?) из «Махабхараты», канонизировал текст поэмы и утвердил ее высокий религиозно-философский авторитет.

Интересно, что уже Шанкара писал о разных пониманиях «Гиты». Одну из первых фраз введения к его «Гита-бхашье» можно перевести следующим образом: «Это учение “Гиты” (*gītā-śeāstra*) содержит в себе суть смысла всех Вед, но смысл этот труден для понимания. Хотя многие стремились ради раскрытия этого смысла объяснить слова, их значения и значения фраз [“Гиты”], но в миру [“Гита”] воспринимается как [текст], состоящий из многих крайне противоречивых смыслов. Видя это, я, исходя из [моего] разумения, ради установления [подлинного] смысла [текста] вкратце сделаю его описание»²⁶.

Однако в современной науке общепризнанно, что и Шанкара, и другие старинные индийские комментаторы были озабочены в первую очередь утверждением своих идейных позиций и использовали текст «Гиты» в этих целях, делая большие или меньшие натяжки в своих интерпретациях, зачастую весьма расхоdivшихся между собой. Так, например, Шанкара обосновывал ссылками на «Гиту» приоритет интеллектуального, познавательного пути к «недвойственному» Абсолюту, а Рамануджа, напротив, также опираясь на текст «Гиты», утверждал приоритет пути эмоционального к Абсолюту Личностному (и такая интерпретация требует как будто меньше насилия над текстом поэмы)²⁷.

²⁶ См.: Saṅkārācārya 1983: 3.

²⁷ См., напр.: Rāmānuja 1974.

Иными словами, «Гита» использовалась как форма, в которую различные мыслители с бóльшим или мéньшим искусством вкладывали нужное им содержание. Но были в Индии и такие читатели поэмы, которые относились к ней не столько как к тексту для понимания и извлечения некоего интеллектуального смысла, сколько как к объекту поклонения и/или средству эмоционального общения²⁸ с Богом (которое могло вообще не включать в себя интеллектуального понимания текста).

В биографии Чайтанья (1486—1533), бенгальского подвижника и религиозного реформатора (который сам был экстатическим бхактом Кришны), есть такой эпизод. Однажды Чайтанья зашел в некий храм. Там сидел человек и читал вслух «Гиту». Другие люди в храме смеялись над чтецом, потому что он смешно коверкал санскритские слова (очевидно, он плохо или совсем не знал санскрит). Человек же, читавший «Гиту», читал ее и плакал. Чайтанья спросил его, что именно, какие именно слова вызывают у него слезы. Человек ответил: «Я не понимаю ни одного слова, но когда я произношу их, я вижу Кришну в колеснице Арджуны. Он держит в руках поводья и что-то говорит Арджуне. Он прекрасен. И видя его, я плачу». Чайтанья сказал: «Поистине, ты знаток “Бхагавадгиты”. Ты знаешь истинный ее смысл»²⁹.

Западные ученые в течение последних двухсот с лишним лет старались, как могли, все же понимать «Гиту» — прежде всего в контексте истории индийской культуры. Но уже во второй половине XIX в. «Гита» приобрела на Западе такую популярность, что перестала быть предметом только научных исследований. «Гиту» «подхватили» — и сделали ее еще более популярной — теософы, которые увидели в поэме некое универсальное, вневременное «откровение». В каком-то смысле теософы (среди них были и индийцы) продолжили индийскую традицию использования «Гиты» как «формы», в которую можно вкладывать («вчитывать») желаемое содержание³⁰.

На своей первоначальной родине, в Индии, в XIX—XX вв. «Гита» приобрела весьма особое, можно сказать привилегированное положение, став одним из важнейших текстов для многих «властителей дум» и их последователей, что, в свою очередь, водействовало на изучение поэмы (даже за

²⁸ На индийских языках здесь можно было бы употребить слово *бхакти* — «любовь-сопричастность», «любовь-приобщение».

²⁹ Кришнодаш Кобирадж. Чайтанья-чаритамрита. Мадхьялила: 9, 93—103. Цит. по: Deutsch, Siegel 1987: 128.

³⁰ Об истории восприятия и изучения «Гиты» на Западе и, в частности, о теософских ее истолкованиях см., напр.: Sharpe 1985. О теософах как интерпретаторах «Гиты» см. также: МПВ 1986: 11—33.

пределами Индии) и оборачивалось порой искажением исторической перспективы ее восприятия и истолкования.

Восприятие и бытование «Гиты» в Индии в XIX—XX вв. следует рассматривать в общем контексте развития индийской культуры в эти столетия. Одним из важнейших фактов и факторов этого развития было мощное воздействие на Индию западной культуры, приведшее к коренным преобразованиям культуры индийской. Точнее говоря, в пределах индийской культуры как целого возник большой европеизированный пласт, который, в свою очередь, оказывал и продолжает оказывать сильное влияние на иные, более традиционные пласты. В силу своей европеизированности этот пласт лучше всего известен за пределами Индии, где он нередко выступает (и воспринимается неискушенной публикой) как подлинное лицо всей индийской культуры.

В сознании и сочинениях ряда ведущих представителей этой, европеизированной, Индии XIX—XX вв. «Гита» заняла, как уже сказано, едва ли не центральное место или, во всяком случае, стала объектом пристального внимания и интенсивных размышлений. Впрочем, произошло это, по-видимому, не сразу, и данный процесс (изученный пока слабо) не имел и не имеет столь всеобщего, общеобязательного характера, как это иногда представляется³¹. Бесспорно, однако, что «Гита» имела большое значение для таких идеологов «неоиндуизма», как, например, Б.Ч. Чоттопаддхай (1838—1894), Б.Г. Тилак (1856—1920), Ауробиндо Гхош (1872—1950), М.-К. Ганди (1869—1948) и С. Радхакришнан (1888—1975). Эти и другие индийские мыслители XIX—XX вв. вносили в свое восприятие и толкование «Гиты» не только то, что было ими так или иначе унаследовано от индийской традиции, но и то, что они восприняли (в большей или меньшей степени) из традиции европейской, в частности из западных исследований и писаний по «Гите». Индийская поэма, совершив «путешествие» на Запад, вернулась в Индию как бы в ореоле заморской славы, «привезя» с собой на родину и все многообразие западных толкований, предопределенных западными научными и/или религиозно-философскими традициями. И многие индийские толкования поэмы в XX в. (из числа наиболее известных и влиятельных) представляли собой некий эффект резонанса, когда два движения, совмещаясь, дают третье, по силе превосходящее их обоих.

Многообразие суждений о «Гите» в Индии XIX—XX вв., наверно, еще шире, чем многообразие суждений «досовременных» («традиционных»). И те и эти суждения нередко в большей мере отражали взгляды их авторов, чем «собственную природу» поэмы. Так, Б.-Г. Тилак в своей известной книге «Тайна «Бхагавадгиты»» стремился доказать, что, согласно духу и

³¹ Напр., «Гита» не занимала сколько-нибудь существенного места в духовном мире Рабиндраната Тагора (см., напр.: Dasgupta 1962: 43—44).

букве поэмы, важнейший «путь» к Абсолюту и вообще важнейший «путь» в человеческой жизни — это «путь деяний» (*карма-марга, карма-йога*), которому он придавал очень современный, общественно-политический смысл (в то время как в «Гите» нередко имеются в виду «деяния» ритуальные). С другой стороны, М.К. Ганди, вслед за теософами толкуя «Гиту» аллегорически, утверждал, что она учит идеалу ненасилия, и называл эту поэму одной из своих главных духовных опор³². Вероятно, наиболее красноречивым подтверждением многозначности «Гиты» (т. е. возможности для разных людей извлекать из нее разные смыслы) служит и тот мрачный факт из современной истории Индии, что убийца М.К. Ганди, Н. Годсе, также уверял, что черпал вдохновение в «Бхагавадгите»³³.

Один из современных индийских переводчиков и комментаторов «Гиты», Свами Чидбхавананда, сравнил поэму с зеркалом, а различные ее комментарии — с отражениями в нем: «Каждый видит свое собственное лицо, отраженное в зеркале. И лишь само зеркало, в котором возникают отражения, и есть то общее, что объединяет все комментарии»³⁴.

В самом деле, в терминах западной традиции «Гита» — текст не только религиозно-философский, но и (а может быть, и прежде всего) художественный, поэтому — многозначный. Из этого следует, в частности, что любая интерпретация «Гиты», претендующая на адекватность и полноту, должна сочетать в себе религиозноведческий, философский, филологический и эстетический подходы. Очевидно также, что, поскольку «Гита» оперирует сложными религиозно-философскими идеями и при этом обладает изощренной художественной структурой, интерпретирование ее вряд ли когда-либо сможет быть сочтено завершенным. А претензии тех или иных вероучителей на «самое правильное» и «единственно верное» толкование «Гиты» неизбежно связаны с натяжками и односторонними интерпретациями поэмы.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ «БХАГАВАДГИТЫ»

Западный читатель «Гиты» в наши дни, даже если он незнаком с санскритом, имеет возможность при желании прочитать много разных переводов «Гиты» и много разных ее толкований; особенно многочисленны переводы

³² См.: Gandhi 1989.

³³ «Гитой» вдохновлялись уже индийские террористы начала XX в. Террорист мог воображать себя Арджуной, вступающим в бой за правое дело. Ср. замечание Агехананды Бхарати: «“Бхагавадгита” может быть очень опасной книгой. Ее любил Гитлер» (Agehananda 1989: 16).

³⁴ Chidbhananda 1991: 47.

«Гиты» на английский. Вообще можно сказать, что в наши дни «Гита» — едва ли не самый популярный в мире индийский текст, поистине произведение «мировой литературы». Специалисты утверждают, что по числу языков, на которые переведена «Бхагавадгита», и по числу самих переводов она уступает только Библии. Подсчитано, что к началу 80-х годов XX века «Бхагавадгита» была переведена почти на 75 языков и общее число переводов приближалось к 2 тысячам³⁵. С тех пор эти показатели, несомненно, возросли.

Символическим рубежом в истории становления «Бхагавадгиты» как текста «мировой литературы» был 1785 г., когда в Лондоне был опубликован первый перевод этой поэмы с санскрита на европейский (английский) язык³⁶. Перевод принадлежал перу Чарльза Уилкинса (1749—1836), одного из зачинателей европейской индологии³⁷. Именно с этого перевода началось изучение «Бхагавадгиты» современными (европейскими) историко-филологическими методами и началась ее поразительная «экспансия» на Запад, в страны европейской культуры. Правда, в наши дни перевод Ч. Уилкинса имеет, разумеется, только историческое значение.

В 1885 г., через сто лет после публикации перевода Ч. Уилкинса, Эдвин Арнольд (1832—1904) издает свое поэтическое переложение «Бхагавадгиты» на английский язык под названием «The Song Celestial» («Песнь небесная»)³⁸. Этот «викторианский» перевод переиздается вплоть до наших дней. Своего рода классикой (также не раз переизданной в XX в.) стал и другой перевод викторианской эпохи, сделанный индийцем К.Т. Телангом и опубликованный в знаменитой английской серии «Священные книги Востока»³⁹.

У сегодняшнего англоязычного читателя — богатый выбор. Если его интересует «буква текста», он может прочитать филологически скрупулезные переводы Ф. Эджертона и И. ван Бейтенена⁴⁰, во многом различающиеся между собой! Если читатель интересуется теософскими интерпретациями «Гиты» — к его услугам, среди прочих, книги Анны Безант и Бхагавана Даса⁴¹. Если он предпочитает точку зрения современного американского профес-

³⁵ См.: Callawaert, Hemraj 1982; Kapoor 1983; Singh 1984; Hubert 1949.

³⁶ Bhagvat-Geeta 1785.

³⁷ Об истории создания этого перевода и политической подоплеке его издания в Лондоне — на деньги Ост-Индской компании! — см.: Sharpe 1985: 3—10.

³⁸ См.: Bhagavad-Gītā 1885. Именно по этому переложению впервые познакомился с «Бхагавадгитой» — в Лондоне, в 1889 г., через своих знакомых теософов — Мохандас Карамчанд Ганди (см.: Gandhi 1989: 9—10; МПВ 1986: 88—109).

³⁹ См.: Bhagavadgītā 1882.

⁴⁰ См.: Bhagavad Gītā 1944; Buitenen 1981.

⁴¹ См.: Besant 1895; Besant, Das 1905.

сора философии, ему можно порекомендовать перевод и комментарий Э. Дейча⁴². «Неоиндусские» подходы к «Гите» представлены и очень популярной книгой С. Радхакришнана⁴³, и совместным переводом Свами Прабхавананды и К. Ишервуда с предисловием Олдоса Хаксли⁴⁴, и переводом Свами Никхилананды⁴⁵, и многими другими, менее известными. Много и хороших популярных переводов, сделанных западными индологами.

Особое место среди книг о «Гите» занимает фундаментальный труд британского религиоведа Р.Ч. Зэнера⁴⁶, содержащий помимо самого текста «Бхагавадгиты» два стилистически и функционально различных перевода, а также обширные комментарии — очень информативные, хотя и с явным христианским уклоном. Р. Зэнер — это своего рода христианский Шанкара, который попытался истолковать «Гиту» так, чтобы максимально приблизить ее к своей вере.

У тех, кто предпочтет прочесть «Гиту» на каком-либо другом западноевропейском языке, особенно на немецком или на французском, выбор будет также достаточно богат. Немецкий перевод Р. Гарбе⁴⁷ заслуженно считается одним из лучших переводов «Гиты» на европейский язык. Весьма авторитетен также перевод, принадлежащий перу известного историка индийской философии П. Дойссена⁴⁸. Следует назвать также переводы Л. фон Шредера, Р. Отто, Г. фон Глазенаппа, Э. Рихтера и К. Мюлюса⁴⁹.

На французский язык «Бхагавадгиту» и в XIX, и в XX в. переводили видные индологи: Эмиль Бюрнуф, Э. Сенар, С. Леви, А.-М. Эснурь и О. Лакомб. Свой перевод «Бхагавадгиты» на французский язык в 1947 г. опубликовала и русская теософка А. Каменская, участвовавшая в издании одного из дореволюционных русских переводов (см. далее).

У русского (и русскоязычного) читателя выбор беднее. Правда, первый русский перевод «Гиты», сделанный (как утверждается на его титуле) с английского, появился уже через три года после опубликования перевода Ч. Уилкинса — в 1788 г.⁵⁰. Издан он был в знаменитой типографии Н. Но-

⁴² См.: Bhagavad Gita 1968.

⁴³ См.: Bhagavadgītā 1948.

⁴⁴ См.: Bhagavadgītā, Isherwood 1975.

⁴⁵ См.: Bhagavad Gītā 1944b.

⁴⁶ См.: Bhagavad Gītā 1969.

⁴⁷ См.: Garbe 1921.

⁴⁸ См.: Deussen 1911.

⁴⁹ Особое место в немецком «гитоведении» занимает работа Й.-В. Хауэра (См.: Hawer 1934), написанная под влиянием идеологии нацизма.

⁵⁰ См.: Петров 1788. Не исключено, что русский переводчик мог заглядывать и во французский перевод, вышедший в 1787 г. (см.: Bhagvat-geeta 1787). Ср., в частности, транслитерации названия поэмы в русском и французском переводах.

викова. Для историка русской культуры это одно из ярких свидетельств тесной связи тогдашней русской «европеизированной» элиты с западноевропейскими культурными процессами. Однако затем в течение более чем столетия ни новых русских переводов «Бхагавадгиты», ни каких-либо специальных исследований о ней в России не появлялось.

Только в 1909 г. «Бхагавадгита» вновь вышла в русских переводах — сразу в двух. Оба перевода были сделаны русскими теософами, точнее — теософками. Один был издан во Владимире, другой — сначала в петербургском журнале «Вестник теософии», а потом (в 1914 г.!) — отдельной книгой в Калуге⁵¹. А.П. Казначеева переложила «Бхагавадгиту» довольно беспомощными виршами, очевидно используя какой-то западный (может быть, и не один) стихотворный перевод. А. Каменская и И. Манциарли опирались на теософский перевод А. Безант и Бх. Даса. Характерно, что обе книги вышли не в столичных, а в провинциальных городах. Трудно сказать, какой они получили резонанс в российском обществе. История теософского движения в России и его вклад в русскую культуру у нас еще мало изучены⁵².

Так или иначе, вплоть до 1956 г. никакие новые переводы «Бхагавадгиты» в России не появлялись, да и в том году новый перевод «Бхагавадгиты» вышел не в собственно России, а в Ашхабаде, тогда столице Туркменской Советской Социалистической Республики⁵³. Переводчиком был Борис Леонидович Смирнов (1891—1967), известный врач (действительный член Академии наук Туркменской ССР) и индолог-самоучка, который начал учить санскрит во время гражданской войны, найдя на вокзале, на лавке, забытый кем-то учебник. Биография этого удивительного и бесспорно выдающегося человека, насколько известно, еще не написана, как не оценен еще в полной мере и его вклад в отечественную культуру. Конечно, профессиональные ин-

⁵¹ См.: Казначеева 1909; Бхагавадъ-гита 1914. Перевод А. Каменской и И. Манциарли в 1990-х гг. дважды переиздан в Москве (см.: Список доп. литер.).

Анна Алексеевна Каменская была одной из ведущих деятельниц российской теософии. В 1916 г. она побывала в Индии, потом училась в Санкт-Петербургском университете, но после 1917 г. эмигрировала. В 1925 г., уже в Париже, она выпустила второе, несколько измененное издание своего перевода «Бхагавадгиты» с обстоятельным предисловием (см.: Бхагавад-гита 1925). Но в России парижское издание, очевидно, осталось практически неизвестным. В 1926 г. А. Каменская издала в Париже исследование о «Бхагавадгите» (см.: Kamensky 1926), а в 1947 г. — свой перевод «Бхагавадгиты» на французский.

⁵² См.: Carlson 1993.

⁵³ См.: Бхагавадгита 1956.

дологи могут найти недочеты в трудах Б.Л. Смирнова (в частности, могут поставить ему в упрек, что он порой слишком полагался на суждения П. Дойссена и других западных ученых), но как бы то ни было долгие годы читатели в СССР могли познакомиться с «Бхагавадгитой» только по переводам Б.Л. Смирнова. Столичная советская индология до поры до времени интереса к этой поэме не проявляла.

Лишь в 60-е годы к «Бхагавадгите» обратились профессиональные индологи, принадлежавшие к кругу учеников Ю.Н. Рериха, вернувшегося на родину из эмиграции в 1957 г. Новый перевод «Бхагавадгиты» на русский язык задумывала О.Ф. Волкова (1926—1988) в сотрудничестве с А.М. Пятигорским и Л. Мьяллем. Был составлен санскритско-русско-эстонский словарь к «Бхагавадгите» и сделано несколько сообщений на научных конференциях. Однако, к сожалению, эта группа индологов так и не смогла осуществить свой перевод поэмы на русский язык⁵⁴.

В 1974 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» вышел том «Махабхарата. Рамаяна», который содержит стихотворные переводы (вернее сказать — переложения) С. Липкина («Махабхарата») и В. Потаповой («Рамаяна»). В свою краткую версию «Махабхараты» С. Липкин включил и весьма сокращенную версию «Бхагавадгиты».

В середине 60-х годов «Бхагавадгитой» начал заниматься В.С. Семенцов (1941—1986), ученик учеников Ю.Н. Рериха. Он изучал не только саму поэму, но и один из старинных комментариев к ней — «Гита-бхашью» Рамануджи (XI—XII вв.)⁵⁵. К началу 80-х годов В.С. Семенцов перевел этот комментарий на русский язык и сделал еще два перевода самой поэмы: филологический (как часть перевода «Гита-бхашьи») и стихотворный. К сожалению, издать эту работу в полном объеме тогда не удалось. В 1985 г., за несколько месяцев до безвременной кончины автора, вышла его книга о «Бхагавадгите»⁵⁶, в которую вошла только часть наработанного им материала, в том числе и стихотворный перевод поэмы. По сути дела, это первый перевод «Бхагавадгиты» на русский язык, сделанный профессиональным индологом. Волею судьбы этот перевод вышел в свет ровно через 200 лет после опубликования перевода Ч. Уилкинса и ровно через 100 лет после перевода Э. Арнольда.

⁵⁴ См. фрагмент этого незавершенного перевода («Бхагавадгита»: I. 26—II. 18) в издании: Пятигорский 1967: 170—172. В 1974 г. А.М. Пятигорский эмигрировал в Англию. Л. Мьяль в 1980 г. издал в Таллине свой перевод «Бхагавадгиты» на эстонский язык (См.: Mäll 1980).

⁵⁵ См.: Raaparja 1974.

⁵⁶ См.: Семенцов 1985; Бхагавадгита 1999.

Однако научного перевода «Бхагавадгиты», выполненного на современном уровне, в 20-м столетии российский читатель так и не получил⁵⁷, хотя в самом конце века такой перевод был осуществлен. Петербургские индологи с начала 50-х годов том за томом издают свои переводы «книг» «Махабхараты». Сначала вышли в свет «книги» с первой по пятую, затем — с седьмой по восемнадцатую (кроме двенадцатой и тринадцатой) и, наконец, в 2008 г. вышел в свет перевод шестой книги («Бхишманарва»), осуществленный одним из наших ведущих санскритологов В.Г. Эрман. В эту книгу входит «Бхагавадгита» и которую вы держите сейчас в руках. Таким образом, российский читатель не только получает научный перевод «Бхагавадгиты», но сможет прочесть поэму в ее «родном» контексте — в контексте «Махабхараты». Вне этого контекста, без его учета, понимание и толкование «Бхагавадгиты» не может быть полным.

КРАТКИЙ ОБЗОР «СЮЖЕТА» И ОСНОВНЫХ ИДЕЙ «БХАГАВАДГИТЫ»

Как уже сказано, в привычных для нас терминах (т. е. в терминах европейской культурной традиции) «Бхагавадгиту» можно назвать «религиозно-философской поэмой», в которой — в форме беседы между Кришной и Арджуной — сообщается некое откровение, или некая благая весть, об истинном устройстве мироздания и, в частности, о природе и призвании человека.

Любой резюмирующий пересказ идей «Гиты» — это всегда лишь одна из возможных интерпретаций текста, даже если при этом приводятся какие-либо конкретные строки поэмы: во-первых, потому, что смысл строк зависит от их сцепления со всеми другими, а во-вторых, потому, что чем важнее в плане идей какие-либо строки, тем, как правило, больше различных толкований они допускают. Иначе говоря, если кто-то авторитетно говорит (или пишет): «“Бхагавадгита” учит, что...», то этот кто-то высказывает не более чем свое понимание текста, в лучшем случае — понимание, освященное той или иной традиционной интерпретацией. Как уже говорилось, и в Индии, и за ее пре-

⁵⁷ Зато в 1984 г. вышла первым изданием русскоязычная (вот уж именно русскоязычная — но никак не русская!) версия пресловутой книги Свами Прабхупады «Бхагавадгита как она есть». Стоило бы назвать ее «Бхагавадгита, какой бы она лучше никогда не была». Это произведение заслуживает отдельного обстоятельного разбора. Здесь достаточно отметить две характерные черты: предопределенность перевода (и, разумеется, комментариев) сектантскими воззрениями «Общества сознания Кришны» и некоторое, мягко говоря, своеобразие русского стиля, обусловленное большей частью несомненным «посредничеством» англоязычной версии этой книги, опубликованной в 1968 г.

делами было и существует много разных традиций интерпретации «Гиты», и, по-видимому, популярность и значимость этого текста во многом связана именно с тем, что он допускает много различных толкований, что он неисчерпаемо многозначен.

Дополнительные трудности возникают тогда, когда надо переводить слова «Гиты» на язык совсем иной культуры, в данном случае — русской. Трудности этого рода у нас, как правило, недостаточно осознаются даже учеными-гуманитариями. Обычно исходят из невыраженного (и даже, наверное, неосознаваемого) убеждения, что русский язык может быть вполне адекватным языком (точнее, как сказали бы лингвисты, метаязыком) описания любых инокультурных «материй». Между тем, будучи сам (как и все другие человеческие языки) сформирован и обусловлен определенной культурой, современный русский язык при описании с его помощью инокультурных «материй» почти неизбежно вносит в это описание большие или меньшие искажения (и степень искажения во многом зависит именно от того, насколько мы осознаем это искажающее воздействие).

Короче говоря, ничто не может заменить чтения полного текста «Гиты» в оригинале вместе с подробным и квалифицированным комментарием. В.С. Семенцов в своей книге о «Гите» проводит мысль, что «Гита» предназначалась не просто для чтения, а для своего рода «медитации», нацеленной на коренное преобразование сознания. Хотя конкретная аргументация В.С. Семенцова не всегда убедительна, вполне возможно, что в истории индийской культуры действительно существовали (практиковались) подобные подходы к «Гите» (как и к иным текстам) — наряду с другими подходами⁵⁸. На следующих страницах будет предпринята попытка своего рода краткой ознакомительной «экскурсии» по «главам» поэмы. Будут рассмотрены некоторые из наиболее важных и/или известных строф «Гиты» и дан краткий обзор основных тем, которые затрагивались в «беседе» между Кришной и Арджуной на Курукшетре.

«Гита» традиционно делится на 18 «глав», и число 18, конечно, не случайно. Так, и «Махабхарата» в целом состоит из 18 «книг», и основных пуран индийская традиция насчитывает, именно 18. В первой шлоке первой главы слепой царь Дхритараштра, отец ста братьев-Кауравов, спрашивает у своего возничего по имени Санджая:⁵⁹

⁵⁸ См., напр., упомянутый ранее эпизод из «Чайтанья-чаритамриты».

⁵⁹ Перед началом битвы на Курукшетре Вьяса (легендарный автор «Махабхараты») наделил Санджая даром дальновидения и неуязвимости, чтобы он мог рассказывать слепому Дхритарашстре о всех событиях на поле боя. Все повествование о битве, включая пересказ беседы Кришны и Арджуны, вложено в «Махабхарате» в уста Санджая.

На поле дхармы, на поле Куру
сошедшиеся, жаждущие битвы,
мой [дети] и Пандавы
что сделали, о Санджая? (I. 1)

Вряд ли случайно то, что «Бхагавадгита» начинается со слова *дхарма*⁶⁰. Это одно из самых важных слов в индийской культуре, через которое выражались и выражаются некоторые из центральных ее понятий (разных, хотя большей частью взаимосвязанных). Слово *дхарма* невозможно перевести каким-то одним словом из европейских языков.

Едва ли не чаще всего *дхарма* переводят как «закон». При этом имеется в виду не закон в юридическом смысле, а та нравственная, социальная норма, на которую должен (или в силу внутреннего побуждения, или в силу внешнего принуждения) ориентироваться человек (ср. по-русски: законы нравственности, законы морали). Слово *дхарма* может означать также и закон (законы мироустройства (миропорядка) (ср. наши законы природы)⁶¹. Обычно предполагается, что «нравственные законы» каким-то образом связаны с общими «законами мироустройства». В некоторых контекстах слово *дхарма* можно переводить как «истина», в некоторых других — как «долг»⁶², иногда — как «благочестие» или даже «религия».

⁶⁰ В оригинале: *Dharma-kṣetre Kuru-kṣetre...* — «В дхарма-поле, в Куру-поле...». Ср. замечание В.С. Семенцова: «В “Гите” нет вступительной молитвы; однако будь на моем месте средневековый комментатор, он, видимо, извлек бы нужный смысл из слова *дхарма*, которым начинается первый стих первой главы... это слово и стоящее за ним понятие (вернее было бы говорить о понятиях во множественном числе. — С. Д. С.) играют в учении Гиты немаловажную роль, особенно во вступительном разделе: именно в *дхарме* хочет получить наставление Арджуна» (Семенцов 1985: 96).

⁶¹ Санскритское слово *dharma* связано с глагольным корнем *dhar* — «держат», «поддерживать». В восьмой книге «Махабхараты», в другой беседе Кришны и Арджуны, Кришна так объясняет слово *дхарма*: «Дхарму называют так оттого, что она есть опора (*dhāraṇa*), / дхарма поддерживает (*dhārayati*) живущих. / Все, что связано с поддержанием (*dhāraṇa*) [сущего], / и есть, без сомнения, дхарма». (Карнапарва 1990: 168—169).

Как полагают лингвисты, в латыни слову *дхарма* этимологически родственно слово *forma*. Таким образом, можно сказать, что *дхарма* — это истинная (и/или должная) форма существования (действия и т. д.), та «форма», те «опоры» и «устой» или те «рамки», благодаря которым нечто (напр., человеческая личность, общественная группа, мир в целом...) существует.

⁶² В комплексе четырех понятий, определяющих различные сферы и цели человеческого существования (*пурушартха*: *дхарма*, *артха*, *кама*, *моक्षा*), *дхарма* — это именно сфера должного («законного», «законоположенного»), то, что человек должен

Битва Пандавов с Кауравами
Из книги: Wilkins W. Hindu Mythology

По справедливому замечанию В. Донигер и Б.К. Смита, в слове *дхарма* проявляется «творческое напряжение между сущим и должным»⁶³: в самом деле, нередко остается открытым вопрос, означает ли слово *дхарма* то, что действительно есть (существует), или то, что представляется должным, — и как соотносится это существующее (реальность) с этим должным (идеалом). Те же авторы и столь же справедливо отмечают относительность и плюралистичность понятий, выражаемых словом *дхарма*: речь идет «не столько о противоречивых идеалах, сколько о ряде различных идеалов, каждый из которых желателен, но может быть изменен или отброшен в пользу иного в зависи-

делать в силу «объективных» причин («законов мироздания», «законов общества» и т. д.). *Артха* — сфера выгоды, *кама* — сфера наслаждения. *Мокша* же противопоставляется трем другим сферам-целям: это высшая из возможных для человека целей, полный выход за пределы всякого бытия. Можно сказать, что из четырех *пурушартх* «Бхагавадгита» трактует прежде всего *дхарму*, но не в меньшей степени — и *мокшу*.

⁶³ См.: Laws of Manu 1991: LVI.

мости от обстоятельств. Относительность дхарм — разных не только для разных людей, но и для одного и того же человека в разное время и в разных местах — позволяет формулировать различные идеалы, каждый из которых по-своему справедлив (для кого-то, где-то, когда-то)»^{63а}.

В «Гите» слово *дхарма* встречается не слишком часто (всего около двух десятков раз), но зато в некоторых ключевых строфах (о которых речь пойдет далее).

В первой главе, в ответ на вопрос Дхритараштры, Санджая рассказывает ему, как Дурьйодхана, старший из братьев Кауравов, с горделивой самоуверенностью оглядывает свои войска, построенные для битвы, а затем и войска противника (I. 2—11). Раздаются звуки боевых раковин и других «инструментов» — битва вот-вот начнется (I. 12—19). Арджуна, один из пяти братьев Пандавов, просит своего возничего, Кришну, поставить его колесницу «между двух армий» (I. 21), чтобы он, Арджуна, смог обозреть и ту и другую.

Представшего ему зрелища Арджуна не выдерживает. В эмоциональном монологе (I. 28—47) он говорит Кришне, что не хочет убивать своих двоюродных братьев, дядьев и прочих родственников. Помимо прочего Арджуна опасается, что братоубийственная бойня разрушит устои (*дхармы!*) общества — как мы бы сейчас сказали, устои составляющих его социальных групп (родов и каст). «О горе! Великое зло мы собираемся совершить...» — говорит Арджуна (I. 45). Он опускается на сиденье своей колесницы, отбрасывает лук и стрелы; его сознание охвачено печалью (I. 47). Так завершается первая глава.

Во второй главе Кришна сначала пытается увещевать Арджуну как воин воина, говоря, что не мужское это дело — трусить перед боем (II. 2—3). Но в ответ Арджуна произносит еще один прочувствованный монолог, отвергая обвинение в трусости. Дело в другом: как жить дальше, убив своих братьев, своих учителей и наставников (оказавшихся в стане Кауравов)? Арджуна говорит:

Не знаю, что из двух для нас лучше:

победить или быть побежденными.

Вот выстроились перед нами сыновья Дхритараштры,
убив которых мы не захотим жить (II. 6).

Моя душа охвачена отчаянием.

Я уже не понимаю, что есть дхарма, — прошу тебя:

Что [из двух] лучше, достоверно скажи мне!

Я твой ученик — научи меня, к тебе прибегнувшего (II. 7).

^{63а} Ibid.

«Не буду воевать!» — говорит Арджуна Кришне и умолкает (II. 9). Умолкает — но, как видим, ждет от Кришны разрешения своих сомнений. С самого начала Арджуна видит в Кришне учителя, наставника — но не в науке воевать, а в науке понимать — понимать те основания (принципы), которые должны определять человеческую жизнь. Далее следует ремарка Санджай:

Ему сказал Кришна,
будто улыбаясь,
между двух армий,
опечаленному, такие слова (II. 10).

Это «будто улыбаясь» (*prahasann iva*) можно, конечно, счесть рутинной «эпической формулой», вставленной здесь просто для заполнения места в строке⁶⁴. Но данная «формула» встречается в «Гите» здесь в первый и последний раз. Не означает ли она, что последующая — первая, как бы начальная — проповедь Кришны (II. 11—53) действительно говорится с некоторой «улыбкой», т. е. как бы не вполне всерьез: может быть, более серьезно, чем самые первые призывы отбросить трусость (II. 2—3), но все-таки не столь же всерьез, как откровения в дальнейших главах?

Так или иначе, Кришна произносит длинную речь (II. 11—53), в которой можно выделить несколько смысловых блоков.

«Ты печалишься о том, о чем не должно печалиться», — говорит Кришна (II. 11). Убить можно лишь то, что и без того, само по себе смертно, обречено на гибель. А то, что обладает истинным бытием, — неуничтожимо. Бытие и небытие — две совершенно различные «вещи»:

У небытия нет бытия,
у бытия нет небытия:
различие между этими двумя
видят видящие истину (II. 16).

Применительно к человеку, к людям это означает различие между смертным телом и тем, что в человеке есть помимо тела и что, в отличие от тела, бессмертно:

Подобно тому, как тело обладающего телом
[обретает сначала] детство, [потом] зрелость, [потом] старость,
так [происходит и последовательное] обретение других тел —
мудрые в этом не заблуждаются (II. 13).

⁶⁴ Об «эпических формулах» в «Махабхарате» см.: Гринцер 1974: 32—95.

Подобно тому, как, сбрасывая ветшающие одежды,
 новые, другие человек надевает,
 так и ветшающие тела сбрасывая,
 воплощающийся обретает другие, новые (II. 22).

Подобные представления о метемпсихозе (перевоплощении душ) вряд ли были откровением для Арджуны, поскольку в «Махабхарате» это своего рода «общее место», идеи расхожие и общепринятые (правда, выраженные здесь особенно поэтично). Но, может быть, больше умственных усилий от Арджуны потребовало другое утверждение Кришны:

Знай: неуничтожимо то,
 чем все это проникнуто.
 Уничтожение того неизменного
 никто совершить не может⁶⁵ (II. 17).

Эта строфа перекликается с ведийскими текстами: от упанишад до гимнов «Ригведы». «Все это» (*sarvam idam*) — характерное для ведийской словесности обозначение мира (бытия) в целом, «всего, что есть»⁶⁶. В самой «Гите» полустишие «чем все это проникнуто» (*yena sarvam idam tatam*) — это, можно сказать, своего рода «формула», но уже не «эпическая», а «формула мысли». В тексте поэмы эта «формула» повторяется дословно еще в двух строфах (VIII. 22; XVIII. 46) и несколько раз употребляются сходные выражения (о чем речь еще пойдет далее). В строфе II. 17, в контексте данного отрывка, «формула» «то, чем все это проникнуто» может быть воспринята как описание неуничтожимой сущности человека, переходящей от рождения к рождению из тела в тело. И такое понимание верно — но не полно. В общем контексте «Гиты» эта «формула» означает еще и неизменную (и непостижимую) суть и сущность всего бытия в целом, то, что «Гита» позже называет словом *Брахман* (взятым из упанишад) и что оказывается тождественным самому Кришне⁶⁷. Но об этом — далее.

⁶⁵ Или в чуть более свободном, но зато вполне изосиллабическом переводе: «Знай: неуничтожимо то, / чем все это проникнуто. / Уничтоженья вечного / никто не в силах совершить».

⁶⁶ См., напр., начало «Иша-упанишад»: «Господом объято это все...» (*Īśāvāsyam idam sarvam...*), а также строки из знаменитого гимна Пуруше в «Ригведе»:

Ведь Пуруша (есть) это все,	<i>Puruṣa evēdam sarvaṃ</i>
что было и что будет...	<i>yad bhūtaṃ yac ca bhavyam...</i>

⁶⁷ См. строфу IX. 4: «Мною проникнут этот весь / мир...» (*Mayā tatam idam sarvaṃ / jagad...*).

Пока же Кришна продолжает «дискурс» о человеке:

Конечны эти тела
вечного воплощающегося,
который неуничтожим и непостижим⁶⁸ —
поэтому⁶⁹ сражайся, о Арджуна! (II. 18).

Затем идет знаменитая строфа:

Тот, кто считает его⁷⁰ убивающим,
и тот, кто мнит его убитым,
оба они не понимают:
он ни убивает, ни убиваем (II. 19).

Вслед за доводами «онтологическими» Кришна довольно неожиданно обращается к доводам, которые можно назвать «социальными» или «социально-психологическими». Арджуна, как мы помним, просил Кришну объяснить ему, что есть *дхарма*. Кришна же предпочитает говорить не о *дхарме* вообще, а о *дхарме* кшатрия, т. е. война. Кришна говорит Арджуне:

Осознав свою *дхарму*,
ты не должен колебаться:
ведь лучше, чем праведная⁷¹ война,
для кшатрия нет ничего (II. 31).

Если же ты эту праведную («дхармичную»)
битву не поведешь,
ты, и свою *дхарму*, и славу
потеряв, навлечешь на себя зло (II. 33).

Уделив еще три строфы теме бесславия и позора, которые ожидают Арджуну в случае уклонения от битвы, Кришна заключает:

Убитый — обретешь небо,
победивший — насладишься [властью над] землю;
поэтому вставай, о сын Кунти,
решившись на битву (II. 37).

⁶⁸ Или: «неизмерим» (*aprameya*).

⁶⁹ Логика этого «поэтому» нередко вызывала критику у западных исследователей «Гиты». Так, напр., М. Винтерниц писал: «Нет такого убийства или такого насилия, которое нельзя было бы оправдать столь жалкой софистикой. Поразительно, как это не понимают благочестивые читатели “Гиты”» (Winternitz 1977: 429, примеч. 1).

⁷⁰ Т. е. «вечного воплощающегося» (II. 18).

⁷¹ Букв. «дхармичная» (*dharma*).

В следующих двух строфах опять происходит смена темы — характерным для «Гиты» не логическим, а «ассоциативным» способом. Строфа II. 38 подхватывает призыв «вставай... на битву», но присоединяет к нему другой «мотив», важный для дальнейшего: «мотив» отрешенного прития любых проявлений бытия:

Равно принимая удовольствия и страдания,
обретения и потери, победы и поражения,
впрягайся в битву (*yuddhāya yujyasva*) —
так ты не навлечешь на себя зло⁷² (II. 38).

Эта строфа примечательна помимо прочего тем, что в ней впервые в «Гите» появляется форма от глагольного корня *yuj*, одного из самых употребительных корней в поэме. Как справедливо заметил Р. Зэнер, слова, производные от этого корня, можно назвать ключевыми словами «Гиты»⁷³.

Самое известное из этих слов, уже вошедшее в русский язык, — это, разумеется, слово *yoga*. Однако знакомство русского читателя с этим словом может скорее помешать, чем помочь пониманию «Гиты». У большинства современных русских со словом *йога* связаны представления о неких экзотических манипуляциях с человеческим телом. Некоторые читатели, может быть, знают и об индийской философской школе под названием *йога*. Оба эти значения слова *yoga* можно найти и в «Гите», но в поэме они отнюдь не главные, скорее второстепенные.

Вообще санскритский корень *yuj* значит прежде всего «соединять», «сочетать», «сопрягать», «запрягать» (например, лошадей), затем «задействовать», «использовать», «снаряжать», «(об)устанавливать» и т. д. Слово *yoga* в санскрите весьма многозначно. Это и «сочетание», «соединение», и «запряжание» (например, лошадей), и сама «упряжь»⁷⁴ или «упряжка», и вообще «снаряжение» в разных смыслах этого слова, «использование», «задействие», «обустройство»; «способ», «метод», «средство», «путь» какого-либо действия и само «действие», «усилие», «деятельность». В тексте «Гиты» широко используется и обыгрывается многозначность слова *yoga*, но, чтобы не потеряться во всем этом изощренном многообразии, можно, вслед за Й. ван Бейтеном⁷⁵, исходить из того, что чаще всего и прежде всего слово *yoga* в «Гите»

⁷² Последние слова последнего полустишия — такие же, как в конце строфы II. 33 (см. выше). Подобные повторы-переключки очень характерны для «Гиты».

⁷³ См.: Bhagavad Gītā 1969: 138.

⁷⁴ Санскритскому слову *yoga* этимологически родственны английское *yoke* и русское *иго* (первоначальное значение — «ярмо», т. е. средство запрягать рабочий скот).

⁷⁵ См.: Buitenen 1981: 162.

означает вообще «упорное и целенаправленное усилие (деяние)», а в частности — деяние «без заинтересованности в плодах» (как идеал любого деяния — см. далее). Впервые слово *yoga* появляется в строфе II. 39, где оно может быть переведено просто как «деятельность», «практика». Подводя предварительный итог уже сказанному, Кришна говорит Арджуне:

Таково понимание (объяснение) в плане размышления (теории);
теперь же выслушай [объяснение]
в плане деятельности (практики — *yoge*);
Оснащенный таким пониманием, о Арджуна,
ты отбросишь пути деяний⁷⁶ (II. 39).

Но прежде чем перейти к позитивному изложению своих взглядов на «деятельность» и «деяния», Кришна посвящает несколько строф (II. 42—46) «критике» тех, кто привержен ведийскому ритуализму (*veda-vāda-ratāḥ*). Стоит привести последнюю строфу из этого ряда:

Сколь пользы в колодце (бассейне? пруде?)⁷⁷,
когда кругом — вода в изобилие,
столь же [пользы] во всех Ведах
для брахмана, обладающего знанием⁷⁸ (II. 46).

Затем строфы II. 47—53 посвящены собственно теме «деяний». Первая строфа этого ряда — одна из самых известных строф поэмы:

⁷⁶ *Karma-bandham* — можно, конечно, перевести и как «пути (узы) кармы» (ср.: Семенцов 1985: 153). Но санскритское слово *karma(n)*, очень часто используемое в «Гите», значит прежде всего «дело», «деяние», «поступок» и т. д. и лишь вследствие этого значения — также и ту «впутанность в бытие», которую (согласно индийским представлениям) влекут за собой человеческие деяния (то, что европейцы назвали «законом кармы»). В «Гите» слово *karma(n)* используется чаще всего, пожалуй, в своем первоначальном значении, хотя нередко (как и в случае с *yoga*), очевидно, обыгрывается многозначность этого слова.

⁷⁷ Санскритское слово *uda-rāpa* можно буквально перевести как «водо-пой» (*uda* — «вода», *rāpa* — «питие»).

⁷⁸ Эта строфа (как и немало других строф «Гиты») вызвала много разнотолков у исследователей. Но здесь достаточно отметить отсутствие безусловного пиетета перед Ведами и предпочтение им некоего «(истинного) знания» — очевидно, того, которое можно найти в самой «Гите». Ср., однако, пер. В.С. Семенцова: «Если людям полезен колодец, / изобильно водою текущий, / то и в Ведах не меньше пользы / для разумного брахмана...» (Семенцов 1985: 154). Возможно, В.С. Семенцов ориентировался на какие-то индийские комментарии, стремившиеся сгладить антиведийские высказывания «Гиты».

Только на деяния (работу, труд) ты имеешь право,
 [но] на плоды [их] — никогда;
 да не будет у тебя мотивом (причиной) [деяний]
 [желание обрести] плоды [этих] деяний;
 но не будь и привязан к бездеятельности (II. 47).

Это одна из формулировок той «теории незаинтересованного действия», о которой часто говорят и пишут в связи с «Гитой». Многие индийцы извлекали и извлекают из этих слов Кришны утешительную жизненную философию: человек должен трудиться, но не должен ожидать награды за свои труды; не получать вознаграждения за труд — вполне естественно.

Впрочем, в самой «Гите» речь идет не только об этом. Рассмотрим еще одну строфу из той же серии:

Оснащенные пониманием (*buddhi-yuktā*) мудрые,
 отвергнув плод(ы) деяний⁷⁹,
 от пут рождений⁸⁰ освобожденные,
 к состоянию идут беспечальному⁸¹ (II. 51).

В этой строфе выражена мысль, которую можно считать одной из главных в «Гите». Мысль эта — своего рода компромисс между идеалом *мокши* («освобождения от бытия») и идеалом (или необходимостью) активной, деятельной жизни в миру. Существовало представление, что любая деятельность, любые дела привязывают человека к бытию — и освободиться от «пут деяний» («пут кармы») можно, только отказавшись от любых дел, уйдя в аскезу совершенного недеяния. «Гита» же утверждает, что, во-первых, состояние совершенного недеяния для человека невозможно (об этом идет речь в третьей главе поэмы), а во-вторых, если действовать «незаинтересованно» (т. е. не будучи заинтересованным в плодах деяний), то сами деяния потеряют свою «связывающую», «впутывающую» силу. Иными словами, человек может активно жить в миру и в то же время быть своего рода «аскетом», устремленным к *мокше* и в конце концов обретающим оную.

Заключительная часть второй главы (II. 55—72) посвящена описанию такого человека, обладающего «устойчивым сознанием» (*sthita-prajña*). Вот характерная строфа из этой серии:

⁷⁹ По-видимому, это надо понимать в том смысле, что «мудрые» отрешаются от желания непременно получать «плоды» своих трудов.

⁸⁰ *Janma-bandha*. Есть вариант (разночтение): *karma-bandha* — «от пут деяний» или «от пут кармы».

⁸¹ Современные переводчики, как правило, соглашаются с Шанкарой, который понимал здесь «беспечальное состояние» как *мокшу*, освобождение от *сансары*.

Среди печалей не горюющий,
 среди удовольствий не жаждущий,
 свободный от страстей, страха и гнева, —
 вот мудрец с устойчивым сознанием (II. 56).

Примечательна и последняя строфа второй главы:

Таково высшее (brāhmī) состояние, о Арджуна,
 достигнув которого [человек больше] не заблуждается;
 утвердившись в нем, хотя бы на пороге смерти,
 он обретает высшую нирвану (brahma-nirvāṇam) (II. 72).

Эта строфа интересна тем, что в ней высшая цель человека названа словами, явно заимствованными из словаря буддистов⁸². «Гита» и буддизм — это особая сложная тема, которая еще не очень хорошо исследована и таит в себе немало интересных проблем.

Следующая, третья, глава «Гиты» посвящена в основном также проблемам «деяний». Здесь мы рассмотрим несколько наиболее любопытных строф этой главы.

В одной из первых строф Кришна говорит:

В этом мире два пути (образа действий, образа жизни)
 давно объявил я, о Беспорочный:
 путь знания для людей созерцательных (размышляющих)
 и путь действия для людей деятельных (III. 3).

Итак, «путь знания» (*jñāna-yoga*) и «путь действия» (*karma-yoga*)⁸³. Далее в поэме появляется и выражение «путь бхакти (т. е. путь любви и преданности)» (*bhakti-yoga*). Куда ведут эти пути? Иногда речь идет о «высшей цели», т. е. «освобождении» от бытия (*мокше*), иногда — о соединении с Кришной как Высшим Божеством и Абсолютом (об этом — далее). В контексте «Гиты» эти две цели как будто сливаются: соединение с Высшим Божеством и есть чаемое освобождение. По крайней мере, такова одна из возможных интерпретаций «Гиты».

Соотношение между тремя названными «путями» в «Гите» отнюдь не просто, не однозначно. В разных работах о «Гите» можно встретить на этот счет весьма различные мнения. Иногда пишут, что якобы в поэме главным провозглашается «путь знания», иногда — что «путь действия», иногда — что «путь бхакти (любви)». Однако подобные суждения основаны на раз-

⁸² См., напр.: Bhagavad Gītā 1969: 158—159, 212—215.

⁸³ Ср. в европейской традиции различие «жизни созерцательной» (*vita contemplativa*) и «жизни деятельной» (*vita activa*).

личных — но так или иначе пристрастных — *интерпретациях* текста. Непредвзятое же чтение поэмы скорее приводит к такому выводу: «В Гите нет явственных указаний на превосходство какого-то одного из них (т. е. из трех “путей”. — С. Д. С.), если же такие указания встречаются, то они носят противоречивый характер»⁸⁴.

Пожалуй, менее известна, но не менее примечательна мысль, высказанная в двух других строфах третьей главы. Призывая Арджуну к деятельной жизни, Кришна, среди прочего, говорит:

Именно деятельностью успеха
добились Джанака⁸⁵ и другие:
[поэтому] ради благоустройства мира (loka-saṃgraha)
ты должен быть деятельным (III. 20).

И еще чуть далее:

Привязанные к своим деяниям, неведающие
совершают их (т. е. деяния), о Арджуна;
знающий да совершает их без привязанности,
стремясь к благоустройству мира (loka-saṃgraha) (III. 25).

Правда, ни здесь, ни далее «Гита» не разъясняет подробно, что именно следует понимать под «благоустройством мира». Для поэмы более характерны рассуждения в масштабах личности, рассуждения о наилучшей «стратегии» индивидуального поведения, а не о «стратегии» обустройства мира в целом. Иными (индийскими) словами, поэма больше озабочена *дхармой* (точнее — *дхармами*) отдельных (разных) людей, чем некой универсальной *дхармой*. В той же, третьей, главе Кришна говорит Арджуне:

Лучше своя дхарма, хотя и недостойная,
чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная;
лучше смерть [при исполнении] своей дхармы;
чужая дхарма — опасна (вредоносна) (III. 35).

Мысль эта, очевидно, столь важна для «Гиты», что почти дословно повторяется еще раз — в последней, восемнадцатой, главе:

Лучше своя дхарма, хотя и недостойная,
чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная;
собственной [его] природой установленное дело
делая, [человек] не навлекает на себя зла (XVIII. 47).

⁸⁴ Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 118.

⁸⁵ Джанака — легендарный царь Видехи; в упанишадах — участник мудрых бесед.

В конкретном контексте «Гиты» и «Махабхараты» эти общие утверждения означали, конечно, что Арджуна должен был выполнять свою *дхарму* кшатрия-воина, т. е. идти и сражаться.

Четвертая глава обращается к темам более отвлеченным и божественным. Кришна говорит Арджуне:

Это учение непреходящее
я поведал Вивасвану⁸⁶,
Вивасван передал его Ману⁸⁷,
Ману — Икшваку⁸⁸ (IV. 1).

Так передаваемое от одного к другому
его знали царственные мудрецы,
[но] с течением времени в этом мире
это учение было потеряно, о Арджуна (IV. 2).

Именно это мною тебе сегодня
учение поведало древнее:
потому что ты мой бхакт⁸⁹, ты мой друг,
а это — высшая тайна (IV. 3).

Арджуна поражен: ведь он принимал Кришну за своего друга и двоюродного брата, т. е. за человека с человеческим сроком жизни⁹⁰, — а тут Кришна вдруг говорит, что он в незапамятные времена сообщил свое учение богу Вивасвану (IV. 1). В ответ на недоумение Арджуны Кришна объясняет (лучше сказать: «открывает» — это именно откровение) ему, что он, Кришна, на самом деле — «вечный» (*avyayātma*) и «нерожденный» (*aja*) Бог⁹¹, «владык существ» (*bhūtānām īśvara*), по собственной воле (*ātma-māyayā*) пришедший в мир (IV. 6). В двух следующих знаменитых строфах вкратце изло-

⁸⁶ Вивасван (или Вивасват, букв. «сияющий») — в ведийской мифологии солнечное божество и родоначальник людей.

⁸⁷ Ману (собственно «человек») — сын Вивасвата, первый человек.

⁸⁸ Икшваку — старший сын Ману, основатель Солнечной династии царей. Исследователи обычно отмечают, что эта «традиция откровения», согласно Кришне, сохранялась в среде не брахманов, а именно царей-кшатриев.

⁸⁹ Так впервые в поэме появляется слово «бхакт» (*bhakta*) и вообще корень *bhaj* — о которых см. примеч. 2. 7.

⁹⁰ В предыдущих «книгах» «Махабхараты» Арджуна, впрочем, имел и другие случаи узнать о божественной природе Кришны, но здесь в силу своего рода «художественной условности» он будто бы забывает об этом.

⁹¹ Здесь уместна и даже необходима заглавная буква в слове «Бог», потому что речь идет не о каком-либо одном боге многобожного пантеона, а о Божестве высшем и в своем роде единственном (хотя и отличном, очевидно, от единого Бога авраамитских религий).

жено представление об *аватарах*, «нисхождениях» Бога (или просто бога) в мир:

В тех случаях, когда дхармы
упадок происходит, о Арджуна,
и торжество адхармы⁹² —
тогда я порождаю (букв.: сотворяю) себя⁹³ (IV. 7).

Для защиты праведных
и для уничтожения неправедных,
для утверждения дхармы
я прихожу в бытие из века в век⁹⁴ (IV. 8).

Не менее интересны (хотя, может быть, менее популярны) три следующие строфы, которые, по мнению Р. Ээнера, «как бы резюмируют все учение Гиты»⁹⁵:

Мое рождение и мое дело (кагма) божественное
кто знает так доподлинно,
тот, оставив тело, к новому рождению
не приходит — [а] приходит ко мне, о Арджуна (IV. 9).

Преодолевшие страсть, страх и гнев,
мною проникнутые, ко мне устремленные,
многие, подвижничеством познания (jñāna-tapasā)
очищенные, достигли моего бытия⁹⁶ (IV. 10).

⁹² В санскрите, как и в греческом, *a* — означает отрицание. Таким образом, *adharmā* — это «не-дхарма», «без-дхармие», «отсутствие дхармы» или «нечто противоположное дхарме» (ср.: «аномия» — «беззаконие»).

⁹³ Почти такая же строфа есть и в третьей «книге» «Махабхараты». Ср. пер. В.Я. Василькова и С.Л. Невелевой: «Всякий раз, когда отступает справедливость и торжествует беззаконие, о достойнейший, я воссоздаю сам себя» (Араньякапарва 1987: 388).

⁹⁴ Автор данной статьи однажды увидел эту строфу на стене в доме бомбейского бизнесмена; она была вышита шелком на ткани и помещена под стекло, в рамочку.

⁹⁵ «...May be said to sum up the whole teaching of the Gita» (Bhagavad Gītā 1969: 185). Р. Ээнер не ссылается при этом ни на какие индийские источники, так что возможно, что это «всего лишь» его личное мнение. Но и в таком случае оно ценно как мнение одного из самых внимательных (хотя и не самых беспристрастных) западных читателей и исследователей «Гиты».

⁹⁶ Или: «стали одной сущности со мною, приобщились к моему бытию (к моей сущности)» и т. п. Подобные выражения в «Гите» могут интерпретироваться весьма по-разному.

Кто как ко мне прибегает (обращается),
того так и я почитаю (bhajāmi);
моим путем ходят
люди повсюду, о Арджуна (IV. 11).

Толкованию этих строф, как и «Гиты» в целом, посвящено уже немало страниц. Здесь отметим лишь три главных момента. Во-первых, из этих строф можно понять, что «освобождение от рождений», т. е. мокшиа, отождествляется с «приходом к Богу»⁹⁷. Во-вторых, здесь подчеркивается роль «знания» в достижении такого «освобождения». В-третьих, хоть и несколько приглушенно, но все же звучит тема *бхакти*, эмоциональной приверженности Богу, устремленности к Нему.

Вообще «Гиту» можно сравнить с музыкальным произведением из многих частей. «Музыка текста» творится из различных «тем» и «мотивов», которые по-разному развиваются и сочетаются от части к части. В четвертой главе преобладает тема «знания» (или «мудрости»). Вот строфы, в которых эта тема звучит *fortissimo*:

Даже если ты из злодеев
всех — самых злочинный,
всякое на лодке знания (jñāna-plavēna)
зло ты преодолешь (IV. 36).

Подобно тому как зажженный огонь
дрова превращает в золу, о Арджуна,
так и огонь знания все дела
превращает в золу (IV. 37).

В главах пятой и шестой вновь на первый план выходит тема «деяний» — и тема их сочетания с «отрешенностью». Но возникают и некоторые новые мотивы. Примечательна, например, такая строфа:

Обретают высшую нирвану (brahma-nirvāṇam)
мудрецы-провидцы, отбросившие скверну,
разрушившие сомнения, овладевшие собой,
преданные благу всех существ (V. 25).

«Преданные благу всех существ» (*sarva-bhūta-hite ratāḥ*) — это своего рода «формула», которая еще раз повторяется в самой «Гите» (в строфе XII. 4) —

⁹⁷ В строфе IV. 9 слова «приходит ко мне» Шанкара объясняет именно как «освобождается», «обретает мокшиу» — и такое объяснение кажется вполне естественным (хотя Р. Зэнер его и оспаривает).

и много раз в других «книгах» «Махабхараты». Как справедливо отмечает Р. Ээнер, подобная «формула» вряд ли могла появиться в упанишадах (с их преобладающей установкой на отрешенность от мира) и поэтому вполне возможно, что она впервые возникла именно в «Гите»⁹⁸. Вместе с тем эта «формула» весьма напоминает буддийские формулировки, особенно в текстах махаяны. Но, как всегда, остается открытым вопрос, в какой среде — буддийской или «индусской» — подобные идеи возникли первоначально. Даже если эти идеи были позаимствованы «Гитой» у буддистов, в поэме они включены в контекст совсем не буддийских, теистических представлений, как, например, в последней строфе пятой главы, в которой Кришна вновь утверждает свою высшую божественную сущность:

[Всех] жертвоприношений я — получатель,
 всего мира великий владыка,
 друг всех существ;
 кто знает меня [таковым],
 тот обретает мир (покой)⁹⁹ (V. 29).

Из шестой главы рассмотрим две строфы:

Во всех существах — себя
 и все существа — в себе
 зрит тот, чье «я» устроено [правильным] устроением,
 во всем одно видящий (VI. 29).

Тот, кто меня видит во всем [мироздании]
 и все [мироздание] видит во мне,
 для того я не уничтожаюсь
 и тот для меня не уничтожается (VI. 30).

По мнению Р. Ээнера, «значение этой строфы (VI. 30. — С. Д. С.) вряд ли может быть преувеличено». Британский теолог толкует эту строфу в том смысле, что даже в состоянии «освобождения» (*мокши*) личность человека и личность Бога продолжают существовать как две отдельные сущности; «освобождение» — это всего лишь «начало личной встречи целостной и освобожденной личности (*self*) с Богом»¹⁰⁰. Вряд ли такое толкование дал бы какой-либо традиционный индийский (индусский) комментатор, но вполне в духе индийской традиции — признать за европейским ученым право на

⁹⁸ См.: Bhagavad Gītā 1969: 215.

⁹⁹ Шанкара поясняет, что речь опять-таки идет о *мокше*.

¹⁰⁰ См.: Bhagavad Gītā 1969: 234, 235.

собственное (христианское) понимание слов «Гиты». Этот пример показывает также, что поэма таит в себе еще немало возможностей для новых (иноверных, инокультурных) интерпретаций и немало возможностей для межкультурных диалогов.

Но вернемся пока к диалогу Кришны и Арджуны. В начале седьмой главы нас ожидает новый поворот. Кришна говорит Арджуне:

Знание-мудрость
 поведаю тебе полностью (без остатка),
 познав которое ничего более в этом мире
 познавать [тебе] не останется¹⁰¹ (VII. 2).

И вот, очевидно, в чем состоит это «окончательное откровение»:

Превыше меня
 нет ничего, о Арджуна!
 На меня все это нанизано,
 словно на нить — жемчужины (VII. 7).

Слова «на меня все это нанизано» (*mayi sarvam idam protam*) явным образом перекликаются с «формулой» «[тот], кем все это проникнуто» (*yena sarvam idam tatam*), о которой шла речь ранее. Так, можно сказать, Кришна отождествляет себя с сущностью, с самим бытием мироздания. Далее в главе эта идея разрабатывается с подробностями, на которых здесь нет возможности остановиться. Кришна говорит также о разных типах людей, поклоняющихся ему.

В частности:

В конце многих рождений
 мудрый (знающий) приходит ко мне,
 [познав, что] Васудева — это все.
 Такая великая душа — редкость (VII. 19).

Здесь опять «знание» — верный путь к Богу; *бхакти* — в «подтексте», а о «пути деятельности» — ни слова.

¹⁰¹ Эта мысль о полноте, окончательности и всеобъемлющем характере сообщаемого «знания» очень существенна для «Гиты», что, по-видимому, роднит ее с другими текстами, содержащими «откровения». Ср. замечание отечественных авторов: «Знание, дающее верующему видение высшего божества, провозглашается исчерпывающим; обладающий им не нуждается уже в каком-либо ином прозрении» (Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 118; Бонгард-Левин 1993: 116).

Восьмая глава развивает разные темы, связанные с природой Бога и взаимоотношениями между Ним и человеком. Среди прочего речь заходит и о том, сколь важно в момент смерти обратить свои помыслы к Богу:

В час смерти кто, меня
вспоминая, оставляет тело
и уходит [из жизни], тот в мое существо
входит — нет сомнения (VIII. 5).

И далее:

Ко мне придя, новое рождение —
обитель печали непостоянную —
не обретают великие души,
совершенства высшего достигшие (VIII. 15).

И все же после всего (столь многого!) сказанного, в начале следующей, девятой, главы Кришна словно повторяет («на новом витке спирали»?) то, что говорил в начале седьмой главы:

Это самое тайное тебе
поведаю, не таящему недоброе (или: не ропщущему),
знание-мудрость,
зная которое ты освободишься от зла (IX. 1).

Однако то, что следует за этим обещанием, сначала кажется лишь вариациями на уже знакомые темы:

Мною проникнут этот весь (mayā tatam idam sarvam)
мир — [мною], чей облик не явлен;
во мне пребывают все существа,
[но] я не пребываю в них (IX. 4).

Не признают меня глупцы (или: заблуждающиеся),
[меня], в человеческое тело облекшегося,
высшую сущность не знающие
мою — владыки всех существ (IX. 11).

Великие души, о Арджуна,
принимая [мою] божественную природу,
почитают (bhajanti) меня и только меня,
зная, [что я —] непреходящее начало всех существ (IX. 13).

Но вскоре возникают и новые мотивы:

Я — отец этого мира,
 [а также] мать, устроитель и прародитель;¹⁰²
 [я —] то, что должно знать; [я —] то, что освящает [мир];
 [я —] священный слог «ом»;
 [я — также гимны] Ригведы, Самаведы и Яджурведы (IX. 17).

Даже те, кто, будучи привержен другим богам,
 поклоняются им, проникнутые верой,
 Даже они мне, о Арджуна,
 поклоняются, хотя и не по установленным правилам (IX. 23).

Одинаково я отношусь ко всем существам,
 нет ни ненавидимых, ни любимых;
 но те, кто преданно поклоняются мне¹⁰³,
 те — во мне, и в них — я (IX. 29).

Ближе к концу главы Кришна прибегает такое поистине поразительное откровение:

О Арджуна, ко мне прибегнув,
 даже рожденные в скверне,
 [даже] женщины, вайшьи и шудры —
 даже они достигают высшего удела (IX. 32).

Но спешит тут же добавить:

Тем более благочестивые брахманы
 и царственные мудрецы-бхакты.
 В этом непостоянном, полном страданий мире
 родившись, почитай-люби меня (*bhajasva mām*) (IX. 33).

И вот самая последняя строфа главы (первой своей половиной в точности совпадающая с одной из заключительных строф поэмы — XVIII. 65):

На меня сознание направляй, моим бхактом будь,
 мне приноси жертвоприношения, мне поклоняйся;
 ко мне ты придешь, так обустроишь
 себя, устремленный ко мне (IX. 34).

¹⁰² Букв. «дед».

¹⁰³ В оригинале: *...ye bhajanti tu mām bhaktyā*.

В следующей, десятой, главе тема Кришны как высшего Божества, «великого владыки миров» (X. 3), развивается крещендо. Вот две характерные строфы из этой главы:

Я — всего источник,
из меня все проистекает;
так зная, поклоняются мне¹⁰⁴
мудрые, наделенные чувствами (X. 8).

Я — то «я», о Арджуна,
что находится в сердцах всех существ;
я — и начало, и середина
[всех] существ — и [их] конец (X. 20).

Одиннадцатая глава поэмы — ее своего рода сюжетный и эмоциональный апогей. Арджуне уже недостаточно слов, он говорит: «Хочу видеть твою божественную природу» (XI. 3). Кришна согласен и наделяет Арджуну божественным взором (XI. 8), поскольку обычное человеческое зрение не способно было бы воспринять подлинный облик Бога, явление им своей подлинной сущи (его теофанию). Кришна говорит:

Если бы тысяча солнц,
в небе вместе явившись,
воссияла — подобно было бы то [сияние]
сиянию этой Великой Души¹⁰⁵ (XI. 12).

Видение Арджуны отличается от прочих строф поэмы и своей поэтикой, которую можно назвать поэтикой космического ужаса¹⁰⁶. Большая часть строф одиннадцатой главы написана не обычным эпическим *ануштубхом* (восьмисложником), а *триштубхом* — строками в одиннадцать слогов, более емкими и, видимо, более соответствующими масштабу и духу «видения». Вот некоторые строфы этого эпизода в переводе В.С. Семенцова:

¹⁰⁴ В оригинале: *...iti matvā bhajante mām* — опять характерное сочетание «знания/понимания» и «бхакти/любви/поклонения»; при этом причинно-следственная связь именно такова: от «знания» к «поклонению».

¹⁰⁵ Именно эти строки из «Гиты» вспомнил Р. Опенгеймер во время первого испытания атомной бомбы (см.: Юнг 1960: 172).

¹⁰⁶ Именно из-за этого отличия М. Винтерниц считал видение Арджуны более поздним добавлением в текст поэмы (см.: Winternitz 1977: 436).

[Арджуна сказал:]

Вижу богов я в Твоем, Боже, теле,
вижу существ разнovidные толпы,
вижу на лотосе Брахму-владыку,
вижу провидцев, божественных змиев (XI. 15).

Все, что ни есть меж землею и небом,
страны все света — собою Ты обнял;
видя невиданный облик Твой страшный,
в ужасе, Боже, трепещут три мира (XI. 20).

Образ ужасен Твой тысячеликий,
тысячерукий, бесчисленноглазый;
страшно сверкают клыки в Твоей пасти.
Видя Тебя, все трепещет; я тоже (XI. 23).

Вот они все — сыновья Дхритараштры,
Бхишма и Дрона, и тот сын возницы,
прочих царей вереницы, героев,
и предводители воинов наших (XI. 26) —

внутрь Твоей пасти, оскаленной страшно,
словно спеша, друг за другом вступают;
многие там меж клыками застряли —
головы их размозженные вижу (XI. 27).

Кто Ты? — поведай, о ликом ужасный!
Слава Тебе, высший Боже! Помилуй!
О изначальный! Изведать хочу я,
что совершить Ты намерен — скажи мне! (XI. 31).

[Кришна отвечает:]

Время Я — мира извечный губитель.
Весь этот люд Я решил уничтожить.
В битву ты вступишь иль битву покинешь,
воинам этим пощады не будет (XI. 32).

Так поднимайся! Добудь себе славу!
Царством, врагов перебив, наслаждайся!
Их ведь заранее всех поразил Я:
будь лишь оружием Моим, славный лучник! (XI. 33).

Дрону, и Бхишму, и Карну, сын Притхи,
и Джаядратху — бойцов превосходных —
ты не колеблясь убей, Мною убитых!
С ними сразись! Ты их всех одолеешь (XI. 34).

Таким образом, после общих рассуждений о Боге и человеке здесь мы вновь возвращаемся к исходной конкретной проблеме: почему Арджуне следует идти в бой — и Арджуна получает еще один ответ. Оказывается, все противники Арджуны уже заранее убиты Богом — и Арджуне предстоит совершить лишь своего рода символическое действие по их убиению, выступив в роли некоего «орудия» божественного промысла.

Арджуна удовлетворен и обрадован таким объяснением. Он произносит длинный гимн во славу Кришны (XI. 36—46), но под конец все же просит Бога предстать перед ним в своем более привычном виде. Кришна выполняет просьбу Арджуны и при этом подчеркивает, что оказал ему своей теофанией высочайшую милость, которой не удостоиваются даже боги: Арджуна заслужил эту милость исключительно своей любовью-преданностью Кришне (XI. 52—54). Заключительная (55-я) строфа главы содержит нечто вроде определения *бхакти*¹⁰⁷. По мнению Шанкары, эта строфа выражает «суть всего учения “Гиты”»¹⁰⁸.

Действующий ради меня, считающий меня наивысшим,
преданный мне (или: мой бхакт) без иных привязанностей,
невраждебный ко всем существам —
приходит ко мне, о Арджуна (XI. 55).

Следующая, двенадцатая глава — это (если продолжить сравнение с музыкой) различные вариации на темы *бхакти*. Из двадцати строф этой главы рассмотрим только две:

Кто, все свои деяния
мне посвятив (вручив)¹⁰⁹, устремленные ко мне,
с единоплавленными усилиями
сосредоточившись на мне сознанием, мне поклоняются (XII. 6),

¹⁰⁷ С. Радхакришнан в своем примечании к данной строфе пишет: «Это суть бхакти» (Bhagavadgītā 1948: 289).

¹⁰⁸ В оригинале: ...*sarvasya gītā-mātrasya sārabhūtārthahi* (Saṅkarācārya 1983: 381).

¹⁰⁹ В оригинале *satyasya*, что можно перевести как «[мне] отбросив». Это выражение допускает, по-видимому, разные толкования.

Для тех я спасителем¹¹⁰
 из океана смерти-сансары
 буду сразу, о Арджуна, —
 для тех, чье сознание проникнуто мною (XII. 7).

Р. Ээнер не преминул заметить, что в этих строках выражено «новое для индуизма» представление о Боге-спасителе, «Боге благодати» (*a God of grace*), близкое к представлениям о Боге в христианстве¹¹¹. Но есть здесь и сходство (о котором Р. Ээнер не упоминает) с образом Будды или *бодхисаттвы* в буддизме махаяны. Западные исследователи уже давно размышляли о возможном влиянии христианских идей на «теологию» «Гиты», как и о возможном влиянии христианства на становление буддизма махаяны. Однако никаких достоверных результатов в этой области получить не удалось — и вряд ли удастся в силу самой «природы материала». Как и в случае других подобных проблем из истории культуры, по крайней мере столь же (если не более) вероятным остается предположение о параллельном и независимом возникновении сходных явлений.

Тринадцатая глава поэмы, по выражению Р. Ээнера, «самая запутанная во всей “Гите”»¹¹², полна весьма специальных рассуждений и экзотических терминов, для обсуждения которых здесь нет места. Однако одну строфу из этой главы все же стоит привести. Кришна говорит Арджуне:

То, что следует знать, я тебе поведаю, —
 узнав это, достигают бессмертия:
 [это] безначальный, высший Брахман,
 который ни существует, ни не существует (XIII. 12).

Брахман здесь — это слово из упанишад, обозначающее высшую и подлинную реальность, непознаваемую, невыразимую и т. д. В следующей главе это слово появляется вновь — в двух очень важных строфах (XIV. 3 и XIV. 27).

В начале четырнадцатой главы Кришна опять произносит своего рода «формулу откровения»:

Высшее теперь я провозглашу
 из всех знаний знание высочайшее:
 зная которое все мудрые
 высшую цель достигли (XIV. 1).

¹¹⁰ Букв. «поднимателем», «вынимателем» (*samuddhartā*).

¹¹¹ См.: Bhagavad Gītā 1969: 327.

¹¹² Там же: 332.

Само же откровение заключается, очевидно, в следующем:

Великий Брахман — моя утроба,
в него [свое] семя я влагаю;
(за)рождение всех существ
от этого происходит, о Арджуна (XIV. 3).

В заключительной строфе главы Кришна говорит о своих отношениях с *Брахманом* несколько иначе:

Я — опора (основа) [и] Брахмана,
бессмертного и неизменного,
и вечной дхармы,
и вечного блаженства (XIV. 27).

При всей взаимной противоречивости этих двух утверждений (впрочем, при желании, наверно, можно было бы найти для них какой-нибудь «общий знаменатель») достаточно ясно одно: Кришна провозглашает, что он «главнее» даже *Брахмана*, Абсолюта упанишад. Кришна — «основа основ» и (если можно так сказать) «Абсолют Абсолюта».

Однако этот Абсолют — личностен; это — Личность. Так, в следующей, пятнадцатой главе читаем:

Поскольку я превосхожу преходящее
и даже непреходящего я выше,
то и в миру, и в Ведах
я известен как Высшая Личность (*puruṣottama*) (XV. 18).

Тот, кто, не заблуждающийся,
знает меня так — [как] Высшую Личность,
тот, всезнающий, любит-почитает меня (*bhajati mām*)
всем [своим] существом, о Арджуна (XV. 19).

Главы шестнадцатую и семнадцатую в данном обзоре «Гиты» можно пропустить. Сравнительно краткая шестнадцатая глава описывает свойства людей благочестивых («божественных»), с одной стороны, и людей злых, нечестивых («асурических») — с другой. Глава семнадцатая перечисляет различные проявления трех «качеств» (*гун*) — *саттва*, *раджас* и *тамас*, — а также комментирует сакральную формулу из упанишад: ОМ-ТАТ-САТ («ОМ-ТО-ИСТИННО»).

Восемнадцатая, заключительная, глава отчасти подводит итоги поэмы, как бы вновь «проигрывая» некоторые из ключевых тем. Но возникает и новая

тема — сравнительные характеристики и взаимодополняющие обязанности четырех *варн*, четырех идеальных «классов» общества: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Вот три строфы в переводе В.С. Семенцова:

Чистота, успокоенность, тапас,
 обузданье, терпенье, неживость,
 вера, знание, житейская мудрость —
 вот достоинства брахманов, Партха (XVIII. 42).

Сила, твердость, смекалка, доблесть,
 неспособность в бою к отступлению,
 прирожденная щедрость, властность —
 это признаки кшатриев, Партха (XVIII. 43).

Земледелие и торговля,
 разведение скота — вайшьи дело.
 Все, что связано с услуженьем,
 то природе шудр подобает (XVIII. 44).

И далее:

Источнику деятельности [всех] существ,
 [тому,] кем все это проникнуто (*yena sarvam idam tatam*),
 своими деяниями ему служа,
 человек обретает успех (совершенство) (XVIII. 46).

В контексте данного отрывка это означает, что человек, выполняя деятельность, предписанную его касте, тем самым поклоняется Богу и достигает совершенства. Затем идет строфа, первая половина которой в точности повторяет строфу III. 35:

Лучше своя дхарма, хоть и недостойная,
 чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная;
 собственной природой определенное дело
 делаю, [человек] не навлекает на себя зла (XVIII. 47).

Однако в конце той же главы вновь — и с новой силой — высшей ценностью и высшей нормой провозглашается *бхакти* — любовь-приверженность к Богу. Кришна говорит Арджуне:

И вот самое сокровенное
 слушай мое последнее слово:
 люб ты мне очень,
 поэтому поведаю тебе, [в чем твое] благо (XVIII. 64).

На меня сознание направляй, моим бхактом будь,
 мне приноси жертвы, мне поклоняйся;
 ко мне ты придешь, поистине тебе
 обещаю, [ибо] любим ты мною¹¹³ (XVIII. 65).

Все [прочие?] дхармы отвергнув,
 меня одного избери прибежищем;
 я тебя от всех зол (скверн)
 освобожу (*mokṣayaīṣyāmi*) — не печалься! (XVIII. 66).

В комментарии Шанкары это четверостишие названо «словами, содержащими суть всех упанишад»¹¹⁴ (*sarva-vedānta-sāra-vihitaṃ vaktāvyam*)¹¹⁵. Последователи же Рамануджи, как пишет С. Радхакришнан, «рассматривали эту строфу как *sarama śloka*, т. е. как завершающие стихи всей книги»¹¹⁶.

Текст поэмы на этом, однако, не завершается. Кришна делает еще несколько заключительных замечаний. Они типичны для традиционных индийских текстов и содержат, с одной стороны, восхваления самого текста, а с другой — своего рода «инструкции по его применению». Кришна говорит Арджуне:

Тому, кто не прошел через [соответствующую] аскезу,
 кто не исполнен благоговения (бхакти)
 и смирения, кто меня хулит, —
 тому никогда не говори [то, что я тебе сказал] (XVIII. 67).

[Но] кто эту высшую тайну
 среди моих бхактов провозгласит,
 тот, [сам] проявив ко мне высшую преданность (бхакти),
 ко мне придет несомненно (XVIII. 68).

¹¹³ Ср. выше строфу IX. 34.

¹¹⁴ Пожалуй, это одна из «натяжек» Шанкары. В «главных» упанишадах все-таки не звучит так сильно идея *бхакти* (хотя само слово редко, но встречается). В современной науке принято считать, что именно в «Гите» «представление о всеобъемлющей любви к богу (*бхакти*) впервые выдвигается в качестве религиозного идеала» (см.: Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 130; Бонгард-Левин 1993: 123). Стоит в этой связи заметить, что *бхакти* в «Гите» еще не имеет тех экстатических и/или эротических обертонов, которые появились позже.

¹¹⁵ *Śaṅkarācārya* 1983: 616.

¹¹⁶ *Bhagavadgītā* 1948: 379.

Тот же, кто прочитает (adhyeṣyate)¹¹⁷ эту
 нашу с тобой дхармичную беседу (dharmyaṃ saṃvādam),
 тот меня жертвоприношением знания (jñāna-yaññena)¹¹⁸
 почитит — так я верю (XVIII. 70).

Исполненный верой и не ропщущий,
 человек, который выслушает [эту нашу беседу],
 попадет в благие миры
 тех, кто совершал чистые деяния (XVIII. 71).

Наконец, сам Арджуна восклицает:

Уничтожено заблуждение, понимание обретено
 мною по твоей благодати, о Кришна!
 Я стою, лишенный сомнений, —
 выполню слово твое (XVIII. 72).

И пять самых последних строф (XVIII. 74—78) — это уже восторженные слова Санджайа, ликующего оттого, что ему довелось быть слушателем и свидетелем «этой дивной беседы» (XVIII. 76).

Вот уже более полутора тысячелетий (если не дольше) эту дивную беседу слушают (по-разному ее толкуя) в Индии и более двухсот лет — в остальном мире (прибавляя все новые и новые толкования). Нам в России еще только предстоит в нее вслушаться — и, может быть, извлечь из нее (или с ее помощью — из самих себя) какие-то важные и новые для нашей жизни смыслы.

С.Д. Серебряный

¹¹⁷ Интерпретация «Гиты» в книге В.С. Семенцова основана на (интересном, но спорном) толковании одного этого слова (см.: Семенцов 1985: 43).

¹¹⁸ Объяснению этого сложного слова В.С. Семенцов посвятил в своей книге специальную главу (см.: Семенцов 1985: 67—74).

КОММЕНТАРИИ

В более чем полувековой истории перевода на русский язык «Махабхараты», замышлявшегося как полный, достаточно отчетливо выделяются два периода, рубеж между которыми кладет издание «Араньякапарвы» 1987 г. Особенную ценность в этом издании донныне сохраняет обстоятельный, основанный на серьезном и глубоком исследовании содержания текста культурно-исторический комментарий к переводу третьей книги эпоса, представляющей собой один из наиболее значительных древних памятников индуистской идеологии (в частности, также важный источник для изучения культа святых мест паломничества в индуизме). Переводы В.И. Кальянова, ориентирующиеся преимущественно на традиционный комментарий Нилакантхи, несомненно, сыграли в свое время определенную роль в ознакомлении русского читателя с содержанием древнеиндийского эпоса, но в основном оставались на уровне выполненных индийскими учеными многочисленных английских переводов (literal translations) памятников санскритской литературы, публикация которых в Индии в научных сериях на протяжении десятилетий охватила все сколько-нибудь значительные тексты этой литературы на предварительной стадии ее изучения.

Ныне отечественное востоковедение открыло в этой области новую страницу, став наравне с современными достижениями международной индианистики и международного эпосоведения, перейдя от перевода «учебного» характера к переводу-исследованию. Опубликованные за последние десятилетия параллельно с комментированными переводами и в органическом единстве с ними исследовательские работы Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой, — наряду с работами видного московского индолога П.А. Гринцера, — по существу, положили начало новому направлению в изучении культуры Древней Индии в нашей стране и за рубежом.

Являясь ядром шестой книги, «Бхагавадгита», была первым произведением санскритской литературы, переведенным на европейский язык непосредственно с оригинала. Английский перевод Чарльза Уилкинса, опубликованный в 1785 г. (см.: Bhagvat-Geeta 1785), сразу привлек внимание европейского читателя, послужив толчком к пробуждению живого интереса к сокровищам почти неведомой до той поры на Западе древней культуры; вскоре же появились переводы на другие языки (сначала с перевода Уилкин-

са, потом самостоятельные переводы с оригинала). За более чем два с лишним столетия, истекшие со времени первого знакомства с этим замечательным памятником, учеными многих стран создана огромная исследовательская литература по «Бхагавадгите», по разнообразным проблемам интерпретации ее текста в различных аспектах ее философского, этического, исторического содержания.

Первый русский перевод «Бхагавадгиты» появился уже через три года после эпического перевода Уилкинса (см.: Багуат-Гета 1788). Но с оригинала поэма переведена была на русский язык впервые только в 1956 г., причем не санскритологом, а любителем, доктором медицины Б.Л. Смирновым, опубликовавшим в Ашхабаде начиная с 1955 г. несколько томов комментированных переводов избранных мест из «Махабхараты» (основных религиозно-философских текстов, а также некоторых нарративных эпизодов). Последние тома (всего их восемь, публикация завершилась в 1972 г.) вышли уже после смерти автора и неоднократно переиздавались («Бхагавадгита» в том числе). Оценку этого во многих отношениях замечательного труда энтузиаста-любителя см. в монографии: Невелева 1991: 33; о его переводе «Бхагавадгиты» см. также: Семенцов 1985:3. В 1985 г. вышел второй перевод «Бхагавадгиты» с оригинала, выполненный выдающимся отечественным санскритологом В.С. Семенцовым и опубликованный как приложение к его монографии см.: Семенцов 1985, содержащей глубокое и тщательное исследование, во многом по-новому освещающее религиозно-философские идеи, заключенные в тексте этого памятника, его ритуальный характер, его место в древней традиции индуизма. Этот перевод, несомненно, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с предшествующей ему работой Б.Л. Смирнова. Исправляя ее промахи, перевод В.С. Семенцова дает русскому читателю более верное представление о содержании оригинала.

Текст «Бхагавадгиты» содержит немало темных мест, которые на протяжении столетий остаются не до конца разъясненными в посвященной его интерпретации литературе — от средневековых традиционных комментариев до современных исследований — и нередко вызывают разноречивые толкования. Предлагая свой перевод, автор следует наиболее устоявшимся толкованиям, не претендуя на новый подход к идейному содержанию поэмы. Перевод ее составляет одно целое с переводом всей «Бхишмапарвы» и основывается на тех же принципах.

Из необъятного моря литературы, посвященной «Бхагавадгите», толкованию ее философского содержания, переводчик использовал лишь некоторые наиболее значительные и авторитетные труды и новейшие исследования; особенно широко использовалась монография В.С. Семенцова (хотя это не значит, что мы во всех случаях соглашались безусловно с его толкованием текста). Такие расхождения есть как в интерпретации темных мест оригинала, так и в понимании отдельных излагаемых в нем концепций и основных терминов.

Наш перевод «Книги о Бхишме» осуществлен по критическому (Пунскому) изданию: *The Bhīṣmaparvan being the sixth book of the Mahābhārata... / Critically ed. by Sh.K. Belvalkar. Poona, 1947.*

ПРОТЯЖЕНИЕ МАТЕРИКА ДЖАМБУ

(Главы 1—11)

¹ Поле Подвижничества (taraṅkṣetra) — поле битвы, воинского подвижничества. Сопоставление битвы с религиозной аскезой в известной мере подготавливает здесь представление о Курукшетре, поле великой битвы, как о «поле дхармы», т. е. битвы за святое дело, образ, которым открывается «Бхагавадгита».

² ...искушенные в чтении Вед... — Подразумевается ритуальное чтение священных текстов (adhyaṅana), которому приписывается магическое действие. Согласно комментарию Девабодхи, здесь, кроме канонических четырех Вед, имеется в виду также «Дханурведа», трактующая искусство стрельбы из лука (см.: Devabodha 1947: 2).

³ ...как солнце опалает круг Джамбудвипы... — употребительная в древнеиндийской поэзии метафора: собирание земных вод в тучи под воздействием солнечного зноя.

⁴ Йоджана — мера длины, определяемая обычно как равная 13—14 км (см.: Араньякапарва 1987: 737).

⁵ Муж-бык. — Об этом очень употребительном в древнеиндийском эпосе эпитете см.: Араньякапарва 1987: 604.

⁶ ...с желтым зонтом... — В оригинале игра слов, основанная на созвучии rāṅḍira («желтый») с родовым именем rāṅḍava в предшествующей строфе (переводится как «сын Панду»), имеющем то же значение «желтый» или «сын Желтого» (имя может означать изначально расовый признак неарийского племени, призванного панчалами в их борьбе за гегемонию с куру и содействовавшего их победе; см. в статье о «Бхишмапарве»). Некоторые исследователи полагают, что значение имени Панду может указывать на некую физическую ущербность в параллель слепоте его брата (см.: Vuitenen 1981: 2), но это, скорее, можно полагать более поздним переосмыслением этнонима. Царский зонт — один из главных знаков царского достоинства в древней Индии.

⁷ ...затрубили в большие раковины... — Просверленные с одного конца морские раковины употреблялись как боевые трубы; такая раковина — обычный атрибут эпического героя, род боевого рога, нередко со своим именем; см. далее, где названы две такие раковины-горы — Панчаджання, принадлежащая Кришне, отобравшему ее у поверженного им демона Панчаджаны, и рог Арджуны Девадатта (devadatta — букв. «богоданный»).

⁸ В подлиннике: yugante, букв. «в конце века (юги)». Юга — в индийской космогонии один из четырех «веков» истории вселенной от творения до ее гибели (которой предшествуют грандиозные стихийные бедствия и катастрофы), так называемая махаюга (см.: Араньякапарва 1987: 742—743; Индуизм 1996: 272, 477). Здесь под «веком» имеется в виду именно махаюга.

⁹ ...на чьей стороне правда... — В подлиннике: dharma. Это кардинальное понятие всей религиозно-этической системы индуизма охватывает чрезвычайно широкий диапазон значений; в индологической литературе понятие «дхарма» чаще всего оставляют без перевода. Под ним понимают прежде всего совокупность этических норм, обязательных для соблюдения в духовной и общественной жизни, что почитается необходимой основой космического порядка. В зависимости от контекста «дхарма» может переводиться как «закон», «право», «правда», «праведность», «добродетель», «долг» и т. п. См.: Араньякапарва 1987: 737; Бонград-Левин, Ильин 1985: 41; Индуизм 1996: 180—182.

¹⁰ ...направляясь к югу. — Птицы, пролетающие к югу, — зловещее знамение (юг — страна смерти в представлениях древних индийцев).

¹¹ Месяц картика — октябрь—ноябрь, считался наиболее благоприятным для начала военных действий.

¹² Кшатри — вторая по статусу из четырех варн (сословий) древнеиндийского общества, воинская аристократия. Первое место в этой иерархии традиционно занимала варна брахманов, жречество, третье — вайшьи, свободные общинники, земледельцы, ремесленники и торговцы. От трех высших варн отграничивалась низшая — шудры. См.: Индуизм 1996: 112.

¹³ Арундхати — звезда Алькор в созвездии Большой Медведицы; ее олицетворяет жена Васиштхи, главного из Семи мудрецов (saptaṛṣayaḥ — Семь мудрецов, санскритское название этого созвездия, в котором Васиштха представляет звезду дзета); супруга риши считалась воплощением супружеской преданности. Звезда Арундхати, близкая к звезде Васиштхи, почиталась благоприятной.

¹⁴ Шанайшчара — планета Сатурн, почиталась особенно зловещей; ее прохождение через накшатры, созвездия лунного зодиака (так называемые «лунные дома», или «лунные стоянки»), определяло предсказания будущего в индийской астрологии (в той или иной мере это же относится к другим планетам, см. примеч. 18 к текущ. разд.); наиболее неблагоприятным было время ее пребывания в четвертой (начиная с Ашвины, см. ниже) накшатре — Рохини (часть созвездия Тельца). См. также: Араньякапарва 1987: 738.

¹⁵ ...пятно на луне... — В Индии это пятно называют «заяц на луне», по поверьям, он отворачивает беду.

¹⁶ ...рождают солнечных птиц и павлинов. — Мифические солнечные птицы, именуемые обычно супарнами (в оригинале: vainateya — «потомки Винаты», мифической праматери птиц), появляются на полях сражений вместе со стервятниками. Павлин — зооморфный атрибут (вахана) бога войны Сканды.

¹⁷ ...побуждаемые Смертью... — В подлиннике: *kāla* — «Время», одна из ипостасей бога смерти в индуистской мифологии. См. также, примеч. 286 к разд. «Песнь Господа».

¹⁸ Белая (śveta) планета — так именуется в лексиконах Шукра (Венера), но здесь, возможно, имеется в виду Кету, спутник упомянутого непосредственно перед этим Раху, демона затмений, периодически поглощающего Солнце и Луну, который почитался одной из планет, соответствующей восходящей точке пересечения лунной орбиты (см.: Араньякапарва 1987: 721). Упомянутая далее Читра — альфа Девы, четырнадцатая накшатра (если начинать счет, как принято было в астрономических трактатах, с накштры Ашвини, см. примеч. 29 к текущ. разд.).

¹⁹ Великая планета (mahāgraha) — обычно так именуется Раху, иногда — Шанайшчара (Сатурн); возможно, Раху или Кету подразумеваются под упоминаемой выше «необычайно грозной» (*mahāghora*) кометой (*dhūmaketu*), вторгающейся в накшатру Пушья (восьмой знак лунного зодиака, группа звезд в созвездии Рака).

²⁰ Ангарака — планета Марс, Брихаспати — Юпитер. Созвездия Магха (соответствует альфе и еще пяти звездам в созвездии Льва) и Шравана (альфа, бета и гамма Орла) — соответственно десятая и двадцать третья накштры.

²¹ Сын Солнца — Шанайшчара (см. выше примеч. 14). Созвездие Бхагья, которое он «угнетает», — двенадцатая накшатра (включающая звезду бета Льва, более известная под названием Уттара-пхальгуни).

²² Подножье Скамьи (praśthapada) — двойное созвездие двадцать пятого и двадцать шестой и двадцать седьмой накшатр, знаков лунного зодиака, лунных стоянок (Пурва-бхадрапада и Утгарабхадрапада, соответственно — альфа и бета Пегаса и ню Пегаса и альфа Андромеды). Указанные здесь и далее движения планет относительно созвездий должны предвещать недоброе. О действительном движении планет в эпоху сложения текста существовали, очевидно, еще очень смутные представления.

²³ Темная (śyāma) планета — Будха (Меркурий).

²⁴ Джештха — восемнадцатая лунная стоянка (альфа, сигма и тау Скорпиона), традиционно считается священным созвездием Индры. Упомянутые далее Дхрува и Свати — соответственно Полярная звезда и Арктур (пятнадцатая накшатра), Брахмараши, согласно комментарию Нилакантхи, — другое название созвездия Шравана (см. выше примеч. 20).

²⁵ Жестокая планета — по-видимому, Ангарака (Марс), то же, что Краснотелый (*lohitaṅga*); считалась неблагоприятной и у индийцев также ассоциировалась с богом войны. Другое толкование *raṅga*, «жестокий», как эпитета Раху (см.: Roy 1925/4: 6; также Dutt 1897: 4) менее вероятно; в одной из рукописей вместо *raṅga* читаем *aṅgaraka* (см. раз-

ночтения в критическом изд., с. 14). В лексиконах *rāgīṣeṣu* дается как патроним Брихаспати, считающегося сыном Ангираса (Ангараки).

²⁶ ...пятиглавый ячмень и стоглавый рис. — Подразумевается, очевидно, вырождение злаков, подобное появлению животных-уродов, о котором повествуется в начале главы.

²⁷ Лучшие из всех существ... коровы... — Представление, характерное для индийского мировоззрения с древнейших времен.

²⁸ Две планеты... близ обоих созвездий. — Брихаспати (Юпитер) и Шани, или Шанайшчара (Сатурн); созвездие *Вишакха*, шестнадцатая накшатра, отождествляется с четырьмя звездами в созвездии Весов, обычно рассматривается как объединяющее два по две звезды (йота и гамма, бета и альфа Весов).

²⁹ Гневная планета... великий страх. — Очевидно, Будха, считающийся обычно благоприятным светилом, но в определенных положениях способный, как и Шанайшчара и Ангарака, предвещать недоброе (оба автора английских переводов называют здесь Раху, но они, следует заметить, ориентируются при этом на текст бомбейского издания «Махабхараты», значительно отличающийся от принятого в критическом издании; см.: Roy 1925/4: 7; Dutt 1897: 4). Первая накшатра — Ашвини (бета и гамма Овна). Неестественное движение Будхи, стремительно минующего также вторую и третью накшатры (Бхарани — три звезды Овна — и Криттики — Плеяды), имеет, очевидно, следствием преждевременное наступление новолуния, о котором говорится далее.

³⁰ ...новолуние... на тринадцатую ночь! — Лунный синодический месяц в индийском календаре разделялся на две половины (*ракша*) по пятнадцать суток (*tithi*), не вполне совпадающих с естественными. Шестнадцатая ночь — первая следующей половины месяца. В результате нарушений в движении небесных тел одна половина месяца сокращается, таким образом, на двое суток.

³¹ ...в неурочное время... — В подлиннике: *арагапи*. Подразумеваются, очевидно, несвоевременные, следующие непосредственно одно за другим затмения луны и солнца.

³² К солнцу обращаясь, вещают великие мудрецы... — Речь идет о том, что солнце, померкшее на заре, предвещает битву.

³³ Великие стихии (*mahābhūtaḥ*) — вода, огонь, воздух, эфир и земля, т. е. пять первоэлементов в индийской космологии (см. примеч. 42 к текущ. разд.).

³⁴ ...подобен крику осла. — В Индии этот крик считается зловещей приметой (как и другие приметы, указанные ниже).

³⁵ Рок — В подлиннике: *kāla* — Время.

³⁶ ...боевые трубы... — В подлиннике: śaṅkhāḥ — «раковины» (см. выше примеч. 7).

³⁷ ...войско четырех родов оружия (caturaṅga)... — В древнеиндийской армии это пехота, конница, колесницы и боевые слоны.

³⁸ ...и мириады, и тьмы... — В подлиннике: arbuda, koṭi — единицы счета, обозначающие обычно 10 млн; в данном тексте — обычная для эпоса гиперболизация.

³⁹ ...люди и животные... — Нижеследующая классификация четырнадцати видов животных (paśu), включая человека, — одна из традиционных в индийской мифологии (первоначально выделялось только пять видов домашних животных, к которым мулы и ослы добавлены позднее). Не входящие в число этих четырнадцати относятся к прочим «живородящим» (jaṅāyujā).

⁴⁰ ...виды трав, держащиеся кожурою (tvakṣāra). — Подразумеваются растения, лишенные ствола, — травы и тростники. Ср. классификацию подвижных (trasa) и неподвижных (sthāvara) существ в «Законах Ману» (см.: Законы Ману 1960/1: 43—48).

⁴¹ Гаятри — ведийский стихотворный размер, которым сложен носящий то же название (или другое — «Савитри») особо почитаемый священный стих гимна богу солнца Савитару (РВ. III. 62. 10); содержит двадцать четыре слога (три строки по 8). К числу видов подвижных и неподвижных существ (14 и 5) добавляется число «великих элементов» (стихий) (см. ниже примеч. 42), что дает основание рассматривать Гаятри (персонифицируемую в образе богини) как олицетворение природы (пример характерной числовой символики).

⁴² ...из пяти стихий... — Отражение представления о пяти космических первоэлементах в основе мироздания усматривают уже в памятниках протоиндийской цивилизации (см.: Альбедиль 1994: 216); упоминаются уже в Упанишадах. Позднее, в учении санкхьи термин mahābhūta определяет пять «грубых элементов» как конечный продукт эволюции материи (см. примеч. 33 к текущ. разд.).

⁴³ Они разрушаются... возникают в должной последовательности. — Считается, что земля растворяется в воде, вода — в огне, огонь — в воздухе, воздух — в пространстве; возникновение же их происходит в обратной последовательности.

⁴⁴ ...принадлежит непостижимому. — В подлиннике: acintya — букв. «немыслимое, не постигаемое мыслью».

⁴⁵ Сударшана (Sudarśana) — «Прекрасный». Так именуется здесь Джамбудвипа, обычно почитаемый центральным из семи материков земли в индийской традиционной космографии. Деление его на Смоковницу (pipṛala) и Зайца (śaśa) в дальнейшем не совсем ясно прослеживается. Но в следующей главе описывается центральная его часть, включающая Бхаратаварш (т. е. страну Бхараты, Индию), которая и упоминается далее в описании материка первой из семи стран, называемых «варшами» (varṣa), распо-

ложенных, согласно этой полуфантастической географии, между разделяющими их горными хребтами. Упоминаемые в конце следующей главы Нагадвипа и Кашьяпадвипа определяются как «уши» Зайца также в «Падмапуране» (III. 3); обещанное же описание другой части материка отсутствует, и не исключено, что текст этого раздела дошел до нас не полностью. Здесь, очевидно, подразумевается отличная от общепринятой версия описания Земли, которая излагается не очень последовательно (см. ниже).

⁴⁶ Вайдурья (vaidūrya) — драгоценный камень, отождествляется с бериллом или «кошачьим глазом».

⁴⁷ Совершенные существа и странники небес — мифологические классы небожителей низшего ранга, названия которых чаще оставляют без перевода. «Совершенные» (siddha) — ангелоподобные праведники, обитающие в поднебесье; «странники» (sarpa) — родственные им небесные певцы и музыканты.

⁴⁸ Четыре острова (dvīpa) — четыре страны, которые по этой версии окружают гору Меру соответственно с востока, запада, юга (название Джамбудвипа обозначает здесь один из этих «островов» или «материков») и севера. «Островами» они называются, согласно комментарию Нилакантхи, как окруженные водами протекающих по ним многочисленных рек (см.: Kirfel 1920: 93). См. также ниже примеч. 56.

⁴⁹ Сюжет об обиде Сумукхи, сына царя мифических птиц супарн, на гору Меру в «Махабхарате» подробно не излагается. Неясно, идентичен ли он мудрецу Сумукхе, упоминаемому в «Сабхапарве» (гл. 5).

⁵⁰ ...слева направо (pradakṣiṇam). — Обходить кого-либо, обращаясь к нему правой стороной, было принято в знак уважения (см.: Араньякапарва 1987: 631).

⁵¹ ...со многими вознаграждениями. — В подлиннике: dakṣiṇā; под термином «дакшина» (иногда его оставляют без перевода) понимается обычно вознаграждение брахману за совершение обряда (см.: Индуизм 1996: 160).

⁵² Карникара — дерево (цветок) Pterospertum acerifolium.

⁵³ ...окруженный небесными духами... — В подлиннике: bhūta — букв. «существо». «Бхутами» именуется в шиваитской мифологии род духов, близких по характеру к демонам и составляющих вместе с другими подобными мифическими существами злоеущую свиту Шивы как бога, воплощающего разрушительные силы вселенной. См.: Араньякапарва 1987: 734; Индуизм 1996: 104.

⁵⁴ Лунное озеро — так именуется здесь, очевидно, Гангахрада, священное место паломничества в Тханесаре.

⁵⁵ На вершинах Гандхамаданы... окруженный сонмами апсар. — В этой строфе перечисляются три класса мифических существ: гухьяки (guhyaaka, «таящиеся») — стра-

жи скрытых в недрах гор сокровищ (возможно здесь под ними подразумеваются ящи, составляющие преимущественно свиту Куберы в индуистской мифологии; иногда они отождествляются с гухьяками, с которыми имеют одинаковые функции, иногда от них ограничиваются, см. ниже); ракшасы (rākṣasa) — один из основных разрядов индийской демонологии, ночные оборотни и людоеды, нарушители священных обрядов (но иногда, как в данном случае, рассматривающиеся в положительном аспекте как духи-хранители, родственные якшам); апсары (apsarā) — небесные нимфы, супруги гандхарвов (см. примеч. 61 к текущ. разд.).

⁵⁶ Илаврита — срединная область материка Джамбудвипы с горю Меру в центре; на запад от нее расположена Кетумала, на восток — Бхадрашва. Айравата — страна на крайнем севере Джамбудвипы, чаще именуемая Уттаракуру (Северные Куру); гора Шрингаван отделяет ее от расположенной южнее Хайраньяки, чаще называемой Хиранван, Хиранмая (все эти названия означают: «Золотая»). Непосредственно к Илаврите примыкают — с севера Рамьяка, с юга Хариварша, еще южнее расположена Кимпуруша; форму лука имеют Бхаратаварша и Айравата, занимающие соответственно южную и северную оконечности Джамбудвипы, заключающей между ними пять вышеназванных срединных стран.

⁵⁷ Долг (dharma), желание (kāma) и польза (artha) — три цели (trivarga) человеческой жизни, ее основные ценности, по учению индуистской этики. Первый из этих терминов, слово чрезвычайно многозначное, ниже переводится также: добродетель, закон. См.: Араньякапарва 1987: 741; Индуизм 1996: 420. См. также примеч. 9 к текущ. разд.

⁵⁸ Биндусарас — священное озеро в верховьях Ганга (в Гарвале, на северо-западе современного штата Уттар-Прадеш). Согласно мифу, образовалось из вод Ганги там, где они стекали с небес на землю по волосам Шивы; здесь же Индра (Тысячеход) совершил сто жертвоприношений, давших ему статус царя богов (жертвенные столбы были воздвигнуты богом Вишну). Ср. описание этого озера в гл. 3, ст. 9—15 «Сабхапарвы».

⁵⁹ Богиня, минующая три мира на своем пути (tripathagā) — Ганга, протекающая по небу, земле и подземному миру.

⁶⁰ Перечень семи священных рек (реально существующих и мифических), почитающихся ответвлениями небесной Ганги, варьируется в различных текстах.

⁶¹ Сарасвати... бывает то зрима, то незрима... здесь и там. — Имеется в виду, вероятно, обмеление реки Сарасвати, исчезающей в песках Раджастан после изменения климата Северо-Западной Индии ко времени создания «Махабхараты».

⁶² ...на Химаване... ракшасы... Шрингаван же... убежище предков. — В этих строфах названы различные классы небесных и демонических персонажей индуистской ми-

фологии. О ракшасах и гуньяках см. примеч. 55 к текущ. разд. Змии (sarpa) и наги (nāga) — две разновидности мифического змеино-го рода (различаются не всегда). Демоны — в оригинале: asura, что чаще оставляют без перевода. Асурами именуется обычно главный класс демонов, постоянно противопоставляемый богам (deva), как людям противопоставляются ракшасы. В эпосе, однако, asura может означать и «демонов» в широком смысле; асуры же, враги богов, подразделяются на два подкласса: дайтьев (dāitya) и данавов (dānava). Гандхарвы (gandharva) — небесные певцы и музыканты, супруги апсар (см. выше примеч. 55), с ними совместно развлекающие небожителей пением и танцами. Предки (pitṛ) — души усопших, вместе с богами и людьми составляющие три класса существ положительного характера, противопоставляемые трем отрицательным, соответственно — асурам, ракшасам и пишачам (кладбищенским бесам).

⁶³ ...существа движущиеся (gatimat) и недвижные (dhriva). — Имеются в виду животные и растения (ср. выше гл. 5, ст. 10—21 и примеч. 40 к текущ. разд.).

⁶⁴ ...сок... шести вкусов... — Различается шесть основных видов вкуса (rasa); свойства жидких тел: сладкий, кислый, соленый, едкий, горький и вяжущий.

⁶⁵ Амрита (amṛta) — в индийской мифологии напиток бессмертия, нектар. См.: Индуизм 1996: 51—52.

⁶⁶ ...изошедшие из мира богов... — То есть бывшие небожителями в предшествующем рождении.

⁶⁷ ...в благие и неблагие времена (sameṣu niṣameṣu ca). — Перевод следует здесь толкованию Девабодхи (см.: Devabodha 1947: 6).

⁶⁸ Чакравака — птица, род дикого гуся, казарка (Anas casarca); по поверьям, чета этих птиц вынуждена разлучаться и тосковать по ночам; в древнеиндийской поэзии — символ супружеской любви и преданности (подобно голубкам в европейской традиции). Упоминаемые ниже бхарунда — мифические птицы.

⁶⁹ Джамбу — розовая яблоня, вечнозеленое дерево (Eugenia jambolana). Здесь имеется в виду мифическое гигантское дерево Джамбу, якобы осеняющее центральный материк земли, которому оно дало имя; оно же, как и этот материк, носит также название Сударшана (см. примеч. 45 к текущ. разд.). В индийской космографии каждому из материков принадлежит такой же вегетативный символ, дерево или растение, название которого присваивается и всему континенту (за исключением одного, носящего название птицы как своего символа). Из четырех стран-«островов», описываемых в этом разделе «Бхишмапарвы» (см. примеч. 48 к текущ. разд.), такое дерево-символ, кроме Джамбудвипы, имеет также Бхадрашва, а именно — Черное Манго (см. выше в предшествующем описании этой страны, имя, однако, у названного древа не заимствующей).

⁷⁰ Золото джамбунада (jāmbūnada) — неплавленное золото особой чистоты, происходящее, как считалось, из мифической реки Джамбу, образующейся из сока плодов дерева Джамбу в центре материка того же имени (см. примеч. 69 к текущ. разд.).

⁷¹ Свертывающий (saṃvartaka) — одно из названий космического огня, уничтожающего вселенную по истечении калпы или махаюги (см. примеч. 21 к разд. «Песнь Господа»); чаще локализуется на дне океана.

⁷² ...изошедшие из мира Брахмы... искушенные в Брахмане. — Мир Брахмы (brahma-loka) — высший мир небес, обитель душ благочестивых людей; под «изошедшими» подразумеваются достигшие его в прежнем рождении. Брахман здесь означает священное Слово (как синоним Вед).

⁷³ ...входят в Создателя дня. — Создатель дня (divākara) — обычный эпитет Солнца; здесь подразумеваются спутники Солнца, мифические мудрецы валаххильи (см.: Араньякапарва 1987: 735).

⁷⁴ Колесница же та — восьмиколесная... — Образ восьмиколесной колесницы воплощает здесь «низшую» природу Вишну (см. далее по тексту в «Песни Господа», гл. 29, ст. 4—5).

⁷⁵ Сжатие (saṃkṣera) и Развитие (vistara) [вселенной]... — Подразумевается ее гибель по миновании калпы и последующее воссоздание.

⁷⁶ Пожиратель жертвы (hutāśana) — обычный эпитет Агни; ср. ниже в одиннадцатой песни Гиты вселенский образ Вишну.

⁷⁷ Сута (sūta). — В эпосе так именуется обычно царский колесничий, сопровождающий своего повелителя в битвах, сочетая обязанности возницы с ролью барда, воспевающего затем как очевидец подвиги царя; суты прославляли также царских предков и в их традиции, как считают, и сложился героический эпос. См.: Араньякапарва 1987: 741.

⁷⁸ Арии и млеччи... — С древнейших времен индоарии отграничивают себя от млеччов (mlēccha), под которыми понимаются варвары, иноверцы, неарийские народности, пребывающие вне круга восходящей к Ведам культуры (см.: Индуизм 1996: 288).

⁷⁹ Река третьего неба (tridivā) — вторичное упоминание в тексте; повторяются и другие названия. Очевидно, одно название может принадлежать различным рекам.

⁸⁰ ...о странах, которые я назову. — В нижеследующем перечне сохранена в переводе характерная для оригинала форма множественного числа, объединяющая топонимию с этнонимией; некоторые названия повторяются, см. ниже.

⁸¹ ...дальние Капи... — В оригинале: arakāśayaḥ (перевод условный, ср. ниже: Дальние Кунти, Дальние Танганы).

⁸² Видарбхи Прибрежные (vidarbhānūpavāsikāḥ) — здесь, очевидно, название страны, расположенной вдоль по течению реки Нармады.

⁸³ Ванарасьи (vānarāsyāḥ) — букв. «обезьяноликие». Встречающиеся этнонимы-прозвища даются, как правило, без перевода; наиболее явные буквальные значения указываются далее в примечаниях.

⁸⁴ Марубхаумы (marubhaumāḥ) — букв. «жители пустыни»; возможно, подразумевается территория Марвара.

⁸⁵ Рубленные (urāvṛṣcāḥ) и Нерубленные (anurāvṛṣcāḥ) Сураштры — таково, вероятно, обозначение двух областей одной из стран Южной Индии (перевод условный).

⁸⁶ Двайдхеи (dvaidheyāḥ) — возможный перевод: «двуличные».

⁸⁷ Мадхуманы (madhumantaḥ) — букв. «медвяные».

⁸⁸ Каришаки (kaṛiṣakāḥ) — букв. «навозники».

⁸⁹ Пастушьи Болота. — В оригинале: gorālakacchāḥ.

⁹⁰ Мушаки (mūṣakāḥ) — букв. «грабители».

⁹¹ Копаны (koraṇāḥ) — букв. «гневливые».

⁹² Кекараки (kekarakāḥ) — букв. «косоглазые».

⁹³ Станапы (stanarāḥ) — букв. «сосунки».

⁹⁴ Хриши-Видарбхи (hṛṣīvidarbhāḥ) — возможный перевод: «Веселые Видарбхи».

⁹⁵ ...северные варварские племена... — Далее следуют этнонимы неарийских народностей Северной Индии, среди которых перечислены и пришельцы с севера, а также с запада: яваны с камбоджами, под которыми подразумеваются, очевидно, грекоязычные и ираноязычные жители Арахосии, гунны (hūṇa) и китайцы (cīna).

⁹⁶ Гиригахвары (giriḡahvarāḥ) — букв. «горные пещеры» (или: «жители горных пещер»).

⁹⁷ Хансамарги (haṇsamārgāḥ) — возможный перевод: «лебединые пути» (т. е. живущие на путях перелета лебедей или фламинго).

⁹⁸ ...дары трех ценностей... — См. выше, примеч. 57 к текущ. разд.

⁹⁹ ...волшебная корова... — В оригинале: kāmadiḥ, корова, дающая, как молоко, своему владельцу исполнение желаний; в индийской мифологии и поэзии — символ плодородия и изобилия.

¹⁰⁰ ...убежище для тел... богов и людей... — Комментарий Нилакантхи поясняет: земля кормит людей, они же поддерживают жертвоприношениями богов. Автор английского перевода указывает, что «земля» в тексте этой главы означает и мир (один из трех миров Вселенной), и один из первоэлементов (см. выше, примеч. 28; см.: Roy 1925: 25).

¹⁰¹ ...посредством договора (sāman), дарения (dāna), раздора (bhedā) и кары (daṇḍa)... — Здесь перечисляются четыре средства одоления внешнего врага в традиционной политической теории.

¹⁰² ...о коей должная и неукоснительная забота... проявлена. — Перевод основывается на комментарии Девабодхи, который в эпитете samyagacchidradarśinī, «проявляющая должную и неукоснительную [заботу]», усматривает связь с применением упомянутых выше (см. предыдущ. примеч.) традиционных политических средств (см.: Devabodha 1947: 7).

¹⁰³ Пушья — относительно редкое название четвертой юги, более известной как Кали-юга (соответствует железному веку греков).

ЗЕМЛЯ

(Главы 12—13)

¹ ...о протяженности [охватывающего ее] океана... — Подразумевается океан, в индуистской космографии кольцом окружающий центральный материк Джамбудвипу и отделяющий ее от первого из шести кольцеобразных же материков, расходящихся от нее концентрическими кругами (как центр мира рассматривается гора Меру на Джамбудвипе). Последовательность этих материков и разделяющих их кольцеобразных океанов (см. ниже их описание) варьируется в текстах эпоса и пуран (см.: Kirfel 1920: 57).

² Существует много островов... — В этом более широком значении употреблено здесь в оригинале слово dvīpa, означающее обычно «материк» (число коих ограничено семью, считая Джамбудвипу; см. предыдущ. примеч.).

³ Соленый (lavana) океан — в индийской космографии океан, охватывающий кольцом Джамбудвипу (см. примеч. 1 к текущ. разд.), отделяя ее от следующего материка (в этой версии — Шакадвипы). В большинстве пуранических версий за Соленым океаном расположен материк другого названия, Шакадвипа же отодвинута дальше к периферии, на предпоследнее место среди кольцеобразных материков.

⁴ Молочное море (ksīroda) — фантастический океан, окружающий кольцом Шакадвипу во всех версиях мифа, но — в соответствии с расположением этого материка — занимающий либо второе место от центра (как в тексте этой главы), либо шестое, предпоследнее (как в большинстве пуранических версий).

⁵ Ревати — двадцать восьмая накшатра (дзэта Рыбы).

⁶ ...по ним различаются варны. — Комментарий Девабодхи, которому следуют, очевидно, английские переводы (см.: Roy 1925/4: 27; Dutt 1897: 15), толкует varṇāntaram в подлиннике иначе — как «смешение (melaka) цветов» (Devabodha 1947: 7). В этом контексте, однако, varṇa может означать как «цвет» (буквально), так и варну, сословие.

⁷ ...от его красы потемнела [гора]. — В индуистской мифологии и иконографии красота Кришны связывается с темным цветом его кожи и передается горе, на коей он пребывает, — ее же название Шьяма (Śyāma) означает букв. «темный».

⁸ Бакула — вечнозеленое дерево *Mimusops Elengi*; в оригинале: kesara. Этот вариант перевода следует комментарию Девабодхи (см.: Devabodha 1947: 7).

⁹ ...страны... — В оригинале: varṣāḥ.

¹⁰ Дающая воду (jalada) — гора Малайя.

¹¹ Шака — тиковое дерево, указывается здесь в большинстве рукописных версий; вариант — бетель (rūga).

¹² ...там почитается Шанкара... — В других версиях говорится о почитании на Шакадвипе самого дерева, давшего имя материку; Шанкару (Шиву) в одной из версий этого текста заменяет Солнце (bhāskara), что может быть обусловлено идентификацией фантастической Шакадвипы с реальным Ираном или Сеистаном, откуда в раннее Средневековье пришел в Индию храмовый культ солнца.

¹³ Маги и Машаки... Манасы и Мандаги. — См. примеч. 77 к разд. «Протяжение...». Как явствует из дальнейшего текста, в действительности под этими названиями подразумеваются не страны, а четыре сословия, соответствующие четверем «варнам» древнеиндийского общества, по образцу которого и описывается население мифологической Шакадвипы; сами названия отражают проникновение в Индию (приблизительно с I в. до н. э.) иранского солнечного культа (см. предыдущ. примеч.). Maḡa, наименование наследственных жрецов этого культа (которое уже Геродот воспринимал как название племени), восходит к авест. moḡhu. Другие названия И. Шефтеловиц возводит: maśaka — к санскр. masak — «великий, знатный»; mānasa к (n)mana-za — «домашний»; mandaga (букв. «медлительный») — к среднеиранск. bandag — «слуга» (см.: Scheffelowitz 1983: 316).

¹⁴ ...закону и пользе... — См. примеч. 57 к разд. «Протяжение...».

¹⁵ ...океан, чьи воды — топленое масло (ghṛta)... — Океан, охватывающий следующий за Шакадвипой материк — Кушадвипу; в большинстве пуранических версий сдвинут вместе с этим материком дальше от центра, на четвертое место, как и указанный далее океан с водой из сыворотки (dadhimaṇḍodaka), окружающий почти во всех версиях Краунчадвипу, — на пятое.

¹⁶ Океан вина (suroda) — Во всех версиях сюжета окружает Шалмалидвипу, одна-ко в большинстве пуран этот материк помещается за вторым, Плакшадвипой, образуя второе от центра кольцо (т. е. на том месте, где в нашем тексте указана Кушадвипа).

¹⁷ На срединном острове... — Какой именно остров или материк имеется здесь в виду, остается неясным (см.: Kirfel 1920: 127). Названные далее горы Гаура и Кришна (букв. Белая и Черная), возможно, идентичны одноименным, упоминаемым в пуранах среди гор Кетумальи, запада Джамбудвипы (см.: Ibid.: 107); тогда следует полагать, что здесь подразумевается именно Джамбудвипа (и лучше переводить: «срединный материк»). В космографии пуран гора Гаура помещается севернее Кайласы, над знаменитым озером Биндусарас (см. примеч. 58 к разд. «Протяжение...»). Но в этом случае следует констатировать непоследовательность описания, которое здесь уже перешло к другим материкам. Отмечают значительное расхождение космографического описания в этом разделе «Бхишмапарвы» с большинством других версий (прямое соответствие обнаруживается только в версии «Падмапураны»), что позволило предполагать здесь искажение первоначального текста (см.: Ibid.: 57, см. также примеч. 45 к разд. «Протяжение...»). Но в пуранах называется также гора Гаура на Кушадвипе (см.: Mani 1975: 285), и не исключено, что и здесь, в «Бхишмапарве», под «срединным» подразумевается этот материк (как расположенный между Шакадвипой и Краунчадвипой, см. также примеч. 19 к текущ. разд.).

¹⁸ ...Кришна, образом своим близкая Нараяне... — Подразумевается, очевидно, что на это указывает совпадение названия горы с именем земного воплощения бога Вишну-Нараяны (Кришны).

¹⁹ ...Кешава... ниспосылает созданиям счастье. — Поскольку непосредственно вслед за этим (тремя строфами ниже) говорится о пребывании того же божества на Краунчадвипе, другой горе, здесь речь может идти о пребывании его и на Кушадвипе, соседнем материке (что более отвечает последовательности изложения). Неясно, кто подразумевается под именем Владыки созданий, о котором далее говорится как о пребывающем и на других материках (см. примеч. 27 к текущ. разд.).

²⁰ Куша (kuśa) — иначе называемая дарбха (darbha), трава Poa Cunosuroides, почитавшаяся священной и использовавшаяся во многих брахманистских ритуалах. См.: Индуизм 1996: 251.

²¹ Шалмали (śālmali) — шелковичное дерево Bombax Heptaphyllum с покрытыми шипами ветвями и красными цветами.

²² ...шесть главных гор. — В этом текст «Бхишмапарвы» тоже отклоняется от большинства пуранических версий, определяющих для всех материков, кроме последнего, семь главных гор. Тем не менее далее в описании число стран, лежащих между этими гор-

ными хребтами, — семь, как и в других версиях сюжета (названия гор и стран при этом варьируются).

²³ ...[жители...] в большинстве светлокожие... — Можно понять, что это относится только к последней из перечисленных стран, но, вероятно, имеется в виду материк в целом. В описании Краунчадвипы, как и в предыдущем (см. предыдущ. примеч.), названы шесть гор и семь стран и вообще не названы (в отличие от других версий, ср. также выше описание Шакадвипы) семь главных рек и четыре сословия. «Светлокожие», возможно, означает, что жители Краунчадвипы принадлежат к одному сословию («цвету»), как в других версиях к одному сословию (брахманов) относят всех жителей Пушкарадвипы. К этому матерiku непосредственно и переходит далее наш текст, опуская описание Шалмалидвипы и шестого материка, который вообще не назван в этом разделе; отмечается только, что они не имеют деления на страны (см. также примеч. 26 к текущ. разд.).

²⁴ На Пушкаре... — Имеется в виду Пушкарадвипа, последний материк, кольцом охватывающий все остальные. В большинстве версий на нем помещается кольцеобразный горный хребет Манаса (или Манасоттара), разделяющий материк на две страны, «внешнюю» и «внутреннюю».

²⁵ ...Владыка созданий... — См. примеч. 27 к текущ. разд.

²⁶ ...только одна вера... — В подлиннике: dharma, что в данном контексте может означать также священный долг, совокупность обязанностей, налагаемых принадлежностью к той или иной варне, сословию. Возможно, и здесь подразумевается, что жители этой (единственной) страны принадлежат к одному сословию (ср. примеч. 23 к текущ. разд.).

²⁷ Он — Царь, он — Благой... он — Прародитель... — Этот перечень эпитетов божества, именуемого здесь Владыкой созданий (rajaṛati, в индуистской мифологии — эпитет сыновей Брахмы, но в Ведах — имя бога-творца, прототип самого Брахмы), включает имя Шивы (Śiva — букв. «Благой») и наиболее употребительный в эпосе эпитет Брахмы (pitāmaḥa — «Прародитель»). Т. е. можно предполагать, что здесь это собирательный образ, объединяющий черты двух членов верховной триады индуизма (исключая соседствующего с ними Вишну; см. примеч. 19 к текущ. разд.), а также, вероятно, и других наиболее значительных богов индуистского пантеона. Упомянутый выше жезл (daṇḍa) — символ власти и кары — ассоциируется с образом Царя (царская власть олицетворяется прежде всего в образе Индры), и это — главный атрибут Ямы, бога смерти и посмертной кары.

²⁸ Сама (samā) — редко встречающееся название земли, лежащей за последним океаном, опоясывающим Пушкарадвипу, скалистой и необитаемой. Чаше «край света» остается в источниках без названия, сообщается только, что это — золотая страна, ко-

тору ю окаймляет снаружи стена гор Локалока, отделяющая зримый мир от вечной тьмы (см.: Kirfel 1920: 121). Деление ее на тридцать три «округа» (maṇḍala, см. ниже) далее никак не уточняется.

²⁹ ...четыре мировых слона... — В индуистской мифологии эти слоны поддерживают землю с четырех сторон как хранители стран света; зооморфные атрибуты антропоморфных Хранителей мира (локапалов; см.: Араньякапарва 1987: 737). Наш текст помещает их на Саме. Имена их варьируются в различных версиях; в «Падмапуране» имя третьего слона, здесь не названное, — Анджана; поскольку пропуск этот ничем не мотивирован, здесь в «Бхишмапарве» следует предполагать искажение текста (см.: Kirfel 1920: 122).

³⁰ ...с разверстыми висками и ртом. — Образ слона, находящегося в состоянии возбуждения в период «муста», когда у него на висках вскрываются железы, выделяющие мускус, — одно из общих мест в древнеиндийской литературе (см.: Карнапарва 1990: 247).

³¹ ...об исходе его... — Перевод следует здесь критическому изданию и комментарию Девабодхи, толкующему «исход» (niṅāpa) как «смерть» (maraṇa) (см.: Devabodha 1947: 7). Более отвечает содержанию главы чтение niṅmāpa, «размеры», принятое в Калькуттском издании.

³² ...день перемены луны (parvan)... — Имеются в виду дни новолуния, полнолуния и восьмой и четырнадцатый дни светлой и темной половины месяца (см.: Араньякапарва 1987: 738—739).

ПЕСНЬ ГОСПОДА

(Главы 14—40)

¹ Я — Санджая... — Санджая называет свое имя, обращаясь к слепому (см.: Вуйтенис 1981: 161). Повествование здесь забегает вперед.

² ...решился на игру твой сын... — Имеется в виду Дурьодхана, затеявший приведшую к войне роковую игру в кости, о которой рассказывается во второй книге «Махабхараты» (см.: Сабхапарва 1962).

³ ...кто... победил... царей... кто противостоял в бою... Рама, сыну Джамадагни... — Об этих победах Бхишмы упоминается в первой книге; о сражении у города Каши — в гл. 96, подробнее он сам рассказывает о нем в пятой книге (гл. 170, см.: Удьяюгапарва 1976: 335—336), о победе над сыном Джамадагни — в гл. 61 первой книги и еще дважды в этой главе. Подробно о единоборстве с этим героем (эпизод, связанный, как и упомянутая выше победа над царями, с историей похищения царевен Каши) Бхишма повествует в пятой книге (см. примеч. 10 к текущ. разд.).

⁴ ...отпрыск Васу... — В главе 96 первой книги и далее Бхишма объявляется зем-

ным воплощением младшего из восьмерых божеств Васу (обычно именуемого Прабхаса, Сияние, т. е. олицетворение небесного света).

⁵ Светило тысячи лучей (sahasraśmī) — солнце.

⁶ ...по велению Кауравы (kauravaśāsanāt)... — Один из случаев употребления родового имени kaurava в единственном числе. Подразумевается, вероятнее всего, Дурьодхана.

⁷ Огонь кончины мира. — В оригинале: kālāgni — букв. «огонь времени», космический огонь, уничтожающий Вселенную в конце каждого цикла ее существования (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»).

⁸ ...все пандавы... — Здесь подразумеваются братья Пандавы со всеми своими сторонниками.

⁹ Носитель ваджры (vajrabhṛt) — эпитет Индры. Ваджра — мифическое оружие бога-громовержца в его битвах с демонами, главный его атрибут (уже в «Ригведе»), воплощение грома (на англ. яз. обычно переводится: thunderbolt; на нем. — Donnerkeil. Т.Я. Елизаренкова переводит в гимнах «Ригведы»: «дубина грома». См.: Араньякапарва 1987: 734. См. также ниже примеч. 34 к текущ. разд.).

¹⁰ Обитель макар — море. Макара — мифическое морское животное, отождествляемое иногда с дельфином (см.: Араньякапарва 1987: 738). Под героями, окружавшими в бою Бхишму, как берега окружают море, могут подразумеваться противостоящие ему враги, и в предшествующих переводах принимается именно это значение: resist (Roy 1925/4: 34), oppose (Dutt 1897: 19), put a halt to him (Vuitenen 1981: 41). Но каузатив от paṅīṭ обычно имеет более нейтральное значение: «окружать, скрывать».

¹¹ Веданги (vedāṅga) — букв. «части Вед», цикл ритуальной и научной литературы, примыкающий к Ведам, древнейшим священным книгам, составляющим канон божественного «откровения» (см. ниже примеч. 52 к текущ. разд.), но в сам канон этот цикл не включается (см.: Индуизм 1996: 116).

¹² ...ради Амбы... — История похищения Бхишмой царевен Каши (Амбы и двух ее младших сестер), предназначавшихся им в жены его сводному брату Вичитравирью, занимает заключительную часть пятой книги (гл. 170—197, «Сказание об Амбе»), где она вложена в уста самого похитителя. С ней связаны упомянутые выше победы его над царями Каши и над Рамой, сыном Джамадагни (см. примеч. 3 к текущ. разд.). Гибель Бхишмы объясняется как осуществление мести за насильственное похищение Амбы, воплотившейся в Шикхандине в новом рождении (см.: Удьягопарва 1976: 335—361).

¹³ ...Духшасана, игрок... — В переводе сохранен порядок слов оригинала, однако эпитет «игрок» (kitava) относится, очевидно, к названному ранее Шакуни, обыгравшему Юдхиштхиру в собрании царей, о чем рассказывается во второй книге эпоса, «Сабхапарве».

¹⁴ О жизни пятерых братьев Пандавов в лесах в изгнании рассказывается в третьей книге, «Араньякапарве».

¹⁵ Йога (yoga). — Здесь термин используется в значении особого медитативного самососредоточения, дающего обретение сверхъестественных способностей. Об этом чрезвычайно многозначном понятии см. также в примеч. 56 к текущ. разд.

¹⁶ ...прежде он был женщиной... — История превращения дочери царя Друпады (воплотившейся в новом рождении Амбы) в мужчину излагается в «Сказании об Амбе» в пятой книге (см.: Удьяогпарва 1976: 365—374). См. примеч. 12 к текущ. разд.

¹⁷ ...с обвязанными ладонями... — Имеется в виду кожаная защитная лента, которой обертывали левую руку стрелки из лука (см.: Карнапарва 1990: 243).

¹⁸ ...знаменосцы, облаченные в шкуры черной антилопы и увенчанные мунджей... — Под знаменосцами подразумеваются, очевидно, сами цари, каждый из которых имел свою эмблему на знамени. Шкура черной антилопы со времен Вед почиталась священной, как и трава мунджа (род камыша, *Saccharum saga*), из которой плелись пояса для жрецов и венки, коим приписывалась магическая сила.

¹⁹ Мир Брахмы (brahmaloka) — высший из небесных миров, обитель душ благочестивых людей (см. выше примеч. 71 к разд. «Протяжение...»); означает, видимо, общее название небесного царства, индуистского рая, в котором различаются обычно отдельные сферы. Воины, павшие в битве, попадают, как правило, в царство Индры, расположенное тоже на высшем небе, но ниже мира Брахмы.

²⁰ ...десять полков. — Под полками (vāhīni) подразумевается здесь «акшаухини» (akṣauhīni), войсковое соединение четырех родов оружия (см. примеч. 37 к разд. «Протяжение...»): боевых колесниц и боевых слонов (по 21 870), конницы (65 610) и пехоты (109 350). Обычно термин «вахини» означает менее крупное подразделение (в одной акшаухини — 270 вахини).

²¹ Богиня удачи. — В подлиннике: Śrī, одно из имен Лакшми, богини красоты и счастья в индийской мифологии; под этим именем известна как покровительница царской власти, богиня удачи, сходная с римской Фортуной.

²² ...в конце юги... — Имеется в виду — в конце махаюги, см. выше примеч. 8 к разд. «Протяжение...» (см.: Индуизм 1996: 272, 477; см. также примеч. 217 к текущ. разд.).

²³ Созвездие Магха — десятая лунная стоянка, соответствует части созвездия Льва. Время прохождения луны через него приходится на месяц магха (январь—февраль); комментарий Нилакантхи усматривает здесь несовпадение со временем начала великой битвы, как оно определяется по другим указаниям в «Махабхарате», и толкует maghāviṣaya как «мир предков», куда отправляются души павших в бою (см.: Roy 1925/4: 40). Од-

нако, если учитывать традиционное представление о великой битве как о рубеже, отмечающем завершение череды веков, предшествующей последней юге (в гл. 140 пятой книги это объявляет Кришна в беседе с Карной, см.: Удйюгапарва 1976: 280), между тем как начало Кали-юги, согласно той же традиции, в пересчете на современное летосчисление приходится на февраль 3102 г. до н. э., т. е. как раз на время года, близкое месяцу магха (см.: Индуизм 1996: 224), это кажущееся несоответствие находит очевидное объяснение.

²⁴ Семь великих планет — Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. Под «малыми» планетами подразумевались мифические Раху и Кету, в которых усматривали причину солнечных и лунных затмений.

²⁵ ...в одной обители с Шакрой и Брахмой. — См. примеч. 19 к текущ. разд.

²⁶ Сын Грозного Солнца. — В оригинале: vaikartana, что можно перевести как «сын Рассекающего»; это один из главных эпитетов («отчество») Карны, сына бога Солнца.

²⁷ ...опустить оружие перед битвой... — В предшествующей (пятой) книге оскорбленный Бхишмой Карна дважды клянется не принимать участия в грядущей битве, пока будет жив его обидчик (см. гл. 61 и 165, Удйюгапарва 1976: 148, 328).

²⁸ Паурава и Калинга — здесь это имена-эпитеты царей названных народов. Обычное имя второго из них в шестой книге — Штрутаюс, которого не следует, очевидно, путать с двумя одноименными персонажами — царем Амбаштхи и другим воином стана Кауравов, который упоминается выше в этой же главе (в паре с Читрасеной, одним из сыновей Дхритараштры) в числе семерых лучников, возглавляемых Ашваттхаманом, сыном Дроны. Во второй книге «Махабхараты» имя царя Калинги — Штрутаюдха.

²⁹ Владыка ангов — вероятнее всего, Вришасена, старший сын Карны (который должен был замещать его во главе войска Анги на поле битвы), хотя прямого указания на это в тексте эпоса нет.

³⁰ Орудия (yantra) — всякого рода механические приспособления типа катапульты и т. п.

³¹ Сын наставника — Ашваттхаман, сын Дроны, наставника Кауравов и Пандавов в воинском искусстве.

³² ...Ганга у слияния с Ямуной. — В месте впадения Ямуны (Джамны) в Ганг отмечается контрастное разграничение не смешивающихся на некотором расстоянии более светлых вод притока и темного течения великой реки; место этого слияния почитается священным, и отмеченное явление становится предметом образных сравнений в индийской поэзии, как, например, в поэме Калидасы «Облако-вестник» (см.: Калидаса 1956: 53).

³³ Острие иглы (sūcīmukha) — один из видов боевого строя.

³⁴ Оружие грома — ваджра (vajra), перун; здесь — один из видов боевого строя (обычно это слово оставляем без перевода). Громовержец — эпитет Индры (в подлиннике: vajragāṇi, ср. примеч. 9 к текущ. разд.).

³⁵ ...царь вместе с братьями и сыновьями... — В разночтениях находим имя этого царя — Вирата, которое в критическом издании опущено. В четвертой книге «Махабхараты», носящей его имя, упоминаются трое сыновей и десятеро братьев Вираты. Не исключено, однако, что здесь подразумевается царь Юдхиштхира.

³⁶ ...с разверстыми висками и пастями... — См. примеч. 30 к разд. «Земля».

³⁷ Поводя грозной палицей... вел великое войско Бхимасена... — В подлиннике непереводаемая игра слов, основанная на буквальном значении имени Бхимасена — «Грозное войско».

³⁸ Певцы и сказители. — В оригинале: bandin и māgadha — наследственные певцы-панегиристы при царском дворе, нередко упоминаемые вместе, иногда также с сутами (sūta), певцами-колесничими, воспевающими победы своего патрона как очевидцы, сопровождая его в военных походах. Традиционно относятся к «смешанному» варнам (бандин — сын кшатрия и шудрянки, магадха — вайшьи и кшатрийки).

³⁹ ...все сыновья Дхритаращтры... — По-видимому, помимо старшего, Дурьодханы, упомянутого выше особо.

⁴⁰ Золотая колесница — постоянный атрибут Дроны (как и упомянутые далее гнедые кони), определяющий содержание одного из его эпитетов (rukmaratha — «Златоколесничный»).

⁴¹ ...братья Кекаи... — В предшествующих книгах упоминаются пятеро царевичей Кекаев; в пятой книге в гл. 19 они названы среди союзников Дурьодханы, которому привели одну акшаухини, однако далее, в гл. 22, о них же говорится как об изгнанных из своего царства и примкнувших к Пандавам; это характерное для эпоса противоречие и в дальнейшем отмечается в тексте «Махабхараты» (см.: Карнапарва 1990: 240).

⁴² ...на высокой колеснице... — В оригинале: uttaradhū. Это слово (которое Теланг находит «весьма сомнительным») Гангули переводит: fighter in the van («сражающийся впереди») (Roy 1925: 48; сходно Dutt 1897: 27), Й.А.Б. ван Бейтенен: northern commander («северный военачальник») (Buitenen 1981: 63).

⁴³ Найрриты (nairṛta) — букв. «сыны Беззакония», обычно — наименование разновидности демонов, но здесь, очевидно, название какого-то лесного племени, использующего в бою только примитивные виды оружия (хотя не исключено, что подразумеваются именно демоны, поскольку в битве участвуют и демонические существа). Ван Бейтенен, однако, переводит attasastra иначе: drawing their blades («обнажающие мечи»; см. там же).

⁴⁴ Связанные клятвою (samsaptaka) — воины, давшие обет победить или умереть в едином стремлении к поставленной цели. В «Махабхарате» так именуется обычно царь тригартвов с братьями, поклявшиеся убить в бою Арджуну. В третьей книге (гл. 240) о них говорится как о воплотившихся на земле демонах (см.: Араньякапарва 1987: 488).

⁴⁵ Шастры (śāstrāḥ) — традиционные отрасли знаний, научные дисциплины и трактаты (см.: Индуизм 1996: 457—458).

⁴⁶ «Где Кришна, там победа!» — Далее из текста не явствует, где Арджуна завершает повторение слов Нарады и продолжает говорить от своего имени.

⁴⁷ Ему [надлежит] победить; другое же его достоинство... — смирение. — Девабодха принимает чтение saṃpatāḥ, что можно перевести как «преемственность», вместо saṃpatāḥ, принятого в критическом издании; согласно его комментарию, следовало бы перевести: «Если же победа достанется тому [Дурьодхане], другое его достоинство — преемственность [в продолжении царского рода]» (Devabodha 1947: 10); т. е., очевидно, подразумевается, что победа придет к его потомкам. Но это толкование противоречит ясно выраженной раньше тем же Арджуной уверенности в победе Пандавов. Saṃpatāḥ можно перевести также: «благосклонность, благоволение».

⁴⁸ Предвечный Муж. — В оригинале: puruṣaḥ sanātanatamaḥ, что можно толковать также: «Первозданный дух» (о значении термина *пуруша* см. примеч. 130, 210 к тексту, разд.).

⁴⁹ Владыка Нетленного неба — так можно перевести употребительный эпитет Вишну-Кришны vaiṣṇava (см.: Араньякапарва 1987: 712), который в этой строфе создает игру слов в сочетании с akṣiṇhasāyaka — «нетленное, непритупившееся оружие».

⁵⁰ Хатское золото — золото из мифической страны Хатака, помещаемой в Западном Тибете, у озера Манас; она упоминается во второй книге (гл. 25) в числе стран, покоренных Арджуной (см.: Сабхапарва 1962: 195).

⁵¹ ...слева направо... — См. примеч. 50 к разд. «Протяжение...».

⁵² Священное откровение (śruti) — Веды, свод ведийской литературы.

⁵³ Тихие молитвы. — В подлиннике: ярау, молитва, которую полагалось произносить вполголоса, бормоча. Мантры — священные речения Вед, которым приписывалась магическая сила (см.: Индуизм 1996: 262—263).

⁵⁴ Золото с реки Джамбу — см. примеч. 70 к разд. «Протяжение...».

⁵⁵ ...жертвоприношений коня... — В оригинале: vājimedha, один из самых торжественных древних царских обрядов, обычно именуемый ашвамедха (см.: Араньякапарва 1987: 734); в эпосе число совершенных царем обрядов ашвамедха — показатель его имперского могущества (каждый отмечает победоносный завоевательный поход, длящийся год).

⁵⁶ Глава 23. — С этой главы начинается собственно «Бхагавадгита» («Песнь Господа»), канонический текст знаменитой поэмы, охватывающий восемнадцать глав (до гл. 40 включительно). Поздние комментаторы (Ямуначарья, Рамануджа) разделили текст на три части (śatka, т. е. по шесть глав) и дали название каждой части и главе. Часть первая — «Раздел о деянии» (kaṃṭha-kāṇḍa); название первой главы поэмы (главы 23 «Бхишмапарвы») в колофоне — «Йога горести Арджуны» (arjuna-viṣādayoga). Термин yoga, многозначный в тексте «Бхагавадгиты» (см. далее по тексту), повторяется затем в названии каждой главы, подчеркивая религиозно-ритуальный характер содержания поэмы, указывающей пути к духовному единению (yoga — букв. «соединение, связывание, сопряжение») человека с Богом, с высшей реальностью.

⁵⁷ ...поле дхармы (dharmaḥṣetra)... — С этого слова начинается поэма; понятие «дхарма» в широком значении («Священный Закон, вероучение, правда», см. выше примеч. 9 к разд. «Протяжение...») охватывает ее основное, религиозно-дидактическое содержание. На представлении о поле битвы как о «поле дхармы» основывается символическое толкование содержания «Махабхараты» в целом, которым и обусловлено в традиции признание ее священной книгой индуизма (в этом плане «Бхагавадгита» может рассматриваться как концептуальное ядро всего свода, дающее ключ к такому толкованию, см.: Гринцер 1974: 326; о значении понятия «дхарма» в контексте поэмы см. также наст. изд., с. 286—288). См. также примеч. 1 к разд. «Протяжение...».

⁵⁸ ...к наставнику... — Речь идет о Дроне, общем наставнике Кауравов и Пандавов в военном искусстве, а также и Дхриштадьумны, сына Друпеды, главнокомандующего армии Пандавов, упоминаемого далее.

⁵⁹ Не надежна та наша сила, ограждаемая Бхишмой... — В оригинале: arāḡyāpta — букв. «недостаточный»; этому значению противоречат, по-видимому, указания на численное превосходство Кауравов, и потому текст вызывает различные толкования у комментаторов и переводчиков. Предлагаемое некоторыми (напр., С. Радхакришнаном) другое значение — «не ограничена» — не подтверждается текстами, как и значение «неодолима, непобедима» (Гояндка и др.). Заслуживает внимания толкование В.С. Семенцова, связывающего здесь определение силы той и другой армии с названными полководцами (со ссылкой на комментарий Ведантадешики, считавшего, что слова Дурьодханы отражают его недоверие к Бхишме, склонному, в отличие от необузданного Бхимы, щадить противника, — в дальнейшем это подтверждают его обращенные к Бхишме упреки; см.: Семенцов 1985: 145, 223—224). Не представляется, однако, удачным в переводе Семенцова введение эпитета «старый», не имеющего соответствия в оригинале. Сомнение Дурьодханы в «достаточности», или надежности, своей армии вызвано, очевидно, не возрастом полководца, а его уязвимостью в бою (из-за его отказа сражаться с Шикхандином, что действительно имеет роковые последствия для Бхишмы), предвидя которую царевич и заклинает всех (в следующей же строфе) позаботиться прежде всего о его защите. Р. Ээнер принимает, видимо, такое же толкование, вставляя в своем переводе перед

именем Бхишмы though («хотя сам Бхишма...», см.: Bhagavad Gītā 1969: 114). Ван Бейтенеен вслед за Болле принимает чтение (указанное Бхаскарой), отличное от критического издания, меняющее имена Бхишмы и Бхимы местами, что снимает вышеупомянутую проблему (см.: Buitenep 1981: 69; см. также: Sharma 1986: 18). Во всяком случае именно Бхишма войско Кауравов «ограждает» от поражения (abhi-rakṣ можно перевести также: «предводительствовать, командовать»). См. также: Бхагавадгита 1956: 244—245.

⁶⁰ Ему... старейший из рода Куру... — То есть Бхишма — Дурьодхане.

⁶¹ Здесь названы боевые раковины братьев Пандавов (см. выше примеч. 7 к разд. «Протяжение...»): Паундра — по названию местности в низовьях Ганга, откуда, по-видимому, была добыта; Анантавиджая (anantavijaya, букв.: «бесконечно победная»); Сугхоша (sughoṣa, «благозвучная»); Манипушпака (manipuṣpaka, «бриллиантово-цветочная»).

⁶² Три Мира (trailokya). — Подразумеваются небо, земля и подземное царство, т. е. вся вселенная.

⁶³ ...этих разбойников. — В оригинале: ātatāyin. В «Законах Васиштхи» (см.: Vāsiṣṭha 1883/3 гл. 19) это слово толкуется в широком значении «преступник» (перечисляются шесть видов преступлений: поджог, отравление, вооруженное нападение, грабеж, лишение земли, прелюбодеяние); несколько иную классификацию приводит в комментарии к этому стиху Шридарасвамин (см.: Бхагавадгита 1956: 249).

⁶⁴ Смещение сословий. — В оригинале: varṇasaṃkara. В древнеиндийских религиозно-дидактических текстах предостережения против запретного «смещения варн» являются общим местом; в них явно отражается стремление ортодоксального брахманства противостоять действительному процессу разложения древней системы четырех варн (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), восходящей, как полагают, к индо-иранской (если не к индоевропейской) общности. Начало этого процесса можно отнести, видимо, уже ко времени сложения ранней версии эпоса (см.: Индуизм 1996: 112; Бонгард-Левин, Ильин 1985: 299—306).

⁶⁵ ...лишенные приношений. — В оригинале: piṇḍa — ритуальные лепешки или клецки (рисовые и т. п.), употребляемые при обряде поминовения усопших — шраддха (см.: Индуизм 1996: 464—465).

⁶⁶ ...законы касты. — В оригинале: jātidharma. Перевод «каста» в этом тексте условен, поскольку окончательное оформление кастовой системы происходит значительно позднее эпохи сложения «Бхагавадгиты» (см.: Бонгард-Левин, Ильин 1985: 301). Поэтому многие переводчики предпочитают здесь значение «род, племя» (jāti — букв. «рождение»). С другой стороны, некоторые следуют традиционному толкованию, не различающему в этом тексте значений varṇa и jāti (см.: Бхагавадгита 1956: 250).

⁶⁷ ...нам поведано... — В оригинале: глагол *anu-śru*, обозначающий обычно ссылку на традицию Вед.

⁶⁸ ...среди битвы... — Предложенный Б.Л. Смирновым перевод «в размышлении» (см.: Бхагавадгита 1956: 165) не соответствует оригиналу.

⁶⁹ Глава 24. — В колофоне название второй главы поэмы — «Йога рассуждения» (*sāṃkhyāyoga*). Такой перевод предлагает В.С. Семенцов (см.: Семенцов 1985: 8). Термины санкхья и йога, в более узком смысле обозначающие определенные религиозно-философские системы или «школы» (даршаны), входящие в число ортодоксальных шести, признанных в индуизме, здесь употребляются, очевидно, в значении более широком (о йоге см. примеч. 56 к текущ. разд.). Тем не менее в названии этой главы их нередко оставляют без перевода, что может дать основание понимать их именно как обозначения упомянутых двух школ (традиционно объединяемых в одну из трех пар индуистских даршан), между тем как окончательно они сложились, несомненно, в более позднюю эпоху (см.: Индуизм 1996: 161—163). Оба термина повторяются в тексте главы, с которой, собственно, и начинается изложение религиозно-философского учения «Бхагавадгиты». Под «рассуждением» (*sāṃkhyā*) здесь понимается, очевидно, учение о преходящей природе материального мира, воспринимаемого органами чувств, и об отрешенности от деятельности этого мира непреходящего духовного начала — Атмана. Кришна излагает это учение начиная со стиха 11, причем сам термин *ātman*, утвердившийся в индуистской традиции для обозначения этой духовной субстанции, в тексте главы не употребляется (далее в ст. 55 это слово можно понимать скорее в ином значении; см. примеч. 101 к текущ. разд.). Наставление в йоге, которая понимается здесь в «техническом» смысле — как совокупность приемов психической тренировки, способствующей достижению высшего знания (Эджертон в своем переводе везде передает йога словом *discipline*, это английское слово удачно сочетает в себе значения «тренировки» и внутренней настроенности, дисциплинированности), следует далее в речи Кришны начиная со стиха 48 (этому же целиком посвящена шестая глава поэмы; см. также: Семенцов 1985: 86). В тех же значениях, соответственно, «рассуждения (знания)» и «тренировки (деятельности)» эти термины употребляются и в других местах в «Гите».

⁷⁰ Жалости грех сокрушает мой дух. — В предшествующих русских переводах: «сострадание». Но жалость (*kāraṇya*) рассматривается здесь как слабость, грех (*doṣa*) для кшатрия (понятию сострадания, такого негативного оттенка не имеющему, больше соответствовало бы в санскрите *krā*); с другой стороны, совершенно искажает смысл высказывания принятое некоторыми индийскими переводчиками на английский значение «малодушия» (см. у Гояндки: *faint-heartedness*); ван Бейтнен переводит: *vice of despair* («грех отчаяния»). «Дух» — в оригинале: *svabhāva* — букв. «свое естество, природа», понятие многозначное; С. Леви понимает именно как «боевой дух» (*instincts de guerrier*) (см.: Бхагавадгита 1956: 252).

⁷¹ ...относительно долга! — В оригинале: dharma. Растерянность Арджуны вызвана именно противоречием между понятием долга, воспрещающего кшатрию уклонение от битвы (круг обязанностей, определяемый принадлежностью к своей варне, — одно из главных значений слова dharma), и моральным законом, охраняющим интересы рода. Следующий непосредственно за тем вопрос героя ставит прежде всего этическую проблему долга («что делать?») — преобладание этического начала характерно для учения «Бхагавадгиты», как и для исторически предшествующей ему проповеди Будды. Однако в тексте строфы подразумевается, очевидно, вместе с указанным и более широкое значение слова дхарма (см. примеч. 57 к текущ. разд.), поэтому предпочтительнее, может быть, переводить: «Закон» (у ван Бейтенена: the Law) или оставить слово «дхарма» без перевода.

⁷² ...научи меня... — Этот призыв Арджуны занимает важное место в композиции поэмы, построенной в традиционной для древнеиндийских дидактических текстов (начиная с Упанишад) форме беседы, в которой правильная постановка вопроса не менее существенна, чем содержание, заключенное в ответе. О беседе как одном из основных видов словесных контактов в «Махабхарате» см.: Невелева 1991: 171—177; Невелева 1988: 137—150; см. также о практике мировоззренческого диалога в древней Индии: Парибок 1989: 22—31; см. в этих же работах о ритуальных истоках этой литературной формы. В.С. Семенцов указывает на внутреннюю связь вопроса Арджуны, обращенного к собеседнику перед противостоящим войском, с образной символикой центральной, одиннадцатой (33) главы поэмы; в ней же и заключается, по существу, ответ на этот «вопрос-образ» (см.: Семенцов 1985: 71).

⁷³ ...ведешь мудрые речи... — Переводчики усматривают в этих словах Кришны противоречие с последующим указанием на расхождение речей Арджуны с мнением истинных мудрецов (пандитов). Здесь предполагают либо иронию, либо искажение текста; чаще, однако, объясняют видимое противоречие тем, что Кришна признает мудрость этих речей лишь относительно некоторых распространенных истин, отвергая вывод, к которому приходит Арджуна. Эджертон предлагает иной перевод, согласно которому Арджуна только толкует «о мудром» (about wisdom); сходно Семенцов: «Говоришь о вещах ты мудрых...» В некоторых рукописях далее следует строфа, объясняющая заблуждение Арджуны состраданием (напрасным), которое он испытывает к родичам (см.: Бхагавадгита 1956: 254—255; Bhagavad Gītā 1969: 124—125).

⁷⁴ Воплощенный (dehin). — Имеется в виду воплощенная в теле душа; словами «душа», «дух» (soul, spirit, Seele, Geist, âme) и передают обычно этот термин европейские переводчики.

⁷⁵ Соприкосновения с предметами... — В оригинале: mātrasparṣa; под mātra понимаются в терминологии философских текстов Упанишад и эпоса предметы материального мира, доступные восприятию органами чувств (о расхождении в понимании этой

строфы, где речь идет или о чувствах, или — согласно Раманудже — объектах чувств, см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 180).

⁷⁶ ...непостоянные, перенося их... — Р. Зэнер указывает, что термин anitya («непостоянный»), Упанишадам несвойственный (появляется только в «Катха-упанишаде», на которую «Гита», очевидно, ориентируется), играет важную роль в учении раннего буддизма; противопоставление непостоянного и постоянного, продолжающееся в следующих строфах, перешло в учение санкхьи, как полагает Зэнер, именно из буддизма (см.: Bhagavad Gītā 1969: 125—126). Б.Л. Смирнов переводит titikṣasva как «противостань им», ссылаясь на Дж. Томсона, усматривавшего здесь предписание отрешения от воздействия внешнего мира с помощью йогической практики (см.: Бхагавадгита 1956: 255—256). Скорее, однако, имеется в виду именно преходящий характер или нереальность этих ощущений, не затрагивающих сокровенную, неуничтожимую сущность человека, Атман (см. примеч. 69 текущ. раздела), что подтверждается дальнейшим развитием этой мысли в тексте. Семенцов переводит: «равнодушен будь к ним» (см.: Dasgupta 1952: 490).

⁷⁷ Разумный (dhīra). — Другой вариант перевода: «мудрый»; некоторые переводчики, следуя не Шанкаре, но Раманудже, останавливаются на ином значении: «стойкий» (см., напр.: Senar 1984; Bhagavad Gītā 1966; Бхагавадгита 1956).

⁷⁸ От Не-Сущего... от Сущего. — Понятия Сущего (sat) и Не-Сущего (asat), восходящие к знаменитому космогоническому гимну «Ригведы» (X. 129), занимают заметное место в онтологических спекуляциях индийских философов раннего периода (ср. в не менее знаменитом «Поучении Уддалаки» в «Чхандогья-упанишаде»: VI. 2 и далее). В «Гите» значение этих понятий (sat как «истинно-сущего») толкуется ниже, в главе 39 (см. ст. 26—28). Шанкара и Рамануджа оба понимают здесь под asat «тело», материальную природу (иначе: prakṛti). Р. Зэнер противопоставление sat и asat в «Гите» толкует как противопоставление высшей реальности (Атмана-Брахмана) и Природы, феноменального мира (см.: Bhagavad Gītā 1969: 128—129). Буквального перевода этих терминов, однако, обычно избегают; Семенцов переводит их здесь: «то, что есть» и «что не есть»; Зэнер: what is and what is not; ван Бейтенен переводит: There is no becoming of what did not already exist... и т. д. Зэнер переводит bhāva («бытие» в нашем переводе) так же: becoming, однако оговаривается, что перевод может быть подвергнут сомнению, поскольку слово это в «Гите» имеет значение не столько «становления», сколько «природы» (nature), «сущности» (essence). Шанкара толкует bhāva как «существование» (bhavana, astitā) (см.: Bhagavad Gītā 1969: 127—128).

⁷⁹ Предел обоих... — В оригинале слово anta допускает различные толкования, что отражается в переводах. Так, Дж. Томсон принимает значение «предел, конец» (true end), но чаще избирается другое: «предел, граница» (Р. Гарбе: Grenze; Й. ван Бейтенен: boundary) или «граница, различие» (А. Шлегель: discrimen); С. Леви переводит: terme, что, как и русское «предел», может пониматься в обоих значениях: «конец» и «граница»

(как и эстонское *piir*; у Л. Мьяля: *piirid*, «границы») (см.: Бхагавадгита 1956: 257); Семенцов переводит: «этих двух состояний основу».

⁸⁰ ...неуничтожимо То, чем все это проникнуто. — Уже в ведийских текстах указательное местоимение *tad* («То», ср. р.) употребляется для обозначения абсолютной реальности, Брахмана (*brahman*, ср. р.), концепция которого, как и идея тождества его с человеческой душой, развиваемая далее в поэме, разрабатывается начиная с Упанишад (см.: *Bhagavad Gītā* 1944/2: 37; Dasgupta 1938: 473—476). «Проникнуто» — так толкуют *tatam* в оригинале Шанкара, Рамануджа и большинство переводчиков; Зэнер указывает, что буквальное значение слова — «соткано» (*spin*), и переводит соответственно; подразумевается, что Вселенная («все это») возникает из Того, как паутина из паука (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 129—130).

⁸¹ ...тела вечного воплощенного... неизмеримого... — Под «воплощенным» подразумевается душа (в оригинале здесь *śarīrin*, однозначное с *dehin*) (см. примеч. 74 к текущ. разд.). Однако Зэнер, вопреки общепринятому толкованию, подчеркивает, что в «Гите», как и в Упанишадах, это слово означает эмпирическое, индивидуальное «я», но не высшего Атмана-Брахмана, о котором идет речь в предшествующей строфе. «Неизмеримый» (*arameya*) Шанкара и Рамануджа толкуют как непостижимый обычными средствами познания (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 131).

⁸² Кто думает о нем... его не убивают. — Уже П. Дейсен указал на параллель в «Катха-упанишаде» (I. 2. 19): «Если убивающий думает, что убивает; если убитый думает, что убит, То оба они не распознают [истины], — он ни убивает, ни убиваем» (пер. А.Я. Сыркина). В «Гите» под «ним» подразумевается «воплощенный», душа (см. предыдущ. примеч.). Непосредственно следующей дальше строфе поэмы (20) еще ближе текст «Катха-упанишады», непосредственно предшествующий цитированному (т. е. I. 2. 18). Оба входят в знаменитое поучение Ямы в повести о Начикетасе, одном из ранних изложений учения о карме, о посмертной судьбе человека (см.: Катха 1967: 103). В последнее время, однако, исследователи приходят к выводу, что текст концептуально принадлежит именно «Гите» и заимствование здесь скорее обратное (см.: Васильков 1999: 22—23, со ссылкой на М. Ежича; см. примеч. 286 к текущ. разд.).

⁸³ Не рождается он... не умерщвляется он, когда умерщвляется тело. — Как указывает Зэнер, текст в «Катха-упанишаде», который воспроизводится здесь частично, подразумевает не индивидуальное «я», как в «Гите» (см. примеч. 81 к текущему разд.), а именно Атмана-Брахмана; он не видит здесь противоречия со строфой 13, но констатирует сочетание в тексте «Гиты» идеи тождества этого «я» и Брахмана и, с другой стороны, вовлеченности его как «воплощенного» в процесс перерождений (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 132—133).

⁸⁴ ...как... такой человек может... обречь смерти и кого может убить? — Несколько отклоняется от принятых переводов этой строфы Семенцов: «...разве... Он убивает? Разве

Он побуждает к убийству?» Т. е. предполагаемое действие относится в такой интерпретации именно к «воплощенному». Действительно, это, по-видимому, подразумевается, поскольку слово *riguṣa* в подлиннике может означать «дух», духовное начало, но здесь это слово относится собственно к субъекту знания и понимается в большинстве переводов в своем первом значении: «человек» (см.: Dasgupta 1952: 466).

⁸⁵ Непроявленный (*avyakta*). — Это понятие разрабатывается уже в Упанишадах, но там к «душе», к Атману, обычно не прилагается; в «Катха-упанишаде» (см.: Катха 1967, гл. 3, строфа 11) оно означает природную субстанцию, которая «выше» Атмана. Семенцов понимает это слово здесь в ином значении — «невообразимого» (см. его перевод), основываясь, видимо, на комментарии Шанкары, отмечающего здесь невозможность выразить то, что не воспринимается чувствами (сходно и толкование Рамануджи, см.: Bhagavad Gītā 1969: 135; Dasgupta 1952: 471). О других значениях *avyakta* в «Гите» см. ниже.

⁸⁶ Не проявлены существа... по кончине своей... — Здесь опять может подразумеваться «непроявленность» вечной души, внешним отражением которой является временное телесное воплощение между рождением и смертью. Тем не менее и материальное начало признается вечным в учении «Гиты» (см.: Bhagavad Gītā 1944/2: 24). Семенцов переводит, отходя от буквальной передачи (что, возможно, предпочтительней): «Не проявлено тварей начало...» и т. д. (сходно у Эджертона: *The beginnings of things are unmanifest...*; Эннер: *Unmanifest are the beginnings of contingent beings*). Ван Бейтенен переводит: *...with creatures their beginnings are unclear...*

⁸⁷ ...праведная битва. — В оригинале: *dharmya*, что можно перевести также: «битва во имя долга»; подразумевается «дхарма», как определяемая принадлежностью к варне кшатриев обязанность воина (см. примеч. 71 к текущ. разд.).

⁸⁸ Эта мудрость... отринешь узы деяния. — С этой строфы начинается развитие новой темы; от «рассуждения» (*sāṃkhyā*), рационального объяснения истинной природы души (подразумеваются приведенные выше определения «воплощенного»), Кришна переходит собственно к йоге (мы переводим здесь и далее *yoga* как «сопряжение», перевод предложен Вл. Ивановым; о значении слова *yoga* см. примеч. 56 к текущ. разд.), которая относится к «рассуждению» как практика к теории (так переводит в этой строфе Эннер: *in theory; how it should be practised*; так же ван Бейтенен: *theory; practice*). Семенцов указывает, однако, что термин *sāṃkhyā* употребляется здесь в значении «йоги знания» (*jñāna-yoga*), тоже подразумеваемом, по-видимому, помимо рассуждения, какую-то практику, хотя текст и существующие комментарии суть этой практики оставляют неразъясненной (см.: Семенцов 1985: 73—74; Прабхавананда и Ишервуд переводят термин в этой главе: *knowledge*, т. е. здесь подразумевается учение о спасении через знание). В толковании этого стиха существуют разногласия между исследователями, но обычно под йогой понимают здесь именно «йогу деяния» (*karma-yoga*), некоторым об-

разом противопоставляемую «йоге знания» как альтернативный путь спасения, освобождающий от «уз деяния», т. е. кармы (см.: Bhagavad Gītā 1944/2: 63—64, где Эджертон, указывая, что уога может иметь также значение «метод», «средство», толкует это как противопоставление «практического» метода «интеллектуальному», соответственно он переводит здесь оба термина: Reason-method и Discipline method; Мьялль здесь переводит только первый термин: arutlus — «рассуждение», второй оставляя без перевода; см. также: Dasgupta 1952: 451, 455—456; о переводах этих терминов см. также примеч. 69 к текущ. разд.). Под «мудростью» (buddhi), считает Ээнер, подразумевается здесь учение Кришны, но указывает, что в «Гите» этот термин обычно означает «душу» (soul), отсылая к ст. 41 главы 24 (см.: Zaehner 1969: 139, 141—142). Большинство переводчиков, однако, принимает значение «разум», «мудрость» (см. об этом примеч. 128 к текущ. разд.). Эджертон переводит: mental attitude — «умонастроение». Ван Бейтенен же понимает buddhi здесь и ниже как «дух» (spirit) решимости (см.: Buitenen 1981: 162). В нашем переводе «мудрость» подразумевает именно не «разум», «интеллект», а некое знание, которое можно «поведать».

⁸⁹ Не станет в том усилии тщетным... ограждает от великой опасности. — Ван Бейтенен поясняет значение этого стиха: деянию, одушевленному духом решимости (buddhi), в достижении цели ничто не может воспрепятствовать (см. примеч. 88 к текущ. разд.). «Тщетное» — в оригинале: pratyavāya, Эджертон переводит буквально: reverse — «противоположное», что понимают и как возможность обратного результата (см.: Bhagavadgītā 1986: 73—74); Ээнер: slipping back — «откат назад» сходно в нашем переводе; ван Бейтенен: obstacle to completion — «препятствие завершению»). Под «праведностью» (dharma) понимается здесь прежде всего исполнение долга своей варны (см. примеч. 87 к текущ. разд.). Под «великой опасностью», согласно Шанкаре и Раманудже, понимается saṃsāra, мирская юдоль, круговорот рождений и смертей; Ээнер указывает параллель этому выражению в «Катха-упанишаде», VI. 2 (см.: Bhagavad Gītā 1969: 142).

⁹⁰ Разум решимостью одушевлен... разум нерешительных. — В оригинале: buddhi, мы переводим здесь: «разум». Ээнер переводит здесь и далее: soul (см. примеч. 88 к текущ. разд.) и толкует стих как утверждение, что сущность души есть воля (см.: Там же: 143). Под «решимостью» (vyavasāya) понимается здесь, согласно Дасгупте, единственно правильное решение, принятие которого позволяет сосредоточиться в неуклонном стремлении к высшей цели (см.: Dasgupta 1952: 484). Семенцов переводит, может быть, более точно, хотя не буквально: «превращенная здесь в решимость, мысль единственна...» Под «нерешительными» (Ээнер переводит: devoid of will — «лишенные воли»), согласно ван Бейтенену, имеются в виду ритуалисты, в осмыслении и выборе деяния (обряда) соотносящиеся с различными школами («ветвями») Веды (см.: Buitenen 1981: 162).

⁹¹ ...мудрость в сосредоточении. — О различных переводах и толкованиях понятия buddhi (в нашем переводе: «мудрость» или «разум») см. примеч. 88 и 90 к текущ. разд.

Под «сосредоточением» (*samādhi*; Семенцов оставляет этот термин без перевода) понимается особое состояние сознания, состояние предельной внутренней сосредоточенности (см.: Семенцов 1985: 87; см. также: *Bhagavad Gītā* 1969: 143, где Зэнер подчеркивает противоположность его состоянию экстаза), максимально освобождающее от воздействий внешнего мира — конечный результат йогической практики (недостижимый для ритуалистов, одушевляемых желаниями, — см.: Buitenen 1981: 163; автор усматривает в этом стихе непереводимую игру слов). Традиционные комментарии (Шанкара, Шридхара) толкуют термин *samādhi* как обозначающий здесь безраздельную поглощенность души устремлением к Богу или как сам объект стремления (см.: Dasgupta 1952: 452, 484).

⁹² Три нити-качества. — В оригинале: *traiguṇya*, т. е. совокупность трех «гун» (*guṇa* — букв. «нить»); это чрезвычайно многозначное слово как термин часто оставляют без перевода. Три «гуны» в учении санкхьи — три природных начала, взаимодействием которых определяются все процессы материального мира и проявления человеческого характера (см.: Араньякапарва 1987: 736; Индуизм 1996: 154—155). Ниже мы переводим термин «гуны» как «свойства» (оба перевода условны); Зэнер переводит: *constituents* — «составляющие», т. е. элементы (материальной природы). «Трех нитей совокупность», о которой говорит Кришна в этой строфе, означает принадлежность материальному миру, связывающую душу его законами и воздействиями на органы чувств, — освободиться от этой зависимости он призывает Арджуну (см. далее по тексту).

⁹³ Двойственность — двойственное, равнодушное отношение к противоположностям (напр., к радости и страданию; стать выше подобных антиномий «Гита» призывает и в дальнейшем).

⁹⁴ Истовость (*sattva*) — одна из трех гун, начало всего благого, ясного, просветляющее и умиротворяющее (избранный перевод термина, близкий к буквальному, предложен А.В. Парибком, см.: Индуизм 1996: 395—396). Ему противопоставляются начала «страстности» (*rajas*) — активное, будоражающее, нарушающее покой, — и «косности» (*tamas*) — пассивное, цепенящее, вводящее в заблуждение, темное. Некоторые переводчики, однако, понимают здесь *sattva* не как обозначение гуны (поскольку Кришна только что призвал Арджуну к отрешению от гун) и избирают другие значения слова: истинность (Хилл: *reality*; то же в эстонском переводе), отвага (Теланг: *courage*), стойкость (Гангули: *patience*), чистота (ван Бейтенен: *purity*) и т. п. Но и Шанкара, и Рамануджа подтверждают, что именно гуна имеется в виду в этом контексте; Кришна призывает отрешиться от «трехкачественности» и от «двойственности», но преодолеть противоположность раджаса и тамаса в единой гуне, по природе своей приводящей к гармонии (см.: *Bhagavadgita* 1956: 266, но *sattva* здесь переводится как «реальность»; см. также: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 181, *Bhagavad Gītā* 1969: 144; Семенцов оставляет «гуна» и «саттва» без перевода).

⁹⁵ Утвердившийся в сопряженности... уравновешенностью зовется... сопряжение. — Зэнер указывает, что термин *yoga* в начале этого стиха (в нашем переводе: «сопря-

женность»), как и в конце его, употребляется в несколько ином значении, чем выше, в ст. 39, подразумевая некое управление, осуществляемое разумом (buddhi), и слияние воедино (с высшим началом), а также «уравновешенность» (в оригинале: samatva — букв. «ровность», как и переводит Семенцов; Зэнер же понимает это как «тождество и безразличие» — sameness-and-indifference, что есть знак Абсолюта, Брахмана, см. Bhagavad Gītā 1969: 145—146)). Таким образом «уравновешенность» объявляется здесь необходимым условием и самой сутью «сопряжения» (йоги). Шанкара под «уравновешенностью» понимает именно душевное равновесие в исполнении долга при безразличии к личному успеху или неудаче — с душой, устремленной к Богу (см.: Bhagavadgītā 1948: 122). Ван Бейтенен тоже переводит йога в этой строфе по-новому (ср. в примеч. 88 к текущ. разд.): application — букв. «приложение (усилий)», понимая это как устремление духа (buddhi-yoga) к действию. Предшествующая строфа определяет право на деяние — в оригинале: adhikāra, что ван Бейтенен рассматривает как термин, принятый ритуалистами (мимансаками) (об этой даршане см.: Индуизм 1996: 275—277) для обозначения права на совершение обряда; «Гита» признает необходимость обрядов, но отвергает всякую заинтересованность в результате (см.: Buitenen 1981: 163).

⁹⁶ Сопряжение мудрости (buddhi-yoga) — «устремление духа», если следовать толкованию ван Бейтенена (см. примеч. 95 к текущ. разд.). Семенцов, однако, понимает здесь этот термин как равнозначный jñāna-yoga, «йоге знания» (см.: Семенцов 1985: 74; см. также примеч. 88 к текущ. разд.).

⁹⁷ Сопряженный с мудростью отрешается здесь... умение в деяниях. — Зэнер понимает здесь buddhi-yukta иначе и в соответствии со своим толкованием термина предлагает несколько значений: «объединенный душою» или «с душою», «совершает духовное упражнение» (performs spiritual exercise with the soul) (см.: Bhagavad Gītā 1969: 147). Ван Бейтенен переводит: armed with this singleness of purpose — «вооруженный этим единством цели». «Здесь» — т. е. в этом мире, в земной жизни. Под «умением» (kauśala) подразумевается здесь именно умение избежать уз, налагаемых деянием (см.: Buitenen 1981: 163). Под «деяниями» комментаторы понимают именно исполнение долга (см. примеч. 95 к текущ. разд.).

⁹⁸ ...что предстоит услышать и что услышано. — Под «услышанным» (śruta) понимается священный текст Вед, откровения; «предстоит услышать» — очевидно, имеются в виду основанные на этом тексте толкования ритуалистов. Здесь и в следующей строфе новое учение проповедует преодоление «йогой мудрости» ведийского ритуализма (см.: Bhagavadgītā 1948: 122).

⁹⁹ Откровением смятенный... — То есть сбитый с толку лишенными единой направленности текстами откровения, Вед.

¹⁰⁰ Твердый в понимании (sthitaprajña). — Семенцов переводит: «нерассеянный мыслью». Тема сосредоточенности мысли (достигаемой йогической практикой и от йоги

неотъемлемой) занимает важное место в учении «Гиты» (см.: Dasgupta 1952: 491), как и образ обладающего ею мудреца-подвижника, описание которого непосредственно после вопроса Арджуны заключает вторую главу (см.: Sachse 1988: 35—38).

¹⁰¹ ...собою внутри себя удовлетворенный... — Семенцов переводит: «пребывая в себе, рад собою» (в оригинале: *ātmani evātmanā tuṣṭaḥ*); сходно большинство переводчиков. Зэнер, однако, считает, что *ātmani* означает здесь не просто возвратное местоимение, но подразумевает именно Атмана, бессмертную душу, о которой шла речь выше (ст. 13—30) как о «воплощенном» (см. примеч. 69, 74 к текущ. разд.). О понятии Атман, входящем к Упанишадам, см.: Индуизм 1996: 66—67.

¹⁰² Предметы отвращаются от невкушающего... кто узрел Высшее. — «Невкушающий» (*nīṅāhāra*) Эджертон понимает буквально, в значении постящегося, но и Шанкара, и Рамануджа толкуют *āhāra* именно как объекты чувств. Вкус (*rasa*) — т. е., очевидно, влечение к этим предметам. Эджертон, однако, настаивает здесь на буквальном понимании: *flavour* (*Bhagavad Gītā* 1944/1: 181). «Высшее» (*param*) Рамануджа толкует в значении «иной, запредельный», т. е. находящийся за пределами восприятия органами чувств; Шанкара же толкует это как высшую реальность (*paramārtha-tattva*), Брахман; и Зэнер указывает, что именно такое значение приобретает слово *param* в Упанишадх, как и в «Гите», где оно равнозначно понятиям «непреодолимого» (*akṣara*), Брахмана и Атмана (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 152; см. также примеч. 69 и 80 к текущ. разд.).

¹⁰³ ...на мне сосредоточенный. — Здесь Кришна впервые определенно связывает сосредоточение мысли в йоге (см. примеч. 91 к текущ. разд.) со всепоглощающим стремлением к Богу.

¹⁰⁴ ...гибель разума... — В оригинале: *buddhināśo*. Зэнер переводит: *destruction of the soul*, что понимает как разрушение интеллекта и воли, нервное расстройство (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 154). Семенцов переводит: «мысли гибель».

¹⁰⁵ ...с чувствами, Себе подчиненными... — В оригинале: *ātmaśāya*. Здесь слово *ātman* используется, очевидно, не просто как возвратное местоимение, но именно в значении Атмана (см. примеч. 101 к текущ. разд.), что и передаем заглавной буквой в переводе: «Себе». У Семенцова: «...свои чувства власти атмана подчинивший...»

¹⁰⁶ ...разум его утверждается... — В оригинале: *buddhi*, что ван Бейтенен переводит здесь и далее: *singleness of purpose* — «единство цели». Семенцов переводит: «...установится мысль недвижно».

¹⁰⁷ Несопряженный. — В оригинале: *ayukta*, т. е. тот, кто не предан йоге, в отличие от «сопряженного» (*yukta*), преданного стремлению к единению, «сопряжению» с Брахманом (см. примеч. 88, 95, 97 к текущ. разд.). Ван Бейтенен переводит *yukta* буквально: *yoked* «впряженный»; Семенцов: «кто... стоек в йоге».

¹⁰⁸ ...нет разума (buddhi), нет осознания (bhāvana)... — О различных переводах термина buddhi см. примеч. 88, 90 к текущ. разд.; так же различно толкуют комментаторы и переводчики слово bhāvanā (см.: Bhagavad Gītā 1969: 155). Эджертон понимает его как «действенность» (efficient-force) или «религиозная деятельность» (religious effort), «технический термин» мимансы (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 181); сходно переводит ван Бейтенен (power to bring things about — «способность осуществления»); сходно и у автора эстонского перевода; Дж. Гояндка понимает это как «мысль о Боге» (см.: Bhagavadgītā 1986: 105); у Семенцова: «созерцание». Перевод «тренировка, упражнение» подсказан А.В. Парибком как предпочтительный.

¹⁰⁹ Брахмическое состояние (brāhmī sthitiḥ). — Шанкара толкует это словосочетание как «пребывание в Брахмане» (brāhmaṇi bhāva), Рамануджа — как «достижение Брахмана» (brahmargārika), Эджертон понимает это как некое состояние сосредоточенности на едином (fixation), приводящее к достижению Брахмана (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 181); Гояндка толкует это состояние как состояние души, осознавшей Бога (см.: Bhagavadgītā 1986: 114); Ээнер подчеркивает в нем момент неподвижности (как и переводит Дейссен: Feststehen), замирания в экстазе (см.: Bhagavad Gītā 1969: 158).

¹¹⁰ Угасание в Брахмане. — В оригинале: brahma-nirvāṇa. Термин «нирвана» (букв. «угасание», возможен перевод: «умиротворение, блаженство», но обычно это слово оставляют без перевода), редко употребляемый вне буддийской литературы, свидетельствует здесь, как полагают, «об определенной близости Гиты к атмосфере духовных поисков раннего буддизма» (Семенцов 1985: 73). К.-Т. Теланг понимает здесь nirvāṇa как блаженство слияния с Брахманом (см.: Bhagavadgītā 1882: 66; его переводу: Brahmic bliss — следует и Гояндка). Семенцов оставляет сложное слово «Брахма-нирвана» без перевода. Ээнер и ван Бейтенен, следуя, очевидно, Раманудже, толкуют его как отождествление обоих понятий. В палийском каноне, указывает Ээнер, слово brahma-nirvāṇa не встречается и введено в индуизм, по-видимому, «Гитой» (см.: Bhagavad Gītā 1969: 159).

¹¹¹ Глава 25. — В колофоне название третьей главы поэмы — «Йога деяния» (karma-yoga) (см. примеч. 88 к текущ. разд.).

¹¹² В этом мире... для сопряженных. — Перевод терминов в этой строфе (как и везде) условен. Под «рассчитывающими» (saṅkhyā) подразумеваются постигающие высшую истину на пути к спасению через «рассуждение», «теоретически»; под «сопряженными» (yogin) — следующие собственно йоге, т. е. йогической практике, однако оба «метода» обозначаются в оригинале термином yoga (который Эджертон и переводит соответственно, см. примеч. 88 к текущ. разд.). О значениях и различных переводах терминов saṅkhyā и yoga и о совпадении первого с понятием «знания» в сочетании jñāna-yoga («йога знания», в нашем переводе: «сопряжение путем знания») см. примеч. 69 и 88 к текущ. разд. (см. также: Bhagavad Gītā 1969: 161—162).

¹¹³ [Власть] деяния. — Подразумевается закон кармы, определяющий посмертную судьбу в новом рождении (см.: Индуизм 1996: 230—231).

¹¹⁴ Отречение (sannyasana). — Имеется в виду отречение от мира, которое учением Упанишад предписывается на последней стадии жизни (см.: Индуизм 1996: 390). Ср., однако, далее по тексту (гл. 28. 2).

¹¹⁵ Непривязанный (asakta). — Подразумевается не привязанный (желанием обладания) к чувственным объектам окружающего мира (Энер переводит: detached — «беспристрастный», ван Бейтенен: disinterestedly — «незаинтересованно»; наш перевод совпадает с переводом Семенцова).

¹¹⁶ ...[только] виной... которые варят для себя. — Почти дословное совпадение с текстом «Законов Ману» (см.: Законы Ману 1960/3: 118), из которого мы добавили в нашем переводе слово «только» (kevalam), в «Гите» отсутствующее.

¹¹⁷ ...жертва осуществляется деянием. — Под «деянием» (karma) здесь понимается именно обряд, на что указывают и Шанкара, и Рамануджа (см.: Bhagavad Gītā 1969: 166). Семенцов переводит: «жертв источник — священное действие» (ср.: Законы Ману 1960/3: 76).

¹¹⁸ Знай... в жертве утвержден. — Существуют различные толкования этого стиха, относимого к трудным для понимания. Эджертон не видит логической последовательности в ст. 14—15. Термин Брахман (brahman, n.) в первой строке стиха комментаторы и переводчики обычно понимают в значении совокупности священных текстов откровения, т. е. Вед, но Рамануджа, ссылаясь на текст «Гиты» (14. 2), толкует его здесь как равнозначный понятию материальной природы (prakṛti), тела, с чем согласен Эджертон (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 181), понятие же Непреходящего (akṣara), что обычно означает священный слог «ом», Рамануджа здесь толкует как индивидуальную душу (jīvātman); но Шанкара именно akṣara понимает в значении Атмана-Брахмана, от которого происходит Веда, священное Слово; и далее в «Гите» (8. 3) понятия brahman и akṣara отождествляются (см.: Bhagavad Gītā 1969: 167). Семенцов раскрывает значение ритуальных реминисценций в этом стихе и указывает, что понятие akṣara, слог «ом», означает непрерывность и непреходящую длительность ритуального слова, порождающего и сам жертвенный обряд, «деяние» (см.: Семенцов 1985: 224).

¹¹⁹ Кто за вращением этого колеса здесь не следует... — «Здесь», т. е. в этом мире. Образ колеса Брахмана (или Атмана) в Упанишадах выступает как символ вселенной (см., напр.: в Шветашватара 1967: гл. 1, строфы 4—6 и коммент. к изд.: Упанишады 1967: 277); Гояндка связывает «вращение колеса» с представлением о циклическом процессе творения, о чем идет речь выше, в ст. 14 (см.: Bhagavadgītā 1986: 136). Семенцов раскрывает образ в своем переводе: «Колесо это жертв и действий...», т. е. под следованием «вращению колеса» подразумевается исполнение религиозных обязанностей и обрядов (см. также: Sachse 1988: 66—67).

¹²⁰ ...кто лишь в Себе ищет радость... для того забот не существует. — Здесь возвратное местоимение ātman означает, очевидно, именно Атмана («в Себе» — т. е. в сокровенной глубине души), и потому Семенцов оставляет его без перевода: «...которому атман... радость дарует...» и т. д. Далее он переводит: «...для него не важны предписанья».

¹²¹ Ибо... деянием... единение мира. — Джанака, легендарный царь Видехи, упоминается в числе излагающих новые учения в Упанишадах. Как «единение мира» мы переводим loka-saṃgraha (сходно с пониманием Семенцова: «миров целокупность», так же у Мялля, автора эстонского перевода), хотя saṃgraha может означать просто «благо, благосостояние» (как переводит, напр., Сенар: le bien du monde; сходно Зэнер; вообще толкования переводчиков здесь сильно расходятся, см.: Bhagavad Gītā 1969: 169).

¹²² Что ни творит... тому и следует мир. — С этой строфы начинается наставление смертному о подражании Господу в своих деяниях, следующее, как указывает Семенцов, структуре ритуального ведийского текста (см.: Семенцов 1985: 64). К этому подводит призыв действовать ради единения мира в предшествующей строфе.

¹²³ ...все деяния он да усладит. — Буквальный перевод. В существующих переводах отражаются различные толкования текста. Зэнер переводит: let him encourage — «пусть поощряет». Перевод Семенцова следует толкованию Шанкары: «...пусть людей к делам побуждает» (так же Радхакришнан, Гояндка), однако значение каузатива от juṣ в оригинале этому не вполне отвечает. Ближе к буквальному перевод Дейссена: ...veranlassen... mit Freudigkeit zu tun — «побуждать действовать с радостью» (сходно Эджертон). Подразумевается, видимо, что мудрый должен направить на путь истинный невежественных людей так, чтобы они получали от деяний удовольствие.

¹²⁴ О деяниях... он их творец. — «Свойства природы» (то же, что «качества»; см. примеч. 92 к текущ. разд.) — термины guṇa и prakṛti — Семенцов оставляет без перевода. «Самость» — условный перевод термина ahaṃkāra (принятый и предшествующими русскими переводчиками «Гиты»); в системе санхьи он означает сознание Я (ego), происходящее непосредственно от разума (buddhi) и восходящее через него к изначальной материи (prakṛti).

¹²⁵ Ведающий же суть... не привязывается. — То есть знающий, что все действия происходят из «свойств» (guṇa) материи, не приписывает их себе и не связывается ими. Семенцов, как везде, оставляет здесь этот термин без перевода: «...гуны вращаются в гунах»; ван Бейтенен раскрывает значение в переводе: the forces are operating on the forces — «силы воздействуют на силы».

¹²⁶ ...в высшего Себя... — В оригинале: adhyātma, что может также означать Высший Дух (так переводит Эджертон: over-soul; Семенцов оставляет без перевода: «...только атмана мыслью зная...») или Бога. Ван Бейтенен переводит: universal self, т. е. достаточно близко к этому, и указывает, что в начале этого стиха, если учитывать содержа-

ние предшествующего, prakṛti, по существу, отождествляется с Богом (см.: Buitenen 1981: 164; см. также примеч. 207 к текущ. разд.; о значении слова adhyātma в «Гите» см. также: Bhagavad Gītā 1969: 173).

¹²⁷ ...этот [мир]... — Иначе переводит Теланг: следуя Шанкаре, под «этим» (idam) он понимает не «мир» (как большинство других переводчиков), а «знание» (так же Гарбе, Гояндка). Но под словом «это», когда опускается определяемое, в поэме чаще понимается именно мир, вселенная, и едва ли следующая строфа содержит ненужный повтор, который подразумевается упомянутым толкованием.

¹²⁸ ...сознание (manas) и разум (buddhi)... — Перевод этих терминов здесь условен. Первый термин (Семенцов оставляет его без перевода, в английских переводах обычно: mind, у Эджертона: thought organ — букв. «орган мысли»; Семенцов же именно так переводит второй термин) в санскхье означает ум, сознание (Эджертон как consciousness, напротив, переводит buddhi). Это шестой элемент имеющей материальную природу психики, дополняющий пять чувств, т. е. сенсорных органов: indriya или buddhindriya — органы восприятия — глаз, ухо, нос, язык и кожа; к ним добавляются еще пять органов действия: karmendriya — гортань, рука, нога, задний проход, половой орган. Значение «чувства» или «память» (meel) избирает эстонский перевод. Мы переводим здесь manas как «сознание»; подразумевается: то, что дает возможность «осознания», будучи на более низком уровне по отношению к «разуму» (в другом контексте manas переводим: «мысль»; иногда также: «душа»; Семенцов переводит: «сердце» — или оставляет без перевода). Что касается понятия buddhi, то некоторые исследователи особенно подчеркивают его функцию «вместилища или памяти», оцениваемой «по ее содержанию и способности содержать» спасительное знание (см.: Brassard 1999: 94; также: Armstrong, Ravindra 1979: 331). Согласно санскхье, в процессе эволюции материи «разум» возникает первым из «непроявленного» (avyakta), промежуточную стадию между ним и «сознанием» или «мыслью» занимает «самость», «самосознание» (см. примеч. 124 к текущ. разд.). О толкованиях и переводах термина buddhi см. также примеч. 88, 130 и 305 к текущ. разд.

¹²⁹ Знание (jñāna) и познание (vijñāna) — Согласно Шанкаре, под первым следует понимать знание высшей истины, воспринятое из священных книг, под вторым — знание, основанное на личном опыте и подчиненное традиции (Шанкаре следуют переводы Теланга, Эджертона, Зенера). Иногда эти понятия различают как знание духовное, восходящее к откровению, и знание, опирающееся на логическое рассуждение (см.: Bhagavadgītā 1948: 149; так переводит ван Бейтенин: insight and knowledge). Иначе различает Гояндка: как знание Абсолюта (Брахмана) и знание, помимо этого, воплощенного Бога (см.: Bhagavadgītā 1986: 169). См. также примеч. 223 к текущ. разд.

¹³⁰ Чувства называют... то Он. — Он — то есть Атман, высшая реальность, как толкуют Шанкара и другие комментаторы. Текст строфы отсылает, очевидно, к «Катха-

упанишаде» (I. 3. 10), где, однако, выше чувств ставятся «предметы» (artha), а выше Атмана в этой иерархии названы (в следующем стихе) Непроявленное (avyakta) и далее Дух (prāṇa). Как отмечает Зэнер, и «Катха», и «Гита» отклоняются от традиционной схемы санкхьи, в которой между manas и buddhi стоит ahaṁkāra (см.: Bhagavad Gītā 1969: 177). Означенную параллель игнорирует Рамануджа, толкующий «он» в конце стиха как «желание» (kāma), о котором идет речь в предшествующей строфе; Раманудже (в отличие от большинства) следует Семенцов в своем переводе: «...еще выше стоит вожделье».

¹³¹ Глава 26 — В колофоне название четвертой главы поэмы — «Йога знания» (jñāna-yoga) или «Йога знания и отрешения от деяний» (jñānakarmasamnyāsa-yoga; возможен другой перевод — «Йога знания, деяния и отрешения»). В самом тексте поэмы термин jñāna-yoga (см. примеч. 112 и 340 к текущ. разд.) встречается лишь дважды, что, как замечает Семенцов, не позволяет установить «точный объем его значения» (см.: Семенцов 1985: 73).

¹³² Это непреходящее учение... Ману его изложил Икшваку. — Как «учение» переводится здесь термин yoga (чаще его оставляют здесь без перевода) (см.: Семенцов 1985: 225); в сходном значении — «учения» или «знания» — он употребляется в названиях глав в колофонах (см. примеч. 56 к текущ. разд.). Уже Дж. Томсон отметил, что учение «Гиты» в этом тексте приписывается не брахманской, но кшатрийской традиции и связывается с именами легендарных царей Солнечного рода, «царственных мудрецов» (см.: Бхагавадгита 1956: 289). Характерно, что реформаторское по сути учение освящается здесь авторитетом глубокой древности (см. далее по тексту, где оно именуется «древним»; см. также: Bhagavadgītā 1948: 152).

¹³³ Преданный почитатель. — В оригинале: bhakta — слово, совмещающее оба значения, производное от того же корня, что и bhakti, одно из важнейших понятий вероучения индуизма (см. далее по тексту); Семенцов оставляет здесь это слово без перевода: «Лишь тебе Я доверил, о бхакт мой...»

¹³⁴ Хотя не рожден я... я себя являю. — Как отмечает Зэнер, в этом стихе Кришна впервые открывает Арджуне свою божественную природу. «Над своей природою», т. е. над подвластной ему материей (prakṛti), что подчеркивают некоторые переводы (Семенцова, Зэнера, ван Бейтенена: nature which is mine). «Майя» (māyā) — термин, который в древних текстах означает сверхъестественную магическую силу, волшебство; о понятии māyā как творческой энергии Бога (так и переводит Зэнер: my creative energy) см. далее по тексту. Радхакришнан в этом контексте определяет его как «свободная воля Бога» (Bhagavadgītā 1948: 152).

¹³⁵ Когда ни случается... создаю себя сам. — В этой строфе, развивающей мысль, выраженную в предшествующей, усматривают становление индуистской доктрины аватар, «нисхождение» бога Вишну в этот мир (см.: Bhagavad Gītā 1944/2: 53).

¹³⁶ ...подвигом [того] знания очистившись, в мое бытие вошли. — То есть достигли высшей цели — освобождения от уз мирского бытия (сансары). «Подвиг» здесь имеет значение подвижничества (в оригинале: tapas), и возможен перевод: «подвижничеством и знанием (мудростью)» так у Зэнера; но здесь скорее сравнивается познание высшей истины, проповедуемой Кришной, с подвижничеством. «Мое бытие» (или «состояние» — mad-bhāva) Радхакришнан толкует как сверхъестественное бытие Бога (см.: Bhagavadgītā 1948: 157); здесь это понятие, по существу, отождествляется с понятием Брахмана.

¹³⁷ ...моим путем... последуют люди... — Второе полустипхи дословно повторяет текст ст. 23 в предшествующей главе. Шридхара толкует это здесь как путь почитания Бога, но Зэнер полагает, что воле Бога, как подразумевается, следуют только осознавшие изложенные выше истины — о власти его над материей и его воплощениях в этом мире (в ст. 6, 8, см.: Bhagavad Gītā 1969: 186).

¹³⁸ Желающие успеха... деяниями рожденный. — Под «деяниями» (karman) подразумеваются в этой строфе именно ритуальные действия, жертвоприношения богам (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 45).

¹³⁹ Свойства и деяния. — Согласно Шанкаре, гуны («свойства») соотносятся здесь с четырьмя варнами (sattva — брахманы, rajas — кшатрии, tamas — шудры, вайшьи сочетают в своей природе последние две). «Деяния» — обязанности, предназначенные Богом для каждого сословия. О парадоксальном характере комментируемого Шанкарой отрешения Бога от деяния см.: Bhagavad Gītā 1969: 187.

¹⁴⁰ ...в недеянии видит деяние... — Как поясняет Шанкара, дух (Атман) отрешен от деяния, тело же лишено покоя; на этом основывается здесь своего рода диалектический подход к проблеме различения «деяния» (karman) и «недеяния» (akarman); последнее Рамануджа трактует как «познание Атмана» (ātmañāna); для мудрого деяние неотделимо от знания (см.: Bhagavadgītā 1948: 163).

¹⁴¹ ...мысль и себя обуздавший... — В оригинале: yata-cittātman. Перевод следует здесь толкованию Шанкары, понимающего ātman как возвратное местоимение (в отличие от Рамануджи), как «себя» в смысле именно телесном (последнее отвергает Зэнер; см.: Bhagavad Gītā 1969: 190).

¹⁴² ...свершающего деяние как жертву... — Как указывает Эджертон, «жертва» означает здесь различные виды обрядов; следующее далее их перечисление подразумевает ритуализацию физической и ментальной деятельности во избежание умножения бремени кармы — само по себе деяние с ним необязательно связывает (см.: Bhagavad Gītā 1944/2: 57, 78).

¹⁴³ Приношение есть Брахман... ради Брахмана. — Шанкара очень неясно толкует эту строфу; Рамануджа видит здесь в Брахмане суть всякого деяния (обряда, с кото-

рым он отождествляется). Дасгупта, ссылаясь на комментарий Шридхары, указывает, что Брахман в этой строфе означает Бога (см.: Dasgupta 1952: 474). Семенцов сопоставляет ее со ст. 9(31). 16, где в тех же выражениях говорит о себе в первом лице Господь, и далее приводит толкование Абхинавагупты: «Брахман — средство жертвоприношения, т. е. то, из чего все происходит и куда затем опять входит, есть Брахман; все существующее в виде этого мира, есть жертва; в Брахмане, т. е. в тихом огне высшего постижения, Брахманом, т. е. любим ритуальным действием, она жертвуется, т. е. приносится в огонь Брахмана для увеличения его (человека) сияния; тот йогин, чья сосредоточенность состоит именно в таком действии, соединяется с Брахманом, т. е. познает именно Его, не иное что-либо, поскольку иного не существует» (цит. по: Семенцов 1985: 75); далее Абхинавагупта указывает на тождество понятия «Брахман» и «я» в контексте данной строфы (см.: Там же: 130).

¹⁴⁴ ...жертву... богам... жертвенное возлияние. — От жертвы Брахману, о которой говорится выше, отличается жертва богам ведийского пантеона (daivayajña); с этой строфы начинается перечисление различных видов ритуальных действий, составляющих «сопряжение [путем] обряда» (karma-yoga) и направленных на обретение истинного знания (см.: Семенцов: 76). Шанкара считает, что здесь под «жертвой», которая приносится Брахману, подразумевается душа, Атман (см.: Bhagavadgītā 1948: 163).

¹⁴⁵ Иные приносят жертву... на огни чувств. — Эта строфа, как и непосредственно следующие за нею, посвящена йоге как «аскетической практике» (близкой тому, что называется «хатха-йогой») (см.: Индуизм 1996: 438); она осмысливается здесь как приношение в жертву деятельности чувств (т. е. их обуздание) и «предметов чувств» (т. е. отрешение от чувственных объектов) (см.: Семенцов 1985: 76).

¹⁴⁶ Жизненные силы (rṅāṇa). — Семенцов, как многие другие переводчики, оставляет здесь термин без перевода («...действия пран в этом теле...»). Это понятие (rṅāṇa — букв. «дыхание») восходит к Упанишадам, где под ним разумеются пять органов чувств (дыхания или обоняния, речи, зрения, слуха и мышления) (см.: Чхандогья 1967: гл. 7 строфа 1). Речь идет о разновидности «пранаямы», йогического регулирования дыхания (rṅāṇāyāma — букв. «сдерживание дыхания») (см. далее по тексту), для установления контроля над потоком сознания.

¹⁴⁷ Жертва сопряжением (yoga-yajña). — Неясно, что имеется в виду. Шанкара понимает это именно как регулирование дыхания, Рамануджа — как паломничество (см.: Bhagavad Gītā 1969: 194).

¹⁴⁸ Жертва чтением и познанием. — «Чтение» (svādhyāya) означает здесь рецитацию священного (ведийского) текста, которой как особому ритуальному действию приписывалась магическая сила; цель — постижение мудрости откровения (см.: Семенцов 1985: 41—45).

¹⁴⁹ Сдерживание дыхания. — См. примеч. 146 к текущ. разд. Семенцов оставляет этот термин (как и другие в этой строфе) без перевода: «...так, дыханий пути преграждая, пранаяму аскеты свершают».

¹⁵⁰ ...дыханиями дыханием приносят жертву. — Прием пищи сам по себе рассматривается в Упанишадах как жертвоприношение пранам («жизненным дыханиям») (см., напр.: Чхандогья 1967: гл. 19), т. е. отказ от пищи означает принесение в жертву самих этих «дыханий».

¹⁵¹ ...приносятся в уста Брахмана. — Этот текст толкуют и переводят различно. Сначала А.В. Шлегель и некоторые другие приняли толкование Шанкары, считающего, что здесь под Брахманом понимаются Веды, что, однако, вслед за Гарбе решительно отверг Эджертон; он же понимает brahmaṇo mukhe как «пред ликом Брахмана (Бога)» или просто «пред Брахманом» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 182). Ван Бейтенен полагает, что под «устаами Брахмана» подразумевается священный огонь, на котором сжигается жертва (см.: Buitenen 1981: 164).

¹⁵² Всякое деяние... достигает совершенства в знании. — «Жертвоприношение знания» (jñāna-yañña) объявляется в этой строфе выше «вещественного» (см. в гл. 26 ст. 28), которое, согласно Раманудже, лишь подготавливает эту высшую жертву (само оно при этом отнюдь не отвергается). Строфа резюмирует учение о деянии (karma-yoga): смысл бескорыстного деяния в том, что оно «превращается в знание» (перевод, предложенный Семенцовым), иначе: «уничтожается в знании» (см.: Семенцов 1985: 76—78). На эту строфу обращает особенное внимание Шанкара (также на ст. 36, 37 гл. 26), в своем комментарии именно знанию (jñāna) отдающий предпочтение перед преданностью (bhakti) на пути к спасению (см.: Callewaert, Hemraj 1982: 89).

¹⁵³ ...узришь все существа... во мне. — Речь идет о том, что все существа едины с Богом (см.: Bhagavad Gītā 1944/2: 60—61), и с ним же сопоставляется здесь сокровенный дух человека, Атман (см.: Bhagavad Gītā 1969: 196).

¹⁵⁴ Ибо нет здесь... преуспевший в сопряжении. — «Здесь», т. е. в этом мире, в земной жизни. Указывается, что спасительного знания можно достигнуть посредством йог («сопряжения по пути») деяния (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

¹⁵⁵ Удалившего деяние сопряжением... — То есть йогий очистившего свои деяния от бремени кармы (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

¹⁵⁶ Глава 27. — В колофоне название пятой главы поэмы — «Йога отрешения от деяния» (karmasamnyāsa-yoga).

¹⁵⁷ Утвердившийся в отрешении. — В оригинале: nityasamnyāsīn — букв. «постоянно (т. е. навсегда) отрешенный». Начиная с Упанишад «отрешенным» (санньясином) именуется человек, вступивший в четвертую, последнюю стадию жизни (ашраму), странник.

отринувший все земное, посвятивший себя всецело избавлению от круговорота повторных рождений (сансары).

¹⁵⁸ Рассуждение и сопряжение. — См. примеч. 88 к текущ. разд.

¹⁵⁹ ...со всеми существами Душою единый... — Подразумевается осознавший себя (в оригинале: ātman) в единстве с Атманом всего сущего (см. примеч. 173 к текущ. разд.).

¹⁶⁰ ...отдав свои деяния Брахману... — Согласно Шанкаре — посвятив их ему бескорыстно; согласно Раманудже — осознав, что деяния в действительности принадлежат Брахману. Под Брахманом здесь понимают Бога (см. примеч. 143 к текущ. разд.); однако Рамануджа отождествляет здесь Брахман с «природой» (prakṛti), подразумевая, как можно понять, иллюзорность всякого деяния (см.: Bhagavadgītā 1948: 178). Семенцов, принимая это толкование, поясняет: понимая, что активна лишь природа, человек видит себя (Атман) недействующим (см.: Семенцов 1985: 225). Эджертон отождествление Брахмана с prakṛti считает здесь неоправданным (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 182).

¹⁶¹ Девятивратный град — град воплощений, т. е. тело. «Девять врат» — глаза, уши, ноздри, рот и два органа выделения. Образ восходит к Упанишадям, где число «врат» чаще — одиннадцать (добавляются пуп и черепной шов), см., напр.: Катха 1967: гл. 2, строфа 1.

¹⁶² Ни деятельности... движется самосушая природа. — Под «деятельностью» (калька с оригинала: kartṛtva) понимается здесь некая сущность деятеля (способность к совершению действий, как и переводит Теланг: capacity of performing actions); возможен и небуквальный перевод: «ни деятелей...» (у Семенцова: «...ни действий, ни свершителей их...»). «Самосушая природа» — в оригинале: svabhāva (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

¹⁶³ Всепроникающий (vibhu) — обычный эпитет Бога (Брахмы, Вишну или Шивы) начиная с эпоса. Но здесь, если принять толкование Рамануджи, как и в предшествующих строфах (13—14), подразумевается не Бог, но Атман как душа познавшего истину (см.: Bhagavadgītā 1948: 180; Bhagavad Gītā 1969: 208—209; Buitenen 1981: 165).

¹⁶⁴ Но для тех... то Высшее. — В оригинале, как и в переводе, «Себя» (т. е. Атман) может быть отнесено и к «незнанию», и к «знанию» («незнание Атмана» либо «Атмана знанием»). «То Высшее» (tatparam — букв. «запредельное») Шанкара толкует как «суть высшей истины» (paramārthatattva), подразумевая высшую реальность (см.: Bhagavadgītā 1948: 180).

¹⁶⁵ На ученого... взирают мудрые. — Шанкара соотносит перечисленных первых трех с тремя гунами: брахман представляет саттву, корова — раджас, слон — тамас. «Псоделец» (śvaparāka) — пария, занимающий низшее социальное положение, вне кастовой иерархии (собака почиталась в Индии нечистым животным, прикосновение к кото-

рому оскверняет). Указывают, что подобный отказ от сословных и кастовых предрас- судков сближает «Гиту» с ранним буддизмом (см.: Muilius 1980: 108).

¹⁶⁶ Творение — обычное значение слова *sarga* в оригинале, но здесь оно толкуется как «природа смертного», «мир рождений и смертей» (в переводе Семенцова: «сансара»).

¹⁶⁷ Тот, чья Душа сопряжена в постижении [истины] с Брахманом. — «Душа» — в оригинале: *ātman*; подразумевается отрешение ее от внешних воздействий, необходимое для «постижения» (в этом значении здесь в оригинале: *yoga*) истины единства Атмана и Брахмана, что и означает слияние этой Души (Атмана) с Брахманом (см.: Buitenen 1981: 165). Гояндка понимает здесь *yoga* как самоотождествление с Брахманом путем медитации (см.: Bhagavadgītā 1986: 259).

¹⁶⁸ ...с Брахманом слианный, достигает угасания в Брахмане. — «С Брахманом слианный» — в оригинале: *brahma-bhūta* — букв. «ставший Брахманом» (как и переводит Семенцов). «Угасание в Брахмане» или «умиротворение в Брахмане», — как переведено то же слово в следующей строфе, — Ээнер и ван Бейтенен здесь, как и выше, толкуют иначе; Семенцов (как и Эджертон и Мьялль) опять оставляет слово «Брахман-нирвана» без перевода (о значении этого понятия см. примеч. 110 к текущ. разд.).

¹⁶⁹ Внешние касания... вдох и выдох выравнивая... — С этой строфы начинается изложение темы «йоги», как этот многозначный термин понимается у нас в техниче- ском аспекте, т. е. как система определенных психофизических упражнений, направленных на ограждение организма от негативных внешних воздействий. «Взор утвердив посреди бровей» — прежде других указан здесь йогический прием фиксирования взгляда на переносице для возбуждения рефлекса внимания (см.: Бхагавадгита 1956: 300). Далее имеется в виду контроль над дыханием (пранаяма) (см. примеч. 146, 149 к текущ. разд.), составляющий основную часть этой системы. Термины *rāḍa* и *arāṇa* (букв. «вдох» и «выдох») толкуют также как дыхание соответственно над и под диафрагмой, «верхнее» и «нижнее» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 182).

¹⁷⁰ Глава 28. — В колофоне название шестой главы поэмы — «Йога созерцания» (*dhyāna-yoga*). Слово *dhyāna* уже в Упанишадах означает медитацию, самоуглубление, погружающее в транс (Семенцов переводит: «Йога активного внимания»). Вариант заглавия: «Йога самообуздания» (*ātmasaṁyama-yoga*).

¹⁷¹ Кто должное деяние... не совершает* обрядов. — В первой строфе главы утверж- дается необходимость соблюдения ведийской обрядности. «Отрешенный» (*saṁnyāsin*) (см. примеч. 157 к текущ. разд.), «сопряженный» (*yogin*, термин, который Семенцов везде оставляет без перевода, как и некоторые другие переводчики) отграничивается здесь от буддистов и представителей других неортодоксальных течений (см.: Buitenen 1981: 165). Шанкара, однако, толкует текст строфы иначе: «не только тот есть отрешенный»

(см.: Bhagavadgītā 1948: 188). Гояндка под «отрешенным» понимает следующего путем не «деяния», но «рассуждения» (sāṃkhyayogin). «Не совершает обрядов» — другой возможный перевод: «бездействует».

¹⁷² То, что называют отрешением... от умысла. — В этой строфе «отрешение» (saṃnyāsa) приравнивается к «сопряжению», т. е. к йоге («деяния») как необходимое условие для ее (йоги) достижения, дающего право именоваться «сопряженным» (йогином). «От умысла (saṃkalpa)» — т. е. от материальной заинтересованности в плоде деяния.

¹⁷³ ...самая Душа его... — В оригинале: ātman; здесь в переводе «Душа» (как и «Себя») означает именно Атман, сокровенную истинную сущность человека, о тождестве которой с Брахманом учат Упанишады (см. примеч. 69, 101 к текущ. разд.).

¹⁷⁴ ...в том... Превышний Дух сосредоточен... — Этот текст допускает двойное толкование в зависимости от того, понимать ли сочетание paramātmā в оригинале как сложное слово parama-ātmā, что можно перевести: «Высший, Превышний Дух» («Высший Атман»), — в «Гите» оно обычно означает Бога, — или как слияние наречия param («лучше», «выше») и ātmā («Душа» или в значении возвратного местоимения). Первое толкование, которому следует большинство переводчиков (предшествующие русские оставляют при этом «Атман» без перевода), находит отражение в комментарии Шанкары, другое — у Рамануджи; если принять последнее, переводить, видимо, следует: «...в том лучше (совершеннее) Душа сосредоточена».

¹⁷⁵ Сопряженный... к сопряжению обращенным... — Оба термина в оригинале (ответственно yogin и yukta) — производные от одного корня (см. примеч. 107, 171 к текущ. разд.), второй из них Шанкара толкует здесь как samāhita — «сосредоточенный» (см.: Bhagavad Gītā 1969: 223). О толковании понятий «знания» и «познания» см. примеч. 129 к текущ. разд.. «Вознесшийся» (kūṭastha — букв. «стоящий на вершине») — т. е. отрешенный от мирских забот, ставший выше их и уединившийся; эпитет, употребительный в ранней буддийской литературе (пали kūṭaṭṭha) в значении «не подверженный изменениям».

¹⁷⁶ В чистом месте... да прибегнет он к йоге ради самоочищения. — Эти две строфы и следующая определяют действия и *позу («асану») приступающего к тем физическим упражнениям, которые ассоциируются у нас обычно с понятием «йоги», — поэтому здесь и далее в главе этот термин оставляется без перевода (тема «профессиональной» йоги начинает развиваться с конца предшествующей главы). Очень близкий текст содержится уже в «Шветашватара-упанишаде» (см.: Шветашватара 1967: гл. 2, строфы 8—10). Ткань — верхний, трава куша (священная трава, см.: Индуизм 1996: 251) — нижний слой трехслойной ритуальной подстилки на жертвоприношениях. Оленья шкура (ajīna) — шкура черной антилопы, почитавшаяся священной уже в Ведах (см.: Семенцов 1985: 225).

«Сознание» — в оригинале: manas (Семенцов переводит здесь: «сердце»; как «мысль» здесь и далее в этой главе мы переводим citta, что чаще означает именно мыслительную деятельность, «мышление, обдумывание»).

¹⁷⁷ Умиротворенный Душою... что во мне пребывает. — «Сопрягающий Себя...», т. е. сопрягающий свою Душу (Атман) с высшей реальностью; причастие uṣṭjan в оригинале — производное от того же корня, что и yogin, и в этом контексте с ним по существу однозначное. Семенцов переводит иначе, передавая uṣṭjan как означающее занятие йогической практикой (что, очевидно, и подразумевается текстом): «постоянно себя упражняя» (сходно Милунс: *übend immerdar sein Selbst*). После предписаний, касающихся подготовки к духовной деятельности, именуемой «сопряжением» (йогой), эта строфа и последующие посвящены характеристике «сопряженного» (йогина), того, кто способен на этот путь вступить. Под «йогой» здесь понимается конкретно та совокупность психофизических упражнений, которая способствует созданию этой внутренней настроенности на слияние с Брахманом, и одновременно эта настроенность («сопряженность») сама по себе (ван Бейтенен, учитывая это сужение значения, начиная со следующей строфы оставляет уога без перевода). В первой из этих двух строф переводим manas как «сознание» («сознание подавив»), в следующей — как «душа» («с подчиненной душою»). «Упокоение» (*nirvāṇa*) — см. примеч. 110, 168 к текущ. разд.

¹⁷⁸ ...в Себе лишь самом... — Семенцов переводит: «...лишь в атмане...»; Гояндка толкует это как Бога, но чаще ātmani, следуя за Шанкарой, понимают здесь как возвратное местоимение.

¹⁷⁹ ...сопрягающему Себя в йоге. — См. примеч. 177 к текущ. разд.

¹⁸⁰ ...зрящий Себя Собою в Себе довольство обретает. — Семенцов и здесь оставляет ātman без перевода: «...в атмане радость находит созерцающий атманом атман...»

¹⁸¹ ...называемое... приверженностью, отверженное от подверженности страданию... — Здесь уога — «сопряжение» мы передаем как «приверженность»; в подлиннике названные здесь понятия (*yoga, viyoga, samyoga*) также выражены производными от одного корня. Отношение к страданию (*duḥkha*), считает Ээнер, отражает здесь буддийское влияние (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 229).

¹⁸² ...с беспечальным сердцем. — В оригинале: *anirvīṇa-cetasā*, что подразумевает, согласно комментарию Шанкары, невосприимчивость к страданию (см.: *Bhagavadgītā* 1948: 201).

¹⁸³ ...мысль внутри Себя укрепив... — Семенцов переводит manas, как и везде: «сердце» и оставляет ātman без перевода («сердце на атман направив») (см. примеч. 128 к текущ. разд.).

¹⁸⁴ Чем бы ни влеклась... — Семенцов, следуя большинству современных толкований, переводит: «...куда бы... ни увлекался...» («манас» оставляя без перевода). Однако Шанкара и Рамануджа видят в грамматической форме относительного местоимения *yatas* указание на причину, и возможен также перевод: «отчего бы ни блуждала...» (см.: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 183).

¹⁸⁵ ...сопрягая Себя... — Семенцов переводит: «...себя упражняя...»; речь идет о йогической практике, но, видимо, и о внутренней духовной настроенности, «сопряженности».

¹⁸⁶ ...на все равно взирающий. — То есть прозревающий единство во всем и потому беспристрастный (ср. в предшествующей главе ст. 18—19 и примеч. 165 к текущ. разд.).

¹⁸⁷ Кто, прибегнув к уподоблению себе... в радости и в горе... — Иными словами, познав единство всего с Брахманом из сравнения с собою, как и чужие радость и горе. Шанкара усматривает здесь проповедь «невреждения» (ахимса) (см.: *Индуизм* 1996: 69—70): «Как мне желанна радость, так и всем живущим радость приятна, если... мне страдание неприятно... так же нежеланно страдание всем живущим... никому он не делает неприятное» (цит. по: *Bhagavadgītā* 1948: 205). Соответственно понимают этот текст Теланг и Эджертон; Зэнер видит здесь, однако, противоречие самому духу учения (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 237). Иначе толкует Семенцов: «Кто лишь Атмана образ всюду созерцает... несмотря на их боль или радость...»

¹⁸⁸ ...ты объявил уравновешенностью... — В оригинале: *sāmuḥya*, очевидно, то же, что *śamatva* выше, в ст. 48 второй главы поэмы (см. примеч. 95 к текущ. разд.).

¹⁸⁹ Мысль. — В оригинале: *manas* (см. примеч. 128, 183 к текущ. разд.).

¹⁹⁰ ...через усердие и бесстрашие. — «Усердие» (*abhyāsa*, точнее «упражнение», как и переводит здесь Семенцов) и «бесстрашие» (*vaigraḥya*) рекомендуются также в «Йога-сутре» Патанджали (I. 12), где первое толкуется как усердие в достижении «устойчивости» (*sthiti*) (I. 13), т. е. в сосредоточении сознания на высшей цели, что дается постоянной медитацией (см.: *Bhagavadgītā* 1986: 321).

¹⁹¹ И в том, и в другом сорвавшись... — Семенцов переводит: «...на обоих путях потерявшись...» — поясняя, что речь идет о пути мирского преуспевания и пути аскетических подвигов (см.: Семенцов 1985: 226). Согласно Шанкаре, однако, подразумеваются пути «рассуждения» и «сопряжения», которые определяются в начале поэмы (см. выше примеч. 69, 88 к текущ. разд.).

¹⁹² ...просветленность... из прежнего воплощения... — Семенцов оставляет здесь термин *buddhi* без перевода: «...обладая своей буддхи из прежнего тела...» (см. о его значении примеч. 88, 90 к текущ. разд.). В оригинале *buddhi-saṃyoga* (букв. «соединение с разумом») может иметь в виду и йогическую практику, способствующую переходу (т. е.

сохранению) интеллекта, коим человек был наделен в прошлой жизни, что позволяет продвигаться дальше к конечной цели в следующих рожденьях.

¹⁹³ Брахман-Слово — В оригинале: śabda-brahma. Этот термин встречается в «Майтри-упанишаде» (VI. 22), где он означает священный слог Ом, магически способствующий достижению высшего, непроявленного Брахмана (см.: Упанишады 1967: 152). Полагают, что здесь он может означать текст Вед (см.: Bhagavadgītā 1948: 209), как символ которых Ом рассматривается в индуизме.

¹⁹⁴ Глава 29. — В колофоне название седьмой главы поэмы (первой главы второй части — «Раздела о почитании», urāsana-kāṇḍa) — «Йога знания и познания» (jñānavijñāna-yoga); о значении терминов jñāna и vijñāna см. примеч. 129 к текущ. разд.

¹⁹⁵ ...восьмичастно разделенная природа. — Здесь перечисляются последовательно пять первоэлементов (см. примеч. 42 к разд. «Протяжение...») и три изначальных элемента психики, имеющие, согласно учению санкхьи, материальное происхождение: «мысль» (manas, что можно переводить также: «сознание», «душа», «сердце»; о значении термина см. примеч. 128 к текущ. разд.), «разум» (buddhi) (см. выше примеч. 88, 128 к текущ. разд.) — первый продукт эволюции проявленной материи, «самость» (ahaṁkāra) (см. примеч. 124 к текущ. разд.) — элемент, занимающий в процессе эволюции, согласно указанному учению, положение промежуточное между buddhi и manas. Материя объявляется здесь «низшей природой» Бога.

¹⁹⁶ Духовное существо. — В оригинале: jīva — термин, обычно означающий индивидуальную душу, изначально — жизненное (духовное) начало в человеке; близок понятию Атмана (нередко с ним сочетается), но четко отграничивается от безличного Брахмана.

¹⁹⁷ Помни... из этого лоно... растворение. — Согласно Шанкаре и Раманудже, «лоно» (uṇi) подразумевает здесь обе природы Бога, как «высшую», так и «низшую» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 183; Семенцов 1985: 226). «Растворение» (pralaya) — гибель мира по миновании махаюги (см. примеч. 8 к разд. «Протяжение...»).

¹⁹⁸ Я емь вкус в воде... подвижничество в подвижниках. — В этих двух строфах (8—9) Бог отождествляется (не вполне последовательно) с теми чувствами или объектами чувств, которые ассоциируются в учении санкхьи с соответствующими им элементами (стихиями); зрение обычно ассоциируется с огнем. «Священный слог» (praṇava) — Ом (см. примеч. 193 к текущ. разд.).

¹⁹⁹ Желание и страсть. — В оригинале: kāma-rāga. Первое Шанкара толкует как жажду «вещей неблизких» (т. е. тех, что вне пределов непосредственного восприятия органами чувств), второе — как «влечение к вещам достигнутым» (см.: Bhagavadgītā 1948: 216).

²⁰⁰ ...истовости, страстности либо косности... — См. об этих понятиях примеч. 92, 94 к текущ. разд.

²⁰¹ Майя. — См. примеч. 134 к текущ. разд. Как «из нитей-качеств (гун) слагаемая», она отождествляется здесь с материальной природой.

²⁰² Демонское бытие. — В оригинале: āsurāṃ bhāvam, см. примеч. 61 к разд. «Протяжение...».

²⁰³ Знающий — достигший высшего знания; согласно Раманудже, это прежде всего знание совершенного отличия вечного Атмана от материальной природы (prakṛti).

²⁰⁴ ...исполненный преданности единому... — Имеется в виду: единому Богу. «Преданность единому» (ekabhakti) здесь неотъемлема от высшего знания, о котором идет речь (см.: Семенцов 1985: 226). Доктрина бхакти, «преданности» (любви к Богу), центральная в учении «Гиты», развивается далее в двенадцатой главе поэмы.

²⁰⁵ ...какой бы образ... веру в него я утверждаю неколебимо. — Это характерное признание других культов лишь иными («непроявленными») формами своего, включающее их в свою религиозную систему, определяют теперь термином «инклюзивизм» (введенным П. Хакером, см.: Шохин 1994: 145—146; см. также далее по тексту в гл. 31, ст. 23).

²⁰⁶ Волшба сопряжения. — В оригинале: yoga-māyā, что толкуется как творческая сила Бога, причем под «сопряжением» (yoga), согласно Шанкаре, здесь следует понимать соединение трех гун, коим обусловлено существование материального мира (одновременно реальное и иллюзорное) (см. о понятии «майя» примеч. 134, 201 к текущ. разд.).

²⁰⁷ ...что [у них] превыше Себя... — Речь идет о том, что такие люди понимают тождество Брахмана и «Себя», души человека, Атмана; в оригинале: adhyātma — термин, означающий, согласно Шанкаре, реальность, лежащую в основе отдельных душ-атманов, или их совокупность (см.: Bhagavadgītā 1948: 225; Bhagavadgītā 1986: 366). Зэнер, возражая против перевода Эджертон (over-soul) (см. примеч. 126 к текущ. разд.), толкует adhyātma просто как «то, что относится к себе» (Атману) (см.: Bhagavad Gītā 1969: 255), Семенцов оставляет «адхьятма» без перевода, но в примечании поясняет сходно (см.: Семенцов 1985: 226).

²⁰⁸ ...то, что превыше существ и превыше божеств... превыше жертв... — В оригинале: adhibhūta, adhidaiva, adhiyajña — означают то, что относится соответственно к материальной природе, к божественной природе и к ритуалу (см.: Там же). Иначе переводит последние две строфы этой главы Зэнер, связывая их синтаксически и относя к Богу только последнее определение, предшествующие же два — к «деянию» в предшествующей строфе, что отчасти оправдывается последующим текстом (см. ниже примеч. 210).

²⁰⁹ Глава 30. — В колофоне название восьмой главы поэмы — «Йога Непреходящего Брахмана» (Akṣarabrahma-yoga).

²¹⁰ Непреходящее... я сам... — В этих двух строках (3—4) уточняется значение понятий, введенных в конце предшествующей главы. О «Непреходящем» (akṣara) как символе Брахмана см. примеч. 118 к текущ. разд. «Своя природа» — в оригинале: svabhāva — термин, который выше, в пятой главе (ст. 14) в другом контексте означает низшую природу Бога, материю («самосушая природа») (см. примеч. 162 к текущ. разд.); здесь его толкуют как равнозначное jīva, т. е. «индивидуальной душе» (согласно комментарию Шридхары, см.: Bhagavadgītā 1948: 227), или в значении «внутренней природы» (innate nature) (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 184), или именно как «высшую» природу Бога (см.: Vuitenen 1981: 166). «Деяние» — очевидно, карма (см.: Там же). Из трех понятий (см. примеч. 208 к текущ. разд.) первое Теланг толкует как «неодушевленное творение» в целом, второе предполагает пребывающим в Солнце (см.: Bhagavadgītā 1882: 77—78). «Муж, дух» — оба этих значения принадлежат слову puruṣa в оригинале. Это понятие (букв. «Человек», «Муж»), восходящее к мифологическому образу первозданного гиганта в «Ригведе», в Упанишадах приобретает значение «дух, душа» (см. примеч. 130 к текущ. разд.), в учении санхьи это — духовный принцип, противопоставляемый prakṛti — «материи»; в этой главе puruṣa означает именно духовную сущность Бога и употребляется как его имя или эпитет, так понимает его Шанкара, отождествляя с Хираньягарбхой, именем бога-творца (см. далее по тексту о «превышнем божественном Муже», к которому идет мыслящий о нем). Теланг переводит: puruṣa как supreme Being — «высшее Существо»; Эджертон переводит: spirit — «дух» и считает его в этом контексте равнозначным Атману (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 184); ван Бейтенен здесь противопоставляет puruṣa предшествующему как «непреходящее» (akṣara) «преходящему» (kṣara) (см.: Vuitenen 1981: 166). Отождествление Кришны с жертвоприношением Эджертон возводит к поздневедийской литературе, где именно так характеризуется постоянно образ Вишну; Ээнер, однако, считает это не вполне понятным; «в этом теле» Шанкара объясняет неизбежной связью обряда с телесным действием (см.: Bhagavad Gītā 1969: 261). Семенцов упомянутые выше три термина оставляет без перевода, как и имя Пуруша («...Адхидайва есть вечный Пуруша...» и т. д.).

²¹¹ ...всегда проникнутый тем бытием. — Другими словами: постоянно обращенный к нему мыслью, откуда и память о нем в последний час (см.: Bhagavadgītā 1948: 229).

²¹² Кто о древнем Мудреце вспоминает... к превышнему божественному Мужу. — Содержание этих двух строк (9—10) находит близкое соответствие в тексте «Шветашватара-упанишады» (III. 8—9), согласно которому познание Пуруши (см. выше примеч. 210) ведет «за пределы смерти» (см.: Упанишады 1967: 20). «Мудрец» — в оригинале: kavī, что в эпосе чаще означает певца, поэта (см. также примеч. 274 к текущ. разд.); здесь значение избранного эпитета (очевидно, заимствованного из Упа-

нишад) не вполне ясно, и Семенцов оставляет его без перевода («Мудрый Кави»). «Меньше частицы» (в «Шветашватаре»: «меньше или больше которого ничего нет»; см.: Там же) — пребывание Мировой души (Атмана-Брахмана) вне пространственных измерений неоднократно подчеркивается в Упанишадах. Сосредоточение «жизненной силы» или «дыхания» (r̥gāṇa, Семенцов оставляет термин без перевода) между бровями — одно из особенно важных в системе йоги упражнений, основанное на психофизиологическом учении Упанишад (хотя в упомянутом тексте «Шветашватары» о нем не говорится); в нем усматривают «начатки учения о функции нервной системы» (Бхагавадгита 1956: 318).

²¹³ Что ненепреходящим называют... то — обитель... я опишу тебе вкратце. — Этот стих заимствован с некоторыми изменениями из «Катха-упанишады» (см.: Катха 1967: 102—103). «Непреходящее» (akṣara) означает обычно священный слог Ом, но также и непреходящего Брахмана (см. примеч. 118 к текущ. разд.). Семенцов оставляет «акшара» без перевода, далее же многозначное слово raḍa, следуя комментарию Шанкары, толкует как «цель» («...о той цели скажу тебе...»). Можно переводить raḍa также: «слово» (Дейссен: Wort; ему следует Смирнов), «состояние» (Зэнер: state).

²¹⁴ ...направив жизненную силу... к макушке... — Направление «праны» к макушке Шридахара понимает как равнозначное сосредоточению «между бровей» (см. примеч. 212 к текущ. разд.). Как замечает Дасгупта, в переводе этого текста не оказывают помощи ни Шридахара, ни Шанкара (см.: Dasgupta 1952: 449).

²¹⁵ ...слог Ом единый... что есть Брахман... — «Слог» — в оригинале: akṣara — букв. «нетленный») (см. примеч. 118, 210, 213 к текущ. разд.).

²¹⁶ Обитель Брахмы (brahmabhavana) — «мир Брахмы» (brahmaloka; см. примеч. 19 к текущ. разд.), в индуистской космографии означает высшую сферу небес, доступную после смерти только праведным, но не избавляющую от круговорота рождений (сансары).

²¹⁷ Протяженность дня и ночи Брахмы. — В текстах эпоса и пуран, развивающих учение о циклическом чередовании периодов существования и небытия Вселенной, понимаемых как периоды бодрствования («дни») и сна («ночи») Брахмы, принимается обычно указанное определение в тысячу юг; Шридахара поясняет, что имеются в виду «махаюги», каждая из которых состоит из четырех веков-юг или 12 000 лет богов, каждые сутки которых равны году смертного человека.

²¹⁸ ...другое, вечное непроявленное бытие... — Здесь различаются два типа Непроявленного (avyakta) — непроявленная материя, в которую как в источник новых рождений возвращаются после смерти не обретшие избавления, и сверхкосмическое непроявленное, не подверженное изменениям (см.: Bhagavadgītā 1948: 233—234).

²¹⁹ Непреходящим зовется... моя высшая обитель. — «Непроявленное», о котором говорится в этой строфе, по замечанию Зенера, идентично Брахману. Согласно Раманудже, Бог имеет три «обители» (*dhāman*, что может означать также «свет»): это — низшая его природа, лишённая сознания, затем «живая», в которой душа ещё связана с низшей, — о них шла речь в предшествующей главе (ст. 4, 5) — и, наконец, третья, чистый дух, свободный от материальной природы (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 268); о нем говорится в следующей строфе.

²²⁰ Огонь, свет... возвращается. — В этих двух строфах (24—25) перечисляются последовательно этапы двух возможных посмертных путей человека близко к известным текстам «Брихадараньяка-упанишады» (см.: Брихадараньяка 1964: гл. 2, строфы 15—16) и «Чхандогья-упанишады» (см.: Чхандогья 1965: гл. 10, строфы 1—4). В описании пути к Брахману в первом тексте отсутствует «свет» (*jyotis*), во втором — «огонь», в остальном текст «Гиты» с ними совпадает, только после полугодий пути солнца в обоих случаях указываются ещё дальнейшие этапы (мир богов или год, солнце, молния — для первого пути; мир предков, пространство, луна — для второго; в «Чхандогье» луна и для первого после солнца). На первом пути, пройдя слияние с этими сферами, дух умершего (*puruṣa*) достигает мира Брахмана, на втором, слившись с луной, становится, как она, «пищей богов» и потом возвращается тем же путем на землю (см.: Брихадараньяка 1964: 145—146; Чхандогья 1965: 101). Об учении Упанишад о двух путях после смерти — «пути богов» и «пути предков» — см.: Семенцов 1981: 71—90.

²²¹ ...ведающий все это... — Как указывает Семенцов, подразумевается учение о посмертных путях как *arthavāda* («толкование значения» обряда), что превращает его в «жертву знанием», т. е. в ритуальное знание (см.: Семенцов 1985: 82); благотворностью оно, как утверждает здесь «Гита», превосходит иные добродетели.

²²² Глава 31. — В колофоне название девятой главы поэмы — «Йога царственного знания и царственной тайны» (*Rājavidyārajaguhya-yoga*).

²²³ Это... знание в сочетании с познанием... — См. примеч. 129 к текущ. разд. Рамануджа толкует здесь «знание» (*jñāna*) как преданность (*bhakti*), «познание» (*vijñāna*) — как почитание Бога (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 274).

²²⁴ ...въяве постижимо (pratyaksāvagamam) оно... — То есть знание, подтвержденное непосредственным восприятием (см.: *Bhagavadgītā* 1948: 238).

²²⁵ Но и не пребывают... не пребывает в существах. — В предшествующей строфе под «непроявленным образом» Бога подразумевается, очевидно, низшая его природа (*prakṛti*); в том Непроявленном, которое стоит за нею (см. примеч. 219 к текущ. разд.), он уже совершенно отвлечен от преходящих существ (см.: *Vuitenen* 1981: 166). «Владычная» йога, по замечанию ван Бейтенена, близка по значению его «волшеб» (*māyā*)

(см. примеч. 219 к текущ. разд.), но определяет в отличие от нее истинную власть Бога (см.: Там же). То есть, будучи источником всех материальных явлений, «Дух» (ātman) его сам ими не затрагивается, поскольку, поясняет Шридхара, в отличие от человеческой души свободен от «самости» (см.: Bhagavadgītā 1948: 238).

²²⁶ Эра. — В оригинале: kalpa. Здесь этот термин означает то же, что «день Брахмы» (см. примеч. 217 к текущ. разд.). О «кальпе» см. также: Индуизм 1996: 225.

²²⁷ Опираясь на свою природу... безвольных. — Зэнер, следуя комментарию Шанкары, толкует avaśṭabhya в оригинале как «подавляя» или «подчиняя» (subduing); ср. ранее в четвертой песни поэмы, ст. 6, где также усматривается сексуальная коннотация фразы (см.: Bhagavad Gītā 1969: 276—277). Ван Бейтенен переводит avasat как наречие: involuntarily (т. е. следует тогда не «безвольных», а «невольно»), замечая, что творческая (как и разрушительная) сила Бога действует автоматически (см.: Buitenen 1981: 166).

²²⁸ Бесовская и демонская природа. — В оригинале соответственно: gāksasī и āsuṅī — по названиям низшего и высшего разряда демонов; Семенцов оставляет эти слова без перевода: «...по природе своей они лживы, словно ракшасы или асуры».

²²⁹ ...во все стороны обращенного многообразно. — См. описание «вселенского образа» Бога ниже, в одиннадцатой песни поэмы. Согласно Шанкаре, в трех последних строфах (13—15) обозначены три типа адептов (см.: Bhagavadgītā 1948: 244).

²³⁰ Возлияние предкам. — В оригинале: svadhā, что может означать также и другие виды возлияний в брахманистском ритуале или ритуальный возглас (в переводе Семенцова: «возглас свадха»).

²³¹ Священная трава. — В оригинале: auśadha; Семенцов уточняет: «священная куша» (см. примеч. 176 к текущ. разд.). Ван Бейтенен считает, что имеется в виду сома (см.: Buitenen 1981: 166; Индуизм 1996: 402—403), растение, из которого изготавливался в эпоху Вед священный ритуальный напиток, почитавшийся божественным напитком бессмертия; (см. Индуизм 1996, с. 402—403).

²³² Святое слово. — В оригинале: mantra, значение термина раскрывается непосредственно в следующей строфе (см.: Там же: 262—263).

²³³ Гимн, песнопение и жертвенное речение — священные тексты «Ригведы», «Самаведы» и «Яджурведы» соответственно.

²³⁴ Сущее и Не-Сущее. — В оригинале: sat и asat, что Семенцов переводит здесь как «сущее» и «не-сущее»; ср. наш перевод тех же терминов во второй главе, ст. 16 (см. примеч. 78 к текущ. разд.). Согласно толкованию Рамануджи, под sat здесь подразумевается существование в настоящем времени, под asat — в прошлом и будущем

(см.: Bhagavadgītā 1948: 246). Зэнер считает, что подразумеваются те же бессмертие и смерть, усматривая здесь заимствование из «Брихадараньяка-упанишады» (I. 3. 28) (см.: Bhagavad Gītā 1969: 281).

²³⁵ Тройственное знание (traividya) — три Веды; подразумеваются знатоки священного текста (см. примеч. 233 к текущ. разд.).

²³⁶ Сома — ритуальный напиток, изготавливавшийся в эпоху Вед из сока одноименного растения (донныне точно не идентифицированного, предположительно — конопля) и обожествлявшийся, наркотического действия; в послеведийский период, по-видимому, постепенно вышел из употребления (см.: Индуизм 1996, с. 402—403).

²³⁷ ...Индры бессмертных (surendra)... — Имя Индры употреблено здесь одновременно в нарицательном значении «властитель».

²³⁸ Уход и приход (gatāgatam) — смерть и последующее возвращение в мир смертных. Семенцов толкует это в своем переводе как «плод преходящий» (так же Зэнер)

²³⁹ ...истого почитателя преданности приношение... — Подразумевается индуистский обряд приношения (пуджа) (см.: Индуизм 1996: 339), совершаемый с любовью (bhakti) к Богу; «истый почитатель» (pṛayātātman) можно понять как «преданный душою» или «предавший себя (безраздельно Богу)» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 84).

²⁴⁰ ...освободишься от уз деяния... — Семенцов оставляет karmam без перевода: «...разрушишь цепи кармы...»

²⁴¹ ...с отрешением и сопряжением духом сопряженный... — Перевод следует общепринятому толкованию, однако Эджертон указывает на возможность иного понимания samnyāsa yoga в оригинале, поскольку «отрешение» в «Гите» рассматривается тоже как вид «йоги», подобно йоге знания противопоставляемый йоге действия (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 164). Как «йогу отрешения» (yoga of renunciation) понимает это и Гояндка, следующий Раманудже, толкующему samnyāsa как «возложение» всех своих деяний на Бога (см.: Bhagavad Gītā 1969: 284).

²⁴² ...верной решимости он исполнен. — Шанкара поясняет, что это не означает оправдания греха, но подразумевает отрешение от зла (см.: Bhagavadgītā 1948: 250).

²⁴³ Глава 32. — В колофоне название десятой главы поэмы — «Йога всепроникающего проявления» (vibhūti-yoga). Семенцов переводит: «Йога излияния божественных сил» (см.: Семенцов 1985: 9). См. примеч. 247 к текущ. разд.

²⁴⁴ ...любви исполненному... — В оригинале: pṛiyamāṇāya, что можно понять и как «любимому [Богом]», и как «любящему [Бога]».

²⁴⁵ ...происходящие от меня только. — Шанкара, однако, замечает: «в соответствии с кармой каждого» (svakarmānugṛeha) (см.: Bhagavadgītā 1948: 257).

²⁴⁶ Семеро великих провидцев... и четверо Ману... — Под Семерыми провидцами здесь, очевидно, подразумеваются не провидцы, олицетворяющие звезды Большой Медведицы (как обычно), а семеро так называемых Владык творений (ṛajāpati), сыновей Брахмы, от которых в индуистской мифологии происходят все существа во вселенной; представление о семерых или четырнадцати Ману, прародителях человечества в определенные мировые периоды (manvantara, «периоды Ману»), утвердившееся потом в пуранах, едва ли, как полагает Эджертон, сложилось ко времени создания «Гиты», и можно предположить, что здесь Ману соотносены с каждой из четырех юг (см. примеч. 22 к текущ. разд.; см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 96).

²⁴⁷ ...всепроникающее проявление мое и йогу мою... — Термин vibhūti, вынесенный в заглавие этой песни (см. примеч. 243 к текущ. разд.), Семенцов толкует как «излияние божественной энергии вовне», «проявление божества в тварном мире» (см.: Семенцов 1985: 226), он переводит его здесь: «мои проявления», далее же оставляет без перевода; ван Бейтенен достаточно удачно, на наш взгляд, толкует значение термина как «вездесущность» (ubiquity) (см.: Buitenen 1981: 167). «Йогу» Бога Зэнер толкует здесь как действие, которым он это осуществляет (см.: Bhagavad Gītā 1969: 293).

²⁴⁸ ...проникнутые чувством. — Под «чувством» (bhāva) большинство переводчиков понимают здесь чувство любви к Богу или тяготение к Нему; Семенцов переводит (следуя, очевидно, Раманудже): «ко Мне устремившись»; Шанкара толкует это как упорство в преследовании высшей цели (см.: Bhagavad Gītā 1969: 294). Ван Бейтенен избирает буквальный перевод: being — «бытие».

²⁴⁹ ...в [их] собственной природе пребывая... — В оригинале: ātma-bhāva-stha, что переводчики толкуют различно; Шлегель, Бюрнуф, Томсон, Сенар, Эджертон, Радхакришнан, Зэнер, следуя Шанкаре, полагают, что речь идет о собственной природе Бога; наш перевод ближе к интерпретациям Хилла, Теланга, Гояндки, Смирнова, Семенцова, Мьяля, ван Бейтенена; Зэнер, однако, допускает, что текст подразумевает оба толкования (см.: Zaehner 1969).

²⁵⁰ Тьма. — В оригинале: tamas, что означает также природное начало косности, инертности (см. примеч. 92 к текущ. разд.).

²⁵¹ Вездесущий. — В оригинале: vibhu (см. примеч. 163 к текущ. разд.). Здесь этот эпитет связан явно с понятием vibhūti (см. примеч. 236 к текущ. разд.).

²⁵² Себя собою... ведаешь... — Иными словами: сам ведаешь себя сокровенным духом своим; Семенцов переводит: «Лишь своим вечным Атманом... сам себя Ты познать способен...»

²⁵³ Всеvyšний Муж — Всеvyšний Дух (Puruṣottama), в «Махабхарате» обычный эпитет Вишну или Кришны.

²⁵⁴ ...проявления Духа твоего, коими силами... — Здесь и далее подразумевается тождество Бога с Атманом (ātman, что здесь и ниже мы переводим: «Дух», но чаще: «Душа», «Себя») (см. примеч. 173, 174 к текущ. разд.); «проявления» — в оригинале: vibhūti, что означает как проявления Бога, так и заключенные в них силы, охватывающие все сферы Вселенной; как «силы» переводит здесь термин и Семенцов.

²⁵⁵ Сокровенный Дух. — В оригинале: ātman.

²⁵⁶ ...меж чувств я — сознание, у существ я — восприятие... — О переводах термина manas (в нашем переводе — «сознание») и об отношении этого понятия к «чувствам» см. примеч. 128 к текущ. разд. «Восприятие» — в оригинале: cetaṇā, т. е. способность живых существ к восприятию, осознанию окружающего; Семенцов, оставляя «манас» без перевода, этот термин переводит здесь: «сознание» (так же Смирнов, сходно Гояндка, ван Бейтенен: consciousness).

²⁵⁷ Непреходящий слог (akṣara) — Ом, возгласание, начинающее обрядовое речение, священный текст (см. примеч. 118, 193 к текущ. разд.).

²⁵⁸ ...жертва тихой молитвой... — Чтение священных формул, речений вполголоса, яра (см. примеч. 53 к текущ. разд.), признается здесь важнейшей частью обряда.

²⁵⁹ Священная смоковница — ашваттха (Ficus Religiosa Linn); издревле пользуется в Индии особенным почитанием и в индуистской мифологии играет роль мирового дерева, столпа Вселенной (см. в пятнадцатой песни поэмы; см. также примеч. 325 к текущ. разд.).

²⁶⁰ Совершенные. — См. примеч. 40 к разд. «Протяжение...».

²⁶¹ Исполняющая желания корова. — См. примеч. 98 к разд. «Протяжение...».

²⁶² ...среди обуздывающих я емь Яма... — Имя бога смерти Yama на основании ложной этимологии толкуется в этом значении (samyamat — «обуздывающий»).

²⁶³ ...из исчисляющих — Время... — В оригинале: kalayat — «исчисляющий», возводится к тому же корню, что и kāla — «Время» (здесь персонифицированное).

²⁶⁴ ...царь зверей... — Шанкара поясняет: лев или тигр (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 103).

²⁶⁵ Из очищающих я — воздух... — В оригинале: ravana — «воздух», «ветер», производное от rū — «очищать».

²⁶⁶ ...из рыбин я — макара... — В ведийском мифе «рыбина» (jhaṣa) спасает Ману от потопа; в эпосе означает больших рыб, к которым здесь относится и мифическая «макара» (см. примеч. 10 к текущ. разд.).

²⁶⁷ Наука о Высшем Духе. — В оригинале: adhyātmavidyā, т. е. познание Высшего Атмана (см. примеч. 126, 207, 253 к текущ. разд.), что понимают также как «познание себя» (как путь к спасению). Семенцов переводит: «самопознание».

²⁶⁸ ...суждение обсуждающих... — В оригинале: vāda, что можно понять и просто как «речь», Семенцов переводит: «...в устах говорящих — слово» (сходно у Бюрнуфа, Смирнова, Зэнера); некоторые же избирают значение: «словопрение, диспут» (Дейссен: «die These der Disputierenden», Телант: «argument of controversialists», ван Бейтениен: «the debate of the disputers»), Гояндка понимает vāda как «аргументацию» (right type of reasoning), совсем иначе понимает Сенар: la vérité — «истина» (так же Хилл).

²⁶⁹ Буква А — «а краткое», первая буква индийского алфавита.

²⁷⁰ Двандва — тип сложного слова, в санскритских грамматиках традиционно рассматриваемый первым.

²⁷¹ ...Создатель, повсюду лицом обращенный... — В оригинале: dhātṛ, в эпосе обычн — эпитет Брахмы, бога-творца, изображаемого часто четырехликим.

²⁷² Большое песнопение (bṛhat-sāman) — песнопение «Самаведы» («Веды песнопений», см. в этой же гл. ст. 22), составленное размером bṛhat, почитавшимся особенно действенным и священным.

²⁷³ Маргаширша — первый месяц года древнеиндийского календаря (соответствует ноябрю—декабрю).

²⁷⁴ Озаренный. — В оригинале: kavī; в Ведах близко по значению ṛṣi, означает провидца, осененного благодатью вдохновенного певца, в эпосе и классическом санскрите — поэта; также эпитет мифического мудреца Ушанаса.

²⁷⁵ Жезл (daṇḍa) — символ кары и подавления непокорных как одной из важнейших функций власти (см. примеч. 27 в разд. «Земля»).

²⁷⁶ Хитроумие. — В оригинале: nīti, что означает в широком смысле искусство политики, умение добиваться цели с наименьшими затратами силы.

²⁷⁷ Глава 33. — В колофоне название одиннадцатой главы поэмы — «Йога видения (или “созерцания”, как переводит Семенцов) вселенского образа» (viśvarūpadarśana-yoga).

²⁷⁸ ...Владыка йоги (yogeśvara)... — «Йога» означает здесь сверхъестественную, чудотворную мощь Бога; см. в этой же главе ст. 8, где под йогой подразумевается его способность даровать ясновидение.

²⁷⁹ ...свет тысячи солнц одновременно... — символ мировой катастрофы.

²⁸⁰ ...непреходящее, высшее познаваемое... — Под «непреходящим» (akṣara) здесь следует понимать Брахмана, высшую реальность (см. примеч. 118 к текущ. разд.).

²⁸¹ Убежище. — В оригинале: nidhāna, что можно перевести также: «сокровище»; но Шанкара и Рамануджа толкуют это именно как конечное убежище (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 186).

²⁸² Уста. — В оригинале: vaktṛa, что можно перевести и как «лик» (так у Семенцова).

²⁸³ ...вступают в тебя... — Так у Шанкары и большинства переводчиков; некоторые, однако (Гарбе, Барнет, Милиус), следуют Раманудже, толкующему viśanti в оригинале как «идут к тебе».

²⁸⁴ Пьющие пар (iṣṭara)... — название одной из групп «предков» (питаров, т. е. теней усопших), обитающих во дворце Ямы (см. гл. 8 второй книги), или, как здесь, очевидно, всего этого мифологического класса в целом.

²⁸⁵ ...лики... Огню Времени подобные... — «Лики» — в оригинале: mukhāni, что означает также «рты, уста», этому значению следует большинство переводчиков; Семенцов переводит: «пасти». «Огонь Времени» (kālānala) — см. примеч. 7 к текущ. разд.

²⁸⁶ Я есмь Время... — В этом самоотожествлении видят отражение древнего мировоззрения героического эпоса («героического фатализма»); текст главы, начиная с предшествующего обращения Арджуны и до завершающих беседу слов Санджай (ст. 15—50, размером триштубх), М. Ежич определяет как религиозный гимн, первым включенный в изначальный текст эпоса (см.: Ježić 1979; 1986); в этой эпифании Вселенского образа можно предполагать ядро, вокруг которого сложилась вся поэма (см.: Васильков 1999: 29).

²⁸⁷ ...Брахму... превосходящему... изначальному творцу... — В отличие от почти всех комментаторов и переводчиков Зэнер считает, что здесь речь идет о Брахмане, поскольку Брахма, бог-творец, в поэме почти не упоминается (см.: Bhagavad Gītā 1969: 313), так же переводит Теланг. Иначе понимают текст Шанкара и Рамануджа, полагающие, что Вишну именуется здесь творцом самого Брахмы (им следует в своем переводе Гояндка).

²⁸⁸ Четырехдланный облик — обычное изображение бога Вишну в индуистской иконографии, на котором он держит в четырех руках чакру (боевой диск), раковину, палицу и лотос.

²⁸⁹ Ни изучением Вед и жертвоприношений... — Возможен и иной перевод, как у Смирнова: «Ни посредством Вед, ни посредством жертв, ни посредством изучения...» (сходно у Зэнера).

²⁹⁰ Глава 34. — В колофоне название двенадцатой главы поэмы — «Йога преданности» (bhakti-yoga). Термин «бхакти», означающий любовь к Богу, самозабвенное его почитание, нередко оставляют без перевода (см. перевод Семенцова). Об этом чрезвычайно важным в индуизме понятии, впервые введенном «Бхагавадгитой» и чрезвычайно плодотворном для дальнейшей эволюции вероучения, см.: Индуизм: 94—101. Именно эту главу выделяет Рамануджа, в отличие от Шанкары утверждающий важнейшее значение «бхакти» для спасения (ср. примеч. 152 к текущ. разд.).

²⁹¹ Те, что сопряжены... лучше ведаёт йогу? — В этом вопросе Арджуны определяется следующее далее противопоставление двух путей спасения — эмоционального почитания Бога и обращения мысли к высшей реальности, безликому Брахману, Непреходящему (akṣara) (см. примеч. 118 к текущ. разд.), непроявленному. Слово «йога» используется здесь, очевидно, в общем значении средства достижения высшей цели и учения о пути к избавлению от мирской юдоли (Семенцов переводит: «Кто... превосходней в искусстве йоги»).

²⁹² Вознесенное (kūṭastha) — отрешенное от мира и не подверженное изменениям (см. примеч. 167 к текущ. разд.; см. также: Bhagavad Gītā 1944/1: 186).

²⁹³ ...во мне одном обретешь пребывание... — Несколько иначе переводит Семенцов: «...будешь обитать там, где Я...»

²⁹⁴ ...неустанным сопряжением... — В оригинале: abhyāsa-yoga, что означает постоянно повторяющееся мысленное напоминание, устремление мысли к Богу или к какому-либо отвлеченному понятию (abhyāsa далее в нашем переводе: «неустанное упражнение»; см. в текущ. разд. примеч. 182). Семенцов переводит здесь: «йога действия».

²⁹⁵ ...деяние во имя мое... — Иногда под этим понимается богослужение; Анандагири толкует это как обряды индуистского культа, такие как пуджа, чтение священных текстов и т. п. (см.: Bhagavadgītā 1948: 295).

²⁹⁶ ...йогой моей вдохновленный... — По толкованию Шридхары — прибегающий к чудесной силе Бога (см.: Ibid.).

²⁹⁷ Ибо знание лучше упражнения... выше отвержения сразу — покой. — В этой иерархии ценностей Хилл усматривает противоречие с предшествующим текстом, которое снимается, по мнению Зенера, если понимать «знание» (jñāna) как сосредоточение мыслей на Боге, «созерцание» (dhyāna) — как о нем говорится выше в ст. 6, и также «отвержение» (tyāga) — как посвящение деяний Богу (см.: Bhagavad Gītā 1969: 329). Ван Бейтенен в «упражнении» (abhyāsa) (см. примеч. 293 к текущ. разд.) видит ритуальное повторение ведийского текста (vedābhyāsa), «отвержение» понимает как «йогу деяния» (karma-yoga) и констатирует в этой строфе самое недвусмысленное утверждение превосходства последней над «йогой знания» (jñāna-yoga) (см.: Vuitenen 1981: 168).

²⁹⁸ ...йогин... преданный мне... — Термин «йогин» мы здесь оставляем без перевода (выше: «сопряженный» или «приверженный», см. примеч. 133 к текущ. разд.; Семенцов оставляет его без перевода везде); «преданный мне» (*madbhakta*) — см. примеч. 125 к текущ. разд.; начиная с предшествующей строфы и до конца главы следует характеристика идеального почитателя Бога (Семенцов, как правило, оставляет «бхакт» без перевода, см.: Семенцов 1985: 80—81).

²⁹⁹ ...святую амриту эту... — Ср. выше в десятой песни ст. 18: «амрита речей твоих». Проповедь из уст Кришны сравнивается с амритой, нектаром, как открывающая путь к бессмертию (см.: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 182).

³⁰⁰ Глава 35. — В колофоне название тринадцатой главы поэмы (первой главы третьей части — «Раздела о знании», *jñāna-kāṇḍa*) — «Йога различения поля и познавшего поле» (*Kṣetrakṣetrañānavibhāga-yoga*).

³⁰¹ Познавший поле (*kṣetrañā*). — Под этим термином подразумевается познающий дух (*ruṅiṣa*), противопоставляемый «полю» (*kṣetra*), т. е. материи (*prakṛti*); Шанкара поясняет, что здесь он означает Бога (см.: *Bhagavadgītā* 1948: 301). Ван Бейтенен предпочитает буквальному переводу: *guide* — «ведущий, проводник» (см.: *Vuitenen* 1981: 168). Семенцов оставляет «кшетра» и «кшетраджня» без перевода. В некоторых рукописях этой строфе предшествует вступительная, содержащая вопрос Арджуны.

³⁰² ...познавшего поле во всех полях... — В каждом поле (теле), ведающий, согласно Раманудже, все «поля» и всех «познавших поле», которые в совокупности составляют «тело Бога» (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 335).

³⁰³ ...кто он... — Подразумевается познавший поле.

³⁰⁴ «Поучения о Брахмане». — В оригинале: *Brahmasūtra*. Рамануджа указывает на то, что это название комментария к Упанишадям, приписываемого Бадараяне (возможно, близкого по времени создания «Гите»; см.: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 187); Шанкара полагает, что речь идет о самих Упанишадах; оба согласны в том, что выше подразумеваются ведийские гимны. Ван Бейтенен допускает, что текст, на который ссылается «Гита», принадлежит кому-либо из предшественников Бадараяны (см.: *Vuitenen* 1981: 168).

³⁰⁵ Великие стихии... поле с производными от него. — Перечисляемые в этих двух строфах (5—6) понятия характеризуют, как замечает ван Бейтенен, концепцию психофизической цельности тела в учении *самкхьи*. Под «Непроявленным» (*avyakta*) подразумевается здесь материя, из которой развиваются как «производные» (*vikāra*) «разумение, мысль» (*buddhi*) (см. в текущ. разд. примеч. 88, 90), «самосознание» (*aḥmākāra*) (см. примеч. 124 к текущ. разд.) и «объекты» — «великие стихии», первоэлементы или «грубые элементы» (см. примеч. 33 и 42 раздела «Протяжение...»). О десяти «чувствах», т. е. пяти сенсорных и пяти моторных органах чувств, и еще одном («сознании» — *manas*) см. примеч. 128 к текущ. разд. Далее следуют пять «сфер чувств»

(indriya-gocara), иначе называемых «тонкими элементами» (звук, образ и т. д.), в следующей строфе — положительные и отрицательные реакции на контакты чувств, «организм» (saṃghāta), объединяющий совокупность органов чувств, «осмысление» (cetanā) и «постоянство» (dhṛti) «поля» (см.: Buitenen 1981: 168).

³⁰⁶ ...преданность... с безраздельным сопряжением... — Семенцов переводит иначе: «...почитание, порожденное практикой йоги...», т. е. подразумевается «йога преданности» (bhakti-yoga), она же «йога почитания» (см.: Семенцов 1985: 80).

³⁰⁷ ...в познании высшего Себя... — То есть Атмана (в оригинале: adhyātma) (см. примеч. 207 к текущ. разд.).

³⁰⁸ ...безначальный высший Брахман... — Рамануджа читает этот текст иначе: «безначальный Брахман, мне подчиненный» (anādi matparaṃ brahma); большинство переводчиков принимает чтение, подтвержденное Шанкарой (anādimat paraṃ).

³⁰⁹ ...с глазами, головами и лицами... — Возможен вариант: «устами» (mukha), возможен и перевод: «с... головою и лицом» (как, например, у Гояндки и ван Бейтена).

³¹⁰ ...подобие свойств всех чувств, и он от всех чувств отрешен... — Некоторые переводчики вместо «подобие» выбирают, следуя Раманудже, другое значение ābhāsa в оригинале: «сияние, сверкание» (см.: Бхагавадгита 1956: 340), тогда возможен перевод: «отрешенный... освещает свойства...»; Ван Бейтенен, однако, подчеркивает, что речь идет о ложном подобии (см.: Buitenen 1981: 168). О противоречивом представлении о божестве как наделенном свойствами «всех чувств» (или «подобием» свойств) и в то же время «лишенном свойств» (nirguṇa) см.: Пименов 1999, с. 200.

³¹¹ ...поддерживающего существа, поглотителя и воссоздателя. — То есть объединяющего в себе три главные функции индуистской верховной триады — Вишну-хранителя, Шивы-разрушителя и Брахмы-создателя.

³¹² ...о светилах светил, тьму превзошедшем. — Эпитет заимствован из Упанишад (см.: Bhagavad Gītā 1969: 343; Buitenen 1981: 168—169); Семенцов переводит: «по ту сторону тьмы», сходно и другие переводчики.

³¹³ в совокупности того, что делается, чем делается и кто делает... — В оригинале это выражено сложным словом kāṅa-kaṅa-kartṛtva, в понимании которого комментаторы и переводчики расходятся (существуют и разночтения). Текст, очевидно, подтверждает, что деяние принадлежит материи (prakṛti), духу же (puruṣa) — его последствия, психическая реакция (см.: Бхагавадгита 1956: 341—342; Bhagavad Gītā 1944/1: 187; Bhagavad Gītā 1969: 345; Buitenen 1981: 169).

³¹⁴ ...Муж... Превышний Дух... — Здесь отождествляются понятия puruṣa (см. примеч. 210 к текущ. разд.) и ātman (paramātman, Превышний Дух, равнозначен здесь понятию Брахмана, высшей реальности) (см. примеч. 80, 174 к текущ. разд.); следую-

щие же далее эпитеты относятся уже к Богу, который и отождествляется с Брахманом, и отграничивается от него (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 345—346). Подразумевается, что он превосходит «качества», заложенные в природе, он — за их пределами.

³¹⁵ ...зрят [высшего] Себя в себе Собою... — Семенцов переводит: «...в себе атманом Атман видит...» (ср. примеч. 180 к текущ. разд.). «Самоуглубление» (*dhyāna*) — см. примеч. 170 к текущ. разд.

³¹⁶ ...то, чему внимали. — В оригинале: *śruti*, что обычно означает Веды, священные тексты откровения (см. примеч. 52, 98, 99 к текущ. разд.); в этом значении и понимает здесь слово Дейссен; оба русских перевода ему в этом следуют (Смирнов: «...откровению внимая»; Семенцов вообще оставляет слово без перевода: «...кто слушает шрути прилежно...»); но большинство других переводчиков принимают буквальное значение — «то, что услышано» (т. е. преподано), напр., Теланг: «...devoted to hearing (instruction)»).

³¹⁷ ...не повреждает Себя Собою... — Семенцов переводит: «...Атман атманом он не унижит...», т. е. Бога в себе — по невежеству (см.: *Buitenen* 1981: 169). Теланг замечает, что незнание истины ведет к самоуничтожению (см.: *Bhagavadgītā* 1882: 106); несколько иначе понимает Эджертон: «...себя же в других существах...», поскольку Бог пребывает в них, как и в нем самом (см.: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 188).

³¹⁸ ...не пятнается. — Шанкара поясняет: «плодом их», т. е. деяниями (см.: Там же).

³¹⁹ Глава 36. — В колофоне название четырнадцатой главы поэмы — «Йога различения трех качеств» (*guṇatrayavibhāga-yoga*). О «качествах» или «свойствах» (гунах) см. примеч. 92, 94 к текущ. разд.

³²⁰ Великий Брахман — мое лоно... — В этом контексте, как полагает Семенцов (следуя, очевидно, толкованию Рамануджи, см. выше примеч. 118 к текущ. разд.) под Брахманом понимается природа, материя (см.: Семенцов 1985: 228).

³²¹ ...от коих тело происходит... — Большинство переводчиков следуют здесь толкованию Шанкары; Рамануджа, напротив, считает, что речь идет о телесном происхождении самих «качеств», ему следуют Бюрнуф, Хилл, Эджертон (см.: *Бхагавадгита* 1956: 344; *Bhagavadgītā* 1948: 322).

³²² Мудрый — так обычно переводят здесь *dhīra*, но возможен и перевод: «стойкий» (см. примеч. 77 к текущ. разд.); ван Бейтенен переводит: *imperturbable* («невозмутимый»).

³²³ Сопряжение преданности. — В оригинале: *bhakti-yoga*; Семенцов здесь, как обычно, оставляет эти термины без перевода (см. примеч. 290 к текущ. разд.).

³²⁴ Глава 37. — В колофоне название пятнадцатой главы поэмы — «Йога Все-
вышнего Духа» (puruṣottama-yoga).

³²⁵ С корнями вверх... называют нетленной. — Образ мирового дерева, которым от-
крывается эта песнь, восходит к древнейшей эпохе. Образ «перевернутого» дерева (чьи
корни на небесах) появляется уже в «Ригведе» (I. 24. 7) и в «Атхарваведе» (II. 7.
3). Близкие параллели первому стиху этой главы находят в «Тайттирия-араньяке» (см.:
I. 11) и в «Катха-упанишаде» (см.: Катха 1967: гл. 3, строфа 1), где говорится о смо-
ковнице «с корнем наверху и ветвями внизу». Можно предположить, что образ вдох-
новлен баньяном (ньягродхой, бенгальской смоковницей), деревом с воздушными кор-
нями, однако в «Гите», как и в ведийских текстах, назван пиппал (ашваттха, священ-
ная смоковница) (см. примеч. 259 к текущ. разд.). Эджертон в комментарии к своему
переводу задается вопросом, сознательно ли заменил здесь баньян автор поэмы (см.:
Bhagavad Gītā 1944/1: 144), но пиппал (культ которого, очевидно, древнее культа банья-
на) постоянно смешивается в древней литературе с баньяном в роли небесного «пере-
вернутого дерева» (см.: Viennot 1954: 83—85); кроме того, как указывает Хилл, ком-
ментируя этот текст, и у пиппала корни вьются вверх, сливаясь с ветвями (см.: Bhagavad
Gītā 1966: 184—185). Уже в упомянутых поздневедийских текстах ашваттха высту-
пает как символ Брахмана, так же, очевидно, и в этой начальной строфе; но в непосред-
ственно следующих далее стихах «Гиты» тот же образ перевернутого дерева приобре-
тает контрастно иное значение, символизируя негативный аспект материальной приро-
ды, сансару (согласно Шанкаре), т. е., по-видимому, «нисхождение» Брахмана в мир
(см.: Индуизм 1996: 71). «Стихи» (chandāṃsi) означают здесь стихи ведийских гим-
нов. Об интерпретации образа смоковницы в поэме см.: Ranade 1934: 13—15; Семен-
цов 1985: 98—99.

³²⁶ Вниз и вверх... от нитей-качеств растущие... — В оригинале: gūṇaparavṛddha, что
указывает на материальную природу «ветвей» (śākhā); «побеги-предметы» (viśaya-
gravāla), т. е. объекты чувств; вниз растущие ветви Шанкара толкует как «впечатления»
(vāsanā) от прошлых рождений (см.: Bhagavadgītā 1948: 327).

³²⁷ ...деянием связывающие... — Подразумевается закон кармы (Семенцов сохра-
няет здесь термин без перевода).

³²⁸ Постоянство. — В оригинале: sampratiṣṭhā, что большинство переводчиков толкует
в значении «опора, основание» (Теланг: support; Эджертон: basis; ван Бейтенен: final
foundation — «конечное основание»). Но слово sampratiṣṭhā означает в отношении к
«концу» и «началу» именно «протяжение» между ними («опора» означало бы, видимо:
sampratiṣṭhāna); значение «продолжительности» принимают Милиус (Dauer), Мяль
(kestvus); наш перевод ближе Гояндке (stability).

³²⁹ ...к тому первозданному Мужу... ход вещей проистекает. — Эту фразу Кришна

вкладывает в уста адепта. Первозданный Муж (puruṣa) здесь означает Бога (см. примеч. 210 к текущ. разд.).

³³⁰ Всегда углубленные в Себя. — В оригинале: adhyātma-nitya (см. примеч. 126 к текущ. разд.). Семенцов переводит вольно: «...мыслью бесстрастной (?) в себе пребывающая...»

³³¹ То частица меня... шестым... является сознание. — В строфе подтверждается материальная природа органов чувств, соотносимых в санкхье с пятью первоэлементами; о шестом, «сознании», см. примеч. 128 к текущ. разд. Духовное начало, «живая душа» (jīvabhūta, толкуется как равнозначное jīvātma; см. примеч. 188 к текущ. разд.), есть «частица» (apīṣa) божественной сущности; Шанкара поясняет, что это не означает возможности деления Высшего Духа, но сравнивает это с отражением солнца в воде или долей воздуха или пространства, помещающейся внутри сосуда (см.: Bhagavad Gītā 1969: 364).

³³² Владыка. — Подразумевается индивидуальная душа; согласно комментарий Рамануджи — владыка именно органов чувств (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 144).

³³³ Огонь всеобщий. — В оригинале: vaiśvānara — букв. «принадлежащий всем людям»; здесь подразумевается «утробный» огонь, которому, по представлениям древних, принадлежит функция пищеварения.

³³⁴ ...в союзе с вдыханием и выдыханием... — См. примеч. 169 к текущ. разд. Вдох и выдох почитались обеспечивающими теплоту тела, необходимую и для пищеварения (см.: Dasgupta 1952: 449).

³³⁵ Пища четырех видов — пережевываемая (хлеб, рис), проглатываемая без жевания (каша), вылизываемая (мед), всасываемая (сок манго и т. п.).

³³⁶ Толкование. — В оригинале: arōhana — букв. «устранение» [неопределенности], также «обсуждение, толкование, аргументация»; Семенцов переводит: «конец заблуждения».

³³⁷ Завершение Вед. — Веданта или Упанишады, завершающий цикл священных ведийских текстов, заключающий в себе конечную мудрость откровения.

³³⁸ Два есть духа... нетленный Владыка. — В этих двух строфах (16—17) устанавливается иерархия трех уровней в понятии духовного начала (puruṣa); Хилл усматривает здесь параллель с различением «низшей» (материальной) и «высшей» (духовной) природы Бога в ст. 4—5 седьмой песни (см. примеч. 195, 196 к текущ. разд.), против чего возражает Зенер, указывая, что пуруша никак не может означать материальную природу в системе санкхьи (см.: Bhagavad Gītā 1969: 366). Тем не менее Гояндка следует здесь Хиллу, также проводя параллели с различением понятий adhibhūta и adhyātma в восьмой песни (ст. 4 и 3, см. примеч. 207, 208, 210 к текущ. разд.), а также kṣetra и kṣetrajñā в тринадцатой (ст. 1, см. примеч. 301 к текущ. разд.); в этой главе ту же параллель он усматривает в понятиях соответственно «смоковницы» и «живой

души» (ст. 7; см. примеч. 331 к текущ. разд.); «все существа» тогда, очевидно, означают Вселенную, материальный мир, «Вознесшийся» — непреходящий Атман-Брахман (см.: Bhagavadgītā 1986: 663—664). Зенер, однако, определяет первое как совокупность душ, все еще пребывающих в плену материальной природы (см.: Bhagavad Gītā 1969: 367). Усматривают также параллель в различении двух образов Брахмана в «Брихадараньяка-упанишаде», II. 3. 1, и «двух знаний» в «Мундака-упанишаде», I. 1. 4—5 (см.: Vuitenen 1981: 169). «Превышний Дух» — см. примеч. 174 к текущ. разд.

³³⁹ Глава 38. — В колофоне название шестнадцатой главы поэмы — «Йога различения божественного и демонского достояний» (daivāsurasampadvibhāga-yoga). Семенцов переводит: «...божественной и демонической участи».

³⁴⁰ ...равновесие знания и сопряжения... — В оригинале: jñānayoḡavyavasthiti. Иначе понимают это сложное слово другие переводчики. Семенцов переводит: «пребывание в йоге знания», сходно и у других, понимающих vyavasthiti как «стойкость, упорство» (fortitude у ван Бейтена). Однако в «Гите» это слово имеет определенно значение разделения.

³⁴¹ Благочестивое чтение. — В оригинале: svādhyāya (см. примеч. 148 к текущ. разд.).

³⁴² Ни о действии... ни о бездействии... — Иными словами: что надлежит и чего не следует делать (если следовать толкованию Шанкары), когда действовать, когда воздержаться от деяния (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 189; Bhagavad Gītā 1969: 370).

³⁴³ ...о возникшем беспричинно... от вожделения. — Согласно Шанкаре, здесь излагаются взгляды «нечестивцев» (локаятиков), отрицавших установленную Богом обоснованность и последовательность творения и причиной рождения существ полагавших лишь плотскую страсть (см.: Bhagavadgītā 1948: 337).

³⁴⁴ ...безумно гордые своим богатством... — Другой возможный перевод: «опьяненные богатством и гордыней»; Семенцов переводит: «...полны... самомнения, гордыни богатством».

³⁴⁵ Учения. — В оригинале: śāstra — «шастры»; подразумеваются, видимо, специальные тексты по различным областям традиционной учености (см.: Индуизм 1996: 457—458); выше этот термин мы оставляли без перевода; ниже этот же термин в единственном числе переводим: «писание». Гояндка, впрочем, понимает здесь под этим все древние священные книги, включая Веды и оба великих эпоса (см.: Bhagavadgītā 1986: 687).

³⁴⁶ Глава 39. — В колофоне название семнадцатой главы поэмы — «Йога различения трех видов веры» (śraddhātrayavibhāga-yoga).

³⁴⁷ У каждого... вера бывает соответствующей сущности его. — Как поясняет Шанкара, вера человека зависит не от религиозной догмы, а от его характера и его отношения к культуре (см.: Bhagavadgītā 1948: 342).

³⁴⁸ ...строй частей и меня, проникающего тело... — Подразумевается организм человека, представляющий собой целесообразное сочетание телесных элементов (bhūta), в коем Бог пребывает «частицей», толкует Рамануджа, как душа (jīva) (см.: Buitenen 1981: 170). Семенцов переводит: «...толпу элементов телесных и Меня в этом... теле»; сходно большинство переводчиков; но Зэнер понимает bhūta-gṛāma в оригинале иначе (the mass of living beings whose home their body is — «сонм живых существ, чья обитель — их тело»).

³⁴⁹ ...называют телесным подвижничеством. — «Гита» отвергает крайности умерщвления плоти и к телесной аскезе приравнивает чисто моральные достоинства.

³⁵⁰ Ом, То, Сущее... брахманы, Ведь и жертвоприношения. — Эта строфа связывает понятие Брахмана с ритуалом. О самой священной из мантр как о символе Брахмана см. примеч. 118 к текущ. разд.; «То» (tad) — см. примеч. 80 к текущ. разд., «Сущее» (sat) — см. примеч. 78 к текущ. разд. (выражает реальность Брахмана, см.: Bhagavadgītā 1948: 349). К Брахману и возводится здесь ритуальная триада — жрец, святое слово, обряд (Семенцов переводит: «...были созданы Им в начале...»).

³⁵¹ В значении сущего и в значении доброго... — В санскрите sat, кроме буквального (причастия настоящего времени от глагола as — «быть»), имеет утвердившееся значение «добрый, добродетельный».

³⁵² Глава 40. — В колофоне название восемнадцатой, последней главы поэмы — «Йога избавления и отрешения» (mokṣasaṃnyāsa-yoga). Рамануджа подчеркивает значение этой главы, в которой он видит прямое указание «пути бхакти» — bhakti-mārga (см.: Callewaert, Nemraj: 1982: 92).

³⁵³ Отрешения... отвержения... — В оригинале соответственно: saṃnyāsa (см. примеч. 156, 157 к текущ. разд.) и tyāga; граница между этими терминами, как отмечают комментаторы, проводится не совсем четко (см. в следующей строфе); Семенцов считает, что они «практически синонимичны» (см.: Семенцов 1985: 228).

³⁵⁴ ...отвержение плода любого деяния... — Шанкара поясняет, что «отвержение» (tyāga) относится только к тем, кто следует путем йоги деяния, для приверженных же пути знания любое деяние исключается (см.: Bhagavadgītā 1948: 352).

³⁵⁵ ...трех видов... отвержение. — Это различие поясняется ниже (ст. 7—9), где соотносится с тремя гунами (см. примеч. 92 к текущ. разд.).

³⁵⁶ ...в заключении в учении Рассуждения. — «Заключение» (т. е. конечный вывод) — в оригинале: kṛtānta; большинство переводчиков понимают kṛta как слово нарицательное, но Радхакришнан считает, что речь идет о «конце Криты», первой из четырех юг, «веков» мифологической хронологии, составляющих махаюгу (см. примеч. 22 к текущ. разд.; Bhagavadgītā 1948: 355). «Рассуждение» — в оригинале: saṃkhyā (см. примеч. 69 к текущ. разд.); Шанкара и Мадхусудана утверждают (без видимых основа-

ний), что под санкхьей здесь подразумевается Веданта, т. е. Упанишады, с чем не согласен Шридхаря; речь идет, скорее, об учении, сложившемся позднее (см.: Ibid.).

³⁵⁷ То — основа... пятая — судьба. — Комментаторы различно толкуют содержание этой строфы. «Основа» (adhiṣṭhāna) означает, как полагают, физическое тело; под «деятелем», согласно Шанкаре, следует понимать феноменальное «я»; Рамануджа обозначает его как индивидуальную человеческую душу (jīvātman); с другой стороны, Мадхва отождествляет его с Вишну (см.: Ibid.). Эджергон полагает, что здесь отражается всего лишь «простая и наивная попытка» определить факторы в осуществлении любого действия (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 189). Теланг переводит daiva как «божества» (deities).

³⁵⁸ ...в себе видит единственного деятеля... — Семенцов переводит иначе: «...атмана полагает всех действий причиной...» (так же толкует Гояндка).

³⁵⁹ Рассуждение о качествах. — В оригинале: guṇasamkhyāna; как полагает Семенцов, — «название какого-то (несохранившегося) произведения ранней санкхьи» (Семенцов 1985: 229; см. также: Bhagavadgītā 1882: 124).

³⁶⁰ Разумение и стойкость. — В оригинале соответственно: buddhi и dhṛti. Семенцов эти термины переводит здесь: «мысль» (см. примеч. 90 к текущ. разд.) и «постоянство».

³⁶¹ ...мысли, жизненных сил и чувств... — Первые два понятия Семенцов оставляет без перевода, перечисляя в обратном порядке: «...чувства, и праны, и манас...».

³⁶² Долг, желание и польза. — См. примеч. 57 разд. «Протяжение...».

³⁶³ ...в усердном упражнении... достигают конца бедствий... — Под «усердием» (abhyāsa) (см. примеч. 188, 294 к текущ. разд.), согласно комментаторам, подразумевается здесь неукоснительное исполнение религиозных обязанностей. Семенцов и ван Бейтенен, в отличие от большинства переводчиков, понимают эту строфу как одно законченное предложение.

³⁶⁴ ...Души в себе ясным разумением рожденная. — В оригинале: ātmabuddhi-grasādaja. Наш перевод следует толкованию Рамануджи (так же у Гарбе, Сенара). Дейсен толкует первые два члена сложного слова как двандву и переводит: ...der Seele und des Bewusstseins... т. е. «души и сознания» (ясностью); ему следуют Теланг: ...soul and intellect («души и ума»); Эджергон: ...self and soul... («себя и души»); Семенцов: «...рождена ясной мыслью и духом...» «Душа» здесь, очевидно, также в значении Атмана.

³⁶⁵ ...от собственного... естества... — В оригинале: svabhāva, что можно перевести также: «своя природа» (см. примеч. 162, 210 к текущ. разд.).

³⁶⁶ Знание, познание. — См. примеч. 129, 223 к текущ. разд.

³⁶⁷ Совершенство. — В оригинале: *siddhi*, что можно перевести также: «успех» (как у Семенцова).

³⁶⁸ Движение. — В оригинале: *pravṛtti*, что может иметь значение «происхождение» или «деятельность, активность»; русские переводчики избирают первое (Семенцов: «...от кого существа происходят»; так же у Теланга), другие ставят ударение на втором (Эджертон: *activity* — «деятельность»; ван Бейтенен: *motivates the creatures to act* — «побуждает существа к действию»); по-видимому, оба значения подразумеваются в тексте.

³⁶⁹ Лучше неуклюжее... чем чужого долга хорошее. — Семенцов переводит очень вольно: «Даже полный успех в чужой дхарме бесполезен — к своей устремляйся».

³⁷⁰ ...предел знания... — В оригинале: *niṣṭhā*, что можно перевести: «завершение, вершина»; Семенцов переводит: «высшая цель йоги знания».

³⁷¹ Созерцание и сопряжение. — В оригинале: *dhyāna-yoga*; некоторые переводчики толкуют это сложное слово иначе, в значении «йоги созерцания» или «упражнения в медитации» (Эджертон: *discipline of meditation*; Миллус: *Andachtsübung*; сходно у Мяллы) или просто медитации, как у Нилакантхи. Наш перевод следует толкованию Шанкары (см.: *Bhagavadgītā* 1948: 370).

³⁷² Механизм. — В оригинале: *yantra* — «орудие», «механическое приспособление»; Шанкара проводит здесь сравнение с движениями марионеток (см.: *Bhagavad Gītā* 1944/1: 175).

³⁷³ Ко мне обрати... не печалься. — Ст. 65—66 этой песни традиционно считаются, как указывает Семенцов, «квинтэссенцией Гиты» (см.: Семенцов 1985: 229). Школа Рамануджи считает строфу 66 заключительной (*sarvasloka*) в поэме (см.: *Bhagavadgītā* 1948: 379, Витенен 1981: 170, см. примеч. 352 также к текущ. разд.). «Законы» (*dharma*), согласно Шанкаре, здесь не отвергаются, но безраздельная преданность Богу освобождает от «уз как закона, так и беззакония» (см.: *Bhagavad Gītā* 1969: 400—401).

³⁷⁴ ...непреложная справедливость... — Эпитет «непреложная» (*dhruvā*) может, согласно разночтению, относиться ко всем перечисленным благам (см.: *Bhagavadgītā* 1945: 188 и перевод Эджертона). Некоторые переводчики (напр., Миллус 1980: 100) относят его к «убеждению», высказываемому Санджай.

УБИЕНИЕ БХИШМЫ

(Главы 41—117)

¹ Кракача (*krakaca*) — род музыкального инструмента (предположительно духового тростевого, возможно, род трещотки).

² Совершитель ста жертвоприношений (*śatakratu*) — употребительный эпитет Индры.

совершившего сто жертвоприношений коня (см. примеч. 55 к разд. «Песнь Господа») в знак своего превосходства над земными царями, небесным властителем и покровителем которых он считается.

³ ...перед собою ладони сложив... — Имеется в виду традиционный жест почтительного приветствия («анджали»).

⁴ ...на деда... — т. е. на Бхишму.

⁵ Гаутама — сын Готамы, Крипа.

⁶ ...развевали... свои одеяния. — Знак ликования, торжества.

⁷ ...раб расчета... — В оригинале: arthasya, т. е. материального обеспечения, «пользы», входящей в число трех жизненных ценностей, блюсти которые почиталось долгом. Будучи у Кауравов как бы «на жалованье», Бхишма не вправе уклониться от служения им.

⁸ ...внял речи... голову преклонив... — В оригинале: śirasā pratijagrāha — букв. «принял (речь) на голову», выражение почтительного согласия, повиновения сказанному.

⁹ Дваждырожденный (dvija). — Этот эпитет употребляется обычно как синоним брахмана, хотя может относиться к представителю любого из трех высших сословий, варн (см. примеч. 64 к разд. «Песнь...»), проходящему в определенный срок обряд инициации («второе рождение»).

¹⁰ Мриданг — род двустороннего барабана, обтянутого кожей.

¹¹ ...ваджры удары... — употребительное сравнение (см.: Араньякапарва 1987: 734).

¹² ...отец твой. — Бхишма, который как старший брат отца Дхритараштры приравнивается к отцу в сознании рода.

¹³ Жезл Смерти. — В оригинале: kāladanḍa — букв. «жезл Времени» (см. примеч. 18 к разд. «Протяжение...» и примеч. 263 к разд. «Песнь...»).

¹⁴ Киншук (Butea frondosa) — дерево с красными цветами, лишенным запаха.

¹⁵ ...как... ярого ярый слон. — То есть как слоны в пору течки (см. примеч. 30 к разд. «Земля»).

¹⁶ ...Ангарака с Будхой. — Ангарака (Марс), неблагоприятная планета, считается антагонистом Сомы (Луны), как и Будхи (Меркурия), сына последнего.

¹⁷ ...железною... стрелою... — В оригинале: pāṅāsa, что может означать железную, но иногда и любую стрелу.

¹⁸ ...тупыми стрелами... — В оригинале: viśikha, что может означать тупую или неоперенную стрелу, иногда стрелу вообще.

¹⁹ ... с пятерыми Гандхарами... — Подразумеваются, как можно полагать, пятеро братьев Шакуни, царя Гандхары, убитые потом Бхимой (см.: Дронапарва 1992: 583; см. также: Roy 1925/7, где в гл. 132 приводятся имена троих, и имена еще двоих указаны в дополнительном тексте в Калькуттском издании. Далее, однако, в гл. 86, описывается бой шестерых братьев Шакуни с Ираваном, сыном Арджуны, в котором пятеро из них гибнут (причем имена их не совпадают с указанными в седьмой книге); см. примеч. 178 к текущ. разд.

²⁰ ...оперенными стрелами... — В оригинале: lomavāhibhiḥ; другой возможный перевод: «острейшими, секущими волос...»

²¹ ...поменяли [виды боя]. — То есть вступили в бой с войсками иных родов оружия (в оригинале: viraḡitaṃ samāyauḥ); Теланг толкует это иначе — как переход в контрнаступление (см.: Roy 1925/4: 117).

²² ...крикам каравайки подобные... — В оригинале: krauñca (вид кроншнепа) — птица, крик которой отличается жалобным звучанием.

²³ Отверженные души. — В оригинале: preta — призраки, души умерших, не находящие упокоения, те, над которыми не свершены погребальные обряды.

²⁴ ...медные латы... — В оригинале: lauhāni, что может означать и «железные».

²⁵ Сын Кришны — так именуется здесь сын Арджуны, очевидно, чтобы подчеркнуть неразрывную связь (граничащую с отождествлением) обоих героев.

²⁶ Панчалийский (райса́ла). — То же: Панчалиец, Дхриштадьюмна, царевич панчалов.

²⁷ ...длиною в талу... — Согласно комментаторам, тала (tāla — букв. «пальма») — мера длины, равная четырем хаста (локтям), т. е. около 2 м (см.: Удьюгапарва 1976: 459).

²⁸ ...дорогого свойственника... — Возможно, ирония; Бхишма связан свойством с Друпадой через того же Арджуну и его братьев, своих внучатных племянников.

²⁹ ...на исходе зимы... — Вариант перевода: «холодного сезона» (śiśira — январь — март); леса, выгоревшие летом, за зиму окончательно теряют листву и имеют особенно жалкий вид.

³⁰ Царь справедливости (dharmaṛāja) — постоянное именование Юдхиштхиры, содержащее имя его небесного отца, бога Дхармы.

³¹ ...небесным оружием своим... — Небесным оружием, полученным от богов, обладает Арджуна; оружие Бхишмы, как и оружие Дроны (см. ниже), величается так, видимо, вследствие мощи, которую ему придает воинское искусство владеющего им героя.

³² Заревая каравайка. — В оригинале: krauñcāḡa; перевод условный.

³³ Носитель (или Держатель) ваджры (vajrabhṛt, vajgarāṇi). — Обычный эпитет Индры; после ссылки на мифологический сюжет в предшествующей строфе здесь следует новая, с переменной ролей (с Индрой сравнивается не полководец, а его советчик; не исключено искажение текста).

³⁴ Многочтимый. — В оригинале: puruhūta; эпитет Индры (что может значить и «Чтимый многими»).

³⁵ Оружие Индры. — Имеется в виду его лук, каковым в индийской мифологии почитается радуга.

³⁶ Град гандхарвов — мираж, фата-моргана.

³⁷ Чедиец (caidyā). — Здесь: властитель Чеди, царь Дхриштaketу.

³⁸ Огневики (agniveśya)... тыквопийцы (tumbura)... к левому краю примыкали. — Отмеченные переводы этнонимов-прозвищ условны (ср. такие же в гл. 10).

³⁹ ...миллион и еще семьдесят тысяч. — Характерные для индийского эпоса числовые преувеличения, противоречащие здесь определению общей численности войск в начале рассказа о битве.

⁴⁰ ...царь Каши... — В «Удьюгапарве» (гл. 28) правителем Каши назван царевич Бабхру (отличный, видимо, от Бабхру из рода Ядавов), как можно предположить, — сын старого царя Каши (имя которого в эпосе не называется), тестя Вичитравирьи (об умывании его дочерей Бхишмой см. в «Сказании об Амбе» в пятой книге); в «Бхишмапарве» царь Каши фигурирует как сторонник Пандавов. Далее, однако, сыном кашийского царя назван Абхибу (см. ниже примеч. 51 к текущ. разд.).

⁴¹ Шибиец (śaibya) — царь страны Шиби; по-видимому, имеется в виду Говасана, который упоминается в первой книге (гл. 90) как тесть Юдхиштхиры (отец его жены Девики).

⁴² ...к наставнику... — То есть к Дроне.

⁴³ Ненадежна... ограждаемая Бхишмой... — Дурьодхана повторяет слова, сказанные перед началом битвы (см. выше примеч. 59 к разд. «Песнь...»).

⁴⁴ Приревские земли — область, прилегающая к реке Реве (Нармаде).

⁴⁵ Нанда, Упананда и прочие — сыновья Дхритараштры (в оригинале: pandoranandaka; это сложное слово становится впоследствии междометием, выражающим горе, отчаяние).

⁴⁶ Панибхадраки (pāṇibhadraḥ) — название племени, варьируется в рукописях (также pāṇibhadraḥ, maṇibhadraḥ).

⁴⁷ Бледные (pāṇḍu) — Пандавы (см. примеч. 6 к разд. «Протяжение...»).

- ⁴⁸ Властелин богов (suragāj) — эпитет Индры.
- ⁴⁹ Ушастики (kaṅgarāvāraṇa) — фантастическое племя (букв. «покрытые, прикрывающиеся ушами»).
- ⁵⁰ [Другой] сын Сомадатты — вероятно, Бхури, поскольку Бхуришравас (чаще всего под сыном Сомадатты подразумеваемый) и Шала только что упоминались как занимающие левый край.
- ⁵¹ Кетуман, Васудана и Абхибху, сын Кашийца. — Здесь в тексте явная непоследовательность: из троих воителей, которые упомянуты здесь как занимающие тыл войска Кауравов, только Кетуман принадлежит определенно этому войску, Васудана далее везде выступает как сражающийся на стороне Пандавов (его потом в битве убивает Ашваттхаман), а что касается Абхибху, то ниже, в гл. 89, он тоже назван в числе сторонников Пандавов, однако в восьмой книге (гл. 4) он упомянут как царь Каши, возглавляющий войско, выступающее, по-видимому, на противоположной стороне, и убитый сыном Васуданы (?).
- ⁵² Внук Шини — Сатьяки, герой из рода Ядавов.
- ⁵³ Сын Пришаты (Pārsata) — царь Друпادا, хотя, возможно, здесь это родовое имя того же Дхриштадьумны, внука Пришаты.
- ⁵⁴ Сын Грозного Солнца — Карна (см. примеч. 26 к разд. «Песнь...»).
- ⁵⁵ ...крепкими древками... — В оригинале: pāgāsa, что может также означать железную стрелу (см. примеч. 17 к текущ. разд.).
- ⁵⁶ Увенчанный — имя-эпитет Арджуны, полученное им благодаря диадеме, дарованной ему Индрой.
- ⁵⁷ ...царя же... — По-видимому, подразумевается Шалья (названный в разночтении).
- ⁵⁸ «Позор обычаю кшатры!» — эмоциональное сетование Бхишмы на долг (дхарму) кшатрия, обязывающий его убивать.
- ⁵⁹ Закон (dharma). — Подразумевается и «дхарма» как долг, определяемый принадлежностью к варне (см. предыдущее примеч.).
- ⁶⁰ Оружие грома Шакры — ваджра Индры.
- ⁶¹ Закаленные — В оригинале: pīta; перевод условный.
- ⁶² ...битва... не различающая воинов... охваченных жадой убийства. — То есть воины, ослепленные жадой убийства, уже не различали своих (см. далее по тексту).
- ⁶³ ...орудия всякие... — В оригинале: yantrāṇi (см. примеч. 30 к разд. «Песнь...»).

⁶⁴ Голубиноконный. — В оригинале: *pārāvātāśva*; т. е. чьи кони как голуби (т. е. быстры, как голуби) (см.: Devabodha 1947: 19), здесь: эпитет Дхриштадьомны. Ковидара, эмблема на знамени Дхриштадьомны, — растение *Bauhinia variegata*.

⁶⁵ ...из вороненой стали... — В оригинале: *śaikūyāsī*; перевод предположительный.

⁶⁶ Сын Сатьяки. — Имя его в эпосе не называется.

⁶⁷ ...на твоего другого внука... — То есть на Абхиманью, внучатого племянника Дхри-тараштры, являющегося для него таким же внуком, как и родной, сын Дурьодханы.

⁶⁸ Время-Губитель (*kālāntaka*). — См. примеч. 17 к разд. «Протяжение...».

⁶⁹ Гора Заката (*asta*) — мифическая гора на крайнем западе, за которую, как предполагалось, садится солнце.

⁷⁰ ...строим Гаруды... — То есть наподобие раскинувшей крылья птицы.

⁷¹ Бхарадваджа. — Очевидно, здесь — Дрона, сын Бхарадваджи.

⁷² Камбоджийский — царь Камбоджи Судакина.

⁷³ Нилаюдхи (*nilāyudha*). — По-видимому, название племени, которое можно, однако, понять и как «воины Нилы».

⁷⁴ Сын Бхимасены. — Здесь, очевидно, Гхатоткача.

⁷⁵ ...хранитель, чей хранитель — Джанардана. — Подразумевается Арджуна, охраняемый Кришной.

⁷⁶ ...кампанами... канапами... — Названия этих видов боевого снаряжения оставляем без перевода, поскольку неясно, что они собой представляли; *kaṁpana* (букв. «потрясающая») — возможно, род палицы, *kaṁpara* («пьющая по капле?»), как можно предположить, — род колющего оружия.

⁷⁷ Безглавые трупы (*kaḁandha*) — *kaḁandhi*, род демонов; они появляются, пляшущие, на полях кровопролитных сражений в эпических описаниях; образ возводит к мифу о демоне Кабандхе, обезглавленном Индрой, или к представлению о пляске после смерти павших в бою воинов (происходящему, как полагают, из неарийского фольклора).

⁷⁸ Тридцать — употребляется традиционно в значении: «боги»; т. е. означает условно пантеон (хотя число его членов значительно больше).

⁷⁹ ...пестрою стрелою-ланью... — В оригинале: *ṛṣatka*; т. е. быстрой, как пятнистая антилопа.

⁸⁰ ...в ночь новолуния Сомы и Сурья... — Речь идет о луне и солнце, которые в эту ночь как бы сходятся вместе.

⁸¹ ...вы оба... — По-видимому, и Бхишма, и Карна, раздор между которыми Дурьодхана считает причиной поражения.

⁸² ...того и другого Кришну... — То есть Кришну и Арджуну (ср. примеч. 25 к текущ. разд.).

⁸³ ...как Вишну — Губителю Вритры. — Начиная с поздневедийских текстов в изложении мифа о победе Индры над Вритрой все более подчеркивается решающая роль в этой победе помощи, оказанной при этом Индре Вишну.

⁸⁴ Предводителя Васу младший брат... — Имеется в виду Вишну, который здесь прямо отождествляется с Кришной (что редко в батальных сценах); ниже упоминается боевой диск (чакра), характерный атрибут этого бога. Вишну — младший из сыновей Адити, к которым вместе с Индрой (Предводителем Васу) он причисляется в послеведийской мифологии.

⁸⁵ Оба Ашвина. — Подразумеваются младшие Пандавы, братья-близнецы Накула и Сахадева, земные сыновья богов Ашвинов.

⁸⁶ Первозданный Лотос, из пупа Нараяны вырастающий. — Широко известный по вишнуитской иконографии образ, символ Земли как порождения космических вод.

⁸⁷ Лук Шарнга (śarṅga) — букв. «Роговой», как и диск, постоянный атрибут Вишну в индуистской мифологии и иконографии.

⁸⁸ ...к лучшему из Кауравов приязнь сохраняя... — По-видимому, подразумевается Бхишма и то, что гнев Кришны на него был переходящим.

⁸⁹ ...предписаньям следуя... — В оригинале: vidhivat; т. е., видимо, следуя правилам магического заклинания оружия.

⁹⁰ ...с рассеченными ремнями и разбитыми подпорами... — Перевод условный, значения слов yantra и indrakila здесь неясны.

⁹¹ ...всякого рода опасности... — В оригинале: vṛāla; здесь, очевидно, сравнение с тучей, «таящей» в себе молнии.

⁹² Сын Индры — Арджуна (согласно мифу о божественном происхождении сыновей Панду) (см. в гл. 90, 114 «Адипарвы»).

⁹³ Сын Сомадатты — Бхуришравас.

⁹⁴ Самьямани. — Под этим родовым именем в описании битвы фигурируют как сын, так и внук Самьямани, и в конце главы речь идет о гибели его внука.

⁹⁵ ...внук твой... — Абхиманью, сын Арджуны (см. примеч. 25 и 67 к текущ. разд.).

⁹⁶ ...убил одного коня... — Перевод дается по разночтению, критическое издание избирает (едва ли мотивированно) вариант: «один (?) убил коня...»

⁹⁷ ...кшюра, кшюрапра... анджалика... — Первые две — разновидности стрел, очевидно, с режущими наконечниками (kṣura — букв. «бритва»), «анджалика» — с железным пальцеобразным наконечником (см.: Devabodha 1947: 30).

⁹⁸ Смерть с Жезлом в руке. — См. примеч. 25 к разд. «Земля».

⁹⁹ Судеб вершитель. — В оригинале: kṛtānta — букв. «вершитель конца, кончины», эпитет Ямы, бога смерти.

¹⁰⁰ ...пляшущего Шанкару... — Восходящий к архаическим шаманистским культурам танец Шивы, воплощающий его космическую энергию, здесь явно связывается с его разрушительной функцией.

¹⁰¹ Носитель трезубца (śūlabhṛt) — эпитет Шивы. Другой возможный перевод: Копьеносец.

¹⁰² ...палицу булатную... — См. примеч. 65 к текущ. разд.

¹⁰³ Времени властелин (kālavadvibhu). — Здесь, очевидно, эпитет Ямы.

¹⁰⁴ Ришьяшринга — отец ракшаса Аламбусы, герой известного в различных версиях мифа (излагается в гл. 110—113 «Араньякапарвы»).

¹⁰⁵ ...лук грозно скорый... — То есть грозный той скоростью, с которой с него слетают стрелы.

¹⁰⁶ ...ядовитой тыкве... — В оригинале: kimṛāka; растение *Trichosanthes palmata*, с плодами неприятного вкуса.

¹⁰⁷ ...тех, что неутомимы в деяниях [своих]... — В оригинале: akliṣṭakarman — букв. «неутомимый». Согласно комментарию Теланга к английскому переводу, здесь подразумеваются люди, воля которых преодолевает все препятствия (см.: Roy 1925/4: 180). Датт в своем переводе толкует иначе: как «неутомимые в благочестивых деяниях» (см.: Dutt 1897: 105).

¹⁰⁸ Владыка владыки мира (lokeśvarēśvara) — эпитет Вишну-Кришны, подчеркивающий его первенство в верховной триаде; «владыка мира» — очевидно, Брахма.

¹⁰⁹ Благой сына сын (saumyātmajātma). — Значение эпитета saumya неясно. Совершенно толкование Девабодхи, полагающего saumya патронимом от «Сома» как одного из имен Брахмы (?); то есть Вишну — «сын сына (или внука) Брахмы, Кашьяпы» (Devabodha 1947: 21).

¹¹⁰ Изначальный Вепрь — третье перевоплощение, аватара, Вишну (см.: Индуизм 1996: 111).

¹¹¹ ...являющий [миру] существа (bhūtavibhāvana)... — Подразумевается функция бога-творца.

¹¹² Минование эры. — В оригинале: kalpasamkṣera — букв. «крушение калпы», т. е. гибель вселенной в определенный срок (см. примеч. 226 к разд. «Песнь...»).

¹¹³ Творец бессмертия. — В оригинале: amṛtodbhava — точнее «источник бессмертия» (или амриты, напитка бессмертия).

¹¹⁴ Даятель деяния. — В оригинале: karmada, что можно толковать различно; karma может означать и «деяние», и «обряд», и «карму» как закон предопределения судеб.

¹¹⁵ ...праведность — желания дитя... — Здесь «праведность», или «долг» (dharma), высшая из трех жизненных ценностей (см. примеч. 57 к разд. «Протяжение...»), объявляется происходящей из «желания» (kāma) как из первозданной первопричины.

¹¹⁶ ...извечное великое... — В оригинале: śāsvataṃ mahat, что может также означать Вселенную.

¹¹⁷ Муж (puṅṣa). — См. примеч. 48 к разд. «Песнь...».

¹¹⁸ ...назовут тьме преданным (tāmasa)... — то есть в чьей природе преобладает «качество косности» (tamas); см. характеристику подверженных различным гунам в гл. 39 (семнадцатой главе «Гиты»).

¹¹⁹ Счастливым завиток (śṛīvatsa) — божественный знак на груди Вишну-Кришны в индуистской иконографии.

¹²⁰ Камень Каустубха — постоянный атрибут Вишну, волшебный бриллиант, обретенный в числе других сокровищ из океана после пахтания его богами и демонами (см. изложение этого мифа в гл. 16 «Адипарвы»).

¹²¹ Быль о Васудеве. — Сказание о воплощении Вишну в образе Кришны (он же Васудева) в различных версиях упоминается далее.

¹²² ...сатватский закон приняв... — Т. е. воплотившись в роду Ядавов, племени сатватов.

¹²³ ...воду воплотивший в себе... спит... силою йоги. — Вишну, возлежащий на водах, сам является воплощением первозданных вод; «йога» здесь — сверхъестественная сила бога, погружающего себя в сон, которым мистически поддерживается мироздание.

¹²⁴ ...сумерки, те и те... — Подразумеваются периоды «сумерек» (samdhyā), разделяющие мифические века (юги) (см. примеч. 22 к разд. «Песнь...»), «те и те» — в самом начале каждой юги и на исходе ее.

¹²⁵ Определение (niyama) — всякое правило и установление.

¹²⁶ Бесконечный (ananta). — Здесь: эпитет космического змея Шеши, зооморфного

атрибута Баладевы (Санкаршаны); иногда змеей Ананта выступает как самостоятельный мифологический образ.

¹²⁷ ...Вепрь, Лев, Три шага прошедший... — Перечисляются аватары Вишну: третья — Вепрь (см. примеч. 110 к текущ. разд.), четвертая — Лев, т. е. Человеко-Лев, убивший царя демонов Хираньякашипу, и пятая — Карлик, тремя шагами отобравший вселенную у демонов.

¹²⁸ Вхождения в Брахмана... в дни новолуния и полнолуния. — Здесь достижение высших целей связывается, очевидно, с регулярными обрядами ведийского ритуального календаря, в сроки которых совершается поклонение божеству нового культа.

¹²⁹ Волхований владыка — перевод условный; «волхования» — в оригинале: *yoga*, очевидно, в значении сверхъестественных способностей Бога (см. примеч. 278 к разд. «Песнь...» и примеч. 123 к текущ. разд.).

¹³⁰ Блаженные (sādhya) — класс мифологических существ, родственных «совершенным» и «странникам небес» (см. примеч. 47 к разд. «Протяжение...»).

¹³¹ ...молвит о тебе Девала. — В критическом издании здесь — Девала Асита, однако Девала и Асита — имена двух отличных друг от друга мудрецов (упоминаемых в «Бхагавадгите», X, 13, см. в настоящем издании с. 72); поэтому мы избираем разночтение, где имя Аситы опущено.

¹³² Акшаухини. — См. примеч. 20 к разд. «Песнь...».

¹³³ ...помня о женской его природе. — См. примеч. 16 к разд. «Песнь...». О клятве Бхишмы не сражаться с Шикхандином, переменившим свой пол, рассказывается в пятой книге (гл. 169) (см.: Удйогопарва 1976: 333—334).

¹³⁴ ...огню, в конце юги разбушевававшемуся... — См. примеч. 70 к разд. «Протяжение...» и примеч. 22 к разд. «Песнь...».

¹³⁵ ...непривязанное знамя дыма... — Образ восходит к представлению о дыме как о знамени бога огня (не привязанном к какому-либо дереву).

¹³⁶ ...полчища воинов племен... — В оригинале: *paṅgaṅaughā*; подразумеваются, вероятно, дикие лесные и горные племена, привлеченные к участию в войне.

¹³⁷ ...стрелами железными... — См. примеч. 17 к текущ. разд.

¹³⁸ Авантиец — неясно, имеется здесь в виду Винда или Анувинда.

¹³⁹ Царь слонов — мифический слон по имени Айравата (Айравана).

¹⁴⁰ ...сыном твоим... обманутый... — Подразумевается, видимо, Дурьодхана, затеявший игру в кости, обманом выигранную у Юдхиштхиры (см. в «Сабхапарве»).

¹⁴¹ ...блудущего великий обет... — Имеется в виду Бхишма, давший обет безбрачия (см. примеч. 206 к текущ. разд.).

¹⁴² ...перед обоими Кришнами... — То есть перед Кришной и Арджуной (ср. примеч. 25 к текущ. разд.).

¹⁴³ ...с умением возобновления их. — Подразумевается магическое искусство возвращения метательных орудий наподобие бумеранга.

¹⁴⁴ Царевна саватов — Субхадра.

¹⁴⁵ ...счастливыми знаками отмеченного... — В оригинале: śubhalakṣaṇa; игра слов, построенная на созвучии с именем Лакшманы.

¹⁴⁶ Хранители мира (lokapāla) — боги-покровители стран света, занимающие в иерархии индуистского пантеона высшую ступень непосредственно вслед за верховной триадой (см.: Индуизм 1996: 256—257).

¹⁴⁷ Злые планеты. — В оригинале: mahāgraha — букв. «великие планеты»; так именуется обычно неблагоприятные планеты — Раху (мифическая «планета» затмений), Шанайшчара, Ангарака.

¹⁴⁸ ...сына Кришны... — То есть Абхиманью (см. примеч. 25 к текущ. разд.).

¹⁴⁹ Безглавые трупы. — См. примеч. 77 к текущ. разд.

¹⁵⁰ ...презрел... просьбы потомка Дашархи... позабавился с посольством Улуки... — Бхиша напоминает Дурьодхане о том, как он перед битвой не дал завершиться успехом последним попыткам сохранить мир посольству Кришны (потомка Дашархи), и сам ответным провокационным посольством Улуки словно надсмеялся над этими попытками (см. в «Удьягопарве» гл. 157—160).

¹⁵¹ Приложиться к макушке — букв. «понюхать макушку»; означает милостиво приветствовать склонившего почтительно голову.

¹⁵² ...при пахтании океана... в изначальной юге. — См. примеч. 120 к текущ. разд. Знаменитое пахтание океана относится к первой из четырех юг, составляющих период существования Вселенной, Крита-юге, соответствующей Золотому веку европейской мифологии.

¹⁵³ ...Сонмму туч на исходе юги... — См. примеч. 22 к разд. «Песнь...».

¹⁵⁴ ...Синдхиец... Магадхиец... — Соответственно царь Синдху Джаядратха и царь Магадхи Джаятсена. Последний, сын царя Джарасандхи, в гл. 16 назван среди сторонников Кауравов и далее принимает участие в битве на их стороне, однако в «Сабхапарве» (гл. 4) он упомянут в свите Юдхиштхиры (там же в гл. 22 наследником Джарасандхи на троне назван другой его сын — Сахадева); в «Удьягопарве» он неод-

нократно назван в числе сторонников Пандавов (как и его брат), и в заключительной главе (197) указано его место в строю их войска. Это же имя носит, по-видимому, один из сыновей Дхритараштры (см. примеч. 244 к текущ. разд.)

¹⁵⁵ Третье небо — в индуистской космографии царство Индры.

¹⁵⁶ ...с вожжами... словно другое солнце... — Кришна сравнивается здесь с солнцем, слово «вожжи» в оригинале (abhiṣu) имеет также значение «лучи».

¹⁵⁷ Белая планета. — См. примеч. 18 к разд. «Протяжение...».

¹⁵⁸ ...бесовский морок... — В оригинале: gākṣasī māyā; означает здесь иллюзию, созданную колдовством ракшасов (бесов).

¹⁵⁹ Война из-за Тараки — война между богами и демонами из-за Тараки (Тары), жены наставника богов Брихаспати, похищенной богом луны; упоминается в эпосе как событие глубочайшей древности.

¹⁶⁰ Копье. — В оригинале: śakti — метательное оружие (упоминаемое еще в «Риг-веде»), которому в эпосе часто приписывается магическая сила.

¹⁶¹ ...матери [Сахадевы]. — Мать младших Пандавов Мадри приходилась Шалье сестрой; не совсем понятна причина взаимной радости родственников, оказавшихся во враждебных станах; возможно, подразумевается радость встречи с достойным противником.

¹⁶² ...Индра с младшим братом... — См. примеч. 84 к текущ. разд.

¹⁶³ Пожиратель жертвы — эпитет Агни, здесь отнесенный к космическому огню (см. примеч. 70 к разд. «Протяжение...»).

¹⁶⁴ ...у воздуха, желчи и флегмы — с телом. — В древних медицинских трактатах жизнедеятельность человеческого организма ставится в зависимость от функционирования в теле трех названных гуморов; тело «борется» с нарушением правильных соотношений между ними, вызывающим болезни. Абхиманью укрощает сражающихся с ним троих родичей (оставляя их в живых).

¹⁶⁵ ...вспомнив... о речах Бхимы. — То есть о данном Бхимой после игры в кости обете убить всех сыновей Дхритараштры (см. гл. 68 «Сабхапарвы»).

¹⁶⁶ ...аратских коней... — Аратта — древнее название Пятиречья (Пенджаба), откуда поставлялись кони в другие области Индии.

¹⁶⁷ ...сын твой... — Имеется в виду Читрасена (см. далее по тексту).

¹⁶⁸ ...отмеряющую время... — То есть губительную, «отмеряющую» срок жизни.

¹⁶⁹ Глава рода Куру (kauṛavendra) — букв. «Индра Кауравов»; подразумевается подтверждение права Юдхиштхиры на наследование всего царства.

¹⁷⁰ ...Огню с Ветром-соратником... — Уже в Ведах Агни, бог огня, часто ассоциируется с Ваю, богом ветра (представляемым как его колесничий).

¹⁷¹ Строй Рогатины. — В оригинале: śṛṅgāṭaka; собственно, название растения с колючими плодами (*Barleria Longifolia*), перевод условный.

¹⁷² ...голова побежденного... — В оригинале игра слов (araḡāṭita — букв. «непобедимый»).

¹⁷³ Великомудрый сын рабыни — Видура, сводный брат царей Дхритараштры и Панду, в свое время предостерегавший Кауравов от роковой игры в кости, затеянной теми с целью лишить братьев Пандавов царства. Об этом повествуется во второй книге эпоса, где речь Видуры, предсказывающая пагубные последствия игры, занимает гл. 55, 56 (см. рус. пер.: Сабхапарва 1962: 111—113).

¹⁷⁴ ...хлопчатыми... — В оригинале: saṃva, что может быть названием хлопчатника; перевод условный.

¹⁷⁵ ...титтирийских... — Местоположение упоминаемой в эпосе страны титтирийцев неопределенно; по-видимому, это территория южнее реки Нармады.

¹⁷⁶ Супарны — мифические солнечные птицы, природные враги змеев-нагов (см. примеч. 16 к разд. «Протяжение...»).

¹⁷⁷ ...дядя его по отцу... — В оригинале: piṭṛva — явная описка вместо kauḡava; Кауравья — имя змеиного царя, отца матери Иравана (о встрече с нею Арджуны рассказывается в гл. 206 «Адипарвы»); о ненависти к Арджуне его брата никак не может идти речь. Сказание о восхождении Арджуны на небо Индры, упоминаемое ниже, занимает в «Араньякапарве» гл. 43—49.

¹⁷⁸ Отпрыски Субалы. — Подразумеваются, очевидно, братья Шакуни; в критическом издании здесь явно ошибочно избрано чтение saubalasya вместо subalasya, как обозначены те же персонажи далее в описании боя.

¹⁷⁹ ...из-за убийства Баки... — «Сказание об убийстве Баки» (брата Аламбусы) занимает в «Адипарве» гл. 143—152.

¹⁸⁰ ...те и другие. — Видимо, и приведенные ранее, и вызванные чарами.

¹⁸¹ Колчан пятеричный (раїсака). — Видимо, вмещающий пять наборов стрел.

¹⁸² ...родич... с материнской стороны... — Подразумевается, что демон Аламбуса связан родством с матерью Иравана, царевной демонского племени нагов.

¹⁸³ ...лучник из племени сатватов. — Здесь, очевидно, Сатьяки.

¹⁸⁴ Бродящие в ночи (niśācara) — обычное обозначение ракшасов (или родственной им разновидности демонов).

¹⁸⁵ ...Временем посланному богу смерти... — В мифологической иерархии эпоса Вре-
мя, одна из ипостасей бога смерти Ямы (см. примеч. 17 к разд. «Протяжение...»), иногда
как самостоятельный образ ставится выше его самого.

¹⁸⁶ ...отцам моим оскорбление нанеся... — Гхатоткача, сын Бхимы, называет своими
отцами всех пятерых Пандавов, супругов Драупади (о событиях, им упоминаемых, —
оскорблении Драупади в собрании царей и похищении ее царем Джаядратхой — см.
соответственно гл. 60 «Сабхапарвы» и «Сказание о похищении Драупади», гл. 248—
283 «Араньякапарвы»).

¹⁸⁷ Авантиец — царь Аванти, по-видимому, Винда (почти не упоминаемый поми-
мо своего брата Анувинды).

¹⁸⁸ Абхибху, Сын Кашийца. — См. выше примеч. 51 к текущ. разд.

¹⁸⁹ ...слоны, от врагов заслоняющие... — В оригинале игра слов, построенная на двой-
ном значении слова *vāgaṇa* — «слон» и «заслоняющий».

¹⁹⁰ ...горы с отсеченными крыльями... — Традиционный в индийской поэзии образ,
восходящий к ведийскому мифу о летучих горах, которые спустились и остались на земле,
после того как Индра отсек им крылья, ставшие тучами над ними (известен уже в «Риг-
веде», излагается в «Майтраяни-самхите» (см.: *Maitrāyaṇi* 1881—1886/1: гл. 10, ст. 13).

¹⁹¹ ...в состязании на сваямваре... — Подразумевается тот вид сваямвары («свобод-
ного выбора»), когда устраивается состязание претендентов на руку невесты (обычно
ее отцом); здесь имеет место отклонение от «чистой» сваямвары, целиком предоставляю-
щей выбор невесте (очевидно, обряд восходит к известному фольклорному мотиву испы-
тания).

¹⁹² Нила... темной туче подобный... — В подлиннике игра слов, построенная на
значении имени Нила — букв. «Синий, Темный».

¹⁹³ Одиннадцать армий... — В оригинале: *akṣauhiṇī*; см. примеч. 20 к разд. «Песнь...».

¹⁹⁴ ...как некогда Тараке Индра! — В известном мифе победителем демона Тара-
ки, с которым не в силах справиться Индра (с Индрой, *Puraṇḍara* — Сокрушителем
твердьи, выше уже сравнивался Бхадрадатта), выступает другое божество — Сканд;
эта оговорка Дурьодханы здесь, по-видимому, не случайна.

¹⁹⁵ ...воители... Кекаи... — Здесь они сражаются на стороне Пандавов (см. примеч. 41
к разд. «Песнь...»).

¹⁹⁶ ...просил... полцарства или же пять деревень... — об этом рассказывается в
«Удьяюгапарве» (гл. 70).

¹⁹⁷ Вайрата (Vairāta) — патроним от *Virāta*; однако царь Вирата с сыновьями сража-

ется на стороне Пандавов. Здесь, очевидно, имеется в виду некий воин с тем же именем.

¹⁹⁸ ...ядрами... — В оригинале: śataghñi — букв. «убивающее сотнями»; оружие сокрушительной силы, описывается как каменное или деревянное ядро с шипами.

¹⁹⁹ Бханди — растение *Rubia Munjista*.

²⁰⁰ ...как Тридцать за Предводителем Васу. — В пантеоне эпоса Индра возглавляет группу восьмерых богов Васу (в число коих сам не входит), но он же — глава всего пантеона (Тридцать — традиционное обозначение пантеона, хотя число его членов значительно больше).

²⁰¹ Благосклонный, десницу... простирая... — В подлиннике игра слов, построенная на различных значениях слова dakṣiṇa: «благосклонный» (другое значение: «умелый») и «десница, правая рука». Там же тавтологическое hastihasta («слоновый хобот») тоже образует аллитерацию.

²⁰² Магадхи (māgadhā) — наряду с сутами (см. примеч. 76 к разд. «Протяжение...») разряд придворных певцов-сказителей.

²⁰³ Чудодейственный узор. — В оригинале: sarvatobhadra — букв. «благоприятный со всех сторон», что означает диаграмму, заключенную в квадрат с вписанным кругом, которую рисовали на ткани как оберег или в иных магических целях.

²⁰⁴ Когда храбрый сын Панду... достаточным то было свидетельством. — О подвигах Арджуны, перечисляемых Бхишмой, повествуется в предшествующих книгах эпоса. О том, как Арджуна с Кришной помогли Агни, богу огня, сжечь дремучий лес Кхандава, преодолев сопротивление бога Индры, рассказывается в заключительном разделе первой книги (гл. 214—215, Адипарва 1950: 559—586); об освобождении Дурьодханы Арджуной из плена гандхарвов, в то время как братья его и Карна (сын Радхи) были обращены в бегство, см. в третьей книге, гл. 230, 234, 235 (Араньякапарва 1987: 474, 475, 478—481); о победе Арджуны над Кауравами и их союзниками близ города Вираты, после которой он забрал одежду врагов, ввергнутых им в беспамятство, см. в четвертой книге, гл. 48—61 (Виратапарва 1967: 83—105); о победе над ниватакавачами (nivātakačava, букв. «непробиваемые панцири», особый разряд демонов) см. в третьей книге, гл. 166—169 (Араньякапарва 1987: 343—348).

²⁰⁵ ...в шатер вошел, врагов сокрушитель. — В оригинале неперевоаемая игра слов и аллитерация.

²⁰⁶ ...отказался... от процветающего царства и от жены. — Об отречении Бхишмы от прав наследования царства и принятом им обете безбрачия рассказывается в первой книге (гл. 94).

²⁰⁷ ...как рассказано было о том в [Книге] о старании. — См. примеч. 16 к разд. «Песнь...». Книга о старании — «Удьяогапарва», пятая книга эпоса.

²⁰⁸ Благой со всех сторон. — См. примеч. 203 к текущ. разд. Строй назван, очевидно, по магическому квадрату, очертания которого он воспроизводит.

²⁰⁹ Шибиец — царь Шиби, который выше назван был в числе сражающихся за Пандавов (см. примеч. 41 к текущ. разд.); здесь, очевидно, искажение текста и должен быть назван другой персонаж.

²¹⁰ ...Предводитель Васу, когда он победил Майю. — В «Адипарве» (гл. 219) рассказывается о спасении Арджуной демона Майи, чудесного зодчего, от гнева бога огня; о победе Индры над ним упоминаний в других книгах эпоса нет.

²¹¹ Пять планет — Ангара (Марс), Буда (Меркурий), Брихаспати (Юпитер), Шукра (Венера) и Шанайшчара (Сатурн).

²¹² Демон Затмения (svarbhānu) — образ, восходящий к «Ригведе», позднее отождествлявшийся с Раху, олицетворением мифической «злой» планеты (см. примеч. 147 к текущ. разд.).

²¹³ ...как Буда и Шукра на небосводе. — Схождение этих планет подразумевает, очевидно, конфликт; с Будхой, сыном Сомы-Луны, сравнивается, вероятно, его потомок Арджуна, с Шукрай, наставником демонов, — Дрона. См. далее по тексту такое же сравнение Абхиманью с Будхой и Читрасены с Шанайшчарой.

²¹⁴ ...Рудре подобный. — Под именем Рудры Шива фигурирует обычно в своем грозном аспекте (как Бог-Разрушитель).

²¹⁵ ...казались... городами гандхарвов. — См. примеч. 36 к текущ. разд.

²¹⁶ ...как Вайтарани [уносит]... в град Царя призраков. — Царь призраков (pretagāja) — один из эпитетов Ямы; согласно некоторым текстам, во владения Ямы уходят после смерти грешники (павшие герои уходят в царство Индры). Мифическая река Вайтарани (vaitaraṇī — букв. «переносящая»), индийский Стикс, очевидно, не идентична священной реке того же названия на северо-востоке современной Ориссы, которая в «Араньякапарве» описывается как очищающая от грехов (см.: Араньякапарва 1987: 650, 727).

²¹⁷ Сын Шакры — Арджуна (см. примеч. 92 к текущ. разд.).

²¹⁸ Герой с пальмой на знамени — Бхишма.

²¹⁹ ...красотою деве нагов подобный. — Девы нагов, мифического племени змей-оборотней в человеческом образе (или людей зменной природы), славились необыкновенной красотой.

²²⁰ Ночь светопреставления. — В оригинале: *kālarātri* — букв. «Ночь Времени» (кончины вселенной по истечении махаюги; см. примеч. 8 к разд. «Протяжение...»); *Каларатри* — также одно из имен Великой Богини, супруги Шивы, в ее грозной ипостаси.

²²¹ Карни, налики — виды стрел с наконечниками в форме соответственно уха и стебля лотоса.

²²² Верный обету — Бхишма (см. примеч. 206 к текущ. разд.).

²²³ Ветру и Огню... — То есть богам Ваю и Агни (первый — божественный отец Бхимасены; см. примеч. 170 к текущ. разд.).

²²⁴ ...дал обещание Партха... что сразит сына Ганги. — Об этом обещании Арджуны убить Бхишму рассказывается в «Удьяогaparве» (гл. 160).

²²⁵ Стремящаяся к океану (*sāgaragā*) — Ганга.

²²⁶ ...хорошо... что вы... знаете меня. — Как в примечании к английскому переводу толкует этот текст Теланг: хорошо, что Пандавы знают о том, что им не победить, пока сражается Бхишма, и только его устранение позволит избежать излишнего кровопролития (Roy 1925/4: 286).

²²⁷ ...тяжелыми, [в форме] телячьих зубов и острыми анджаликами. — Перечисляются различные виды стрел (см. примеч. 97 к текущ. разд.).

²²⁸ ...чей черен путь... — обозначение огня, оставляющего за собой обугленные деревья.

²²⁹ ...с петель в руке. — Петля (*rāśa*) — один из главных атрибутов Ямы (а также Варуны).

²³⁰ Северный путь солнца (*uttarāyaṇa*) — время движения солнца к северу от экватора, т. е. полугодие от зимнего до летнего солнцестояния; считалось благоприятным временем в противоположность другому полугодию («южного пути»).

²³¹ ...Краунча... с дротиком Сканды... — Речь идет о мифической горе в Гималаях (предположительно отождествляемой с южным ответвлением горы Кайласа), в которой бог Сканда пробил ущелье своим дротиком, чтобы поразить скрывшегося внутри демона (об этом рассказывается в гл. 46 «Шальяпарвы»).

²³² ...красавцы... — В оригинале: *rabhadra* (?); более уместным представляется указанное в разночтениях *radhravato*, что можно перевести как «бегущие», если предположить опisku в падежном окончании (-to вместо -pto).

²³³ Морское чудовище. — В оригинале: *timī* — кит или сказочное морское животное необычайной величины.

- ²³⁴ Сал — дерево *Vatica Robusta*.
- ²³⁵ ...словно второй Пхальгуна. — По-видимому, речь идет о Дхриштадьумне, сражаться с которым посылает Дрона сына.
- ²³⁶ ...иди рядом [в бой] на царя... — Очевидно, «рядом» (*rāśvatas*) с отцом; «царем» здесь, видимо, именуется тот же Дхриштадьумна (хотя обычно он — «царевич»), в разночтениях вместо *rāśvato* — *rāśhatam*, родовое имя этого героя.
- ²³⁷ Перчатка (*hastāvāra*) — приспособление для защиты руки лучника.
- ²³⁸ Царь. — Здесь, вероятно, Дурьодхана.
- ²³⁹ ...как... берег — великий океан. — В чтении, принятом в критическом издании, с океаном сравнивается Бхишма, наступающее войско — с берегом (*velā*), что понять трудно (даже если принять другое значение *velā* — «прилив»). Более понятны разночтения, где с берегом сравнивается Бхишма, с океаном — войско Пандавов.
- ²⁴⁰ ...миру Брахмы себя предав... — То есть стремясь достигнуть после смерти мира Брахмы (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»).
- ²⁴¹ Паурава. — Здесь: имя царя, сторонника Кауравов.
- ²⁴² ...на царевича Брихадбалу... наступал сын Субхадры... — Перевод следует разночтению; в критическом издании Брихадбала и сын Субхадры явно ошибочно поменялись местами; в результате последний оказывается в рядах своих врагов.
- ²⁴³ ...и победы сына Притхи... — Здесь под этим именем подразумевается, очевидно, царь Юдхистхира.
- ²⁴⁴ ...твой сын Джаятсена... — Не следует, по видимому, путать его с Джаятсеной, царем Магадхи (см. примеч. 154 к текущ. разд.).
- ²⁴⁵ ...в бою... — В оригинале: *gathe*; возможно, описка: вместо *gathe* — «на колеснице».
- ²⁴⁶ Сушарман. — По-видимому, этого Сушармана следует отличать от носящего то же имя царя тригартов, который не мог сражаться на стороне Пандавов. В разночтениях вместо Читрасены указан Сахалева, что представляется здесь более уместным, однако ниже подтверждается, что Сушарман сражается с сыном Дхритараштры, и далее иногда упоминается Сушарман, сторонник Пандавов, напр., в «Карнапарве» (гл. 40), где с ним сражается Карна (см.: Карнапарва 1990: 142).
- ²⁴⁷ ...восточные и северные... — Может относиться к малавам или означать: «племена Востока и Севера».
- ²⁴⁸ О небесном оружии [своем]... — Речь идет об оружии, полученном Арджуной от богов (см. гл. 41—42 «Араньякапарвы»).

²⁴⁹ ...передал... Рама знание оружия... — Речь идет о Раме, сыне Джамадагни; в «Адипарве» (гл. 121, 154) рассказывается о том, как он передал свое знание оружия Дроне, которого Бхишма пригласил потом обучать военному искусству царевичей рода Куру.

²⁵⁰ Стократная молния (śatahradā) — молния особенно разрушительной силы; иногда отождествляется с громовым оружием Индры.

²⁵¹ ...когда отец мой женился на Кали... даровал он мне... неуязвимость в бою. — В «Адипарве» (гл. 94) рассказывается только о первом даре Шантану Бхишме — о выборе времени смерти.

²⁵² Брахманский жезл (brahmadanḍa). — Согласно примечанию Теланга к английскому переводу, посоху брахмана приписывается магическая сила, превосходящая громовое оружие Индры, способная сокрушать целые племена из поколения в поколение (см.: Roy 1925/4: 320).

²⁵³ ...как у коров в месяц магха... — Возможно, подразумевается зимний холод, от которого страдает скот (см.: Ibid.).

²⁵⁴ Знамя Индры (indrādhvaja). — Так именуется обрядовое дерево, играющее центральную роль на посвященном Индре празднестве, которое справлялось в сезон дождей (в светлую половину месяца бхадра, август—сентябрь) и длилось несколько дней; дерево срубалось с различными обрядовыми действиями, воздвигалось, всячески украшенное, в культовом здании («доме Индры»), где совершалось богослужение (пуджа), потом, поваленное, оттаскивалось слонами к реке; в ведийской литературе обряд неизвестен, но он восходит, очевидно, к архаическому культу плодородия.

²⁵⁵ ...убывает солнце. — То есть солнце находится на своем южном пути (см. примеч. 230 к текущ. разд.).

²⁵⁶ Учение. — В оригинале: yoga.

²⁵⁷ Святое Слово. — В оригинале: brahman, что здесь означает Веды (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»).

²⁵⁸ Когда к стране Вайшраваны пойдет дневное светило... — То есть к северу от экватора (см. примеч. 230 к текущ. разд.).

²⁵⁹ ...словно духи к Истребителю тьмы. — То есть к солнцу. «Духи» — в оригинале: bhūtāni, что может означать также «живые существа». Нилакантха полагает, что речь идет о гандхарвах и других мифических существах, устремляющихся к солнцу ежедневно на восходе (см.: Mahābhārata 1883 — 1896 /4: 327).

²⁶⁰ Прародитель — Брахма (см. примеч. 27 к разд. «Земля»).

²⁶¹ Рама — сын Джамадагни, обратившийся в числе прочих к Дурьодхане с увещеванием, когда перед битвой Кришна прибыл к Кауравам с предложением мира (см. гл. 94 «Удйюгапарвы»).

²⁶² Превышний (parameṣṭhin), Владыка созданий (prajāpati)... — Здесь, очевидно, эпитеты Брахмы (как, возможно, и следующее далее dhātṛ — «учредитель», хотя Дхатар может выступать и как самостоятельный образ в индуистском пантеоне).

²⁶³ ...на ложе [своего] рождения. — Т. е. в тростниках, где Сканда, согласно мифу, родился из семени Шивы, занесенного туда течением реки Ганги (śara на санскрите «стрела» и «тростник») (см. изложение мифа в гл. 43 «Шальяпарвы»).

²⁶⁴ ...от Нарады... от Кришны Двайпаяны и от Кешавы... — Божественный мудрец Нарада нередко выступает в сказаниях в роли вестника, раскрывающего тайны; Вьяса и Кришна также принадлежали к числу немногих, знавших тайну рождения Карны, но не рассказывается, когда они сообщили о ней Бхишме.

²⁶⁵ ...благородство в даянии. — Имеется в виду подвиг самоотвержения Карны, отдавшего Индре, обернувшемуся брахманом, по его просьбе чудесный панцирь со своего тела и вместе с ним дар неуязвимости (см. гл. 104 «Адипарвы»).

²⁶⁶ ...сокрушил... царей, за царя куру сражаясь. — Рассказ о победах Карны в «Араньякапарве» (см. в Бомбейском издании гл. 253—254) не включен в критическое издание (см.: Mahābhārata 1863).

²⁶⁷ ...царь Джарасандха... неравен тебе оказался в бою. — Рассказ об этой победе Карны также по неясным причинам исключен из критического издания (из «Сабхапарвы», см. в Бомбейском издании гл. 46); только бегло упоминается в гл. 5 «Шантипарвы».

ЛИТЕРАТУРА

В список вошли только те издания, на которые есть прямые ссылки в предисловии переводчика, в его статье и комментариях. Достаточно исчерпывающая библиография по «Махабхарате» содержится в монографиях П.А. Гринцера (см.: Гринцер 1974) и С.Л. Невелевой (см.: Невелева 1991), а также в издании перевода третьей книги «Махабхараты» Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой (см.: Араньякапарва 1987) и в изданиях переводов последующих книг эпоса, принадлежащих тем же авторам. Избранную библиографию по «Бхагавадгите» читатель может найти в изданиях предшествующих русских переводов поэмы с оригинала (см.: Смирнов 1956 и Семенцов 1985, 1999). Достаточно подробный перечень переводов поэмы на европейские языки включен в библиографию к сборнику «Древо индуизма»¹. Статья С.Д. Серебряного из этой книги, обновленная автором и помещенная в настоящее издание в качестве приложения, содержит общий обзор и историю переводов (см. «Приложения» к наст. изд.). Наиболее полная библиография по «Бхагавадгите» дана в специальной монографии Дж. Капура². Особо следует также отметить вышедшую в 1982 г. работу В.М. Каллеворта и Ш. Хемраджа³, содержащую, помимо критики принципов перевода памятника, почти исчерпывающую библиографию переводов «Бхагавадгиты» на европейские и индийские языки и критический обзор традиционных комментариев к ее тексту. Наш список литературы дополняет указанные выше библиографии некоторыми наиболее интересными исследованиями последних лет, на которые есть ссылки в комментариях к настоящему переводу.

ИЗДАНИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Atharvaveda 1924 — Atharva Veda / Ed. by R. Roth and W.D. Whitney. Berlin, 1924.
Aufrecht 1955 — T. Aufrecht. Die Hymnen des Rigveda: In 2 Bd. 3-te Aufl. Berlin, 1955.
Bhagavadgītā 1945 — The Bhagavadgītā: Being Reprint of the Relevant Parts of Bṛiṣṇas-

---

¹ См.: Древо индуизма: Материалы и исследования / Отв. ред. И.П. Глушкова. М., 1999. С. 492—495. (Сер. «Культура народов Востока»)

² См.: Капур 1983.

³ См.: Callewaert, Hemraj 1982.

parvan from B. O. R. Institute's Edition of the Mahābhārata / For the First Time Critically ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1945 (repr. 1968).

Bhagvat-Geeta 1785 — The Bhagvat-Geeta, or Dialogues of Kreesna and Arjoon: In Eighteen Lectures; with Notes / Tr. from the original, in the Sanskreet, or ancient Language of the Brahmans, by Charles Wilkins, senior merchant in the service of the honourable the East India Company, on their Bengal establishment. L., 1785.

Bhagavad-Gītā 1885 — The Song Celestial or Bhagavad-Gītā (from the Mahābhārata): Being a Discourse between Arjuna, Prince of India, and the Supreme Being under the Form of Krishna / Tr. from the Sanskrit text by Sir Edwin Arnold. L., 1885.

Bhīṣmaparvan 1947 — The Bhīṣmaparvan being the sixth book of Mahābhārata... / Critically ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1947.

Devabodha 1947 — Devabodha's commentary on the Bhīṣmaparvan from the Mahābhārata / Ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1947.

Kevalānandasarasvatī 1952—1976 — Kevalānandasarasvatī. Mīmāṃsakoṣa: In 7 vol. Wai-Satara, 1952—1976.

Mahābhārata 1863 — Mahābhārata: In 4 vol. Bombay, 1863.

Maitrāyaṇī 1881—1886 — Maitrāyaṇī Saṃhitā: In 4 Bd. / Hrsg. L. von Schroeder. Leipzig, 1881—1886 (repr. 1970—1972).

Majjhima 1951 — The Majjhima nikāya: In 2 vol. / Ed. by R. Chalmers. L., 1951.

Manu 1886 — Manu: Mānava-dharma-sāstra (Institutes of Manu) with the Commentaries of Medhatithi, Sarvajñanarāyaṇa, Kulluka, Raghuvananda, Nandana and an Appendix: In 3 vol. / Ed. by V.N. Mandlik. Bombay, 1886. Vol. 3.

Rāmānuja 1974 — Rāmānuja on the Bhagavadgītā / A condensed rendering of his Gītābhāṣya with copious notes and an introd. [by] J.A.B. van Buitenen. Delhi etc., 1974.

Saṅkarācārya 1983 — Śrīmad Bhagavad Gītā Bhāṣya of Śrī Saṅkarācārya / Tr. by A.G. Krishna Warriar. Madras, 1983.

Taittirīya 1897—1898 — Taittirīya āraṇyaka: In 2 vol. / With a comm. by Sayāñcārya; ed. by B.S. Phadake. Poona, 1897—1898.

Vāsiṣṭha 1883 — Vāsiṣṭha Dharmasāstra / Ed. by A.A. Fuerer. Bombay, 1883.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Адипарва 1950 — Махабхарата. Книга первая: Адипарва / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; Л., 1950.

Альбедиль 1994 — Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М., 1994.

Араньякапарва 1987 — Махабхарата. Книга третья: Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.

Багуат-Гета 1788 — Багуат-Гета, или Беседа Кришны с Арджуном / Пер. А.А. Петрова. М., 1788.

Бонгард-Левин, Герасимов 1975 — *Бонгард-Левин Г.М., Герасимов А.В.* Мудрецы и философы древней Индии. М., 1975.

Бонгард-Левин, Ильин 1985 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.

Бонгард-Левин 1993 — *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. 2-е изд. М., 1993.

Бхагавадъ-гита 1909 — Бхагавадъ-гита (мистическая часть Магабгараты) / Пер. в стихахъ А.П. Казначеевой с объяснительными примечаниями. Владимир, 1909.

Бхагавадъ-гита 1914 — Бхагавадъ-гита или Пъсьнь господня / Пер. с англ. и санскр. А. Каменской и И. Манциарли. Калуга, 1914.

Бхагавад-гита 1925 — Бхагавад-гита: Пъсня господня / Второе изд., пересмотр. и испр. по санскр. оригиналу А. Каменской. Париж, 1925.

Бхагавадгита 1956 — Махабхарата II, — Бхагавадгита / Пер. с санскр. Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1956.

Бхагавадгита 1999 — Бхагавадгита / Пер. с санскр., исслед. и примеч. В.С. Семенцова. М., 1999.

Волошин 1988 — *Волошин М.А.* Лики творчества. М., 1988.

Гринцер 1974 — *Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974.

Древняя Индия 1995 — Древняя Индия: Три великих сказания: В 2 т. / Лит. изложение Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. СПб., 1995. Т. 2.

Древо индуизма 1999 — Древо индуизма: Материалы и исследования / Отв. ред. И.П. Глушкова М., 1999. (Сер. «Культура народов Востока»)

Дронапарва 1992 — Махабхарата. Книга седьмая: Дронапарва, или Книга о Дроне / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. СПб., 1992.

Законы Ману 1960 — Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным. М., 1960.

Ильин 1958 — *Ильин Г.Ф.* Старинное индийское сказание о героях древности «Махабхарата». М., 1958.

Индуизм 1996 — Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубнянского. М., 1996.

Калидаса 1956 — *Калидаса.* Облако-вестник // Избранное / Пер. П. Риттера М., 1956.

Карнапарва 1990 — Махабхарата. Восьмая книга: Книга о Карне (Карнапарва) / Пер. с санскр., предисл и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1990.

Невелева 1988 — *Невелева С.Л.* О композиции «Араньякапарвы» в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

Невелева 1991 — *Невелева С.Л.* Махабхарата: Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

Парибок 1989 — *Парибок А.В.* О практике мировоззренческого диалога в древней Индии // Вопросы Милинды: Милиндпаньха / Пер. с пали, предисл. исслед. и коммент. А.В. Парибка. М., 1989. С. 22—31.

Пименов 1998 — *Пименов А.В.* Возвращение к дхарме. М., 1998.

Пушкин 1974 — *Пушкин А.С.* Сочинения. М., 1974. Т. 3.

Пятигорский 1967 — *Пятигорский А.М.* Некоторые замечания об изучении индийских философских текстов и комментариев (опыт психологического исследования) // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

Сабхапарва 1962 — Махабхарата. Книга вторая: Сабхапарва, или Книга о собрании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; Л., 1962.

Семенцов 1972 — *Семенцов В.С.* К постановке вопроса о возрасте Бхагавадгиты // Классическая литература Востока. М., 1972.

Семенцов 1981 — *Семенцов В.С.* Проблемы интерпретации брахманической прозы: Ритуальный символизм. М., 1981.

Семенцов 1985 — *Семенцов В.С.* Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М., 1985.

Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Бхага // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

Удьяогарва 1976 — Махабхарата. Книга пятая: Удьяогарва, или Книга о старании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. Л., 1976.

Упанишады 1967 — Упанишады / Пер. с санскр., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1967.

Упанишады 1992 — Упанишады: В 3 кн. / Пер. с санскр., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1992.

Шохин 1994 — *Шохин В.К.* Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М., 1994.

Эсхил 1978 — *Эсхил.* Трагедии. М., 1978.

Юнг 1960 — *Юнг Р.* Ярче тысячи солнц: Повествование об ученых-атомщиках. М., 1960.

Agehananda 1989 — *Agehananda B.* Indology and Science: Towards a Hermeneutical Coalition. Calcutta, 1989.

Armstrong, Ravindra 1979 — *Armstrong A.N., Ravindra R.* Dimensions of the Self, Bud-dhi in the Bhagavadgītā and Psyche in Plotinus // Religious studies. 1979. № 15. P. 327—342.

Besant 1895 — The Bhagavad-Gita or the Lord's Song / Tr. by A. Besant. L., 1895.

Besant, Das 1905 — [*Besant A., Das B.*]. The Bhagavad-Gita. L. etc., 1905.

Bhagvat-Geeta 1787 — La Bhagvat-Geeta, ou Dialogues de Kreesna et d'Arjoon / Tr. du Sanscrit, la langue sacrée des Brahmes, en Anglois par M.S. Wilkins, et de l'Anglois en François par Rev. M. Parraud. P., 1787.

- Bhagavad-Gītā 1861 — La Bhagavad-Gītā ou le Chant du Bienheureux / Tr. par É. Bur-nouf. Nancy, 1861. (P., 1923).
- Bhagavadgītā 1882 — The Bhagavadgītā with the Sanatasujātiya and the Anugītā / Tr. by K.T. Telang. Oxford, 1882.
- Bhagavad Gītā 1922 — La Bhagavad Gītā / Tr. du Sanskrit... par Emile Senart. P., 1922.
- Bhagavad-Gītā 1938 — Bhagavad-Gītā / Tr. du Sanskrit par S. Levi et J.-T. Stickney. P., 1938.
- Bhagavad Gītā 1944a — The Bhagavad Gītā: In 2 vol. / Tr. and interpr. by F. Edger-ton. L.; Oxford, 1944.
- Bhagavad Gītā 1944b — The Bhagavad Gītā / Tr. from the Sanskrit, with notes, com-ments and introd. by Swami Nikhilananda. N. Y., 1944.
- Bhagavadgītā 1948 — The Bhagavadgītā / With an introd. essay, Sanskrit text, English tr. and notes by S. Radhakrishnan. L., 1948.
- Bhagavad Gītā 1966 — The Bhagavad Gītā / An English tr. and comment. by W.D.R. Hill. 2nd ed. Madras; N. Y., 1966.
- Bhagavad Gītā 1968 — The Bhagavad Gītā / Tr., introd. and critical essays by Eliot Deutsch. N. Y., 1968.
- Bhagavad Gītā 1969 — The Bhagavad Gītā: With a commentary based on the original sources / Ed. R.Ch. Zaehner. Oxford, 1969.
- Bhagavad Gītā 1972a — The Bhagavad Gītā / Tr. and interpr. by F. Edgerton. Cam-bridge (Mass.), 1972.
- Bhagavad Gītā 1972b — La Bhagavad Gītā / Tr., introd. et comment. par A.-M. Esnoul et O. Lacombe. P., 1972.
- Bhagavadgītā 1975 — The Song of God: Bhagavadgītā / Tr. from the Sanskrit by Prab-havananda and Ch. Isherwood. L., 1975.
- Bhagavadgītā 1980a — Bhagavadgītā / Sanskriti keelest tõlkinud Linnart Mäll. Tallinn, 1980.
- Bhagavadgītā 1980b — Die Bhagavadgītā / Hrsg. von K. Mylius. Leipzig, 1980.
- Bhagavad Gītā 1985 — Bhagavad Gītā / Tr. and comment. R. Gotshalk. Delhi etc., 1985.
- Bhagavadgītā 1986 — Śrīmad Bhagavadgītā / With Sanskrit text and English tr. ... by J. Goyandka. 4th ed. Gorakhpur, 1986.
- Brassard 1999 — *Brassard E.* The concept of buddhi in the Bhagavadgītā // Composing a tradition; concepts, techniques and relationships / Ed. by M. Brockington and P. Schreiner. Zagreb, 1999.
- Buitenen 1981 — *Buitenen J.A.B. van.* The Bhagavadgītā in the Mahābhārata: Text and translation. Chicago; L., 1981.
- Callewaert, Hemraj 1982 — *Callewaert W.M., Hemraj S.* Bhagavadgītānūvāda: A Stu-dy in Transcultural Translation. Ranchi, 1982.

Carlson 1993 — *Carlson M.* A History of the Theosophical Movement in Russia, 1885—1922. Princeton, 1993.

Chidbhananda 1991 — *Chidbhananda, Swami.* The Bhagavad Gītā. Tirupparaiturai, 1991.

Dasgupta 1938 — *Dasgupta S.* A history of Indian philosophy: In 5 vol. 1922—1955. Cambridge, 1938. Vol. 2.

Dasgupta 1962 — *Dasgupta Ś. Ṭālṣṭāy, Gāndhī, Ravindranāth.* Calcutta, 1962.

Deussen 1911 — *Deussen P.* Der Gesang des Heiligen: Eine philosophische Episode des Mahabharatam. Leipzig, 1911.

Deutsch, Siegel 1987 — *Deutsch E., Siegel L.* Bhagavadgītā // The Encyclopedia of Religion. N. Y.; L., 1987.

Dimock 1978 — *Dimock E.C., Jr. et al.* The Literatures of India: An Introduction. Chicago; L., 1978.

Gandhi 1989 — *Gandhi M.K.* The Bhagavadgītā. New Delhi; Bombay, 1989.

Garbe 1905 — *Garbe R.* Die Bhagavadgītā. Leipzig, 1905.

Garbe 1921 — *Garbe R.* Die Bhagavadgītā aus dem Sanskrit übers. mit einer Einl. über ursprünglichen Gestalt, ihre Lehren und ihr Alter. 2. Aufl. Leipzig, 1921.

Gupta, Ramachandran 1976 — *Gupta S.P., Ramachandran K.S.* Mahābhārata: Myth and reality. Different views. Delhi, 1976.

Haas 1922 — *Haas G.C.O.* Recurrent and Parallel Passages in the Principal Upanishads and the Bhagavad-Gītā // Journal of the American Oriental Society, 1922. Vol. 42 (repr. in: *Hume R.E.* The Thirteen Principal Upanishads. 2nd ed., Oxford, 1931).

Hauer 1934 — *Hauer J.W.* Eine Indo-Arische Metaphysik des Kampfes und der Tat: Die Bhagavadgītā in neuer Sicht mit Übersetzungen. Stuttgart, 1934.

Hubert 1949 — *Hubert P.* Histoire de la Bhagavad-Gītā: ses diverses éditions de 1785 à nos jours. P., 1949.

Jacob 1891 — *Jacob G.A.* A Concordance to the [56] Principal Upanishads and the Bhagavad-Gītā. Bombay, 1891.

Ježic 1979 — *Ježic M.* The first Yoga-layer in the Bhagavadgītā / Ed. by J.R. Sinha. Lucknow, 1979.

Ježic 1986 — *Ježic M.* Textual layers of the Bhagavadgītā as traces of Indian cultural history // Sanskrit and world culture: Proceedings of the 4-th World Sanskrit conference / Ed. by W. Morgenroth. Berlin, 1986.

Kamensky 1926 — *Kamensky A.* La Bhagavad Gītā, son rôle dans le mouvement religieux de l'Inde et son unité. P., 1926.

Kapoor 1983 — *Kapoor J.C.* Bhagavad-Gītā, an international bibliography of 1785—1979 imprints / With an introd. by George Hendrick. N. Y.; L., 1983.

Kirfel 1920 — *Kirfel W.* Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt. Bonn; Leipzig, 1920.

Lamotte 1929 — *Lamotte E.* Notes sur la Bhagavadgītā. P., 1929.

- Laws of Manu 1991 — The Laws of Manu: With an Introduction and Notes / Tr. by Wendy Doniger with Brian K. Smith. L., 1991.
- Mahābhārata 1883—1896 — The Mahābhārata of Krishna-Dwaipayana Vyāsa: In 12 vol. / Tr. into English prose... by P. Ch. Roy. Calcutta, 1883—1896 (925).
- Mahābhārata 1897 — A prose English translation of the Mahābhārata: In 18 vol. / Ed. and publ. by M.N. Dutt. Calcutta, 1897. Vol. 6: Bhishma parva.
- Mani 1975 — *Mani V.* Purāṇic Encyclopedia. Delhi, 1975.
- MIIB 1986 — Modern Indian Interpreters of the Bhagavadgītā / Ed. by R.N. Minor. Albany, 1986.
- Otto 1935 — *Otto R.* Die Urgestalt der Bhagavad Gītā. Tübingen, 1935.
- Otto 1939 — *Otto R.* The Original Gītā: The Song of the Supreme Exalted One / Tr. into English by J.E. Turner. L., 1939.
- Ranade 1934 — *Ranade R.D.* The Bhagavad-gītā as a philosophy of God realisation. Allahabad, 1934.
- Sachse 1988 — *Sachse J.* Ze studiów nad Bhagawadgītą. Wrocław, 1988.
- Scheftelowitz 1983 — *Scheftelowitz I.* Die Mithra-Religion der Indoskythen und ihre Beziehung zum Saura und Mithras Kult // Acta Orientalia. 1983. № XI. S. 293—333.
- Sharma 1986 — *Sharma A.* The Hindu Gītā: Ancient and classical interpretations of the Bhagavadgītā. L., 1986.
- Sharpe 1985 — *Sharpe E.J.* The Universal Gītā: Western Images of the Bhagavad Gītā: A Bicentenary Survey. L.: La Salle, 1985.
- Singh 1984 — *Singh R.D.* Bhagavad Gītā Reference Guide: Bhagavad Gītā rendered in the languages of the world. Calcutta, 1984.
- Vassilkov 1999 — *Vassilkov Y.* Kālavāda (the doctrine of Cyclical Time) in the Mahābhārata and the concept of Heroic Didactics // Composing a tradition: concepts, techniques and relationships / Ed. by M. Brockington and P. Schreiner. Zagreb, 1999. P. 17—33.
- Viennot 1954 — *Viennot O.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. P., 1954.
- Winternitz 1977 — *Winternitz M.* A History of Indian Literature: In 3 vol. / Tr. from German and revised by the author. New Delhi, 1977. Vol. 1.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бхагавад-Гита, или Песнь Господня / Пер. с англ. и санскр. А. Каменской и И. Манциарли. М., 1990.
- Бхагавад-Гита: Песнь Господня / Под ред. В.В. Антонова. 2-е изд. М., 1991.
- Махабхарата. Рамаяна // Библиотека всемирной литературы. М., 1974.
- Шри Шримад А.-Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть. М., 1984.

Bhagavad-Gītā, des Erhabenen Sang / Übertragen und eingeleitet von Leopold von Schröder. Jena, 1912 (1955... 1980).

Bhagavadgītā: Das Lied der Gottheit / Übers. H. von Glasenapp. Stuttgart, 1955 (1974).

La Bhagavad-gītā, le Chant de Seigneur / Tr. du Sanskrit avec notes par Anna Kamensky. P., 1947 (1974).

Richter E. Bhagavadgītā, Gesang des Erleuchteten. Bremen; Oberneuland, 1965 (1968, 1974).

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

РВ — Ригведа

С.Д.С. — С.Д. Серебряный

ст. — строфа

СЛОВАРЬ ЭПИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН*

АБХИМАНЬЮ — сын Арджуны и Субхадры, сестры Кришны.

АГНИ — бог огня, божественный жрец, покровитель домашнего очага, свадебных и похоронных обрядов, посредник между людьми и богами; хранитель Юго-Востока.

АДЖАМИДХА — царь Лунной династии, дед Куру; так же звучит имя Юдхистхиры.

АДИТИ — богиня, дочь Дакши (см.) и супруга (одна из жен) Кашьяпы, мать богов Адитьев.

АДИТЬИ — группа богов, считающихся сыновьями Адити, в эпическом (индуистском) пантеоне насчитывает двенадцать членов (самые значительные из них — Варуна, Индра, Вивасван, Вишну). В единств. числе это имя употребляется только как одно из имен Вивасвана, бога солнца.

АЙРАВАТА — главный из мифических «мировых слонов» (дигнагов), охраняющих страны света, слон Индры, хранитель Востока.

АЙРАВАТА — мифический змей, один из главных в подземном царстве нагов.

АЛАМБУСА — ракшас, брат Баки, сражающийся на стороне Кауравов.

АМБА — старшая дочь царя Каши, избравшая супругом царя Шалью.

АМБАРИША — царь Солнечной династии, сын Набхаги, прославленный своим благочестием.

АНАНТА (БЕСКОНЕЧНЫЙ) — космический змей, обычно отождествляемый с Шешей (см.) как служащий ложем богу Вишну.

АНГИРАС — божественный мудрец, жрец-песнопевец, считающийся обычно третьим сыном Брахмы; иногда отождествляется с Брихаспати как олицетворение планеты Юпитер.

АНДЖАНА — слон бога Варуны, хранитель Запада (ср. выше — Айравата).

---

* В словарь не вошли имена второстепенных персонажей эпоса, чья роль и происхождение достаточно определенно явствуют из контекста или комментария; см. такие имена по указателю.

- АНИРУДДА** — сын Прадьюмны, внук Кришны.
- АРДЖУНА** — третий (младший) сын Панду и Кунти, считающийся сыном бога Индры.
- АРЬЯМАН** — третий из Адитьев, сыновей Адити (см. выше Адитьи); считается главою питаров (предков).
- АСИТА** — древний мудрец-провидец, отец Девалы (см.), ученик Вясы, принимавший участие в змеином жертвоприношении царя Джанамеджаи.
- АШВАТТХАМАН** — сын Дроны, сражающийся на стороне Кауравов.
- АШВИНЫ (КОННИКИ)** — божественные братья-близнецы, сыновья бога солнца, братья Ямы (см.); ассоциируются с утренними и вечерними сумерками. Входят в число тридцати трех богов канонического индуистского пантеона.
- БАЛА (ВАЛА)** — демон пещеры, скрывший в ней похищенных коров (воды) и убитый Индрой; в эпосе считается братом Вритры (см.).
- БАЛИ** — праведный царь демонов (дайтьев), овладевший тремя мирами Вселенной, но вынужденный богом Вишну (принявшим образ карлика) вернуть ее богам.
- БАХЛИКА** — царь Балха (Бактрии), старший брат Шантану, сражающийся на стороне Кауравов.
- БРАХМА** — бог-творец, прародитель всех живых существ, член верховной триады божеств индуистской религии.
- БРИХАСПАТИ** — божественный мудрец (внук Брахмы), наставник богов, олицетворяющий планету Юпитер.
- БХАГИРАТХА** — добродетельный царь Солнечной династии, подвижничеством низведший небесную реку Гангу на землю.
- БХАНУМАН** — сын царя Калинги, сражающийся на стороне Кауравов.
- БХАРАТА** — мифический царь Лунной династии, общий предок Дхритараштры и Панду. В ед. ч. — потомок этого царя.
- БХИМА, БХИМАСЕНА** — второй по старшинству сын Панду и Кунти, считающийся сыном бога Ваю.
- БХИШМА** — старший сын царя Шантану и богини Ганги, возглавивший войско Кауравов в первый день великой битвы на Курукшетре.
- БХОДЖА** — Критаварман, царь, сражающийся на стороне Кауравов.
- БХРИГУ** — божественный мудрец, считающийся сыном Брахмы, основатель рода Бхаргавов, к которому возводят происхождение таких мифических фигур, как Ушанас Кавья (см.) и Рама, сын Джамадагни (см.).
- ВАЙШАМПАЯНА** — древний мудрец-сказитель, ученик Вясы, со слов которого он пересказывает «Махабхарату» царю Джанамеджае во время великого жертвоприношения змей (см. «Адипарва», гл. 54).
- ВАМАНА** — слон бога Куберы, хранитель Севера (ср. выше — Айравата).

- ВАРУНА — в эпическом пантеоне бог вод, супруг речных богинь, хранитель Запада; изначально возглавляет группу Адитьев.
- ВАСУ — группа из восьми божеств, персонифицирующих различные явления природы; считается, что ее возглавляет (но в нее не входит) Индра.
- ВАСУДАНА — царь страны Пансу (букв. Пустыни, области Бхаратаварши), сражающийся на стороне Кауравов.
- ВАСУКИ — мифический царь змеев, обитающих в подземном мире.
- ВАЮ — бог ветра, хранитель Северо-Запада; иногда выступает как колесничий Индры.
- ВИВАСВАН (АДИТЬЯ) — бог солнца (первоначально отграничивался от богов Адитьев, своих старших братьев), в послеведийской мифологии отождествляется с Сурьей (см.).
- ВИВИНШАТИ — сын Дхритараштры.
- ВИДУРА — третий сын Вьясы, рожденный рабыней, сводный брат Дхритараштры и Панду, прославленный своей мудростью.
- ВИКАРНА — сын Дхритараштры, сторонник мирного разрешения распри с Пандавами.
- ВИПРАЧИТТИ — царь демонов-данавов, воевавших с богом Индрой.
- ВИРАТА — царь Матсьи, на службе у которого брата Пандавы провели последний год изгнания (о чем рассказывает «Виратапарва», четвертая книга эпоса), их союзник в войне с Кауравами.
- ВИЧИТРАВИРЬЯ — сын царя Шантану и Сатьявати, дочери рыбака, бездетный наследник царства, согласно закону левирата (нийога), считающийся отцом Дхритараштры и Панду, продолжателей рода.
- ВИШВАКАРМАН — божественный зодчий и мастер, создатель всякого рода чудесных вещей.
- ВИШВАВАСУ — вождь (или один из вождей) гандхарвов.
- ВИШВЕДЕВЫ — второстепенная группа божеств, включающая десять членов.
- ВИШНУ — наиболее значительное божество эпического пантеона, наряду с Брахмой и Шивой член верховной триады индуизма, в которой он воплощает функцию охранителя мироздания. Когда миру грозит опасность, ради его спасения Вишну нисходит на землю в различных образах; к самым значительным из его земных воплощений (аватар) принадлежит Кришна-Васудева, один из героев эпоса.
- ВОЛЧЕБРЮХИЙ — Бхимасена.
- ВРЕМЯ (КАЛА) — одна из ипостасей бога смерти Ямы, как и Смерть (Мритью); в эпосе выступает иногда как самостоятельный образ, превосходящий могуществом Яму; в «Песни Господа» (см. с. 75) отождествляется с Кришной (Вишну).
- ВРИТРА — демон-асура, полонивший воды; в Ведах изображается как гигантский змей, воплощение сил хаоса; впоследствии образ антропоморфизуется. Убиение Вритры и освобождение вод — главный подвиг бога Индры.

ВРИШАКА — сын Субалы, царя Гандхары, брат Гандхари, жены Дхритараштры.

ВРИШНИ — сын Мадху из рода Ядавов, предок Кришны-Васудевы.

ВЬЮДХОРАСКА — сын Дхритараштры.

ВЬЯСА — великий мудрец, внебрачный сын Сатьявати, фактический отец Дхритараштры, Панду и Видуры (см. выше — Вичитравирья).

ГАДЖА — брат Шакуни (см.).

ГАНГА — богиня реки, дочь Химавана, царя гор, мать Бхишмы (см.).

ГАНДХАРИ — дочь Субалы, царя Гандхары, жена царя Дхритараштры, мать ста его сыновей.

ГАРУДА — сын Кашьяпы и Винаты (дочь Дакши, персонификация небосвода), царь солнечных птиц-супарн, непримиримый враг змеев-нагов, потомков Кадру (другой дочери Дакши).

ГАЯТРИ — богиня, олицетворение священного ведийского гимна-молитвы, почитается матерью Вед и «дваждырожденных» (в эпосе — брахманов).

ГОВАСАНА — царь шиби, тесть Юдхиштхиры, отец его второй жены Девики.

ГХАТОТКАЧА — ракшас, сын Бхимасены и демоницы Хидимбы, сражающийся на стороне Пандавов.

ДАКША — древнее божество, в Ведах относимое к группе Адитьев, в поздневедийской литературе отождествлялся с Праджапати, богом-отцом и творцом вселенной; в индуистской мифологии считался сыном Брахмы, отцом пятидесяти дочерей, из которых тринадцать старших он отдал в жены божественному мудрецу Кашьяпе (своему племяннику, внуку Брахмы) — от них рождены были боги Адитьи, демоны — дайтьи и данавы, наги, супарны и другие мифические существа.

ДАМАНА — сын царя Пауравы, сражающийся на стороне Кауравов.

ДАШАРХА — древний царь рода Яду (Ядавов), предок Кришны.

ДЕВАВРАТА — Бхишма.

ДЕВАКИ — мать Кришны.

ДЕВАЛА — сын Аситы, мудрец-провидец.

ДЖАМАДАГНИ — великий мудрец из рода Бхригу (Бхаргавов).

ДЖАНАКА — царь Видехи, прославленный своей мудростью.

ДЖАНАМЕДЖАЯ — правнук Арджуны, царь Лунного рода, которому Вайшампаяна (см.) повествует на великом жертвоприношении змей сказание о его предках и о великой битве.

ДЖАРАСАНДХА — могущественный царь Магадхи, завоеватель, подчинивший своей власти многих царей и вынудивший Кришну покинуть Матхуру и перенести столицу Ядавов в Двараку, город на море (об этих войнах рассказывается в «Сабхапарве», второй книге эпоса).

ДЖАЯ — сын Дхритараштры.

ДИТИ — дочь Дакши, прародительница демонов-дайтьев.

ДРАУПАДИ (КРИШНА) — дочь Друпеды, супруга пятерых братьев Пандавов.

ДРОНА — сын мудреца-провидца Бхарадваджи, брахман-воитель, наставник сыновей Дхритараштры и Панду в военной науке; сражается на стороне Кауравов.

ДРУПАДА — царь панчалов, союзник Пандавов в войне с Кауравами.

ДУРЬОДХАНА — старший сын и наследник Дхритараштры, непримиримый враг Пандавов. Он же — Суйодхана.

ДУХШАСАНА — сын Дхритараштры, нанесший оскорбление Драупади после роковой игры в кости (о чем рассказывается в «Сабхапарве», гл. 60).

ДХАРМА — бог справедливости, воплощение священного Закона (дхармы, верования), рожденный (согласно текстам эпоса) из груди бога Ямы.

ДХАТАР — Основатель, Учредитель, божество, персонифицирующее соответствующие функции; иногда отождествляется с Брахмой.

ДХРИТАРАШТРА — слепорожденный старший сын Вьясы, по закону левирата (нийога) считающийся сыном Вичитравирьи (см.) и продолжателем рода Куру.

ДХРИШТАДЬЮМНА — сын царя Друпеды, возглавивший армию Пандавов в великой битве.

ЗЕМЛЯ (ДХАРА) — Опора, древняя богиня, одна из ипостасей Великой Богини-Матери.

ИКШВАКУ — сын Ману и внук Вивасвана, родоначальник Солнечной династии индийских царей.

ИНДРА — бог-громовержец, в мифологии эпоса — царь богов, возглавляющий их в войнах с демонами, властелин небесного царства, куда уходят павшие в битве герои, покровитель воинского сословия и царской власти на земле, ведающий атмосферными водами и своевременным выпадением дождей, хранитель Востока. Получивший власть над богами от Брахмы, он подчиняется верховной триаде индуистского пантеона. Имя может использоваться в нарицательном смысле.

ИРАВАН — сын Арджуны и Улупи, дочери царя нагов, сражающийся на стороне Пандавов.

КАНДАРПА (КАМА) — бог любви, в эпосе именуется сыном Дхармы.

КАПИЛА — святой мудрец, внук Брахмы и зять Ману; считался частичным воплощением Вишну (в число десяти канонических аватар не входил).

КАРАКАРША — брат Дхриштaketу, царя Чеди, сражающийся на стороне Кауравов.

КАРНА — сын Кунти, рожденный ею до брака от Сурьи, бога солнца, покинутой ею и усыновленный возницей-сутой (о чем рассказывается в «Адипарве», гл. 104); единоутробный брат Пандавов.

- КАУРАВЫ (ПОТОМКИ КУРУ)** — в эпосе это родовое имя (патроним) означает почти исключительно сыновей Дхритараштры или их сторонников (нередко употребляется как этноним, однозначный с куру; см. Словарь географических и этнических названий).
- КАШЬЯПА** — божественный мудрец, сын старшего сына Брахмы, породивший богов Адитьев, демонов, нагов и другие сверхъестественные существа; иногда отождествляется с самим богом-творцом (ср. Дакша).
- КЕТУМАН** — царь нишадхов (очевидно — потомок легендарного Наля, героя известной поэмы), сражающийся вместе с царем Калинги на стороне Кауравов.
- КРИПА** — брахман-воин, сын мудреца Шарадвана Гаутамы, шурина Дроны, вместе с которым обучал сыновей Дхритараштры и Панду военному искусству; сражается на стороне Кауравов.
- КРИТАВАРМАН** — царь из рода Ядавов (Сатвата), славящийся воинским искусством; сражается на стороне Кауравов.
- КРИШНА (ВАСУДЕВА)** — сын Васудевы, царя из рода Вришни, друг и союзник Арджуны, его колесничий; земное воплощение (аватара) бога Вишну.
- КУБЕРА** — бог богатства, властитель якшей и гухьяков, хранитель Севера.
- КУНТИ (ПРИТХА)** — царевна из рода Ядавов, сестра отца Кришны Васудевы, приемная дочь царя Кунтибходжи, супруга Панду, мать троих старших его сыновей.
- КУНТИБХОДЖА** — царь из рода Ядавов, племянник Шурасены (см.) и дядя (по отцу) Кришны, сражающийся на стороне Пандавов.
- КУНТИБХОДЖИ СЫН** — носящий то же имя боец стана Пандавов.
- КУРУ** — легендарный царь Лунного рода, предок Кауравов и потомок Пуру, наследовавшего отцу младшего сына царя Яяти (см.).
- КШАТРАДЕВА** — сын Шикхандина, сражающийся на стороне Пандавов.
- КШАТРАДХАРМАН** — сын Дхритараштры.
- КШЕМАДХАНВАН** — воин куру, славящийся искусством стрельбы из лука.
- МАДРИ** — дочь царя мадров, сестра Шальи (см.), младшая супруга Панду, мать близнецов Накулы и Сахадевы.
- МАДХУ** — демон, убитый Вишну-Кришной.
- МАДХУ** — древний царь рода Ядавов, предок Кришны-Васудевы.
- МАЙЯ** — чудесный зодчий демонов (асуров), известный своей праведностью.
- МАНДХАТАР** — мифический царь Солнечного рода.
- МАНУ** — сын Вивасвана, прародитель человечества, спасшийся от потопа, основатель Лунной династии.
- МАРИЧИ** — обычно — имя старшего из сыновей Брахмы, но в тексте «Бхагавад-гиты» означает, очевидно, некое воплощение мощи всей группы Марутов (см.).
- МАРКАНДЕЯ** — мудрец-отшельник из рода Бхригу, сказитель, в уста которого вложены многие повествования в эпосе и пуранах.

- МАРУТЫ** — боги бури, олицетворение муссонных ветров, составляют в индуистском пантеоне группу божеств, численность которой определяется различно, но имя *Маричи* никто из ее членов не носит.
- МАХАПАДМА** — один из мифических слонов, поддерживающих землю; здесь: имя слона в отряде Гхатоткачи (см.).
- МУЧКУНДА** — сын Мандхатара (см.), прославленный своим благочестием, соратник богов в их войнах с демонами.
- НАБХАГА** — царь Солнечного рода, брат Икшваку (см.), отец Амбариши (см.), прославленный своей щедростью к брахманам.
- НАКУЛА** — один из младших Пандавов, сыновей Мадри (см.), брат-близнец Сахадевы (см.).
- НАМУЧИ** — демон-асура, враг Индры, им убитый.
- НАРА** — святой мудрец-провидец, вместе с Нараяной — парное воплощение Вишну; новым рождением обоих почитаются Арджуна с Кришной.
- НАРАЯНА** — древнее божество, отождествляемое с Вишну; в эпосе выступает также как мудрец-провидец, в паре с Нарой противостоящий демонам.
- НАХУША** — древний царь Лунной династии, некогда заменявший Индру как властитель небесного царства.
- НИЛА** — царь династии Хайхая, восходящей к Яду (см.).
- НРИГА** — древний царь Солнечной династии, праправнук Ману.
- ПАНДАВЫ (СЫНОВЬЯ ПАНДУ)** — двоюродные братья Кауравов (см.), оспаривающие у них власть над царством.
- ПАНДУ** — царь, второй сын Вьясы, наследник Вичитравирьи, младший брат Дхритараштры (см.).
- ПАРДЖАНЬЯ** — древнее божество дождя, иногда отождествляемое с Индрой.
- ПАУРАВА** — царь горной страны на севере, славящийся своей мудростью.
- ПРАБХАСА (СИЯНИЕ)** — божество, входящее в группу Васу (см.).
- ПРАДЬЮМНА** — сын Кришны.
- ПРАТИВИНДХЬЯ** — сын Юдхиштхиры и Драупади.
- ПРАХЛАДА** — добродетельный сын злого царя демонов-дайтьев, преданный почитатель Вишну.
- ПРИТХУ** — добродетельный царь Солнечной династии, открывший людям спасительные дары земли, избавляющие от голода.
- ПРИЩАТА** — царь панчалов, отец Друпеды (см.).
- ПУРУДЖИТ** — сын (или брат?) Кунтибходжи младшего (см.), названный брат Кунти.
- РАМА, СЫН ДАШАРАТХИ** — царь Солнечной династии, великий герой, победитель

- царя ракшасов Раваны, по канонической версии — седьмое воплощение (аватара) Вишну на земле.
- РАМА, СЫН ДЖАМАДАГНИ — герой из рода Бхригу; мстя за убийство отца, истребил порочных кшатриев на земле; считается шестой аватарой Вишну.
- РАХУ — демон солнечных и лунных затмений.
- РИШАБХА — древний мудрец Лунного рода, сын Илы, дочери Ману.
- РУДРЫ — группа из одиннадцати божеств индуистского пантеона, представляющих собой различные ипостаси бога Шивы.
- САВИТАР — божество, олицетворяющее животворящую силу солнца, в индуистском пантеоне входит в группу Адитьев.
- САНДЖАЯ — колесничий царя Дхритараштры, повествующий ему о великой битве на Курукшетре, которую видит из Хастинапура благодаря чудесному дару, полученному от Вьясы.
- САМЬЯМАНИ — сын воина по имени Самьямана (он же — Сомадатта), сражающийся вместе со своим сыном, имя которого остается в эпосе неназванным, на стороне Кауравов.
- САНКРАШАНА (БАЛАДЕВА) — старший (сводный) брат Кришны, единственный из великих героев, отказавшийся от участия в битве Кауравов и Пандавов.
- САРАСВАТИ — богиня мудрости и красноречия, супруга Брахмы.
- САТВАТА — древний царь рода Ядавов, чье имя принимают как родовое (патроним) такие его потомки, как Критаварман (см.) и Сатьяки (см.).
- САТЪЯ — воин армии калингов, сподвижник царя Шрутаюса.
- САТЪЯВРАТА — сын Дхритараштры.
- САТЪЯДЕВА — воин армии калингов, сподвижник царя Шрутаюса.
- САТЪЯДХРИТИ (САУЧИТТИ) — воин стана Пандавов, прославленный своим воинским искусством.
- САТЪЯКИ (СЫН САТЪЯКИ, ОН ЖЕ ЮЮДХАНА) — герой рода Вришни, колесничий Кришны, принявший с ним сторону Пандавов.
- САХАДЕВА — один из младших Пандавов, сыновей Мадри (см.), брат-близнец Накулы (см.).
- СКАНДА — бог войны, предводитель воинства богов, сын Шивы.
- СМЕРТЬ (МРИТЬЮ) — одна из ипостасей бога смерти Ямы (ср. Время).
- СОМА — бог луны, супруг 28 дочерей Дакши, олицетворений созвездий лунного зодиака (накшатр); хранитель Северо-Востока.
- СОМАДАТТА — царь рода Куру, сын Бахлики, сражающийся на стороне Кауравов.
- СОМАКИ — родовое имя династии, правящей в Панчале (образованное по имени предка-родоначальника).
- СУЙОДХАНА — именование Дурьодханы.
- СУМИТРА — царь Саувиры, сторонник Кауравов.

- СУМУКХА — мифический орел, сын Гаруды (см.).
- СУПРАТИКА — мифический слон, один из родоначальников слоновьего племени, слон-хранитель Северо-Востока.
- СУРЬЯ (СОЛНЦЕ) — бог солнца, иногда отождествляющийся с Вивасваном (см.); хранитель Юго-Запада.
- СУТАСОМА — сын Бхимасены и Драупади.
- СУЧАРУ — сын Дхритараштры.
- СУЧИТРА — сын Дхритараштры.
- СУШАРМАН — царь тригартвов, владетель великолепного дворца Прастхала, давний враг царя матсьев Вираты (см.) и союзник Кауравов.
- ТАКШАКА — гигантский змей, царь нагов, погубивший царя Парикшита, сына Абхиманью и отца Джанамеджай (см.).
- ТАРАКА — демон, вождь и полководец асуров, побежденный Скандой (см.).
- ТАРАКА (ТАРА) — супруга наставника богов Брихаспати.
- ТВАШТАР — древнее божество, в индуистском пантеоне причисляемое к группе Адитьев; по функциям совпадает с Вишвакарманом (см.).
- ТУМБУРУ — гандхарва, покровительствующий Пандавам, славящийся как лучший из музыкантов среди гандхарвов.
- УГРАШРАВАС — наследственный сказитель (сын суты), излагающий содержание «Махабхараты» со слов Вайшампаяны (см.).
- УЛУКА — сын Шакуни, сподвижник Дурьодханы.
- УМА — великая богиня, дочь царя гор, супруга Шивы.
- УТГАМАУДЖАС — царевич Панчалы, сподвижник Арджуны.
- УЧЧАЙХШРАВАС — конь Индры, рожденный из Молочного океана.
- УШАНАС КАВЬЯ — мифический мудрец, сын Бхригу, наставник демонов-асуров.
- ХАХА — гандхарва, слуга Куберы.
- ХУХУ — гандхарва, слуга Индры.
- ЧЕКИТАНА — герой рода Ядавов, предводитель одной из семи акшаухини армии Пандавов.
- ЧИТРАКЕТУ — военачальник панчалов.
- ЧИТРАСЕНА — сын Дхритараштры.
- ШАКУНИ — царь Гандхары, брат Гандхари (см.), искусный игрок в кости.
- ШАЛЬЯ — царь мадров, брат Мадри, сражающийся на стороне Кауравов.
- ШАМБАРА — демон-данава, побежденный Индрой.

- ШАНДИЛИ** — богиня, дочь Дакши, одна из жен Дхармы, бога справедливости.
- ШАТАНИКА** — сын Накулы и Драупади.
- ШАТАНИКА** — брат царя Вираты, предводитель его войска.
- ШАТАЮДХА** — воин, сподвижник Шрутаюса, царя калингов (см.).
- ШАТАЮС** — воин, сподвижник Шрутаюса, царя калингов (см.).
- ШАТРУНДЖАЯ** — сын Дхритараштры.
- ШЕША** — космический тысячеглавый змей, поддерживающий землю; распростертый на водах мирового океана, служит ложем для пребывающего в состоянии покоя Вишну (см. Ананта).
- ШИБИ** — древний царь-мудрец, прославленный своим благочестием и готовностью к самопожертвованию.
- ШИВА** — одно из главных божеств индуизма, главный объект культа в шиваизме, одной из основных ветвей этой религии (наряду с вишнуизмом); член верховной триады, в которой он воплощает преимущественно функцию разрушения.
- ШИКХАНДИН** — младший сын царя Драупады, по рождению — дева, из-за чего Бхишма отказывается с ним сражаться.
- ШИНИ** — царь племени Ядавов, дед Сатьяки (см.), давший начало одноименному роду.
- ШРЕНИМАН** — царь-мудрец, властитель страны Кумарадеша (предположительно область Кайра на северо-востоке штата Мадхья-Прадеш).
- ШРУТАКАРМАН** — сын Сахадевы и Драупади.
- ШРУТАКИРТИ** — сын Арджуны и Драупади.
- ШРУТАЮС КАЛИНГСКИЙ (ШРУТАЮДХА)** — сын бога Варуны и речной богини Парнаши, царь Калинги, предводитель одной из одиннадцати акшаухини армии Кауравов.
- ШУРАСЕНА** — (ШУРА) царь Матхуры, отец Кунти, отданной им удочерившему ее Кунтибходже (см.), и Васудевы, отца Кришны.
- ЮДХАМАНЬЮ** — царевич Панчалы, брат Уттамауджаса (см.), сподвижник Арджуны.
- ЮДХИШТХИРА** — старший из братьев Пандавов, почитаемый сыном бога Дхармы.
- ЮЮТСУ КАУРАВЬЯ** — сын царя Дхритараштры и женщины-вайшьи, перешедший на сторону Пандавов.
- ЯДАВЫ (ПОТОМКИ ЯДУ)** — ответвление Лунного рода, цари и герои ведущие происхождение от Яду, старшего сына Яяти (см.); его потомками были Мадху, Вришни, Сатвата, также давшие имена этому роду предки Кришны-Васудевы.
- ЯМА** — бог смерти и повелитель загробного мира, хранитель Юга.
- ЯЯТИ** — древний царь, сын Нахуши (см.) и правнук Пурураваса, родоначальника Лунной династии царей Бхаратаварши (Индии).

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- АБХИРЫ** — скотоводческое племя, занимавшее одноименную территорию на юго-востоке совр. Гуджарата.
- АБХИСАРЫ** — одно из племен Пенджаба, локализующееся в районе совр. Пешавара либо в междуречье Джелама и Чинаба.
- АБХИШАХИ** — одно из племен Пенджаба; точно не локализуется.
- АВАНТИ** — страна в южной части плато Мальва, занимающая долину реки Нармада и западные склоны гор Виндхья.
- АМБАШТХИ** — жители Амбаштхи, страны, занимавшей северную область Синда и часть Восточного Пенджаба до совр. Лахора.
- АНАРТА-НАРРИТЫ** — племена, занимавшие одноименную территорию полуострова Катхиавар и прилегающие с востока области Гуджарата и Мальвы.
- АНГА, АНГИ** — народ и страна, занимавшая территорию совр. Бихара южнее Ганга.
- АНДХАКИ** — племя, входившее в состав племенного союза Ядавов.
- АНДХРЫ** — дравидийское племя, занимавшее часть одноименной территории совр. штата Андхра — между реками Годавари и Кришна.
- АРАТТЫ** — жители Аратты (древнее название Пенджаба).
- АСИКНИ** — древнее название реки Чинаб в Пенджабе.
- АШМАКИ** — племя, которое локализируют на территории совр. Восточного Афганистана; есть сведения о переселении части племени на юг Индии.
- БАХЛИКИ** — народ одноименной страны, граничившей (с запада?) с территорией мадров (см.); предположительно бахлики — иранское племя, переселенцы из Бактрии.
- БИНДУСАРАС** — озеро в верховьях Ганга, место паломничества (см. комментарий).

---

* В словарь включены реалии, достаточно определенно поддающиеся идентификации; те реалии, которые идентифицировать не представляется возможным, см. по указателю и в комментариях.

- БХАРАТАВАРША** — древнее название Индии.
- БХАРАТЫ** — наиболее значительное из древних арийских племен, упоминаемое уже в «Ригведе», обитавшее, по-видимому, первоначально на территории между реками Сатледж и Тринаб; позднее, в эпосе, приобретает более широкое значение — жители Бхаратаварши.
- БХАРГАВЫ (ПОТОМКИ БХРИГУ)** — в космографическом тексте «Бхишмапарвы» — название некоего племени, место обитания которого не установлено.
- БХОДЖИ** — народ одноименной страны, местоположение которой остается неопределенным (по-видимому, в Центральной или Западной Индии); бходжи почитались одним из ответвлений рода Ядавов (потомков Яду).
- ВАЙТАРАНИ** — река, отделяющая юг Деканского полуострова от его центральной части; также название мифической адской реки, отделяющей мир живых от подземного царства бога смерти.
- ВАНАЮ** — страна, расположенная предположительно западнее Индии; более определенно не локализуется.
- ВАНГИ** — народ страны, занимавшей одноименную территорию в Восточной Бенгалии (совр. Бангладеш).
- ВАРВАРЫ (МЛЕЧЧХИ)** — название, объединяющее племена и народы, пребывающие за пределами брахманской культуры, противопоставляемые ариям, ее носителям.
- ВАСАТИ** — предположительно неарийская народность (не поддающаяся определенной локализации).
- ВАТАДХАНЫ** — одно из племен Пенджаба, одноименная область обитания которого — совр. Бхатнайр.
- ВАТСЫ** — народность, занимавшая территорию на юге совр. штата Уттар Прадеш, западнее слияния Ганга с Джамной.
- ВЕННА** — река, предположительно отождествляемая с совр. Венгангой, левым притоком Годавари.
- ВЕТРАВАТИ** — река, обычно отождествляемая с совр. Бетвой, берущей начало в горах Виндхья (близ Бхопала) и впадающей в Джамну ниже Хамирпура.
- ВИДАРБХИ** — народность, занимавшая одноименную территорию на юге совр. штата Мадхья Прадеш (совр. Берар). Под Видарбхами Прибрежными подразумевается, вероятно, территория по течению реки Нармады.
- ВИДЕХИ** — индоарийское племя, одноименная страна обитания которого занимала территорию между Гангом и Гималаями, ограниченную реками Гандак на западе и Коси на востоке, со столицей в городе Митхиле.
- ВИДИША** — река, на которой расположен одноименный город, совр. Бетва.
- ВИНДХЬЯ** — горный хребет, отделяющий Северную Индию от Деканского полуострова.
- ВИПАША** — одна из рек Пятиречья, совр. Биас.

ВИТАСТА — одна из рек Пятиречья, совр. Джелам.

ВРИШНИ, ВРИШНИЙЦЫ — то же, что ядавы, яду, одно из племен Западной Индии, возводивших свое происхождение к мифическому прародителю Яду (см.).

ГАНГА — Ганг, великая река Северной Индии.

ГАНДХАМАДАНА — горный хребет в Гималаях (округ Гархвал, север штата Уттар Прадеш), в древности отождествлявшийся с мифической горой, местопребыванием небожителей.

ГАНДХАРА — страна гандхаров, занимавшая территорию у впадения в Инд реки Кабул (север совр. Восточного Пенджаба) и земли вдоль границы совр. Пакистана и Афганистана со столицей в г. Пурушاپуре (совр. Пешавар).

ГОДАВАРИ — река, берущая начало в горах Западные Гаты на северо-западе Деканского полуострова и впадающая в Бенгальский залив южнее совр. города Какинада (штат Андхра).

ГОМАТИ (совр. ГОМТИ) — левый приток Ганга, впадающий в него ниже г. Варанаси на территории штата Уттар Прадеш.

ГОПАЛЫ (ПАСТУХИ) — условное обозначение племен Западной Индии, образующих воинство Кришны (Пастуха), которое, в отличие от него самого, сражается на стороне Кауравов.

ГОРА ЗАКАТА (АСТА) — мифическая гора, за которую, по поверьям, заходит солнце.

ГУННЫ — народ, происходящий из Центральной Азии, принадлежащий группе тюркско-монгольских народов, в I в. н. э. мигрировавшей в основном на запад; часть их отклонилась к югу и в IV—V вв. вторглась в Северо-Западную Индию.

ДАРАДЫ — народ, обитавший на крайнем севере Индии, в районе совр. Гильгита (Дардистан).

ДАРВИКИ, ДАРВЫ — по-видимому, родственные пенджабские племена, одноименные территории обитания которых — области между реками Джелам и Чинаб.

ДАШАРНЫ — народ, страна обитания которого с тем же названием занимала территорию между рекою Джамна и горами Виндхья (от Восточной Мальвы до западных областей Бихара, включая территорию Патны).

ДАШЕРАКИ — племя, обитавшее на территории совр. Мальвы.

ДЕВИКА — совр. река Диг, приток Рави (в Восточном Пенджабе).

ДРАВИДЫ — здесь, видимо, название одного из дравидийских племен Южной Индии и места его обитания.

ДРИЩАДВАТИ — приток реки Сарасвати, упоминаемый еще в «Ригведе»; идентифицируется предположительно с совр. рекой Читанг южнее Курукшетры.

ИНД — великая река на территории совр. Пакистана.

ИНДРАПРАСТХА — город, основанный, согласно эпосу, Пандавами на месте совр. Дели.

ИРАВАТИ — совр. река Рави, одна из рек Пятиречья, сливающаяся с Чинабом у г. Ахмадпура в Пакистане.

КАВЕРИ — река в Южной Индии, протекающая восточнее Западных Гат.

КАЙЛАСА (ХЕМАКУТА) — горный хребет в Гималаях в районе совр. Камаона; в древности отождествлялся с мифической горой, местопребыванием бога Шивы.

КАЛИНГА — страна обитания неарийской народности калингов, занимавшая территорию побережья Бенгальского залива южнее совр. Ориссы, между реками Маханади на севере и Годавари на юге.

КАМБОДЖА — страна обитания народности камбоджей (предположительно иранского происхождения); локализуется на юго-востоке совр. Афганистана (западнее Гандхары, район совр. Кандагара).

КАПИЛА — название реки Нармады в верхнем течении.

КАРУШИ — население страны Каруша, расположенной на северо-востоке совр. штата Мадхья Прадеш, граничившей с Чеди на западе и Магадхой на востоке (район совр. города Рива).

КАУШИКИ — река, отождествляемая с совр. рекой Коси, левым притоком Ганга, впадающим в него ниже Бхагалпура (по данным древней географии — приток Брахмапутры).

КАШИ — древнее название Бенареса (Варанаси) и царства с центром в этом городе, граничившего на юге с Магадхой; кашийцы — его население.

КАШИ-КОШАЛЫ — здесь, по-видимому, название страны, охватывавшей территории Каши (см.) и Кошалы (Косалы), и народов, ее населяющих.

КАШМИРЫ — страна обитания кашмиров, занимавшая территорию совр. штата Джамму и Кашмир между верхним течением Инда и горным хребтом Пир-Панджал.

КЕКАЯ — страна Кекаев, рода, жившего на территории междуречья Биаса и Сатледжа в Пенджабе.

КЕРАЛА — страна кералов, дравидийской народности, издревле населявшей Малабарский берег Южной Индии (совр. штат Керала).

КИРАТЫ — страна киратов; под этим названием известны были отсталые охотничьи племена (предположительно монголоиды), жившие в предгорьях Гималаев на всем протяжении от Кашмира на северо-западе до Ассама и Трипуры на востоке.

КИТАВЫ — возможно, то же, что гандхары, или родственное им племя в Гандхаре (см.).

КОНКАНЫ — страна конканов, занимавшая, очевидно, территорию исторической области Конкан на западе Деканского полуострова (совр. Гоа и прилегающие районы штатов Карнатак и Керала).

КОСАЛА (КОШАЛА) — страна косалов, занимавшая территорию на востоке совр.

- штата Уттар Прадеш (район совр. города Лакхнау), граничившая на юге с царством Каши (см.).
- КРАУНЧА — мифическая гора, с которой отождествляют либо южное ответвление горы Кайласа (см.), либо сохранившую это название гору в Восточных Гималаях, на севере Ассамы.
- КРАУНЧА, МАХАКРАУНЧА — гора, помещаемая в эпосе и пуранах на фантастическом материке Краунчадвипа.
- КРИШНАВЕНА — река, отождествляемая предположительно с совр. Кришной (Кистной).
- КУКУРЫ — племя, родственное вришни (см.).
- КУЛИНДЫ — страна кулиндов, совр. Гарвал (верховья Ганга); Кулинды Предгорья — возможно, территория западнее, район совр. Шахаранпура севернее Дели.
- КУНТАЛЫ — страна кунталов, занимавшая территорию юго-запада совр. Хайдарабада до побережья Аравийского моря.
- КУНТИ — страна обитания одноименного племени, территория совр. Мальвы.
- КУРУ — народность или союз племен, сложившийся к началу 1-го тыс. до н.э. вокруг племени бхаратов (см.), мигрировавшего к этому времени из Пенджаба к верховьям Ямуны (совр. Джамны) и Ганга, в область, получившую название Курукшетра (см.). В эпосе происхождение куру (как и бхаратов и многих других этносов) возводится к легендарному одноименному первопредку. Иногда в значении этого этнонима употребляется и родовое имя Кауравы (потомки Куру).
- КУРУКШЕТРА (ПОЛЕ КУРУ) — историческая область к северу от совр. Дели, страна куру, приблизительно совпадающая с территорией совр. штата Харьяна; место описываемой в эпосе великой битвы.
- КУРУ-ПАНЧАЛЫ — страна обитания одноименных народностей (см.).
- КХАНДАВА — лес, локализуемый обычно в районе совр. городов Мератх и Музаффарнагар, восточнее Курукшетры (см.).
- КХАШИКИ — страна обитания одноименного племени (кхашы, кхасы) неарийского происхождения, в горах к югу от Кашмира, в верхнем Пенджабе.
- КШУДРАКИ — воинственное племя Пенджаба, занимавшее территорию между реками Рави и Сатледж; обычно упоминаются вместе с малавами (см.).
- ЛЕСОВИКИ (КАНАНЫ). ЛЕСНЫЕ ШАБАРЫ — очевидно, некие неарийские племена джунглей Центральной Индии, относимые традиционно к варварам (млеччхам).
- ЛУННОЕ ОЗЕРО — возможно, Гангахрада, место паломничества в Тханесаре на территории Курукшетры.
- МАГАДХА — страна магадхов (магадхийцев), занимавшая юг совр. штата Бихар (с центром в гор. Раджагриха, совр. Раджгир). В середине 1-го тыс. до н.э.

на ее территории сложилось могущественное государство, послужившее центром первого объединения Индии под властью империи Маурья.

МАДРЫ — страна мадров, одного из наиболее могущественных племен Пенджаба; занимала территорию между реками Рави и Чинаб с центром в гор. Шакала (совр. Сялкот).

МАЙНАКА — гора, отождествляемая обычно с горой Ганготри в Гималаях (к северу от Кайласы), где берет начало река Ганг.

МАЛАВЫ (МАЛЛЫ) — племя, занимавшее территорию между реками Чинаб и Рави в Пенджабе.

МАЛАДЫ — страна маладов, расположенная в районе совр. Шахабада в Бихаре.

МАЛАЙЯ — горный массив, включающий южную часть Западных Гхатов вместе с Кардамоновыми горами на крайнем юге Индии.

МАЛЛЫ — страна маллов или малавов (см. малавы).

МАНАСА — священное озеро в Гималаях у восточных отрогов горного хребта Ладакх, совр. Манасаровар в Западном Тибете.

МАНДАКИНИ — левый приток Ганга, берущий начало в долине Кедарнатх в Гималаях.

МАНДАРА — мифическая гора, в «Махабхарате» помещаемая в Гималаях; отождествляется с горой Мандарагири в Южном Бихаре.

МАРУБХАУМЫ — предположительно район совр. Мервара либо территория пустынь Восточного Раджастан и обитавшие там племена.

МАТСЫ — страна матсьев, занимавшая территорию к югу от Курукшетры, на северо-востоке совр. Раджастан с центром в гор. Виратанагара (совр. Байрат).

МАХЕНДРА — северо-восточная часть горного массива на территории от Ориссы до Мадур, включая Восточные Гаты (разделяемая здесь, по-видимому, на западную и восточную горные области).

МАХИШАКИ — предположительно южная часть совр. штата Карнатака (Майсур) или страна на реке Нармада с центром в гор. Махешмати (совр. Мандхата).

МЕКАЛЫ — страна мекалов, расположенная у истоков реки Нармада, в районе горного хребта Майкал в Центральной Индии.

МЕРУ — мифическая гора в центре Вселенной, отождествлялась с горным хребтом Рудра-Гималая в Гархвале.

НАГИ — неарийское племя, обитавшее в горах на северо-востоке Индии (территория совр. штата Нагаленд).

НАЛИНИ — мифическая река (Ганга, протекающая в небесах).

НАНДАНА — мифическая роща в небесном царстве Индры.

НАРМАДА (РЕВА) — река, берущая начало в восточных отрогах горного хребта Майкал и впадающая в Камбейский залив на юге совр. штата Гуджарат; означает границу между Северной Индией и Деканским полуостровом.

- НИЛА — гора, местоположение которой остается неопределенным; возможно, одна из вершин в верховьях Ганга, близ Хардвара.
- НИШАДХА, НИШАДХИ — страна и ее народ, обитавший в горах Виндхья (более определенно не локализуется).
- НИШАДЫ — общее наименование аборигенных племен Северной Индии, остававшихся за пределами арийской культуры (дравидийских и мунда).
- ПАЙОШНИ — река, берущая начало в горах Виндхья; возможно, также название реки Сарасвати (см.) в ее верхнем течении.
- ПАЛЛАВЫ — здесь, очевидно, дравидийские племена, населявшие царство династии Паллавов, в III—VI вв. охватывавшего территории юга совр. штатов Андхра и Карнатака и север Тамилнада.
- ПАНДЫ — дравидийское племя, обитавшее на крайнем юге Деканского полуострова, предки совр. тамилы.
- ПАНЧАЛА — страна панчалов, расположенная к западу и юго-западу от страны куру, между Гималаями и верхним течением Ганга.
- ПАРАСИКИ — страна парасиков (персов), видимо, граничащие с Индией восточные области Ирана (см. также Пахлавы).
- ПАРВАТИ — горная страна на юге, местоположение которой не установлено.
- ПАРИЯТРА — западная часть горного хребта Виндхья (от истоков реки Чамбал).
- ПАУРАВЫ — жители горной страны на севере или северо-востоке Индии.
- ПАХЛАВЫ — страна пахлавов (пехлевийцев), т. е. парфян.
- ПИШАЧИ — здесь, очевидно, название народности, остававшейся на периферии арийской культуры, предположительно населявшей какие-то области между Магадхой и Калингой (см.).
- ПРАБХАДРАКИ — предположительно племя, родственное панчалам.
- ПРАВАРА — левый приток Годавари в среднем ее течении.
- ПРАЯГИ — по-видимому, жители области города Праяги (совр. Аллахабада), почитаемой священной земли у слияния Ганга с Ямуной (Джамной).
- ПУЛИНДЫ — область обитания неарийского племени пулиндов (запад совр. Бундэлькханда и район Сагара в штате Мадхья Прадеш).
- ПУНДРЫ — страна обитания пундр, неарийского племени, расположенная в нижнем течении Ганга, на территории совр. Западной Бенгалии и Южного Бихара (о другой стране того же названия сведений нет).
- ПЯТИРЕЧЬЕ (ПАНЧАНАДА) — Пенджаб, т. е. междуречье пяти притоков Инда: Дже-лама, Чинаба, Рави, Биаса и Сатледжа; в узком смысле — страна, орошаемая Панчанадой (совр. Панджнад), потоком, несущим соединенные воды этих пяти рек от места слияния их до впадения в Инд.
- РАДЖАПУР — здесь, очевидно, столица Камбоджи (см.).
- РАЙВАТА(КА) — гора (совр. Гирнар близ Джунагара).

- САМАНТАПАНЧАКА — область Курукшетры или название места паломничества (тиртха) на ее территории (близ совр. города Панипат), посвященного Раме, сыну Джаматагни (шестой аватаре Вишну).
- САРАСВАТИ — священная река ариев, протекавшая от Гималаев параллельно Сатледжу и Инду и впадавшая в Аравийское море; с течением времени частично пересохла и изменила течение (от нее осталась сейчас река Гхаггар, ограничивающая с севера Курукшетру).
- САРАЮ — река, левый приток Ганга (совр. Гхагхра).
- САТВАТЫ — то же, что ядавы или племя, входящее в племенной союз ядавов.
- САУВИРЫ — страна обитания неарийского племени саувилов, занимавшая территорию левобережья Инда от впадения в него Панджнада до района совр. пакистанского Хайдарабада.
- САХЬЯ — часть Западных Гхат к северу от реки Кавери.
- СЕВЕРНЫЕ КУРУ (УТГАРАКУРУ) — мифическая страна, лежащая за Гималаями (по-видимому, на западе Тибета).
- СИНДХУ — индийское название реки Инд; также страна, расположенная в нижнем течении Инда, совр. Синд (юго-восток Пакистана).
- СИНДХУ-ПУЛИНДАКИ — по-видимому, страна, охватывавшая территорию пулиндов (см.) и смежную территорию, прилегающую к реке, носящей название Синдху (правый приток Джамны, совр. Синдх).
- СИНДХУ-САУВИРЫ — страна, охватывающая территорию обитания обоих народов, синдху (сайндхавов, также неарийского племени, занимавшего правобережье нижнего Инда) и саувилов.
- СИТА — один из мифических рукавов реки Ганги, протекающей на небесах; также название одной из рек фантастического материка Шакадвипы.
- СРИНДЖАИ — племя, упоминаемое обычно вместе с панчалами.
- СУРАШТРА — страна, занимавшая территорию полуострова Катхиявар и прилегающие области от низовий Инда до устья Нармады.
- ТАМАСА — левый приток Ганга, впадающий в него ниже слияния Ганга с Джамной.
- ТАНГАНЫ — страна танганов, занимавшая крайний север совр. штата Уттар-Прадеш.
- ТИТТИРЫ — племя, обитавшее, по-видимому, южнее Курукшетры.
- ТОХАРЫ — народность, обитавшая ко времени сложения эпоса на территории Бактрии (Балха).
- ТРИГАРТЫ — страна тригартов, расположенная в верхнем Пенджабе, в бассейне рек Биас, Сатледж и Рави.
- ТРИПУРЦЫ — жители Трипуры, отождествляемой с совр. г. Теор на реке Нармада (близ Джабалпура).

- ТУНГАВЕНА — река Тунга, протекающая на территории совр. штата Карнатака, правый приток реки Кришны.
- УПАПЛАВЬЯ — совр. г. Байрат, приблизительно в 200 км южнее Дели.
- УТКАЛЫ — племя Центральной Индии, соседствовавшее с мекалами и калингами.
- ХАРИВАРША — мифическая страна, иногда отождествляемая с Северными Куру (с.м.).
- ХИРАНВАТИ — название нескольких рек, одна из которых протекает на Курукшетре.
- ХИМАВАН — Гималаи.
- ХУНДЫ — племя, обитавшее, по-видимому, на территории, смежной с Пундрами (с.м.).
- ЧАНДРАБХАГА — совр. река Чинаб.
- ЧАРМАНВАТИ — совр. река Чамбал в Раджастане.
- ЧЕДИ — страна чеди (чедийцев, арийской народности), расположенная к югу от Двуречья (Ганга и Джамны), северная часть совр. штата Виндхья-Прадеш.
- ЧЕРНАЯ ВЕННА (КРИШНАВЕННА) — возможно, то же, что Кришнавена (с.м.) либо река Венганга (с.м. Венна).
- ЧИНЫ — китайцы.
- ЧОЛЫ — страна чолов, дравидийской народности, занимавшая юг Коромандельского побережья.
- ШАБАРЫ — неарийское племя, обитавшее в горах Декана, название которого употреблялось позднее в значении варваров вообще.
- ШАКАДВИПА — фантастический материк за пределами Индии (Джамбудвипы), в описаниях которого отразились сведения о соседнем Иране или Сеистане.
- ШАКИ — среднеазиатские скифы-саки.
- ШАЛЬВЫ — страна шальвов, племени, обитавшего на западе совр. Раджастана.
- ШАТАДРУ — совр. Сатледж, одна из главных рек Пятиречья (с.м.).
- ШВЕТА — горный массив Гималаев в Восточном Тибете (совр. Шветагири).
- ШИБИ — арийское племя, обитавшее в Западном Пенджабе.
- ШОНА — правый приток Ганга, совр. река Сон, берущая начало в горах Меовара и впадающая в Ганг выше Патны.
- ШУДРЫ — здесь: название страны и неарийского племени, ее населявшего; локализуется в междуречье Инда и Сатледжа.
- ШУДРЫ-АБХИРЫ — шудры объединяются здесь с абхирами (с.м.), по-видимому, поскольку те и другие относятся эпосом к западным варварам-млеччхам.

ШУКТИМАН — предположительно горный массив Восточных Гат к югу от реки Кришны.

ШУРАСЕНЫ — страна шурасенов, расположенная южнее совр. Дели на правом берегу реки Джамны (район Матхуры).

ЯВАНЫ — греки (ионийцы), поселения которых в Бактрии и Гандхаре существовали со времени похода Александра Македонского или даже раньше (уже при Ахеменидах).

ЯДАВЫ, ЯДУ — общее название арийских племен, обитавших на запад от Джамны и возводивших свое происхождение к мифическому первопредку Яду, как и вришни, сатваты, шурасены.

ЯМУНА — река Джамна.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЭПИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

- Абхиманью 101, 107, 112, 115, 124, 126, 128, 138, 141, 143, 145, 146, 156, 162, 170, 171—173, 185, 191, 195, 203, 205—209, 211, 212, 218, 219, 221, 222, 243, 244, 247, 250, 257, 265, 266
- племянник Кришны 247, 257
- сын Арджуны 107, 116, 124, 128, 138, 141, 162, 172, 177, 220, 221, 228, 247, 258, 428
- сын Кришны 107, 108, 138, 139, 141, 142, 172, 220, 222
- сын Пхальгуны 219, 222, 258
- сын Субхадры 43, 48, 49, 100—102, 108, 114, 124, 129, 138, 139, 142, 156, 160, 162, 165, 170, 173, 174, 185, 212, 219—222, 228, 240, 244, 256—258, 264
- сын царевны сатватов 162
- Авантиец, Авантийский (Винда?) 158, 202
- Авантийские, Авантийцы (Винда и Анувинда) 39, 41, 104, 113, 126, 177, 181, 189, 205, 218, 225, 242, 250, 251, 253, 254
- Агни (Огонь) 76, 138, 169, 216, 275
- Павака 72
- Пожиратель жертвы 23, 184, 372
- Аджамидха см. Юдхиштхира
- Аджаташатру см. Юдхиштхира
- Адитьи (сыны Адити) 72, 74, 75
- Адитьякету 193
- Айравата (Айравана), слон 32, 72, 146, 208
- Айравата, змий 196
- Аламбуса 103, 144, 177, 180, 218, 221, 222
- сын Ришьяциринги 144, 198, 220—222, 242, 244, 246
- Алолупа 145
- Амба 36, 379
- Амбариша 24
- Амбаштха(ка), Амбаштхи повелитель см. Шрутаюс *
- Амбики сын см. Дхритараштра
- Анадхришти 211
- Ананта (см. также Шеша) 72, 198
- Ангирас 154, 368
- ангов владыка см. Карна
- Анджана 146, 377
- Анируддха 151
- Антака см. Яма
- Анувинда Авантийский 39, 41, 104, 113, 126, 133, 176, 177, 182, 189, 225, 242, 250, 251, 254
- Апараджита 193
- Арджава 197
- Арджуна 43, 45—48, 50, 51, 53, 55, 58, 60, 63—66, 68—70, 73, 77, 89, 91, 92, 94, 101, 109, 114—116, 125, 129, 132, 133, 135—137, 139, 166, 178, 179, 185, 186, 189, 190, 195, 196, 199, 207, 210, 212, 216, 217, 221, 223, 224, 228, 233—236, 238, 240, 244—246, 248, 249, 252—255, 259—262, 267, 268, 274, 276
- Белоконный 185, 191, 223, 243, 260, 261, 269
- Бибхатсу 43, 109, 128, 132, 162, 185, 224, 232, 238, 243, 249, 252, 259, 262, 265, 267, 272, 275
- Бхарата 52, 56, 60, 67, 74, 79, 81, 84, 86, 91, 239

- Гудакеша 47, 49, 51, 72, 74
Джишну 134, 239, 253, 254, 256, 268
Завоеватель богатств (Дхананджая) 10, 42, 43, 46, 49, 53, 60, 65, 69, 73, 74, 78, 89, 91, 93, 94, 101, 107, 111, 113—115, 124—126, 132, 134, 136, 138, 153, 156, 160, 164, 165, 177, 178, 186, 187, 210, 211, 221, 223, 224, 228, 237—240, 245, 250, 252—254, 256, 261, 263, 264, 266—269, 272, 274, 275
Кришна 133, 161, 178
Носитель лука Гандива 44, 112, 115, 136, 161, 228, 268
Партха (сын Притхи) 38, 43, 49, 51—56, 58, 60, 65—69, 71, 72, 74, 78, 84, 87—89, 91, 92, 101, 111, 112, 115, 116, 126, 128, 129, 131—136, 138, 139, 145, 156, 158, 161, 164, 168, 172, 178, 184, 186, 187, 196, 198, 211, 216, 223—225, 228, 232—234, 236, 239, 243—246, 248—250, 253—255, 257, 259—263, 267, 272, 275, 294, 333, 352, 361, 362
Победитель (Виджая) 178
Пхальгуна 38, 42, 43, 115, 128, 161, 203, 220, 228, 234, 236, 250, 254, 261, 265, 266, 268, 269, 272, 276, 277
Савьясачин 47, 75, 109, 110, 124, 126, 242, 243, 266, 272
сын Индры 138, 239, 261
сын Кунти 34, 42, 49, 52—54, 56, 57, 62, 64, 66—70, 79, 81, 85, 90, 91, 93, 132, 162, 178, 183—185, 223, 224, 232, 233, 259, 262, 263, 269, 272, 315
сын Панду 42, 49, 60, 62, 74, 77, 82, 84, 101, 109, 114—117, 125, 132, 135, 153, 165, 178, 196, 210, 212, 216, 224, 225, 234, 238, 243, 245—247, 249, 250, 256, 259, 260, 263, 264, 266, 268, 272—274
сын Шакры 186, 228
Увенчаный (Жиритин) 76, 115, 124, 128, 133, 136—139, 152, 158, 179, 250, 255, 262, 265—267, 269
Арджуны старший брат *см.* Бхимасена
Арджуны сын *см.* Абхиманью, Ираван
Артаяни *см.* Шалья
Арундхати 12, 367
Арьяман 72, 362
Асита 72, 154
Ашватхаман 40, 48, 103, 112, 113, 124, 125, 165, 176, 179, 194, 196, 202, 206, 218, 225, 245, 247, 257, 284, 380
внук Бхарадваджи 162, 206
сын Дроны 40, 103, 115, 124, 129, 139, 148, 149, 161, 162, 167, 177, 179, 180, 190, 191, 202, 205—207, 216, 219, 223, 242, 247, 256, 257, 284, 380
сын наставника 41, 161, 223, 380
Ашвины 74, 75, 134, 150
Ашока 121
Бака 198
Бала 103
Баладева (Баларама)
Санкаршана 151, 153, 154
Бали 220
Бахвашин 193
Бахлика 41, 102, 103, 136, 137, 176, 202, 211, 225, 228, 229
Белоконый *см.* Арджуна
Бесконечный *см.* Шеша
Бибхатсу *см.* Арджуна
Благой *см.* Владыка созданий
Бледные *см.* Пандавы
Бог богов *см.* Вишну, Кришна
Бог смерти *см.* Яма
Богиня удачи (Шри) 39, 359
Брахма 19, 20, 22, 39, 40, 68, 74, 76, 150—152, 154, 256, 263, 275, 329, 372, 377, 380, 402, 410, 411, 413, 415, 417, 419
Владыка созданий (Праджапати) 19, 30, 31, 35, 56, 150, 154, 272, 275, 376, 377
Всесоздатель (Вишвакарма) 152
Прародитель (Питамаха) 29, 31, 46, 76, 150, 151, 154, 274, 377
Самосуий (Сваямбху) 112
Создатель (Дхатар) 73, 216, 415, 419
Брихадбала 39, 101, 102, 176, 191, 202, 205, 254, 256, 258
царь Косалы (косальский) 101, 176, 191, 258
Брихаспати 42, 72, 111, 226, 239
Брихаткшатра 103
Кекаев царевич, Кекайский 103, 156
Кекая 103, 114, 170

- Бхагадатта 41, 103, 113, 126, 146, 147, 149, 167,
 182, 191, 194, 207—212, 218, 225, 240, 242,
 246, 250—252, 259, 266
 правитель, царь Прагджьотиши 146, 165,
 182, 191, 208, 210, 246, 252
 Прагджьотиша 177, 182, 183, 253, 259
 Бхагиратха 20
 Бхануман 120
 Бхарадваджи внук *см.* Ашваттхаман
 Бхарадваджи сын *см.* Дрона
 Бхарата 10—12, 14, 16, 19, 20, 25, 27, 29, 31—33,
 38, 39, 41, 42, 44—46, 49, 51, 99, 100, 102,
 103, 105—109, 112, 113, 115—121, 124—
 132, 137, 141, 143—145, 148, 153, 154,
 156—158, 160, 164—166, 171, 172, 174,
 177, 180, 182—185, 188, 190—197, 199,
 200, 205, 209—215, 218, 222—224,
 226—229, 231, 232, 234, 235, 240, 245—
 248, 251—253, 255—257, 259, 260,
 262—265, 268, 269, 271, 274
 Бхарата (потомок Бхараты) *см.* Арджуна, Бхиш-
 ма, Джанамеджая, Дурьодхана, Дритараш-
 тра, Юдхистхира
 Бхараты потомки (род) 17, 24, 27, 34, 38, 120,
 137, 179, 249, 250
 бхаратов старейшина *см.* Бхишма
 Бхараты потомок *см.* Бхишма
 Бхиша (сын Дритараштры) 145, 146
 Бхиша, Бхимасена 6, 42—44, 47, 48, 94, 100, 102,
 108, 110—112, 114, 118—123, 126—129,
 134, 141—148, 155—158, 160, 162, 164—
 166, 168—173, 175, 177, 178, 181, 185—
 188, 190—195, 198—200, 203—211, 218,
 221, 225, 226, 228—231, 235, 237, 240, 243,
 244, 248, 250—254, 256, 258, 264, 266,
 270, 275, 276
 Волшеброхий 43, 47, 49, 94, 113, 123, 142,
 144, 157, 168—170, 175, 187, 203, 205,
 211, 225, 250, 252
 потомок Бхараты 120
 Пандавея 168
 старший брат Арджуны 211
 сын Кунти 121, 144, 166, 172, 211, 271
 сын Панду 94, 119—123, 129, 141—145,
 168, 169, 193, 204, 205, 218, 221, 225, 251,
 252, 254, 264, 276
 сын Притхи 122, 123, 225
 Бхишабаху 145
 Бхимаратха 145, 146
 Бхимасены сын *см.* Гхатоткача
 Бхишма 33—40, 42—49, 51, 75, 76, 94, 98, 100,
 101, 107—117, 121—125, 127—138, 144,
 147—149, 155—161, 163, 164, 166—168,
 172, 175, 177—179, 185—196, 199, 202,
 207, 211, 214—218, 220—223, 225—229,
 231—252, 254—261, 263—276
 Бхарата 129, 215, 243
 глава куру, рода Куру 270
 Деварата 37, 40, 115, 123, 125, 130, 155, 164,
 165, 187, 189, 192, 194, 206, 223, 226, 234,
 236, 237, 243, 255, 260, 271, 274
 дед бхаратов 33, 189
 дед (праотец) куру 33, 40, 113—115, 125,
 232, 236—238, 264, 271
 Кауравья 188, 233, 255
 потомок Бхараты 34, 178, 229, 260
 потомок Куру 129, 189, 205, 236
 старейшина бхаратов 254, 259
 старейшина куру 123, 249
 сын Ганги 38, 101, 115, 116, 123, 129, 131, 158,
 175, 176, 178, 186, 188, 192, 207, 212, 214,
 215, 217, 225, 226, 229, 236—239, 242—
 245, 247, 254, 255, 259—261, 264—270,
 276—278
 сын Джахнави 273
 сын реки 249, 276
 сын реки Бхагиратхи 265
 сын Шантану 33—37, 39—41, 45, 94, 101,
 103, 109, 114, 115, 117, 123, 125, 129, 131—
 133, 135, 137, 138, 146, 147, 155, 157, 158,
 161, 175, 178, 179, 186—192, 196, 202,
 207, 211, 214, 216, 218, 222, 233, 234, 236,
 237, 240, 242—244, 255, 256, 264,
 267—272, 274—276
 Бходжа 100
 Бхригу 72, 154
 Бхригу потомок *см.* Рама
 Бхуришравас 40, 42, 45, 113, 126, 133, 135, 137,
 139, 144, 149, 163, 164, 177, 185, 202, 205,
 218, 225, 248, 266
 потомок Куру 144
 сын Сомадатты 48, 100, 102, 112, 138, 139,
 144, 164, 165, 185, 194, 207, 214, 242,
 244, 248

- Вайкунтха** см. Вишну
Вайрата 211, 439
Вайшампаяна 9—11, 14, 16, 18, 24, 33
Вайшравана см. Кубера
Вамана 32, 146
вангов властитель 200, 201
Вардхакшатри 45
Варуна 72, 76, 110, 183, 187, 235, 238, 250, 275
Васиштха 12
Васу 29, 30, 33, 34, 72, 774, 75, 102, 117, 130, 133, 142, 154, 169, 177, 198, 211, 214, 216, 220, 221, 245, 249, 258, 267
Васудана 113, 203, 207
Васудева см. Кришна
Васудевы сын см. Кришна
Васуки 72
Ваю (Ветер) 19, 76, 189, 224, 225, 235, 252, 275
Вегаван 200
Великий владыка см. Вишну, Шива
Великое существо см. Вишну
Вены сын см. Притху
Вепрь см. Вишну
Ветер см. Ваю
Вивасван 58, 273
Вивасвана сын см. Ману, Яма
Вивиншати 40, 42, 100, 107, 138, 141, 176, 190, 202, 217, 262
Вивитсу 145
Видура 148, 149, 167, 194, 210, 275
     сын рабыни 193, 194
Видьюджихва 200
Викарна 40, 42, 48, 100, 112—115, 127, 133, 141, 148, 149, 158, 159, 167, 168, 172, 174, 176, 177, 185, 188, 202, 207, 242, 244, 247, 248, 250, 251, 253, 262, 263
Виката 145
Винаты сын см. Гаруда
Винда Авантийский 104, 133, 182, 251
Випрачитгни 206., 241
Вирабаху 104
Вирата 43, 48, 49, 103, 108, 111—115, 118, 126, 135, 161, 165, 179, 191, 216, 218, 226, 232, 240, 244, 247, 256, 258, 264—266
     Матсья 159, 177, 179, 259
Вираты сын см. Уттара, Шанкха
Вичитравирьи сын (наследник) см. Дхритараштра
Вишвакарман 111
Вишвавасу 19
Вишну 24, 72, 75, 111, 133, 134, 151, 154, 275
     Бог богов 154
     Вайкунтха (Владыка Нетленного неба) 23, 24, 46
     Великий владыка 80, 151
     Великое существо 153
     Вепрь 150, 154
     Владыка волхований 154
     Властелин мира 150
     Всевышний Муж
     Высший муж 153, 154
     Господь 151, 152
     Джанардана 153, 154
     Кешава 154
     Лотосоокий 153, 154
     младший брат Предводителя Васу 133, 431
     Нараяна 20, 24, 30, 134, 152
     Носитель лука Шарнга 150
     Повелитель духов (Бхупатапи) 154
     Три шага прошедший (Тривикрамагати) 154
     Хари 23, 30, 154, 285
Вишока 145, 168, 210, 251
Владыка богатств см. Кубера
Владыка волхований см. Вишну
Владыка духов см. Шива
Владыка йоги см. Кришна
Владыка Кауравов см. Дурьодхана
Владыка Нетленного неба см. Вишну
Владыка созданий (Благой, Прародитель, Родитель, Царь) 30, 31, 35, 56, 150, 272, 275
Владыка созданий см. Брахма, Дакша, Кашьяпа
Владыка созданий (Праджapati, см. также Брахма) 275
Владыка существ см. Кришна
Владыка тварей см. Шива
Владыка Тридцати, властелин богов см. Индра
Властелин мира см. Вишну, Кришна
Волчебрюхий см. Бхима
Времени властелин см. Яма
Время (см. также Смерть) 11, 14, 24, 73, 75, 126, 143, 146, 147, 193, 200, 224, 228, 234, 241, 251
Вридхакшатра 256
Врипра 102, 184, 198, 220, 221, 246, 248

- Вришака 181, 197
 Вришни 50, 57, 73, 110, 114
 Вришни (род) 144, 160, 164, 178, 180, 184, 185, 223, 229, 236, 237, 245, 247, 248, 250
 Вришни потомок см. Кришна, Сатьяки, Чекитана
 вришниец см. Сатьяки
 Всевышний Муж см. Вишну, Кришна
 Всепроникающий Полководец см. Кришна
 Всесоздатель см. Брахма
 Высший Бог (Парамештхин, см. также Брахма) 252
 Высший Владыка см. Вишну, Кришна
 Вьюдохраска 211
 Вьяса 10—12, 15—17, 39, 72, 73, 92, 152
 Двайпаяна 39, 154, 277
 Кришна 39, 277
 сын Парашары 38
 сын Сатьявати 10
- Гавакша 197
 Гавальганы сын см. Санджая
 Гаджа 197
 Гады старший брат см. Кришна
 Гандхари 173, 194, 216
 Гандхари сын см. Дурьодхана
 Гандхары царь см. Шакуни
 Гаруда 16, 275
 Супарна 19, 196
 сын Винаты 16, 73, 203
 царь птиц 183
- Гаутама см. Крипа
 Гаутамы (Крипы) сын 212
 Гаятри 17, 370
 Говасана Шибийский 40, 158
 Говинда см. Кришна
 Голубиноконный см. Дхриштадьюмна
 Господь см. Виш.у, Кришна
 Грозного Солнца сын см. Карна
 Громовержец см. Индра
 Губитель Вритры см. Индра
 Губитель Мадху см. Кришна
 Гудакеша см. Арджуна
 Гхатоткача 103, 128, 129, 146, 147, 160, 165, 182, 191, 200, 201, 203, 205—207, 209, 210, 218, 221, 243, 248, 264, 266
 сын Бхимасены 103, 182, 206, 244, 248
- сын Хидимбы 129, 147, 177, 182, 183, 195, 201—203, 206, 207, 248
- Дакша 154
 Владыка созданий 154
 Дамана 139
 наследник Пауравы 139
 Дашарна 208
 Дашарны властитель 207, 208
 Дашархи потомок, Дашархи потомков повелитель см. Кришна
 Двайпаяна см. Вьяса
 Деварата см. Бхишма
 Деваки любимец, сын см. Кришна
 Девала 72, 154
 дед бхаратов, куру см. Бхишма
 Демон затмения см. Раху
 Джаласандха 145
 Джамадагни сын см. Рама
 Джанака 56
 Джанамеджая 9
 Бхарата 10
 Джанардана см. Вишну, Кришна
 Джарасандха 277
 Джахнави сын см. Бхишма
 Джая 42, 45, 100, 168
 Джаядратха 39, 41, 76, 103, 111, 126, 127, 133, 137, 148, 158, 167, 173, 186, 187, 202, 242, 250, 251, 253, 254, 256, 266
 властитель (повелитель, правитель, царь)
 Синдху 41, 115, 137, 176, 186, 187, 201, 202, 218, 219, 251, 252
 Синдхиц, Синдхийский, синдхийский царь 103, 158, 160, 205, 251, 258, 259
 Джаятсена 39, 240, 254, 258
 Магадхиц 142, 176, 242, 254
 повелитель, царь Магадхи (магадхский) 41, 42, 142, 254
- Джаятсена, сын Дхритараштры 168, 174
- Джишну см. Арджуна
 Диргхабаху 211
 Диргхалочана 211
 Дити сыны 151
 Драупади (дочь Дroupады) 173, 226
 Кришна 201, 235
 Драупади сыны 43, 48, 49, 100, 111—113, 115, 126, 128, 141—143, 156, 165, 170, 172, 173,

- 191, 195, 203, 207—209, 220, 240, 264, 265
- Дрона 34, 40, 41, 45, 46, 49, 51, 75, 76, 94, 96, 100, 111, 113—115, 117, 118, 124, 125, 127—129, 132—134, 136—138, 147—149, 156, 158—161, 166, 167, 169—171, 176, 179, 190, 191, 194—196, 199, 202, 206, 207, 211, 214, 216—221, 223—225, 228, 231, 232, 240, 242, 248, 249, 254, 256, 259, 266, 271, 272, 275
- Бхарадваджа 125
сын Бхарадваджи 34, 40, 97, 113, 117, 118, 125, 127, 147, 156, 165, 166, 170, 177, 179, 190, 191
- Дроны сын см. Ашваттхаман
- Друпада 48, 49, 103, 109, 111, 112, 118, 126, 135, 156, 165, 169, 170, 218, 226, 228, 229, 240, 244, 247, 259, 265, 266
сын Пришаты 114
Яджнясена Панчалийский 43
- Друпады дочь см. Драупади
- Друпады сын см. Дхриштадьюмна, Шикхандин
- Дурвишаха 42, 168
- Дурджая 172, 175
- Дурмада 168
- Дурмаршана 100, 136, 137, 141, 175, 177, 185, 250, 251, 253
- Дурмуха 42, 100, 102, 107, 141, 145, 174, 175, 228, 244, 248
- Душпрадхарша 145
- Дурьодхана 10, 24, 32, 35—40, 42, 45, 48, 98, 100, 102, 110, 113—115, 118, 124, 126, 128, 129, 135—138, 140—145, 147—149, 156—158, 160, 162—168, 170—173, 175—178, 184, 186, 187, 190, 191, 193—195, 198, 200—207, 210, 213—220, 224, 225, 227—230, 236, 243, 247, 252, 254, 256, 257, 270, 271, 273, 275, 277
- Бхарата (потомок Бхараты) 194, 214, 216, 217, 276
- Владька, вождь Кауравов 249, 275, 276
властитель, царь куру 162, 173, 202
Каурава 95, 96
Кауравья 173, 254
повелитель Кауравов 135
потомок Куру 34, 149, 205, 207
Суйодхана 129, 147, 210, 242, 277
сын Гандхарн 172, 216
сын Дхритараштры 9, 49, 98, 146, 197, 214, 225, 227, 232, 249, 250, 275
- Дурьодханы сын см. Лакшмана
- Духсаха 42, 100, 141, 160, 168
- Духшасана 37, 38, 42, 100, 112, 113, 141, 158, 167, 168, 172, 207, 213, 214, 217, 229, 245, 248, 256, 261—263, 267, 268, 271
потомок Бхараты 261
потомок Куру 271
- Душкарна 168, 174
- Дхармы сын см. Юдхиштхира
- Дхатар 275
- Дхритараштра 11, 14—16, 24, 33, 43, 99, 108, 210, 243, 250
- Бхарата (потомок Бхараты) 10—12, 14, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 29, 31—33, 38, 39, 41, 42, 44—46, 49, 51, 99, 100, 102, 103, 105—109, 112, 113, 115—121, 124—132, 137, 141, 143—145, 148, 153, 154, 156—158, 160, 164—166, 171, 172, 174, 177, 180, 182—185, 188, 190—193, 195—197, 199, 200, 205, 209—218, 222—224, 226—229, 231, 232, 234, 235, 240, 245—248, 251—257, 259, 260, 262—265, 268, 269, 271, 274
- Кауравья 24, 26, 29—32, 242
потомок Куру 25, 26, 29—32, 242
старший брат Панду 149, 229, 237, 241, 243, 259
сын Амбики 15
сын (наследник) Вичитравирьи 11, 15, 227
царь куру 277
- Дхритараштры сын см. Дурьодхана
- Дхритараштры сыны см. Кауравы
- Дхриштадьюмна 39, 43, 47, 49, 99, 100, 102, 108, 111—115, 117, 118, 122—124, 126, 140—143, 155, 160, 161, 165, 168, 170, 175, 180, 189, 190, 192, 195, 212, 217, 218, 226, 231, 240, 244, 245, 248, 250, 254—256, 264—266
- внук Пришаты 43, 100, 111, 112, 115, 117, 118, 122, 123, 129, 140—143, 155, 168—172, 177, 180, 189—191, 199, 248, 250, 254, 256, 259, 264—266
- Голубиноконный 122
наследник (сын) Панчалы, царя панчалов 124, 140, 250, 259

- Панчалийский 108, 117, 118, 124, 170, 189, 217, 226
 сын Друпады 48, 102, 117, 118, 140, 169, 180, 259
 царевич (царь) панчалов 115, 122, 139, 140, 256
 Дхришпакету 43, 48, 102, 103, 126, 158, 160, 165, 170, 173, 178, 185, 240, 256—258, 264, 266
 правитель Чеди 207, 208
 царь (повелитель) чедиев 103, 104, 258
 Чедиец 112
- Завоеватель богатств** см. Арджуна
 Земля 150
- Икшваку** 24, 58
 Илы сын см. Ришабха
 Индра 13, 24, 33, 35, 36, 39, 41, 45—47, 70, 103, 111, 119, 131, 135, 136, 142—144, 147, 152, 160, 163, 168, 169, 177, 178, 180, 183, 187, 194, 196, 200, 201, 204, 206, 207, 209, 214, 215, 222, 232, 236, 238, 239, 248, 259, 269, 274
 Владыка Тридцати 46, 235
 властелин богов 182, 235
 Громовержец 35, 41—43, 189, 238, 239, 241, 268
 Губитель (Сокрушитель) Вритры 133, 161, 193
 Магхаван 104, 180, 201, 208
 Многотимый (Пурухута) 111
 Носитель ваджры 110, 111, 137, 147, 217, 219
 Предводитель Васу (Васава) 29, 30, 34, 72, 102, 117, 130, 142, 177, 198, 211, 216, 220, 221, 245, 249, 258
 Совершитель ста жертвоприношений (Шатакрату) 93, 95
 Сокрушитель крепостей, твердынь (Пурандара) 184, 207, 246
 Тысячеокий 20, 371
 Шакура 19, 33, 34, 40, 46, 47, 100, 103, 138, 154, 158, 162, 177, 182, 199, 206, 209, 214, 216, 221, 222, 226, 239, 241, 245, 258, 264, 275
 Индры младший брат (Вишну) см. Кришна
 Индры сын см. Арджуна
 Ираван 104, 126, 165, 177, 181, 182, 196—200, 210
- сын (наследник) Арджуны 104, 139, 196, 198, 199
 сын дочери царя нагов 182
 сын Пандава 196
 сын Пхальгуны 104, 198
 Истребитель тьмы см. Сурья (Солнце)
- Кали** см. Сатьявати
 Калинга (калингов повелитель, царь) см. Шрутаюс
 Калинги сын см. Шакрадева
 Камбоджиец, Камбоджийский см. Судакшина
 Канакадхаджа 211
 Кандарпа (Кама) 72
 Капила 72
 Каракарша 185
 Карна 37, 40, 48, 76, 98, 115, 130, 173, 210, 214—216, 271, 277, 278
 владыка ангов 41, 380
 сын возницы 75, 98, 213, 214, 216, 277
 сын Грозного Солнца 40, 115
 сын Кунти 277
 сын Радхи 98, 216, 276—278
 сын Солнца 277
- Карна, сын Дхритараштры 168
 Картикея см. Сканды
 Каурава см. Дурьодхана
 Кауравов повелитель см. Дурьодхана
 Кауравы (потомки Куру) 9, 15, 32, 39, 45, 94, 95—98, 111, 114—116, 127, 129, 132—135, 147, 160, 163, 165, 191, 193, 195, 205, 210, 214, 227, 237, 249, 254, 256, 271, 276
 сыны Дхритараштры 9, 39, 42, 44—46, 49—51, 75, 94, 99, 100, 114, 127, 132, 134, 139, 145, 146, 155, 168—170, 177, 178, 183, 194, 199, 203—205, 211, 219, 222, 236, 238, 251, 261, 271
- Кауравья см. Бхишма, Дурьодхана, Дхритараштра, Юдхиштхира, Юютсу
 Каши царь 49, 112, 113, 158
 сын Кашийца 113, 204
 Кашьяпа 19
 Владыка созданий 19
- Кекаев (Кекайский) царевич см. Брихаткшатра
 Кекан братья 43, 45, 104, 108, 109, 112, 126, 165, 170, 172—175, 208, 209, 218, 226, 240, 264
 Кекая см. Брихаткшатра

- Кетуман Нишадский 41, 113, 119, 122, 123
 Кешава см. Вишну, Кришна
 Косалы (косальский) царь см. Брихадбала
 Крипа 34, 41, 48, 97, 103, 107, 108, 111—115, 124, 125, 129, 130, 133, 136, 138, 148, 149, 158, 159, 165—167, 173, 178, 184, 187, 190, 191, 194, 196, 202, 205, 207, 211, 214, 216—219, 225, 227, 240, 242, 244, 247, 250—254, 262, 263
 Гаутама 45, 94, 97, 103, 163, 184, 185, 212, 223, 251, 252
 Шарадвана сын 45, 97, 103, 139, 184, 191, 223, 244, 247
 Кригаварман 39, 45, 101, 107—109, 113, 125, 133, 139, 149, 158, 165, 167, 176, 181, 190, 196, 207, 218, 228, 229, 240, 244, 250—254, 266
 Сатвата 39, 252
 сын Хридика 149, 177, 196, 211, 212, 248
 Кришна 29, 46, 49, 50, 60, 64, 76, 85, 92, 94, 96, 99, 110, 111, 115, 124, 125, 133—135, 151, 153—155, 166, 179, 210, 220, 222, 232—236, 238, 239, 243, 260, 261, 273, 275, 277
 Бог богов 72, 74
 Васудева 10, 66, 73, 77, 92—94, 98, 99, 111, 114, 125, 132—134, 150—154, 177, 232, 233, 237, 238, 250, 277
 Владыка йоги (Йогин, Йогешвара) 74, 92, 111, 152, 233, 266
 Владыка существ 58, 69, 72, 91, 152
 Властелин мира 72
 внук Шурьы 114, 134, 135
 Всевышний Муж (Пурушоттама) 72, 73, 84
 Всепроникающий Полководец (Вишвак-сена) 267
 Высший, Верховный Владыка (Парамеш-вара) 80, 150
 Говинда 46, 50, 51, 110, 111, 153, 233, 236
 Господь (Бхагаван) 19, 151, 152
 Губитель (Победитель) Мадху 50, 51, 64, 67, 116, 154, 155, 210, 236, 264
 Джанардана 47, 50, 55, 72, 77, 110, 114, 126, 135, 136, 153, 154, 178, 233, 236, 273, 275
 Кешава 30, 45, 47, 50, 54, 55, 72, 76, 92, 94, 98, 110, 133, 135, 154, 155, 178, 210, 211, 233, 235, 277
 любимец Деваки 132
 Мадхава 46, 49, 50, 110, 116, 132, 178, 185, 211
 младший брат Индры 134, 135, 250
 младший брат Предводителя Васу 133
 Нараяна 134, 150, 152, 153, 155
 Неколебимый (Ачьюта) 49, 76, 91, 153
 носитель лука Шарнга 149, 150
 Осуществление существ (Бхутабхавана) 72
 повелитель потомков Дашархи 134
 потомок Вришни (Варшнея) 50, 57, 110, 114, 178, 185, 236, 237, 245
 потомок Дашархи 173
 потомок Мадху 180, 232—234, 236—239
 потомок Яду 273
 Преславный Господь (Шри Бхагаван) 51, 54, 55, 57, 58, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 72, 74, 75, 77—79, 81—84, 86, 87, 239
 Сокрушитель Кешина 87
 старший брат Галы 98, 238
 сын Васудевы 116, 131, 132, 152, 161, 185, 207, 210, 222, 228, 235, 245, 250, 254, 275
 сын Деваки 264, 275
 Хари 46, 74, 92, 96, 134, 154
 Хришикеша 49, 51, 76, 87, 113, 152, 154, 185, 234
 Ядав 76
 Кришна см. Арджуна
 Кришна см. Вьяса
 Кришна см. Драупади
 Кришны (Кришна и Арджуна) 133, 161, 178
 Кришны племянник см. Абхиманью
 Кришны сын см. Абхиманью
 Кубера 19, 20, 110
 Вайшравана 20, 226, 273
 Владыка богатств 72, 235
 Кундабхеда 211
 Кундадхара 193
 Кундалин 211
 Кунти 9, 34, 42, 43, 46, 49, 52—54, 56, 57, 62, 64, 66—70, 79, 81, 85, 90, 91, 93, 95, 96, 98, 99, 102, 113, 121, 132, 144, 162, 166, 172, 173, 178, 184, 185, 188, 211, 223, 224, 232, 233, 237, 238, 253, 259, 262, 263, 269, 271, 272, 277
 Кунти сыны см. Арджуна, Бхимасена, Карна,

- Юдхиштхира 26
 Кунтибходжа 48, 104, 112, 165, 218, 244, 265
 Кунтибходжи сын 104
 Куру 9—11, 25—31, 47, 77, 129, 137, 172, 190, 219, 247, 270
 куру властитель *см.* Дурьодхана
 куру (рода Куру) глава *см.* Бхишма
 Куру потомки *см.* Кауравы
 Куру потомок *см.* Бхишма, Бхуришравас,
 Дурьодхана, Духшасана, Дхритараштра
 куру старейшина *см.* Бхишма
 куру царь *см.* Дхритараштра
 Кшатрадева 203, 207—209
 Кшатрадхарман 203
 Кшемадханван 41
- Лакшмана** 124, 162, 163, 229
 сын Дурьодханы 124
- Магадхи** (магадхский) царь, Магадхиец *см.*
 Джаятсена
 Магхаван *см.* Индра
 Мадри 283
 Мадри сын *см.* Сахадева
 Мадри сыны *см.* Накула, Сахадева
 мадров владыка (повелитель, царь) *см.* Шалья
 Мадхава *см.* Кришна
 Мадху 233
 Мадху потомок *см.* Сатьяки
 Майя 220, 222, 245, 258
 Мандхатар 24, 40
 Мапу 20, 24, 58, 71
 сын Вивасвана 24, 170
 Маричи 72, 362
 Маркандея 152—154
 Маруты 72, 74, 75
 Матсья *см.* Вирата
 Махападма 146
 Махараудра 200
 Маходара 193
 Многочтимый *см.* Индра
 Муж (древний, первоначальный, предвечный —
 Пуруша) 67, 68, 72—74, 76, 80, 83, 84, 152,
 155
 Мучукунда 24
- Набхага** 40
 Накула 43, 49, 94, 100, 102, 112, 113, 142, 160,
 165, 177, 183, 188, 195, 218, 221, 230, 231,
 240, 244, 247, 276
 сын Панду 160
 сын Мадри 102, 160
- Накулы сын *см.* Шатаника
 Намучи 183, 193
 Нанда 113, 173
 Нандака 145
 Нара 20, 24, 152, 153, 155
 Нарада 19, 46, 72, 152, 154, 275, 277, 382
 Нараяна 20, 24, 134, 152, 153, 155
 Нараяна *см.* Вишну, Кришна
 Наследник Вичитравирьи *см.* Дхритараштра
 Нахуша 24, 40
 Неколебимый *см.* Кришна
 Нила 126, 203, 206
 Носитель ваджры *см.* Индра
 Носитель лука Гандива *см.* Арджуна
 Носитель лука Шарнга *см.* Вишну, Кришна
 Носитель петли *см.* Яма
 Носитель трезубца *см.* Шива
 Нрига 24, 40
- Огонь** *см.* Агни
 Осуществление существ *см.* Кришна
- Павака** *см.* Агни
 Пандавея *см.* Бхримасена
 Пандавы (сыны Панду) 9—11, 15, 24, 26, 33—
 38, 40—46, 48, 73, 93, 98—101, 103, 108,
 109, 111—113, 115, 116, 126—130, 132, 133,
 135, 140—142, 144, 145, 147—149, 152, 153,
 155, 156, 161, 163, 165, 167, 168, 173, 175—
 177, 181, 186, 191, 194, 196, 201, 205, 207—
 209, 213—217, 219, 221, 223, 225, 227—
 232, 235—237, 239, 241—243, 245, 247,
 248, 250, 252, 254—256, 263, 265—267,
 271, 273—277
- Пандита(ка) 193
 Панду 128, 129, 140, 181, 183, 239, 267
 Панду старший брат *см.* Дхритараштра
 Панду сын *см.* Арджуна, Бхримасена, Юдхишт-
 хира
 Панчалийские 43
 Панчалийский, Панчалы царевич, Панчалы, пан-
 чалов царя наследник *см.* Дхриштадьюмна
 Панчалийский, панчалов царевич *см.* Шик-
 хандин

- Парашары сын см. Вьяса
Парджанья 101, 144, 269, 275
Партха см. Арджуна
Партхи см. Притхи сыны
Паурава 41, 256, 257, 258
Пауравы наследник см. Дамана
Пашупати см. Шива
Пинакин см. Шива
Победитель см. Арджуна
Повелитель духов см. Вишну
Пожиратель жертвы см. Агни
Прабхаса
    Сияние 378
Прагджьотиша, Прагджьотши правитель, царь
    см. Бхагадатта
Прадьюмна 151
Праматхин 200
Прародитель см. Брахма, Владыка созданий
Прастхалы властитель см. Сушарман
Пративиндхья 104, 220
    сын Юджиштхиры 104
Прахлада 73
Предводитель Васу см. Индра
Предводителя Васу младший брат (Вишну)
    см. Кришна
Притхи сыны, Партхи (Арджуна, Бхимасена,
    Юджиштхира) 9, 37, 38, 40, 45, 107, 109, 136,
    161, 189, 194, 199, 214, 215, 217, 218, 220,
    231, 237, 238, 240, 241, 243, 254—256, 261,
    264, 276
Притху 24
    сын Вену 24
Пришата 108
Пришаты внук см. Дхриштадьюмна
Пришаты сын см. Друпادا
Пуруджит 48
Пурумистра 40, 42, 45, 100, 127, 141, 162 *
Пхальгуна см. Арджуна
Пхальгуны сын см. Абхиманью, Ираван
- Р**
Радхи сын см. Карна
Рама 33, 36, 73, 152, 264, 275
    потомок Бхригу 36
    сын Джамадани 33, 34, 36, 152, 241, 271
Раху 223, 245
    Демон Затмения (Сварбхану) 223
Ришабха 24
    сын Илы 24
Ришьяшинги сын см. Аламбуса
Родитель см. Владыка созданий
Рудра см. Шива
Рудры (дети Шивы) 72, 74, 75
- С**
Савитар 275
Савьясачин см. Арджуна
Сама 145
Самосуший см. Брахма
Самьямани, внук Сомадатты 139, 140
Самьямани 140
Санджая 11, 16—18, 21, 23, 24, 27—30, 32—37,
    39, 41, 42, 44, 46—51, 74, 76, 77, 92—94,
    96—101, 105, 107, 110, 112, 114, 117, 119,
    124—126, 128, 130, 137, 139, 140, 143, 144,
    148, 155, 157—159, 161, 163, 165—167, 171,
    172, 175, 176, 178, 181, 183, 186, 188, 190, 192,
    194, 196, 199—201, 203, 204, 207, 210, 213,
    215, 216, 219, 221, 224, 225, 228, 229, 231, 232,
    234, 237—242, 244, 246, 249, 250, 253, 255,
    257, 263, 265, 270, 271, 274—276, 278
    сын Гавальганы 11, 28, 33
Санкаршана см. Баладева
Сарасвати 150, 153
Сатвата род 125, 181, 190
Сатвата см. Критаварман, Сатъяки
Сатъя 122
Сатъявати 10
    Кали (Черная) 267
Сатъявати сын см. Вьяса
Сатъяврата 42, 141, 162
Сатъядева 122
Сатъядхрити 203, 207
Сатъяки 49, 101, 108, 111—113, 115, 122, 123, 126,
    128, 129, 144, 155, 156, 158, 160, 163—
    165, 177, 180, 189—191, 195, 211, 218, 221,
    223, 226, 228, 229, 231, 240, 243, 244, 246,
    247, 250, 257, 264—266
    внук Шини 114, 123, 129, 133, 134, 144, 156,
    180, 223, 246, 247, 256, 257
Вришниец 133
    потомок Вришни 160, 164, 180, 223, 229
    потомок Маху 180, 223, 229, 231, 246, 247
Сатвата 134, 257
Сатъяки сын см. Ююдхана
Саучитти 203

- Сахадева 43, 49, 94, 100, 102, 104, 112, 113, 142,
158, 160, 165, 177, 183, 195, 218, 221, 230,
231, 240, 244, 247, 258, 276
сын Мадри 247, 258
Сахадевы сын *см.* Шрутакарман
Связанные клятвой 45, 382
Сенапати 145
синдхийский царь, Синдху властитель *см.*
Джайдратха
Сканда 72, 248
Картикея 111
Смерть (*см.* также Время) 12, 122, 123, 132, 140,
142, 144—147, 157, 169, 170, 173, 179, 184,
187, 188, 230, 243, 257
Совершитель ста жертвоприношений *см.*
Индра
Создатель *см.* Брахма
Сокрушитель Кешина *см.* Кришна
Сокрушитель крепостей *см.* Индра
Сома 129
Сомадатта 176, 202, 205, 218
Сомадатты сын *см.* Бхуришравас
Стхану *см.* Шива
Субалы отпрыски (потомки) 197
Субалы сын *см.* Шакуни
Субхадры сын *см.* Абхиманью
Субаху 211
Суварман 168
Судакшина 39, 41, 104, 113, 133, 149, 218, 225,
240, 242, 244, 247
Камбоджийский 39, 41, 113, 126, 242, 244
царь Камбоджи 149, 218, 225, 240
Сударшана 168
Судеб вершитель *см.* Яма
Суйодхана *см.* Дурьодхана
Сулочана 145, 146
Сумитра 41
Сумукха 19, 371
Сунабха 193
Супарна *см.* Гаруда
Супратика 32
Сурья (Солнце) 129, 277
Истребитель тьмы 274
Сутасома 103, 174
Сучару 173,
Сучитра 173
Сушарман 103, 1113, 165, 178, 185, 190, 211, 224,
228, 240, 252—254
властитель Прастхалы 165, 191, 253
Тригарта 191, 253
царь (властитель) тригартов 176, 178, 186,
224, 228, 242, 382
Сушарман (сторонник Пандавов) 258
Сушена 145
сын возницы *см.* Карна
сын дочери царя нагов *см.* Ираван
сын наставника *см.* Ашваттхаман
сын реки *см.* Бхишма
сын царевны сатватов *см.* Абхиманью
Такшака 235
Тарака (демон) 207
Тарака (жена Брихаспати) 182
Тваштар 275
Три шага прошедший *см.* Вишну
тригартов властитель, царь *см.* Сушарман
Тумбуру 19
Тысячеокый *см.* Индра
Увенчанный *см.* Арджуна
Угра 145
Удача (Лакшми, Шри) 73
Улука 104, 160, 173, 236
Ума 19
дочь Химавана 269
Унананда 113, 173, 429
Уттамауджас 38, 43, 48, 217
Уттара 104, 108, 109
сын Вираты 104, 108
Учайхшравас 72
Ушанас (Кавья) 19, 73, 415
Жари *см.* Вишну, Кришна
Жари род 285
Хаха 19
Хидимбы сын *см.* Гхатоткача
Химавана дочь *см.* Ума
Хридики сын *см.* Критаварман
Хуху 19
Царь *см.* Владыка созданий
Царь призраков *см.* Яма
царь птиц *см.* Гаруда
Царь справедливости *см.* Юдхиштхира

- Чармаван** 197
Чаручитра 168, 173
Чеди, чедиев царь, Чедиец *см.* Дхриштгакету
Чекитана 43, 48, 103, 128, 158, 160, 178, 184, 185, 188, 195, 218, 240, 243, 244, 248, 264, 265
 потомок Вришни 184
Читрадаршана 173
Читракету 208
Читрасена 40, 42, 100, 113, 136, 137, 139, 141, 158, 162, 168, 171—173, 177, 185, 187, 188, 190, 202, 228, 242, 244, 248, 250, 251, 253, 258, 263
Читрашва 173
Шакра *см.* Индра
Шакры сын *см.* Арджуна
Шахрадева 119, 120, 123
 сын Калинги 120
Шакуни 24, 37, 39, 45, 104, 113, 115, 127, 158, 160, 180, 185, 196, 197, 210, 213, 217, 218
 сын Субалы 24, 37, 39, 104, 113, 127—129, 148, 158, 167, 168, 179, 196, 197, 210, 213, 225, 230, 240, 254
 царь Гандхары 45, 283
Шала 42, 45, 100, 113, 126, 137, 139, 187, 225, 266
Шалья 39, 40, 94, 97, 107—109, 111—115, 124, 126, 135, 137—141, 145, 149, 156, 158, 166, 176, 187, 190, 202, 206, 207, 214, 217, 218, 225, 227, 230, 250—254, 262, 263
 Аргаяни 115, 141
 владыка (повелитель, царь) мадров 97, 98, 102, 108, 109, 135, 141, 158, 177, 183, 186, 230, 231, 251, 252, 254, 256, 258
Шамбара 221
Шамбху *см.* Шива
Шандили 23
Шанкара *см.* Шива *
Шанкха 102, 109, 179
 сын Вираты 109
Шантану 35, 186, 271, 276
Шантану сын *см.* Бхншма
Шарадвана сын *см.* Крипа
Шатаяика 165, 174, 185, 264
 сын Накулы 174
Шатагоджа 165
Шатаюс 113
Шатрунджая 113, 175
Шатрусаха 175
Шашанка 76
Шеша 154
 Бесконечный (Ананта) 154
Шиби 24
 Сын Ушинары 24
Шибиец 112, 113, 218
 Великий Владыка (Махешвара) 20, 80
 Владыка духов (Бхутешвара) 20
 Владыка тварей 19
 Носитель трезубца 143
 Пашупати 275
 Пинакин 142
 Рудра 19, 143, 144, 225
 Стхану 20
Шамбху 111
Шанкара 29, 72, 143
Шикхандин 33—36, 38, 43, 47, 49, 103, 111, 113, 122, 126, 143, 155, 156, 158, 159, 165, 177, 179, 180, 186, 187, 189, 195, 216—218, 226, 238—242, 244, 260, 261, 263, 265—268
 Панчалыйский 239
 сын Друпады 36, 187, 238, 270
 сын Яджнясены 249
 царевич панчалов 33, 34, 249, 260, 265
Шикхандини 216, 217, 241
Шини внук *см.* Сатьяки
Шини род 129, 133, 134, 144, 246
Шрониман 203
Шрутакарман 104, 174
 сын Сахадевы 104
Шрутакирти 174
Шрутаюджа 218
Шрутаюс 40, 104, 113, 119, 133, 136, 165, 178, 183, 184, 225
 Амбаштха(ка) 211, 212
 повелитель Амбаштки 133, 136
Шрутаюс Калингский 39, 121
 Калинга 41, 118—122
 повелитель (царь) калингов 41, 119, 120, 123, 158
Шука 197
Шурасена 165
Шуры внук *см.* Кришна
Юдхаманью 38, 43, 48, 217, 256
Юдхштхира 9, 42, 43, 46, 47, 49, 93—99, 101,

- 102, 112, 113, 131, 133, 147, 154, 156, 160, 165,
170, 177, 178, 183, 184, 186—191, 199, 202,
210, 218, 225, 226, 230—232 234—238,
240, 248—250, 254—256, 258, 260, 273,
276
- Аджамидха 187
- Аджаташатру 134, 187
- Бхарата 94, 95, 255
- Кауравья 95, 188, 273
- сын Дхармы 128, 129, 178, 183, 184, 188,
192, 195, 235, 237, 258, 273
- сын Кунти 9, 43, 46, 49, 95, 96, 98, 99, 102,
113, 188, 237, 238
- сын Панду 42, 46, 94, 95, 99, 111, 122, 129,
132, 133, 184, 187, 188, 230, 232, 233, 238,
245, 248, 255, 256
- сын Притхи 46, 111
- Царь справедливости 42, 93, 99, 110, 118,
122, 126, 128, 131, 137, 165, 171, 175, 187,
207, 230, 244, 245, 273, 276
- Юодхана 43, 47, 48, 161, 163
- сын Сатъяки 123
- Юютсу Кауравья 99
- Я**дав см. Кришна
- Ядавы, Яду (потомки Яду) 134, 137, 151, 232,
233
- Яджнясена Панчалийский см. Друпата
- Яджнясены сын см. Шикхандин
- Яду потомок см. Кришна
- Яма 17, 72, 76, 110, 120, 122, 145, 146, 166, 173,
175, 181—183, 192—195, 200, 205, 208,
212, 216, 226—228, 235, 238, 240, 250,
264, 268
- Аптака (Бог смерти) 119, 143, 181, 195, 200,
225, 232, 238, 239, 241, 243, 251, 254, 260
- Времени властелин (Калавадвибху) 143
- Носитель петли 235
- Судеб вершитель (Кританга) 143
- сын Вивасвана 170
- Царь призраков (Претараджа) 219, 227,
228, 260
- Яйти 24, 40

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абхирьы 25, 26
Абхисары 26
абхишахи 42, 231, 261, 269
Аванги 25, 438
авангийцы 104, 182, 191
Адидаи 26
Адираштры 25
Адхришья 25
Айравата 20, 23, 371
амбагтхи 42, 45, 133, 136, 261, 269
Амбувахини 25
Анарта-Найрриты 26
Анга, Анги (страна) 25, 26
анги 41, 380
Андхакарака (гора) 31
Андхакарака (страна) 31
андхаки 45, 134
Андхры 25
Антаргирьи 26
Анташила 25
Апаравартаки 26
Апарандхры 25
Аранья 25
Аратта (Пенджаб)
аратты 165
арии 99
Асикни 25
Атреи 26
Аудбхида 31
аупаки 26
ашватаки 113
- Ашмаки 25
- Балираштры 25
Барбары 26
Бахиргирьи 26
Бахлики (страна) 26
бахлики 45, 112, 165, 167, 176, 225, 261
Бахувадьи 26
Бахуда (две) 24, 25
Бетель см. шака
Бахула 25
Биндусарас 20
Бодхи 25
Болота 26
Брахмакулья 25
Брахмамедхья 25
Брахмани 25
Брихадвати 25
Бхагиратхи 20, 265
Бхадрасала 22
Бхадрашва 19, 22
Бхаймаратхи 25
Бхарадваджи 25, 26
Бхарамардини 25
Бхаратаварша см. Индия
Бхаратаварша (варша, страна Бхараты) 19, 24,
27, 32
бхараты 10, 26
Бхаргавы 26
Бхарги 26
Бхимы 25

Бходжи (страна) 25

бходжи 45

Бхуджинги 25

Ваджини 25

Вадхры 26

Вайнанди 25

Вайтарани 25, 136

Вайтарани (миф.) 227

Вакрабхаи 25

Вакры 25

Вамана(ка) 31

Ванавасины 26

Ванарасьи 25

Ванаю 26, 196

Ванги 25

ванги 200, 201

Вандана 24

Вапи 25

Варанаси (река) 25

варвары 99

варша Бхараты см. Бхаратаварша

васати 42, 113, 133, 231, 261, 269

Васвокасара 21

Васту 25

Ватаджама-Ратхораги 26

Ватадханы 25

ватадханы 126

ватсы 112

Вахики 25

Ведасмрити 24

Ведашва 25

Великий Заяц 18, 21

веники 112

Венна 25

Венумандала 31

Ветасини 24

Ветравати (две) 24, 25

Видарбхи Прибрежные 25

видарбхи 113

Видехаки 25

Видехи 26

видехи 261

Виджай 25

Видиша 25

Викальпы 26

викарны 113

викунджи 126

Виндхья 24

Виндхья-пулаки 26

Випапа 24

Випаша 24

Вира 25

Виравати 25

Витаста 24

Вичитра 24

Вишвамित्रа 25

Восточная Абхирама 25

Восточные Бхушики 26

Вритгья 25

Вришабха 25

Вришабхангини 25

вришни, вришнейды 45, 128, 134, 235

Ганга (Бхагиратхи, дочь Бхагиратхи, Стремящаяся к океану) 20, 21, 24, 25, 29, 38, 42, 43, 101, 115, 116, 123, 129, 131, 158, 175, 176, 178, 181, 186, 188, 192, 207, 212, 214, 215, 217, 225, 226, 229, 236—239, 242—245, 247, 254, 255, 259, 260, 265—270, 273, 276, 278

Гангахрада (Лунное озеро) 371

Гандхамадана 19, 20, 150, 201

Гандхара, Гандхары 26, 45

гандхары 45, 113, 128, 158, 197

Гаура (Белая гора) 30

Гаури 25

Гималаи см. Химаван

Гиригхвары 26

Говинда 31

Говинды 25

Годавари 24

Гокарна 21

Гоманда 30

Гомати 24

гопалы 158

Гопараштры 25

Гора Заката (миф.) 125, 190

Гунны 26

Гухьяки 20, 21

Гхритавати 25

Дальние Валлаки 26

Дальние Каши 25

- Дальние Кунти 25
 Дальние Танганы 26
 дальние танганы 112
 дарады 26, 112, 113, 261
 Дарвики 26
 Дарвы 26
 Даршаки 26
 Даси 25
 Дашамалики 26
 Дашапаршвы 26
 Дашарны 25
 дашарны 112, 113
 дашераки 112, 126, 261
 Дающая воду *см.* Малайя
 Двайджен 25
 Девика 24
 джагаттунды 112
 Джаладхара 29
 Джамбу (лес) 20
 Джамбу (река) *см.* Джамбунади
 Джамбудвипа (материк Джамбу, Сударшана)
     9, 18, 19, 22, 28, 29, 31
 Джамбунади (две) 21, 25, 47
 Джангалы 25
 Джатхары 25
 Джьотиратха 25
 Диш 25
 Дравиды 26
 Дришадвати 24
 Дугулы 26
 Дундубхисвану 31
 Дурга 25
 Дургашайла 29
 Дхваджини-утсава-санкеты 26
 Дхритимат 31
 Дхуматъя 25
 Дхутапапа 24
 Дьютиман 31
- Заяц** *см.* Великий Заяц
- Икшувардханика** 30
 Икшумалини 24
 Илаврита 20, 371
 Инд 21, 24
 Индрапрастха 276
 Иравати 24
- Каверака** 30
 Кавери 25
 Кайласа (Хемакута) 14, 19—21, 141, 205
 Какши 25
 Калатояки 25
 Калинга, Калинги 25, 123, 357
 калинги 26, 41, 118—123, 126, 157, 191, 261
 Калкалы 26
 Камбоджа, Камбоджи 149, 218, 225, 240, 247
 камбоджи 26, 104, 165, 191
 Кампала 25
 Кантики 26
 Капила (река) 25
 Капила (страна) 31
 Капинджала 25
 Капуши 25
 Карабханджаки 26
 Карантхи 26
 Каратоя 25
 Каришаки 26
 Каришини 24
 Карники 26
 каруши 107, 119, 126, 136, 215, 231, 260
 Каукуттаки 26
 Каушиджи 25
 Каушики 24, 25
 Качи Дарвы 26
 Кашы 25, 33, 48
 кашийды 107, 126, 231, 260
 Кашы-Кошалы 25
 Кашмиры 26
 кашмиры 26
 Кашьяпадвипа 21
 Кекаи (страна) 25
 кекаи 42, 114, 126, 139, 160, 164—166, 210, 261,
     269
- Кекараки 26
 Кералы 26
 Кесара (Кесари) 29
 Кетумала 19, 20
 Кираты (страна) 26
 кираты 26, 45, 112
 китаavy 42
 Кока 25
 Конканы 26
 Копаны 26
 Косала 191, 258

- косалы 113
 Краунча (Махакраунча, гора) 30, 31, 248
 Краунчадвипа (Краунча) 28, 30
 Кригья 24
 Кришна (Черная гора) 30
 Кришнавена 24
 Куккуши 25
 Кукурангада-Мариши 26
 кукуры 112
 Кулаки 26
 Кулинды 26
 Кулинды Предгорья 26
 Кулуты 26
 Кумара 29
 Кумари 25, 30
 Кумуда 31
 Кумудоттара 29
 Кунаты 26
 Кундала 25
 кундивиши 112
 Кунгалы 25
 кунталы 26, 113
 Кунти 25
 Кунтики 26
 Кураки 26
 куру 9—11, 13, 14, 18, 26
 Курукшетра (Поле Куру) 9, 10, 17, 48
 Куру-Панчалы 25
 Куттапаранты 25
 Кучара 25
 Кушабинду 26
 Кушадвипа 28, 30
 Кушадхара 25
 Кушала (Кушалы) 26, 31
 Кушешая 31
 Кхандава, лес 216
 Кхашики 26
 кшудраки 113, 133, 136
 кшудраки-малавы 191

 ладаки 112
 Лангалы 26
 Лесные Шабары 25
 лесовики (хананы) 126
 Локалока 377
 Лолоддхригакара 25
 Лохатарини 24

 Лохитгья 25
 Лунное озеро (Гангахрада?) 25

 Магадха, Магадхи 25, 26
 магадхи 113, 126, 142, 191
 Маги 30
 мадаки 112
 Мадреи 25
 Мадры 25
 мадры 113, 126, 139, 158, 165
 Мадхуманы 26, 373
 Майнака 20, 31, 104, 108, 202
 Макаравахини 25
 Малаванаки 26
 малавы 42, 113, 133, 136, 191, 231, 261, 269
 Малады 26
 Малайя (Дающая воду) 21, 24, 29
 Малаки 26
 Маллаки 26
 Маллы 25
 Мальяван 19, 21, 22
 Манаварджаки 26
 Манави 25
 Манасы 30
 Мандавахини 25
 Мандага 30
 Мандаги 25, 30, 375
 Мандакини 25
 Мандара 14
 Маниджала 30
 Манимая 20
 Маничака 29
 Манонуга 31
 Мантаки 25
 марадхи 26
 Марубхаумы 25
 материк Джамбу с.м. Джамбудвипа
 Матсьи (страна) 25
 матсьи 42, 45, 114, 119, 123, 126, 136, 158, 164
 Мауки 25
 Махагаури 25
 Махакаша 29
 Махакраунча с.м. Краунча
 Маханади 30
 Махапуман 29
 Махендра (двe) 24, 25
 Махирохи 25

- Махита 25
 Махиуттары 26
 Махишакаршики 25
 Махишаки 26
 Машаки 30, 375
 Мекалы 25
 мекалы 191
 мелаки 113
 Мена 25
 Меры (миф.) 19—22, 29, 72, 107, 143, 172, 173, 179, 182, 245
 Модаки 29
 Могха 25
 Молочное море см. Молочный океан
 Молочный океан (миф.) 23, 28, 30
 Мунидеша 31
 Мушаки 26
- Нагадвипа** 21
 наги 158, 182, 196
 найрриты (племя?) 45
 накулы 112
 Налакалаки 26
 Налини 21
 Нандана 20
 Нармада (Рева) 24
 Нерубленные Сураштры 25
 Нибида 31
 Нила 19—23
 нилаюдхи 126
 Ничира 25
 Нишадха, Нишадхи 19, 21, 22, 26
 Нишады 26
 нишады 112, 119, 261
- огневики (агнивешья)** 112
 Огхавати 25
 океан вина 30
 Орисса
 Оштры 26
- Павитра** 25
 Пайошни 24, 25
 Палана 31
 Палашини 25
 Паллавы 26
 пандьи 112
- Панибхадраки 113
 Панитаки 25
 Пансураштры 25
 Панчала, Панчалы 25, 284
 панчалы 33—35, 107, 109, 114, 117, 122, 123, 126, 130, 135—137, 147, 161, 175, 190, 192, 203, 210, 215, 216, 229, 240, 241, 243, 255, 256, 264, 265, 270, 271
- Папахара 25
 парады 191
 Парасанчараки 26
 Парасики 26
 паратаки 26
 Парватии 26
 Паришена 25
 Париятра 24
 Пастушьи Болота 26
 патаччары 112
 Паттипанджаки 26
 пауравы 112, 126
 Пахлавы (страна) 25
 пахлавы (пехлевийцы) 45
 Пенджаб см. Аратта
 Пинджала 25
 Пиппалавати 25
 Пиччала 25
 пишачи 112, 191
 Поле Куру см. Курукшетра
 прабхадраки 126
 Прабхакара 31
 Правара (река) 25
 Правара(ка) (страна) 31
 Правахи 25
 Правришеи 26
 Пракутсаки 26
 Прамуды 26
 Пратиматсьи 26
 Прахуты 25
 прагьи 112
 Проштхи 26
 Пулинды 26
 пулинды 191
 пундравиши 126
 пундрака 353
 Пундры (две) 26
 пундры 112
 Пурамалини 25

- Пурнаша 25
 пуродаши 112
 Пурухи 25
 Пушкара (гора) 31
 Пушпаван 31
 Пушпавени-Утпалавати 25
 Пятиречье 45, 126
- Раджастан** 371
 Раджики 26
 Раджапур 277
 Райвата 29
 Райватака 29
 Раманака 23
 Рамьяка 371
 Расьякаганы 26
 Ратхакара 31
 Ратхастха 24
 Ратхачитра 25
 Рева с.м. Нармада
 Река третьего неба с.м. Тридива
 Рикшаван 24
 Ришикуля 25
 Романы 26
 Рубленные Сураштры 26
- Саданира 25
 Саданирамайя 25
 Сайрандхры 26
 сакшаддружи 26
 Сама 32, 377
 Саманги 26
 Саманганпанчака 9
 Самудранишкюты 25
 санстханы 112
 Сарала 25
 Сарасвати 21, 24, 25
 Сараю 24
 Сарвасени 26
 Сарсути 281
 саваты 47, 162, 176, 184, 196, 199, 207, 226,
 233, 250
 Сатия 26
 Саубальи 25
 Саувиры 26
 саувиры 42, 45, 114, 136, 158, 165, 231, 261, 269
- Саудбхиды 26
 Саудхи 25
 Сахья 24
 Северные Куру 19, 21, 22
 северяне 231
 Сеистан с.м. Шакадвипа
 Сиддхи 26
 Синдху (Синд, страна) 45, 196
 Синдху (с.м. также Инд) 25
 Синдху-Пулиндаки 25
 Синдху-Саувиры 26
 синдху-саувиры 113, 126
 Сиралы 26
 Сита 21, 30
 Смоковница 18
 Солёный океан 28
 Сомакы 9, 10, 38, 93, 115, 133, 161, 165, 170, 192,
 195, 199, 214—216, 225, 234, 241, 256, 259,
 260, 264, 270
 срединный остров 30
 сринджаи 35, 38, 39, 131, 138, 160, 163, 164,
 166, 188, 189, 192, 195, 199, 210, 216, 235,
 240, 242, 244, 254—256, 264, 265, 270
 стады 26
 Станабалы 26
 станайошники 26
 Станапы 26
 страна Бхараты с.м. Бхаратаварша
 Стремящаяся к океану с.м. Ганга
 Стубаки 26
 Стхулавалука 24
 Сувама 25
 Сувасту 25
 Судаманы 26
 Сударшана с.м. Джамбудвипа
 Судашарны 25
 Судешны 25
 Судошны 26
 Судхама 30
 суккуты 25
 Сукумара 29
 Сукумари 30
 Сукутьи 25
 Сумалики 26
 Сунаса 25
 Супрайога 25

- Сураштра 45
 Сухь 25
 Сучи 25
- тамары 26
 Тамаса 25
 Тамра 25
 Тамралингаки 26
 Танганы 26
 танганы 112
 Таратои 26
 Тилаки 26
 Тираграхи 26
 титтиры (титтирийцы) 112
 тохары 26
 Траса 25
 Трианги 26
 Тригарты (страна) 26
 тригарты 42, 45, 113, 126, 139, 158, 160, 179, 218,
 224, 225, 253, 261, 269
 Тридива (Река третьего неба) 24
 трипурцы 191
 Тунгавена 25
 Тханесар 371
 тьквопийцы (тумбуа) 112
- Уннатъяки 26
 Упаплавья 236
 Упендра 25
 Уткалы 25
 Уттамауджи 25
 ушастики (карнаправарана) 113
 Ушна 31
- Хаймавата 19, 27
 Хайранвата 23
 Хайранвати 23
 Хайраньяка 20
 Хансамарги 26
 Харагири 31
 Хариварша 19, 27
 Харисрава 25
 Хастисома 25
 Хемакута с.м. Кайласа
 Химаван (Гималаи) 14, 18, 21, 33, 269, 275
 Хиранвати 25
- Хиранмая с.м. Хиранван
 Хриши-Видарбхи 26
 хунды 112
- Ч**
 Чандана 25
 Чандрабхага 24
 Чаракша 25
 Чармакхандики 25
 Чарманвати 24
 Чеди 25, 429
 Чеди-Ватсы 25
 чеди(и) 103, 107, 114, 119, 126, 136, 137, 231, 256,
 260, 265
 Черная Венна 25
 чины 26
 Читанг 281
 Читрабарха 25
 Читравати 25
 Читраваха 24
 Читрасена 24, 25
 Читропала 25
 чиччилю 191
 Чолы 26
 чолы 112
 Чулука 25
 чучупы 113, 165
 Чхави 25
- ш**
 шабары 112
 Шайвалы 26
 шака 353
 Шакадвипа (Иран, Сеистан) 28, 30
 Шаки (страна) 25, 26
 шаки (скифы) 45, 126
 Шалмалидвипа (Шалмала) 28, 30
 Шалу 25
 Шальвы (страна) 25
 шальвы 42, 45, 261, 269
 Шанды 25
 шармилы 113
 Шатабала 25
 Шатавари 25
 Шатадру 24
 Шатакумба 24
 Шашиканта 25

- Швета 19—21, 23
Шиби (страна)
шиби 42, 113, 231, 261, 269
Шива 25
Шигхра 25
Шона 25
Шрингаван (Шринга, Шрингин) 19—21, 23
Шрингери 358
Шудры 25
шудры-абхирь 26
Шуктиман 24
Шуктимати 25
- Шурасены (страна) 25
шурасены 42, 112, 114, 126, 231, 261, 269
Шьяма 29
- Экаприштхи 25
- Югандхары 25
южане 191
- яваны 26, 45, 113, 165, 191
Яду 123
Якрилломань 25
Ямуна 24, 42

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ И ТЕРМИНОВ*

- ад 50, 85, 136, 232
акшаухини (полк, армия) 42, 43, 156, 207
амрита 21, 22, 60, 72, 79, 89, 275
Анангавиджая (боевая труба) 49, 113
Ангарака (Жестокая планета, Краснотельный)
13, 103
анджалика 142, 241
анки 101, 105, 121
апсары 19, 20, 22, 152
аратт(ан)ские кони 187, 196
арии 24, 99
армии *см.* акшаухини
Арундхати 12, 367
Асурский (боевой) строй 240
асуры 19, 21, 42, 46, 104, 116, 128, 151—154, 161,
168, 173, 176, 180, 181, 189, 194, 217, 221,
241, 258
ашока 225, 226
- бакула** 29
баньян *см.* ньягродха
безглавые трупы (демоны-кабандхи) 127, 172
бездействие (акарма) 53, 55, 56, 84
беззаконие (неправедность, адхарма) 46, 50, 58
Белая планета *см.* Кету
бессмертные *см.* боги
бесовская (ракшасов) природа 69
бесовский морок (майя) 146, 180, 206
- бесы *см.* ракшасы
Благой (боевой) строй 218
блаженные (садхьи) 19, 154
боги (бессмертные, небожители, Тридцать)
19—24, 29, 31, 35, 42, 43, 46, 47, 51, 56,
70, 71, 72, 74, 75, 77, 86, 93, 103, 104, 111,
116, 117, 128, 137, 143, 150—154, 156, 169,
178, 182, 184, 187, 209, 214, 217, 224, 239,
241, 249, 261, 267, 269, 272, 274
божества деревьев 29
божественная природа 69
божественный (боевой строй) 45
божественное достояние 84
божественные змии 74
Большое песнопение (Брихатсаман) 73, 415
Брахман 22, 55, 56, 59—62, 64, 67, 68, 72, 79—
82, 87, 90, 150, 152, 154
Брахман-Слово (Святое Слово, *см.* также
Веда) 65
брахманский жезл 268
брахманы 14, 30, 47, 53, 61, 71, 87, 90, 96, 150,
151, 153, 154, 162, 250, 257
брахмическое состояние 55
Брахмараши 13
Брихаспати 13
бродящие в ночи *см.* ракшасы
Будха (Гневная, Темная планета) 13, 103, 224,
228

* Развернутое толкование терминов дидактического текста «Песнь Господа» («Бхагавадгита») помещено в соответствующих комментариях (*см.* по предметно-терминологическому указателю).

- Бхагья 13
 бхалла (стрелы) 102, 105, 107, 115, 117, 118, 135, 136, 138, 139, 141, 142, 145, 160, 164, 170, 174, 182, 184, 193, 202, 206, 223, 226, 246, 247, 251, 254, 264, 266—268
 бханди 214
 бхарунда 22
 бытие (существование, бхава) 52, 58, 66—68, 71, 76, 80, 82, 90, 150
 ваджра (см. также гром Индры) 43, 72, 100, 134, 142, 143, 164, 173, 175, 180, 182, 219, 235, 258, 268
 Ваджры (боевой строй) 177
 вайдурья (берилл) 19
 вайшьи 30, 71, 90, 153, 154
 варвары 24, 99
 варна, варны (сословия) 27, 29, 58
 варша 19, 21, 24
 Васиштха 12
 Веда, Веды (Священное откровение, Тройственное знание) 9, 10, 14, 17, 24, 35, 47, 53, 68—70, 72, 77, 80, 83, 84, 87, 150, 152, 153
 Веда Песнопений (Самаведа) 72
 веданги 35
 Великая планета (Раху?) 13
 великие мудрецы (провидцы) 13—15, 31, 47, 71, 72, 75, 269
 великие стихи 14, 18, 79, 150
 вера 31, 57, 64—66, 70, 78, 85—87, 90, 91, 167
 вестники Ямы (Смерти) 268
 Ветер 19, 189, 235, 252
 Вишакха 13
 Вишведевы 75
 возлияние предкам (свадха) 70, 412
 вознесенное, вознесшийся (кутаста) 63, 78, 84
 волшба, волшебство см. майя
 волшебная королева (исполняющая желания) 26, 56, 72
 воплощенный 51, 52, 54, 57, 61, 67, 81, 82, 86, 151, 154
 восприятие (осмысление, четана) 72, 79, 89
 врачи 273
 Время (кала, см. также Смерть) 11, 14, 24, 144, 145, 188
 Всевышний Дух (параматман) 63, 80, 81, 83, 84
 вселенский образ (вишварупа) 74, 77, 150
 Всепроникающий 61
 Высшее 54, 56, 61, 81
 Высший Дух (Превыше Себя, адхьятма) 57, 67, 68, 73, 79
 Гандива (лук) 47, 50, 93, 101, 107, 135, 136, 138, 156, 158, 172, 186, 249, 262, 267, 272, 274
 гандхарвский (боевой строй) 45
 гандхарвы 19, 21, 29, 31, 42, 45, 72, 75, 93, 112, 116, 128, 151, 152, 178, 182, 184, 209, 215, 216, 226
 Гаруды (боевой) строй 125
 гаятри (размер) 73
 гимн (рич) 70, 154
 Гневная планета (Будха?) 13
 град гандхарвов (мираж) 112, 226
 гром Индры (см. также ваджра) 143, 144, 147
 гухьяки 20, 21
 дайтьи 19, 152, 236
 данавы (исполины) 128, 152, 206, 236, 268
 даianie (дары, щедрость) 26, 56, 69, 77, 86—88, 90, 95, 96, 151, 153, 216, 250, 270, 277
 дваждырожденные 48, 86, 96, 179, 190
 двандва (граматич.) 72
 двойственность (двандва, двайдха) 59, 62, 67, 83
 Двапара (юга) 27, 153
 Девадатта (боевая труба) 10, 49, 113
 девятивратный град 61
 действующие причины (карана) 88
 демонская (асуров) природа 89
 демонский (боевой строй) 45
 демонское достояние 84
 демоны см. также асуры 35, 45, 72, 75, 168, 169, 182, 183, 207, 224
 День Брахмы 68
 деяние (карма) 53—63, 67, 69, 70, 77, 78, 80—83, 85, 87—91, 150, 398, 399, 401—404, 412, 413, 418, 420
 деятель (картар) 23, 88, 89
 джамбу древо (Сударшана) 22
 джамбунада 22
 Джьештха 13
 долг (дхарма) 14, 20, 30, 35, 46, 51—53, 57, 84, 87, 89, 90, 235

- Дух (свой, сокровенный, Атман, см. также Себя) 56, 61—64, 69, 72, 80, 149, 153, 155
 Дух (пуруша) 67
 духи 20, 23, 70, 86, 136, 154, 190, 262, 274
 духовное существо (живая душа, дживабхута) 65, 83
 Душа (Атман) 61—63, 81, 89, 150
 душа (манас, см. также мысль, сознание) 50, 54, 61—63, 72, 83, 85, 89
 дхарма (Закон, см. также долг, праведность) 14, 15, 30, 36, 40, 48, 50, 69, 70, 74, 82, 91, 116, 150, 153, 237, 261, 272, 273
 Дхрува 13
 дыхание 59, 150, 153
 дыхания сдерживание (пранаяма) 59
 естество (дух, свабхава) 50, 51, 90, 91, 151
 жезл 31, 73, 119, 125, 143, 181, 213, 215, 225
 Жезл Смерти, Ямы (Каладанда) 101, 102, 117, 143, 144, 164, 175, 187, 188, 205, 219, 222, 231, 246, 259
 желание (кама) 20, 53—59, 62—64, 66, 70, 72, 79, 83, 85—87, 89, 90, 150, 153
 жертва, жертвоприношение 56, 58—60, 62, 66, 67, 69, 70, 72, 77, 84—88
 жертвенное речение (яджус) 70, 72
 жертвоприношение знания (джнянаджня) 60, 70, 91
 жертвоприношение коня 47
 Жестокая планета (Ангарака) 13
 живая душа см. духовное существо
 жизненные силы (праны) 59, 68, 89, 152
 заблуждение (моха, саммоха) 46, 54, 57, 60, 67, 68, 73, 81—83, 85, 88, 89, 91, 154, 276
 Завершение Вед (Веданга) 83
 завод (янтра) 91
 Закон см. дхарма
 законы рода 14, 50
 Заревая каравайка (боевой строй) 111, 112, 165
 змии (сарпы) 21, 72, 128, 140, 151, 174, 178—180, 191, 196, 198, 201, 221, 241
 знание (джняна) 55, 57—61, 63, 65, 66, 69—71, 73, 78—84, 88, 90, 91, 148
 знамя Индры 269
 Изначальный Бог (адидева) 76, 134, 153, 417
 исполины см. данавы
 истовость (саттва) 53, 66, 73, 81, 82, 84—86, 88, 153
 истовый 73, 86—89
 йога (см. также сопряжение, учение) 38, 61, 63—65, 69, 71, 72, 74, 77, 78, 92, 151, 153, 154
 йога деяния (кармайога) 80
 йога рассуждения (санкхьяйога) 80, 154
 йогин 78
 йоджана 9, 19, 22, 28, 29, 32
 Кали-йога (Пушья) 27, 153
 камбоджийские кони 158, 196
 кампаны 127, 166, 213, 265
 карникара 19, 107, 256
 карттика 12, 367
 каста 50, 275
 кауравы (сторонники Кауравов) 165, 166, 181, 195, 206, 210, 263, 275
 Каустубха 152
 качества (нити-качества, свойства, гуны) 53, 55, 57, 58, 66, 80—83, 88—90
 Кету (Белая планета) 13, 179
 кишлука 101, 106, 116, 118, 222, 245
 Книга о старании (Удьогапарва) 217
 ковидара 122
 колдовство см. майя
 кончина мира (см. также Ночь светопрестваления, растворение) 34, 120, 220, 228, 234
 косность (тамас, см. также тьма) 66, 81, 82, 85, 153
 косный 82, 86—89
 кракачи 93, 100, 218
 Краснотелый см. Ангарака
 Крита-йога 27
 Криттики 13
 кровопуски 166
 Круга (боевой) строй 177
 куша 30, 63
 кшатра 115
 кшатрий, кшатрия 12, 24, 26, 27, 30, 34, 36, 40, 45, 52, 90, 94, 106, 110, 122, 128, 129, 133, 153, 154, 157, 167, 189, 195, 210, 217, 219, 220, 224, 227, 231, 239, 241, 243, 259, 261, 263, 271, 272, 274, 278
 кшатрийский долг (дхарма) 37, 201, 224, 232, 239, 250, 273, 278

- кшура 142
кшурапра 142, 145, 146, 252, 257
- лишенный свойств (ниргуна) 80, 81
луна (астроном.) 12, 13, 19, 22, 23, 28, 32, 28, 39, 43—45, 66, 68, 74, 83, 129, 150, 203, 245, 249, 256, 274
людской (боевой строй) 45
- магадхи (сказители) 215
Маги 30
магха (месяц) 268
Магха (созвездие) 13, 39
майя (иллюзия, колдовство, чары) 58, 66, 91, 131, 146, 198, 199, 222
макары 35, 39, 73, 208, 230, 242
Макары (боевой) строй 155, 156, 165, 175
Манасы 30
Мандаги 30
Манипушпака (боевая труба) 49, 113
мантра (святое слово, священное речение),
мантры 12, 47, 70, 86, 138
маргаширша 73
Машаки 30
мир богов 23, 196
мир Брахмы 20, 22, 39, 68, 256, 263
мир Индры 70, 196
мировые слоны 32, 146
морские исполины (ядас) 72
мриданги 100
Мудрец (кави) 73
мудрость (буддхи, см. также разум) 53—55, 65, 66, 71, 73, 91
Муж (см. также Дух, пуруша) 67, 76, 80, 83, 155
мунджа 39
мысль (манас, см. также сознание, душа) 50, 53—57, 59, 61—65, 67, 68, 71, 78, 86, 88—91, 150, 153, 154
- найрриты (род демонов) 45
наги 21, 72, 198, 229
накшатра 13
небожители 46, 75
небытие (несуществование, абхава) 52, 71, 76
неведение (незнание, аджняна) 60, 61, 79, 81, 82, 85, 91
- невреждение (ахинса) 79, 86
недеяние см. бездействие
неправедность см. беззаконие
непреходящее (акшара) 56, 69, 73, 74, 82, 84, 88, 151—154
непривязанность (асакти) 79, 83
непривязанный 55, 56, 80
непроявленное (авьякта) 68, 77—79, 152, 154
непроявленный 52, 69, 150
несопряженный 55, 61
Не-сущее 52, 70
несуществование см. небытие
ниватакавачи (демоны) 216
нити-качества см. качества
новое рождение (пунарджанма) 53, 58, 68
Ночь Брахмы 68
Ночь светопреставления 229
- обитель (владения, обиталище, царство) Ямы (Смерти) 17, 122, 145, 146, 166, 173, 175, 181—183, 192—195, 208, 212, 216, 226—228, 240, 264
Огонь Времени (в конце юги, всеуничтожающий, кончины мира, Свертывающий) 22, 75, 134, 201, 221
огонь всеобщий (вайшванара) 83
Озаренный см. Мудрец
Ом (см. также священный слог) 68, 70, 87
Он (Атман) 57
Определение (нияма) 153
органы чувств 55
Орла (боевой) строй 155
оружие Варуны 187, 275
оружие Ветра 224, 225
оружие грома (см. также ваджра) 131, 158, 163, 164, 173, 193, 201, 209, 261, 266, 268
Оружие грома (боевой строй) 44
оружие Индры (перун Шакры — ваджра) 117, 200, 201, 204, 206, 209, 223, 241
оружие Индры (радуга) 111, 135, 136, 163, 178, 180
оружие Камня 225
оружие Парджаньи 274, 275
осмысление см. восприятие
осознание (бхавана) 55
Острие иглы (боевой строй) 42, 170
отвергший (тьягин) 88

- отвержение (тъяга) 87, 88
откровение *см.* Веды
отрешение (санньяса) 54, 60—62, 70, 79, 87, 90, 216
отрешенный (санньясин) 54, 55, 58, 62, 80, 88, 153
отверженные души *см.* призраки
- павлин 12, 368
память (смрити) 54, 73, 83
пандавы, панду (сторонники Пандавов) 35, 38, 39, 48, 99—101, 105, 106, 109, 111, 113, 114, 122, 123, 127, 147, 157, 160, 163, 165, 166, 172, 179, 182, 185, 190—193, 195, 196, 208, 209, 211—213, 217, 218, 227—229, 231, 234, 240, 241, 243, 255, 257, 261, 263, 265, 268, 270—274
пандит (мудрец) 51, 59
Панчаджанья (боевая труба) 10, 49, 113, 135, 158, 249
Паундра (боевая труба) 49, 113
певцы 45, 190
Первозданный Лотос 134
перун Шакры *см.* оружие Индры
песнопение (саман) 70, 73
писание *см.* учения
Пинака (лук) 142
питары *см.* предки
Пишачей (боевой) строй 240
пишачи 128, 151, 190
плата жрецу (дакшина) 86
подвижники 21, 22, 26, 27, 62, 65, 66, 68
подвижничество (тапас) 9, 19, 36, 59, 62, 66, 70, 71, 77, 84, 86—88, 90, 110, 150, 153—155, 250
Подножье Скамьи 13
познание (виджняна) 57, 59, 63, 65, 69, 76, 79, 90
поле (кшетра) 79—81
поле познавший (кшетраджня) 79—81
полумесяцем (боевой) строй 126
польза (артха) 20, 26, 30, 66, 89
понимание (праджня) 54, 55
Поучение о Брахмане (Брахмасутра) 79
праведность (*см.* также дхарма) 53, 58, 150, 153
Превыше божеств (адхидайва) 67
Превыше жертв (над жертвами, адхияджня) 67
Превыше Себя *см.* Высший Дух
Превыше существ (адхибхута) 67
преданность (бхакти) 68—70, 77—80, 82, 90, 91, 151
преданный почитатель (бхакт) 58, 78—80, 91
предки (питары) 21, 32, 40, 50, 70, 72, 185, 270
предметы (объекты) чувств 59, 61, 62, 79, 83, 89
предписания (видхи) 70, 85, 135, 272, 275
привязанность (санга) 53, 54, 56, 59, 61, 77, 78, 80, 83, 88, 89
призраки (прета) 84, 105, 227
приношения предкам (пинда) 50
природа (праkritи) 55, 57, 58, 65—67, 69, 71, 80, 81, 83, 86, 88, 90, 91, 153, 154
провидец, провидцы (риши) 18, 29, 36, 46, 72, 74, 116, 150—155, 167, 182, 184, 193, 267, 270, 271, 275
проявления (силы, вибхути) Духа 72, 73
Пушья 13
Пушья-юга *см.* Кали-юга
пьющие пар 75
Пятно на луне *см.* Заяц на луне
- разум, разумение (буддхи, *см.* также мудрость) 53—55, 57, 58, 61—65, 67, 78, 79, 88—90
Ракшасов (боевой) строй 240
ракшасы (бродящие в ночи) 13, 19—21, 72, 86, 181
рассуждение (санкхья) 53, 61, 80, 88
рассчитывающие, рассуждающие 55, 61
растворение (светопреставление, пралая, *см.* также Ночь светопреставления, кончина мира) 65, 70, 81, 82, 85
Раху (Великая планета? Сварбхану) 13, 32, 223
реальгар 39
Ревати 29
Рогатины (боевой) строй 191
Рохини 12
- Садхьи 75
самость (самосознание, себялюбие, аханкара) 57, 65, 79, 85, 86, 88, 90, 91
самосушая (своя) природа (свабхава) 61, 67, 90, 150
самоуглубление *см.* созерцание

- Сварбхану см. Раху
 Свати 13
 сваямвара 204
 светопреставление см. растворение
 свойства см. качества
 Святое Слово см. Брахман-Слово
 святое слово, священное речение см. мантра
 священный слог (ом, пранава) 66, 72
 Себя (Дух, Атман) 56, 57, 61—64, 67, 79, 80, 83
 Себя Высшего см. Высший Дух
 себялюбие см. самость
 северный путь солнца (утгарайна) 68, 244, 270
 Семеро мудрецов (провидцев) 13, 19
 сказители 45
 смертный круговорот (сансара) 69, 78
 смерть 52, 57, 70, 73
 смешение сословий 50, 56
 смоковница (ашваттха) 72, 83
 совершенство (сиддхи) 55, 56, 60, 64, 65, 68, 78, 81, 85, 90, 150
 совершенные (существа) 19, 22, 28, 29, 31, 72, 75, 76, 93, 104, 271
 Создатель Дня 23
 созерцание, самоуглубление (дхьяна) 78, 80, 90
 сознание (манас, см. также мысль, душа) 54, 57, 61, 63, 65, 67, 68, 72, 78, 83
 солнце (астроном.) 9—15, 19, 22, 23, 28, 32—34, 36, 39, 44, 125, 189, 190, 220, 249, 273, 274
 сома 70, 83
 сопряжение, сопряженность (йога) 53—55, 59—71, 78, 79, 84, 89—91, 151
 сопряжение деяния (кармайога) 55, 60
 сопряжение знания (джнянайога) 55
 сопряжение мудрости (буддхийога) 53, 54, 91
 сопряжение преданности (бхактийога) 82
 сопряженный 54, 55, 57, 59, 61—71, 78, 83, 86
 сословия см. варны
 сосредоточение (самадхи) 53, 54, 68
 стократная молния 266
 страна Вайшраваны (Север) 273
 странники небес 19, 22, 28, 29, 31, 93, 104, 116, 271
 страстность (раджас) 57, 66, 81, 82, 85
 страстный 82, 86—89
 Сугшоа (боевая труба) 49, 113
 Сударшана (боевой диск) 134
 сумерки (космические) 153, 434
 супарны (солнечные птицы) 12, 16, 196, 199
 Судее 52, 70, 87
 существование см. бытие
 счастливый завиток (шриватса) 152
 Сын Солнца см. Шанайшчара
 тала 109, 203
 творение (сарга) 61, 67, 81, 84, 150
 телчьи зубы (стрелы) 241, 265, 268
 Темная планета см. Будха
 титтирийские кони 196
 томары 166, 250, 265, 268
 Трета-юга 27
 третье небо 24, 177
 три мира 12, 20, 21, 46, 50, 56, 75, 76, 84, 134, 149, 153, 154, 184, 206, 233
 Тридцать см. боги
 тройственное знание см. Веды
 тьма (тамас, см. также косность) 67, 71, 80, 85, 152, 153
 угасание (упокоение, нирвана) 55, 62, 63
 упражнение (усердие, абхьяса) 64, 67, 78, 86, 89
 уравновешенность (саматва, самья) 53, 64
 учение (йога) 58, 84, 88
 учения (писание, шастры) 85, 86
 хатское золото 47
 хранители мира (локапалы) 167
 царственные мудрецы (провидцы) 21, 58, 71
 чакравака 22
 чары см. майя
 Черное Манго 22
 Читра 13
 чтение (благочестивое, свадхья) 59, 84, 86
 чувства (индрия, см. также органы чувств) 51, 54, 55, 57, 59—64, 71, 72, 79, 80, 83, 87, 89
 шака (древо) 21
 шалмали 30

- Шанайшчара (Сын Солнца, Шани) 12, 13, 228
Шани см. Шанайшчара
Шарнга (лук) 134
шаstra 46
Шравана 13
Шукра 13, 103, 224
шудры 26, 30, 71, 90, 153, 154
эра (кальпа) 69, 150
юга 21, 27, 39, 68, 127, 143, 144, 153, 156, 169,
176, 184
южный путь солнца (дакшинаяна) 68, 269, 270
ядра (шатагхни) 212, 265
якши 23, 72, 75, 86, 151

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
----------------------	---

Бхишмапарва

Перевод В.Г. Эрмана

Протяжение материка Джамбу (гл. 1—11)	9
Земля (гл. 12—13)	28
Песнь Господа (гл. 14—40)	33
Убиение Бхишмы (гл. 41—117)	93

Приложения

<i>В.Г. Эрман. Книга о Бхишме как сюжетное ядро «Махабхараты»</i>	281
<i>С.Д. Серебряный. Многозначные откровения «Бхагавадгиты»</i>	291
<i>Комментарии. Составил В.Г. Эрман</i>	336
<i>Литература</i>	422
<i>Словарь эпических и мифологических имен</i>	430
<i>Словарь географических и этнических названий</i>	440
<i>Указатель имен эпических и мифологических персонажей</i>	450
<i>Указатель географических и этнических названий</i>	463
<i>Указатель предметов и терминов</i>	471

Махабхарата. Книга шестая: Бхишмапарва / Пер. с санскр., предисл., статья и коммент. В.Г. Эрмана. М.: Ладомир, 2009. — 480 с.: ил. («Литературные памятники»)

ISBN 978-5-86218-402-0

«Бхишмапарва» — шестая книга «Махабхараты». С нее начинается описание великой битвы на Курукшетре, составляющее центральную часть древнего героического эпоса, своего рода индийской «Илиады». В состав «Бхишмапарвы» входит знаменитая религиозно-философская поэма «Бхагавадгита», или «Песнь Господа», — самый значительный из дидактических текстов «Махабхараты», считающийся концептуальным стержнем этой грандиозной эпопеи. Поэма, построенная как поучение, обращенное Кришной, богом в человеческом образе, к другу, одному из героев битвы, относится к наиболее почитаемым священным книгам индуизма, и ее содержание на протяжении веков оказывает огромное влияние на духовную жизнь Индии.

Существенное воздействие идейного содержания «Бхагавадгиты» распространяется и за пределы страны, ей посвящена обширная исследовательская литература. Существуют многочисленные переводы этого произведения на различные языки мира.

Предлагаемый первый полный перевод санскритского оригинала «Бхишмапарвы» на русский язык сопровождается самым подробным комментарием, отражающим в том числе историю изучения и толкования «Бхагавадгиты», включая результаты исследований последнего времени.

Научное издание

Махабхарата

КНИГА ШЕСТАЯ

БХИШМАПАРВА,

ИЛИ

КНИГА О БХИШМЕ

Утверждено к печати Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»

Редактор

И.А. Тулина

Корректор

Н.М. Соколова

Компьютерная верстка

Л.И. Багма, И.В. Севергиной

Е.А. Степанчиковой

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.

Сдано в набор 10.09.2007. Подписано в печать 15.08.2008.

Формат 70x90¹/₁₆. Гарнитура «Кириллик академия».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 30. Тираж 2000. Зак. № К-8256.

Научно-издательский центр «Ладомир»

124681, Москва, ул. Заводская, д. 6-а

Московский тел. склада (не сотовый): 8-499-729-96-70

E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано

ГУП «ИПК «Чувашия»

428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13

ISBN 586218402-3

9 785862 184020